

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

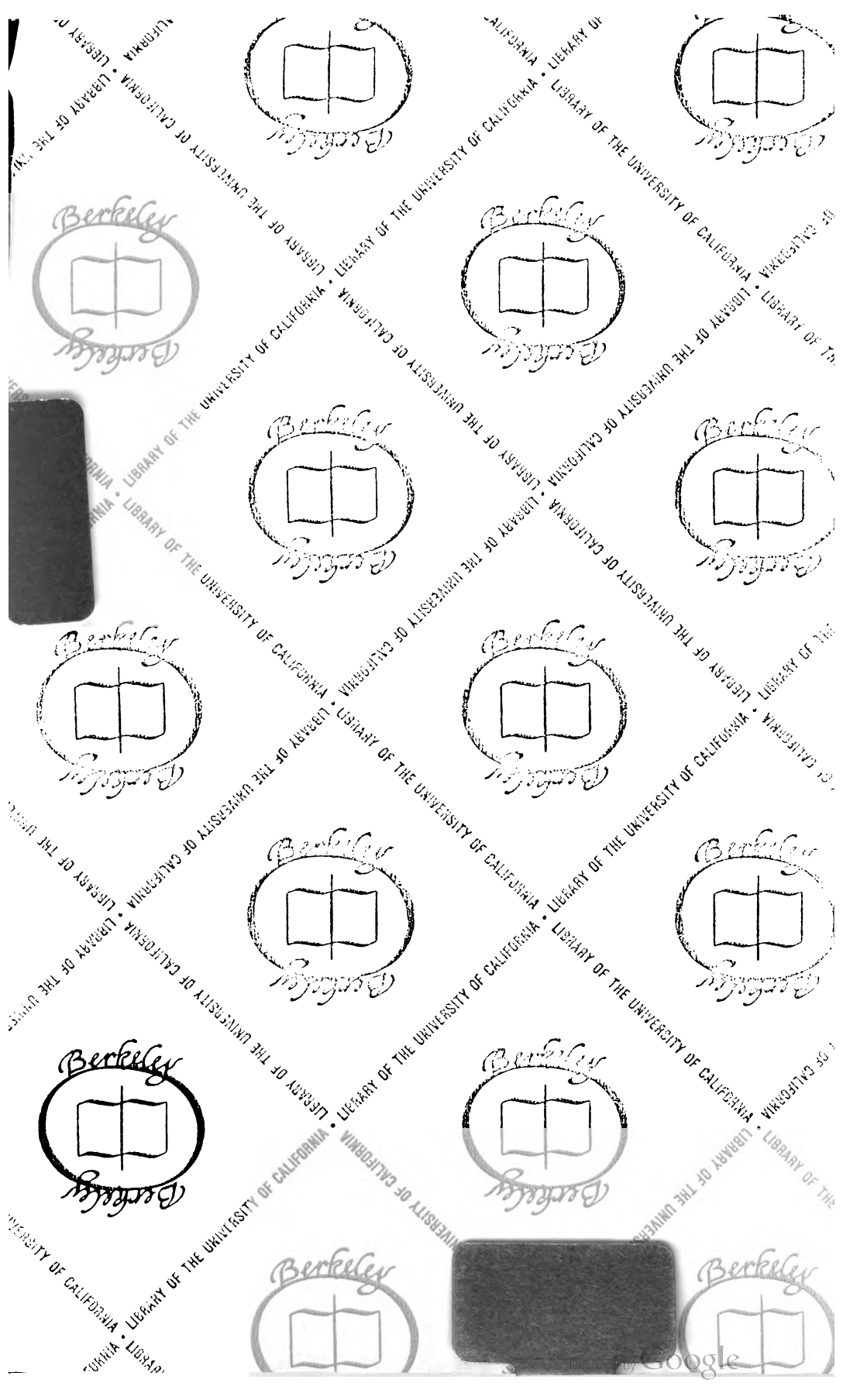
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

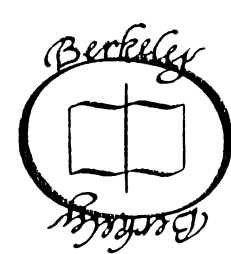
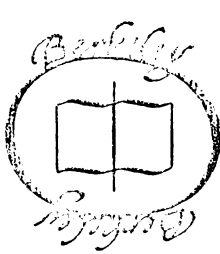
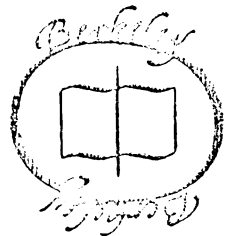
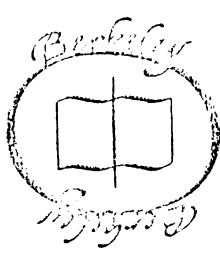
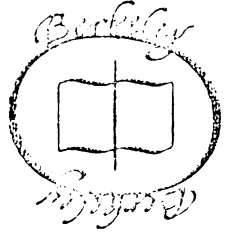
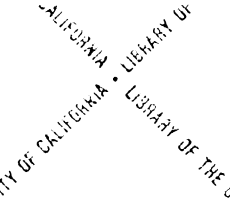
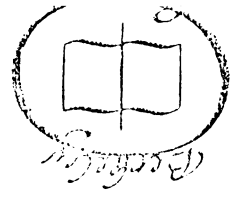
UC-NRLF

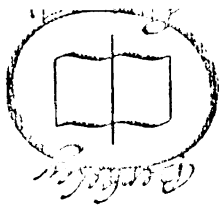
B 3 543 885

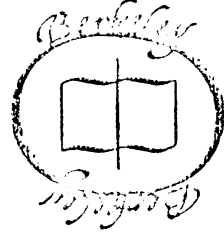
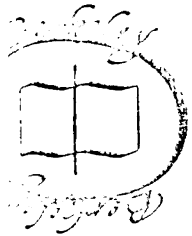
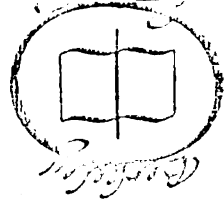
UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

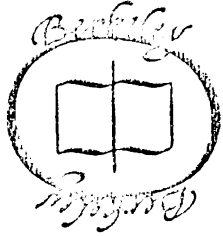
CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

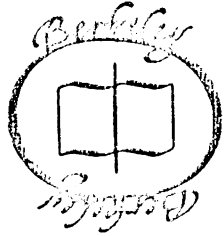
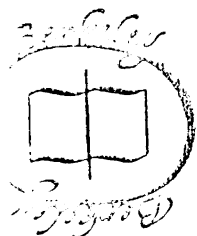
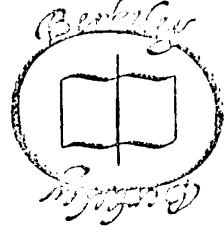
CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

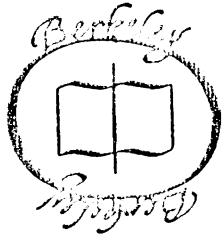
CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

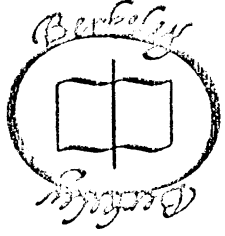
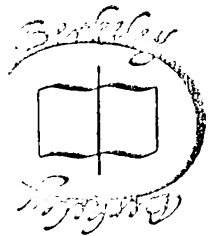
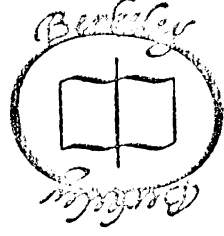
CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

CALIFORNIA LIBRARY OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA

32

0-230

Образование

ОБРАЗОВАНИЕ

XIV

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

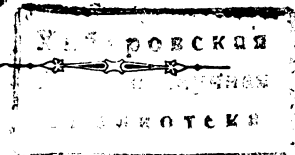
№ 9.

СЕНТЯБРЬ.

1898.

567162

LIBRARY
MAY 11 1982
UNIVERSITY OF CALIFORNIA
BERKELEY

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Сентября 1898 г.

Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова.

ВВЕДЕНІЕ.

Выработать правильныя основы развитія гуманной и разумной человѣческой личности, опредѣлить значеніе всѣхъ условій, окружающихъ человѣка съ колыбели, оцѣнить строго и безпристрастно вліяніе каждаго отдѣльнаго фактора въ дѣлѣ воспитанія—вотъ задача, представляющая не только серьезный интересъ, но и высокую цѣну для всего человѣчества, такъ какъ въ умѣннѣйшемъ образѣ развитъ всѣ способности человѣка—высшая гарантія будущаго прогресса народовъ. Обществу приходится, поэтому, прислушиваться къ каждому разумному слову, улавливать каждую почти случайно брошенную мысль, тщательно собирать всѣ отрывочныя взгляды гуманныхъ, серьезныхъ мыслителей. И тѣмъ обиднѣе становится, когда случается найти гдѣ-нибудь въ прошломъ богатый и цѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ, который почему-то остался сначала словно незамѣченнымъ, а потомъ просто забытымъ. Такимъ цѣннымъ матеріаломъ являются мысли о воспитаніи нашего талантливаго критика Н. А. Добролюбова. Въ этомъ вопросѣ, еще болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, отразилась его въ высшей степени гуманная личность, его послѣдовательныя, сознательныя взгляды на идеалъ человѣка.

Русской читающей публикѣ Добролюбовъ мало знакомъ или, лучше сказать, совсѣмъ почти неизвѣстенъ, какъ педагогъ: яркость-ли его таланта, какъ критика, заслонившая собою это побочное проявленіе его литературной дѣятельности, вообще ли недостаточное вниманіе публики къ вопросамъ педагогики, неумѣнье ли по достоинству оцѣнить всю глубину, гуманность и разумность педагогическихъ принциповъ Добролюбова, или какія-нибудь иныя причины вызвали такое чисто случайное явленіе, но только до сихъ поръ почему-то имя Добролюбова слишкомъ мало связано въ сознаніи общества съ вопросами воспитанія и образованія. Положимъ, дѣйствительно, педагогическія взгляды Добролюбова не сведены имъ въ какую-нибудь систему; всѣ они были высказываемы по частямъ, въ разное время, почти случайно; однако, про-

слѣдивъ внимательно, до мелочей, за всѣми учебно-воспитательными идеями Добролюбова, разбросанными по разнымъ его статьямъ, мы получаемъ не только весьма полную, яркую и широкую картину его убѣжденій въ области педагогическѣи, но цѣльную, строгую и разумную систему воспитанія, находящуюся въ полномъ соотвѣтствіи съ взглядами наиболѣе извѣстныхъ педагоговъ даже самаго послѣдняго времени. Не задаваясь цѣлью строить законченную систему воспитанія, Добролюбовъ далеко не одинаково разрабатывалъ матеріалъ, касающійся этого вопроса; тѣмъ интереснѣе возсоздать этотъ матеріалъ въ цѣльномъ видѣ, привести его въ стройный систематическій порядокъ. Воспроизведеніе взглядовъ Добролюбова имѣеть, слѣдовательно, двойкій смыслъ: съ одной стороны, смыслъ чисто историческій,—желаніе отдать должную дань человѣку, высказавшему 40 лѣтъ тому назадъ такія разумныя идеи, которыя и до сихъ поръ еще многими не усвоены; съ другой стороны, смыслъ болѣе близкій большинству читателей,—желаніе построить до нѣкоторой степени опредѣленную систему воспитанія, основываясь на взглядахъ Добролюбова, на его завѣтахъ лицамъ, принимающимъ на себя великое и отвѣтственное дѣло—нравственнаго и умственнаго развитія послѣдующихъ поколѣній.

Поставивъ себѣ задачей воспроизвести взгляды Добролюбова на цѣли воспитанія, мы въ послѣдующемъ изложеніи сопоставляемъ его мнѣнія съ взглядами другихъ педагоговъ и лицъ, причастныхъ къ педагогической литературѣ,—съ одной стороны, для большей цѣльности и полноты очерка его воспитательныхъ идей, съ другой же стороны, изъ желанія уяснить и подтвердить словами признанныхъ авторитетовъ всю глубину и разумность убѣжденій Добролюбова въ дѣлѣ воспитанія.

Вотъ тѣ условія и задачи, съ которыми приступаемъ мы къ возсозданію воспитательныхъ идей нашего симпатичнаго и гуманнаго критика въ одну общую систематическую картину.

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на развитіе характера.

Два фактора этого развитія: 1) органическія особенности человѣка; 2) вліяніе среды, общества, условій окружающей жизни.

Основной взглядъ Добролюбова на развитіе и образованіе человѣческой личности тотъ, что человѣкъ формируется окружающими условіями, средой, т. е., что человѣкъ—продуктъ общества. Прирожденныхъ душевныхъ свойствъ за человѣкомъ Добролюбовъ не признаеть; наслѣдственно могутъ передаваться только нѣкоторыя органическія особенности въ строеніи тѣла и темпераментъ, зависящій отъ устройства артерій и потому являющійся тоже чисто

физиологической особенностью *); въ самой же природѣ человѣка не преобладаютъ ни добрыя, ни злыя начала. Таково основное мнѣніе Добролюбова и, если въ своей статьѣ «О значеніи авторитета въ воспитаніи» онъ и высказывается за преобладаніе въ дѣтяхъ добрыхъ склонностей, то это лишь невольное увлеченіе, вызванное горячей защитой дѣтской природы отъ возводимыхъ на нее напраслинь.

Добролюбовъ самъ затѣмъ опровергаетъ эту невольную крайность всеми своими послѣдующими взглядами, высказанными по вопросу о воспитаніи. Мнѣніе о преобладаніи въ дѣтяхъ добрыхъ началъ несомнѣнно такъ же ошибочно и односторонне, какъ и убѣжденіе Спенсера, будто въ дѣтской природѣ преобладаютъ злыя, эгоистическія склонности, которыя пропадаютъ только вмѣстѣ съ образованіемъ ея культурныхъ сторонъ.

Гораздо болѣе обоснованъ взглядъ Ушинскаго, считающаго, что по существу дѣти ни добры, ни злы, что добро и зло понятія отвлеченныя, и до нихъ ребенокъ доходитъ только путемъ опыта и разсужденій. Разъ у ребенка нѣтъ еще понятія о томъ, что такое добро и что такое зло, откуда же можетъ явиться у него наклонность къ добру или злу?

Добролюбовъ, придерживаясь въ основѣ такихъ же взглядовъ на природу человѣка, ставитъ преобладаніе въ характерѣ ребенка дурныхъ или хорошихъ склонностей въ зависимость отъ тѣхъ впечатлѣній, которыя приходится ему воспринимать и усваивать отъ самой колыбели. Среда, обстановка, весь окружающій ребенка міръ, изъ котораго онъ почерпаетъ матеріалъ своихъ впечатлѣній—вотъ главные факторы, создающіе то или иное направленіе его характера.

Прослѣдимъ вмѣстѣ съ Добролюбовымъ, какъ отзывался строй современной ему жизни на образованіи характеровъ.

Гнетъ самодурства, мракъ окружающаго невѣжества, какъ это обрисовано въ статьѣ Добролюбова «Темное Царство», вырабатываетъ два типа: самодуровъ и рабски забытыхъ людей. Даже на натуры болѣе мягкія и по своему симпатичныя (каковъ, наприм., Русаковъ въ комедіи «Не въ свои сани не садись»), растлѣвающее вліяніе произвола и самодурства наложило свою безотрадную печать, толкая ихъ подчасъ на грубыя и безобразныя выходки.

Не менѣе пагубно отзывалось на дѣтяхъ и привилегированное положеніе дворянъ временъ крѣпостного права. Въ обществѣ, окружавшемъ большинство дворянскихъ дѣтей, царилъ безсодержательность, пустота, отсутствіе высшихъ интересовъ, праздность, привычка властвовать, повелѣвать надъ толпой покорныхъ, безглазыхъ существъ.

Откуда могло явиться у ребенка сознаніе законности, права, уваженіе къ личности другого, если кругомъ то и дѣло попирали человеческое достоинство подвластныхъ существъ, не основываясь

*) Лесгафтъ «Семейное воспитаніе ребенка».

ни на какихъ правахъ, кромѣ личнаго произвола? Немудрено, если при такихъ условіяхъ развивались въ дѣтяхъ деспотическія наклонности, и вотъ, почему во времена крѣпостнаго права такъ часто встрѣчались характеры деспотовъ-самодуровъ. Въ произволѣ и неумѣннѣ уважать въ другомъ человѣческую личность сходились люди самне разные по характеру, но выросшіе при одинаковыхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ.

Крѣпостное право отжило свой вѣкъ, слѣдовательно, и условія, порождающія подобные характеры, исчезли, и можетъ казаться излишнимъ останавливаться на нихъ, но, при современныхъ взглядахъ на прислугу, дѣти въ сущности оказываются въ такомъ же ненормальномъ положеніи, какъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ, среди условій крѣпостнаго права, и на этотъ фактъ нельзя не обратить вниманія родителей, желающихъ воспитать въ своихъ дѣтяхъ не деспотическія наклонности, а гуманныя понятія.

На образованіе характера дѣтей влияетъ не только обстановка; близко соприкасающаяся съ ребенкомъ, но и вся современная общественная атмосфера, духъ времени, строй государства.

«На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія», говоритъ Добролюбовъ, «но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая мирныя наклонности, иная раздражаетъ, другая убажкиваетъ». (томъ III, стр. 278, изданіе 1885 г.).

Данный общественный строй, государственныя учрежденія, преобладаніе тѣхъ или иныхъ общественныхъ теченій—отзывается даже на самомъ строѣ семейной жизни, а, слѣдовательно, и на дѣтяхъ *).

Замѣчено вообще, что событія современной жизни отражаются даже въ играхъ дѣтей: такъ, во время войнъ въ дѣтскихъ играхъ преобладаютъ сраженія, походы и т. п.

Но если состояніе современной атмосферы и условія домашней жизни даютъ то или другое направленіе характеру, отчего же дѣти, выросшія при одинаковыхъ условіяхъ, такъ часто оказываются совершенно не похожими другъ на друга?

На это есть двѣ причины. Во первыхъ, трудно предположить, чтобы два ребенка, даже выростая въ одной и той же семьѣ, получали совершенно одинаковый матеріалъ впечатлѣній, — въ мелочахъ всегда будетъ встрѣчаться разница, а всѣ эти мелочи въ совокупности очень замѣтно отзовутся на формированіи характера. Во вторыхъ, усвоеніе впечатлѣній совершается въ мозгу, мозгъ же у людей неодинаковъ. Поэтому одни и тѣ же впечат-

*) Разбирая вліяніе семьи на воспитаніе, Шелгуновъ говоритъ: «Но надъ школой и семьей стоитъ высшій руководитель, и этотъ руководитель есть существующій общественный порядокъ, обусловленный учреждениями, законами и всѣмъ гражданскимъ строемъ страны.» (Письма о воспитаніи, стр. 838, изданіе 1895 года).

лѣнія отражаются различнымъ образомъ въ мозгу разныхъ людей, и представленіе объ одномъ и томъ же предметѣ или явленіи получается различное.

Различіе мозга—это уже органическое свойство человѣка, безспорно оказывающее вліяніе на образованіе характера. Ушинскій, подобно Добролюбову, отрицающій врожденность душевныхъ свойствъ человѣка, однако точно также признаетъ, что въ людяхъ существуетъ органическое различіе, но только Добролюбовъ видитъ это различіе въ мозгѣ, Ушинскій же въ устройствѣ нервной системы. Впрочемъ, мозгъ и нервная система такъ тѣсно связаны, что подобное различіе во мнѣніяхъ несущественно. Ушинскій, по поводу такого органическаго различія въ нервной системѣ, говоритъ слѣдующее: Одинъ ребенокъ легче воспринимаетъ впечатлѣнія, другой обладаетъ способностью дольше ихъ удерживать (въ немъ преобладаетъ такъ называемая «памятливость» нервной системы); третій, наконецъ, легче реагируетъ на получаемыя впечатлѣнія (онъ обладаетъ большей раздражительностью нервной системы).

Преобладаніе того или другого свойства, говоритъ Ушинскій, однако, еще совсѣмъ не опредѣляетъ будущаго направленія характера ребенка; это лишь почва, на которой характеръ разовьется. Самый же складъ его возникаетъ подъ совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ: 1) на почвѣ комбинаціи вышеприведенныхъ особенностей нервной системы и 2) подъ вліяніемъ того матеріала впечатлѣній, который приходится ребенку усваивать. Пояснимъ это положеніе примѣромъ. Ребенокъ впечатлительнъ и воспримчивъ. Это органическое свойство можетъ послужить ему либо на пользу, либо на вредъ въ зависимости отъ прочихъ условій; если впечатлительность ребенка не соединена со способностью удерживать впечатлѣнія (съ памятью нервной системы), то ребенокъ быстро, на лету, будетъ схватывать всякое впечатлѣніе, но ничего глубоко не западетъ ему въ душу, потому что онъ тотчасъ же будетъ переходить къ новому впечатлѣнію. Такимъ образомъ, въ ребенкѣ легко можетъ развиваться поверхностность, и воспитатель, замѣтившій въ своемъ воспитанникѣ подобное органическое свойство нервной системы, долженъ возможно бережнѣе относиться къ воспримчивости ребенка и не обременять его чрезчуръ обильными и разнообразными впечатлѣніями; такому ребенку, напротивъ, полезно дольше перерабатывать матеріалъ впечатлѣній, избѣгая частой ихъ смѣны. Кромѣ того, чѣмъ ребенокъ воспримчивѣе, тѣмъ сильнѣе отразится на немъ окружающая обстановка, такъ какъ онъ быстрѣе вялого и тупого ребенка усвоитъ окружающія впечатлѣнія; въ зависимости же отъ полученныхъ впечатлѣній, характеръ ребенка приметъ то или иное направленіе. Если обстановка неблагоприятна, воспримчивый ребенокъ исказится гораздо скорѣе апатичнаго, при благоприятной же обстановкѣ наоборотъ. Этими положеніями Ушинскій лишь подтверждаетъ мнѣніе Добролюбова о томъ, что матеріалъ впечатлѣній, усваивае-

мый ребенкомъ съ колыбели, имѣеть огромное вліяніе на формированіе и направленіе его характера. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается такой психологъ-педагогъ, какъ Селли, признающій даже наследственную передачу душевныхъ свойствъ. «Хотя врожденные особенности натуры или характера», говоритъ Селли въ своей книгѣ «Основы общедоступной психологіи» играютъ значительную роль въ индивидуальномъ развитіи, онѣ являются не единственною дѣйствующею силой. Различіе обстановки физической и еще болѣе соціальной имѣеть большое вліяніе на различіе въ способностяхъ и въ характерѣ, которые мы находимъ у разныхъ индивидуумовъ».

Итакъ, въ образованіи характера человѣка участвуютъ два фактора: 1) органическія особенности человѣка (мозгъ, нервная система, темпераментъ) и 2) окружающая обстановка, дающая матеріалъ впечатлѣній и ощущеній. Послѣдній факторъ Добролюбовъ считаетъ болѣе важнымъ, такъ какъ онъ собственно даетъ направленіе характеру и вліяетъ на измѣненіе самыхъ органическихъ задатковъ человѣка. Можетъ случиться, что человѣкъ съ хорошо организованной нервной системой и болѣе развитымъ мозгомъ—будетъ получать очень скудный и однообразный матеріалъ впечатлѣній и ощущеній, а другой—съ худшими органическими задатками попадетъ въ условія, благоприятствующія его развитію; въ такомъ случаѣ, первый въ концѣ концовъ окажется всетаки ниже по развитію, чѣмъ второй.

«Геніальнѣйшій человѣкъ по крѣпости своихъ душевныхъ основъ выйдетъ среди пауасовъ только геніальнымъ пауасомъ, потому что жизнь не даетъ ему матеріала, чтобы вырости до европейской геніальности» *).

ГЛАВА II.

Основные условія развитія характера и ихъ относительное значеніе.

а) Вліяніе органическихъ свойствъ ребенка и значеніе въ дѣлѣ воспитанія здороваго ихъ состоянія. Необходимость гармоничнаго развитія душевныхъ и тѣлесныхъ способностей.

Основной почвой, на которой, подъ вліяніемъ окружающихъ впечатлѣній, закладывается фундаментъ будущаго характера человѣка, является совокупность его органическихъ свойствъ, каковы: мозгъ, нервная система и темпераментъ. Нормальное, здоровое состояніе и гармоничное развитіе этихъ органическихъ особенностей человѣка, до извѣстной степени, гарантируютъ и правильное усвоеніе того матеріала впечатлѣній, изъ котораго складывается духовная, внутренняя жизнь человѣка. Поэтому, Добролюбовъ и ставитъ непремѣннымъ условіемъ нормальнаго развитія ребенка

* Шелгуновъ. «Письма о воспитаніи» (стр. 632).

здоровое состояніе всего организма или, короче, «здоровье», подъ которымъ подразумѣваетъ правильное, гармоничное развитіе физическихъ и духовныхъ силъ человѣка.

Отрицая дуализмъ, Добролюбовъ признаетъ душу и тѣло, какъ нѣчто нераздѣльное, не могущее существовать одно безъ другого; душа и тѣло неразрывно связаны между собою, они не дѣйствуютъ по разнымъ законамъ, а составляютъ одно цѣлое; вотъ, почему подъ гармоничнымъ развитіемъ Добролюбовъ понимаетъ равномѣрное развитіе духовныхъ и тѣлесныхъ силъ и доказываетъ, что между этими силами должно существовать соотвѣтствіе, а не антагонизмъ.

«Наука увидала въ душѣ ту силу, которая проникаетъ собою и одушевляетъ весь тѣлесный составъ человѣка. На основаніи такого понятія, наука уже не разсматриваетъ нинѣ тѣлесныя дѣятельности отдѣльно отъ духовныхъ и обратно. Напротивъ, во всѣхъ самыхъ ничтожныхъ тѣлесныхъ явленіяхъ наука видитъ дѣйствіе той же силы, участвующей безсознательно въ кровотовереніи, пищевареніи и т. п. и достигающей высоты сознанія въ отправленіяхъ нервной системы, преимущественно мозга». (Томъ II, стр. 27). -

Въ данномъ случаѣ, Добролюбовъ существенно расходится съ психологами-педагогами, въ томъ числѣ съ Ушинскимъ, признающими существованіе отдѣльнаго духовнаго начала.

Въ подтвержденіе этого положенія приводится, между прочимъ, у Ушинскаго слѣдующій примѣръ. Не смотря на истощеніе тѣла человѣка болѣзнию или продолжительнымъ голодомъ, дѣятельность души не только не прекращается, а, наоборотъ, усиливается. Добролюбовъ же въ этомъ самомъ фактѣ видитъ подтвержденіе полной гармоніи, полного соотвѣтствія, существующаго между тѣлеснымъ и духовнымъ началами человѣка. Всякая болѣзнь, по мнѣнію Добролюбова, есть «нарушеніе правильнаго отношенія частицъ, входящихъ въ составъ нашего организма», и поэтому, при болѣзненномъ состояніи однихъ органовъ возбуждается усиленная дѣятельность другихъ»; извѣстно, что ослабленіе тѣла вслѣдствіе продолжительнаго голода оканчивается бредомъ, и, вообще, бредъ всего чаще является въ болѣзняхъ, истощающихъ организмъ». (Добролюбовъ, томъ II, стр. 29).

Природа всегда какъ бы старается вознаградить недостатокъ однихъ органовъ большимъ совершенствомъ другихъ; «такъ, слѣпые бываютъ одарены хорошимъ слухомъ и осязаніемъ; напротивъ, глухіе часто отличаются остротою зрѣнія. То же самое должно произойти и въ дѣятельностяхъ, совершающихся при непосредственномъ участіи мозга. Онѣ могутъ развиваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе развиваются прочія дѣятельности» (Добр., томъ II, стр. 28).

Если бы не существовало полного единства, гармоніи между тѣлесной и духовной дѣятельностью человѣка, то усиленіе одной не шло бы въ ущербъ другой, а между тѣмъ мы видимъ у лю-

дей, посвятившихъ себя исключительно физическому труду, большую тупость понятій, чѣмъ у насъ; точно также, видимъ мы «такъ много лихорадочнаго, судорожнаго въ дѣятельности энтузіастовъ, у которыхъ сила чувства и воображенія преобладаютъ надъ разсудкомъ» (т. II, стр. 28). Все это явленія ненормальныя, отклоненія отъ гармоничнаго развитія человѣка. Нельзя назвать здоровымъ того организма, въ которомъ одна какая нибудь сторона, духовная или физическая, развивается въ ущербъ остальнымъ. Работа мозга, поглощающая собою всѣ другія отправленія человѣка, точно такое же ненормальное, болѣзненное явленіе, какъ и дѣятельность однихъ мускуловъ, заглушающая развитіе мозга.

«Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, какъ блѣдныя истощенныя дѣти, такъ и дикари, обладающіе страшною физической силой, но грубые и необразованные, развиты одинаково односторонне, и односторонность эту можно назвать недостаткомъ полнаго здоровья организма. Недостатокъ этотъ нисколько не мѣшаетъ правильной дѣятельности тѣхъ органовъ, которые хорошо развились, хотя онъ и мѣшаетъ водворенію полной гармоніи въ организмѣ» (томъ II, стр. 28). Добролюбовъ по этому поводу указываетъ на огромную ошибку воспитателей, подразумевающихъ подъ здоровьемъ развитіе однихъ физическихъ силъ. Одно животное здоровье недостаточно человѣку, у котораго помимо тѣлеснаго есть еще и духовное начало; человѣку нужно такое здоровье, «которое не мѣшало бы развитію души, а способствовало ему»; если же въ ребенкѣ развивать одни физическіе органы, мозгъ будетъ бездѣйствовать, а вслѣдствіе этого развитіе станетъ одностороннимъ, ненормальнымъ. Однако, одинаково вредно и презрѣніе къ физическому труду, господствующее въ современномъ воспитаніи. Физическіе органы безъ упражненія не развиваются; безъ правильно развитыхъ органовъ и душевная дѣятельность не можетъ правильно совершаться, такъ какъ безошибочное воспріятіе и точная передача впечатлѣній происходитъ только при посредствѣ здоровыхъ органовъ; при болѣзненномъ же состояніи органовъ возникаютъ ошибочныя впечатлѣнія, а впоследствии впечатлѣнія перерабатываются въ представленія; слѣдовательно, и послѣднія получаютъ ошибочными.

Безъ воспріятія впечатлѣній не могутъ образоваться понятія, при неполномъ или не точномъ воспріятіи и понятія получаютъ ошибочными; такъ, извѣстно, что у глухого нѣтъ представленія о звукѣ, у слѣпого—о свѣтѣ и т. п.; если органы зрѣнія или слуха повреждены съ дѣтства, у человѣка не можетъ развиваться ни музыкальныхъ, ни художественныхъ наклонностей, и, наоборотъ, онѣ разовьются, если, вслѣдствіе физиологической наслѣдственной передачи, органы зрѣнія или слуха окажутся особенно воспримчивыми. Изъ одного этого видно, какъ важно здоровое состояніе органовъ человѣка, т. е. всего его организма для правильного усвоенія впечатлѣній, перерабатываемыхъ въ понятія,

и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ тѣсно связана та или иная духовная дѣятельность съ физической организаціей человѣка. Психологи, признающіе существованіе дуализма, указываютъ еще на одно явленіе въ подтвержденіе своихъ взглядовъ: если бы не существовало въ человѣкѣ отдѣльнаго душевнаго начала, то всякое ощущеніе, отражаясь въ мозгу, переходило бы въ сознаніе; между тѣмъ замѣчено, что, когда наша душа поглощена посторонней, усиленной работой, мы часто не воспринимаемъ даже тѣхъ впечатлѣній, которыя дѣйствуютъ на насъ непосредственно, напр. не видимъ предмета, находящагося передъ глазами.

Добролюбовъ объясняетъ это явленіе исключительно мозговой работой. Дѣятельность органовъ зрѣнія, слуха и прочихъ органовъ чувствъ состоитъ въ томъ, что нервы наши, воспринявъ ощущеніе, передаютъ ее мозгу; при всякой же усиленной работѣ мозгъ не ощущаетъ слабыхъ раздраженій. Однако, когда раздраженіе усилится, мозгъ на него реагируетъ, и тогда наше вниманіе обязательно привлечется къ предмету. Всего сказаннаго достаточно, чтобы показать, что Добролюбовъ, отрицая существованіе отдѣльнаго душевнаго начала, выводитъ всѣ духовныя отправленія человѣка изъ мозговой дѣятельности. Поэтому, въ дѣлѣ воспитанія онъ и совѣтуетъ обратить главное вниманіе на правильное развитіе и укрѣпленіе мозга.

«Но для того, чтобы мозгъ былъ здоровъ и развился правильно, необходимы нѣкоторыя особенныя условія. Въ организмѣ человѣка нѣтъ ни одной части, которая существовала бы сама по себѣ, безъ всякой связи съ другими частями; ни одна изъ частей нашего тѣла не связана такъ существенно со всѣми остальными, какъ головной мозгъ. Не входя ни въ какія подробности, довольно сказать, что въ немъ сосредоточиваются нервы движенія и чувствованія. Понятно, поэтому, въ какой близкой связи находится дѣятельность мозга съ общимъ состояніемъ тѣла. Очевидно, что всякое измѣненіе въ организмѣ должно отражаться и на мозгѣ, если не въ мыслительной, то въ чувствительной его части». (Добролюбовъ, т. II, стр. 37).

Итакъ, чтобы дѣятельность мозга совершалась правильно, необходимо прежде всего, чтобы мозгъ былъ здоровъ, т. е. получалъ бы здоровое питаніе; питаніе же свое мозгъ получаетъ изъ крови; слѣдовательно, необходимо, чтобы процессы кровообращенія, кровотворенія и кровоочищенія совершались въ строгой правильности, а стало быть, чтобы и весь организмъ былъ здоровъ. Вотъ, почему Добролюбовъ и ставитъ основой воспитанія здоровье всего организма, находящееся въ такой тѣсной связи съ духовной или мозговой дѣятельностью человѣка.

б) Значеніе правильного воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, какъ важный факторъ въ образованіи характера. Постоянное упражненіе мозга воспріятіемъ впечатлѣній и переработкой ихъ въ понятія и представленія.

Здоровое состояніе организма, по мнѣнію Добролюбова, существенная гарантія правильного развитія духовныхъ качествъ ребенка, но есть еще и другой факторъ, отъ котораго собственно зависитъ самый ходъ развитія, именно—воспріятіе и усвоеніе впечатлѣній, окружающихъ ребенка съ колыбели. Добролюбовъ утверждаетъ, что одного здороваго состоянія мозга недостаточно: это-лишь надлежащая, плодородная почва, самый же посѣвъ всецѣло зависитъ отъ совокупности внѣшнихъ окружающихъ впечатлѣній. Стало быть, мало одного здороваго питанія мозга, а требуется еще и правильная, постоянная работа, служащая къ его укрѣпленію и развитію; работа эта состоитъ въ воспріятіи впечатлѣній, путемъ ощущеній, и переработкѣ ихъ въ понятія и представленія. Здѣсь-то и выступаетъ важная роль того матеріала впечатлѣній, надъ которымъ приходится мозгу работать, ради общаго развитія человѣка.

«Здоровый мозгъ», говоритъ докторъ Боккъ: «долженъ развить свои умственные способности постепенно, съ помощью пяти чувствъ и внѣшнихъ впечатлѣній. На этомъ основывается весь процессъ воспитанія. Человѣкъ, котораго тотчасъ по рожденіи удалили бы совершенно отъ общества людей, не имѣлъ бы и слѣда человѣческаго разума, а окруженный при тѣхъ условіяхъ одними животными, онъ непремѣнно усвоилъ бы себѣ всѣ ихъ привычки, разумѣется, настолько, насколько это позволяетъ ему человѣческая организація».

Эта выписка, приведенная самимъ Добролюбовымъ, утверждаетъ его во мнѣніи, что сложный человѣческій организмъ складывается изъ того матеріала впечатлѣній, который воспринимается нашими внѣшними органами и, при посредствѣ сознанія, перерабатывается въ понятія и представленія. Такой взглядъ Добролюбова прямо противоположенъ довольно распространенному мнѣнію о томъ, будто дѣти рождаются съ готовыми качествами и понятіями.

Человѣческій организмъ, при появленіи своемъ на свѣтъ, слишкомъ далекъ отъ совершенства, чтобы можно было допустить существованіе въ немъ уже опредѣленныхъ свойствъ и качествъ. По изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ наше время профессоромъ Прейеромъ, дѣти рождаются даже менѣе приспособленными къ жизни, чѣмъ животныя; только путемъ опыта и пробуждающагося сознанія научаются они даже тѣмъ актѣмъ, которые у животныхъ являются дѣйствіями инстинктивными, прирожденными, переходящими по наслѣдству и въ которыхъ сознаніе не играетъ никакой роли.

Животныя, при появленіи своемъ на свѣтъ, сразу видятъ, слышатъ, ощущаютъ и т. п.; дѣти же научаются этимъ простымъ дѣйствіямъ только постепенно на опытѣ, при содѣйствіи пробуждающагося

и развивающагося сознанія, безъ помощи котораго самыя эти дѣйствія остаются чисто автоматическими, рефлекторными, бессознательными. Трудно приписать существованіе какихъ-нибудь духовныхъ стремленій или качествъ такому несовершенному существу, какимъ является младенецъ, не только не обладающему представленіемъ о добрѣ, злѣ и другихъ подобныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ, но даже самого-то себя научающагося распознавать отдѣльно отъ внѣшняго міра лишь съ большимъ трудомъ, при помощи долгаго опыта.

Добролюбовъ въ новорожденномъ ребенкѣ не видитъ сознательной жизни, въ головномъ мозгу новорожденнаго не отражаются впечатлѣнія; чувства въ немъ тупы, движенія бессознательны, автоматичны; самыя ощущенія пробуждаются постепенно; однако, достаточно ребенку испытать два противоположныхъ ощущенія одного и того же свойства, напримѣръ, жаръ и холодъ, голодъ и сытость, боль и отсутствіе боли и т. п., чтобы въ немъ пробудились первые проблески сознанія, явилась возможность сравнивать, а вѣдь сознаніе и есть не что иное, какъ умѣнье распознавать сходство и различіе. Понятно, что, благодаря противоположнымъ ощущеніямъ, сознаніе и возникаетъ, и совершенствуется.

Въ первое время глаза ребенка совершенно недѣятельны, но «уже на пятой недѣлѣ», говоритъ Добролюбовъ *): «ребенокъ начинаетъ всматриваться въ окружающіе его предметы, вслѣдствіе чего въ мозгу его происходятъ первыя чувственныя впечатлѣнія, т. е. создаются умственные образы, постепенно все болѣе проявляющіеся. Мало-по-малу они доходятъ до такой степени ясности, что могутъ представляться сознанію ребенка даже и тогда, когда самыхъ предметовъ нѣтъ передъ глазами». Съ этого момента начинается «дѣятельная способность представленія», т. е. уже опредѣленный актъ сознанія.

Признавая такой ходъ образованія и развитія сознанія въ ребенкѣ, замѣчаемъ, что сознательная жизнь его начинается гораздо раньше, чѣмъ это принято думать, и вотъ въ это-то время, когда сознаніе постепенно пробуждается и начинаетъ работать, очень легко создать ребенку массу лишнихъ потребностей и привычекъ: тѣ и другія очень легко усваиваются восприимчивымъ мозгомъ младенца, не засореннымъ безчисленными слѣдами впечатлѣній, и, чѣмъ скорѣе какое-нибудь дѣйствіе или привычка удовлетворяютъ потребностямъ или чувствованіямъ ребенка, тѣмъ, вообще, скорѣе онъ ихъ восприметъ.

«Вслѣдствіе привычки къ впечатлѣніямъ извѣстнаго рода», говоритъ Добролюбовъ: «развиваются и всѣ остальные чувства; слѣдовательно, въ это время легко произвести въ ребенкѣ много привычекъ и потребностей, которыя могутъ впоследствии укорениться въ немъ». (Томъ II, стр. 40).

*) По Прейеру—черезъ нѣсколько дней.

Поэтому, если удовлетворяют чувствованиям ребенка съ помощью «прибавочныхъ раздраженій», какъ ихъ называетъ Лесгафтъ, напимѣрь, укачивать ребенка передъ сномъ, прибавлять сахаръ въ молоко и т. п., онъ очень скоро усвоитъ эти привычки и не захочетъ обходиться безъ нихъ, а такъ какъ отъ повторенія впечатлѣнія чувства притупляются, то, чтобы «прибавочное раздраженіе» всегда дѣйствовало съ одинаковой силой, пришлось бы его постоянно увеличивать. По мнѣнію Лесгафта, главные привычки и способы дѣйствія ребенка устанавливаются въ младенчествѣ, вотъ, почему слѣдуетъ очень осторожно обходиться съ младенцами, чтобы не привить имъ излишнихъ привычекъ требованій и даже склонностей. Многое изъ того, что кажется намъ врожденнымъ, собственно идетъ отъ періода безсловеснаго младенчества, усвоено нами еще тогда, когда сознание наше только что пробуждалось и легко воспринимало всякое новое впечатлѣніе и ощущеніе. Ушинскій прибавляетъ, что мнѣніе, будто злость кормилицы передается черезъ молоко, не такъ ужъ безосновательно—злая кормилица своимъ обращеніемъ (конечно, не молоко) сѣетъ сѣмена злости и трусости въ ребенкѣ. «Замѣчено, что дѣти», говоритъ Добролюбовъ: «съ которыми мать или кормилица весело болтала и шутила первые мѣсяцы жизни, получаютъ нравъ добрый и веселый. Многія дѣти, которыхъ долго водили на помочахъ, не позволяя имъ ходить безъ посторонней помощи, навсегда сохраняютъ въ характерѣ нерѣшительность и недоувѣріе къ своимъ силамъ. Дѣти, которыя въ первый годъ жизни привыкли только къ пріятнымъ ощущеніямъ и отъ которыхъ при первомъ ихъ крикѣ удалили все непріятное, съ большимъ трудомъ и впоследствии переносятъ неудовольствія и злятся при малѣйшей неудачѣ». (Т. II, стр. 41).

Изъ этой выписки видно, какое важное значеніе придаетъ Добролюбовъ первымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ ребенкомъ. Взглядъ этотъ совершенно основателенъ, такъ какъ начальныя впечатлѣнія, перерабатываемыя въ мозгу ребенка въ понятія, являются какъ бы основой его характера; опираясь на нихъ, ребенокъ и въ дальнѣйшей своей жизни будетъ перерабатывать въ томъ или иномъ направленіи весь остальной матеріалъ впечатлѣній. Это положеніе подтверждается и психологіей; человекъ по ассоціаціи идей, представленій, чувствъ и т. д. легче усваиваетъ тѣ впечатлѣнія, которыя оставили слѣдъ въ его душѣ; поэтому, далеко не безразлично, чтб видитъ, чтб слышитъ, чтб учитъ, чтб читаетъ дитя, а также что оно чувствуетъ и переживаетъ,—все это оставляетъ слѣдъ, а изъ этихъ маленькихъ слѣдовъ, «черточекъ», какъ выражается Ушинскій, постепенно образуются ассоціаціи, изъ ассоціацій же слагаются со временемъ такія страсти и наклонности, съ которыми не можетъ совладать даже взрослый человекъ. По этому же поводу, Бенекке предостерегаетъ родителей, которые, не зная, какъ предохранить свое дитя отъ вредныхъ вліяній, предоставляютъ этимъ вліяніямъ

идти своимъ ходомъ и воображаютъ, что стоитъ имъ захотѣть, чтобы уничтожить всѣ послѣдствія дурныхъ воздѣйствій, забывая, что даже самое незначительное изъ этихъ вліяній уже запечатлѣлось въ душѣ ребенка и оставило тамъ свой неизгладимый слѣдъ.

Ошибочныя первоначальныя понятія могутъ подчасъ совершенно исказить нормальный ходъ развитія ребенка, здѣсь снова видна важная роль всего того матеріала впечатлѣній, который непосредственно дѣйствуетъ на ребенка, такъ какъ понятія дитяти складываются именно изъ впечатлѣній, почерпаемыхъ въ окружающей жизни. Стоитъ вспомнить, какъ вырабатывались понятія и слагался характеръ несчастной Зиночки въ повѣсти Марка Вовчка «Игрушечка», разобранный въ статьѣ Добролюбова: «Черты для характеристики русскаго народа».

Отъ природы Зиночка—дѣвочка впечатлительная и пытливая, въ ней замѣтно стремленіе къ справедливости, уваженіе къ чужой личности, но, казалось, окружающіе сдѣлали все возможное, чтобы исказить ея понятія и извратить лучшіе порывы дѣтской природы. Зиночкѣ, какъ дочери состоятельнаго помѣщика, нѣтъ ни въ чемъ отказа, для ея потѣхи отнимаютъ дѣвочку, названную самой же Зиночкой «Игрушечкой», отъ ея матери; ради удовольствія маленькой барышни заставляютъ «Игрушечку» забавляться и веселиться, когда той грустно, и грустить, когда Зиночка не въ духѣ; когда у Зиночки естественно рождается вопросъ: что заставляетъ Игрушечку подчиняться подобнымъ несправедливымъ требованіямъ? ей внушаютъ, что она существо высшаго разряда, и что Игрушечка и ей подобныя созданія существуютъ только для удобства и развлеченія Зиночки. Понятно, послѣ подобныхъ разъясненій отношенія Зиночки къ ея подругѣ теряли свою первоначальную простоту и естественность; понятіе о равенствѣ, о справедливости, объ уваженіи къ человѣческой личности искажалось, деспотическимъ наклонностямъ давалась благодатная почва. Однако, пытливый ребенокъ самостоятельно схватывалъ и перерабатывалъ мимолетныя жизненныя впечатлѣнія иного характера, чѣмъ тѣ, которыя окружали его въ семьѣ. Насиліе, бѣдность, чужое горе мучили, тревожили Зиночку, въ душѣ ея поднимался разладъ, и кончилось тѣмъ, что пытливая, богато одаренная отъ природы дѣвочка, не найдя ни отклика, ни отвѣта, ни пониманія въ тревожившихъ ея умъ сомнѣніяхъ, потеряла, наконецъ, рассудокъ.

Подобное явленіе, конечно, встрѣчается рѣдко, но за то часто бываетъ, что ошибочныя первоначальныя понятія, слагаясь изъ неблагоприятныхъ впечатлѣній окружающей жизни, даютъ ошибочное направленіе всему дальнѣйшему складу характера. Это явленіе прослѣжено Добролюбовымъ въ его статьѣ «Обломовщина». Когда ребенка съ колыбели приучаютъ къ тому, что за него все дѣлаютъ другіе, какъ это было съ Обломовымъ, что за него и на него работаетъ толпа людей, что о немъ всѣ заботятся и

ему не остается дѣлать ничего другого, какъ только требовать и повелѣвать, когда близкіе люди, его окружающіе, проводятъ время въ полной праздности и къ трудящемуся классу относятся пренебрежительно, у ребенка невольно складывается представленіе, что сидѣть сложа руки гораздо почтеннѣе, чѣмъ трудиться. Можно ли послѣ того удивляться, если въ дальнѣйшей жизни человѣкъ будетъ ошибочно искать счастья въ покоѣ? Однако, полное бездѣйствіе, покой не свойственны человѣку, основная черта природы котораго, говоря словами Ушинскаго, есть вѣчное стремленіе къ дѣятельности, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Бездѣйствіе, какъ физическое, такъ и духовное, тягостно человѣку, и вотъ, личности, подобныя Обломову, избѣгая жизненной плодотворной работы, ищутъ удовлетворенія своимъ душевнымъ запросамъ въ бесплодныхъ мечтаніяхъ. Они стараются заполнить душевную пустоту наиболѣе легкой формою труда—игрою воображенія, забывая, что только та дѣятельность даетъ истинное удовлетвореніе, которая сопряжена съ постояннымъ предолѣваніемъ препятствій, съ извѣстнаго рода усиленіемъ, напряженіемъ и которая ведетъ къ опредѣленной, точной цѣли.

Ошибочно составивъ себѣ понятіе о счастья въ покоѣ и стремясь къ этому счастью, Обломовъ не только не развился духовно, но, напротивъ, отъ бездѣйствія душевная сфера его все больше и больше суживалась, и онъ нравственно и умственно опускался все ниже и ниже.

Здѣсь ясно видно, какъ ошибочныя понятія, сложившіяся въ дѣтствѣ, благодаря окружающимъ впечатлѣніямъ, повліяли на весь дальнѣйшій складъ характера.

Случается тоже часто, что новыя взгляды, образовавшіеся благодаря инымъ впечатлѣніямъ, въ дальнѣйшей жизни вступаютъ въ противорѣчіе съ прежними понятіями; въ такомъ случаѣ, на разрушеніе всего ошибочно сложившагося духовнаго міра тратится такое огромное количество силъ и энергіи человѣка, что уже на новую плодотворную, созидающую дѣятельность подчасъ не хватаетъ духу. У насъ, въ Россіи, гдѣ господствуетъ еще столько ложныхъ понятій, суевѣрій, предрасудковъ, подобныя явленія не рѣдкость.

Замѣтимъ вмѣстѣ съ Комперэ, что загроможденіе памяти отжившими понятіями сплошь и рядомъ мѣшаетъ воспріятію новыхъ идей. («Умственное и нравственное развитіе ребенка»). Ребенокъ, выросшій среди отжившихъ понятій, въ душевной атмосферѣ, омраченной предрасудками, отрѣшится отъ нихъ съ трудомъ, даже послѣ того, какъ знакомство съ наукой и иными жизненными формами откроетъ ему глаза на ошибочность усвоенныхъ имъ представленій; слѣды подобныхъ ложныхъ впечатлѣній никогда окончательно не изгладятся въ душѣ человѣка.

Вотъ, потому-то Добролюбовъ и ставитъ краеугольнымъ камнемъ воспитанія: образованіе правильныхъ основныхъ понятій въ головѣ ребенка. Все будущее направленіе характера чело-

вѣка зависитъ отъ тѣхъ первоначальныхъ понятій, которыя легли въ основу его міросозерцанія.

Съ этимъ взглядомъ Добролюбова вполне согласуется и мнѣніе Ушинскаго, который доказываетъ, какъ важно внушить ребенку правильное понятіе о томъ, что такое «человѣкъ»—для направленія всего его характера въ лучшую сторону.

Не должно забывать, что первыя понятія о человѣкѣ, говоритъ Ушинскій, которыя впоследствии закрѣпляются словомъ, образуются въ безсловесный періодъ жизни, и что на образованіе этого понятія имѣютъ рѣшительное вліяніе тѣ первыя человѣческія личности, которыя отразятся въ душѣ ребенка и лягутъ въ основу его будущихъ отношеній къ людямъ, — и счастливо дитя, если первое человѣческое лицо, отразившееся въ немъ, полное любви и ласки, есть лицо матери». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», страница 23, изданіе 1894 года *).

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Колонтай.

«Родители! если вы хотите создать изъ своихъ дѣтей членовъ общества и истинныхъ гражданъ, прежде всего формируйте въ нихъ гуманное генеральное понятіе о человѣкѣ. Человѣкъ не врагъ для человѣка, онъ для него не предметъ для эксплуатаціи, онъ для него равноправное существо, орудіе взаимной солидарности». — Шелгуновъ. «Письма о воспитаніи» стр. 782.

Метафизика и наука.

I.

Въ какомъ отношеніи стоятъ другъ къ другу эти двѣ сферы дѣятельности человѣческой мысли: наука и метафизическая философія. Есть ли между ними точки соприкосновенія или сходство, и въ чемъ заключается различіе?

Таковы вопросы, которые выдвинуты на очередь очень давно, и которые до сихъ поръ далеко еще не получили своего окончательнаго рѣшенія.

Поучительную картину въ смыслѣ выясненія этихъ вопросовъ представляетъ, на нашъ взглядъ, взаимоотношеніе метафизической и научной мысли наканунѣ двухъ столѣтій кончающагося XIX-го, и будущаго XX-го.

Съ лучезарными надеждами, съ громомъ пушекъ и побѣдныхъ кликовъ во имя свободы, братства и равенства вступило человѣчество въ XIX вѣкъ, воздвигнувъ на его порогѣ монументальный храмъ Разуму, для накопленныхъ предшествоющими поколѣніями сокровищъ знанія. Богиня мудрости, — метафизическая философія, — почтительно сопровождаемая сонмомъ жрецовъ, стояла во главѣ и руководила торжествомъ шествія. Вѣрою въ непогрѣшимость своихъ путеводныхъ звѣздъ, несокрушимой энергіей дышала эта величественная картина исторіи, на которую золотистымъ багрянцемъ легла заря первыхъ дней новой эпохи.

Прошло сто лѣтъ.... и вотъ наблюдатель, самый поверхностный, не можетъ не замѣтить признаковъ глубокаго безпокойства, которое смѣнило первоначальную увѣренность интеллектуальнаго міра. Храмъ, имъ созданный и гордо высившійся на рубежѣ XIX вѣка, даль трещины до глубины фундамента; собранныя въ него сокровища знанія выбрасываются за бортъ чуть не съ такою же беспощадной жестокостью и энергіей, съ какой происходило сокращеніе огромной библиотеки легендарнаго Халифа, послѣ того какъ наскучивъ возить ее за собою въ походахъ, онъ поручилъ ученымъ, сокративъ число книгъ, и самыя книги, оставить лишь самое важное, и какъ эти ученые, за сокращеніемъ баласта, сохранили для библиотеки лишь.... одно изреченіе: великъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ его!

Что же случилось въ этотъ короткій, поразительно короткій, періодъ исторіи?

Почему потерялъ человѣкъ свою энергію, свою увѣренность и взволнованный сойти на порогъ наступающаго ХХ вѣка? Изъ какого источника черпалъ онъ свою силу какихъ нибудь сто лѣтъ назадъ?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, разумѣется, что такимъ источникомъ не могло быть знаніе природы и ея законовъ. Естественныя науки стояли тогда на высотѣ точнаго знанія лишь въ такихъ отдѣлахъ, которые для вопросовъ, считавшихся самыми важными и капитальными, не могли имѣть почти никакого значенія.

Тотъ отдѣлъ этихъ наукъ, который одинъ могъ-бы повліять на міросозерцаніе интеллектуальнаго европейца—отдѣлъ биологіи былъ тогда въ такомъ еще состояніи, въ которомъ лучшимъ и самымъ плодотворнымъ его дѣломъ было накопленіе научнаго матеріала *).

И такъ не въ знаніи законовъ природы вообще и не въ пониманіи природы человѣка, въ частности, покоилась увѣренность его вначалѣ ХІХ вѣка, и не въ нихъ черпалъ онъ свою силу.

То и другое своимъ источникомъ имѣло вѣру въ путеводную звѣзду прошлой, сходящей съ исторической сцены, эпохи—вѣру въ могущество человѣческаго разума, вѣру въ духовную мощь человѣка, какъ центръ вселенной.

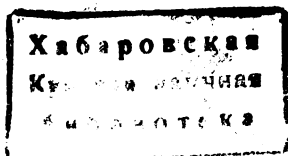
Метафизика была кумиромъ, окруженнымъ тайною; въ ея «святая святыхъ» допускались только избранники. Она никогда не пропускала случая указать рубежъ, до котораго «допускались обыкновенные смертные и спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія», за этимъ рубежомъ находились только жрецы. Она снисходила до толпы лишь въ томъ смыслѣ, что великодушно давала указанія и постановленія съ ея недосыгаемыхъ для массы высотъ въ формѣ краткихъ и туманныхъ изреченій.

Учителя, правда, не отличались единствомъ воззрѣній, но это представлялось дѣломъ временнымъ и легко исправимымъ въ горнилѣ чистой мысли, которой жрецы метафизики единодушно поклонялись....

Самыя ихъ безчисленныя противорѣчія, какъ безчисленныя философскія системы, служили къ усиленію этой вѣры, такъ какъ, по за-

*) *Исидоръ Жоффра Сентъ-Илеръ*, говоря объ успѣхахъ естествознанія въ ХVІІІ столѣтіи (См. его «Общая Біологія» рус. пер. А. П. Богданова Т. I ст. 69 и слѣд.) справедливо утверждаетъ, что фокусами, изъ которыхъ исходятъ эти успѣхи, являются два имени: *Линней и Бюффонъ*. Ихъ онъ считаетъ великими естествоиспытателями прошлаго вѣка. Заслуга перваго заключается въ составленіи системы растений и животныхъ, для своего времени замѣчательно остроумной, и установленіе двойной номенклатуры; заслуга втораго: естественная исторія млекопитающихъ и описаніе образа жизни животныхъ другихъ классовъ.

Понятно поэтому, что всякій разъ когда біологъ ХVІІІ вѣка пытался говорить объ общихъ вопросахъ, онъ немедленно изъ ученаго превращался въ метафизика. Такъ *Бюффонъ* въ своей *Histoire naturelle générale et particulière* разсуждаетъ о томъ, что субстанція природы есть въ то же время двигательная сила; *Т. В. Робинъ* доказываетъ, что простѣйшія частицы вещества одарены чувствительностью и считаетъ минералы тѣлами оживленными, и т. д. и т. д.

507162

мѣчанію Фихте, «каждый могъ выбирать себѣ свою философію сообразно съ своимъ характеромъ». Суть въ томъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ школъ и всѣхъ этихъ системъ лежалъ одинъ краеугольный камень, одинъ символъ вѣры: нѣтъ Бога, кромѣ Бога и человѣка—его истолкователя, снабженнаго для этого всемогущимъ разумомъ, и не нуждающагося для рѣшенія задачи ни въ чемъ, кромѣ свободнаго полета мысли. На основахъ этой вѣры и покоилась сила человѣка конца XVIII вѣка. Ея источникомъ служили такимъ образомъ тѣ особенности философскаго міросозерцанія, которыя сближаютъ его съ міросозерцаніемъ теологическимъ, такъ какъ оба они покоятся на вѣрѣ: послѣднее въ сверхъестественную силу, первое — въ силу разума и привилегированнаго положенія человѣка во вселенной. Эти міросозерцанія кореннымъ образомъ отличаются отъ міросозерцанія научнаго, требующаго знанія, основаннаго на опытѣ и наблюденіи.

Не прониіи Монтэня, конечно, который подшучивалъ надъ наивной увѣренностью человѣка въ томъ, что все создано для него, что для него и солнце свѣтитъ, что для него и всѣ созданія природы, что онъ цѣль всѣхъ стремленій вселенной *), ни плохо свѣдующимъ скептикамъ, какимъ былъ наприимѣръ Ж. Ж. Руссо, метавшій грома въ современное ему человѣчество, его знанія, его науку и взаимнъ этого предлагавшій вернуться къ естественному состоянію, къ счастливой жизни дикарей, о которыхъ къ сожалѣнію не имѣлъ никакого понятія **),—не имѣ было поколебать эту мощную вѣру и эту силу! Ея противовѣсомъ должно было явиться нѣчто противоположное ей по своимъ свойствамъ, и не менѣе, а гораздо болѣе, прочное и могущественное.

Такою новою силою на порогѣ XX-го вѣка является наука, еще очень новая, но уже съ первыхъ дней своего расцвѣта оказавшаяся такою могучей, что мимоходомъ, вовсе объ этомъ не заботясь, а лишь слегка коснувшись того величественнаго храма, который былъ воздвигнутъ гениемъ минувшихъ поколѣній, потрясла его до основанія...

Итакъ, смѣна двухъ міросозерцаній: метафизическаго и научнаго представляетъ собою главные моменты и главное содержаніе огромной исторической картины кануна двухъ столѣтій; въ ней, въ этой

*) Посмотрите реестръ того, что говорили философы о небесныхъ дѣлахъ, «читаемъ мы въ его «Essais»; боги дѣйствовали и говорили только для человѣка, у нихъ нѣтъ другого призванія. То они съ нами на войнѣ, то они вмѣшиваются въ наши смуты, то вся ихъ власть ограничена: одинъ лѣчить лошадей, другой—людей, кто чуму, кто кашель, кто иную какую болѣзнь, и т. д. Почему-бы и птицѣ не сказать: всѣ вещи въ природѣ созданы для меня: земля служитъ мнѣ для прыганья, солнце—чтобы меня согрѣвать, звѣзды—чтобы «вліять» на меня; для меня всѣ удобства вѣтровъ и воды; небесный сводъ тоже для меня. Лишь на меня онъ смотритъ милостиво. Развѣ и человѣкъ также не служитъ мнѣ: онъ свѣтъ и жеть».

***) Вольтеръ, какъ извѣстно, на поляхъ книги Ж. Ж. Руссо „Discours sur l'origine et les fondaments de l'inegalité parmi les hommes“ дѣлалъ свои помѣтки; въ одномъ мѣстѣ противъ собраній Руссо о томъ, что первобытныиъ человѣкъ не зналъ промысловъ, не имѣлъ языка и дома, не чувствовалъ необходимости наносить вредъ ближнимъ, и т. д. Вольтеръ пишетъ: «C'est conclure un bien mauvais roman».

смѣнѣ, лежитъ и ключъ къ уразумѣнію картины; такъ какъ она до-казываетъ намъ, во-первыхъ, что философія во всемъ своемъ объемѣ, поскольку она является метафизикой, философія, которая составляла основу знанія предшествующей эпохи, по существу своему кореннымъ образомъ отличается отъ науки; во-вторыхъ, что она сказала свое послѣднее слово и въ наши дни, ликвидируя счеты, передаетъ свои дѣла въ вѣдѣніе точнаго разума; и, наконецъ, въ-третьихъ, что разработка вопросовъ о «міровомъ устройствѣ», о «бытіи», о «данныхъ для условій и гарантій политической свободы», объ «основахъ этики» и другихъ элементахъ знанія, наканунѣ XIX вѣка составлявшихъ исключительное достояніе метафизической философіи и только ею одною вершившихся, — къ концу столѣтія выскользнули изъ ея рукъ и къ кануну XX вѣка почти вся область этихъ знаній перешла въ вѣдѣніе науки.

Само собою разумѣется, что эти положенія отнюдь не раздѣляются ни крайними сторонниками метафизики, все еще полагающими, что она занимаетъ вершину знанія, ни тѣми, которые, не отрицая значенія науки, полагаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что метафизическая философія не можетъ ей противопоставляться, потому что съ одной стороны нѣкоторые метафизики уже «отказались отъ возможности познания сущностей» и «цѣлей существующаго», или стоятъ на пути къ этому; а съ другой — въ области естествознанія не только минувшаго времени, но и настоящаго, мы можемъ встрѣтить воззрѣнія, которыя ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній метафизиковъ на сущность вещей, какъ, напримѣръ, ученіе Геккеля о душѣ атомовъ одаренныхъ чѣмъ-то вродѣ любви и ненависти другъ къ другу.

Что же касается различія въ методѣ, то, говорятъ они, противоположность науки и философіи въ этомъ отношеніи только кажущаяся и скорѣе представляетъ недоразумѣніе, чѣмъ фактъ, такъ какъ есть философы, которые отвергаютъ законность всякаго *творчества* и сами держатся въ своихъ изслѣдованіяхъ индуктивнаго метода; съ другой стороны, творчество не только встрѣчается въ научныхъ изслѣдованіяхъ, но и считается необходимымъ для успѣха науки.

Такимъ образомъ, наиболѣе скромные защитники метафизики поддерживаютъ ее путемъ сближенія съ наукою и доказываютъ, что метафизика не отличается отъ науки и не можетъ быть ей противопоставляема ни по содержанію, ни по методу, вслѣдствіе того, что и въ философіи, и въ наукѣ мы можемъ встрѣтить какъ однородное содержаніе, такъ и одинаковый методъ.

Вѣрны ли, однако, эти соображенія?

Мы полагаемъ, что нѣтъ, и вотъ почему: «Пусть многіе философы, — говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ талантливыхъ русскихъ натуралистовъ, хорошо знакомый съ философскими ученіями, въ своей статьѣ «Отношеніе между философіей и наукой» *), — стоятъ за познаваемость вещей самихъ въ себѣ, тогда какъ въ наукѣ укоренился взглядъ, что сущностей мы знать не можемъ, но *предположимъ*, что философы

*) «Вопросы философіи и психологін» 1890 г., т. 2.

въ скоромъ времени придуть къ тому же заключенію, именно о познаваемости однихъ явленій и непознаваемости сущностей, вещей въ себѣ, — и различіе между философіей и наукой исчезнетъ. Равнымъ образомъ такое противоположеніе философій и науки было невозможно, когда и въ наукѣ высказывались еще убѣжденія въ познаваемости сущностей вещей или, по крайней мѣрѣ, существованіи такихъ сущностей; когда въ учебникахъ химіи и физики не говорилось на первыхъ же страницахъ, что атомы — простые отвлеченія, а не вещи въ себѣ, а, напротивъ, атомы считались за нѣчто всего болѣе реальное; когда тепловыя явленія объясняли флогистономъ, явленія магнитныя и электрическія — магнитными и электрическими жидкостями и т. под.; когда на ученіи о жизненной силѣ — *vis vitalis* — зиждилась едва ли не вся физиологія, и т. д., и т. д. Да и теперь не представляетъ большого труда отыскать въ наукѣ кое-какіе глубоко укоренившіеся остатки ученій о сущностяхъ; таково, напр., общераспространенное понятіе о силѣ и т. под., таково, — правда, нынѣ весьма рѣдкое, — представленіе о какихъ-то органическихъ силахъ, дѣйствующихъ по дѣлямъ и т. д.». Что же доказываютъ, однако, эти и другія подобныя имъ соображенія? По нашему мнѣнію, не совсѣмъ то, что за ними предполагаетъ авторъ.

Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что философы отказались, наконецъ, подъ давленіемъ опытнаго знанія, отъ возможности познавать вещи въ себѣ. Какое заключеніе должно вывести изъ этого факта? По нашему мнѣнію — одно, а именно, что метафизической философій болѣе *не стало*, что она вытѣснилась наукой, и только!

То же скажемъ мы и по поводу указываемыхъ авторомъ объясненій, напримѣръ, тепловыхъ явленій — флогистономъ, а въ физиологіи соотвѣствующихъ явленій — жизненной силой, и т. п. Изъ этого обстоятельства, думается намъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы *наука занималась метафизическими вопросами о сущностяхъ*, а слѣдуетъ лишь, что наука не знала и до сихъ поръ не знаетъ объясненія причинъ очень многихъ явленій, и что авторы безъ прочнаго научнаго міросозерцанія, вмѣсто того, чтобы открыто заявить объ этомъ, какъ того требуетъ наука, включили въ свои книги кусочки метафизическихъ трактатовъ, не понимая принципиальной ошибки, которую тѣмъ самымъ они дѣлали. Одинаково мало убѣдительными представляются намъ соображенія и по отношенію къ методу въ метафизикѣ, философій и наукѣ. Различіе между ними, говорятъ намъ, не можетъ быть установлено потому, съ одной стороны, что философскія соображенія и построенія встрѣчаются у естествоиспытателей, а съ другой — признаніе опыта единственнымъ источникомъ знанія встрѣчается у метафизиковъ. Фактъ этотъ справедливъ, но выводъ изъ него по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и по отношенію къ сохраненію науки, мы считаемъ очень спорнымъ. По нашему мнѣнію, факты подобнаго рода доказываютъ лишь то, что ученый, прибѣгавшій къ метафизическимъ построеніямъ, былъ въ смыслѣ метода недостаточно послѣдовательнымъ и сдѣлалъ ошибку, а съ другой стороны, метафизикъ, отрицавшій иной путь познанія, кромѣ опыта,

былъ вовсе не метафизикомъ, а настоящимъ ученымъ постольку, поскольку онъ держался этого метода.

Геккель, напримеръ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и талантливыхъ ученыхъ нашего вѣка, оставляетъ методъ изслѣдованія и начинаетъ заниматься чисто философскими умозрѣнiami по вопросу о причинахъ явленій живой природы; когда онъ такимъ образомъ выходитъ за предѣлы науки, начинаетъ *строить* природу на основаніи чистаго умозрѣнiя, то онъ дѣлаетъ грубую принципиальную ошибку и становится метафизикомъ, а не ученымъ, какимъ является въ своихъ морфологическихъ изслѣдованiяхъ. Наоборотъ, когда *Юмъ*, *Ламеттри*, *Гольбахъ*, *Кантъ* высказываютъ идеи, въ основѣ которыхъ лежатъ наблюдение и опытъ (внѣшній или внутренній — все равно), они являются тогда учеными, а не метафизиками. Такое смѣшанное міросозерцаніе, такое смѣшиваніе методовъ, при которыхъ научная точка зрѣнiя и выводы, построенные путемъ индуктивнаго метода, укладываются бокъ-о-бокъ съ метафизическими, антинаучными воззрѣнiями, поэтому едва ли можетъ служить аргументомъ для доказательства тождества науки и философіи. Оно является вполне естественнымъ и съ исторической точки зрѣнiя неизбѣжнымъ, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такое смѣшеніе касается вопросовъ второстепенныхъ, антагонизмъ отъ разности и противоположности міросозерцанiя не чувствуется; въ противномъ же случаѣ онъ ведетъ къ тяжелой внутренней борьбѣ, иногда непосильной и гибельной для ея носителя.

Все сказанное даетъ намъ основаніе считать ту часть аргументаціи въ защиту тождества метафизики и науки, которая основывается на фактѣ существованiя натуралистовъ, занимающихся философскими построениями, и философовъ, держащихся индуктивнаго метода и отрицающихъ возможность познанiя сущности вещей, — недостаточно убѣдительной. Аргументація эта въ нашихъ глазахъ скорѣе доказываетъ обратное тому, что она была призвана доказать, а именно, что различіе между метафизикой и наукой такъ глубоко и такъ существенно, что мы можемъ во всякое время безъ труда указать ихъ даже тогда, когда онѣ смѣшаны между собою, когда обѣ входятъ въ составъ міросозерцанiя не только человѣчества, но и отдѣльнаго индивидуума. Различіе это такъ очевидно, что мы съ полною ясностью отмѣчаемъ у философа Канта его научныя положенiя и научный методъ, какъ ясно видимъ у натуралиста Геккеля его метафизическія, ненаучныя, построения. Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о томъ соображеніи, по которому наука и философія оказываются тождественными, вслѣдствіе наличности *творчества*, которое необходимо и для той, и для другой области знанiя. Объ этомъ вопросѣ трактовалось очень много и очень многими; но такъ какъ сущность соображеній вездѣ и у всѣхъ приблизительно остается одной и той же, то мы, чтобы не ходить далеко, приведемъ аргументаціи изъ той же статьи, на которую только что ссылались. Вотъ что мы въ ней читаемъ по этому предмету:

«Существеннѣйшую часть всякой науки, — ту часть, которая и

дѣлаетъ науку наукой, — составляютъ выводы, обобщенія. Эти выводы въ большинствѣ случаевъ гипотетичны. Теоріи также почти всегда возникаютъ первоначально въ видѣ гипотезъ. Но всякая гипотеза есть творческое построеніе. Этому не отвергають даже самые крайніе реалисты». Совершенно справедливо, скажемъ мы въ свою очередь. Но дѣло въ томъ, что творчество въ наукѣ не совсѣмъ то же, что творчество въ метафизикѣ, и гипотезы научныя не тождественны гипотезамъ метафизическимъ. Какъ на примѣръ, имѣющій доказать, что творчество въ наукѣ и метафизикѣ совершенно однородны по своему характеру, обыкновенно указываютъ на извѣстный въ исторіи науки фактъ возникновенія теоріи черепа, который передають со словъ самого ея автора — Лоренца Окена. Вотъ какъ онъ рассказываетъ о возникновеніи у него этой идеи. «Въ августѣ 1806 года я путешествовалъ по Гарцу. Я быстро спустился по южному склону его, лѣсомъ, и вдругъ увидѣлъ у своихъ ногъ прекрасный, чисто отбѣлившійся черепъ оленя. Поднять его, повернуть, взглянуть было дѣломъ одной минуты и — свершилось! Вдругъ, какъ молнія, блеснула у меня мысль: это позвоночникъ! и съ тѣхъ поръ черепъ сталъ позвоночникомъ». Авторы, приводящіе этотъ рассказъ, забываютъ, однако, добавить, что научныя идеи натурфилософовъ, которыхъ представителемъ былъ Окенъ, постольку, поскольку эти идеи имѣли цѣну, всегда являлись слѣдствіемъ наблюденія. Этимъ и объясняется, конечно, что гомологичность черепа и позвоночника признается теперь всѣми, и если гомологичными оказались не тѣ части, которыя предполагалъ Окенъ, а потомъ Гете, такъ это объясняется тѣмъ, что имъ не были извѣстны тѣ факты, которые стали извѣстны позднѣе. Правда, подъ влияніемъ духа времени (метафизика въ началѣ нашего вѣка, какъ сказано выше, была конечной вершительницей всѣхъ вопросовъ знанія и руководительницей въ изысканіи путей къ рѣшенію этой задачи) натурфилософы скрывали эту часть работы: уразумѣть природу путемъ *чистаго мышленія, возсоздать, строить, а не изучать ее*, считалось тогда за *высшій, раціональный*, единственный научный путь къ пониманію природы. Вслѣдствіе этого идеи, явившіяся несомнѣннымъ плодомъ наблюденія, ученые кануна XIX вѣка умышленно выдавали за результатъ интуиціи, за выводъ изъ положеній, невѣсть откуда взятыхъ.

Въ высшей степени характеристично для Окена, какъ естествоиспытателя, то обстоятельство, что непосредственно за этими вступительными изреченіями чисто метафизическаго характера, слѣдуетъ совѣтъ студентамъ начинать съ того, чтобы *изучать* въ натурѣ черепъ овцы и дается наставленіе, какъ слѣдуетъ поступать при его разсматриваніи. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя Окенъ, какъ натурфилософъ, самъ и говорилъ тономъ оракула, черпающаго свои воззрѣнія изъ глубины своего «я», но, какъ естествоиспытатель, онъ сознавалъ, что на дѣлѣ прежде всего слѣдуетъ начинать съ непосредственнаго наблюденія.

Мы полагаемъ поэтому, что видѣть въ рассказѣ Окена о томъ, какъ ему пришла мысль о гомологіи черепа костямъ позвоночника,

доказательство однородности научнаго и метафизическаго творчества едва ли возможно. Напротивъ, чѣмъ ближе всматриваешься въ процессъ этого творчества, тѣмъ рѣзче выступаетъ различіе между ними, и соображенія самихъ метафизиковъ по этому предмету, строго отличающихъ творчество науки отъ творчества метафизики, представляются гораздо болѣе близкими къ истинѣ.

Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ по интересующему насъ вопросу у одного изъ нашихъ современныхъ философовъ *). Есть два рода творчества и два рода гипотезъ, — говоритъ онъ. — Есть гипотеза, такъ сказать, механическая и есть гипотеза органическая. «Первая строго держится почвы фактовъ и ограничивается лишь ихъ обобщеніями, всегда, конечно, неполными и незаконченными; вторая, напротивъ, смѣлымъ интуитивнымъ воззрѣніемъ переступаетъ за предѣлы фактовъ и возвращается къ нимъ лишь для того, чтобы придать своимъ интуиціямъ и концепціямъ плоть и кровь, облечь ихъ въ общепонятную и конкретную форму. Для первой—точкой отправления и опоры служить механическая необходимость, строгая законосообразность, связывающая желѣзнымъ закономъ явленія близкой къ намъ видимой дѣйствительности; для второй точкой отправления являются запросы и постулаты нашего идеальнаго самосознанія, нашей внутренней свободы, которую мыслитель и проэцируетъ внѣ себя и предполагаетъ въ основѣ міра и міроваго процесса».

Такое опредѣленіе различія между гипотезами научными и метафизическими представляется намъ гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе, по которому научное и метафизическое творчество являются будто-бы совершенно тождественными по своему существу. Мы присоединили-бы къ приведенной выдержкѣ изъ статьи г. А. Введенскаго лишь слѣдующія замѣчанія. Во первыхъ, что построенія, точкою отправления которыхъ являются «запросы идеальнаго самосознанія, нашей внутренней свободы, которую мыслитель проэцируетъ внѣ себя», безусловно антинаучны; что же касается, во вторыхъ, до того: могутъ ли вообще имѣть какое-нибудь значеніе построенія такого рода, то въ статьѣ того же г. Введенскаго, на стр. 129, мы читаемъ: «когда мысль свободна, то она приступаетъ къ философскимъ проблемамъ *храбро* и *рѣшительно*, и ничѣмъ не стѣсняемая *набрасываетъ смѣлая гипотезы*», а на стр. 136, что «царство истины не берется силой и не завоевывается храбростью». Справедливость обоихъ этихъ замѣчаній едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Этимъ, по крайней мѣрѣ, всего проще объясняется, почему гипотезы, «съ изумительной храбростью и рѣшительностью» набросанныя воспарившею за облака мыслью Шеллинга, лѣтъ черезъ 20 превратились въ мусоръ. Истины храбрымъ полетомъ за облака,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Введенскій—не получишь; а метафизику получить можно, и въ этомъ-то именно и заключается коренное различіе между творчествомъ въ наукѣ и метафизикѣ.

*) А. Введенскій: «О задачахъ современной философіи». «Вопросы философіи и психологіи» 1898 г., кн. 5, стр. 136.

II.

Этимъ кореннымъ различіемъ между наукой и метафизикой, ихъ органической противоположностью, скажемъ даже враждебностью другъ къ другу, объясняется интереснѣйшее явленіе, происходящее на глазахъ современнаго намъ человѣчества: фактъ крушенія метафизическихъ ученій частью въ зависимости отъ успѣховъ естествознанія, частью независимо отъ нихъ подъ давленіемъ внутренняго разложенія.

Признаками этого крушенія являются: во 1-хъ, рядъ компромиссовъ, путемъ которыхъ метафизика пытается слиться съ наукой, «возводя послѣднюю до высоты, которую сама занимаетъ», или, говоря другимъ языкомъ, — рядъ компромиссовъ, путемъ которыхъ метафизика пытается сохранить себя, пристегивая подъ тѣмъ или другимъ видомъ, въ томъ или другомъ объемѣ, свои построенія къ выгодамъ науки; во 2-хъ, заявленіе самихъ представителей метафизической философіи, что все, что могла она сказать, ею уже сказано, и роль ея окончена, и наконецъ, въ 3-хъ, тѣ самые аргументы послѣднихъ могоканъ метафизики, которыми они пытаются доказать, что часъ ея крушенія далеко еще не пробилъ, что напротивъ: значеніе ея растетъ, а въ близкомъ будущемъ сдѣлается огромнымъ... Скажемъ нѣсколько словъ по поводу каждаго изъ этихъ признаковъ разложенія метафизики.

Компромиссы, о которыхъ мы упомянули, сводятся къ стремленію слить метафизическую философію съ наукой, сдѣлавъ первую изъ нихъ синтезомъ всѣхъ наукъ, какъ науку въ ея цѣломъ. Стремленіе это, какъ извѣстно, представляетъ собою форму компромисса наиболѣе распространенную. Философская задача нашего времени, говорятъ намъ, заключается въ возведеніи науки на степень философіи, съ которою она въ широкомъ смыслѣ слова уже совпадаетъ. Вотъ, что мы читаемъ у Рия по этому поводу: «Отличительною задачею философіи», говоритъ онъ, «почитали обоснованіе ею міросозерцательнаго ученія или общаго взгляда на міръ. Философія должна, какъ говорили, быть такимъ ученіемъ, и дѣло ея должно состоять въ высшемъ обобщеніи частныхъ научныхъ обобщеній до высшихъ результатовъ своихъ собственныхъ обобщеній».

Нѣтъ спору, что обоснованіе и выполненіе научнаго міровоззрѣнія составляютъ общую цѣль всей совокупности наукъ; но именно потому, что это цѣль всѣхъ наукъ въ совокупности, оно и не можетъ быть задачею одной только отдѣльной науки. Съ справедливостью этого соображенія нельзя не согласиться; а изъ него уже само собою слѣдуетъ, что такая новая философія, т. е. философія въ смыслѣ высшаго обобщенія частныхъ научныхъ обобщеній по малой мѣрѣ не нужна, такъ какъ выводы и обобщенія науки ровно ничего не приобретутъ отъ того, что мы эти самые выводы и обобщенія назовемъ не наукой, а философией. Они даже проиграютъ отъ этого въ смыслѣ точности и опредѣленности. Правда—предлагаемый компро-

миссь очень выгоденъ для сторонниковъ метафизики, которые, отказываясь отъ научныхъ задачъ, оставляютъ за собой задачи «философiи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова», въ составъ которыхъ, между прочимъ, входятъ: «*самобытное* своеродное произведенiе человѣческаго духа, имѣющее своею цѣлью учить человѣчество, вѣрить въ человѣчество и добро, которое должно твориться. Оборонять вѣру эту противъ нѣкоторыхъ ложныхъ заключенiй, выведенныхъ изъ науки, и принимать участiе въ выработкѣ человѣческихъ идеаловъ». (Риль) Путемъ предлагаемаго компромисса метафизическiя построения на сказанныя темы включаются въ сферу научныхъ изслѣдованiй. Это, повторяемъ, очень выгодно для сторонниковъ метафизики, но совершенно не нужно для науки.

Что же касается до идеи (Риль) о томъ, что къ полученной послѣ такой реорганизацiи науки и философiи, къ этой *единой* области знанiя вполнѣ будто бы подойдетъ древнiй терминъ «*метафизики*», на томъ основанiи, что по своему первоначальному значенiю она была тѣмъ, что слѣдовало за физикой, то на этомъ соображенiи, едва ли стоитъ останавливаться долго. Довольно сказать во 1-хъ, что Аристотелю терминъ «*метафизика*» вовсе не былъ извѣстенъ, что онъ принадлежитъ одному греческому грамматику (Андронику Родосскому), который приводилъ въ порядокъ сочиненiя Аристотеля и поставилъ его изслѣдованiя о «первой философiи» (метафизики) *послѣ* сочиненiй по вопросамъ физики, съ цѣлями чисто дидактическими; изъ чего, разумѣется, слѣдуетъ, что заглавiе, которое было дано Андроникомъ «первой философiи» Аристотеля «*Τὰ μετὰ τὰ φυσικά*» огнюдь не имѣло того смысла, который ему хотять навязать сторонники компромисса; а во 2-хъ, совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что терминъ «*метафизика*» сохранить необходимо, мы полагаемъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, что сохранить его надо исключительно лишь какъ историческiй памятникъ; для этого же нѣтъ надобности измѣнять его первоначальнаго значенiя и подводить подъ него то, что всегда лежало за его предѣлами. Никогда не слѣдуетъ забывать при этомъ, что типическiй метафизикъ Гегель въ его «*Encyclopädie der Philosophischen Wissenschaften*» (§ 37), говоря о наукѣ, выражается такъ: «*вмѣсто того, чтобы искать истину въ самой мысли—эмпирики отыскиваютъ ее, копошась въ области внутренняго и внѣшняго опыта*»...

Эта мысль выражаетъ истинное опредѣленiе метафизики, которая никогда не слѣдовала за *опытомъ*, которая презирала высшее судилище науки: наблюденiе и экспериментъ; съ этимъ кореннымъ ея признакомъ она должна и остаться въ исторiи умственнаго развитiя человѣчества.

Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что какую бы попытку слить метафизику съ наукой мы ни взяли, всегда окажутся одни и тѣ же непреодолимые затрудненiя, вытекающiя изъ кореннаго различiя этихъ двухъ родовъ умственной дѣятельности человѣка. Какъ бы покрой плаща ни изобрѣли искатели компромисса путемъ слиянiя метафизики съ наукой, итогъ будетъ получаться одинъ и тотъ же: прикроете этимъ плащемъ голову, ноги будутъ торчать на-

ружу; прикроете ноги, голова останется открытою. Въ лучшей формулѣ, которой, повидимому, сполна удалось объединить метафизику съ наукой,—тогда же обнаруживается, что помимо необходимыхъ для этого натяжекъ, нѣкоторая часть метафизики все же оказывается не объединенной и для нея приходится изобрѣтать новую формулу. Изобрѣтите другую, въ которую можно было-бы включить эту не-объединенную часть, оказывается, что тѣмъ самымъ отнимается отъ науки ея существеннѣйшіе и основные признаки.

Мы не будемъ поэтому останавливаться на многочисленныхъ попыткахъ компромисса метафизики съ наукой путемъ ихъ сліянія. Всѣ они, какъ бы ни казались разнородными, доказываютъ одно и то же, а именно: во 1-хъ, что такое сліяніе невозможно и, такимъ образомъ, присоединяютъ одинъ новый аргументъ къ тѣмъ, которыми устанавливается коренное различіе между метафизикой и наукой; а во 2-хъ, что самый фактъ компромисса такого рода, самое стремленіе метафизиковъ слиться съ наукой служитъ тѣмъ болѣе очевиднымъ свидѣтельствомъ крушенія метафизики, что онъ является очень распространеннымъ и представляетъ картину, прямо противоположную той, которая имѣла мѣсто въ началѣ XIX вѣка. Тогда нарождающаяся наука со своими слабыми представителями, смутно понимавшими ея громадное значеніе и ея силы, для преданія ей нѣкотораго престижа драпировалась въ уголки безгранично огромнаго плаща метафизики, снисходительно удѣляемаго имъ этой всеобщей руководительницей и наставницей; а теперь, наканунѣ XX вѣка дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ: метафизика пытается приспособить себѣ суровую тогу науки, которую ей не предлагаютъ, но и не отнимаютъ, потому что она все равно придется ей не по плечамъ.

Не всѣ метафизики, конечно, идутъ на компромиссы съ наукой. Одни изъ нихъ, наиболѣе свѣдущіе, и потому наиболѣе скромные—признали фактъ паденія когда-то могущественнаго кумира.

Другіе и въ наши дни продолжаютъ утверждать, что никакого паденія не «произошло», что Метафизика, какъ была, такъ и осталась источникомъ мудрости и знанія. Первые изъ нихъ, пріидя къ убѣжденію, что всевозможныя рѣшенія философскихъ вопросовъ уже испытаны, сводятъ ея задачу къ изученію своей исторіи, а въ самомъ фактѣ преобладанія историческихъ изслѣдованій въ наше время видятъ подтвержденіе своему мнѣнію. Фактъ безусловнаго преобладанія историческихъ изслѣдованій въ области метафизической философіи надъ всѣми остальными, фактъ появленія самостоятельныхъ журналовъ, посвященныхъ исключительно ея исторіи,—представляетъ дѣйствительно знаменательный симптомъ и, разумѣется, не можетъ имѣть другого значенія, кромѣ того, которое даетъ ему, напримѣръ, Эрдманъ, утверждающій, что философіи не осталось ничего другого, какъ заниматься своей исторіей. Ни въ одной области естествознанія—астрономіи, физики, химіи и биологіи мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: у нихъ нѣтъ ни одного спеціальнаго органа, который посвящался бы изученію исторіи этихъ наукъ. Оно и понятно—все это науки живыя; у нихъ есть и настоящее и будущее; исклю-

чительно же мемуарами о прошлыхъ дняхъ занимаются, какъ извѣстно, только подъ старость, когда кромѣ этого заниматься уже нечѣмъ. У метафизики нѣтъ настоящаго, нѣтъ будущаго, хоть послѣдніе могикиане и общаютъ намъ подъ самыми тяжкими клятвами ея непремѣнное возрожденіе. Такъ г. Лютославскій, напримѣръ, на страницахъ журнала «Вопросы философіи и психологіи» вопросъ о преобладаніи изученія *исторіи* философіи надъ всѣми остальными отраслями дѣятельности философовъ рѣшаетъ иначе, чѣмъ г. Эррманъ; почтенный авторъ полагаетъ, что *такъ* какъ это преобладаніе свойственно только современной эпохѣ, то оно должно (*sic*) имѣть совершенно временныя причины».

Очевидно, однако, что такая «истина» ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы какой нибудь историкъ XVII вѣка сказалъ намъ, что *такъ какъ* преобладаніе бѣлой расы въ Америкѣ и параллельное вымирание туземцевъ получило мѣсто только въ современную эпоху, *то оно должно* имѣть совершенно временныя причины; что пройти еще столѣтіе и американцы должны исчезнуть, а туземцы возродиться. Можетъ быть, такіе толкователи дѣйствительно были въ свое время; весьма вѣроятно, что многіе индѣйцы даже нашихъ дней рѣшаютъ этотъ капитальный вопросъ именно въ этомъ смыслѣ, только мы не послѣдуемъ вглубь соображеній, коими развиваются и доказываются подобнаго рода истины.

Послѣднюю группу доводовъ въ удостовѣреніе того, что метафизика пала, представляютъ, какъ было сказано, аргументы небольшой горсти защитниковъ «чистой философіи». Аргументы этихъ послѣднихъ могикианъ за жизненность своего дѣла едва ли, однако, не болѣе всѣхъ остальныхъ данныхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что оно умерло.

Они, конечно, продолжаютъ держать свое знамя по прежнему недостижимо высоко: «метафизическая философія должна всегда, и прежде всего, остаться сама собою», «она должна стремиться къ той полнотѣ и совершенству знанія, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ обладалъ *правильными и твердыми* критеріями дѣятельности», «она даетъ общія начала поведенія, даетъ идеалы разумной человѣческой дѣятельности, даетъ руководящія принципы не только въ познаніи, но и творчествѣ»: «она порождаетъ и возрождаетъ науки и искусства». Г. Лютославскій, въ статьѣ «о значеніи и задачахъ исторіи философіи», утверждаетъ даже, что рѣшеніе метафизическихъ вопросовъ для человѣка несравненно важнѣе, чѣмъ самое подробное (?) познаніе физическаго міра, а г. А. Введенскій присовокупляетъ, что нѣтъ на свѣтѣ вопросовъ болѣе интересныхъ, какъ вопросы метафизики и т. п. Словомъ, для нихъ, послѣднихъ могикианъ прошлой, отходящей въ вѣчность, эпохи, метафизика остается окруженною чуть-чуть не такимъ же ореоломъ величія, какимъ стояла она рубежѣ XIX вѣка. Но... прислушайтесь прежде всего къ тону этихъ философовъ, все еще держащихся за древко знамени, древняго какъ самъ человѣкъ, и въ свое время сослужившаго ему, надо отдать справедливость, добрую службу. Мажорные тона непо-

грѣшимаго владыки перешли въ минорныя; законодатель правилъ добраго поведенія, какимъ долженъ быть философъ по девизу, значущемуся на его знамени, онъ на дѣлѣ жалуется на притѣсненія и клевету, которой враги метафизики ее потопили; призванный породить и возродить науку, на дѣлѣ онъ, если не протягиваетъ руку къ этой наукѣ за помощью, то выражается о ней не иначе, какъ съ должнымъ почтеніемъ, а о себѣ и своихъ задачахъ, какъ о задачахъ чело-вѣка, «которому выпала на долю защита оклеветанной и поруганной области знанія — дѣло болѣе трудное, чѣмъ задача защиты угнетеннаго и убитаго клеветой чело-вѣка»... Сопоставьте, читатель, высокопарные девизы метафизики съ картиной ея дѣйствительнаго положенія, такъ опредѣленно намѣчаемаго жалобами и сѣтованіями ея представителей, и вы получите истину.

И знаете-ли, кто поколебалъ значеніе и роль метафизики? Ихъ поколебалъ... *одинъ чело-вѣкъ*, да еще такой, который былъ знакомъ съ нею «изъ третьихъ рукъ». Этотъ чело-вѣкъ—Огюстъ Контъ! Припомнимъ кстати, что ученый этотъ писалъ о всѣхъ областяхъ чело-вѣческой мысли, что онъ не зналъ и не могъ ихъ знать, поэтому, какъ слѣдуетъ, что его сужденія въ области астрономіи, физики, зоологіи, поражая удивительной проникаемостью и глубиной мысли гениальнаго чело-вѣка, не рѣдко оказываются не менѣе поверхностными и ошибочными, чѣмъ и въ вопросахъ метафизики; ни одной изъ нихъ, однако, онъ не нанесъ своими ошибками ни же малѣйшаго вреда, никому изъ ученыхъ нашего времени, кромѣ тѣхъ развѣ, которые послѣ того уже, какъ ошибки Конта были указаны, желали показать, что и у нихъ есть копыта,—не придетъ въ голову защищать отъ несправедливостей Конта свою науку,—которая вообще ни въ чьей защитѣ не нуждается, а всего менѣе въ защитѣ отъ погрѣшностей того, преданность котораго и вѣра въ науку создали вполне заслуженную репутацію выдающагося ума нашего столѣтія. Одна метафизика—эта бѣдная, покинутая вдова кануна XX вѣка, оказывается оклеветанной и обиженной Контомъ въ такой мѣрѣ и силѣ, что «оправдать ее труднѣе, неизмѣримо труднѣе, чѣмъ оправдать поруганнаго и оклеветаннаго чело-вѣка»! За тысячи лѣтъ своего существованія она не собрала себѣ того, что науку въ короткій, изумительно короткій, срокъ сдѣлало недоступной ни для какихъ нападокъ!

Само собою понятно, разумѣется, что теперь мы уже не слышимъ голосовъ, которые еще такъ недавно говорили съ презрѣніемъ о копошавшихся гдѣ-то тамъ, далеко, въ области внѣшняго и внутренняго опыта; такъ далеко, что съ вершинъ метафизики и разсмотрѣть ихъ было трудно. Теперь изученіе природы уже не предлагается толпѣ, которая неспособна подняться до высоты занимаемой жрецами мудрости,—теперь намъ говорятъ, что нужно безпристрастное и спокойное отношеніе *«ко всемъ приемамъ познанія»*. Этого мало: намъ говорятъ, что изученіе явленій опыта внутренняго и внѣшняго *необходимо*; что науки должны стремиться къ положительному и точному знанію, и т. д., и т. д. Къ этому присоединяютъ лишь, что

такимъ путемъ не исчерпываются «всѣ формы познанія» и что *одною изъ нихъ* является метафизика. Но и это еще не все: метафизикѣ рекомендуютъ отказаться отъ отвѣтовъ на всѣ вопросы, какъ она это дѣлала въ началѣ нашего столѣтія, когда съ непоколебимою увѣренностью принималась за рѣшеніе *a priori* вопросовъ всѣхъ наукъ, до естествознанія включительно, а совѣтуютъ удовольствоваться рѣшеніемъ лишь тѣхъ вопросовъ, которые доступны ея средствамъ.

Не правда ли, какъ огромна разница въ тонѣ послѣднихъ могоканъ метафизики сравнительно съ тѣмъ, который держали «любители мудрости» какихъ нибудь сто лѣтъ назадъ? Какъ мало соответствуетъ теперешній ея тонъ тѣмъ широкообщательнымъ девизамъ, которые по традиціи продолжаютъ еще красоваться на ея знамени!

Перейдите отъ общаго тона къ аргументаціи, посмотрите, что выставляется защитниками метафизики въ качествѣ орудій, имѣющихъ отстоять ту скромную позицію, которую она продолжаетъ еще считать своею,—и вы увидите, что аргументы эти гораздо скромнѣе даже ея меланхолически-минорнаго общаго тона.

Исходя изъ того положенія, что конечная цѣль знанія — «дать человѣку строго обоснованные, для всѣхъ одинаково достовѣрные и обязательные, принципы дѣятельности», признавая *теперь*, что эта цѣль не можетъ быть достигнута иначе, какъ познавъ предварительно природу міра и человѣка, метафизика полагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ виду *бессилія науки* дать въ настоящее время такое полное міросозерцаніе, которое требуется нашимъ умомъ, и необходимости указанія принциповъ разумной дѣятельности, ея задача: дать такое міросозерцаніе и такіе принципы — является столько же необходимой, сколько и достижимой.

Необходимость въ рѣшеніи такой задачи вытекаетъ изъ свойствъ самой природы человѣческаго духа; достижимость слѣдуетъ изъ того, что кромѣ органовъ ощущенія (необходимыхъ для изученія явленій опыта) и логическихъ функцій мысли (необходимыхъ для критики и упорядоченія выводовъ и заключеній) — въ своей совокупности служащихъ средствомъ для одного изъ приемовъ познанія, человѣкъ обладаетъ «для проникновенія въ природу вещей» еще и другими средствами:

1) чувствомъ и 2) воображеніемъ.

Эти то средства «*проникновенія въ природу вещей*» метафизики считаютъ приемомъ равноцѣннымъ тѣмъ, которыми пользуется наука. Чувство, схватывая то, что «неспособно уловить и раздѣльно опредѣлить мысль путемъ детального расчлененія ощущеній и логической обработки мысли» (по просту говоря — наука), а «воображеніе или творчество, часто упреждая логическую работу мысли, такъ какъ даетъ возможность цѣлымъ рядомъ бессознательныхъ и недоступныхъ логическому анализу процессовъ (по просту — недоступныхъ наукѣ) построить общую формулу, или отвлеченный принципъ, проливающихъ неожиданннй свѣтъ на множество непонятныхъ донныѣ явленій, на цѣлый рядъ сложныхъ и запутанныхъ фактовъ, — представ-

ляют приемъ, дающій возможность соперничать въ цѣнности результатовъ съ аналитическою мыслью».

Просматривая исторію наукъ, мы, однако, за весь періодъ ея существованія едва-ли найдемъ хотя-бы *одного* ученаго, который поставилъ своею задачею развить ту или другую догадку метафизики, хотя-бы одно научно установленное положеніе, для котораго исходнымъ пунктомъ служило «упредившее логическую работу воображеніе».

Правда, г. Лютославскій рассказываетъ намъ, что Платонъ, «который относился къ естествознанію съ удивительнымъ пренебреженіемъ», высказалъ въ своихъ сочиненіяхъ много *истинъ, доказанныхъ и развитыхъ* естествоиспытателями въ *последнія столѣтія*, «но это уже очевидный *lapsus calami*, болѣе чѣмъ слѣдуетъ откровеннаго и преданнаго, чѣмъ осторожнаго друга метафизики. Г. Лютославскій не можетъ не знать, что высказанная Платономъ идея о томъ, напримѣръ, что «существуютъ сперматозоиды, невидимыя для нашихъ глазъ вслѣдствіе ихъ чрезвычайной малости»—нельзя назвать «истиной», ибо сперматозоиды, извѣстныя наукѣ, ничего общаго со сперматозоидами, о которыхъ говоритъ Платонъ, не имѣютъ. Не можетъ г. Лютославскій не знать, что всѣ тѣ «истины», которыя онъ извлекъ изъ сочиненій Платона (счетомъ 6) вродѣ приведенной, или того, напримѣръ, что матерія въ нашемъ тѣлѣ постоянно перемѣняется, что наша кровь безпрестанно возобновляется и своимъ круженіемъ доставляетъ цѣлому тѣлу пищу, и т. д.,—что всѣ эти истины въ томъ смыслѣ, въ которомъ онѣ разумѣлись Платономъ, представляютъ собою нѣчто, чего никогда ни одному натуралисту не приходило и въ голову развѣивать въ послѣдующія столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могутъ имѣть эти фантастическія изреченія Платона, который самъ ничего не зналъ въ вопросахъ естествознанія, когда, по мнѣнію специалистовъ того времени, по мнѣнію учениковъ Гиппократъ головной мозгъ былъ вмѣстѣлищемъ водяной влаги, которая стекала внизъ носомъ и горломъ, чтобы уменьшить сердечный жаръ? Какой смыслъ могло имѣть соображеніе Платона о кровообращеніи, когда Аристотель—отецъ естествовѣдѣнія, какъ его называютъ, не безъ основанія говоря, что кровь питаетъ организмъ, утверждаетъ въ то же время, что кровеносные сосуды представляютъ собою трубки, наполненныя воздухомъ, и т. д. и т. д.

Ставить поэтому въ связь идею Платона о кровообращеніи съ открытіемъ Гарвея, идею сперматозоидахъ съ открытіемъ Van-Hamm'a, вообще «истины» Платона, который полагалъ, что «чувства получаютъ въ груди, а желанія — въ животѣ», съ истинами, добытыми наукой, — какъ это дѣлаетъ г. Лютославскій, значитъ не имѣть ни малѣйшаго понятія ни о томъ, что такое наука естествознанія вообще, ни объ упоминаемыхъ имъ ученыхъ въ частности. Только при такихъ условіяхъ и возможно говорить о томъ, что вотъ, дескать, Платонъ и не наблюдалъ сперматозоидовъ, какъ Van Hamm, а высказалъ свою объ нихъ «истину»; относился къ естествознанію презрительно, не трудился надъ вопросами этой науки, какъ Harvey, а воспарилъ умомъ, да и открылъ цѣлый рядъ «истинъ» въ области

физиологии, и т. д. Авторъ, утверждая все это, очевидно, упускаетъ изъ виду, что эти истины, если ихъ изложить не такъ кратко, какъ это дѣлаетъ г. Лютославскій, и вложить въ нихъ не тотъ смыслъ, который онъ получаютъ въ глазахъ человѣка нашего времени, когда нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія о природѣ сдѣлались уже общимъ достояніемъ всѣхъ грамотныхъ людей, а тотъ, который имѣли въ виду мудрецы Греціи, — то вмѣсто научныхъ «истинъ» получится нѣчто, чего и г. Лютославскій не рискнулъ бы назвать этимъ терминомъ. Онъ забылъ также и про то обстоятельство, что рядомъ съ 6-ю такого сорта истинами есть тысячи такихъ, которыхъ не обълѣить никакими сокращеніями и подъ которыя никакъ не подведешь истины настоящей.

Таковы главные — увы! очень мало убѣдительные, аргументы, имѣющіе доказать, что метафизика не сказала своего послѣдняго слова.

Къ нимъ остается присовокупить кое-какіе второстепенные, однако, всегда, при разсмотрѣніи этого вопроса, выставляемые на видъ защитниками будто-бы доминирующаго въ наши дни, какъ и во всѣ вѣка, прошлые и будущее, — положенія метафизики.

Однимъ изъ нихъ является указаніе на фактъ возникновенія новыхъ періодическихъ изданій метафизической философіи въ Европѣ и Америкѣ за послѣднія 20—25 лѣтъ. Списки этихъ изданій и ихъ итоги, къ сожалѣнію, скорѣе доказываютъ, однако, какъ разъ обратное тому, что ими стараются доказать.

Не говоря о томъ, что многія изъ этихъ изданій занимаются, какъ мы упоминали выше, по преимуществу, а нѣкоторыя исключительно, исторіей метафизической философіи, самые итоги вовсе не годятся для того употребленія, которое изъ нихъ дѣлаютъ, прежде всего потому, что нѣтъ отрасли печатнаго слова, которая за послѣднія 25 лѣтъ не сдѣлала бы успѣха въ количественномъ отношеніи, доказывая этимъ, конечно, отнюдь не увеличивающееся значеніе той или другой отрасли знанія, а исключительно одно возрастаніе числа читающей публики образованной и необразованной.

А во вторыхъ, и это самое существенное, сравнивая успѣхи этихъ «отраслей», не трудно видѣть, что журналы по метафизической философіи, далеко отстали въ этомъ отношеніи не только отъ журналовъ модъ, отъ журналовъ по кулинарному искусству, но даже отъ такихъ изданій, которыя рассчитаны на самые потемки общества, какъ журналы спиритовъ, напримѣръ, которые въ одной Западной Европѣ имѣютъ такую массу обществъ и массу періодическихъ изданій, передъ которою общества метафизиковъ съ ихъ изданіями меркнутъ, какъ въ деревенской иллюминаціи меркнетъ сальная плочка передъ пылающимъ дегтярнымъ боченкомъ...

Другое соображеніе — аргументъ — наставленіе — все вмѣстѣ, заключается въ томъ, что метафизика умереть *не можетъ*, потому что нѣтъ знанія болѣе важнаго и болѣе интереснаго, чѣмъ то, которое она доставляетъ.

«Возможно ли допустить что нибудь болѣе интересное, чѣмъ вопросы о матеріи, о духѣ, о происхожденіи и назначеніи міра?»

«Развѣ эти глубокіе философскіе вопросы бесплоднѣе вопросовъ какой нибудь (sic.) соціальной статистики, раціональной механики или хотя бы даже астрономіи?» спрашиваетъ, напримѣръ, г. А. Введенскій и отвѣчаетъ: «едва ли!» Ясно такимъ образомъ, что то, что принимается за паденіе метафизики есть вовсе не паденіе, а это вотъ что: *).

«Бываютъ», видите ли, «въ жизни человѣчества», говоритъ онъ, «какъ въ жизни отдѣльныхъ людей, загадочныя настроенія—состоянія—какого-то непостижимаго ослѣпленія. Точно что застилаетъ человѣку глаза, и будучи не въ силахъ смотрѣть въ даль, онъ съуживаетъ по необходимости свои перспективы и останавливается мыслью лишь на предметахъ близкихъ, вопросахъ полезныхъ, рѣшеніяхъ документальныхъ и осязательныхъ». Мысль о томъ, что изученіе предметовъ близкихъ, разработка вопросовъ полезныхъ, стремленіе къ рѣшеніямъ этихъ вопросовъ, документальнымъ и осязательнымъ—представляетъ собою, «состояніе непостижимаго *ослѣпленія*», конечно, оригинальная, я бы сказалъ даже единственная въ своемъ родѣ, если бы рядомъ съ нею не стояло соображеніе г. Введенскаго о томъ, что рѣшеніе философскихъ вопросовъ отнюдь не «бесплоднѣе» рѣшенія вопросовъ какой нибудь раціональной механики»...

Серьезно трактовать о такого рода идеяхъ и соображеніяхъ мы не считаемъ возможнымъ, но припомнимъ здѣсь картину, которую намъ предлагаетъ самъ г. Введенскій, не лишнее. «На памятникахъ Персеполиса доселѣ можно видѣть одно очень оригинальное изображеніе», сообщаетъ авторъ, «передъ царемъ персидскимъ стоятъ его данники, которые пришли къ нему съ поклономъ, каждый въ своемъ національномъ костюмѣ, каждый съ своими произведеніями и съ продуктами своей страны».

Вотъ, говоритъ г. Введенскій, наглядное изображеніе исторіи! Каждый народъ долженъ предстать на ея судъ съ тѣми особенностями и тѣми дарами, которыми его надѣлила природа. Конечно, это очень красивое и много говорящее сравненіе. Но оно не совсемъ точно выражаетъ смыслъ историческаго процесса и «судъ исторіи». Народы должны предстать на этотъ судъ, не только сохранивъ вѣренныя имъ таланты, но и приумноживъ ихъ путемъ экономическаго и цѣлесообразнаго употребленія. Повторенія и дубликаты», заканчиваетъ г. Введенскій, «исторіи не нужны!»

Картинка хороша, скажемъ мы въ свою очередь, аналогія поучительна, поправки г. Введенскаго прекрасны! Предположимъ теперь, однако, передъ такимъ «*судомъ исторіи*» плеяду наукъ, зародившихся 2,000 лѣтъ тому назадъ, каждую съ своими дарами, но при условіи, представляемомъ г. Введенскимъ, т. е., чтобы на судъ исторіи могли явиться только тѣ изъ нихъ, которыя «не только сохранили вѣренныя имъ таланты, но и приумножили ихъ». Всѣ науки предстали бы на судъ исторіи, каждая съ дѣлами своими, у иныхъ

*) См. статью «О задачахъ современной философіи». А. Введенскаго.

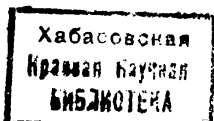
малыми, у другихъ огромными; только одной метафизикѣ пришлось-бы блистать своимъ отсутствіемъ, такъ какъ исторіи науки еще менѣе, чѣмъ общей исторіи, нужны дубликаты и повторенія. Шопенгауеръ по поводу санскрито-арійскихъ упанишадъ, какъ извѣстно, высказался такъ: читатель, вникнувшій въ Веды и такимъ образомъ посвященный въ тайны древне-индійской премудрости, *вполнѣ подготовленъ* къ тому, чтобы выслушать и понять современную философію. Такимъ образомъ за 3,000 лѣтъ, по его мнѣнію, не было сказано ничего такого, что было бы необходимо для уразумѣнія истины современного метафизическаго ученія!

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что новаго сказалъ самъ Шопенгауеръ, но рѣшительно утверждаемъ, что въ области точнаго знанія нѣтъ отдѣла науки, современный представитель котораго осмѣлился бы сказать, что для уразумѣнія его книги достаточно прочесть сочиненія Аристотеля, напримѣръ, игнорируя все, что заполняетъ періодъ времени, отдѣляющій жизнь этого мудреца Греціи отъ нашихъ дней. Могъ это сказать только метафизикъ; могъ потому, что метафизики вообще, «паря на орлиныхъ крыльяхъ за грани тучъ», видѣли дѣйствительность туманной, вслѣдствіе чего воспроизводили ее не такую, какою она есть на самомъ дѣлѣ, а такую, какою она *казалась* парящему на крыльяхъ метафизику. Ясно, что итоги изображеній могли имѣть, и дѣйствительно имѣли, только субъективное значеніе, являясь всегда сомнительными, всегда спорными, иногда только миражами. Кто говоритъ, миражи—вещь красивая и способная вызвать настроенія возвышенныя, только... при наблюденіи ихъ изъ покойныхъ кресель, а не заблудившемуся въ пустынь каравану безъ капли воды и съ пошатнувшимися надеждами на спасеніе! Въ такихъ случаяхъ средство угадать источникъ ключевой воды въ милліонъ разъ цѣннѣе, а стремленіе дать эти средства въ милліонъ разъ гуманнѣе и плодотворнѣе разговоры о томъ, какая изъ двухъ цѣлей бытія: та ли, которую предлагаетъ Леопарди, по зрѣломъ размысленіи открывшій, что эта цѣль—въ смерти, или та, которую тоже по зрѣломъ размысленіи и, разумѣется, послѣ «паренія въ горныхъ высяхъ открылъ Пеладонъ, заявивъ, что «высшая цѣль человечества—слушать музыку Ричарда Вагнера»—ближе къ истинѣ...

А г. Введенскій рекомендуетъ современной метафизикѣ «сбросить всякія узы, могущія стѣснять полетъ свободной мысли, и воспарить на орлиныхъ крыльяхъ за грани тучъ къ лазурной дали»!

Впрочемъ, какія бы рекомендаціи ни дѣлались метафизикѣ, какъ бы ни были грандіозны ея надежды въ отдаленномъ будущемъ, вопросъ о томъ, что канунъ XX вѣка совпадаетъ съ ликвидаціей ея дѣла, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, едва ли не составляетъ очевидности.

По мѣрѣ того, какъ почва, въ которой заключены были корни прежнихъ вѣрованій, измѣняется и качественно, и количественно; по мѣрѣ того, какъ вынужденные силою вещей, защитники уцѣлѣвшихъ участковъ, когда-то огромной, территории метафизики не только

отступаютъ по всей демаркаціонной линіи, но и самыя знамена вожаковъ носятъ девизы, за которыми бы не пошли ихъ бывше союзники,—точное знаніе растетъ, захватывая все большія, и большія области, шагъ за шагомъ отгѣсня соперниковъ, и охватываетъ, наконецъ, весь кругозоръ человѣческой мысли.

Владиміръ Вагнеръ.

Графъ Пжіакомо Леопарди.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

I.

...Al canto
Del secolo i bisogni omai non penso
Materia far.
Leopardi, Palinodia.

Поэзія пессимизма имѣетъ продолжительную исторію, и первые проблески ея не трудно отыскать въ глубокой древности. На протяженіи многовѣковой жизни человѣчества никогда не покидала его тоскливая мысль о ничтожествѣ земного существованія въ сравненіи съ вѣчнымъ идеаломъ, живущимъ въ душѣ человѣка. Человѣкъ не могъ заглушить въ себѣ страстнаго желанія заглянуть въ трансцендентальный міръ и разрѣшить вѣковой вопросъ о конечной цѣли нашего жизненнаго пути. И убѣдившись въ своемъ безспіи, онъ проникался скорбью, проклиналъ существованіе свое и окружающихъ, такъ какъ не могъ отыскать въ немъ никакой цѣлесообразности.

Въ этомъ разладѣ между идеаломъ и реальнымъ міромъ кроется главный источникъ пессимизма, и съ особенно мучительной ясностью разладъ этотъ выступалъ въ тѣ эпохи, когда высшій умственный подъемъ общества совпадалъ съ неблагоприятными историческими условіями, когда окружающая дѣйствительность была особенно печальна, а запросы человѣка были особенно высоки.

Если историческія условія создадутъ благоприятную обстановку для полезной дѣятельности, то общество, болѣе или менѣе удовлетворенное ею, легче забываетъ о неразрѣшенныхъ вопросахъ. Но если силы человѣка не находятъ себѣ прихѣнонія, тогда въ душѣ его невольно рождаются вопросы: «Къ чему эти силы? Къ чему

наши радости и страданія, если нѣтъ никакого порядка и смысла въ ихъ распредѣленіи?»

Едва ли какой-нибудь моментъ представлялъ болѣе благоприятныя условія для развитія поэзіи «мировой скорби», какъ эпоха, стоящая на грани двухъ послѣднихъ вѣковъ. Сантимерентальный скорбникъ Вертеръ открываетъ собою длинную галерею страдальцевъ. Цѣлая вереница печальныхъ образовъ безцѣльно блуждаетъ по мрачному небосклону, нависшему надъ Европой въ первой половинѣ XIX вѣка. Здѣсь и болѣзненный, унылый Рене, и гордый и несчастный въ своемъ одиночествѣ, пресыщенный жизнью, Чайльдъ Гарольдъ, подъ знаменитымъ плащомъ котораго бьется равнодушное и эгоистическое сердце. Здѣсь и трагическая фигура Каина съ его презрѣніемъ къ людямъ, съ его титаническими притязаніями. Полныя отчаянья пѣсни Ленау и негодующіе стихи Гейне сливаются въ стройную гармонию съ рѣчами скорбниковъ.

Этому тоскливому хору мѣсто подъ темными сводами средне-вѣкового готическаго храма, гдѣ все напоминаетъ о непрочности и тягости земной жизни. А между тѣмъ онъ служитъ вступительной увертюрой къ нашему столѣтію, разнообразными успѣхами котораго такъ гордится человѣчество!

Историческія условія объясняютъ причины этого страннаго явленія.

Идеалы, провозглашенные французскою революціей въ предѣлствовавшемъ столѣтіи, не осуществились. Началась реакція. Священному союзу и неутомимой полиціи Меттерниха удалось восстановить кое-гдѣ старія формы жизни, но апологеты реакціи не могли отнять у человѣческаго разума сдѣланныхъ имъ завоеваній. Общество, воспитанное на идеяхъ Руссо и революціи, впало въ отчаяніе, когда увидѣло крушеніе всѣхъ своихъ упований. Стоитъ прислушаться къ рѣчамъ скорбниковъ, и мы увидимъ, что всѣ они далеко опередили свое время, всѣ они изъ почальной современной дѣйствительности черпаютъ доказательства для оправданія своего пессимистическаго міровоззрѣнія. Одни изъ нихъ, подобно Шатобриану, стараются вернуться къ прошлымъ утраченнымъ вѣрованіямъ и гибнуть въ этихъ бесплодныхъ усиліяхъ; другіе замыкаются въ самихъ себя и испытываютъ нѣкоторое гордое утѣшеніе въ самомъ сознаніи своего одиночества, въ самомъ презрѣніи къ окружающему; третьи, наконецъ, какъ тѣни бродятъ по міру, все еще ожидая чего-то, тщетно стараясь найти на землѣ удовлетвореніе.

Но какъ ни презрительно въ своихъ пѣсняхъ относились скорбники къ земной жизни, *они жили*, а слѣдовательно сталкивались съ тѣмъ, что презирали, и должны были такъ или иначе проявить свое отношеніе къ окружающему. Они все-таки стремились къ счастью и искали наслажденій. Мало того, въ нихъ не заглохло чувство правды, и какъ люди, превосходившіе своими дарованіями современниковъ, они нерѣдко являлись выразителями

лучшихъ стремленій вѣка. Они не могли оставаться равнодушными зрителями того, что совершалось предъ ихъ глазами, они вмѣшались въ жизнь и во взаимныя отношенія людей. Здѣсь то и обнаружилось глубокое различіе въ мировоззрѣніи отдѣльныхъ пессимистовъ, составившихъ вмѣстѣ такое гармоническое цѣлое. Байронъ, устами Каина называвшій жизнь невыносимымъ бѣдствіемъ, призывавшій смерть и проклинавшій людей, скинулъ съ себя Чайльдъ-Гарольдовъ плащъ, когда этого потребовало счастье тѣхъ же людей, и сумѣлъ принести свою жизнь въ жертву дѣлу свободы. Гейне, витавшій въ обольстительной области романтическихъ грезъ, вносившій повсюду развѣдающій сарказмъ и накладывавшій печать презрѣнія на все земное, съ чѣмъ ему приходилось сталкиваться, Гейне, не щадившій въ своихъ насмѣшкахъ самыхъ священныхъ чувствъ человѣчества, при первомъ извѣстіи объ Іюльской революціи, простился навсегда съ родиной, умчался въ Парижъ, настроилъ на новый ладъ свою лару и до конца жизни не покидалъ оружія, поднятаго имъ за освобожденіе человѣчества. Даже жизнь самаго болѣзненного изъ скорбниковъ, автора Рене, была сплошной борьбой противъ новыхъ идеаловъ, обманувшихъ человѣчество, призывомъ къ старому мировоззрѣнію и къ отжившему строю.

II.

Поэты мировой скорби жили; жили земной жизнью, ея интересами. Не смотря на свой пессимизмъ, на свое безотрадное міросозерцаніе, каждый изъ нихъ находилъ, за что бороться, къ чему стремиться.

Но вотъ среди этого скорбнаго хора прозвучала такой голосъ, въ которомъ не было ни одного утѣшительнаго звука, который былъ однимъ сплошнымъ гимномъ смерти и походилъ на заунывный звонъ погребальнаго колокола. Этотъ голосъ раздался изъ слабой большой груди несчастнаго реканатскаго узника, молодого графа Джіакомо Леопарди. Въ пѣсняхъ этого пѣвца мы не найдемъ обычнаго у скорбниковъ вмѣшательства въ земную жизнь и ея интересы.

Судьба Леопарди тѣмъ трагичнѣе, что сердце его было полно любви и отзывчивости. Онъ также пытался заглянуть въ современную жизнь, отозваться на современные вопросы, но не усмотрѣлъ въ этой дѣйствительности ничего, кромѣ формъ, въ которыя можно было облечь свои скорбныя думы. Жизнь только подтвердила гнѣздившуюся въ умѣ его мысль о безцѣльности міроздавія, только доставила средства обосновать и развить его мрачную философію отчаянія, знаменитую теорію *infelicitá*.

Жизнь Леопарди—это исторія сплошныхъ неудачъ и разочарованій, это—цѣлая эпопея страданій, тяжелый конфликтъ между преждевременнымъ умственнымъ развитіемъ и полнымъ физиче-

скимъ безсилемъ. Какъ бы ни старались нѣкоторые біографы *) умалить значеніе его личныхъ несчастій въ созданіи его мрачнаго міровоззрѣнія, нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе. Въ роковомъ разладѣ между духомъ и тѣломъ Леопарди усматриваютъ даже единственную причину его трагической судьбы **). Нѣкоторые философы идутъ еще далѣе: они отказываются признать въ философіи Леопарди систему, созданную свободнымъ умомъ, а видятъ въ ней только автобіографію, «искреннюю и трогательную», воспоминанія «вдохновенныя и патетическія» ***).

Леопарди происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Онъ родился въ небольшомъ городкѣ Рекавати, куда глухо доносились извѣстія о событіяхъ, волновавшихъ всю Европу. Отецъ Леопарди съ ужасомъ и негодованіемъ прислушивался къ отдаленнымъ раскатамъ французской революціи и строго охранялъ свой семейный очагъ отъ новыхъ вѣяній, поддерживая старинныя дворянскія преданія, не только въ своихъ литературныхъ трудахъ, но даже въ своемъ образѣ жизни вплоть до костюма. Его жена была занята одной заботой — поправить пошатнувшіяся финансовыя дѣла семьи. Повидимому, она не оказала особеннаго вліянія на развитіе своихъ дѣтей. Въ домѣ графа Мональдо, который, не смотря на свои реакціонныя взгляды, былъ человѣкомъ образованнымъ и даже ученымъ, помѣщалась великолѣпная бібліотека.

И въ этой замкнутой семьѣ, гдѣ все отвлекало отъ современной дѣйствительности, уносило въ міръ отвлеченныхъ размышленій или въ область далекаго прошлаго, въ тяжелый для Италіи годъ, родился 100 лѣтъ тому назадъ болѣзненный мальчикъ съ признаками золотушности и съ необыкновенно развитой впечатлительностью. Антонио Раньери, неутомимый ученый и благородный человѣкъ, которому суждено было присутствовать при закатѣ этой несчастной жизни и облегчить послѣднія минуты страдальца, нарисовалъ въ нѣсколькихъ мѣткихъ строкахъ портретъ Леопарди ****). И эти нѣсколько строкъ лучше всего опредѣляютъ несоотвѣтствіе между неправильной физической организаціей и какими-то неземными стремленіями. Леопарди былъ небольшого роста, сутуловатый, худой, съ очень блѣднымъ лицомъ, съ тончайшими чертами лица, съ голубыми и томными глазами. Устройство головы его отличалось неправильностью: она была велика, лобъ — широкій и квадратный, голосъ — глухой и слабый. Но въ его улыбкѣ было *что-то невыразимое, словно небесное.*

*) F. A. Aulard. Essai sur Giacomo Leopardi. Paris 1877. 14.

**) H. Grimm. Giacomo Leopardi's hundertjähriger Geburtstag. Deutsche Rundschau. Mai 1898. 5. 218.

***) Émile Krantz. Le pessimisme de Leopardi. Revue philosophique. Octobre 1880. 412.

****) Ant. Ranieri. Notizia intorno agli scritti alla vita ed ai costumi di g. Leopardi, при Opere di g. Leopardi. Leipz. 1877. Стр. 16.

Реканатская обстановка заключала въ себѣ всѣ условія, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему неправильному развитію этой болѣзненной организаціи. Быстрый умственный ростъ и упадокъ физическихъ силъ шли все время рука объ руку. Не встрѣтивъ пониманія и сочувствія среди окружающихъ, молодой Джакомо рано погрузился въ самого себя, и все его вниманіе устремилось на богатую бібліотеку отца. Въ 14 лѣтъ онъ уже владѣетъ древними и новыми языками; черезъ два года создаетъ научныя изслѣдованія, привлекающія вниманіе специалистовъ; на 18-мъ году жизни онъ пишетъ гимны Нептуну и выдаетъ ихъ за найденныя будто-бы произведенія Анакреона; подражаніе оказывается до того гениальнымъ, что Леопарди удается обмануть записныхъ ученыхъ. Въ 22 года онъ приводитъ въ изумленіе своими познаніями знаменитаго Нибура и заставляетъ великаго ученаго воскликнуть: «Что за даровитый народъ эти итальянцы!»

Юношескія письма Леопарди переполнены сообщеніями о его занятіяхъ и научныхъ планахъ. То онъ пишетъ, что влюбленъ въ Вергилія *), то сообщаетъ о своихъ занятіяхъ классиками, то вступаетъ въ переписку съ графомъ Франческо Касси по поводу его статьи въ *Spettatore* **). Имена Гомера, Горация, Данте и пр. такъ и пестрятъ его письма изъ Реканати ***). Упомянутія о непосильныхъ занятіяхъ прерываются горькими жалобами на непониманіе со стороны окружающихъ, на отсутствіе умственныхъ интересовъ въ Реканати, гдѣ никто не стыдится имени невѣжды ****). Легко догадаться, каковъ былъ результатъ этой неправильной траты силъ.

III.

Тоска, не допускающая другого объясненія, кромѣ болѣзни, мало по малу совершенно овладѣла молодымъ ученымъ. Въ письмѣ къ Пьетро Джіордани *****) отъ 30-го Апрѣля 1817 года Леопарди пишетъ: «Ко всему присоединяется меланхолія безпрерывная, мрачная, ужасная и жестокая. Она грызетъ и пожираетъ меня, она питается моими занятіями, а безъ занятій еще болѣе усиливается» *****). Съ другой стороны, Джакомо постоянно жалуется на болѣзнь. Силы его надорваны безпрерывными занятіями. Внѣш-

*) *Epistolario di G. Leopardi raccolto e ordinato da Prospero Viani* Vol. I Firenze 1892. 40.

***) *Epistolario* I, 51.

****) *Epistolario* I, 61, 62 и слѣд.

*****) *Epist.* I, 55.

*****) Разносторонній ученый, воспитанный на идеяхъ французскихъ энциклопедистовъ, либеральный политическій дѣятель, Пьетро Джіордани познакомился сначала заочно, а потомъ лично съ Леопарди, былъ руководителемъ въ его первыхъ литературныхъ опытахъ и вообще имѣлъ большое вліяніе на умственное развитіе Джакомо.

*****) *Epist.* I, 57.

ность, — единственное, на чемъ останавливается человѣческій взоръ, загублена на всегда.

Вообще положеніе Джіакомо въ Реканати было очень униженное, такъ какъ отецъ не могъ понять сына, смотрѣлъ на него, какъ на мальчика, а на его неясное стремленіе къ болѣе возвышенной жизни, какъ на дѣтскій капризъ. Это было тѣмъ болѣе чувствительно, что Леопарди никакъ нельзя было обвинить въ наивномъ непониманіи людей. Онъ слишкомъ мало довѣрялъ имъ и успѣлъ совершенно разочароваться въ нихъ. «Мой отецъ, пишетъ Джіакомо, думаетъ, что я какъ неопытный юноша, не знаю людей. Я хотѣлъ-бы не знать ихъ столь преступными, каковы они въ дѣйствительности» *). Въ концѣ концовъ жизнь въ Реканати стала невыносимой для юноши. «Я не хочу жить въ Реканати» **).—Эта мысль во всевозможныхъ варіаціяхъ безчисленное количество разъ повторяется въ его письмахъ.

Полное истощеніе физическихъ силъ, привычка замыкаться въ себя, мысленно искать конечной цѣли совершающихся фактовъ и доискиваться ихъ тайнаго смысла, наконецъ потеря способности къ наслажденіямъ, къ увлеченію земными радостями— вотъ тѣ печальныя данныя, съ которыми послѣ долгихъ усилій Леопарди удалось вырваться изъ Реканати и уѣхать въ Римъ.

Но какъ горько разочаровался онъ въ тѣхъ ожиданіяхъ, которыя возлагалъ на столицу, центръ умственной жизни!

Слишкомъ рано научился онъ односторонне и теоретически понимать окружающее; слишкомъ мало умѣлъ онъ приспособляться къ жизни и мириться съ ея требованіями. Его не могъ ослѣпить блескъ и видимое превосходство вѣчнаго города, какъ это часто случается съ неопытными провинціалами. Читая римскія письма Леопарди, мы убѣждаемся, что авторъ ихъ недоступенъ никакому увлеченію, не способенъ ни къ какой вѣрѣ. Все земное для него слишкомъ пошло и ничтожно.

Эта способность подъ самой пышной одеждой человѣческой мудрости открывать пустоту; эти титаническія притязанія на раскрытіе вѣчной, абсолютной истины, на разгадку тайны мірозданія, заранѣе предрѣшаютъ невозможность удовлетворенія и трагическую судьбу обладателя этихъ притязаній, заранѣе обрекаютъ его на безысходное страданіе.

Леопарди вернулся изъ Рима въ Реканати совершенно разбитымъ. До поѣздки въ Римъ онъ вѣрилъ, что столица оживитъ и воскреситъ его, что стоитъ вырваться на просторъ, и тоска его наступитъ конецъ.

Теперь исчезла и эта послѣдняя надежда.

Въ жизни Леопарди былъ одинъ моментъ, когда онъ готовъ былъ броситься въ объятія счастья и отказаться отъ своихъ жалобъ.

*) Epist. I. 223.

***) Epist. I. 222.

Въ Болонѣѣ поэтъ познакомился съ графиней Мальвецци, умной и образованной дамой. Судя по письмамъ *), онъ въ первое время знакомства находился словно въ какомъ-то чадѣ, Графиня заинтересовалась даровитымъ поэтомъ и ученымъ, и дни, проведенные ими въ интересныхъ бесѣдахъ, быть можетъ, были немногими счастливыми днями въ жизни Леопарди. Это знакомство, пишетъ онъ своему брату Карло, открыло мнѣ глаза. Оно убѣдило меня въ томъ, что раньше казалось мнѣ невозможнымъ, *что мы действительно созданы для счастья*. Оно пробудило мое сердце отъ сна или вѣрнѣе отъ смерти, длившейся столько лѣтъ» **).

Но несчастье сторожило своего избранника.

Женщина не долго способна интересоваться мужчиной, единственное преимущество котораго представляютъ оригинальный умъ и поэтической геній. Леопарди принужденъ былъ покинуть графиню Мальвецци, блеснувшую единственнымъ свѣтлымъ лучомъ на мрачномъ небосклонѣ его существованія, и еще яснѣе предстала ему идея, что мы игрушки въ рукахъ случая, что судьбѣ ничего не стоитъ однимъ ударомъ уничтожить наше непрочное счастье.

Леопарди тѣмъ тяжелѣе долженъ былъ почувствовать тяжесть удара, что женщина въ его глазахъ являлась всегда высшимъ существомъ, вдохновляющимъ на все высокое. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ прямо говорить, что безъ женщинъ трудно найти въ чемъ-нибудь удовлетвореніе. Къ чувству разочарованія должно было присоединиться чувство несправедливости и обиды: Леопарди сознавалъ, что его вѣшность и отсутствіе физическихъ достоинствъ играли не малую роль въ его несчастіяхъ на землѣ, гдѣ умъ и внутреннія качества не находятъ справедливой оцѣнки.

IV.

И въ какую тяжелую для отчизны эпоху пришлось жить этому несчастному человѣку съ разбитымъ сердцемъ, съ гениальными дарованіями, съ надорванными силами, съ неумѣньемъ приспособляться къ жизни и бороться за земные интересы!

Онъ могъ судить о современныхъ событіяхъ только съ точки зрѣнія древняго римлянина, міровоззрѣніе котораго усвоилъ при изученіи классиковъ. Онъ не могъ отрѣшиться отъ уваженія къ умиравшимъ традиціямъ феодализма и къ придворнымъ обычаямъ пышнаго Ренессанса, память о которыхъ свято поддерживалась графомъ Мональдо. А между тѣмъ именно въ это время Италію охватывало вѣяніе новаго времени, и она требовала отъ своихъ сыновъ не отвлеченныхъ размышленій, не безплоднаго унынія, а

*) Epist. II. 138.

**) Epist. II. 140.

мужества и практической дѣятельности; она требовала отъ нихъ силъ для разрѣшенія нагнѣвшихъ вопросовъ.

Уже во второй половинѣ XVIII вѣка итальянская литература обнаружила интересъ къ вопросамъ первостепенной важности. Въ политической экономіи ломбардскіе ученые могли стать въ уровень съ лучшими политико-экономами Англіи. Реформа уголовного права во всѣхъ европейскихъ странахъ не мало обязана своимъ успѣхомъ сочиненію миланца Беккариа: «Преступленіе и наказаніе». Вопросы воспитанія, торговли и земледѣлія все болѣе и болѣе начинали занимать общество. Стихи и проза Альфіери будили въ итальянцахъ патриотическія чувства, возбуждали въ нихъ стремленіе къ свободѣ и ненависть къ тираннамъ *).

На французскую революцію въ Италіи откликнулись сочувственнымъ эхомъ. Въ городахъ образовывались тайныя общества, молодежь волновалась.

Когда Наполеонъ съ своей арміей вступилъ въ Италію, онъ провозгласилъ себя возстановителемъ итальянской свободы, но въ душѣ смотрѣлъ на Аппенинскій полуостровъ, какъ на заманчивую добычу **). Своими рѣчами и пышными словами, цѣликомъ заимствованными изъ лексикона первыхъ дней революціи, онъ самъ утвердилъ на полуостровѣ идею свободной и объединенной Италіи, а между тѣмъ предательски ограбилъ ее, съ откровеннымъ цинизмомъ продалъ Австріи при Кампо-Форміо и увелъ лучшихъ сыновъ ея сражаться за интересы Франціи въ Россію, гдѣ они погибли въ снѣгахъ сѣвера ***).

Когда, по низверженіи Наполеона, въ Европѣ воцарился Меттерниховскій режимъ, революціонное движеніе въ Италіи вызвало особенное безпокойство знаменитаго австрійскаго министра. Фердинандъ Неаполитанскій первый заключилъ предательскій договоръ съ Австріей, благодаря которому «шпіоны и полиція Фердинанда были присоединены къ Меттерниховскому полицейскому штабу въ Ломбардіи» ****).

Дальнѣйшая исторія Италіи представляетъ непрерывную борьбу между союзомъ чужеземцевъ и туземныхъ тиранновъ съ одной стороны и революціоннымъ движеніемъ — съ другой. Наполеонъ и его ставленники, несмотря на свою корыстную политику, не мѣшали торжеству новыхъ принциповъ въ Италіи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это не противорѣчило ихъ интересамъ. Такъ, напр., въ Неаполѣ во время управленія Іосифа Бонапарта и Мюрата были уничтожены послѣдніе остатки феодальнаго строя; монастыри были закрыты, введенъ новый французскій уголовный и гражданскій кодексъ; налоги распредѣлены болѣе равномерно, различіе

*) Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX в. т. I. Пер. Лучицкой. М. 1889. Стр. 85.

**) Ibid. I. 88.

***) Ш. Сеньобосъ. Политич. истор. совр. Европы. Пер. подъ ред. Трачевскаго Спб. 1898. Стр. 319. См. также Файфъ. Стр. 99, 10 и др.

****) Файфъ II. 57.

между сеньорами и крестьянами передъ правосудіемъ исчезло. Наступившая вслѣдъ за тѣмъ реакція не могла уже уничтожить этихъ реформъ. Идея свободы развивалась все сильнѣе, вызвала образованіе тайныхъ обществъ карбонаріевъ *) и привела къ революціи, окончившейся тѣмъ, что Фердинандъ долженъ былъ присягнуть конституціи. Но вслѣдъ за тѣмъ этотъ вѣроломный государь снова измѣнилъ своему отечеству и при помощи австрійскихъ войскъ возстановилъ неограниченность своей власти.

Дорого обошлось Италіи торжество Фердинанда! Гнетъ Австріи усилился, а «мученики итальянской свободы исчезали со свѣта, лишались всякаго сообщенія съ людьми и погребались на цѣлге года въ молчаливыя, всѣми забытыя тюрьмы сѣвера» **). Но искра свободы продолжала разгораться и подъ соединеннымъ гнетомъ чужеземцевъ и мѣстныхъ тиранновъ. Карбонаріи не прекратили своей дѣятельности, а многочисленные изгнанники поддерживали сношенія съ иностранцами и итальянскими революціонерами ***). Усилія цѣлаго ряда поколѣній привели наконецъ къ желанному результату: для Италіи взошла наконецъ заря свободы и благодарнымъ свѣтомъ озарила могилы борцовъ и страдальцевъ за освобожденіе родины.

Но среди этихъ славныхъ могилъ не было могилы графа Джіакомо Леопарди!

Леопарди былъ патриотомъ, но онъ любилъ свою родину, какъ поэтъ и ученый. Онъ любилъ ее за памятники искусства, за большое величіе и славу. Скорбя объ ея несчастіяхъ, онъ, кажется, больше боялся возможной утраты «итальянской рѣчи, царицы между всѣми живущими языками», чѣмъ думалъ о средствахъ къ возстановленію ея политической свободы ****).

Леопарди остался въ сторонѣ отъ всѣхъ броженій времени; и поэзія, и философія его являются скорѣе сатирой на лучшія стремленія эпохи, чѣмъ горячимъ привѣтомъ или ободряющимъ словомъ ихъ поборникомъ.

V.

Надъ всей патриотической лирикой Леопарди можно было бы поставить эпитафю слѣдующія слова: «Итальянцы не избавятся отъ тяжелаго гнета, пока не обратятся къ примѣрамъ своихъ славныхъ предковъ» *****).

Поэтъ точно витаетъ въ закодзованномъ кругѣ, изъ котораго никакъ не можетъ выйти: какъ только онъ заговоритъ объ Италіи и ея бѣдствіяхъ, воображеніе неизбѣжно уноситъ его отъ пе-

*) Сеньобось. 322 и слѣд.

***) Файфъ II. 142.

****) Файфъ II. 273.

*****) Epistolario I. 86.

*****) Sopra il monumento di Dante.

чальной дѣйствительности въ область далекаго прошлаго, и онъ остается тамъ, совершенно забывъ о современной страдающей Италіи. Въ одной изъ лучшихъ своихъ патріотическихъ одъ *) поэтъ излилъ чувства, полныя скорби, при видѣ павшихъ твердынь предковъ, при видѣ позорныхъ цѣпей, сковавшихъ его «красавицу—Италію», при извѣстіи о гибели ея сыновъ, сражавшихся «въ чужихъ краяхъ за чужой народъ». Но вмѣсто того, чтобы поддержать поборниковъ освобожденія, онъ переноситъ насъ въ прославленное ущелье Эссалии, усѣянное тѣлами храбрыхъ спартацевъ, воспѣваетъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ греческой исторіи и заканчиваетъ свою оду длиннымъ гимномъ въ честь павшимъ грековъ.

Это постоянное напоминаніе о прошломъ, которое Леонарди самъ называетъ задачей своей жизни **), не могло конечно достигнуть цѣли и возродить Италію, и поэтъ, видя тщету своихъ усилій, приходитъ къ печальному выводу, что никогда положеніе высоко одареннаго духа не было столь тягостно, какъ въ его время. Тассо находилъ утѣшеніе хотя въ томъ, что фантазія рисовала ему жизнь въ свѣтлыхъ краскахъ. Благородный человѣкъ нынѣшняго времени, т. е. эпохи, въ которую жилъ поэтъ, лишень даже этой фантазіи. Онъ знаетъ одно, что мы должны страдать ***).

И поэтъ проникается презрѣніемъ къ «жалкому вѣку». Онъ обращается къ Анжело Май, который открылъ трактатъ Цицерона о республикѣ, съ грустными стихами. Онъ сомнѣвается, чтобы «священные пергаменты славныхъ дѣдовъ» могли пробудить современную чернь, лишенную чести и стыда ****). Леонарди отказывается стать на современную точку зрѣнія и требуетъ безусловнаго возврата къ прошлому. То онъ вспоминаетъ, какъ въ день сраженія спартанская жена сама вручала мечъ любимому супругу и приглашаетъ итальянскихъ женщинъ подражать ея героизму *****), то возрождаетъ картины греческихъ игръ и побуждаетъ итальянскихъ юношей проникнуться чувствомъ благороднаго соревнованія, воодушевлявшаго греческихъ атлетовъ *****).

Кто сумѣетъ воскресить въ себѣ античныя доблести, тотъ обреченъ на несчастье въ этотъ позорный вѣкъ, который вырлъ непроходимую пропасть между доблестью и счастьемъ. Но неужели несчастье хуже позора, который покрываетъ человѣка, усвоившаго современное міросозерцаніе. И вотъ Леонарди невольно обращается къ смерти, какъ къ единственному исходу изъ этой неразрѣшимой дилеммы. Если человѣку предстоитъ выборъ между

*) All' Italia.

***) Sopra il monum. di Dante.

****) O. Plümacher. Pessimismus in Vergang. u. Gegenwart. Heidelberg 1888. 16.

*****) Ad Angelo Mai.

*****) Nelle nozze della sorella Paolina.

*****) A un victore nel pallone.

постыднымъ примиреніемъ и доблестной смертью, онъ долженъ предпочесть послѣднюю. Древніе умѣли вонзати въ грудь остріе кинжала, когда чувствовали свое безсиліе передъ судьбою *).

Поэтому его патріотическія стихотворенія, не смотря на возвышенность и силу чувства, не создали бы славы Леопарди. Для Италіи, вмѣшившей въ числѣ своихъ поэтовъ Петрарку, эти стихотворенія не могли представить чего нибудь новаго и поражающаго. Слава великаго лирическаго поэта, не имѣющаго соперниковъ, принадлежитъ Леопарди исключительно, какъ автору элегій. Его пессимистическія стихотворенія, заключающія въ себѣ всю философію «міровой скорби», полны такого искренняго чувства, такой неподражаемой поэзіи, что онѣ долго вліяли и будутъ вліять на всѣхъ поэтовъ подобнаго настроенія, всегда отзвучатъ сочувственнымъ аккордомъ въ душѣ человѣка, не умѣющаго примириться съ дѣйствительностью и предпочитающаго гордое страданіе такому примиренію. Таково значеніе Леопарди въ исторіи поэзіи.

VI.

Но поэтъ сознавалъ, что онъ долженъ стать въ опредѣленное отношеніе къ тѣмъ дѣятелямъ, которые не въ смерти видѣли спасеніе человѣчества, а въ социальныхъ и политическихъ реформахъ, въ дружной работѣ лучшихъ людей націи. Онъ долженъ былъ отвѣтить на неизбѣжные вопросы, волновавшіе европейское общество, и согласовать новыя идеи съ своими безотрадными пѣснями. Онъ чувствовалъ, что не можетъ не отозваться на *le magnifiche sorti e progressive*, о которыхъ пѣлъ современный ему модный поэтъ.

И Леопарди отозвался!

На Везувіи нѣкогда въ пышной зелени садовъ возвышались величественныя дворцы, красовались города и виллы, и жили сильныя міра. Гордая гора, извергшая рѣки огненной лавы изъ своего ужаснаго жерла, поглотила своихъ обитателей вмѣстѣ съ ихъ непочинимъ счастьемъ. И печальныя руины гласятъ объ измѣнчивости человѣческаго жребія, о жестокости природы: легкимъ толчкомъ разрушаетъ она то, что съ такимъ трудомъ и кичливостью созидаетъ человѣкъ **).

И какъ смѣшно послѣ этого обольщаться наивной вѣрой въ какой-то прогрессъ.

О, гордый и глухой вѣкъ, восклицаетъ поэтъ, ты воображаешь, что идешь впередъ, и не замѣчаешь, что называешь прогрессомъ движеніе назадъ. Ты боишься признать слабость и ничтожество человѣчества, ты превозносишь только тѣхъ поэтовъ, которые

*) Bruto minore.

***) La ginestra o il fiore del deserto.

льстятъ тебѣ и твердятъ о всемогуществѣ людей. Но я не хочу этой дешевой славы, я не настрою своей лиры на ладъ подобныхъ пѣвцовъ, я предпочитаю открыто презирать тебя и сознаться въ нашемъ безсиліи. Я не могу назвать разумнымъ и благороднымъ то существо, которое обречено на смерть, въ потѣ лица добываетъ себѣ пищу, а между тѣмъ сулитъ всѣмъ народамъ какое-то невѣдомое, новое счастье, говорить о томъ, что нашъ удѣлъ—благо. Только тотъ благороденъ, кто гордо признается, что удѣлъ нашъ—страданіе, что природа—нашъ врагъ; онъ побудитъ людей соединиться, прекратитъ взаимную вражду и борется противъ одного общаго врага—природы.

Въ этомъ сознаніи своего безсилія и ничтожества, въ этомъ умѣнши постигнуть отсутствіе смысла въ мірозданіи Леопарди видать конечную цѣль человѣческаго развитія.

Пусть человѣкъ пойметъ безплодность всѣхъ своихъ усилій, пойметъ, что никакія соціальныя реформы, никакія техническія усовершенствованія не доставятъ ему счастья, не водворятъ справедливости на землѣ,—и онъ достигнетъ высшаго предѣла доступнаго ему совершенства.

Желѣзныя дороги, паръ, печать и торговля соединили между собою самыя отдаленныя народы. Могущество ретортъ и машинъ возросло до такой степени, что онѣ объявили войну самимъ небесамъ. Не далеко уже время, когда переѣзды между городами будутъ совершаться еще съ большей быстротой, откроется наконецъ дѣло искусства, давно ожидаемый новый путь подъ ложемъ Темзы, глухіе переулки будутъ освѣщены, рабочій и земледѣлецъ сбросятъ съ себя грубыя одежды, покроютъ свои стѣны сукномъ и украсятъ предметами роскоши свои жилища.

И сколь жалкими кажутся эти стремленія гордому и непримиримому скорбнику!

Съ какимъ презрѣніемъ отвѣтитъ онъ друзьямъ, которые говорятъ ему: «Перестань рыться въ своемъ сердцѣ. Въ серьезный вѣкъ не до твоихъ чувствъ. Обратись къ политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Воспой нужды и надежды вѣка—часъ исполненія ихъ близокъ». Леопарди разразится презрительнымъ хохотомъ. «Я не намѣренъ, скажетъ онъ, избирать предметомъ своихъ пѣсней нужды вѣка. Пусть растутъ онѣ. Дѣло купцовъ и лавочниковъ заботиться о нихъ» *).

VII.

Классическія занятія отвлекли Леопарди отъ задачъ вѣка. Они содѣйствовали ослабленію его физическихъ силъ и помѣшали ему найти удовлетвореніе въ личномъ счастьи.

Его любовныя пѣсни—таже грустная исторія разочарованій

*) *Palinodia al marchese Gino Capponi.*

Женщина—всесильна. Ласковымъ лучомъ ея привѣтливыхъ глазъ укрощается мечъ и огонь; предъ ея желаніемъ преклоняются герои; награда изъ ея рукъ высшее счастье для мудреца *). Любовь—единственное чувство, нарушающее неизбѣжный законъ страданія. Устами Консалво поэтъ выражаетъ мысль, которую мы уже встрѣтили въ его письмахъ: человѣкъ можетъ и на землѣ достигнуть неземного блаженства; это блаженство—въ любви. Поэтъ, считавшій единственнымъ благомъ смерть, готовъ сдѣлать исключеніе для любви; въ мірѣ есть два блага: любовь и смерть **) Но и любовь, къ сожалѣнію, существовала не для нашего поэта; она выпадаетъ на долю тѣхъ, кто менѣе всего ее заслуживаетъ. Гений и добродѣтели, лира и высокіе подвиги не имѣютъ значенія при одвнѣхъ людяхъ. Одной лишь блестящей виѣшности предоставлена власть надъ міромъ ***).

Если человѣку приходится испытывать блаженство любви, судьба точно нарочно разрушаетъ его счастье. Въ одномъ стихотвореніи Леопарди ****) изобразилъ муки, которыя онъ испыталъ, когда обстоятельства разлучили его съ предметомъ первой любви. Поэтъ охладѣлъ ко всему. Ни веселье, ни забавы, ни улыбки яркихъ звѣздъ, ни красота зари, ни зелень дубравъ, ни слава не могли увлечь его. Любовь вытѣснила даже страсть къ знаніямъ. И почувствовавъ нѣкоторое презрѣніе къ собѣ, вслѣдствіе своей собственной слабости, поэтъ невольно восклицаетъ: «Deh quanto, in verità, vani siam pur!» Въ другомъ стихотвореніи *****) Леопарди вспоминаетъ о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ со своей возлюбленной, когда прекрасными казались и жизнь, и будущее! Но прежде чѣмъ зима успѣла обнажить цвѣтушіе луга и золотыя нивы, она погибла, «сраженная недугомъ». И обманутой судьбою поэтъ снова восклицаетъ: «О, жизнь! зачѣмъ ты не исполнила того, что обѣщала? Зачѣмъ такъ жестоко насмѣялась надо мной?»

Такъ разсѣялась вѣра въ возможность личнаго счастья, какъ разлетѣлась надежда найти удовлетвореніе въ дѣятельности на пользу родины и человѣчества. И еще охотѣе унесся поэтъ мысленно въ далекое прошлое, еще въ болѣе обольстительномъ видѣ встали въ его воображеніи тѣ времена, когда людей не покинула еще наивная вѣра, когда фантазія человѣка оживляла и цвѣты, и лѣса, и луга. И вѣтеръ, и солнце были въ общеніи съ человѣческимъ родомъ. Одинокій путникъ въ горахъ пристальнымъ взоромъ слѣдилъ за звѣздою Киприды и твердо вѣрилъ, что она его вѣрная спутница и защитница. Каменные скалы не были равнодушны къ людскимъ страданіямъ. Эхо, звучавшее въ глубокихъ пещерахъ, не было только обманчивымъ звукомъ. Оно было душою несчастной нимфы: любовь и злополучная судьба

*) Nelle nozze della sorella Paolina.

**) Consalvo.

***) Ultimo canto di Saffo.

****) Il primo amore.

*****) A Silvia.

удалили ее изъ нѣжнаго тѣла. Это эхо носилось подь небесными сводами, всюду откликаясь на стоны и плачь человѣка. Даже пѣвунья-птичка, какъ гласить старинная легенда, нѣкогда принимала участіе въ человѣческой жизни. А теперь опустѣлъ Олимпъ, населенный когда-то богами; громъ, поражавшій раньше злодѣевъ, одинаково пугаетъ нишѣ и праваго и виновнаго, а земля стала чужда своимъ дѣтямъ, вскормленнымъ горемъ *).

Разочарованный жизнью, поэтъ жилъ воображеніемъ и мыслью. Мысль, представленіе о какомъ нибудь предметѣ выше самого предмета. Любовникъ, раненный въ сердце, созерцаетъ не женщину, увлекшую его, а созданіе своей фантазіи, идею, похожую на эту женщину станомъ, лицомъ и голосомъ; и когда онъ сознаетъ свою ошибку, когда пойметъ, насколько земное воплощеніе его идеи низко сравнительно съ самой идеей, тогда онъ несправедливо винитъ эту женщину въ своемъ разочарованіи **).

Особенно ярко выразилъ поэтъ эту любовь къ отвлеченной мысли въ стихотвореніи «Il pensiero dominante». Мысль—владычица человѣка. Если жизнь еще имѣетъ какую нибудь цѣну и какое нибудь оправданіе, то этимъ она обязана мысли. Мысль, одна только мысль можетъ оправдать судьбу, бросившую насъ на землю для бесполезныхъ страданій. Только благодаря ей находятъ люди, считающіе жизнь прекраснѣе смерти. И наконецъ, въ одномъ стихотвореніи ***) , напоминающемъ вступительную оду Горацию къ Меценату, Леопарди прямо объясняетъ намъ смыслъ того, что привязываетъ его къ жизни. Очертивъ, подобно Горацию, всевозможныя приманки, привлекающія различныхъ людей и облегчающія имъ существованіе, поэтъ восклицаетъ: «Я отдамся другимъ развлеченіямъ и посвящу имъ остатокъ моей жизни. Я начну изучать и изслѣдовать суровую истину и тайныя задачи бытія: зачѣмъ созданъ людской родъ? Почему онъ удрученъ горемъ и несчастіями? Какая конечная цѣль его существованія? Кому доставляютъ удовольствіе его страданія? Какъ, почему и по какимъ законамъ происходитъ движеніе вселенной?»

На эти вопросы должна была дать отвѣтъ его мрачная философія infelicità.

VIII.

Самый способъ изложенія своихъ философскихъ идей, къ которому прибѣгъ Леопарди, заключаетъ въ себѣ что-то презрительное къ землѣ и человѣческому роду.

Мы знакомимся съ этими идеями изъ діалоговъ, при чемъ собесѣдниками выступаютъ по большей части духи, планеты, ми-

*) Alla Primavera, o delle favole antiche.

**) Aspasia.

***) Al conte Carlo Pepoli.

опическіе гиганты и боги, могуществомъ и величіемъ которыхъ рѣзко отѣняется ничтожество человѣческаго рода. Леопарди въ каждомъ діалогѣ напоминаютъ человѣку: вселенная безконечна, земля еле замѣтна въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ, а люди, воображающіе, что весь міръ созданъ для служенія ихъ интересамъ, — кучка никому невидныхъ атомовъ, жалкія существа, не вѣдающія того, что одинъ поворотъ въ движеніи міровъ можетъ превратить въ ничто и землю, и ея обитателей *).

Жизнь вселенной есть безконечный кругъ возникновенія и разрушенія, соединенныхъ взаимно такъ, что одно постоянно служитъ другому, и оба вмѣстѣ — сохраненію міра, который неминуемо самъ придетъ въ упадокъ въ случаѣ уничтоженія одного изъ этихъ элементовъ **). Такимъ образомъ самое существованіе міра обусловлено разрушеніемъ всего живущаго, и нѣтъ ни одной вещи, которая бы была свободна отъ закона страданія ***).

Человѣкъ не желаетъ и не любитъ ничего, кромѣ собственнаго счастья. Если онъ любитъ жизнь, то настолько, насколько она служитъ ему средствомъ для пріобрѣтенія счастья, такъ что, собственно говоря, онъ любитъ счастье, а не жизнь, хотя часто приписываетъ жизни ту любовь, которую питаетъ къ счастью. Жизнь сама по себѣ не есть благо, только счастливая жизнь есть благо, но какъ счастливая, а не какъ жизнь ****). Наслажденіе существуетъ только въ мысленіи. Если любимая женщина является во снѣ, слѣдуетъ избѣгать на слѣдующій день свиданія съ нею, такъ какъ она не можетъ выдержать сравненія съ образомъ, видѣннымъ во снѣ. Ложь доставляетъ высшее наслажденіе, чѣмъ истина. Наслажденіе не существуетъ въ дѣйствительности. Испытывая наслажденіе, нерѣдко достигнутое страшными усиліями, человѣкъ никогда не удовлетворяется имъ: онъ всегда ждетъ чего то лучшаго, высшаго, доставляющаго еще болѣе полное наслажденіе. Человѣкъ можетъ сказать: «я наслаждался» или «я буду наслаждаться», но онъ никогда не можетъ сказать: «я наслаждаюсь». Счастье никогда не бываетъ въ настоящемъ; оно всегда въ прошедшемъ или будущемъ. А такъ какъ предметъ и цѣль жизни — счастье, то жизнь является непрерывнымъ несовершенствомъ.

Всѣ промежутки времени между наслажденіемъ и страданіемъ заполнены скукой, подобно тому, какъ всѣ пространства, не занятія вещами, и всѣ поры послѣднихъ наполнены воздухомъ. Скука есть чистое желаніе счастья, не удовлетворенное наслажденіемъ и не возмущенное открыто страданіемъ. Но желаніе это, какъ мы видѣли, никогда не удовлетворяется, а наслажденіе,

*) См. «Il Copernico», «Dialogo della Natura e di un Islandese» и др. діалоги.

**) Для цитатъ мы пользуемся переводомъ А. И. Орлова. Пант. лит. 1888. Сент., Окт.

***) Della Nat. e di un Island.

****) Di un Fisico e di un Metafisico.

собственно говоря, совѣтъ не существуетъ. Поэтому жизнь человѣческая, такъ сказать, пронизана и переплетена страданіемъ и скукой *).

Всѣ люди несчастны, но тѣмъ болѣе человѣкъ одаренъ духовно, тѣмъ онъ долженъ быть несчастнѣе. Превосходство души обуславливаетъ наибольшее чувство несчастія. Человѣкъ, превосходящій другихъ способностями, быстро опережаетъ ихъ въ самыхъ глубокихъ и трудныхъ познаніяхъ, и тѣмъ не менѣе ему всегда или невозможно, или въ высшей степени трудно усвоить и примѣнить въ жизни множество вещей, которыя совершенно ничтожны сами по себѣ, но являются вещами первой необходимости въ дѣлѣ общенія съ людьми. И тѣмъ тяжелѣе для выдающагося человѣка, что эти вещи безъ труда даются людямъ ничтожнымъ, которые неизмѣримо ниже его во всѣхъ отношеніяхъ.

Таковъ удѣлъ великой души на землѣ. Но за эти страданія ее ждетъ слава и почести **). Здѣсь предъ нами снова аристократъ—не только по рожденію, но и по своей духовной организаціи и въ то же время человѣкъ съ физическими недостатками, ясно сознающій свое умственное превосходство и глубоко страдающій отъ сознанія своего собственнаго безсилія, своей полной непригодности къ жизни.

Философія не могла дать отвѣта на вопросъ, который пытался разрѣшить Леопарди: кому нужны людскія страданія? Кому приноситъ пользу эта несчастнѣйшая жизнь вселенной, сохраняемая ущербомъ и смертью всего существующаго?

Глубокая иронія и безнадежное отчаяніе проглядываютъ въ неожиданномъ окончаніи діалога: «*Della Natura e di un Islandese*». Когда изстрадавшійся исландецъ обратился къ природѣ съ этими роковыми вопросами, по словамъ поэта, явились два льва, до такой степени слабые и истощенные, что едва были въ силахъ сожрать упомянутаго исландца. Другіе же отрицаютъ достовѣрность этого происшествія и утверждаютъ, что поднялся ужаснѣйшій ураганъ, который повергъ исландца на землю и воздвигъ надъ нимъ великолѣпный мавзолей изъ песку, подъ которымъ исландецъ былъ великолѣпно высушенъ и обратился въ прекрасную мумію. Мумія эта была найдена впоследствии путешественниками и помѣщена въ одномъ изъ извѣстныхъ европейскихъ музеевъ.

Эта мумія является лучшимъ символическимъ предостереженіемъ для всякихъ бесплодныхъ исканій, для всякихъ уклоненій отъ нормальнаго жизненнаго пути. Леопарди, истощивъ свои силы на разрѣшеніе неразрѣшимыхъ задачъ, удалившись отъ земли, прикосновеніе къ которой вливаетъ энергію и новыя силы въ человѣка, впалъ наконецъ въ совершеннѣйшее безсиліе. Въ одномъ

*) Dialogo di Tasso e del suo Genio familiare.

***) Dialogo della Natura e di un' Anima.

№ 9. Стд. I.

изъ предсмертныхъ діалоговъ *) онъ говоритъ устами Тристана: «Книги и занятія, которыя я когда-то любилъ, великіе планы, надежды на славу и безсмертіе—все это вещи, надъ которыми уже прошла пора смѣяться. Не смѣюсь я также надъ планами и надеждами вѣка; желаю ему всевозможныхъ успѣховъ; хвалю и даже уважаю его стремленія, но уже не завидую ни потомству, ни тѣмъ, которымъ остается еще долго жить. Было время, когда я завидовалъ дуракамъ и самохваламъ, даже былъ не прочь помѣняться съ ними положеніемъ. Теперь я не завидую больше ни дуракамъ, ни умнымъ, ни великимъ, ни маленькимъ, ни слабымъ, ни сильнымъ; завидую мертвымъ, и только съ ними я помѣнялся бы жребіемъ: я весь поглощенъ мыслью о смерти. Воспоминаніе о юношескихъ дняхъ и мысль о напрасно прожитомъ прошедшемъ не смущаютъ меня болѣе. Я умру спокойный и довольный, какъ будто ничего другого и не желалъ, ни на что иное не надѣлся».

Леопарди палъ жертвой борьбы между отжившимъ строемъ и идеализмомъ, возникшимъ на болѣзненной почвѣ, съ одной стороны, и наступившимъ промышленнымъ вѣкомъ съ его социальными и политическими стремленіями съ другой.

Вотъ почему въ то время, какъ вся Італія чествуетъ въ настоящемъ году память его, какъ великаго патріота, безпристрастные ученые заняты изученіемъ Леопарди съ психопатологической точки зрѣнія, а послѣднія книжки лучшаго итальянскаго журнала вмѣсто похвальныхъ гимновъ носителю идеи итальянской свободы высказываютъ слѣдующее соображеніе: «Пессимизмъ никогда не можетъ быть результатомъ научнаго или философскаго вліянія, а всегда свидѣтельствуетъ о нѣкоторой неправильности во внутренней организаціи, заставляющей его понимать дѣйствительность или несовершенно или ложно» **).

П. С. Коганъ.

*) Dial. edi Tristano e di un Amico.

**) Nuova Antologia. 16 Apr. 1898. Статя G. Sergi. Le origine psicologiche del pessimismo Leopardino. Стр. 589—579, 602 и др.

О гражданскомъ воспитаніи.

Какъ учить школьниковъ гражданскимъ обязанностямъ? Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена замѣтка въ одномъ изъ номеровъ англійскаго журнала *Review of Reviews* за прошлый годъ*). Авторъ передаетъ въ ней объ опытѣ, сдѣланномъ въ этомъ направленіи въ нѣкоторыхъ нью-іоркскихъ школахъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что за послѣдніе годы вопросъ о гражданскомъ воспитаніи значительно оживился въ англійскомъ обществѣ, что образована особая лига для содѣйствія такому воспитанію, и что въ цѣляхъ его, появились прекрасные опыты изложенія правъ и обязанностей гражданина, принадлежащіе г. Арнольду Форстеру. По мнѣнію автора упоминаемой замѣтки, пособія эти должны находиться въ рукахъ учениковъ всѣхъ англійскихъ общественныхъ элементарныхъ школъ. Но этого мало. Нужны и иныя мѣры развитія гражданскаго воспитанія. Желательно въ частности примѣненіе нью-іоркскаго опыта. Послѣдній же, произведенный въ двухъ видахъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ одной школѣ обнаружилия особыя безпорядки, особыя трудности управленія ею. Инспекторъ предположилъ тогда, что къ устраненію этихъ недостатковъ могло бы послужить примѣненіе въ школѣ начала самоуправленія, — возложеніе на самихъ учениковъ обязанностей по поддержанію порядка въ заведеніи. Въ этихъ видахъ, ученики должны были изобразить изъ себя націю—и избрать изъ своей собственной среды конгрессъ, сенатъ и президента. Планъ былъ выполненъ въ точности,—и результаты сказались немедленно. Президентъ, избранный школьниками, успѣлъ произвести быструю и почти чудесную перемѣну въ порядкахъ школы, при содѣйствіи своихъ министровъ и конгресса. Шумная и безпорядочная школа превратилась въ благоустроенное учрежденіе.

Въ свою очередь, столь удачный опытъ подаль мысль начальнику другой школы—нѣсколько развить идею, положенную въ его основаніе, и замѣнить организацію національнаго управленія въ школѣ организаціею управленія городского. Въ этихъ видахъ, всѣ ученики были объявлены гражданами воображаемаго города. Ни по полу, ни по возрасту, различій между ними при этомъ не было положено.

*) Oct. 15, 1897.

Каждый ученикъ явился избирателемъ съ однимъ голосомъ; каждый же классъ долженъ былъ изображать избирательный округъ. Затѣмъ, на предварительномъ митингѣ и въ собраніяхъ округовъ, были, въ установленномъ порядкѣ, произведены учениками выборы всѣхъ должностныхъ лицъ всего состава американскаго городского управленія. Такъ избранъ былъ и мэръ (городской голова). Новое управленіе приступило послѣ этого къ своимъ обязанностямъ и отправляло ихъ съ 10 іюля по 20 августа, когда школа должна была прекратить свою дѣятельность (рѣчь шла о каникулярной школѣ—*vacation-school*—въ которой производился опытъ). Въ день же закрытія, мэръ школьнаго города, четырнадцатилѣтній мальчикъ, написалъ письмо нью-іоркскому городскому головѣ; въ письмѣ излагалась просьба о поспѣшеніи. Для врученія письма были назначены особые курьеры. Мэръ Стронгъ былъ очень занятъ и сосредоточенъ, когда послѣдніе вручили ему письмо; но прочитавъ приглашеніе, онъ развеселился и тотчасъ же отправился съ визитомъ къ своему коллегѣ. Происшедшую затѣмъ сцену одна нью-іоркская газета описываетъ такъ: «Пожавъ руку школьному мэру, нью-іоркскій мэръ выразилъ желаніе познакомиться съ прочими представителями управленія, и освѣдомился объ его устройствѣ, о правилахъ, въ немъ дѣйствующихъ. Приэтомъ онъ узналъ, что за недѣлю передъ этимъ происходило правильное судебное разбирательство, что суду былъ преданъ начальникъ полиціи, который и былъ осужденъ и уволенъ отъ службы. Мэръ Стронгъ выразилъ тогда желаніе, чтобы ему былъ представленъ и составъ суда. Онъ очень изумился, увидавъ дѣвочку въ числѣ судей. Изумленіе его усилилось еще болѣе, когда ему былъ представленъ составъ полиціи и онъ увидѣлъ, что большую половину полицейскихъ составляли дѣвочки».

Успѣхъ этого втораго опыта сдѣлалъ нью-іоркскаго мэра сторонникомъ движенія въ пользу гражданскаго воспитанія дѣтей. Предположено образованіе подобій городского управленія во всѣхъ общественныхъ школахъ Нью-Йорка. Въ этихъ видахъ, предприняты улучшенія въ первоначальной, получившей примѣненіе въ каникулярной школѣ, организаціи школьнаго городского управленія. Къ выработкѣ же соотвѣтствующихъ предположеній—записокъ, полагающихъ разныя отрасли городского управленія въ примѣненіи къ школѣ—привлечены представители отдѣльныхъ частей нью-іоркскаго городского управленія.

«Я поспѣшилъ—говоритъ англійскій авторъ изложенной замѣтки объ американскомъ опытѣ гражданскаго воспитанія—описать все это на пользу своей родины, надѣясь, что сказанное обратитъ на себя вниманіе тѣхъ, кто интересуется у насъ обученіемъ дѣтей и приготовленіемъ нашихъ будущихъ гражданъ къ исполненію обязанностей передъ городомъ и государствомъ».

Это замѣчаніе англійскаго автора имѣетъ, безъ сомнѣнія, болѣе общее значеніе. Для насъ также представляютъ большой интересъ вопросы гражданскаго воспитанія, хотя эти вопросы и не пользуются у насъ вниманіемъ въ такой мѣрѣ, какъ вопросы воспитанія физическаго...

Вопросъ о томъ, желательно ли и возможно ли у насъ примѣненіе американскаго опыта гражданскаго воспитанія дѣтей, быть можетъ, возбудитъ сомнѣнія и затрудненія... Но мысль о необходимости, въ интересахъ гражданскаго воспитанія, широкаго распространенія юридическихъ свѣдѣній, путемъ преподаванія и популяризаціи, пользуется у насъ въ настоящее время достаточнымъ признаніемъ. За нее высказывается цѣлый рядъ лицъ *). Въ настоящей своей формѣ, вопросъ о гражданскомъ воспитаніи замѣтно оживаетъ. Въ такой формѣ это — вопросъ и не новый. Если довольно мало дѣлалось и дѣлается въ смыслѣ популяризаціи права, то преподаваніе права въ русскихъ школахъ имѣетъ свою довольно выразительную исторію. Оно весьма широко примѣнялось прежде и установлено программы почти всѣхъ нынѣшнихъ профессиональныхъ школъ **). И безъ сомнѣнія, опыты, вродѣ американскаго, возможны только на почвѣ и при условіи возможно лучшей и широкой постановки именно преподаванія права въ школахъ. Только широкое преподаваніе права въ школахъ обезпечитъ нашему обществу научное знакомство съ правомъ, — именно необходимое и особенно цѣнное ***). Только оно придастъ цѣну и практическимъ мѣрамъ гражданскаго воспитанія, вродѣ американскаго опыта, если тѣ или инныя мѣры въ этомъ отношеніи получатъ примѣненіе.

Въ виду же этого, представляется весьма желательнымъ появленіе возможно большаго числа опытовъ составленія юридическихъ учебниковъ какъ для тѣхъ школъ, въ которыхъ право преподается и нынѣ, — но [которыя, болшею частію, страдаютъ отъ отсутствія пособій по столь важному и трудному предмету, — такъ и для тѣхъ, въ которыхъ предметъ этотъ будетъ постепенно вводиться (въ чемъ мы не сомнѣваемся, имѣя, между прочимъ, послѣднее ходатайство нижегородскаго дворянства объ учрежденіи новыхъ среднихъ школъ, съ преподаваніемъ законовѣднія).

При такихъ условіяхъ, небезынтересно вспомнить объ одномъ учебникѣ правовѣднія, или собственно права и нравственности, примѣнявшемся почти столѣтія въ цѣломъ рядѣ нашихъ низшихъ школъ. Это — «О должностяхъ чловѣка и гражданина книга, къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по Высочайшему повелѣнію». Она явилась вскорѣ послѣ того какъ Екатерина II, указавъ, въ ст. 158 своего Наказа комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія 1767 г., на необходимость для

*) См. объ этомъ въ предисловіи къ нашей книгѣ «Общепонятное законовѣдніе». (Москва, 1898 г. изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія») и въ статьѣ нашей — «О преподаваніи и популяризаціи права», напечатанной въ «Русской Школѣ» за сентябрь—октябрь 1897 г.

**) См. объ этомъ въ нашей книгѣ — «Общедоступное руководство къ изученію законовъ». Части I и II. Спб., 1891 г. Стр. 90—101.

***) См. о необходимости и возможности научнаго характера въ преподаваніи и популяризаціи права во всѣхъ видахъ и для всѣхъ слушателей и читателей. — въ упомянутой статьѣ нашей: «О преподаваніи и популяризаціи права».

всѣхъ и каждаго знакомства съ законами, высказалась за то, — «чтобы въ всѣхъ школахъ учили дѣтей грамотѣ попеременно изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ книгъ, кои законодательство содержать» *). «Уставъ народнымъ училищамъ» 5 августа 1786 г.—явно въ виду этого предположенія—и опредѣляетъ преподавать въ учреждаемыхъ училищахъ «книгу о должностяхъ челоувѣка и гражданина» **). То же самое предписывается закономъ 26 января 1802 г. относительно уѣздныхъ училищъ,—здѣсь вводились именно «наставленія въ должностяхъ челоувѣка и гражданина» ***). По книгѣ, название которой выписано выше, право и преподавалось до начала сороковыхъ годовъ въ многочисленныхъ уже школахъ, въ программы которыхъ постепенно вводилась «книга о должностяхъ челоувѣка и гражданина». Рѣчь шла притомъ о совершенно опредѣленномъ, имѣвшемся уже пособіи. Повидимому, оно широко и распространилось. Въ настоящее время въ нашихъ рукахъ имѣется «одиннадцатое тисненіе» этой книги, вышедшее въ 1817 г.

Не можемъ не сдѣлать нѣсколькихъ выписокъ изъ этой интересной книги,—съ пожеланіемъ большей—и безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе возможной теперь въ подобныхъ пособіяхъ—смѣлости опредѣленій:

Остановимся; прежде всего, на опредѣленіи «праводушія», къ развитію котораго направлена книга, по своему существу: «Кто всегда по тому поступаетъ—говорится на стр. 10—что за справедливое призналъ, тотъ есть праводушный челоувѣкъ. Праводушный при дѣлахъ своихъ не испытываетъ, что склонности и желанію его сходно, но что праведно». Извѣстную связь съ «праводушіемъ» имѣютъ замѣчанія о «титлахъ»: «Титла и похвалы суть суета,—говорится на стр. 35. Разумный не взираетъ на то, каковъ кто титулъ носить: но на достоинства только смотритъ. Когда онъ увидитъ достоинства въ челоувѣкѣ, титулъ не имѣющемъ, то почитаетъ его болѣе всякаго титла имѣющаго, но недостойно оныя носящаго». Послѣ опредѣленія различныхъ болѣе мелкихъ союзовъ, на стр. 87 дается опредѣленіе союза, представляемаго государствомъ: «Четвертый родъ союза есть тотъ, въ который многія семейства, соединившись вмѣстѣ, живутъ подъ одною державою и подъ одинакими законами. Таковые союзы или общества называются гражданскими или народами. Сіи общества произошли различнымъ образомъ, установлены же одинакимъ: иногда начальникъ многочисленнаго племени покорялъ себѣ насильно слабыхъ; иногда превосходныя свойства какого нибудь челоувѣка побуждали другихъ ему подчиниться и ввѣрить ему учрежденіе ихъ благосостоянія, или попеченіе о ихъ защитѣ, либо на короткое время, либо по смерть его, или и потомкамъ его, съ нѣкоторыми или безъ всякаго изъятія. Бывали народы, да и нынѣ еще такіе есть, у коихъ многія особы о благосостояніи гражданъ своихъ пекутся, и ту же власть имѣютъ, какую имѣтъ въ государствѣ Государь. Сіи общества называются

*) Первое Полное Собраніе Законовъ № 12949.

***) П. П. С. З., № 16421

***) П. П. С. З., № 20597.

Республиками». «Нѣкоторые думаютъ—говорится на стр. 112—что любовь къ отечеству есть такая гражданская добродѣтель, которая свойственнѣе вольному обществу или Республикѣ, нежели Монархіи, или что въ Республикѣ по крайней мѣрѣ, болѣе поводовъ и побужденій къ тому находится *). Но все сіе весьма несправедливо; ибо если гдѣ въ нынѣшнее время и окажется меньше любви къ отечеству, нежели въ древности: то сему не образъ правленія, но недостатки въ воспитаніи причиною бываютъ, которые какъ скоро будутъ уничтожены, то и въ наши времена окажется также великое число истинныхъ сыновъ отечества». «Предложенія—говорится о свойствахъ законовъ на стр. 130—коихъ исполненіе для нѣкоторыхъ только особъ или для нѣкоторой только статьи гражданъ выгодно, не годятся ни къ чему, ежели онѣ большей части людей или статей гражданства вредны. Въ государствѣ должно наблюдать паче всего всеобщее благо, или, по крайней мѣрѣ, большей части людей». Та же мысль развивается дальше (стр. 136): «Любовь къ отечеству требуетъ отъ благородныхъ, чтобы они почитали согражданами себѣ и низайшаго состоянія людей. Благородные должны помнить, что каждая степень подданныхъ въ государствѣ способствуетъ ко всеобщему благу, и что cadaго состоянія люди имѣютъ право участвовать въ выставленныхъ государствомъ выгодахъ всему обществу; и какъ дворяне многоразличными образами пользуются отъ низайшихъ состояній, такъ должны и они сами стараться быть взаимно имъ полезными».

Н. Дружининъ.

*) Въ примѣчаніи дается опредѣленіе республиканскаго и монархическаго образа правленія: «Республикою называется такое государство, въ коемъ многіе, или благородные, или и изъ народа выбранные управляютъ; таковое государство называется *вольнымъ* потому, что свободно оно отъ единодержавія, и что верховная власть раздѣлена во многіхъ рукахъ. Монархическимъ же государствомъ называется такая земля, гдѣ верховная власть въ рукахъ единого Государя».

Историческіе романы Генрика Сенкевича *).

Историческій романъ, судьба котораго весьма интересна, въ послѣднее время переживаетъ фазисъ новаго расцвѣта, яркаго и полнаго, не уступающаго эпохѣ Вальтеръ-Скотта. Въ Германіи, Франціи, Россіи, Испаніи и, наконецъ, польской литературѣ этотъ родъ творчества даетъ превосходные и по учительные образцы. Отъ обстоятельнаго, ученаго и антикварнаго повѣствованія, въ которомъ археологъ и историкъ не найдутъ ошибки, до фантастической повѣсти, гдѣ за вымысломъ пропадаетъ исторія — всѣ промежуточныя стадіи вы найдете въ современномъ романѣ. Фрейтагъ, Данъ, Эберсъ уживаются рядомъ съ Салиасомъ, Соловьевымъ, Пересомъ Гальдосомъ. И хотя трезвые, можетъ быть, не въ мѣру трезвые критики склонны отрицать законность права на существованіе историческаго романа, послѣдній продолжаетъ процвѣтать, опираясь на многочисленность своихъ приверженцевъ и поклонниковъ. Аргументы, принципиально приводимые противъ историческаго романа, сводятся къ довольно существеннымъ пунктамъ. Наиболее вѣскими являются замѣчанія, что въ воспроизведеніе отдаленнаго прошлаго писатель по необходимости долженъ переносить черты современности, особенности собственнаго міросозерцанія. Кромѣ того, автору историческаго романа остаются неизвѣстными, при всей его добросовѣстности и усердіи, многія стороны воспроизводимой имъ жизни.

Въ этихъ и имъ подобныхъ замѣчаніяхъ много правдиваго, но и доза преувеличенія. Безъ сомнѣнія, непосредственныя впечатлѣнія минувшей жизни намъ недоступны; мы съ трудомъ можемъ отыскать въ ней типичное и воспроизводить его. Но съ другой стороны, мы имѣемъ дѣло съ болѣе простыми формами жизненныхъ явленій, закрѣпленными въ разнообразныхъ документахъ. Многое мы въ состояніи продумать и прочувствовать.

Конечно, для историческаго романа существуютъ извѣстныя

*) Публичная лекція съ благотворительной цѣлью.

предѣлы, переходить ихъ въ высшей степени рискованно. Не въ мѣру субъективное пониманіе прошедшаго, излишняя детальность, переходящая въ археологію, ложная тенденція — вотъ главные враги этого рода романовъ. Съ другой стороны, исторія, оставляя пробѣлы, заполненіе которыхъ весьма желательно въ интересахъ полноты народнаго самосознанія, даетъ фантазіи художника широкій просторъ.

Въ литературѣ историческаго романа польскій занимаетъ выдающееся мѣсто. Рядъ авторовъ и книгъ весьма замѣчательныхъ можетъ заполнить цѣлыя страницы. Но ни польскіе романики, ни реалисты не пользовались и десятой долей того успѣха, который выпалъ на долю нашего современника—Сенкевича.

Сенкевичъ принадлежитъ къ такому роду художникамъ, которые неоднократно возвращаются къ излюбленнымъ сюжетамъ. Это свидѣтельствуетъ между прочимъ и о томъ, что интересы чистаго искусства у него на первомъ планѣ, и что его творчество не можетъ быть подраздѣлено на рѣзкіе фазисы, сообразно съ процессомъ самосознанія. Есть художественныя организаціи, у которыхъ всякое крупное произведеніе является завершеніемъ извѣстнаго періода внутренней работы мысли. Они отдѣляютъ какъ бы часть своего «я», даютъ рядъ публичнаго признанія—и впослѣдствіи уже никогда не возвращаются къ старымъ сюжетамъ. Такимъ тактикомъ былъ, на примѣръ, Гёте. Нельзя себя представить, чтобы этотъ поэтъ могъ когда либо вернуться къ сюжетамъ вродѣ Вертера, Геца, Тасса, Вильгельма Мейстера въ эпоху созданія 2-й ч. «Фауста». Это для него было прошедшее, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на нѣчто чужое. У Сенкевича художественный сюжетъ стоитъ на первомъ планѣ. Для него онъ имѣетъ абсолютную важность и, такъ сказать, преслѣдуетъ его, пока не вылетитъ въ подобающей скульптурной формѣ. Достаточно указать, какъ преслѣдовалъ Сенкевича человекъ «безъ догмата», пока онъ окончательно не созрѣлъ въ Плошовскомъ.

Кто скольконибудь знакомъ съ выработанными исторіей данными Польши, нисколько не удивится, что въ первыхъ художественныхъ произведеніяхъ Сенкевича историческаго жанра прославляются представители шляхты. Вспомнимъ, что на этомъ, сравнительно немногочисленномъ, сословіи, лежали всѣ тягости внутренней и внѣшней государственной жизни. Въ послѣдней первую роль играла упорная борьба съ невѣрными, сперва съ татарами, потомъ, болѣе трудная, съ турками.

Въ одной изъ своихъ новеллъ («Татарскій плѣнъ») Сенкевичъ рисуетъ намъ въ формѣ исповѣди отъ лица героя настроеніе шляхтича, попавшаго въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ и подвергшагося разнообразнымъ искушеніямъ. Противъ всѣхъ ужасовъ соблазна, являвшагося въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, у бѣднаго шляхтича было одно, но надежное оружіе: беспредѣльная любовь и преданность Богородицѣ и своему отечеству. Въ этой любви онъ почерпаетъ силы для борьбы и выходитъ изъ

нея побѣдителемъ. Не подлежитъ сомнѣнiю, что, кромѣ дѣйствительнаго происшествiя, на Сенкевича оказала влiяние и литературная традицiя: на него воздѣйствовалъ Кальдеронъ, въ передачѣ, можетъ быть, Словицкаго. *El principe costante* находитъ родственную душу въ шляхтичѣ Зданоборскомъ. «Татарскiй плѣнъ» и содержанiемъ, и формой краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что Сенкевичъ обладалъ глубокимъ пониманiемъ психологiи давно минувшаго прошлаго и умѣнiемъ воспроизводить столь далекое отъ насъ мирозерцанiе.

Когда появился въ печати романъ «Огнемъ и мечемъ», польская публика приняла его съ необыкновеннымъ энтузиазмомъ. Романомъ буквально зачитывались все безъ различiя пола и возраста. Успѣхъ его былъ положительно легендарный. Къ автору обращались съ письменными просьбами пощадить того или другого героя. Вымыселъ становился дѣйствительностью. Критика отнеслась необыкновенно сочувственно къ этому роману, и дватри умѣренные отзывы утонули въ массѣ хвалебныхъ. Въ настоящее время, послѣ ряда прекрасныхъ произведенiй самого Сенкевича, энтузиазмъ, вызванный «Огнемъ и мечемъ», кажется чрезмерно большимъ, но никто никогда не станетъ отрицать необыкновеннаго интереса содержанiя романа, его живости и увлекательности. Неудивительно, что публика и критика изъ за деревьевъ не видѣла лѣса, т. е. не отдавала себѣ отчета въ истинномъ значенiи этого романа.

«Огнемъ и мечемъ» воспроизводитъ исторiю возстанiя Богдана Хмѣльницкаго, печальную братоубийственную войну. Изображенiе этого ряда моментовъ возможно конечно съ различныхъ точекъ зрѣнiя, но, чтобы впечатлѣнiе получилось цѣльное, необходимо, чтобы берущiйся за эту задачу составилъ себѣ опредѣленный взглядъ на сущность и смыслъ изображенныхъ событiй. Здѣсь умѣстно вспомнить объ одномъ изъ самыхъ основныхъ требованiй историческаго романа: пользуясь полнымъ правомъ давать просторъ вымыслу, этотъ романъ долженъ раскрыть читателямъ «духъ» излагаемыхъ фактовъ. Даже неподготовленный читатель долженъ внести не только опредѣленное, но и вполне правильное представленiе объ историческомъ процессѣ, раскрывающемся въ рядѣ картинъ. Онъ долженъ понять, каковы были причины и слѣдствiя этого процесса, притомъ такъ же вѣрно, какъ понимаетъ исторiя. Въ противномъ случаѣ историческiй романъ окажется не на высотѣ своего назначенiя и проникнутымъ ложной тенденцiей.

Неизвѣстно, имѣлъ-ли первоначально въ виду Сенкевичъ цѣлую серiю историческихъ романовъ, когда приступалъ къ «Огнемъ и мечемъ», но во всякомъ случаѣ онъ былъ вполне къ этому подготовленъ. Серьезная историческая подготовка, рядъ путешествiй, литературная опытность — все говоритъ въ пользу полного успѣха. Не довольствуясь знакомствомъ съ основными монографiями, Сенкевичъ изучилъ и нѣкоторые

мемуары современниковъ Хмѣльницкаго, что мѣстами прямо отражается на языкѣ романа. Нѣкоторыя неточности безъ сомнѣнія сознательно допущены авторомъ. При этихъ условіяхъ можно было ожидать вполне совершеннаго художественнаго произведенія. Оправдались-ли эти ожиданія? Мы вправѣ требовать, чтобы романъ, излагающій важный историческій эпизодъ, далъ и наименѣе подготовленному читателю полное и правильное о немъ представленіе. Вообразимъ себѣ такого читателя и посмотримъ, какую картину онъ увидитъ въ «Огнемъ и мечемъ». Авторъ вводитъ его въ разгаръ дѣйствія. Нашъ читатель видитъ мгновенно вспыхнувшее пламя возстанія, геройскіе подвиги отдѣльныхъ лицъ, борьбу въ двухъ направленіяхъ, позорную для Польши съ гетманами во главѣ и побѣдоносную подъ предводительствомъ Іереміи Вишневецкаго. Нашъ читатель шагъ за шагомъ прослѣдитъ за отдѣльными битвами, погрузится въ море крови, будетъ раздѣлять геройскіе подвиги осажденныхъ въ Збаражѣ, и, наконецъ, послѣ несомнѣнно отчетливаго описанія битвы при Зборовѣ, прочтетъ эпилогъ о битвѣ подъ Берестечкомъ, заключившей первый актъ кровавой трагедіи. Этотъ неподготовленный читатель не будетъ знать, каковы были причины этой кровавой рѣзни, не сумѣетъ ориентироваться, правильно ли направляются его симпатіи и антипатіи, изъ-за чего ведется столь ужасная война. Ни разсужденія Хмѣльницкаго, ни отвѣты Скжетусскаго не дадутъ ему прямыхъ указаній,—а окончаніе романа представитъ ему несвоевременнымъ, какъ бы оборваннымъ и недоказаннымъ. Таково, по моему мнѣнію, будетъ впечатлѣніе неподготовленнаго читателя. Болѣе или менѣе обстоятельно знакомый съ ходомъ историческихъ событій читатель не предъявитъ, конечно, этихъ вопросовъ. Ему будутъ понятны сложныя причины казацкаго движенія. Онъ вспомнитъ, что въ послѣднемъ слѣдуетъ различать политическую и социальную стороны. Король Владиславъ IV, вмѣстѣ съ канцлеромъ Оссолинскимъ замышлявшій объ ограниченіи безпредѣльной свободы шляхетскаго сословія, объ укрѣпленіи и усиленіи королевской власти, пытался вовлечь Польшу въ войну, сначала съ турками, потомъ съ татарами, причемъ казаки, подготовленные надлежащимъ образомъ къ войнѣ, должны были открыть кампанію. Но замыслы короля и его канцлера были открыты, польская шляхта жаждала мира и дала такой дружный отпоръ, что Владиславъ IV оказался обезоруженнымъ и былъ вынужденъ снова вступить на путь компромиссовъ, ведущихъ къ систематическому ограниченію королевской власти. Почти готовое къ походу козачество, которому предстояло обрушиться на голову враговъ христіанства, должно было вернуться въ прежнее подневольное положеніе. Понятно, что богатѣйшіе украинскіе вельможи вымещали свою злобу на сословіи, тяготившемъ къ центральной власти и готовомъ всячески ее поддерживать. Недаромъ Хмѣльницкій заявлялъ, что ведетъ войну съ панами, а не съ королями! Боевая сила, прекрасно дисцип-

линированная, должна была найти исходъ. И этотъ исходъ, вмѣсто войны съ невѣрными, нашелся въ войнѣ, принявшей сословный характеръ. Сначала запорожскіе и реестровые казаки, а потомъ и все годное къ войнѣ населеніе Украины двинулось въ походъ. Дальнѣйшій ходъ событій весьма подробно и точно изложенъ въ романѣ Сенкевича.

Соціальный характеръ казацкаго возстанія довольно слабо отмѣченъ у Сенкевича. Въ чемъ провинилась одна и другая стороны — трудно опредѣлить. Читатель выноситъ лишь убѣжденіе, что мы имѣемъ дѣло съ кровавымъ протестомъ противъ законной власти. О томъ, что одно сословіе систематически нарушало гарантіи и привилегіи другого—мы можемъ лишь догадываться.

Внутренняя сторона тогдашней жизни на Украинѣ остается нераскрытой. Романъ повѣствуетъ о внѣшнихъ событіяхъ, безпрестанныхъ походахъ и сраженіяхъ.

Въ изложеніи ихъ Сенкевичъ стремится къ безпристрастію. Надо отдать полную справедливость его добросовѣстному изученію историческихъ свидѣтельствъ, но непредубѣжденный читатель замѣтитъ нѣкоторую неравномѣрность въ распредѣленіи романистомъ красокъ и тоновъ. Незначительныя битвы, вродѣ столеновенія Вишневецкаго съ Кривосомомъ, разрослись до крупныхъ размѣровъ. Побѣды надъ казачествомъ изображены яркими чертами. И въ изображеніи поражений польскихъ войскъ романистъ стремится къ полной безпристрастію. Но, быть можетъ, односторонность историческихъ свидѣтельствъ, извѣстныхъ Сенкевичу, повліяла на ослабленіе общаго впечатлѣнія, производимаго описаніемъ такихъ роковыхъ для Польши битвъ, какъ подъ Жолтыми Водами, Корсунемъ, Пилавцами. Болѣе того, въ изображеніи очень важной битвы подъ Зборовымъ вкралась крупная неточность, обусловленная желаніемъ идеализировать стремленія казацкаго войска: короля Яна Казимира казаки сознательно не берутъ въ плѣнъ, опасаясь, чтобы *христіанскій* государь не попалъ въ руки невѣрныхъ татаръ, тогда какъ причиной сравнительно благоприятнаго для поляковъ исхода этой битвы явился расколъ между казаками и ихъ союзниками татарами, вслѣдствіе переговоровъ Оссолинскаго съ ханомъ.

Центральнымъ событіемъ романа является осада подъ Збаржемъ, эпически описанная Сенкевичемъ. Здѣсь романистъ пользовался превосходными мемуарами одного изъ очевидцевъ и представилъ необыкновенно яркую картину геройской защиты. Вѣрность и художественность описанія Сенкевича подтверждается свидѣтельствами историковъ всѣхъ направленій отъ Шайнохи и Кубали до Костомарова.

Центральной фигурой военныхъ событій «Огнемъ и мечемъ» выступаетъ Іеремія Вишневецкій. Въ изображеніе его Сенкевичъ вложилъ всю силу своего дарованія и всѣ симпатіи историка и поэта. Іеремія Вишневецкій еще при жизни былъ воспѣваемъ поэтами—панегиристами. Самуилъ Твардовскій, довольно даровитый

поэтъ, сдѣлалъ Іеремію героемъ поэмы, появившейся вскорѣ послѣ смерти князя («Wojna Domowa»). Въ XIX ст. Карлъ Древецкій идеализировалъ его въ своихъ «Драматическихъ сценахъ XVII ст.». Такимъ образомъ литературная традиція была на сторонѣ Вишневецкаго. Что касается до историческихъ свѣдѣній объ этомъ знаменитомъ князѣ, то они даютъ намъ полное право видѣть въ немъ дѣйствительно замѣчательное лицо, типичнаго представителя магнатскаго сословія юго-западной Руси. Наиболѣе яркими чертами его характера являются: необыкновенное мужество, гордость сословная и личная, нежеланіе подчинять чужой, даже королевской волѣ, свою. Извѣстны вооруженныя столкновенія Вишневецкаго съ родичами, многочисленныя на него жалобы королю, немилость, въ которую онъ вслѣдствіе этого впалъ. Во время казацкихъ войнъ Вишневецкій былъ единственнымъ оплотомъ шляхты, неумолимымъ врагомъ казачества, желавшимъ потушить кровью пожаръ возстанія. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Сенкевичъ сдѣлалъ храбраго князя центромъ военныхъ событій; таковымъ являлся онъ и въ глазахъ своихъ современниковъ, видѣвшихъ въ немъ единственнаго рыцаря, достойнаго представителя добраго стараго времени.

Исторія не можетъ входить въ разоблаченіе затаенныхъ мотивовъ поступковъ того или другого дѣятеля: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, художнику-романисту представляется полнѣйшая свобода дѣйствія. Сенкевичъ рядомъ съ весьма удачнымъ воспроизведеніемъ особенностей душевнаго склада Вишневецкаго, приводитъ и нѣкоторыя черты, могущія показаться невозможными или по крайней мѣрѣ излишними въ глазахъ историка. Если мы, напримѣръ, вспомнимъ тотъ процессъ внутренней борьбы, который Вишневецкій переживаетъ, прежде чѣмъ поступаетъ своими правами и отдаетъ себя подъ начальство бездарныхъ вождей, то врядъ-ли этотъ процессъ покажется намъ правдоподобнымъ. Во всякомъ случаѣ все то, что мы знаемъ о Вишневецкомъ, не даетъ намъ права предполагать, что онъ былъ способенъ изъ за идеальныхъ представленій о необходимости подчиненія законной власти, изъ-за мотивовъ болѣе подходящихъ къ монаху, чѣмъ къ суровому воину, отказаться отъ блестящей перспективы неограниченнаго господства, могущаго привести отечество къ весьма благимъ результатамъ (такъ заставляетъ думать Вишневецкаго). То, что извѣстно о подчиненіи князя regimentарямъ, не даетъ ровно никакихъ указаній насчетъ приписываемыхъ ему Сенкевичемъ мотивовъ. Источники объясняютъ дѣло проще и искреннѣе. Да и кто изъ магнатовъ во время Вишневецкаго возвышался до пониманія отвлеченныхъ идей долга и жертвовалъ своимъ самолюбіемъ? Менѣе всего былъ къ этому способенъ знаменитый Іеремія!

Параллельно съ ходомъ военныхъ дѣйствій развивается въ «Огнемъ и мечемъ», какъ извѣстно, романтическая фабула. Скшетусскій, геройскій подвигъ котораго записанъ лѣтописью, вос-

кресъ подъ перомъ Сенкевича и пережилъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ перипетій. Сенкевичъ ставитъ его въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ Хмѣльницкому, дѣлаетъ его носителемъ идей такъ сказать прогрессивной шляхты, заставляя его находить и терять невѣсту и, что всего важнѣе, сближаетъ его съ интереснѣйшими лицами: Заглобой, Подбицентой, Богуномъ и Володыевскимъ. Яркость этихъ лицъ заставляетъ читателя забывать о самомъ Скшетусскомъ и придаетъ роману необыкновенный интересъ. Достаточно вспомнить великолѣпнаго Заглобу, восходящаго къ Фальстафу и Санчо Пансѣ, несравненнаго путешника, воплощающаго все остроуміе старой Польши. Если бы Сенкевичъ не создалъ ничего, кромѣ Заглобы, онъ оставилъ-бы послѣ себя имя. Заглоба, Скшетусскій, Подбицентъ, Володыевскій—представители не только извѣстныхъ шляхетскихъ группъ, но и этнографическихъ. Кто не знаетъ типичнаго литовца въ святомъ Ленгинусѣ Подбицентѣ?

Если-бы я попытался представить полную характеристику романа, отмѣтить даже наиболѣе существенныя его стороны, мнѣ не хватило-бы и двухъ лекцій. Я вынужденъ ограничиться лишь немногими, наиболѣе существенными замѣчаніями. Двойственность фабулы, введенная въ романъ Сенкевичемъ, въ сущности лишь осложнила задачу автора и отвлекла вниманіе читателей, которые не знаютъ, что важнѣе, подвиги Вишневецкаго или Заглобы; но эта же двойственность смягчила суровость общей картины; къ тому же Марсъ и Амуръ нерѣдко уживаются вмѣстѣ. Прекрасная характеристика казака Богуна, который рѣзко выдѣляется и на фонѣ историческихъ свидѣтельствъ, вмѣстѣ съ менѣе отчетливой характеристикой Хмѣльницкаго, не можетъ служить достаточно яркимъ противовѣсомъ блестящей картины шляхетскаго сословія. Въ романѣ мы видимъ не полную картину движенія, а лишь рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ. Соціальный характеръ казацкихъ войнъ, которому соответствовало, замѣтимъ встать, движеніе крестьянъ въ центрѣ Польши (напр., Костки Наперстка), не отмѣченъ романистомъ надлежащимъ образомъ. Къ слабымъ сторонамъ романа слѣдуетъ отнести и то, что Сенкевичъ, превосходно изучившій литературу предмета, не побывавъ въ мѣстностяхъ, имъ описываемыхъ и въ изображеніи картинъ природы руководствовался въ значительной степени своими американскими воспоминаніями.

Яркость красокъ, талантливость характеристикъ, воссозданіе типичныхъ представителей разнообразныхъ слоевъ шляхетскаго сословія, неистощимый юморъ, продуманные эффекты, ясный умъ, сквозящій во всякой строкѣ—вотъ данныя для громаднаго успѣха этого романа. Онъ завоевалъ такія симпатіи публики, что успѣхъ «Потопа»—второго романа изъ трилогіи—покажется слабымъ. Между тѣмъ этотъ романъ, на мой взглядъ, не уступаетъ «Огнемъ и мечемъ», а въ смыслѣ исторической достовѣрности превосходитъ его. Мнѣ приходится сослаться на свои личныя впечатлѣнія. При первомъ чтеніи «Потопъ» показался мнѣ хуже

«Огнемъ и мечемъ». Когда я перечиталъ его послѣ болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ историческими свидѣтельствами изображаемой ими эпохи—я увидѣлъ много незамѣченныхъ прежде красотъ и призналъ этотъ романъ выше «Огнемъ и мечемъ». Не довѣряя своему впечатлѣнію, я обратился къ В. Д. Спасовичу, глубокое знакомство котораго съ польской литературой и достоинства критики общеизвѣстны. В. Д. согласился съ моимъ мнѣніемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ существующими критическими мнѣніями и сужденіями большой публики. Не смотря на мое очень высокое мнѣніе о «Потопѣ», мнѣ придется ограничиться лишь немногими замѣчаніями. Дѣло въ томъ, что съ той точки зрѣнія, съ какой я разсматривалъ историческіе романы Сенкевича, т. е. со стороны ихъ отношенія къ дѣйствительнымъ фактамъ, закрѣпленнымъ въ историческихъ свидѣтельствахъ, «Потопъ» не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека.

Прежде всего событія, изображаемыя въ «Потопѣ», имѣютъ громадныя преимущества передъ тѣми, которыя рисуются въ «Огнемъ и мечемъ». Тамъ романисту приходилось быть и судьей. Дѣло, которое онъ молчаливо взялъ подъ свою защиту, было по меньшей мѣрѣ спорное. Философія войны была самая печальная. Вся эта борьба, политическая и социальная, не имѣла опредѣленной цѣли. Въ другомъ положеніи находились тѣ войны, которыя велись при Янѣ Казимірѣ со шведами. Польша защищала свою политическую и религіозную свободу отъ иноземнаго вторженія, своихъ измѣнниковъ и внутреннихъ неурядицъ. Религіозное чувство мало по малу сплотило всѣ сословія, всѣ партіи. Крестьяне впервые почувствовали себя гражданами. Государство возвратило свою самостоятельность быстрѣе, чѣмъ потеряло. Рѣшительнымъ моментомъ въ борьбѣ была осада Ченстохова. Геройская защита монастыря спасла всю Польшу. Ее затронули за живую струну—и всѣ отъ мала до велика отозвались на призывъ. Померкла звѣзда шведовъ, и скоро Янъ Казиміръ былъ восстановленъ въ законныхъ правахъ.

Таковъ, въ нѣсколькихъ словахъ, смыслъ событій, излагаемыхъ въ «Потопѣ». Романисту приходилось защищать дѣло правое, безспорное. Литература дала ему массу интереснѣйшихъ документовъ, въ которыхъ ему было легче разобраться, нежели въ свидѣтельствахъ, относящихся къ эпохѣ Богдана Хмѣльницкаго. Притомъ ни одно царствованіе не вызвало такихъ интересныхъ и разнообразныхъ мемуаровъ, какъ эпоха Яна Казимира. Воспоминанія Паска, исторія Яна Казимира безмяннаго автора, масса частныхъ, эпизодическихъ записокъ—все это даетъ обильную пищу внимательному историку. Кромѣ того, дошли до насъ полупоэтическія, полунсторическія стихотворенія самаго разнообразнаго содержанія. Словомъ, Сенкевичъ имѣлъ возможность превосходно познакомиться съ описываемыми событіями. Главныя дѣйствующія лица «Потопа»—историческія. Даже Кмицицъ, подвиги котораго имѣютъ фантастическій характеръ, историческое лицо,

упоминаемое Паскомъ. Превосходны портреты сатирика Опалиньскаго, измѣнившаго вмѣстѣ съ Радзѣвскимъ при первомъ появленіи шведовъ. Послѣдній понятъ довольно своеобразно Сенкевичемъ. Это—холодный циникъ, измѣнникъ, такъ сказать, по профессіи. Въ исторіи Радзѣвскій считаетъ себя оскорбленнымъ въ качествѣ мужа королемъ, хотя это ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться доказаннымъ. Великолѣпны характеристичны братьевъ Радзивилловъ, вполне совпадающія съ историческими свидѣтельствами. Описаніе военныхъ дѣйствій очень точно и послѣдовательно и не представляетъ никакихъ существенныхъ отклоненій. Самыя смѣлыя сцены находятъ параллели въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ. Достаточно вспомнить, какъ Чарнецкій переправлялъ конницу черезъ море, чтобы найти вполне правдоподобными всѣ описанія Сенкевича.

Въ «Потопѣ» мы находимъ прекрасное описаніе осады Ченстохова.

Необыкновенное разнообразіе второстепенныхъ персонажей придаетъ роману нѣсколько хаотическій характеръ. Но интересующіеся разнообразіемъ этнографическихъ элементовъ старой Польши найдутъ въ этомъ много интереснаго. Всѣ ихъ разновидности мелькаютъ передъ очарованнымъ читателемъ. Въ изображеніе внесено много человѣчности, тепла чувства, такъ что даже отрицательные типы не внушаютъ никакой антипатіи.

Романтическая интрига, судьба отдѣльныхъ лицъ въ «Потопѣ» выдвигаются впередъ больше, чѣмъ въ «Огнемъ и мечемъ». Но во всякомъ случаѣ историческія событія здѣсь на первомъ планѣ, тогда какъ въ «Панѣ Володнѣвскомъ» Сенкевичъ въ сущности намъ даетъ лишь семейную исторію своего любимца, не находящуюся въ сколько нибудь опредѣленной связи съ ходомъ военныхъ событій. Для этого романа Сенкевичъ пользовался главнымъ образомъ изслѣдованіями извѣстнаго знатока Подоліи и Волыни Ролле и рукописными матеріалами (фамильными бумагами) одной семьи, а также поэмой Вацлава Потоцкаго «Wojna Chocimska». Само собой разумѣется, что исторія частнаго лица, хотя бы и очень интересная, не можетъ поглотить нашего вниманія въ такой степени, какъ событія, касающіяся цѣлаго народа; къ тому же въ «Панѣ Володнѣвскомъ» мы находимъ вымышленные историческіе факты, вродѣ возстанія Азій, могущіе ввести читателя въ ошибку. Осада Каменца была лишена того героизма, который сопровождалъ осаду Збаража и Ченстохова, и геройская смерть горсти защитниковъ не могла искупить преступнаго малодушія и трусости другихъ. Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе романа, въ которомъ историческія событія уступили частнымъ, мы попытаемся сдѣлать два-три замѣчанія самаго общаго характера относительно сравнительнаго достоинства трехъ разсмотрѣнныхъ романовъ.

Съ нашей точки зрѣнія т.-е. со стороны вѣрнаго отраженія историческихъ фактовъ, «Потопу» должно быть отведено первое мѣсто. Исторія наша въ этомъ романѣ всестороннее воспроизве-

деніе и воскресла въ яркой фантастической обстановкѣ. Общій ходъ событій въ «Потопѣ» вполне соответствуетъ дѣйствительности. Освѣщеніе мотивовъ и причинъ, по нашему мнѣнію, вполне правильное. «Духъ» времени понятъ и оцѣненъ надлежащимъ образомъ. Авторъ защищаетъ дѣло правое и воздастъ всякому должное. Факты достаточно краснорѣчиво говорили за себя и въ оцѣнкѣ ихъ не было никакихъ разногласій. «Огнемъ и мечемъ» (съ нашей точки зрѣнія) ниже «Потопа». Я уже указалъ на слабыя стороны этого романа. Что же касается «Пана Володнѣвскаго», то въ сущности историческаго въ немъ очень мало, но онъ пополняетъ картину политической Польши XVII вѣка, знакомя насъ съ тѣми областями, которыя оказались незатронутыми въ прежнихъ романахъ.

Что касается техники романовъ, то всякій читатель обратитъ вниманіе на однообразіе романтической интриги. И Скеттусскій, и Кмицицъ ищутъ невѣсть, теряютъ и снова обрѣтаютъ. Кромѣ того въ мотивировкѣ мы можемъ отмѣтить нѣкоторый параллелизмъ. (Ср. напр. размышленія Вишпевецкаго и Януша Радзивилла). Уже Вальтеръ-Скотту ставили въ упрекъ, что похождения отдѣльных лицъ имѣютъ въ его глазахъ такую же важность, какъ и историческія событія. Этотъ-же упрекъ можно сдѣлать и Сенкевичу. Въ «Потопѣ» на Кмицица приходится обращать слишкомъ большое вниманіе, а въ «Володнѣвскомъ» исторія почти отсутствуетъ.

Фантастичность нѣкоторыхъ эпизодовъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ является оригинальной. Но въ нѣкоторыхъ можно подмѣтить вліяніе Дюма, именно его трилогіи. Напр., тотъ эпизодъ, гдѣ Кмицицъ увлекаетъ за собой Богуслова Радзивилла, прямо заимствованъ у Дюма.

Этими замѣчаніями относительно трехъ романовъ изъ исторіи Польши XVII ст. мы должны ограничиться.

Переходъ отъ серіи историческихъ романовъ, изображающихъ различные моменты судьбы Польши въ XVII в., къ роману, описывающему царствованіе Нерона и первые шаги христіанства представляется весьма смѣлымъ. Но Сенкевичъ, какъ истый виртуозъ, проявилъ всю гибкость и независимость своего дарованія, совершенно свободно вращаясь въ эпохѣ, столь мало общаго имѣющаго съ польской исторіей XVII в.

Исходя изъ конкретнаго факта — легендарнаго сказанія о встрѣчѣ св. Петра у воротъ Рима со Спасителемъ, обусловившей возвращеніе св. апостола на вѣрную смерть, — Сенкевичъ весьма добросовѣстно изучилъ главные историческіе матеріалы, касающіеся царствованія Нерона. Такъ какъ Римъ былъ превосходно извѣстенъ автору (см. его описаніе у Сенкевича), а языческое міросозерцаніе на рубежѣ христіанскаго давно его интересовало (этого вопроса онъ касается и въ прекрасной новеллѣ «Пойдемъ за Нимъ»), то нечего удивляться, что съ первой же страницы читатель чувствуетъ себя на вѣрной дорогѣ, видитъ, какъ авторъ

безъ колебаній, съ полной увѣренностью вводитъ его въ лабиринтъ запутанныхъ римскихъ отношеній I в., ориентируется въ нихъ такъ же хорошо, какъ раньше въ исторіи Польши XVII в.

Я не буду излагать содержанія «*Quo Vadis?*» всѣмъ извѣстнаго. Постараюсь указать на главные моменты въ ихъ отношеніи къ историческимъ свидѣтельствамъ и опредѣлить степень вѣрности и правдоподобія психологическаго процесса, переживаемаго тѣми или другими дѣйствующими лицами тамъ, гдѣ дѣло касается того внутреннего перелома въ языческомъ мірѣ, который изображается Сенкевичемъ въ типичныхъ, на его взглядъ, явленіяхъ.

Самый непривычный глазъ увидитъ въ романѣ два міра, взаимно, повидимому, исключаютъ другъ друга: языческій и христіанскій. Первый полонъ блеска, какой даютъ власть, богатство, утонченная культура, способность къ всестороннему наслажденію и, наконецъ, полное безучастіе къ смерти. Второй міръ является въ видѣ многочисленной, но забытой секты, съ рѣзко демократическимъ характеромъ, пополняемой униженными, обездоленными и оскорбленными, которыхъ ожидаетъ безпредѣльное счастье за гробомъ; къ этому счастью, этому безпредѣльному блаженству стремятся въ вѣчной тоскѣ ихъ страдающія души. Не власть, а подчиненіе, не богатство, а бѣдность, не превосходство одного надъ другимъ, а полное равенство, не наслажденія, а испытанія, не утонченность культуры, а самоотреченіе,—вотъ идеи первыхъ христіанъ въ противоположность языческимъ. Всю пропасть, лежащую между этими двумя мірами, рѣшилъ заполнить романистъ или, вѣрнѣе, показать, какъ заполняла эту бездну сама жизнь. Чтобы достигнуть этой основной цѣли, ему предстояло изобразить римское общество времени Нерона и указать возможные пути обращенія среднихъ людей этого общества въ христіанъ. Что послѣдователь Сенеки или другого философа могъ сдѣлаться приверженцемъ христіанскаго ученія—въ этомъ не было ничего удивительнаго, ибо это ученіе удовлетворяло требованіямъ философіи,—но показать, какъ душа простая, не задающаяся никакими отвлеченными вопросами, ясно и поверхностно разсматривающая жизненные явленія, приходитъ къ сознанію тщеты *языческаго* міросозерцанія и правдивости *христіанскаго*—вотъ задача, достойная психолога-романиста. Съ другой стороны: сдѣлать понятнымъ переходъ въ христіанство испорченнаго до мозга костей представителя утонченной цивилизаціи, во всемъ извѣрившагося, все понимающаго, но ничего не чувствующаго, слабого и злобнаго—вторая, не менѣе заманчивая задача. Вы догадываетесь, что въ первомъ случаѣ идетъ рѣчь объ обращеніи Виниція, во второмъ—о Хилонѣ.

Прежде чѣмъ исполнить эту задачу, въ которой и заключается историко-философскій характеръ книги, Сенкевичъ долженъ былъ нарисовать картину двухъ міровъ, главнымъ образомъ языческаго, котораго роль была основной. Къ этой задачѣ авторъ приступилъ

во всеоружіи, такъ какъ шелъ по единственно правильному пути, соединяя знаніе источниковъ съ обстоятельнымъ знакомствомъ съ искусствомъ и древностями.

Во главѣ языческаго общества стоитъ Неронъ. Существуетъ много попытокъ доставить ключъ къ надлежащему пониманію этого тирана, неистовства котораго превосходятъ все, къ чему способно человѣческое воображеніе. На мой взглядъ, Сенкевичъ далъ превосходную характеристику этого цезаря и уловилъ существенную черту его психіи. Онъ имѣлъ возможность, какъ художникъ, свободнѣе обращаться съ матеріаломъ, нежели любой историкъ. Тѣмъ не менѣе весьма интересно, что характеристика Нерона у Сенкевича въ существенныхъ чертахъ совпадаетъ съ превосходнымъ изложеніемъ Тацита съ тѣмъ различіемъ, что польскій романистъ пользуется болѣе сложными средствами, чѣмъ римскій историкъ. Искусство, особенно пластическое, помогло Сенкевичу воссоздать образъ Нерона ярче, чѣмъ у Тацита, но, повторяю, существенныя особенности характера тирана передаются одинаково у обоихъ писателей. Тацитъ сообщаетъ намъ весьма послѣдовательно, какъ постепенно росло артистическое славолубіе цезаря, какъ, не довольствуясь извѣстностью въ Римѣ, онъ стремится въ Грецію, чтобы на классической почвѣ стяжать наемныя рукоплесканія; тотъ же историкъ вспоминаетъ, какъ ревниво относился Неронъ къ артистической славѣ другихъ, погубивъ, напр., Лукана. Тацитъ считаетъ правдоподобнымъ, что для доставленія себѣ эффектнаго зрѣлища, Неронъ приказалъ сжечь Римъ, а потомъ свалилъ вину на христіанъ. На многихъ страницахъ римскій историкъ сообщаетъ факты и черты жизни Нерона, и мы не найдемъ ни одной, не привлеченной Сенкевичемъ въ его характеристикѣ. Какъ искусно, напр., воспользовался художникъ чертой гнуснаго притворства тирана, о которой говоритъ римскій историкъ. Вотъ какъ, по Тациту, заключаетъ Неронъ свою бесѣду съ Сенекой, обреченнымъ на гибель: «За симъ Неронъ обнялъ и поцѣловалъ Сенеку: такъ умѣлъ онъ, по природѣ и по привычкѣ, скрывать ненависть подъ личиной ласки». Другой примѣръ изъ Тацита: Неронъ прощается съ Агриппиной, идущей на вѣрную смерть. «Неронъ такъ ласково ее принялъ, посадилъ ее даже выше себя, не переставалъ говорить съ нею, то съ дѣтскимъ простодушіемъ, то съ глубокомысленнымъ видомъ, какъ бы повѣряя ей важныя тайны, и пиръ затянулся до глубокой ночи. Онъ проводилъ ее, нѣжно цѣлуя въ глаза и прильнувъ къ ея груди; былъ-ли это верхъ притворства, или и его звѣрскаго характера поколебался при видѣ матери, идущей на смерть?» Сравните эти замѣчанія съ тою прекрасной сценой въ «Quo vadis», гдѣ Петроній, все поставившій на карту, все и проигралъ. Когда придворные требуютъ отъ Нерона, чтобы онъ покаралъ Петронія за оскорбленіе величества, цезарь сказалъ: «Вы хотите, чтобы я покаралъ его, но это мой товарищъ и другъ, и, хотя онъ уязвилъ меня въ сердце, пусть будетъ ему извѣстно, что это сердце мо-

жетъ только... простить друзьямъ». Я проигралъ и погибъ — подумалъ Петроній.

Слѣдуя всюду въ характеристикѣ Нерона указаніямъ Тацита, Сенкевичъ имѣлъ полное право расширить рамки историка. Онъ не только изобразилъ Нерона, но и далъ ключъ къ пониманію этой на первый взглядъ загадочной натуры. Этотъ ключъ — въ исключительно артистической натурѣ тирава, въ его неудовлетворяемыхъ стремленіяхъ къ художественнымъ эффектамъ. Вотъ какое признаніе вкладываетъ романистъ въ уста Нерону. «Музыка говоритъ мнѣ, что сверхъестественное существуетъ, и вотъ я ищу его со всею силой могущества, которое боги отдали въ мои руки. Иногда мнѣ кажется, что для того, чтобы достигнуть этихъ олимпійскихъ міровъ, нужно сдѣлать что-нибудь такое, чего до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ не дѣлалъ, нужно превысить человѣческой уровеньъ въ добрѣ или злѣ. Я знаю, люди обвиняютъ меня въ томъ, что я безумствую, но я не безумствую, я только ищу, а если и безумствую, то со скуки и отъ злости, что не могу найти. Я ищу—понимаешь меня? — и потому хочу быть больше чѣмъ человѣкъ, ибо только такимъ способомъ могу быть великимъ артистомъ.

Знаешь ли, что поэтому собственно я осудилъ на смерть мать и жену? У вратъ незнаемаго міра я хотѣлъ принести величайшую жертву, какую только можетъ принести человѣкъ. Я думалъ, потомъ что-нибудь совершится, разверзнутся какія-нибудь двери, за которыми я увижу что-нибудь неизвѣстное. Пусть-бы это удивило или устрасило человѣческое пониманіе, только было бы необычайно и велико... Но этой жертвы было недостаточно. Чтобы отворить олимпійскія двери, очевидно, требуется большая жертва, и пусть будетъ такъ, какъ хочетъ судьба.

«... Знай, что живутъ два Нерона: одинъ такой, какимъ его знаютъ люди, другой — артистъ, котораго знаешь одинъ ты и который, если убиваетъ, какъ смерть, или безумствуетъ, какъ Вакхъ, то только потому, что его давить плоскость и ничтожество обычной жизни, и который хотѣлъ бы искоренить ихъ, хотя бы пришлось прибѣгнуть къ огню или желѣзу... О, какъ пошла бы будетъ этотъ міръ, когда меня не станетъ! Никто еще не постигаетъ, даже ты, дорогой мой, какой я артистъ. Но поэтому-то я и страдаю, и искренно говорю тебѣ, что повремениамъ душа моя бываетъ такъ же грустна, какъ тѣ кипарисы, что чернѣютъ передъ нами. Тяжело человѣку одновременно влачить бремя величайшаго могущества и величайшаго таланта».

Можетъ быть этотъ монологъ покажется и слишкомъ глубокомысленнымъ для Нерона, хотя онъ и не былъ лишенъ дара слова (вспомнимъ его обращеніе къ Сенецкѣ, приводимое у Тацита). Но во всякомъ случаѣ славолубіе и страсть къ грандіозному, господствующія въ душѣ Нерона, прекрасно здѣсь отмѣчены. Достаточно вспомнить, что Неронъ пускался на такія кощунства, какъ купаніе въ священнѣхъ источникахъ, посягательства на первую весталку и пр., чтобы признать мотивы, подчеркнутыя Сенкеви-

чемъ, очень вѣроятными. Во всякомъ безуміи есть идея, есть и послѣдовательность. Неронъ производитъ на насъ цѣльное и опредѣленное впечатлѣніе, благодаря замѣчательному историческому чутью романиста. Не менѣе удачны и другія лица языческаго Рима. Возьмемъ для примѣра Пoppею и Петронія.

Пoppея Августа обрисована у Тацита немногими, но превосходными чертами. «У этой женщины, говоритъ историкъ, было все, кромѣ чести. Мать ея въ свое время была первая красавица и передала красоту свою дочери вмѣстѣ съ извѣстностью; богатство соответствовало знатности рода; разговоръ ея былъ увлекателенъ, умъ довольно острѣе; скромная наружность прикрывала сластолюбивую натуру; рѣдко показывалась она въ публичныхъ мѣстахъ и всегда при этомъ скрывала подъ вуалью часть лица, для того-ли, чтобы не удовлетворять вполне любопытства тѣхъ, кто ею любовался, или потому, что это ей было къ лицу. Она не щадила своей репутации, не знала разницы между мужемъ и любовникомъ; не подчиняясь ни чужимъ, ни своимъ страстямъ, она основывала свои связи на выгудѣ, которую могла изъ нихъ извлечь». Не достаточно-ли здѣсь чертъ, вполне оправдывающихъ ту фигуру Пoppеи, которую нарисовалъ во весь ростъ Сенкевичъ? Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ произведеніями этого романиста, долженъ согласиться, что во всякомъ его романѣ есть центральное лицо, привлекающее общее вниманіе и являющееся такъ сказать любимцемъ автора. Таковы Заглоба и Скетусскій въ «Огнемъ и мечемъ», Кмицицъ въ «Потоцкѣ», Баська и Володѣевскій въ «Попѣ Володѣевскомъ», Букацкій въ «Семьѣ Полянецкихъ» и, наконецъ, Петроній въ «Quo vadis». Фигура Петронія отдѣлана съ такимъ совершенствомъ, что оставляетъ на заднемъ планѣ всѣ прочія. Прочитайте характеристику этого патриція, поэта и философа, у Тацита *). «Разскажемъ здѣсь кое что о Каѣ Петроніѣ. Днемъ онъ спалъ, а ночь проводилъ въ занятіяхъ и удовольствіяхъ, и составилъ себѣ извѣстность посредствомъ лѣности такъ, какъ другіе составляютъ ее посредствомъ прилежанія; впрочемъ онъ не былъ грязный развратникъ, какъ большая часть мотовъ, но утонченный сластолюбецъ. Его разговоры и жесты, нося на себѣ характеръ какого-то пренебреженія, были просты и пріятны. Будучи проконсуломъ Виваніи и потомъ консуломъ, онъ даже показалъ себя дѣятельнымъ и способнымъ къ дѣламъ. Но въ послѣдствіи онъ предался разврату, по крайней мѣрѣ такъ показалось, и принятъ былъ въ число самыхъ приближенныхъ лицъ къ Нерону. Онъ былъ верховнымъ судьей въ вопросахъ, касавшихся изящнаго вкуса, и Неронъ находилъ пріятнымъ и похваливалъ только то, что одобрилъ Петроній. Это породило зависть въ Тигеллинѣ, видѣвшемъ въ немъ соперника, который лучше его умѣлъ оцѣнивать удовольствія».

*) Теперь не существуетъ уже сомнѣній, что Тацитъ говоритъ объ авторѣ «Сатирикона», т. е. о томъ-же лицѣ, которое фигурируетъ у Сенкевича.

Вотъ какъ Тацитъ описываетъ смерть Петронія, неподобно изображенную Сенкевичемъ.

«Онъ (Петроній) не хотѣлъ спѣшить покончить жизнь. Онъ открывалъ себѣ вены, какъ водится; снова перевязывалъ, опять открывалъ, и между тѣмъ говорилъ съ друзьями, не вдаваясь въ глубокомысленные вопросы и не стараясь блеснуть твердостью. Онъ не хотѣлъ слушать разсужденій о безсмертіи души и о философскихъ правилахъ, а просилъ почитать ему легкіе и пріятные стихи; нѣкоторымъ рабамъ далъ онъ денегъ, другимъ розогъ; прогуливался, потомъ легъ спать, чтобы смерть его, хотя насильственная, казалась естественною. Въ завѣщаніи своемъ онъ не льстилъ, подобно прочимъ осужденнымъ, Нерону, Тигеллину или другимъ сильнымъ людямъ».

Не вполне ли подходитъ эта характеристика къ красивому, изящному, остроумному и находчивому Петронію Сенкевича, этому истинному *arbiter elegantiarum*? Правъ былъ романистъ, когда заставилъ этого всесторонняго эпикурейца быть послѣднимъ могиканомъ языческаго міра, поклонникомъ всесторонняго культа красоты и наслажденія. Какъ хорошо, напр., отмѣчена черта изящной небрежности, о которой упоминаетъ Тацитъ! Не распространяясь относительно этого всѣмъ извѣстнаго изъ романа Сенкевича лица, скажу лишь, что художественное употребленіе, сдѣланное изъ превосходной характеристики Тацита, не оставляетъ ничего желать.

Что касается до фона, на которомъ движутся вызванныя къ жизни лица древняго міра, то, при всемъ желаніи, критика можетъ лишь сдѣлать несущественныя поправки. Въ одномъ мѣстѣ, напр., говорится, что римскій народъ любилъ Агриппину — указаніе, котораго нѣтъ въ источникахъ; въ другомъ упоминается лицо, уже умершее къ тому времени. Но эти и тому подобныя замѣчанія могли бы быть умѣстными, если бы шла рѣчь о диссертации, а не о романѣ. Но и съ точки зрѣнія школьной учености «*Quo vadis*» удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ. Уже въ «*Безъ догмата*» Сенкевичъ обнаружилъ свое знакомство съ исторіею Рима; къ «*Камо грядеши?*» онъ подготовился добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ и художественныхъ произведеній этого періода, и потому ни историкъ, ни археологъ не сумѣютъ, на мой взглядъ, обличить романиста въ сколько нибудь существенныхъ недочетахъ.

Романъ, какъ мы видѣли, имѣетъ цѣлью изобразить два міра: уходящій — языческій и нарождающійся — христіанскій, показать, въ какія отношенія они могли стать другъ къ другу и — главное — какіе члены перваго могли сдѣлаться связующими ихъ нитями. Для нагляднаго уясненія этого процесса Сенкевичъ останавливается на двухъ различныхъ разновидностяхъ: Виниціи и Хилонѣ.

Само собой понятно, что христіанская община имѣла въ первое время исключительно демократическій характеръ. Она радушно

открывала свои объятія всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ и, признавая полную личную свободу, полное равенство, общала возмездіе въ загробномъ мірѣ за всѣ страданія, лишенія, добрые поступки и помыслы земнаго. Поэтому главнѣйшіе представители христіанской общины у Сенкевича принадлежать къ народной массѣ. Таковы: Криспъ, Главкъ, Урсъ, и многіе другіе, таковъ самъ апостоль Петръ, умѣющій ободрять и укрѣплять вѣрныхъ простымъ, но прочувствованнымъ словомъ. Изображенія собраній христіанъ носятъ отпечатокъ большой естественности и вполне правдоподобны. Но мы должны внимательно всмотрѣться въ мотивы, заставившіе Виниція и Хилона принять крещеніе. Сенкевичъ понималъ, что не во всѣхъ случаяхъ было достаточно простыхъ мотивовъ для обращенія язычниковъ въ христіанство. Процессъ у сложныхъ натуръ долженъ былъ быть достаточно сложнымъ. Вполнѣ правильно, прибавимъ, романистъ заставилъ Павла потерпѣть неудачу при обращеніи Петронія. Этотъ раг excellence эстетикъ, съ душой неспособной къ экстазу, не считалъ нужнымъ задумываться надъ будущимъ, довольствуясь чашей земныхъ наслажденій. То время, когда философы пополняли ряды христіанъ, привнося сокровища языческихъ знаній и мудрости — еще не наступило. Самодовольные эпикурейцы, подобные Петронію, были непригодной почвой для какой либо агитаціи.

Процессъ, который приводитъ Виниція, воина-язычника, на лоно христіанина, довольно сложный, хотя и упрощенный элементомъ сильной любви къ христіанской дѣвушкѣ. Менѣе талантливый, чѣмъ Сенкевичъ, романистъ далъ бы этому чувству исключительное преобладаніе. Но Сенкевичъ сознавалъ банальность этого приёма. Любовь Виниція къ Лигіи приводитъ молодого патриція къ познанію основъ христіанскаго ученія, къ разсѣянію предубѣжденій противъ него и открываетъ ему новыя горизонты. Нельзя думать, что Виницій сдѣлался христіаниномъ лишь изъ-за обладанія Лигіей, — въ такомъ случаѣ его обращеніе было бы поступкомъ по меньшей мѣрѣ пошлымъ, но сильное чувство подготовило душу Виниція къ тѣмъ реформамъ, которыя должны были въ ней произойти. Попытаемся прослѣдить основныя фазисы постепеннаго превращенія Виниція изъ язычника въ христіанина.

Первыя проблески новой для Виниція эры замѣчаются во время его пребыванія въ христіанскомъ домѣ, послѣ того, какъ онъ едва не поплатился жизнью за неудачную попытку похитить Лигію. Съ удивленіемъ онъ видитъ равенство и братство христіанъ между собою, услуги, которыя долженъ принимать отъ лицъ, имъ обремененныхъ. Мало по малу изъ-за Лигіи онъ начинаетъ вдумываться во все, что видитъ и слышитъ вокругъ себя. Если бы дѣвушка досталась ему безъ усилій, мы не видѣли бы Виниція на пути къ христіанству, а скорѣе сама Лигія поколебалась бы въ своей, еще не успѣвшей вполне сформироваться вѣрѣ. Но такъ или иначе Виницій видитъ, что ему слѣдуетъ считаться съ христіанами. Анализируя основныя положенія новаго ученія, онъ замѣчаетъ,

что въ немъ на лицо элементы многихъ ему извѣстныхъ философскихъ ученій. Сначала душа патриція протестуетъ противъ необходимости считать себя равнымъ не только плебею и клиента, но и купленнаго за деньги раба. Однако, когда Лигія не можетъ скрыть своей любви къ нему, Виницій изъ-за нея готовъ на радостяхъ оказывать благодѣянія рабамъ; онъ первый разъ въ жизни испытываетъ, какое удовольствіе можетъ причинить радость другого. Разъ открытая для этого рода наслажденій душа, конечно, окажется доступной и цѣлому ряду другихъ, болѣе высокихъ наслажденій, нежели тѣ, которыя знакомы черствому эгоисту.

Виницій примирился съ христіанами, убѣдившись, что они не враги честной любви, не враги удовольствій и сталъ къ нимъ относиться благожелательно и сочувственно. Онъ готовъ допустить и Христа въ пантеонъ тѣхъ избранныхъ божествъ, которымъ поклонялся, и даже отдавать Ему предпочтеніе. Но отъ этого настроенія до искренняго обращенія—цѣлая пропасть. Романистъ заставляетъ Виниція переживать цѣлый рядъ нравственныхъ страданій и этимъ путемъ убѣдиться, что единственный исходъ изъ нихъ, единственное прибѣжище — Христова вѣра, дающая силы къ перенесенію всѣхъ страданій.

Виницій не только теряетъ, благодаря прояскамъ Поппеи и другихъ, Лигію, но еще вынужденъ присутствовать при ея казни. Всѣ средства спасти дѣвушку исчерпаны; даже Петроній бросилъ послѣднія кости—и проигралъ. Душа Виниція не знаетъ покоя; въ эти минуты полного отчаянія, безпредѣльной тоски, передъ молодымъ патриціемъ открывается заманчивая перспектива: ему указываютъ, что только Христосъ можетъ спасти Лигію, что если Онъ и допустить смерть Лигіи, то дастъ ей вмѣстѣ съ другими святыми мучениками вѣчное и несказанное блаженство; что раздѣлять съ ней это блаженство только принятыя на лоно Христовой церкви. Виницій видитъ, какъ твердо идутъ на казнь сотни и тысячи христіанъ, радостно уповая на свѣтлую загробную жизнь. Въ минуты страшныхъ страданій его душа раскрывается для познанія и воспріятія проповѣди святыхъ апостоловъ; христіанство ему представляется источникомъ жизни, тогда какъ язычество ведетъ лишь смерть за собой. Вся эта сумма любви, отчаянія, надеждъ, смутныхъ чувствъ и чаяній шагъ за шагомъ ведетъ Виниція къ крещенію. Этотъ новый христіанинъ, безъ сомнѣнія, будетъ въ усердіи и глубинѣ вѣры уступать Главку, Криспу и даже Урсу, но и будетъ отличаться большей жизнеспособностью и начнетъ рядъ умѣренныхъ, примиренныхъ съ жизнью христіанъ, изъ которыхъ современемъ составитъ большинство. Мы склонны признать процессъ, ведущій Виниція къ крещенію, типичнымъ обращеніемъ, и можемъ лишь удивляться мастерству, съ которымъ авторъ приводитъ эту несложную, неспособную къ сколько-нибудь отвлеченному мышленію душу, къ намѣченному исходу.

Нѣсколько въ иномъ свѣтѣ намъ представляется обращеніе Хилона. Этотъ грекъ великолѣпно обрисованъ Сенкевичемъ. Умъ, начитанность, наблюдательность, хитрость, пронырливость служатъ лишь орудіемъ въ рукахъ до мозга костей испорченнаго, извѣрившагося, стремящагося лишь къ удовлетворенію своихъ низменныхъ потребностей, грека. Въ сущности для опредѣленія нравственныхъ качествъ его души есть лишь одинъ эпитетъ — «подлая».

Прослѣдимъ главные моменты жизни Хилона Хилонида.

Мы застаемъ его уже на склонѣ лѣтъ. Мелкій плутъ по профессіи, Хилонъ къ тому же преданъ пьянству, мѣшающему ему быть послѣдовательнымъ въ своихъ стремленіяхъ; при всей своей наглости, онъ слишкомъ трусливъ для того, чтобы рисковать чѣмъ-либо. Этимъ объясняется нищета Хилона, при всѣхъ его талантахъ и готовности на все. Обезпечить своей старости спокойный пріютъ—вотъ единственная мечта грека. Нервы его слабы, онъ не выноситъ кровавыхъ зрѣлищъ и не можетъ смотрѣть на мученія. Въ этомъ сказывается культурная натура, отвыкшая отъ войны и насилій.

Хилонъ, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ преступленій, шпіонства, обмана, сводничества, запятналъ себя крупнымъ: онъ предалъ Главка, лишилъ его семьи, послѣднихъ надеждъ и посягалъ, при посредствѣ гнусной клеветы, на его жизнь. Вотъ этому-то злодѣю, единственной свѣтлой стороной котораго является отвращеніе отъ жестокихъ зрѣлищъ (отвращеніе, обусловленное въ значительной степени трусостью), предстоитъ сдѣлаться не только убѣжденнымъ христіаниномъ, но даже мученикомъ. Посмотримъ, какимъ обстоятельствамъ можно приписать это обращеніе. Хилонъ сталкивается съ христіанами въ слѣдующихъ случаяхъ.

Въ первый разъ онъ познакомился со старымъ невольникомъ-христіаниномъ и за деньги Виниція выкупилъ его сына; отъ этихъ глубоко благодарныхъ ему людей грекъ узналъ о христіанскихъ собраніяхъ и чрезъ нихъ получилъ туда доступъ. Такъ какъ въ Главкѣ Хилонъ видѣлъ главную помѣху своимъ планамъ, то онъ убѣдилъ Урса-Урбана, что Главкъ—сынъ Іуды, обѣщавшій выдать всѣхъ христіанъ. Случайность спасла безвиннаго христіанина. Далѣе Хилонъ завелъ Виниція, сопровождаемаго гладиаторомъ Кротономъ въ домъ Лигіи. Молодой патрицій едва не сдѣлался жертвой ярости Урса, убившаго Кротона, и отдѣлался лишь благодаря Лигіи сломанной рукой. Хилонъ, въ страхѣ убѣжавшій домой, былъ вызванъ Виниціемъ, нашель его въ кругу христіанъ, между которыми къ ужасу своему увидѣлъ и Главка. Кромѣ Главка, его узналъ и Урсъ, рассказавшій, какъ Хилонъ убѣждалъ его умертвить этого христіанина. Хилонъ сталъ молить Главка о прощеніи, и послѣдній, склоняясь къ увѣщаніямъ св. Петра, простилъ обидчику. Хилонъ былъ обрадованъ и удивленъ такимъ исходомъ, но ни малѣйшаго раскаянія не испыталъ.

Продолжая слѣдить за христіанами, грекъ имѣлъ неосторож-

ность вызвать гнѣвъ Виниція, былъ подвергнуть тѣлесному наказанію и поклялся отомстить и трибуну, и всѣмъ христіанамъ, имъ покровительствуемымъ. Случай скоро представился. Неронъ сжегъ Римъ и вызвалъ сильный ропотъ. Надо было указать народу жертву, чтобы дать исходъ общему негодованію и жаждѣ мести. Хилонъ и евреи обвиняютъ христіанъ во всевозможныхъ преступленіяхъ и поджигательствѣ. Грекъ не испытываетъ ни капли смущенія, возводя снова на несчастнаго Главка свои-же преступленія. Это служитъ завершеніемъ дѣятельности Хилопа. Онъ становится обезпеченнымъ человѣкомъ и получаетъ доступъ ко двору. Неронъ, замѣтивъ его трусость, жестоко издѣвается надъ нимъ при всякомъ случаѣ.

Трусливая, мягкая натура Хилона Хиловида не переносить кровавыхъ зрѣлищъ. Онъ съ трудомъ присутствуетъ на цирковыхъ играхъ, гдѣ гибнутъ христіане, и часто падаетъ въ обморокъ. Во что бы то ни стало онъ желаетъ уклониться отъ вида крови и ужасовъ пытокъ, но Неронъ и его окружающіе тщательно наблюдаютъ, чтобы ничто не ускользало отъ вниманія грека. Ему предстоитъ присутствовать при торжественномъ шествіи Нерона среди горящихъ факеловъ изъ христіанъ. Въ одномъ изъ нихъ Хилонъ узнаетъ несчастнаго Главка, полный ужаса онъ молитъ несчастнаго мученика о прощеніи—и Главкъ опять, въ послѣдній смертный часъ ему прощаетъ. Тогда Хилономъ овладѣваетъ неистовство. Онъ кажется пьянымъ отъ горя, ужаса, крови, сожранія мученій. Въ изступленіи онъ всенародно обвиняетъ Нерона въ поджогѣ. Толпа его куда то увлекаетъ, онъ скитается, встрѣчаетъ св. Павла, который общаетъ ему прощеніе и спасеніе, креститъ его и повелѣваетъ дать свидѣтельство о правдѣ. Между тѣмъ преторіанцы ищутъ Хилона. Онъ самъ предается имъ въ руки. Его ведутъ къ Тигеллину. Этотъ кровожадный наперсникъ Нерона требуетъ отъ Хилона всенароднаго признанія въ томъ, что они въ пьяномъ видѣ обвинили цезаря. Но преобразившійся грекъ упорно отказывается. Ему вырываютъ языкъ и осуждаютъ на муку: его отдадутъ на растерзаніе медвѣдью; но обезсиленный старецъ не доживаетъ до этихъ минутъ и умираетъ на крестѣ, прежде чѣмъ звѣрь успѣлъ его коснуться.

Вотъ отношенія Хилона къ христіанамъ. Вы видите, что они распадаются на два фазиса. Въ первомъ грекъ является корыстолобивымъ и подлымъ плутомъ, готовымъ изъ за наживы предать благодѣтелей, друзей и родныхъ. Его душа не знаетъ ни раскаянія, ни сожалѣнія; онъ боится лишь за свою безопасность. Во второмъ фазисѣ мы видимъ Хилона сперва подавленнымъ кровавыми зрѣлищами, потомъ какъ-бы опьяненнымъ ими и, наконецъ, въ изступленіи умоляющимъ Главка простить его. Въ послѣдніе же часы своей жизни Хилонъ является вѣрующимъ и убѣжденнымъ христіаниномъ-мученикомъ.

Мы не отрицаемъ возможности самыхъ рѣзкихъ душевныхъ переворотовъ: жизнь убѣждаетъ въ ихъ существованіи. Но такіе перевороты всегда подготовляются сложнымъ и продолжительнымъ

историческимъ процессомъ, и задача психолога-романиста — воспроизвести ихъ въ болѣе или менѣе типичной формѣ. Обыкновенно существуютъ въ душѣ человѣка задатки, объясняющіе непонятную въ глазахъ постороннихъ эволюцію. Какое-же право мы имѣемъ думать, что Хилонъ, до 60 лѣтъ бывший мелкимъ плутомъ, ознаменовавший себя цѣлымъ рядомъ предательствъ, преобразится въ героя? Единственная черта, на которой Сенкевичъ можетъ строить метаморфозу Хилона—его отвращеніе къ жестокимъ зрѣлищамъ, зависящее, можетъ быть, и отъ трусости. Можно допустить изступленіе Хилона при видѣ жертвы, прощающей ему во имя Христа, можно допустить даже всенародное обвиненіе Нерона въ убійствѣ,—но на чемъ основывать дальнѣйшее упорство жаждущаго жизни философа и его глубокую вѣру въ Христа? Мы вѣдь видѣли, что изъ общенія съ христіанами Хилонъ лишь извлекалъ выгоду для себя, что онъ ни на минуту не поколебался въ своемъ безпредѣльномъ скептицизмѣ и смотрѣлъ на послѣдователей Христа, какъ на полуумныхъ. Гдѣ могла эта душа найти точку опоры для своего превращенія? Скептицизмъ и подлость, безгранично царящіе въ душѣ Хилона въ первомъ періодѣ,—это элементы, исключаютеліе, какъ извѣстно, возможность всякой пропаганды. Если-бы авторъ придалъ болѣе человѣчныхъ чертъ этому скептику, если бы онъ указалъ въ немъ хоть зародыши самой обыкновенной, житейской любви, читатель могъ бы вѣрить въ возможность его обращенія. Но этого Сенкевичъ не сдѣлалъ. Читатель растроганъ въ высшей степени эффектнымъ заключеніемъ земного странствованія Хилона, но недоумѣваетъ, откуда произошла эта перемѣна.

Намъ думается, что во всякомъ случаѣ Хилона нельзя считать связующимъ звеномъ язычества съ христіанствомъ. Остается лишь Виницій, который, при исключительности своихъ мотивовъ, не можетъ заполнить бездны, лежащей между двумя мірами. Христіанство и язычество представляютъ въ романѣ Сенкевича двѣ картины, ничего общаго между собой не имѣющія. Въ этомъ случаѣ романиста можно сравнить съ живописцемъ, располагающимъ лишь однимъ моментомъ для изображенія извѣстнаго событія. Къ тому-же во время Нерона между официальнымъ язычествомъ и безвѣстной сектой не было ничего общаго, а лучшіе философскіе умы стояли еще довольно далеко отъ христіанскаго ученія.

Изъ всѣхъ романовъ, живописующихъ первый вѣкъ христіанства, «Quo vadis» является наиболѣе полнымъ, цѣльнымъ и художественнымъ произведеніемъ. Какъ плодъ добросовѣстнаго изученія исторіи, искусства и археологіи, романъ способенъ выдержать строгую критику. Сочиненія Тацита, Светонія, Плутарха, Плинія, Ювенала и многихъ другихъ изучены романистомъ очень добросовѣстно. Нѣтъ ни одной, сколько нибудь важной сцены, выдающейся лица, которые не находили бы оправданія въ источникахъ. Такъ рассказъ, подобный описанію появленія Лигія на рогахъ

тура мы находимъ у Климента Римскаго, смерть Нерона разсказана по Светонію, подробность о вазѣ Петронія, разбитой имъ передъ смертью, передается Плиніемъ и Плутархомъ, снисходительная критика поэзіи Нерона написана вѣроятно подъ вліяніемъ Vossius'a (de Poetis latinis), фигура Хилона напоминаетъ Еумольпуса изъ Сатирикона Петронія, — словомъ, вы не найдете ни въ основныхъ частяхъ, ни въ мелкихъ деталяхъ чертъ необдуманыхъ и неprovѣренныхъ по источникамъ.

«Quo vadis» слѣдуетъ считать самымъ художественнымъ романомъ, воспроизводящимъ римское общество при Неронѣ. Пластичность, великолѣпныя характеристики, глубина замысла, — все говоритъ въ его пользу. Авторъ вполне удовлетворяетъ требованіямъ исторіи и поэзіи. Въ немъ намъ особенно дороги его оригинальный талантъ и неувядаемая любовь къ истинѣ. Грядущія поколѣнія будутъ почерпать изъ этого чистаго источника воодушевленіе и бодрость, знанія и любовь.

Л. Шепелевичъ.

Исторія позитивной философіи *)).

Проф. Г. Геофдинга.

б. Индуктивная логика.

Главная сила Милля, какъ мыслителя, состоитъ собственно въ неустанномъ обсужденіи, въ неутомимомъ переворачиваніи проблемъ, чтобы дойти до ихъ послѣднихъ предположеній. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ *Системы логики*, въ которыхъ онъ оговариваетъ возраженія, выставленныя противъ его теорій, его изложеніе принимаетъ діалогическій характеръ. Подобно тому, какъ составитель діалога, если послѣдній дѣйствительно заслуживаетъ своего названія, старается выставить съ возможно большей отчетливостью и въ возможно болѣе характерной формѣ различныя точки зрѣнія, такъ и стараніе Милля направлено на то, чтобы предоставить полное право взглядамъ и возраженіямъ своихъ противниковъ; на своихъ противниковъ онъ смотритъ въ сущности скорѣе, какъ на соотрудниковъ. Его пониманіе чужихъ точекъ зрѣнія имѣло, разумѣется, свою границу; это была та же разница, которую ставили вообще его изслѣдованіямъ его личность и его отправной исторической пунктъ, какъ мыслителя. Эта граница выступаетъ при критической оцѣнкѣ особенно ясно потому, что психологическое основаніе всей его теоріи познанія покосилось у него, чего самъ онъ, повидимому, не замѣчаетъ. Кто хочетъ судить Милля, тотъ долженъ видѣть въ немъ прежде всего великаго искателя. Его заслуга передъ философіей не состоитъ и не падаетъ съ рѣшеніемъ вопроса, удалось-ли ему провести эмпиризмъ въ такой абсолютной формѣ, о какой не помышляли еще даже самъ Юмъ.

Милль противопоставляетъ логику опыта логикѣ чистаго мышленія, отчасти какъ ея антитезу, отчасти какъ ея расширеніе. Чистое мышленіе не можетъ расширять наше познаніе; оно не можетъ идти дальше того, чтобы поддерживать согласіе нашихъ представленій. Новыя же истины можно приобрѣтать только путемъ наблюденія и опыта, и поэтому возникаетъ вопросъ, какіе пути существуютъ для доказательства новыхъ истинъ на почвѣ наблюденія. Центръ тяже-

*) См. «Образованіе» № 5—6.

сти Милль сосредоточиваетъ на доказательствѣ, а не на открытіи. Провести всё представленіе черезъ огонь чистилища, прежде чѣмъ они попадутъ на небо истины—вотъ какой интересъ руководить имъ. Его меньше интересуеетъ вопросъ, какимъ образомъ возникаютъ эти представленія первоначально; вопросъ состоитъ для него въ томъ, какъ они обосновываются. Значеніе и практическую цѣну философіи Милль, подобно Карлейлю, видитъ въ томъ, что она есть борьба противъ привычки. Тѣ взгляды, которые образовались у человѣка путемъ непроизвольной ассоціаціи представлений или перешли къ нему по традиціи, должны быть просѣяны и подвергнуты изслѣдованію, чтобы изгнать такимъ образомъ тормозящій прогрессъ предрасудки. Большія надежды, которыя Милль возлагалъ на совершенствованіе человѣческаго рода, находили себѣ важную опору въ томъ, что всё представленіе онь сводилъ къ опыту.

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общее положеніе устанавливается авторитетомъ, какъ то имѣетъ мѣсто по отношенію къ богословскимъ и юридическимъ положеніямъ, всякое общее предложеніе представляетъ собою, по утверженію Милля, только сумму ряда отдѣльныхъ наблюденій. Поэтому дедуктивная логика, начинающая общими предложеніями, предполагаетъ индуктивную, показывающую, какъ мы приходимъ отъ отдѣльныхъ наблюденій къ этимъ общимъ предложеніямъ. Чистое мышленіе всегда предполагаетъ опыты. Если я, напр., дѣлаю такое умозаключеніе: «Всѣ люди смертны—герцогъ Веллингтонъ (который былъ еще въ живыхъ, когда Милль писалъ свою логику) человѣкъ—слѣдовательно герцогъ Веллингтонъ смертенъ», то очевидно, что для того, чтобы имѣть право выставить первое предложеніе о смертности *всѣхъ* людей, я въ сущности долженъ быть увѣренъ, что герцогъ Веллингтонъ точно также умретъ. Въ дѣйствительности же, говоритъ Милль, я заключаю не отъ смерти *всѣхъ* людей къ смерти Веллингтона, но отъ длиннаго ряда опытовъ относительно смерти отдѣльныхъ людей къ смерти этого отдѣльнаго человѣка, Веллингтона.

Знай я, дѣйствительно, что *всѣ* люди смертны, мнѣ не нужно было дѣлать никакого вывода, такъ какъ смертность *всѣхъ* обнимала бы въ такомъ случаѣ смертность Веллингтона. Собственно говоря, я дѣлаю, слѣдовательно, такое умозаключеніе: Иванъ смертенъ, Тома смертенъ и т. д. и т. д.—слѣдовательно и Веллингтонъ также смертенъ. Итакъ, въ основаніи всякаго силлогизма, верхняя посылка котораго не установлена авторитетомъ, лежитъ въ дѣйствительности *умозаключеніе отъ частнаго къ частному*. Это та форма умозаключенія, изъ которой выводится, какъ индукція, такъ и дедукція,—сначала индукція, а затѣмъ дедукція. Начало всего процесса познанія состоитъ въ томъ, что два явленія (человѣкъ и смерть напр.) представляются мнѣ одновременно. Слѣдующій разъ съ наступленіемъ перваго изъ нихъ является ожиданіе и второго. Если это ожиданіе подтвердится, то я соединяю всё эти опыты въ одномъ *общемъ* предложеніи, т. е. въ такомъ предложеніи, которое даетъ мнѣ въ краткомъ итогѣ *всѣ мои опыты*. Больше этого оно мнѣ не

можетъ дать, если я не желаю прийти къ незаконному обобщенію.

Всякое умозаключеніе происходитъ поэтому отъ частнаго (или частныхъ) къ частному (from particulars to particulars). Подобныя умозаключенія дѣлаютъ уже дѣти. Когда ребенокъ видитъ свѣчу, о которую онъ уже разъ ожогся, то отнимаетъ руку, не потому что чтобы онъ установилъ общее предложеніе, но потому что видъ огня вызываетъ непосредственно представленіе боли. Умозаключать такимъ образомъ могутъ и животныя, потому что не только обожгшееся дитя, но и обожгшаяся собака боится огня. (Logic. Book II Chap. 3. § 3).

Милль ясно видитъ, конечно, что этотъ непосредственный переходъ отъ воспріятія къ представленію или ожиданію есть только ассоціація, законность которой подлежитъ еще разсмотрѣнію. Она принадлежитъ къ ассоціаціямъ того рода, къ которымъ Джемсъ Милль старался свести всякую ассоціацію, именно къ ассоціаціи «по смежности»: мы часто видѣли вмѣстѣ АВ и ожидаемъ теперь В, потому что А наступаетъ вновь. Но какъ доказать правомѣрность подобнаго ожиданія? Вѣдь въ логикѣ рѣчь идетъ не о томъ, что мы признаемъ за обоснованное, но о томъ, что мы *должны* признать правомѣрнымъ. (Evidence is not that wich the mind does or must yield to, but that wich it ought to yield to. Logic. Book. III. Chapt. 21. § 1). По какому же праву мы заключаемъ отъ наступленія одного явленія (А) къ наступленію другого, отъ него отличнаго (В)?

На основаніи исторіи опытныхъ наукъ, пользуясь которой, Милль имѣлъ по собственному признанію предшественниковъ въ лицѣ Конта, Юэля и Джона Гершеля (On the Study of Natural Science. London 1830), онъ устанавливаетъ четыре главныхъ метода, при помощи которыхъ можно отличать законныя соединенія представленій отъ незаконныхъ. Очень подробное описаніе этихъ методовъ (главныя черты которыхъ были намѣчены Гершелемъ) составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ частей его труда. Здѣсь мы можемъ остановиться только на главномъ пунктѣ, на томъ значеніи, которое Милль придаетъ отрицательнымъ случаямъ, именно—тѣмъ опытамъ, въ которыхъ явленіе не наступаетъ, несмотря на то, что воѣ условія, за исключеніемъ одного только, тѣ же самыя, какъ и въ опытахъ, въ которыхъ оно наступаетъ. Въ такихъ случаяхъ находить себѣ примѣненіе *методъ различія*, главный индуктивный методъ. (На него намекаетъ уже Бэконъ, какъ на одну изъ самыхъ важныхъ «instantiae solitariae»). Въ отдѣльныхъ условіяхъ, которыми опытъ съ наличнымъ явленіемъ отличается отъ опыта, гдѣ явленіе отсутствуетъ, мы должны въ такомъ случаѣ предполагать что нибудь такое, что стоитъ въ причинной связи съ явленіемъ (или какъ причина или какъ слѣдствіе или же такъ, что оба случая составляютъ слѣдствія одной и той же причины). Поэтому мы тогда только въ правѣ ожидать В послѣ А, когда окажется, что отсутствіе А влечетъ за собой отсутствіе В. И для того, чтобы установить законъ касательно отношенія между А и В, намъ нужно имѣть только два случая, положительный и отрицательный.

Однако только въ очень простыхъ случаяхъ умозаключеніе такъ просто. При сложныхъ отношеніяхъ, гдѣ дѣйствуютъ совместно много различныхъ элементовъ, мы должны сначала разложить явленіе на его отдѣльные элементы, затѣмъ изслѣдовать при помощи простыхъ индукцій, какъ дѣйствуетъ каждое изъ нихъ, затѣмъ постараться опредѣлить при помощи дедукціи, какого результата достигнетъ совместное дѣйствіе ихъ, и наконецъ удостовѣриться путемъ наблюденія, что наши выводы или расчеты дѣйствительно согласны съ опытомъ. Слѣдовательно, весь процессъ познанія состоитъ изъ трехъ членовъ: изъ индукціи, дедукціи и повѣрки. Милль очень далеко отъ того, чтобы не понимать значенія дедуктивнаго метода; въ той роли, какую дедукція играетъ въ наукѣ, онъ видитъ даже доказательство совершенства этой науки. Онъ старательно подчеркиваетъ только, что всякая дедукція покоится въ конечномъ итогѣ на индукціяхъ и подлежитъ повѣркѣ путемъ согласія ея выводовъ съ опытомъ. Чистое мышленіе онъ отбрасываетъ только въ томъ случаѣ, если оно желаетъ начинать безъ эмпирической подкладки и кончать безъ эмпирическаго подтвержденія.

Методъ различія, на которомъ должно держаться все зданіе познанія, имѣетъ силу доказательности только тогда,—какъ это ясно видитъ Милль,—если мы будемъ исходить изъ предположенія, что связь явленій въ природѣ такова, что разъ случившееся произойдетъ вновь при наступленіи тѣхъ же самыхъ отношеній. Единообразіе и постоянство природы или закона причинности составляетъ слѣдовательно предположеніе, на которое опираются всѣ наши выводы касательно дѣйствительныхъ явленій. Обсуждая возможность доказать законъ причинности, Милль подвергаетъ вновь разсмотрѣнію проблему, изслѣдованіемъ которой занимались Юмъ и Кантъ. Онъ даетъ на нее отвѣтъ въ духѣ Юма, но хочетъ при этомъ освѣтить ее съ логической стороны, тогда какъ Юмъ объявилъ ее логически неразрѣшимой, такъ что оставался одинъ только исходъ—психологически объяснить возникновеніе предположенія причинной связи.

Милль оспариваетъ мнѣніе, будто бы начало причинности опирается на непосредственную вѣру, интуицію или инстинктъ. Вѣра и инстинктъ, во-первыхъ, не доказательства. Сильная и ерѣпкая ассоціація представлений можетъ породить такую увѣренность, какой нельзя поколебать никакимъ противнымъ доказательствомъ; но сила ея сама по себѣ не составляетъ доказательства. Съ другой стороны, полагаетъ Милль, можно совершенно откинуть допущеніе причинности и устранить «инстинктъ». Никто, привычный къ отвлеченію и анализу и свободно располагающій полетомъ воображенія, не сочтетъ невозможнымъ представить себѣ абсолютный хаосъ, въ которомъ явленія слѣдуютъ другъ за другомъ безъ опредѣленнаго закона, въ постоянно измѣняющемся порядкѣ. Да и не всегда, оказывается, люди вѣрили въ законъ причинности, они признавали «случай»; и считали за реальный фактъ «свободную волю». Поэтому для того, чтобы понять правомѣрность опытныхъ наукъ, намъ нѣтъ надобности

допускать, что законъ причинности приложимъ ко всѣмъ явленіямъ, если только мы допускаемъ его приложимость въ тѣхъ областяхъ, на которыя простирается наше изсѣдованіе; движеніе планетъ можетъ быть подчинено, напр., опредѣленнымъ законамъ, если даже вѣтеръ и погода не подчиняются никакимъ законамъ. И мы не имѣемъ никакого права распространять обязательность закона причинности дальше, чѣмъ на извѣстную намъ часть вселенной. Опыты можно подтверждать только опытами; поэтому дѣйствительное основаніе опытныхъ наукъ можно заложить только на почвѣ опыта. Опытъ самъ долженъ намъ сказать, насколько можно довѣрять опыту. Мы должны сдѣлать опытъ масштабомъ его самого. (*We make experience its own test. Logic. III, 4, 2*).

Законъ причинности долженъ быть, слѣдовательно, самъ обоснованъ на опытѣ и доказанъ индуктивно. Наша увѣренность, что явленіе не наступитъ, если ему не будетъ предшествовать другой извѣстный и опредѣленный опытъ, покоится на томъ, что подобную связь явленій мы познали на опытѣ безчисленное количество разъ. Слѣдовательно, убѣжденіе въ приложимости закона причинности къ отдѣльному явленію имѣетъ ту же самую природу, какъ увѣренность въ томъ, что герцогъ Веллингтонъ умретъ. И здѣсь происходитъ умозаключеніе отъ частнаго къ частному. Законъ причинности опирается однако, по мнѣнію Милля, на такое множество опытовъ, что мы въ правѣ назвать его самымъ широкимъ обобщеніемъ, какимъ мы только владѣемъ. Дѣлая его опорой нашихъ болѣе ограниченныхъ познаній, мы возводимъ ихъ достовѣрность на болѣе высокую ступень.

Но проблема индуктивной логики и состояла именно въ томъ, чтобы оправдать соединеніе на будущее время двухъ представлений (А и В напр.) другъ съ другомъ, потому что раньше они встрѣчались намъ вмѣстѣ; «умозаключеніе» отъ частнаго къ частному есть только ассоціація. Въ дѣйствительности же, узнавъ, что право дѣлать подобное соединеніе представлений опирается на законъ причинности, мы нисколько не приблизились къ доказательству его легальности; такъ какъ оказывается, что этотъ законъ самъ опирается опять таки на «умозаключеніе» отъ частнаго къ частному—на ассоціацію, слѣдовательно, хотя бы и подкрѣпляемую безчисленнымъ повтореніемъ. (Въ отношеніи къ началу причинности А есть «наступленіе явленія», В—«наступленіе другого извѣстнаго и опредѣленнаго явленія»). Милль вращается въ кругѣ *) или, точнѣе говоря, не двигается съ мѣста. Ссылкой на законъ причинности, какъ на послѣднее основаніе отдѣльныхъ индукцій, ему удалось только

*) Кругъ въ этомъ умозаключеніи былъ показанъ съ большою силой и тонкостью *Стэнли Джевансомъ* въ отрывкахъ его труда «*Examination of I. St. Mills Philosophy*», окончить который ему помѣшала ранняя смерть. См. *Pure Logic and others minor Works. London 1890 стр. 254* и д. Однако изъ своей правильной критики Милля въ этомъ пунктѣ Джевансъ дѣлаетъ слишкомъ широкіе выводы относительно значенія Милля, какъ мыслителя вообще.—См. Также *Arne Löchen: On Stuart Mills* № 9. Отд. I. 6

въ сущности установить, что болѣе трудно расторгимыя ассоціаціи могут охранять ассоціаціи менѣе крѣпкія и стойкія; новая привычка можетъ быть поддержана старой привычкой родственной природы. Но это не есть доказательство.

Рвеніе, съ которымъ Милль старался искоренить всѣ апіорныя начала, завело его безъ сомнѣнія слишкомъ далеко. Онъ смѣшивалъ—какъ и многіе изъ его противниковъ—допущеніе, что данный принципъ имѣетъ начало въ природѣ сознанія, съ доказательствомъ его реальной правомѣрности. Онъ правъ въ томъ, что какіе бы глубокіе корни ни имѣлъ принципъ въ природѣ нашего сознанія, этимъ еще не доказана его реальная правомѣрность. Но возможно и такое предположеніе, что существуютъ гипотезы, построить которыя насъ побуждаетъ природа нашего сознанія и провѣрять которыя составляетъ въ частности задачу опытныхъ наукъ. Задача научнаго знанія состояла бы тогда частію въ томъ, чтобы вносить большую точность въ произвольно возникающія предположенія, частію въ томъ, чтобы подвергать ихъ провѣркѣ. У Милля сейчасъ же являлось подозрѣніе, какъ только кто-нибудь утверждалъ, что произвольныя предположенія могутъ имѣть значеніе для познанія; у него сейчасъ же являлось опасеніе, не хотять-ли провезти контрабандой какой-нибудь догматъ. Вѣчное топтаніе на одномъ мѣстѣ было той Немезидой, которую его подозрительность навлекала на его собственную теорію познанія.

Въ дѣйствительности умозаключенія отъ частнаго къ частному не существуетъ, если подъ умозаключеніемъ разумѣть такой процессъ, который ведетъ съ *необходимостью* отъ одного предположенія къ другому, и если мы не хотимъ уничтожить различіе между умозаключеніемъ и простой ассоціаціей представленій. Если переходъ отъ одного частнаго къ другому долженъ быть обоснованъ, то это можетъ быть сдѣлано только по сходству перваго частнаго съ ранѣе бывшимъ: такъ какъ A_1 соответствовало B_1 , то я заключаю, что A_2 соответствуетъ B_2 . Что здѣсь дѣлаетъ возможнымъ переходъ, такъ это аналогія, и отъ оцѣнки состоятельности аналогіи зависитъ рѣшеніе вопроса, законенъ-ли переходъ. Самъ Милль долженъ признать значеніе, какое имѣетъ отношеніе сходства во всякомъ умозаключеніи (Logic. II, 3, 3 и III. 3, 1); но онъ не замѣчаетъ, что этимъ уничтожается возможность умозаключенія отъ частнаго къ частному, какъ онъ его описалъ, и что начало тождества становится послѣдней предпосылкой, на которой покоится всякій процессъ умозаключенія, въ какой бы формѣ онъ ни совершался—въ индуктивной или дедуктивной. Слѣпое нанизываніе представленій не даетъ

Logic. (О логикѣ Стюарта Милля). Христіанія и Копенгагенъ 1885 стр. 165 и д.—Критика Джеворса была опубликована ранѣе въ «Contemporary Review» 1877—79, такъ что Löcherer могъ пользоваться ею. Трудъ Löcherer'a богатъ однако интересными и поучительными замѣчаніями и изслѣдованіями и даетъ хорошую характеристику Милля, его логики и теоріи познанія.

еще логической связи: только тамъ спадаетъ пелена съ глазъ, гдѣ можно констатировать отношеніе тождества *).

Но и самыя логическія начала Милль считаетъ, въ послѣдовательномъ согласіи съ своимъ чистымъ эмпиризмомъ, основанными на опытѣ. Уже рано узнаетъ человѣкъ на опытѣ, что свѣтъ и тьма, движеніе и покой, прошедшее и будущее представляютъ собою различныя и несомвѣстимыя предикаты. Я узнаю на опытѣ, что для меня невозможно вѣрить и не вѣрить чему-нибудь въ одно и то же время. Вѣра и невѣріе — два несомвѣстимыхъ состоянія духа. Отсюда я уже и вывожу путемъ обобщенія положеніе, что не можетъ быть истиннымъ то, что само себѣ противорѣчитъ. Но это начало не можетъ обладать необходимостью, выходящею за предѣлы познанаго на опытѣ. Если даже мы останавливаемся передъ извѣстными предположеніями, которыхъ не можемъ отвергать, не чувствуя самопротиворѣчія, то мы не имѣемъ еще права заключить отсюда, что они дѣйствительно невозможны. Могутъ существовать ассоціаціи представленій, настолько стойкія, что мы не въ силахъ расторгнуть ихъ. Но тѣмъ не менѣе исторія науки съ избыткомъ показываетъ намъ, что считавшееся нѣкогда немислимымъ можетъ быть несмотря на это истиннымъ. Если мы видимъ, что непостижимое становится съ теченіемъ времени постижимымъ, то немислимость того, что противорѣчитъ извѣстному тезису, не можетъ быть доказательствомъ правильности этого тезиса. Только опытнымъ путемъ, а не при помощи субъективныхъ критеріевъ, узнаемъ мы, что возможно и дѣйствительно. — Изъ двухъ вопросовъ, — существуютъ ли внутреннія противорѣчія, представляющія нѣчто больше фактически неразрывныхъ ассоціацій представленій, и имѣемъ ли мы право признать, что самопротиворѣчивое не можетъ существовать, послѣдній интересуетъ очевидно больше Милля. Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ (*Examination of sir William Hamilton's Philosophy* 2 ed. стр. 67) онъ колеблется даже въ томъ, насколько несовмѣстимость двухъ противорѣчивыхъ положеній можетъ опираться на изначальную природу нашего сознанія или вытекать изъ опыта; но остается все-таки при томъ, что субъективная необходимость не можетъ обосновывать объективную реальность. Милль упускаетъ однако здѣсь изъ виду стимулирующую и подстрекающую силу противорѣчія. Именно противорѣчіе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ положеній, которыя мы выводимъ изъ опыта, ставить намъ проблемы и призываетъ насъ къ работѣ, чтобы устранить противорѣчіе. Если бы мы не пользовались постоянно противорѣчіемъ, какъ критеріемъ, то наше мышленіе скоро заснуло бы. Какъ начало причинности даетъ намъ наши гипотезы, такъ начало противорѣчія создаетъ намъ проблемы. И здѣсь подозрительность Милля завела его слишкомъ далеко.

*) На эти соображенія опиралась уже моя прежняя критика теоріи познанія Милля. См. *Введеніе въ англійскую философію нашего времени* (Нѣмецк. перев. стр. 44—51).

Начала математики, подобно логическимъ началамъ, представляютъ собою обобщенія по даннымъ опыта. Математика, правда, умозрительная наука, ведущая къ необходимымъ выводамъ путемъ мышленія; однако она опирается на такія основныя начала, которыя могутъ быть получены только изъ опыта. Геометрическія опредѣленія, напр., содержатъ въ себѣ элементы, заимствованные изъ опыта, если даже мы и представляемъ эти эмпирическіе элементы въ болѣе совершенномъ и точномъ видѣ, чѣмъ они даются въ опытѣ. Опредѣленіе круга, напр., содержитъ въ себѣ утверженіе, что всѣ радіусы одинаковой величины, чего однако никоимъ образомъ нельзя доказать относительно радіусовъ дѣйствительнаго круга. Тѣмъ не менѣе всѣ дѣйствительные круги приближаются болѣе или менѣе къ тому идеальному кругу, относительно котораго геометрія доказываетъ свои положенія, и чѣмъ приближеніе больше, тѣмъ больше уполномочены мы примѣнять эти положенія къ дѣйствительности. Мы дѣлаемъ прыжокъ отъ приблизительно равныхъ величинъ къ абсолютно равнымъ, такъ какъ это даетъ намъ возможность выводить слѣдствія, а въ случаѣ примѣненія этихъ слѣдствій мы принимаемъ въ соображеніе степень приближенія. Въ основанія геометріи лежатъ, слѣдовательно, гипотезы или, если угодно, фикціи. Если геометрія должна имѣть реальную правомѣрность, то приходится предположить, что свойства пространства соотвѣтствуютъ тѣмъ наблюденіямъ, къ которымъ мы прибѣгали, чтобы образовать свои идеальныя гипотезы или фикціи. Но мы не можемъ знать аргіогі, повсюду ли въ мірѣ пространство обладаетъ этими свойствами.— Если бы Милль вошелъ ближе въ разсмотрѣніе той идеализаціи, которая ведетъ къ построенію гипотезъ геометріи, то его теорія познанія получила бы, можетъ быть, другой характеръ, такъ какъ онъ увидалъ бы, что можно свободно допустить апіорный элементъ нашего познанія, не полагая еще позтому, что на немъ можно обосновывать безъ дальнѣйшихъ разсужденій наши предположенія о свойствахъ бытія.

Итакъ, попытку Милля провести эмпиризмъ и серьезно прикнуть къ ученію о *tabula rasa* нельзя признать удавшейся. Но рѣшившись сдѣлать эту попытку, онъ пролилъ своими остроумными изслѣдованіями, захватывающими весьма различныя области, яркій свѣтъ на природу нашего познанія. На самую попытку можно смотрѣть, какъ на *pendant* къ діалектической методѣ Гегеля: въ то время какъ Гегель хотѣлъ разгадать истину путемъ самораскрытія чистаго мышленія, Милль старался открыть ее путемъ сопоставленія *самостоятельныхъ* представленій, воспринятыхъ извнѣ.

Своеобразную особенность теоріи познанія Милля представляетъ зависимость, въ которой она стоитъ отъ его психологическихъ предпосылокъ. Милль воздвигаетъ свою логику на психологіи своего отца. Ассоціація по смежности, какъ основная форма всякой связи представленій, и нерасторжимая ассоціація, какъ объясненіе кажущагося невысказаннаго, — вотъ тѣ средства, которыми онъ оперируетъ. *Психологія* составляетъ для него основную науку,

поддерживающую всё остальные. Законы ассоциаций—основные законы всего нашего познания.

Самъ Милль не далъ систематическаго изложенія психологiи, но изслѣдовалъ въ своей логикѣ ея методъ, а въ другихъ сочиненiяхъ («Examination», 1865, и въ примѣчанiяхъ къ «Analysis» Джемса Милля) входилъ въ разсмотрѣнiе частныхъ психологическихъ вопросовъ. Все это представляетъ большой интересъ. Система психологiи, къ которой онъ примыкалъ ближайшимъ образомъ въ позднѣйшiе годы, принадлежитъ его другу и ученику *Александрѣ Бэнну*, изложенiе которой этотъ послѣднiй представилъ въ двухъ своихъ главныхъ произведенiяхъ: *The Senses and the Intellect* (1856) и *The Emotions and the Will* (1859). Однако Бэнъ покинулъ въ этихъ произведенiяхъ строго ассоциатiонную психологiю, какъ ей училъ Джемсъ Милль и призналъ—подъ влiянiемъ Вильяма Гамильтона—за основанiе всякой ассоциатiи представленiй, въ томъ числѣ и ассоциатiи по смежности, отношенiе по сходству. На сторону этого взгляда Милль становится въ своихъ примѣчанiяхъ къ «Analysis». Оставаясь послѣдовательнымъ, Милль долженъ былъ предоставить отношенiю сходства и въ своей теорiи познания большее влiянiе, чѣмъ призналъ его въ своей логикѣ, въ которой, какъ мы видѣли, онъ кладетъ въ основу всѣхъ процессовъ умозаключенiя ассоциатiю по смежности. Онъ считалъ, конечно, уже и въ логикѣ (I, 3, 11; 5, 6) отношенiе сходства и различiя особымъ, несводимымъ ни къ чему другому отношенiемъ; однако не изслѣдовалъ ближе той роли, которую играютъ эти отношенiя во всякой связи представленiй и при всякомъ мышленiи.

Въ своихъ позднѣйшихъ сочиненiяхъ Милль старается остаться вѣрнымъ пониманiю сознанiя Юмомъ и Джемсомъ Миллемъ, какъ ряда состоянiй, но только добавляетъ къ этому:—дѣйствительныхъ или *возможныхъ* состоянiй. Но онъ встрѣчаетъ затрудненiе, не останавливавшее его предшественниковъ. Воспоминанiе и ожиданiе предполагаетъ, что *я самъ, а не кто-нибудь другой* имѣлъ или буду имѣть въ другое время такое состоянiе сознанiя, о какомъ я имѣю теперь представленiе. Въ сознанiи должно быть, слѣдовательно, кромѣ отдѣльныхъ звеньевъ, образующихъ рядъ, еще что-то другое. Какъ рядъ можетъ знать, что онъ есть рядъ, что онъ имѣетъ звеня протекшiя и будетъ имѣть звеня будущiя? Это ясно показываетъ наличность *связи* между отдѣльными звеньями сознанiя, отдѣльными ощущенiями и представленiями; связь эта не простой продуктъ мышленiя, но столь же реальна, какъ и сами отдѣльныя звеня. Если мы хотимъ дать какое-нибудь имя этому первичному объединяющему началу въ нашемъ сознанiи, то должны назвать его нашимъ *Я* или *Я Самъ*. (Examination. Chap. 12. Наиболѣе характерныя и рѣшительныя выраженiя добавлены только въ позднѣйшихъ изданiяхъ). Въ примѣчанiяхъ къ «Analysis» Милль высказываетъ свой взглядъ слѣдующимъ образомъ: «Существуетъ извѣстная связь между всѣми звеньями ряда, которая производитъ то, что я говорю: эти ощущенiя принадлежатъ личности, которая

всегда была той же самой личностью... и эта связь образует моя». Дальше этого—добавляет Милль—мы не можем пока ни въ какомъ случаѣ идти на пути психологическаго анализа. Такимъ образомъ онъ окончательно покидаетъ ассоціаціонную психологію. По мѣткому замѣчанію кого-то, онъ *открылъ западно въ своей собственной философіи*. Юму «объединяющее начало» должно было казаться, какъ этого требовала послѣдовательность, загадкой, потому что онъ отпирался отъ ощущеній и представленій, какъ единственной реальности. Милль же, признавая объединяющую связь столь же реальной, какъ и отдѣльные элементы, вносить существенную поправку въ то понятіе сознанія, отъ котораго отпирались Юмъ, а послѣ него Джемсъ Милль. Законы ассоціаціи могутъ теперь быть уже только специальными формами «объединяющаго начала», и англійская школа исправила, слѣдовательно, благодаря своему неустанному анализу, свой собственный принципъ *). Констатируя реальность отношенія сходства и указанной связи, но построивъ въ то же время свою логику на чисто внѣшней и случайной ассоціаціи, Милль запутывается въ противорѣчіяхъ. Доходя такимъ образомъ до выводовъ, ведущихъ дальше его собственныхъ первоначальныхъ предположеній, Милль даетъ доказательство своей добросовѣстной правдивости и прозорливости своего исканія.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ примѣненіи законовъ ассоціаціи, которое дѣлаетъ Милль. Онъ старается показать, какъ можно объяснить ими вѣру во внѣшній міръ.—Все, что я знаю о мірѣ, я знаю изъ своихъ ощущеній. Но существуетъ-ли дѣйствительно міръ въ томъ смыслѣ, что существуетъ нѣчто отличное отъ

*). Въ своихъ *Очеркахъ психологіи, основанной на опытѣ* (2-е нѣм. изд. Лейпцигъ 1893) я сдѣлалъ попытку принять „объединяющее начало“, какъ руководящую точку зрѣнія, и показать, какъ сводятся къ этому началу и законы ассоціаціи и законы ощущеній. Это начало было положено въ основу теоріи сознанія уже Кантомъ (подъ именемъ синтеза). Меня удивляло поэтому, что я зачислялся сплошь да рядомъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій въ ряды сторонниковъ англійской школы. *Поль Карусъ*, напр., (*Primer of Philosophy*. Чикаго, 1893, стр. 175) ставитъ меня «въ число тѣхъ психологовъ, которые думаютъ, что ассоціаціонное ученіе даетъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ проблемъ душевной жизни». *Вундтъ* (*Physiologische Psychologie*. 4-е изд. Лейпцигъ, 1893, II, стр. 482) причисляетъ меня къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые полагаютъ, что всѣ психическіе процессы могутъ быть выведены изъ ассоціацій“. Уже во «Введеніи въ англійскую философію нашего времени» (1874) я подвергъ критикѣ ассоціаціонную психологію, какъ такую концепцію, которая сводитъ реальность сознанія къ ощущеніямъ и представленіямъ въ ихъ самостоятельности, а на ассоціацію смотритъ, какъ на внѣшнюю, несущественную для ощущеній и представленій самихъ по себѣ, связь ихъ. И черезъ всю мою психологію проходитъ критика этой концепціи, соединенная однако же съ попыткой удержать всѣ тѣ истины, къ открытію которыхъ она привела. Въ то же время я думаю, что ассоціаціонную психологію можно исправить только, отыскавъ ея собственныя скрытыя предположенія, а не вводить особую способность мышленія или «апперцепціи», которая должна уничтожить или ограничить ассоціаціи. Ср. мою статью *О Восприимчивости* etc. (*Vierteljahrsschr. f. Wissenschaft. Philosophie* XIII) стр. 410—424 и тамъ же XIV стр. 191—205.

моихъ ощущеній?—Дѣйствительно данное есть тѣ ощущенія, которыя я имѣю въ настоящую минуту. Но кромѣ того, въ своемъ воспоминаніи и ожиданіи я имѣю представленія о возможныхъ ощущеніяхъ и представленіяхъ, могущихъ образовать стойкія, связныя группы благодаря повторенію и ассоціаціи. И эти группы даются намъ въ представленіи всегда въ одномъ и томъ же видѣ, безразлично—будутъ ли они даны въ ощущеніи или же нѣтъ. Такимъ образомъ у насъ получается представленіе о нѣчто, стойко пребывающемъ, независимо отъ того, воспринимаемъ мы его или нѣтъ. Что такое такъ называемый «внѣшній» объектъ, какъ не опредѣляемая извѣстными правилами возможность того, что извѣстныя ощущенія появятся вновь въ томъ же видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ ихъ?—Мое предположеніе, что существуетъ нѣчто независящее отъ моего сознанія, подкрѣпляется, когда опыты показываютъ мнѣ, что другія существа, одаренныя чувствами, имѣютъ рядъ ощущеній, опредѣленный извѣстными правилами, и подобный тому, какой я имѣю самъ. Слѣдовательно, то, что я разумѣю подъ «матеріей», есть не больше, какъ постоянная возможность ощущеній. Стойкія и общія вѣсь людямъ ассоціаціи представленій побуждаютъ насъ образовать понятіе матеріи. И такъ какъ мы находимъ, что понятіе причинности приложимо въ ряду нашихъ ощущеній и представленій, мы примѣняемъ его произвольно и ко всей совокупности нашихъ ощущеній и представленій и считаемъ матерію за причину ихъ.—Вѣра на практикѣ во внѣшній міръ и сильная склонность предполагать его не есть для Милля доказательство. Въ силу принципа нерасторжимой ассоціаціи подобное предположеніе не необходимо. Нѣтъ надобности предполагать другого сущаго, кромѣ одного сознанія—слѣдуетъ только сверхъ налично даннаго сознанія допустить также *возможность* новыхъ состояній сознанія. Ясно, что въ этой «возможности» кроется «вещь сама въ себѣ» Канта. Когда Милль говоритъ (Examination. 2 ed. стр. 189). «Не-Я есть, быть можетъ, только форма, въ которой сознаніе представляетъ самому себѣ возможныя модификаціи Я», то спрашивается, въ силахъ-ли само Я осуществить эти возможности, такъ чтобы видоизмѣненія его состоянія были понятны изъ него самого. Если Милль отвѣтитъ на это утвердительно, то окажется, что Я создаетъ свой внутренній міръ изъ ничего; если же онъ отвѣтитъ отрицательно, то придется или отрицать законъ причинности, или допустить реальность, кромѣ Я. Въ разсмотрѣніи этой стороны дѣла Милль не входитъ ближе и вообще слишкомъ мало принимаетъ въ соображеніе связь, въ какой проблема реальности внѣшняго міра стоитъ съ проблемой причинности.

в. Начала этики.

Своеобразность положенія, занятаго Стюартомъ Миллемъ въ исторіи мышленія, нигдѣ не выступаетъ съ такой очевидностью, какъ въ его этикѣ. Воспитанный въ духѣ 18-го вѣка, онъ добросовѣстно ста-

рается усвоить себѣ точки зрѣнія новаго времени; но такъ какъ свои предпосылки онъ заимствуетъ у старой школы, а той цѣлью, достигнуть которой онъ задается, и тѣми точками зрѣнія, которыя онъ признаетъ, онъ обязанъ вліянію новыхъ мотивовъ, то въ стрѣбъ его мыслей возникаетъ по рѣшающимъ вопросамъ двойственность, которую самъ онъ не всегда замѣчаетъ. Въ области этики эта двойственность состоитъ въ томъ, что онъ постоянно и крѣпко держится принципа пользы, которому его научила школа Бентама, но желаетъ во что бы то ни стало восполнить его, стараясь согласовать его съ философіей личности, этика которой носить болѣе субъективный характеръ. Онъ ясно видѣлъ, что это — самая важная задача этики будущаго, однако ему не удалось найти ея теоретическое рѣшеніе. Духовный кризисъ, который онъ пережилъ въ извѣстный моментъ своего развитія, былъ вызванъ именно этой проблемой. Что на практикѣ, въ искусствѣ жить, въ своей широкой и важной дѣятельности онъ совмѣщалъ въ рѣдкой степени интересы внутренняго развитія личной жизни съ расчетомъ внѣшнихъ послѣдствій отдѣльныхъ поступковъ, — это доказывается его біографіей. Но дать теорію этого искусства онъ не былъ въ состояніи.

Причина, почему это не удалось ему, заключается безъ сомнѣнія въ его большемъ преклоненіи передъ Бентамомъ и отцомъ. Въ свое время, въ періодъ, слѣдовавшій за извѣстнымъ кризисомъ и богатый тревоженіями въ субъективной жизни, онъ рѣзко выступалъ противъ утилитаризма Бентама, котораго онъ упрекалъ въ томъ, что онъ стоитъ на внѣшней, дѣловой точкѣ зрѣнія. Теперь же онъ думалъ, что реакція противъ тѣхъ взглядовъ, въ которые онъ былъ посвященъ въ періодъ своей ранней юности, прошла у него, и выступилъ защитникомъ ихъ — не представляя себѣ ясно, какъ сильно самъ измѣнилъ ту теорію, ходатаемъ которой хотѣлъ быть. Отъ прежняго утилитаризма онъ не уберегся въ достаточной мѣрѣ, и послѣдній опредѣляетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ его теорію больше, чѣмъ позволяетъ послѣдовательность. Поэтому его трактатъ «Утилитаризмъ» принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ его сочиненій.

Ясный и естественный масштабъ этической оцѣнки мы получимъ только тогда, если будемъ останавливаться на послѣдствіяхъ поступковъ — въ этомъ Милль сохраняетъ неизмѣнное убѣжденіе. Если спрашивается, *почему* данный поступокъ хорошъ, то рѣшеніе этого вопроса будетъ постоянно покоиться въ концѣ концовъ на томъ, порождаетъ-ли онъ въ какомъ нибудь пунктѣ или въ какой нибудь степени чувство удовольствія. Человѣческая природа уже такъ создана, что человѣкъ не желаетъ ничего такого, что не было бы или полнымъ счастьемъ, или частью его, или средствомъ къ нему. Всякій поступокъ обсуждается — и долженъ такъ обсуждаться — по степени, въ какой онъ ведетъ къ тому, что составляетъ такимъ образомъ постоянно послѣдній объектъ человѣческихъ желаній. Въ этомъ состоитъ примѣненіе принципа полезности.

На вопросъ, *чье* счастье должно служить масштабомъ оцѣнки,

Стюартъ Милль отвѣчаетъ такъ: «Не собственное наибольшее счастье совершающаго поступокъ, но наибольшая общая сумма счастья». Это положеніе онъ обосновываетъ не такъ, какъ Бентамъ въ своей «Деонтологіи», ссылаясь на гармонію разумно понятыхъ эгоистическихъ интересовъ, но даетъ психологическое объясненіе возникновенія нравственнаго чувства. Нравственное чувство даетъ намъ возможность стремиться къ тому, чтобы породить счастье, если даже оно будетъ не нашимъ собственнымъ.

Стюартъ Милль не считаетъ нравственнаго чувства природнымъ, но видитъ въ немъ въ высшей степени сложный продуктъ. Важнѣйшіе элементы его суть: симпатія, страхъ, различнаго рода религиозныя чувства, опыты относительно послѣдствій поступковъ, самоуваженіе, желаніе, чтобы уважали другіе. Въ этой крайней сложности моральнаго чувства слѣдуетъ искать причину того мистическаго характера, съ которымъ выступаетъ представленіе нравственнаго долга. Приходится искоренить массу чувствъ, прежде чѣмъ будемъ въ состояніи сдѣлать что нибудь противное тому, что считается за должное. Кромѣ этого, ассоціація различныхъ перечисленныхъ элементовъ столь сильна, что нравственное чувство образуетъ неразложимое единое цѣлое. И такъ какъ законы ассоціаціи—естественныя законы, то и нравственное чувство есть естественное чувство, хотя имѣетъ свою исторію возникновенія. Для человѣка естественно говорить, дѣлать умозаключенія, воздѣлывать землю и строить города, однако же эти способности не врожденныя, а приобрѣтенныя. Если какой нибудь отдѣльный элементъ нравственнаго чувства и врожденъ, такъ это симпатія. Но особенную важность слѣдуетъ придавать тому, что жизнь сообща пріучаетъ всѣхъ людей работать въ единеніи силъ, постоянно принимать въ соображеніе взаимныя интересы. Образуется своего рода инстинктъ, влекущій индивидуумовъ къ солидарности чувствъ и дѣйствій. И чѣмъ больше развивается общественная жизнь, благодаря исчезновенію перегородокъ между различными классами, тѣмъ болѣе растетъ солидарность. Чувство единства можетъ обратиться въ религію, если воспитаніе и порядокъ учреждений будутъ постоянно благопріятствовать ему, а общественное мнѣніе — оттачивать его. Жизнь сообща дисциплинируетъ эгоизмъ, такъ что чужіе интересы, даже если они сначала были только средствомъ, сами становятся затѣмъ цѣлью. Тогда какъ Бентамъ исходилъ—на практикѣ — во всякомъ случаѣ изъ личнаго интереса, какъ универсальнаго мотива, Стюартъ Милль былъ убѣжденъ въ реальности безкорыстныхъ чувствъ. Въ своей интересной статьѣ о Платонѣ онъ дѣлаетъ такое, напримѣръ, замѣчаніе относительно ученія, содержащагося въ «Горгіи» и проводящаго мысль, что терпѣть несправедливость лучше, чѣмъ самому поступать несправедливо: «Прогрессъ, отмѣчаемый «Горгіемъ», принадлежитъ къ числу величайшихъ успѣховъ, достигнутыхъ нравственной культурой, именно—развитіе безкорыстнаго предпочтенія долга ради него самого, такъ что этотъ выборъ служитъ признакомъ болѣе высокаго состоянія,

чѣмъ то, въ которомъ эгоистическія наклонности приносятся въ жертву болѣе отдаленному личному интересу». (Diss. and Discus. III, стр. 340).

Стюартъ Милль держится слѣдовательно теоріи индивидуальнаго развитія, подобно Спинозѣ, Гертли и Джемсу Миллю. Принципъ нерасторжимой ассоціаціи служить ему — какъ и его предшественникамъ — для того, чтобы установить и объяснить внутреннюю основу этики, между тѣмъ какъ принципъ полезности служить основаніемъ для сужденій объ отдѣльныхъ поступкахъ. По ясности и простотѣ изложенія онъ не можетъ, однако, сравниться съ Спинозой и Джемсомъ Миллемъ. Въ томъ, что считать врожденнымъ и приобрѣтеннымъ, у него замѣчается нѣкоторое колебаніе, а кромѣ того его опутываютъ затрудненія, неизвѣстныя его предшественникамъ, такъ какъ онъ допускаетъ качественное различіе чувствъ. Одно чувство удовольствія должно быть не только сильнѣе, долговѣчнѣе, съ меньшей примѣсью неудовольствія, плодитъ счастливыми послѣдствіями, раздѣляемое большимъ количествомъ людей, чѣмъ другое; оно должно быть, сверхъ того, болѣе высокимъ по своему качеству, доказательствомъ чему должно служить то, что испытавшій его вновь стремится къ нему, если даже достигнуть его можно только, претерпѣвъ большое страданіе, и отдаетъ ему предпочтеніе передъ возможно большимъ количествомъ другого чувства удовольствія. Вопросъ въ томъ, не объясняется ли устанавливаемое здѣсь Миллемъ «качественное различіе» именно тѣмъ, что извѣстныя чувства удовольствія находятъ себѣ санкцію и покровительство у самого нравственнаго чувства, происхожденіе котораго Стюартъ Милль старался объяснить. Во всякомъ случаѣ остается открытымъ вопросъ, существуютъ ли качественныя различія чувствъ, вопросъ слишкомъ сложный, чтобы его можно было рѣшить такъ просто, какъ это дѣлаетъ Милль въ своемъ приведенномъ выше доказательствѣ.

Сильно подчеркивая субъективную основу и допуская различіе чувствъ, Стюартъ Милль значительно удаляется отъ точки зрѣнія Бентама; но въ то же время онъ остается еще слишкомъ ревностнымъ бентамистомъ, проводя различіе между достоинствомъ поступка и достоинствомъ совершающаго его лица и полагая, что этикъ приходится имѣть дѣло только съ первымъ. Именно съ утилитарной точки зрѣнія это различіе должно быть несостоятельнымъ: такъ какъ каждый мотивъ содержитъ въ себѣ возможность гораздо большаго числа поступковъ, кромѣ того одного, который подлежитъ обсужденію въ данную минуту, то оцѣнка должна простираться слѣдовательно и на самый мотивъ. Даже если отдѣльный поступокъ и не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій, противорѣчащихъ принципу благополучія, изъ того же самаго мотива могутъ все таки вытекать поступки, которыхъ нельзя допустить, и самый мотивъ становится поэтому во всякомъ случаѣ сомнительнымъ въ этическомъ отношеніи. Послѣдовательно требуетъ, чтобы оцѣнка вос-

ходила къ источнику. Указанное различіе играетъ также, какъ увидимъ, большую роль въ его опытъ «О свободѣ».

2. Соціальная этика.

Изъ цѣлаго ряда этическихъ и политико-экономическихъ вопросовъ, которые разматриваетъ Милль въ своихъ различныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, мы остановимся здѣсь только на нѣкоторыхъ, чтобы освѣтить его этическую точку зрѣнія.

а. Индивидуумъ и общество (On liberty. 1859).—Милль ратовалъ за свободу и саморазвитіе. Но онъ пришелъ къ убѣжденію, что политическая свобода не приноситъ настоящей духовной свободы и самостоятельности. Мѣсто физическаго принужденія, все болѣе и болѣе устраняемаго, легко замѣняетъ общественное мнѣніе, нравственная полиція. И эта тиранія опаснѣе политической, потому что она оставляетъ меньше выходовъ, врывается въ повседневную жизнь и поработачиваетъ самую душу. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ только о выборѣ удовольствій, человекъ плыветъ по теченію вмѣсто того, чтобы слѣдовать личному стремленію и усмотрѣнію.

Именно въ Англіи, по словамъ Милля, ярмо общественного мнѣнія тяжело, между тѣмъ какъ иго закона легче, чѣмъ въ другихъ странахъ. Это грозитъ большой опасностью: господствомъ массы, коллективной посредственности. Массой должны руководить конечно всегда отдѣльныя лица, но свои мнѣнія она заимствуетъ всего охотнѣе у такихъ людей, которые стоятъ не особенно выше ея. И тѣмъ не менѣе импульсъ ко всему благородному умному исходить всегда отъ отдѣльныхъ выдающихся людей. Рѣдкіе оригинальные люди—солъ земли!—Милль не хочетъ однако культа великихъ людей. Полная свобода высказывать новыя идеи—вотъ все, чего они могутъ требовать. Власть, дающая возможность принуждать другихъ, испортила бы прежде всѣхъ самихъ великихъ людей. Средство, способное предотвратить эту опасность, заключающуюся въ тираніи общественного мнѣнія и въ вызываемомъ господствомъ массы пониженіи уровня, есть *свобода*, единственный надежный, никогда неизсякаемый источникъ прогресса, потому что она создастъ столько же независимыхъ центровъ преобразовательныхъ движеній, сколько существуетъ личностей.

Какъ общій и основной принципъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла отдѣльнаго индивидуума Милль выставляетъ такое мнѣніе: свобода дѣйствій индивидуума можетъ быть ограничиваема только тогда, когда необходимо вмѣшательство, чтобы предотвратить вредъ, который его поведеніе можетъ причинить другимъ. Забота о собственномъ благѣ индивидуума не служитъ достаточнымъ основаніемъ для подобнаго вмѣшательства. Единственная область дѣйствія индивидуума, въ которой онъ долженъ дать отчетъ обществу, есть та, которая касается другихъ людей. Подъ вмѣшательствомъ Милль разумѣетъ отчасти физическое принужденіе, отчасти заключающееся

въ сужденіяхъ другихъ людей духовное принужденіе. Въ послѣднемъ отношеніи онъ дѣлаетъ различіе между «нравственнымъ неодобреніемъ или осужденіемъ» и «выраженіемъ неудовольствія или лишеніемъ уваженія». Это однако очень тонкое различіе, потому что, лишая кого-нибудь своего уваженія, я причиняю ему страданіе—поскольку онъ, впрочемъ, придаетъ значеніе моему уваженію; если же онъ не придаетъ ему значенія, то и мое «неодобреніе» не причинитъ ему никакого страданія. Это столь же трудно уловимое различіе, какъ и различіе между поступками, влекущими за собой послѣдствія, касающіяся только насъ самихъ, и поступками, влекущими за собой послѣдствія, касающіяся въ то же время и другихъ. Кто не развиваетъ своей личности или обнаруживаетъ недостатокъ ума и личнаго достоинства, можетъ лишать этимъ другихъ силы, на которую они имѣли законное право. Если утверждать вмѣстѣ съ Миллемъ, что слѣдуетъ сохранить возможно большее число самостоятельныхъ исходныхъ точекъ, то тогда то и невозможно отграничивать область, которой дальше предѣловъ индивидуума не суждено имѣть никакого значенія. Это различіе между тѣмъ, что касается индивидуума, и тѣмъ, что касается другихъ людей, столь же мало существенно, какъ выше упомянутое различіе между достоинствомъ состояющаго и достоинствомъ поступка. Милль же думаетъ, что въ обоихъ этихъ пунктахъ ему удалось достичь болѣе правильнаго взгляда именно благодаря принципу пользы.

Важность возможно большей свободы Милль подчеркиваетъ какъ относительно мнѣній, такъ и относительно дѣйствій. Если мнѣніе истинно, что вреднаго въ томъ, что оно свободно выражается? Если оно составляетъ только часть истины, то одно свободное изслѣдованіе способно рѣшить, какую долю истины содержитъ оно. И только благодаря тому, что изслѣдованіе не даетъ ему сгинуть, оно оказываетъ вліяніе на характеры и поступки. Наконецъ, если бы мнѣніе могло быть полезно, не будучи истинно, то все-таки и пользу, подобно правильности, нужно было бы показать путемъ изслѣдованія; въ наше время, думаетъ Милль, польза мнѣній играетъ, быть можетъ, большую роль, чѣмъ ихъ вѣрность. Что касается дѣйствій, то имъ нельзя, разумѣется, предоставить свободу въ той же степени, какъ и мнѣніямъ. Милль утверждаетъ однако же, что достоинство различныхъ образцовъ жизни должно быть испытано на опытѣ, а это можетъ имѣть мѣсто только тогда, если различія въ характерахъ не будутъ встрѣчать стѣсненія, поскольку это возможно безъ вреда для другихъ людей. Условія какъ личнаго счастья индивидуума, такъ и индивидуальнаго и соціальнаго прогресса требуютъ, чтобы образъ дѣйствій челоѣка опредѣлялся его личнымъ характеромъ, а не традиціей и обычаемъ. Сильныя стремленія и желанія—блага; это тотъ матеріаль, изъ котораго образуются герои, и люди поступаютъ дурно не потому, что ихъ желанія сильны, а потому, что ихъ совѣсть слаба.

Если даже и не такъ легко провести границу, раздѣляющую индивидуума и общество, какъ думаетъ Милль, то все-таки своимъ

изслѣдованіемъ (которое, впрочемъ, вновь воспринимаетъ основныя идеи Кантовскаго «ученія о правѣ») онъ показалъ, что бремя доказательства падаетъ всегда на того, кто требуетъ ограниченія свободы, и что всякое моральное сужденіе сопряжено съ отвѣтственностью.

б. Женскій вопросъ. (Subjection of women. 1869).—Вопросъ о правахъ женщины составляетъ для Милля только отдѣльную сторону великаго вопроса объ освобожденіи. И здѣсь вопросъ состоитъ въ сущности въ борьбѣ противъ злоупотребленія властью, въ устраненіи причинъ, тормозящихъ свободное развитіе личности, въ уничтоженіи права болѣе сильнаго и въ упраздненіи всякаго внѣшняго авторитета тамъ, гдѣ онъ не необходимъ для охраны и воспитанія. Кромѣ того, изслѣдованіе этого вопроса даетъ ему случай примѣнить его излюбленную теорію нерасторжимой ассоціаціи, для объясненія тѣхъ воззрѣній, которыя задерживали развитіе. Представленія, сложившіяся относительно природы женщинъ, покоились исключительно на привычкѣ и традиціи, а не на дѣйствительномъ опытѣ. То, что мы называли «природой женщины», есть только продуктъ искусственнаго образованія. Только тогда можно узнать дѣйствительную природу женщины, если раздвинуть тѣ рамки, которыя до сихъ поръ лишали женщинъ возможности развивать свои способности и пользоваться ими. Порядокъ мыслей тотъ же, какъ и въ трактатѣ о свободѣ: принужденіе должно быть устранено, чтобы можно было пользоваться опытомъ. Мы имѣемъ здѣсь случай практическаго примѣненія метода различія. Но Милль думаетъ, что заранѣе знаетъ результатъ; онъ утверждаетъ, что духовныя способности женщины столь же велики, какъ и способности мужчины—мѣняе, не необходимое, разумѣется, для того, чтобы обосновать равноправность.

в. Вопросъ о народномъ представительствѣ (Considerations on representative government.. 1861).—При разсмотрѣніи этого вопроса Милль также преслѣдуетъ свою главную мысль: какъ предохранить свободу не только отъ деспотіи отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ сословій, но и отъ деспотіи большинства? Онъ разсматриваетъ опасности и преимущества демократіи. Собственно говоря, только два образа правленія могутъ бороться за господство: демократія и бюрократія. Единственно возможное рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы бюрократія состояла на службѣ у демократіи, а послѣдняя удержала за собой только высшій надзоръ и контроль. Парламентъ долженъ былъ бы представлять собою въ государствѣ толко волевыя рѣшенія; къ выработкѣ законовъ онъ не способенъ; съ этою цѣлью слѣдовало бы всего скорѣе образовать комитеты изъ специалистовъ. Чтобы обезпечить при рѣшеніяхъ право меньшинства, Милль рекомендуетъ между прочимъ выборы пропорціонально числу избирателей.

г. Соціальный вопросъ. (Principles of political economy. 1848).—По мѣрѣ своего развитія Милль все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что соціальныя вопросы важнѣе политическаго. Онъ никогда не отка-

зывался отъ своихъ демократическихъ убъжденій; но съ одной стороны, какъ мы видѣли выше, не закрывалъ глазъ на недостатки демократіи, съ другой стороны у него сложились идеалъ будущаго, шедшій гораздо дальше демократической программы. Во всякомъ случаѣ индивидуальная и политическая свобода не пошла бы дѣйствительно всѣмъ впрокъ безъ значительныхъ соціальныхъ перемѣнъ.

Уже въ письмѣ, относящемся къ 1842 г. (къ Роберту Берклею Фоксъ, напечатанномъ въ дневникѣ Каролины Фоксъ. II, стр. 272) Милль говоритъ о значеніи соціального вопроса слѣдующее: «Мнѣ думается, что послѣ тѣхъ перемѣнъ, которыя наступили въ правленіи благодаря эманципаціи католиковъ и парламентской реформѣ. у большей части господствующихъ классовъ, именно у болѣе молодыхъ людей, открылись постепенно глаза, а успѣхъ чартизма заставляетъ, повидимому, ожидать, что правители какъ по чувству долга, такъ и по требованіямъ разсудка должны будутъ въ гораздо болѣе степени, чѣмъ они съ давнихъ поръ привыкли, заботиться о повседневныхъ и духовныхъ интересахъ бѣдныхъ». «Но, прибавляетъ онъ, что касается средствъ для исцѣленія или по крайней мѣрѣ только для смягченія великихъ соціальныхъ золъ, мы столь же далеки отъ пристани, какъ и прежде». До окончательнаго рѣшенія Милль не дошелъ и позднѣе. Онъ открыто сознается, что въ этомъ вопросѣ есть двѣ основныхъ мысли, каждую изъ которыхъ онъ долженъ отстаивать, хотя въ своихъ выводахъ онъ, по крайней мѣрѣ съ виду, противорѣчатъ. Это идеи индивидуализма и социализма, стоящія, по заявленію Милля, въ діаметральномъ противорѣчій. По его собственному признанію, онъ не знаетъ, какъ можно совмѣстить ихъ; онъ предоставляетъ это будущему. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что до сихъ поръ мы не знали ни того, ни другого въ его возможно лучшей формѣ; намъ не было извѣстно ни то, что можетъ дать свободная самодѣятельность на ея высшей ступени и въ высшей формѣ, ни то, какія возможности имѣетъ за себя строго проведенный соціальный порядокъ внѣшнихъ житейскихъ отношеній. Высокія качества Милля, какъ мыслителя, нигдѣ не обнаруживаются, можетъ быть, съ такою ясностью, какъ здѣсь. Возлагая большую надежду на будущее, и даже можетъ быть опираясь именно на эту надежду, онъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію различныя возможности, представляемыя опытомъ. Только традиція и обычай не импонируютъ ему; онъ спокойно изслѣдуетъ, подъ какими условіями они существуютъ, и смотритъ, нельзя ли замѣнить этихъ условій другими.

Въ этомъ изслѣдованіи социалистическихъ системъ онъ занималъ гораздо болѣе безпристрастную точку зрѣнія, чѣмъ къ этому привыкли политико-экономы того времени. Это вытекало изъ духа его философіи

Пер. Д. Викторовъ.

Что такое городскія по положенію 31 Мая 1872 года училища?

(Къ 25 лѣтнему юбилею ихъ учрежденія).

Sine ira et studio.

Въ исторіи образованія русскаго юношества начало семидесятихъ годовъ занимаетъ важное мѣсто. Это была эпоха усиленной дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ руководствомъ графа Д. А. Толстого.

Университетамъ былъ данъ новый уставъ; общеобразовательныя гимназій были преобразованы въ строго-классическія; какъ паліативъ для учениковъ гимназій, не одолѣвшихъ классицизма, черезъ нѣсколько лѣтъ были учреждены реальныя училища съ такимъ преобладаніемъ математики и рисованія, что ихъ, по справедливости, многіе называли *математико-рисовальными училищами*; было издано Положеніе о Городскихъ училищахъ и объ Учительскихъ Институтахъ для подготовки учителей въ эти училища. Въ 1874 г. было издано Положеніе о народныхъ училищахъ, учреждены Дирекціи и Инспекціи ихъ.

Словомъ, вся наша учебная система была «пересмотрѣна», «урегулирована» и разграничена достаточнымъ количествомъ перегородокъ, чтобы каждому «сверчку былъ свой шестокъ»... Какіе плоды принесла эта ломка существовавшей до того времени учебной системы, достаточно извѣстно относительно высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній; что касается низшихъ, то сколько мнѣ извѣстно, до настоящаго времени не была сдѣлана безпристрастная оцѣнка совершившейся реформы.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ, я представляю главныя данныя и вытекающія изъ нихъ слѣдствія, на основаніи которыхъ легко сдѣлать выводъ, который и будетъ отвѣтомъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ.

I.

Но прежде всего скажу нѣсколько словъ объ уѣздныхъ училищахъ, не подвергшихся еще преобразованію до настоящаго времени въ количествѣ 115 (преобразовано уже 422).

По уставу 1828 года уѣздныя училища были открываемы съ тою цѣлью, «чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей вмѣстѣ съ средствами лучшаго нравственнаго образованія доставить тѣ свѣдѣнія, кои, по образцу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ могутъ быть наиболѣе полезны».

Для достиженія этой цѣли установленъ слѣдующій курсъ наукъ и искусствъ, распредѣленный на три класса, при чемъ распредѣленіе уроковъ по классамъ опредѣляется слѣдующей таблицей.

Таблица недѣльныхъ уроковъ въ уѣздныхъ училищахъ:

ПРЕДМЕТЫ	Число нед. уроковъ по классамъ.			ВСЕГО	Преподаватели
	I кл.	II кл.	III кл.		
1. Законъ Божій	2	2	2	6	Законоучитель.
2. Русскій языкъ.	4	4	4	12	Учитель русскаго языка.
3. Чистописаніе.	4	4	1	9	Учитель чистописанія.
4. Ариметика.	4	4	1	9	Учитель ариметики.
5. Геометрія.	—	—	5	5	
6. Географія.	2	2	2	6	Учитель географіи и исторіи
7. Исторія.	2	2	2	6	
8. Черченіе и рисованіе.	2	2	3	7	Учитель чистописанія.
Итого уроковъ	20	20	20	60	

«Продолжительность каждаго урока въ сихъ училищахъ въ одинъ часъ, и кромѣ того, перемѣны для отдыха: между первымъ и вторымъ, между третьимъ и четвертымъ по *четверть часа*, а между вторымъ и третьимъ уроками въ полчаса».

Изъ этой таблицы видно, что составители «Устава 1828 года» заботились о томъ, чтобы не обременять урочными занятіями ни учениковъ, ни учителей. Эта забота особенно выражается въ назначеніи опредѣленнаго времени на отдыхъ между уроками. Правда, что въ недѣлю полагается 20 уроковъ въ каждомъ классѣ (4 дня по 3 урока и 2 дня по 4 урока), но въ числѣ этихъ уроковъ въ первыхъ двухъ классахъ полагается по 6-ти, а въ 3-мъ по 4 часа на занятія искусствами, не требующими *домашней подготовки* и вообще умственнаго напряженія. Кромѣ того только 3 дня въ недѣлю ученики обязаны готовить дома по три урока, въ остальные же дни лишь по два урока, на что мальчикъ среднихъ способностей употребляетъ ежедневно не болѣе двухъ часовъ домашнихъ занятій. Для бѣднаго-же населенія

весьма важно, чтобы мальчики свободно располагали внѣкласснымъ временемъ для исполненія различныхъ домашнихъ работъ. Но что особенно важно для бѣдныхъ семей городскихъ обывателей—это краткій срокъ ученія: переходя ежегодно изъ класса въ классъ, мальчики черезъ три года оканчиваютъ курсъ, приобрѣтаютъ познанія, достаточныя для ихъ житейскаго обихода, получаютъ нѣкоторыя права (напр. по воинской повинности, на частную и государственную службу) и становятся полезными членами семьи, зарабатывающими нѣчто для ея бюджета. Съ другой стороны—и учителя уѣздныхъ училищъ, не обремененные занятіями въ училищѣ, имѣютъ много свободного времени для частныхъ уроковъ, дополняющихъ ихъ скудное жалованье, для чтенія, какъ средства дальнѣйшаго образованія и для развлеченій.

Почему-же уѣздныя училища, существовавшія почти полстолѣтія и удовлетворявшія потребности маленькихъ городовъ, (большіе открывали у себя гимназіи) подверглись преобразованію? Если они въ то время были неудовлетворительны въ общеобразовательномъ отношеніи, вслѣдствіе плохого состава учителей; если курсъ ихъ не соответствовалъ требованіямъ времени,—всѣ эти существенныя недостатки могли быть легко устранены: стоило-бы только увеличить жалованіе учителей хотя до 615 рублей (съ квартирными), т. е. до той нормы, какая опредѣляется штатами городскихъ училищъ, и эти мѣста пожелали-бы занять молодые люди съ солиднымъ образованіемъ. Самый курсъ уѣздныхъ училищъ могъ бы быть расширенъ введеніемъ въ него очерка русской литературы, практической геометріи, естествовѣдѣнія и физики. Это прибавленіе къ курсу потребовало-бы увеличенія числа уроковъ, примѣрно, по 2 въ каждомъ классѣ, но оно не могло бы затруднить учениковъ. Въ такомъ обновленномъ видѣ уѣздныя училища стали бы еще болѣе цѣнными для уѣздныхъ обывателей. Необходимыя для этого обновленія средства дали-бы городскія общества тѣхъ 422 городовъ, въ которыхъ уѣздныя училища были преобразованы въ городскія: въ огромномъ большинствѣ этихъ городовъ городскія общества (а въ нѣкоторыхъ даже и земства) въ добавленіе къ казенной суммѣ, отпускавшей на уѣздныя училища, ассигнуютъ болѣе или менѣе значительныя суммы.

Но такія мѣры улучшенія уѣздныхъ училищъ были слишкомъ просты; они не могли удовлетворить реформатскихъ стремленій тогдашняго Министерства Народнаго Просвѣщенія.

И вотъ на русской почвѣ появились нѣмецкія бюргерскія школы съ длиннымъ русскимъ названіемъ: «Городскія, по Положенію 1872-го года, училища».

II.

Бюргерскія школы основаны на совершенно другихъ началахъ. Курсы ихъ восьмилѣтній. вмѣсто отдѣльныхъ классовъ для каж-

даго года обученія двѣ-три группы (отдѣленія) учениковъ разнаго возраста и разныхъ познаній учатся въ одномъ классѣ. По числу классовъ училища получаютъ названія: 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ-классныя. Всѣ предметы даннаго класса преподаются однимъ «класснымъ» учителемъ.

Такая система во 1) сокращаетъ расходъ на содержаніе училищъ (а экономія, какъ извѣстно, у нѣмцевъ стоитъ на первомъ планѣ), а во 2-хъ усиливаетъ воспитательное вліяніе учителей, преподающихъ въ одномъ и томъ-же классѣ по 2, 3, 4 года. И эти цѣли въ нѣмецкихъ школахъ вполне достигаются.

Много лѣтъ тому назадъ я посѣтилъ одно изъ берлинскихъ училищъ и провелъ въ одномъ изъ 4-хъ классовъ два часа; слушалъ преподаваніе извѣстнаго тогда въ нѣмецкомъ педагогическомъ мѣрѣ учителя *Виддемана*, пропагандиста *наглядности* преподаванія и убѣдился, что у него дѣло идетъ очень стройно. Самъ занимался онъ съ 1-мъ и 2-мъ отдѣленіемъ (одновременно) умственными счетомъ въ предѣлѣ 9 первыхъ десятковъ, а 3 отдѣленіе исполняло самостоятельную работу и дѣйствительно исполняли, а не смотрѣли, что дѣлаетъ учитель, не слушали, что онъ говоритъ; словомъ, они были углублены въ данную работу *).

На мой вопросъ, какъ онъ достигъ такого сосредоточеннаго вниманія учениковъ къ заданной работѣ, онъ отвѣчалъ, что въ дѣтяхъ съ самаго нѣжнаго возраста развивается чувство долга и неуклонное исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ школою; что они это прекрасно понимаютъ, и никакихъ напоминаній со стороны учителя не требуютъ: дана работа и каждый изъ нихъ долженъ выполнить.—Спрашивается, таковы-ли наши русскія дѣти, чтобы къ нимъ могла-быть примѣнена такая система обученія? Каждый изъ учителей нашихъ школъ (не исключая даже и среднихъ) хорошо знаетъ, сколько труда стоитъ ему поддержать вниманіе класса, въ которомъ никакихъ отдѣленій нѣтъ, и уровень познанія учениковъ почти одинаковъ! Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ наши сельскія школы, гдѣ въ одномъ классѣ сидитъ 3—4 группы съ разными познаніями и гдѣ учитель по необходимости занимается по очереди съ каждой группой, а другимъ даетъ какія-нибудь самостоятельныя работы, которыя въ большинствѣ случаевъ и исполняются.

И это возможно, и съ пользой примѣняется потому, что у деревенскихъ дѣтей въ наше время развито страстное желаніе учиться; они идутъ въ школу съ радостью и заливаются горькими

*) Выставивъ на каедрѣ по 20 оловянныхъ солдатиковъ—краснаго цвѣта—французовъ, синяго—*нѣмцевъ*, онъ предлагалъ вопросы такого рода: «сколько останется въ строю французовъ», «если нѣмцы дали залпъ и: 8 французовъ упали (при этомъ, онъ щелчками сбивалъ съ каедры 8 красныхъ солдатиковъ)?». Это было въ 1871 г. въ октябрѣ; нѣмцы были упоены своими побѣдами и перенесли свою восторженность, по поводу разгрома Франціи, въ школу.

Примѣч. автора.

слезами, если за недостаткомъ мѣста имъ отказываютъ въ приѣмѣ (что, къ сожалѣнію, повторяется ежегодно почти во всѣхъ нашихъ сельскихъ училищахъ).

Вотъ это-то стремленіе къ школѣ, къ образованію вполне замѣняетъ дѣтямъ чувство долга, котораго они не сознаютъ. Съ такими дѣтьми нѣтъ никакой надобности употреблять какія-либо принудительныя мѣры: что учитель дастъ имъ исполнить въ то время, когда онъ занятъ другимъ отдѣленіемъ, то они и исполняютъ, не мѣшая ему.

Совсѣмъ иное представляютъ городскія дѣти, въ большинствѣ выросшія на улицѣ и съ самаго ранняго возраста привязанныя къ ней и ея удовольствіямъ. У огромнаго большинства ихъ отказъ въ приѣмѣ вызываетъ не слезы, а радость; горюютъ и нерѣдко плачутъ родители при отказѣ въ приѣмѣ дѣтей ихъ. Но реформаторъ никакихъ подобныхъ соображеній не имѣлъ въ виду, да вѣроятно они ему не приходили даже въ голову, а потому и явились у насъ городскія училища съ шестилѣтнимъ курсомъ наукъ, распределеннымъ не по классамъ, а по годамъ обученія; число-же классовъ, какъ и бюргерскихъ школъ, поставлено въ зависимость отъ числа учителей, обязанныхъ преподавать всѣ предметы. Если въ училищѣ, кромѣ законоучителя, имѣется только одинъ учитель, то оно называется *однокласснымъ*. Поступающія въ него неграмотныя дѣти (отъ семилѣтняго возраста) обязательно учатся въ немъ, при успѣшности занятій, 6 лѣтъ. Учитель имѣетъ 6 отдѣленій, изъ которыхъ въ первомъ дѣти усваиваютъ только механическій процессъ чтенія и письма, а въ шестомъ изучаютъ русскій синтаксисъ, обстоятельный курсъ геометріи, естествовѣдѣніе, физику и другіе общеобразовательные предметы. На это, по приложенной къ «Положенію» «Таблицѣ», назначено 28 недѣльных уроковъ.

Впрочемъ, во всей Россіи имѣется только одно одноклассное училище, въ Черниговской губерніи, въ г. Суржѣ, да и въ этомъ училищѣ, какъ видно изъ его штата *), кромѣ учителя имѣется еще помощникъ. Вѣроятно шесть отдѣленій этого училища раздѣлены на двѣ группы, размѣщенныя въ двухъ классныхъ комнатахъ, а потому училище это можетъ быть отнесено къ типу двухклассныхъ. Въ настоящее время во всей Россійской Имперіи имѣется 147 двухклассныхъ городскихъ училищъ, въ которыхъ по «Таблицѣ» назначено 52 недѣльных урока, распределенныхъ по классамъ и предметамъ такимъ образомъ:

*) См. Сміту Министерства Народнаго Просвѣщенія «Содержаніе вѣздныхъ и городскихъ училищъ на 1898-ой годъ».

Предметы:	I	Классы:	II
Законъ Божій	6		2
Русскій яз. и церковно-слав. чтеніе	} 22		4
Ариѳметика			5
Практическая геометрія			6
Черченіе и рисованіе			3
Отечественная исторія и географія			4
Естествовѣдѣніе			4
	28		24

Замѣтимъ кстати, что эта «Таблица» весьма неопредѣленна для 1 класса; изъ нея не видно, на какой предметъ должно быть назначено большее число часовъ? Правда, что черезъ 5 лѣтъ Мин. Нар. Просв. были изданы программы для всѣхъ 6-ти лѣтъ обученія съ точнымъ обозначеніемъ числа уроковъ въ каждомъ отдѣленіи и объема курсовъ по каждому предмету, за исключеніемъ, впрочемъ, геометріи, черченія и рисованія, уроки которыхъ поэтому и распредѣлялись педагогическими совѣтами согласно съ числомъ ихъ въ «Таблицѣ».

Такимъ образомъ дѣти отъ 7—8 до 10—11 лѣтъ, учащіяся въ 1 классѣ, должны имѣть четыре дня въ недѣлю по 5 уроковъ, а два дня по 4 урока. Если же прибавить къ этому получасовую перемѣну, да приходъ ихъ въ классъ за 15 минутъ до уроковъ, то выходитъ, что они должны оставаться въ училищѣ 4 дня въ недѣлю по 6-ти часовъ, а 2 дня—по 5 часовъ.

Невольно возникаетъ вопросъ: сколько времени пользуются они ежедневно непосредственными занятіями съ учителемъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо рассчитать количество времени, которое учитель можетъ ежедневно удѣлять каждому отдѣленію и каждому ученику.

Въ каждомъ классѣ, по инструкціи, полагается 40 учениковъ, но, съ разрѣшенія дирекціи, число это можетъ быть увеличено до 50-ти. Поэтому предположимъ, что въ 1-мъ классѣ 45 учениковъ, распредѣленныхъ на 3 отдѣленія (соотвѣтственно 3-мъ годамъ обученія) по 15 учениковъ въ каждомъ (чего на практикѣ никогда не бываетъ: 1-е отдѣленіе всегда многочисленнѣе 2-го, а 2-е 3-го.).

Каждый урокъ учитель долженъ заняться съ каждымъ отдѣленіемъ и удѣлить ему *20 минутъ*, въ теченіи которыхъ онъ можетъ посвятить каждому изъ 15-ти учениковъ *менѣе 2-хъ минутъ*; въ теченіе же дней съ 4-мя уроками менѣе 8 минутъ, что въ недѣлю составитъ всего *48 минутъ*.

Предоставляемъ судить читателю, чего можно достигнуть въ такіе ничтожныя промежутки времени въ особенности съ учениками 1-го отдѣленія, которыхъ надо обучать грамотѣ.

Положимъ, что всѣ ученики даннаго отдѣленія очень внима-

тельно слушаютъ объясненія учителя въ теченіи 20 минутъ; въ остальные же 40 минутъ каждаго урока они исполняютъ данныя работы, но во 1-хъ какую работу могутъ самостоятельно исполнить ученики 1-го отдѣленія, не усвоившіе еще механизма чтенія и письма? во 2-хъ) самостоятельность работъ въ то время, когда учитель занятъ съ другимъ отдѣленіемъ, очень сомнительна. Какойнибудь бойкій мальчикъ исполняетъ ее, а остальные кое-какъ списываютъ, поглядывая на учителя, а иные просто сидятъ безъ всякаго дѣла и слушаютъ, что говоритъ учитель другому отдѣленію. И это весьма естественно. Вниманіе учениковъ къ данной работѣ развивается, какъ и всѣ другіе навыки, только подъ бдительнымъ наблюденіемъ и непосредственнымъ руководствомъ учителя; своими разъясненіями онъ не только устраняетъ небрежность въ работѣ и предупреждаетъ ошибки, но развиваетъ въ ученикахъ вдумчивость, разсудительность, которыя замѣтно отсутствуютъ даже въ старшихъ отдѣленіяхъ, въ чемъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ самостоятельныя работы учениковъ какогонибудь отдѣленія и класса.

И въ этомъ нельзя винить учителя, обязаннаго $\frac{1}{4}$ урока обучать грамотѣ, слѣдующую $\frac{1}{3}$ преподавать ариметику, а конецъ урока—географію. Какое надо употребить умственное усиліе, какъ нужно напрягать память, чтобы не запутаться въ этой смѣси учебныхъ клочковъ... И эта путаница повторяется четыре часа каждый день!

Учитель 2-го класса находится въ теченіи учебныхъ часовъ еще подъ болѣе «высокимъ давленіемъ». Его три отдѣленія требуютъ гораздо большаго напряженія, болѣе интенсивной памяти и болѣе обширныхъ познаній. Въ его 3-мъ отдѣленіи 6-ой годъ обученія сидятъ взрослые ученики (16- 17- 18-ти-лѣтніе); это уже молодые люди, для которыхъ нужны не безсвязные клочки, а строго-систематическое изложеніе даннаго предмета, связь урока съ предшествующимъ. Хотя онъ и удѣляетъ имъ по каждому предмету 20 минутъ, но въ теченіи ихъ долженъ быть основательно изложенъ или спрошенъ урокъ.

Правда, занятія могли-бы быть организованы такъ, чтобы каждому отдѣленію посвящался цѣлый часъ, т. е. весь урокъ; но при такой организаціи занятій учитель могъ-бы дать по 4-мъ научнымъ предметамъ только одинъ урокъ, а по 1-му предмету 2 урока въ недѣлю. Чтобы каждое отдѣленіе имѣло опредѣленное «Таблицею» число уроковъ (безъ чего курсъ, опредѣленный программами, пройденъ быть не можетъ) необходимо было-бы не 20, а 60 уроковъ, чтобы заниматься съ каждымъ отдѣленіемъ порознь.

Невозможность достигнуть требуемыхъ программами успѣховъ была очевидна для всѣхъ, вѣдающихъ учебное дѣло, какъ только были обнародованы программы; тѣмъ не менѣе, однако, лишь только учительскіе институты начали выпускать изъ своихъ стѣнъ и собственныхъ воспитанниковъ, и уѣздныхъ учителей, прикоман-

дированныхъ на одинъ годъ для подготовки къ преподаванію *всѣхъ предметовъ* въ городскихъ по Положенію 1872 года училищахъ, началось преобразование уѣздныхъ училищъ въ городскія.

Несомнѣнно, что это преобразование нарушало интересы обывателей уѣздныхъ городовъ; они отлично понимали, что дѣтямъ ихъ, вмѣсто 3-хъ лѣтъ, нужно учиться 6, а, по трудности курса, 7 и 8 лѣтъ. Если-бы спросили въ то время городскія общества, желаютъ-ли они преобразования, то, съ увѣренностью можно сказать, что отвѣтъ былъ-бы отрицательный. Но въ ту эпоху реформъ и высшая, и губернская учебная администрація совершенно игнорировала интересы общества; духъ преобразования, «*ломки*» всецѣло овладѣлъ ею.

Многіе изъ читателей, конечно, помнятъ, какъ всѣ наши общепредобразовательныя гимназіи моментально преобразовались въ классическія. Говорю моментально потому, что въ то время я служилъ учителемъ въ одной изъ южныхъ гимназій. Въ четвергъ на масляной мѣ, учителя, прекратили занятія въ *общеобразовательной гимназіи*, а явились въ понедѣльникъ на 1 ой недѣлѣ поста на уроки, намъ директоръ объявилъ, что гимназія преобразована *въ классическую!*

Правда, мы знали, что на послѣднихъ дняхъ масляницы въ городской думѣ было собраніе гражданъ всѣхъ сословій, на рѣшеніе которыхъ былъ предложенъ вопросъ: какую они желаютъ имѣть гимназію—классическую или реальную? Хотя множество голосовъ кричало: «*Реальную*», но, благодаря энергическому участию мѣстной полиціи,—*классическая* восторжествовала. Съ уѣздными училищами губернская учебная администрація поступала еще проще, безъ соблюденія чего либо подобнаго спросу общества.

Въ виду того, что штатное содержаніе уѣзднаго училища стоитъ отъ 2110 р.—до 2230 р., а содержаніе 2-хъ-классныхъ городскихъ училищъ 2190 руб.. Дирекціи народныхъ училищъ, съ надлежащаго разрѣшенія начальства, посильно преобразовывали уѣздныя училища въ 2-хъ-классныя городскія по Положенію 1872 года училища.

Но уже съ первыхъ лѣтъ существованія, учебная часть въ нихъ, организованная согласно «Таблицѣ», оказалась, какъ это нужно было предвидѣть, крайне неудовлетворительной. Это зависѣло, какъ я выяснилъ выше, отъ невозможности учить въ одно и то же время три группы учениковъ съ весьма различной подготовкой. Чтобы устранить это условіе, тормозящее успѣхи, нѣкоторыя дирекціи, по соглашенію съ мѣстными обществами, упразднили 2 первыя отдѣленія, курсъ которыхъ не многимъ превышаетъ курсъ приходскихъ училищъ; учителямъ послѣднихъ и было предложено согласить курсъ 3-го отдѣленія съ требованіями вступительнаго экзамена въ 3-е отдѣленіе городскихъ училищъ. Этою мѣрою значительно упростилось дѣло преподаванія въ 2-хъ-классныхъ училищахъ, учителямъ которыхъ проходило преподавать только 2-мъ группамъ. Не смотря на это улучшение, все

же курсъ 2-хъ-классныхъ училищъ проходится съ значительнымъ сокращеніемъ программы, очевидно рассчитанной на особаго учителя для каждаго отдѣленія.

Желая достигнуть лучшаго результата, мѣстные начальники городскихъ училищъ обращались къ городскимъ Думамъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи штатной суммы на содержаніе 3-го учителя, и Думы, въ виду несомнѣнной пользы для учениковъ, удовлетворяли эти ходатайства. Такимъ образомъ постепенно организовывались 3-хъ-классныя городскія училища, въ которыхъ 4 отдѣленія распредѣляются по классамъ двоякимъ образомъ: или 3 и 4 отдѣленія образуютъ 1-й клас., 5-е—2-й, а 6-е—3-й классы; или 3-е отдѣленіе учится въ 1-мъ кл., 4-е—во 2-мъ, а 5 и 6 въ 3-мъ. Это послѣднее распредѣленіе гораздо цѣлесообразнѣе: число учениковъ въ этихъ отдѣленіяхъ обыкновенно бываетъ незначительно (особенно въ 6-мъ); разница въ познаніяхъ учениковъ не велика, нѣкоторые предметы могутъ проходиться одновременно въ обоихъ отдѣленіяхъ: въ 5-мъ они проходятся, а въ 6-мъ повторяются.

Прибавленіе 3-го учителя и организація 3-го класса значительно повысили общеобразовательный уровень оканчивающихъ курсъ учениковъ. Такой результатъ вызвалъ общественное довѣріе, и число 3-хъ-классныхъ училищъ въ настоящее время достигло до 202-хъ. Замѣчу, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этого числа 3-хъ-классныя Училища организованы по типу 2-хъ-классныхъ: городскія общества закрыли приходскія училища, а суммы, на нихъ ассигнованныя, передали городскимъ училищамъ съ тѣмъ, чтобы на нихъ содержались 1 и 2 е отдѣленія. Такимъ образомъ въ этихъ училищахъ въ каждомъ классѣ по 2 отдѣленія.

Хотя уровень познаній оканчивающихъ курсъ учениковъ въ 3-хъ-клас. училищахъ и повысился, но не достигаетъ нормы, требуемой програмами: чтобы вполне удовлетворить ихъ требованія, необходимо уничтожить соединеніе 2-хъ отдѣленій въ одномъ классѣ, что достигается прибавленіемъ 4-го учителя, т. е. открытіемъ 4-го класса. Многія городскія общества, совместно съ земствами, вполне понимая необходимость этой мѣры, ассигновали необходимую для того сумму, и изъ 3-хъ-классныхъ училищъ организовались 4-хъ-классныя, число которыхъ въ настоящее время возросло до 60-ти. Въ нѣкоторыхъ городахъ (Гатчинѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ-на-Дону) открыты 5-ти-классныя, въ 6-ти городахъ открылись 6-ти-классныя городскія училища, представляющія собой образецъ вполне организованнаго 6-ти-лѣтняго начальнаго курса.

Между предметами этого курса рисованіе, черченіе и чистописаніе занимаютъ важное мѣсто, а преподаваніе этихъ искусствъ, требующее особой специальной подготовки, лежало на учителяхъ, вогорые, хотя и учатся этимъ искусствамъ въ Учительскомъ Институтѣ, но далеко не представляютъ собой специалистовъ. Поэтому преподаваніе искусствъ во всѣхъ училищахъ шло не-

удовлетворительно; учителя геометріи, съ которою соединено преподаваніе искусствъ, во многихъ училищахъ отказывались преподавать ихъ какъ отдѣльные предметы. Въ виду важнаго значенія ихъ для подготовки учащихся къ самостоятельному труду, по окончаніи курса, во многихъ училищахъ были назначены частнымъ образомъ, изъ платы по найму, учителя искусствъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ въ рисовальныхъ училищахъ. И дѣло обученія искусствамъ пошло весьма успѣшно.

Въ 1893 году воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на учрежденіе штатной должности учителя черченія, рисованія и чистописанія въ тѣхъ городскихъ училищахъ, которыя располагаютъ достаточными спеціальными средствами на уплату жалованья учителю.

Это, весьма важное, мѣропріятіе привлекло молодыхъ людей съ отличною спеціальною подготовкою къ занятію штатныхъ должностей, увеличило составъ служащихъ, что въ свою очередь значительно улучшило учебно-воспитательное дѣло.

И городскія училища пользуются въ настоящее время полнымъ довѣріемъ общества и его симпатіей, что наглядно доказывается постоянно возрастающимъ числомъ учащихся и открытіемъ параллельныхъ классовъ. Такъ, въ губерніи, гдѣ я живу, есть два 4-хъ-классныхъ училища, въ которыхъ всѣ 4 класса имѣютъ параллельныя отдѣленія и число учащихся доходитъ до 400-хъ учениковъ.

Такимъ образомъ въ 20-ть съ лишнимъ лѣтъ существованія городскихъ училищъ, открывавшихся по *нѣмецкому образцу*, требованія русской жизни постепенно передѣляли ихъ на русский ладъ. Впрочемъ, это предвидѣлось и «Положеніемъ 31-го мая 1872 г.» штаты котораго составлены для 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ-классныхъ училищъ.

III.

Если концентрація нѣсколькихъ отдѣльныхъ классовъ въ одномъ, заимствованная у нѣмцевъ, оказалась въ нашихъ городскихъ училищахъ несостоятельной, то интересно знать, насколько оказалось удачнымъ введеніе въ нихъ второго принципа нѣмецкихъ школъ а именно: *учрежденіе классныхъ учителей*.

Для подготовки такихъ учителей, какъ извѣстно, были учреждены Учительскіе Институты, учебныя заведенія закрытыя, въ которыя, однакожъ, дозволяется принимать и приходящихъ воспитанниковъ (§ 2 «Положеніе объ Учительскихъ Институтахъ»). Курсы институтовъ 3-хъ лѣтній. Въ институтъ принимаются по экзамену молодые люди не моложе 16 лѣтъ, съ познаніями, не превышающими курса городскихъ училищъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ воспитанники пріобрѣтаютъ по всѣмъ общеобразовательнымъ предметамъ достаточно основательныхъ, хотя и не обширныхъ познаній.

Преподаваніе педагогики, дидактики и *методики всѣхъ предметовъ* теоретически подготавливаетъ ихъ къ практическимъ занятіямъ въ институтскомъ 2 хъ-классномъ городскомъ училищѣ; этимъ занятіямъ и посвящается 3-й учебный годъ.

Казалось бы, что при учрежденіи институтовъ все предусмотрено, что организациа учебной системы ихъ вполне соотвѣтствуетъ предначертанной имъ цѣли, то есть, подготовить учителей, могущихъ преподавать въ данномъ классѣ всѣ предметы.

И дѣйствительно, въ теченіи многихъ лѣтъ городскіе учителя исполняютъ эту весьма трудную обязанность, давая еженедѣльно по 20—22 уроковъ по всѣмъ предметамъ. Этотъ энциклопедизмъ, признаюсь, очень интриговалъ меня. По собственному 20-ти-лѣтнему опыту я зналъ, какъ нелегко преподавать даже одинъ предметъ свыше 12-ти уроковъ въ недѣлю; подготовка къ нимъ, просмотръ ученическихъ работъ поглощали почти все свободное время отъ уроковъ. А между тѣмъ нужно было слѣдить за литературою даннаго предмета, освѣжать свои познанія новыми изслѣдованіями, новыми взглядами.

Вѣдь только подобныя внѣурочныя занятія могутъ поддерживать въ учителѣ бодрость, энергію и предохранять его отъ шаблонности, рутинны и превращенія въ ремесленника.

И для меня было совершенно непостижимо, какъ возможно одному и тому же лицу и при томъ въ одномъ и томъ же классѣ преподавать одновременно пять предметовъ. А подготовка къ 4—5 урокамъ? А исправленіе работъ по русскому языку, по ариметикѣ? Вѣдь уже одинъ этотъ трудъ долженъ поглотить все свободное время отъ уроковъ. Чтобы сколько нибудь разъяснить для себя эту тайну, я познакомился съ нѣсколькими учителями городскихъ, по Пол. 31-го мая 1872 года, училищъ; настолько сблизился съ ними, что они съ полною откровенностью сообщили мнѣ о своей преподавательской дѣятельности. Резюмируя все сообщенное мнѣ ими, я пришелъ къ заключенію, что дѣло этого интенсивнѣйшаго преподаванія сводится къ одной формѣ, къ тому, чтобы выполнить данное росписаніе уроковъ. И рѣчи быть не можетъ ни о бесѣдахъ съ учениками, уясняющими связь даннаго урока по какому либо предмету съ предшествующими уроками по тому же предмету, ни объ иллюстрированіи урока какими либо учебными пособиями.

«Мы, говорилъ одинъ учитель, сообщаемъ ученикамъ разрозненные клочки познаній; ученики ихъ заучиваютъ по учебникамъ, отвѣчаютъ исправно, а мы выставяемъ отмѣтки: вѣдь вы знаете, что это въ училищѣ самое важное; если у кого либо изъ насъ мало въ журналѣ отмѣтокъ, тотчасъ слѣдуетъ внушеніе со стороны начальника. Какъ бывший учитель гимназій, вы и представить себѣ не можете состояніе городского учителя въ учебное время».

«Я классный учитель III класса (6-й годъ обученія); въ вные дни приходится давать уроки по четыремъ предметамъ, не имѣ-

ющимъ между собою никакого самаго отдаленнаго сходства (напр. по исторіи, геометріи, физикѣ, русскому языку). Только что сосредоточилъ всё свои способности на историческихъ данныхъ, жилъ, такъ сказать, въ мірѣ былого, давно минувшаго,— какъ, послѣ пятиминутнаго отдыха (перемѣны), долженъ моментально все это забыть для «треугольниковъ»; затѣмъ черезъ полчаса на сцену выступаетъ «давленіе жидкостей на дно сосудовъ», а въ заключеніи «соподчиненіе придаточныхъ предложений». Словомъ, за 5 учебныхъ часовъ живешь въ какомъ то умственномъ чаду, отъ котораго не освѣжаешься дома: цѣлый ворохъ всякаго рода ученическихъ письменныхъ работъ глядятъ на тебя и отгоняютъ всякую мысль объ отдыхѣ... Иной день приходишь въ такомъ мрачномъ настроеніи, что кажется, вотъ-вотъ съ ума сойдешь. И не думайте, что я одинъ только это испытываю; всё мы одинаково чувствуемъ совершенную ненормальность нашего положенія и придумываемъ средства отъ него избавиться».

«Такимъ средствомъ можетъ быть только нарушеніе закономъ установленной системы преподаванія. И въ нашемъ Педагогическомъ Совѣтѣ уже рѣшили возбудить ходатайство о замѣнѣ класснаго преподаванія».

Повидимому, подобныя ходатайства поступали и отъ другихъ совѣтовъ и были уважены.

Замѣна класснаго преподаванія предметнымъ лѣтъ 6 тому назадъ стала разрѣшаться Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и въ настоящее время во многихъ училищахъ введено предметное преподаваніе, этому много содѣйствовало, въ послѣдніе два учебные года, учрежденіе штатныхъ учителей рисованія, черченія и чистописанія при тѣхъ училищахъ, которыя располагаютъ свободными для того средствами. Нельзя сомнѣваться, что эта послѣдняя мѣра послужитъ къ окончательному устраненію классной системы преподаванія, вмѣсто которой будетъ введена повсемѣстно предметная, какъ вполне согласная съ интересами учебнаго дѣла.

Такимъ образомъ реформа уѣздныхъ училищъ черезъ 20 съ лишнимъ лѣтъ закончилась тѣмъ, что постепенно организовались учебныя заведенія по типу *уѣздныхъ училищъ* съ расширеннымъ курсомъ и лучшимъ, педагогически-подготовленнымъ учебнымъ персоналомъ. Чтобы всесторонне разсмотрѣть поставленный въ заголовкѣ вопросъ, мнѣ слѣдовало бы коснуться программъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1877 году; но предметъ этотъ на столько важенъ, что требуетъ подробнаго обсужденія, которымъ я и займусь въ одной изъ слѣдующихъ статей; это будетъ тѣмъ болѣе кстати, что, какъ я слышалъ, проектируется изданіе новыхъ программъ; сравненіе ихъ съ дѣйствующими въ настоящее время можетъ служить показателемъ взгляда центрального вѣдомства на задачи основательнаго начальнаго образованія.

Заканчивая мою статью, не могу не высказать пожеланія, чтобы существующія еще уѣздныя училища и 2-хъ-классныя городскія преобразовались бы хотя въ 4-хъ-классныя съ пріемомъ въ 1-й классъ учениковъ, уже прошедшихъ курсъ 1-го и 2-го года обученія. Матеріальныя жертвы городскихъ обществъ въ этомъ дѣлѣ вполнѣ вознаграждаются солидною подготовкою подрастающихъ поколѣній къ трудовой жизни и дѣятельности въ разныхъ профессіяхъ.

С. Бобровскій.

Изъ воспоминаній сельскаго учителя.

Курсъ окончилъ я въ Тамбовскомъ Е. У. Институтѣ въ 1879 году. Получивъ свидѣтельство на званіе народнаго учителя, я отправился къ одному изъ инспекторовъ узнать, не имѣется ли въ участкѣ его свободнаго мѣста. Оказалось, что прошеніе нужно почему то подавать въ августѣ мѣсяцѣ. Съ нетерпѣніемъ дожидался я августа. Желаніе получить скорѣе учительское мѣсто было такъ велико, при наличности скудныхъ средствъ, что я путешествовалъ къ инспектору въ Тамбовъ чуть не каждую недѣлю, когда съ попутчикомъ на лошади, а когда и просто «на своихъ-на двоихъ». Наконецъ, послѣ многихъ хожденій и тревогъ, я получилъ мѣсто учителя въ селѣ В—вѣ, Тамбовскаго уѣзда. Радость моя была такъ велика, что я пустился домой пѣшкомъ ночью за 35 верстъ отъ города и летѣлъ; какъ говорится, «на всѣхъ парахъ».

И вотъ 27 сентября отправился я на мѣсто своей службы. Вечеромъ уже смерклось, пріѣхалъ я въ В—во и остановился у церковной караулки; вышелъ сторожъ и, на мой вопросъ: «гдѣ школа и квартира учителя?» отвѣтилъ: «Здѣсь. Вамъ что нужно?» Я объяснилъ ему, что я новый учитель, назначенный сюда. Сторожъ мгновенно преобразилъ лицо свое въ сладкую улыбку и проговорилъ: «Пожалуйте, пожалуйста сюда!» и онъ толкнулъ дверь ногой. «Тутъ П. С—чъ живетъ, славный человекъ, насъ не оставляетъ, ну и мы ему тоже услуживаемъ!» Потомъ онъ перетаскилъ мои вещи, пустился въ розказни о школѣ и ученикахъ и въ концѣ концовъ выпросилъ «на косушку». Пока я слушалъ сторожа и укладывалъ свои вещи, въ другую половину караулки пришли: дьяконъ, дьячекъ, волостной писарь съ помощникомъ, узнавшіе вѣроятно о пріѣздѣ новаго учителя. Безъ всякихъ представленій мы познакомились. Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ я обратился къ нимъ съ просьбою указать мнѣ домъ, гдѣ бы я могъ столоваться. Дьячекъ, только что воротившійся

съ поминокъ, радушно и за недорогую плату (5 р.) предложлъ мнѣ быть его нахлѣбникомъ. Я былъ очень радъ, что дѣло такъ скоро уладилось, и всѣ въ веселомъ настроеніи, какъ будто давно знакомые, отправились къ нему въ домъ; тамъ былъ поставленъ самоваръ, наварены яйца; всѣ стали поздравлять меня съ должностію и предложили «обмытъ», я не съумѣлъ отказаться и долженъ былъ угостить. Тутъ ужъ скоро пошла совѣтъмъ оживленная бесѣда, а къ концу трапезы слышались даже лобзанія...

На другой день я проснулся съ головной болью и съ новымъ состояніемъ духа, до сего времени мнѣ неизвѣстнымъ, такъ какъ водки никогда не пилъ. Хозяинъ приготовилъ ужъ водки и упрасивалъ похмѣлиться. «Ты выпей-ка и голова пройдетъ!» говорилъ онъ. Это съ непривычки, а разокъ другой вкусишь и объ головѣ толковать не станешь!» Но я видѣть не могъ его живительной влаги, не только что пить и наотрѣзъ отказался. «Эхъ молодятина! недовольнымъ тономъ промолвилъ онъ, наливая рюмку. Поживешь, скажешь другое!..»

Напившись чаю, я пошелъ осматривать село. День былъ пасмурный и еще болѣе увеличивалъ тоскливое настроеніе.

В — во довольно большое село, бывшее барское, по рассказамъ когда то богатое, расположенное около длиннаго желтаго пруда, представляло теперь ряды плохенькихъ избушекъ съ почернѣвшими отъ времени крышами и горшечными трубами; даже очень мало виднѣлось амбаровъ по улицѣ; кое гдѣ торчали вѣтловые колья часто съ сухими сучьями, да неприятно бросались въ глаза земляныя бани съ проломанными крышами. Въ концѣ порядка, рядомъ съ вагономъ, находился запущенный, съ поломанною во многихъ мѣстахъ плетневою оградой, бывший барскій садъ. За селомъ виднѣлись голыя поля и небольшіе кусты малорослыхъ осинъ. Строевой лѣсъ находился верстахъ въ пятидесяти. Только и радовала взоръ большая каменная церковь съ садикомъ, обнесеннымъ красивою желѣзною оградой.

Налюбовавшись на село и окрестности, печально побрелъ я въ школу. Собственно школа представляла комнату аршинъ семь въ длину и ширину съ двумя, скудно освѣщавшими ее, окнами и отдѣленною стѣной отъ другой такой же, служившей для помѣщенія караульныхъ и для совершенія церковныхъ требъ. Полъ вѣроятно никогда не мылся и былъ покрытъ толстымъ слоемъ грязи. Къ одному углу школьной комнаты было отгорожено тесомъ небольшое мѣстечко—это «комната учителя». Здѣсь стоялъ столъ со стуломъ, кое изъ чего сколоченная кровать и шкафъ съ книгами и учебными принадлежностями; больше и мѣста почти не было! Все это покрыто было пылью. Подъ кроватью, Богъ знаетъ для чего, устроено было что то вродѣ погреба и, сквозь не плотно приходившуюся крышку, оттуда несло сыростью. Открылъ шкафъ, пыль такъ и полетѣла въ лицо.

Очень недоволенъ остался я школой и учительскимъ помѣщеніемъ и рѣшился устроиться у кого нибудь изъ сельчанъ на

квартирѣ, но сдѣлать это оказалось не такъ то легко: у крестьянъ очень тѣсно, грязно и ужъ ни малѣйшихъ удобствъ среди поросятъ и телатъ, а у духовныхъ избы тоже полны своими. Поневолѣ пришлось остаться въ караулкѣ. Дня три занимался я убранствомъ своего помѣщенія: повытеръ пыль со стѣнъ, снялъ паутину, набралъ въ волостномъ правленіи старыхъ газетъ и заклеилъ трещины перегородки; стало и посвѣтлѣй и по уютнѣй, но не надолго; кочующая пыль опять налетѣла, а зашедшіе отъ утрени богомольцы очень искусно продрали нѣсколько дырочекъ и продольныхъ полосъ и разглядывали меня какъ звѣря въ клѣткѣ. Еще разъ заклеилъ я стѣны и попросилъ посѣтителей не прорывать бумаги; эта просьба моя была уважена, потому что въ слѣдующее воскресенье продранныхъ мѣстъ было меньше; потомъ я прибилъ крючокъ къ школьной двери и запирался на ночь. Положеніе мое было далеко не изъ приятныхъ, тѣмъ болѣе, что ни дѣтство мое, ни пребываніе въ Институтѣ никомъ образомъ не похожи были на такое одиночество и на грязную, душную караулку, да и не думалось почему то, что учителемъ придется жить при такой жалкой обстановкѣ!

До начала ученья я познакомился съ священникомъ-законоучителемъ и съ владѣльцемъ В—аго имѣнія и попечителемъ школы богатымъ купцомъ Р., попросилъ у него соломы на отопленіе школы, въ чемъ онъ не отказалъ. «Сколько угодно! говорилъ онъ, смѣясь. Чего другого, а этого добра много гниеть у меня на гумнѣ, свозите только пожалуйста!»

Подшло второе котября—начало ученья. Школа В—ая только третій годъ была открыта, а потому учениковъ и вновь пришедшихъ было такъ много, что, за неимѣніемъ свободнаго мѣста, я долженъ былъ нѣкоторымъ отказать; очень равнодушно выслушали они отказъ, да вѣроятно и шли то больше за тѣмъ, чтобы посмотреть на «учителя», потому что изъ принятыхъ въ школу нѣкоторые черезъ три-четыре дня перестали ходить. Это ужъ обычай такой существовалъ тогда въ школѣ сельской: во время приѣма новымъ учителемъ или при открытіи школы собирались ребяташки чуть не изъ каждаго двора, а на другой или третій день нѣкоторые изъ этихъ записанныхъ малышей играютъ на улицѣ, когда нужно быть въ школѣ. «Что-жь, Васька, пойдешь въ «училищу» то?» спрашиваетъ какойнибудь мальчуганъ товарища. — «Ну еще!» отвѣчаетъ Васька. — «А видѣлъ учителя то?» пристааетъ другой. — «Видѣлъ!.. сердито говоритъ Васька. А ты видѣлъ?..» Этимъ и кончались разговоры у мальчуганъ о школѣ. Родители не всегда вмѣшивались въ это дѣло. Нужно сказать, впрочемъ, что такое отношеніе родителей къ школѣ все таки исключеніе; въ большинствѣ случаевъ отецъ или мать сами приводили сына и часто просили учителя «подъучить хорошенько и вихоръ нарвать». Наиболѣе интересующіеся школой крестьяне это тѣ, у которыхъ въ семьѣ есть уже грамотный изъ взрослыхъ

или же у кого мальчикъ учится хорошо. Встрѣчавшееся часто холодное отношеніе крестьянъ къ школѣ можно только тѣмъ и объяснить, что она во многихъ мѣстахъ все таки была новостью для нихъ, безотчетнымъ убѣжденіемъ многихъ крестьянъ, «что не всякому грамота дается» и тѣмъ, что школа съ неподготовленными и случайными учителями еще очень мало давала хорошихъ грамотныхъ крестьянскихъ дѣтей. Когда сельская школа будетъ поставлена въ хорошія условія и учитель не будетъ бѣгать отъ нея изъ боязни остаться подъ старость безъ куска хлѣба, тогда крестьяне всѣ обратятся къ ней, а учитель будетъ считаться своимъ человѣкомъ... Среди 9—14-лѣтнихъ учениковъ троемъ было по 16 лѣтъ, а одному 17; этотъ послѣдній пересталъ посѣщать школу, когда за него усватали невѣсту, но вечеромъ онъ все таки частенько заходилъ ко мнѣ рѣшать задачи и за книгами.

Ученье началось. Въ школѣ было очень тѣсно и душно. На дворѣ становилось холодно. Послѣ занятій я велѣлъ сторожу истопить печь, а самъ легъ и заснулъ; но отдых мой былъ тревоженъ и непродолжителенъ: во снѣ я почувствовалъ, что меня что то душить; я съ испугомъ проснулся. Густой непроглядный дымъ наполнялъ всю комнату; я подумалъ, что пожаръ, вскочилъ, отворилъ дверь и едва могъ разглядѣть у печи сторожа. «Что это такое?» спрашиваю.—«Гдѣ?» говоритъ тотъ спокойно.—«Что это за дымъ? Вѣдь этакъ задушить можно!»—«О!.. А я думалъ, вы въ окно то смотрите, что нибудь случилось на улицѣ! Это съ непривычки, а то ничего!.. Тепло!» добавилъ онъ. Дѣйствительно онъ пихалъ солому въ печь и постоянно протиралъ рукавомъ глаза «Что же всегда такъ дымъ идетъ?» спрашиваю. «Дымъ то? Нѣтъ, прежде какъ будто поменьше!.. Труба не чищена давно!» Вечеромъ я послалъ его къ старшинѣ просить трубочиста; старшина велѣлъ сторожу прислать меня самого; пришлось идти самому, хотя никакой надобности въ этомъ не было. Все таки трубочистъ пришелъ скоро, вытащилъ кучи сажы, самъ затопилъ печь, но дымъ опять таки сталъ заходить въ комнату; тогда посмотрѣлъ онъ на печь опытнымъ взоромъ своимъ, стукнулъ по кирпичамъ молоткомъ и сказалъ: «новую надо, ходы попорчены!» и ушелъ. А старшина про новую печь выразился такъ: «ихъ много будетъ учителей, то и перекладывай всякому, денегъ не хватить!»

Зимой въ морозные дни дыму было меньше, но за то пришлось испытывать то холодъ, то угаръ. Эти два врага положительно выживали меня вонъ. Приходилось по три дня сидѣть безъ топлива. «Отчего же соломы до сихъ поръ нѣтъ?» спросишь сторожа.—«Мужики не вѣдутъ, говорятъ: «холодно, снѣгомъ завалило олому, а изъ новыхъ ометовъ прикащикъ не даетъ! «Нонче хотѣли своей съ дворовъ привезть!» И ждешь не дождешься этой благодатной соломы! Въ такихъ случаяхъ я обыкновенно надѣвалъ тулупъ и расхаживалъ по школѣ. Утромъ.

собрались ученики, разсѣлись кто на партахъ, а кто, за неимѣніемъ мѣста, на полу. Сначала среди нихъ замѣтно нѣкоторое оживленіе и даже бодрость; слышится скрипѣніе грифелей, шопоть, отвѣчаютъ бойко, а полчася спустя уже виднѣются поси-нѣвшія лица, оживленія какъ небывало; тишину нарушаютъ только носомъ. Жаль становится смотрѣть на эти согнувшіяся фигурки!.. «Распустить нужно! думаешь себѣ. Распустить боязно; скажутъ: не учить, да нажалуются пожалуй... Нѣтъ, ужъ лучше дотяну какъ нибудь до 12, а тогда можно и отпустить, все таки и на душѣ будетъ лучше»... Ну и сидишь, дожидаясь этихъ 12 часовъ; ребятъ то поиграть отпустишь, а то дашь полную волю въ школѣ. Занятія состояли большею частью въ чтеніи; самъ что нибудь прочитаешь или расскажешь или заставишь лучшаго изъ старшаго отдѣленія, остальные слушаютъ. Писать вслѣдствіе холода нельзя, чтеніе про себя и рѣшеніе устныхъ самостоятельныхъ задачъ тоже какъ то не клеилось: какъ уткнется мальчикъ въ одно мѣсто въ книгѣ, такъ и глядитъ туда, не переворачивая дальше, потому что для этого нужно вытаскивать руки изъ-за пазухи или рукавовъ, а каково это?.. Двѣнадцать часовъ. «Ну, ребята, будетъ вамъ мерзнуть, ступайте домой!» скажешь наконецъ и самъ вздрогнешь, не потому, что въ самомъ дѣлѣ дрожь пробрала (тулупъ у меня былъ очень теплый, голова, правда немного зябла)! нѣтъ, а въ оправданіе передъ родителями учениковъ: не по лѣности, дескать, отпускаю, а вслѣдствіе холода... Боязно какъ-то!..

Ушли ребята. На смѣну имъ является сторожъ старикъ и начинаются гимнастическія упражненія: мы размахиваемъ руками и ногами, а иногда и боремся. Славно разогрѣлись, въ потъ даже бросило! Иногда бывали курьезы. Нужно было какъ то отнести письмо, зову сторожа: «Павлычъ, поди-ка сюда?» — «Ну васъ!» — отказывается тотъ. Не молоденькій я, вѣдь пятьдесятъ лѣтъ, бока болятъ!» Ночь подойдетъ, закутаешься бывало въ тулупъ съ головой и лежишь такъ до утра, изрѣдка высовывая голову, чтобы вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха. Сторожъ въ такія печальныя времена забирался обыкновенно въ печь и лежалъ тамъ до утра. Въ этой печи онъ однажды едва не задохнулся отъ затлѣвшейся одежды, но покидать не хотѣлъ излюбленное мѣстечко. Такихъ прохладныхъ промежутковъ за зиму у насъ бывало три-четыре. Не могу удержаться, чтобы не помянуть добрымъ словомъ этого старика. Онъ былъ безродный и бездомовный, чрезвычайно добродушный и незлобивый, былъ порядочно начитанъ и иногда велъ въ караулѣ духовно-правственныя бесѣды съ заходившими отъ службъ крестьянами. Я велъ довольно уединенную жизнь, да по близости и не было никого, съ кѣмъ, какъ говорится, можно бы отвести было душу, а потому я былъ весьма радъ обществу этого человѣка, много видавшаго и испытавшаго на своемъ вѣку.

Вотъ привезли наконецъ соломы. Натопилъ Павлычъ печь жарко.

Хорошо! Но подходить вечеръ и начинаешь чувствовать шумъ въ головѣ,—это угарь. Въ такихъ случаяхъ я старался уходить и возвращался поздно, но все таки угоралъ. Кажется, всѣ сѣны были пропитаны этимъ ядомъ! Однажды долго не спалъ я, чувствуя, что угорѣлъ, но вставать не хотѣлось, да и тяжело было поднимать большую голову. Вдругъ отворяется дверь моей комнаты, кто то подходит и начинаетъ меня толкать. «Вы спите?» слышу я голосъ Павлыча. — «Нѣтъ, а что?» — «Угарно, вы бы вышли наружу пока!» Насилу подвинулся я и, кое какъ одѣвшись, вышелъ въ сѣни; меня тотчасъ же стало тошнить. «Вѣдь у насъ какой случай былъ при П. Ст.! (при предшеств. моемъ учителѣ) заговорилъ Павлычъ. Лежу это я и чувствую, что угорѣлъ, сильно угорѣлъ! Дай, думаю, провѣдаю пойду П. Ст., какъ онъ тамъ! Прихожу, дверь на крючкѣ; я окликнулъ, не отзывается; я стучать сталъ, не отпираетъ. Ужъ не умеръ ли, думаю, позвалъ товарища, выломали мы рѣшетку вверху, подсадилъ онъ меня, я и пролѣзъ въ комнату то; отворилъ, подхожу къ кровати, а онъ чуть дышетъ! Взяли мы его, да прямо на морозъ, ну отошелъ! Послѣ дня два какъ шальной ходилъ и не училъ! Потому я къ вамъ и зашелъ то теперь: Богъ знаетъ, что можетъ случиться!» Отъ угаровъ этихъ, да отъ холода я заболѣлъ и послѣ Святокъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ этой школы, слишкомъ ужъ тяжело отзывалась ей обстановка, но семейныя обстоятельства не позволили этого сдѣлать, и я по необходимости возвратился опять въ свою душную караулку. Какой успѣхъ можетъ быть при подобной обстановкѣ? А вѣдь такія школы были вовсе не рѣдкостью въ то время, да и теперь еще онѣ не вывелись! Въ нашемъ же уѣздѣ я зналъ учителя, который послѣ занятій проводилъ почти все время на печи. Или вотъ какая школа рисуется инспекторомъ въ отчетѣ за 1888 годъ: «Въ школьной комнатѣ учительница занимается съ учениками; рядомъ съ партами работаетъ на ткацкомъ станкѣ баба; съ печи, свѣсившись, смотритъ сторожъ; передъ дверью входною стоятъ лукошки съ насѣдками и привязанный теленокъ»... Патріархальная, но едва ли желательная простота!

Рядомъ со школьной комнатой помѣщалась, какъ я сказалъ, и комната сторожей, гдѣ совершались не рѣдко церковныя требы и «поминки»; такое сосѣдство представляло то неудобство, что во время занятій было слышно пѣніе духовныхъ и разговоры трапезующихъ. Бывали при этомъ и такого рода случаи: я занимаюсь и употребляю всѣ усилія на то, чтобы отвлечь вниманіе учениковъ отъ разговоровъ по сосѣдству; вдругъ отворяется дверь и входитъ баба съ масляными блинами. «На-ка раздай ребятишкамъ помянуть!» говоритъ она, обращаясь ко мнѣ. Ребята привстали съ мѣстъ, лѣзутъ впередъ, начался общій переполохъ. Пока я доказывалъ бабѣ неудобство ея посѣщенія, она успѣла роздать блины по рукамъ, а потомъ съ самою любезною улыбкою обратилась и ко мнѣ: «а ты съ нами не выпьешь? Вино

хорошее!» Чтобы избавиться отъ подобныхъ вторженій я сталъ заператься на крючекъ, но и тутъ не оставляли въ покоѣ: слышится стукъ въ дверь; я не обращаю вниманія и продолжаю заниматься; стукъ повторяется громче и поневолѣ приходится прервать занятія. «Кто тамъ?» спросишь нарочно строго.—«Я!» отвѣчаетъ мужской голосъ.—«Что тебѣ нужно?»—«Пусти покурить, а то здѣсь батюшка не вѣдить!».. Еще болѣе неудобствъ было великимъ постомъ, когда говѣльщики набирались въ караулку толпами и разговаривали и даже шумѣли, не стѣняясь.

Кромѣ неудобствъ и непріятностей чисто школьныхъ были непріятности и другого рода. Въ самомъ В—вѣ находился хуторъ кушца Р., которымъ завѣдывалъ приказчикъ. Такъ какъ Р. былъ довольно богатый землевладѣлецъ, то, какъ и повсюду, имѣлъ большое вліяніе на крестьянъ и сельское начальство; приказчикъ тоже конечно пользовался этимъ преимуществомъ и даже въ большей степени, чѣмъ самъ хозяинъ и потому чувствовалъ себя полнымъ властелиномъ малоземельныхъ В—цевъ. При поступленіи учителемъ я не сдѣлалъ ему визита, а познакомился съ нимъ случайно, да и потомъ не водилъ компаніи; это ему не понравилось; онъ хотя былъ и полуграмотный мѣщанинъ, но придерживался этикета и любилъ «уваженіе». Отсюда и начались непріятности. Сторожа бранилъ онъ за то, что много жжетъ соломы, на селѣ говорилъ, что я плохо учу, а старшину настроилъ «пробрать» меня хорошенько, чтобъ не зазнавался, что тотъ вскорѣ и исполнилъ съ полною добросовѣстностью подчиненнаго.

Прихожу однажды въ волостное правленіе получить жалованье; старшина съ двумя судьями сидѣлъ въ это время за столомъ и о чемъ то весело разговаривалъ; при моемъ входѣ онъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ и едва отвѣтилъ на поклонъ. Я обратился съ просьбой выдать мнѣ жалованье.—«Жалованье то жалованье, а вотъ слухи про васъ нехорошіе ходятъ»:—важно началъ онъ.—«Какіе слухи?»—удивленно и даже нѣсколько испуганно спросилъ я.—«А такіе слухи, что совсѣмъ ребятъ не учите! Я вотъ былъ въ земской управѣ, такъ мнѣ начальникъ и говорилъ:—«передай говорить, своему учителю, чтобъ хорошенько училъ, а то, говорить, смѣщ!»—«Вотъ оно какъ!» Вамъ жалованье плати, а вы и знать насъ не хотите!»—«При этомъ старшина съ важностью посмотрѣлъ на судей; тѣ, въ знакъ согласія, вѣроятно, нашли нужнымъ кашлянуть и взятыя за бороды. Не смотря на подозрительныя, грубо наивныя заявленія старшины, слова его всетаки смутили меня. «Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ неопытному, инспекторъ передалъ случайно свое неудовольствіе на меня ему!» Передъ этимъ онъ дѣйствительно былъ въ моей школѣ, но ни въ ревизіонной книжкѣ, ни на словахъ не выражалъ, что результаты обученія у меня плохи. Жалованье старшина мнѣ всетаки тотчасъ же выдалъ, хотя и за вычетомъ 15 коп., которыя онъ будто бы отдалъ за услуги сторожу при земской управѣ. За жалованьемъ приходилось ходить не рѣдко

по нѣскольку разъ: то мелкихъ не было, то старшину не заста-
нешь въ правленіи. Опредѣленнаго времени для этого не было.
Для меня это, положимъ, не составляло большихъ неудобствъ, но
для учителя сосѣда, жившаго въ семи верстахъ, было не выгодно,
такъ какъ за каждую поѣздку приходилось платить 40—50 коп.

Къ концу перваго года моего жительство устроилъ я хоръ,
выучилъ обѣдню и сталъ пѣть въ церкви. Сначала дѣло шло хо-
рошо: прихожане были довольны пѣніемъ, а помощникъ церков-
наго старосты всегда давалъ за каждую обѣдню по нѣскольку
коп., но вскорѣ дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ: староста
почему то пересталъ давать обычную плату, а нѣкоторые маль-
чики не стали становиться на клирсь подъ предлогомъ «болѣнъ
былъ», «невогда было», «бать не пустилъ». Не такъ это, думаю
себѣ, кто то тормозитъ дѣло! И дѣйствительно тормозомъ этимъ
оказался приказчикъ. Онъ напр. не велѣлъ помощнику старосты
давать денегъ, а самъ въ то же время одѣлялъ нѣкоторыхъ пѣв-
чихъ съ тѣмъ, чтобъ не стаповились на клирсь. А старшина
однажды въ церкви мальчикамъ такъ выразился: «Всѣхъ васъ
съ учителемъ то пропороть надо хорошенько, чтобъ не пицали
безъ толку!» Въ концѣ концовъ хоръ мой разстроился, и я при-
нужденъ былъ его бросить.

Хоръ хотя и стоилъ трудовъ, былъ все таки для меня един-
ственнымъ развлеченіемъ, но теперь я лишился и его. Что оста-
валось дѣлать въ моей глуши? Чѣмъ наполнить свободное время?
Самое лучшее въ этомъ случаѣ было бы обратиться къ книгѣ,
но гдѣ ее взять? Библиотекъ учительскихъ тогда не существовало,
а выписывать книги изъ города и неудобно, да и не по средствамъ
учителя, получающаго 16 руб. 65 коп. жалованья и имѣющаго
семью. Не было даже такихъ книгъ, которыя необходимы учи-
телю, какъ пособія при обученіи, а такихъ книгъ существовало
не мало и всѣ они написаны были исключительно для народнаго
учителя; о многихъ изъ нихъ сельскіе учителя и понятія не имѣли.
Такимъ образомъ учителю приходилось, за неимѣніемъ болѣе по-
лезныхъ развлеченій, свободное отъ занятій время проводить или
за игрою въ «дурачки», въ жмурки, а то и за выпивкой. А съ
какимъ усердіемъ, съ какимъ искреннимъ желаніемъ принести
посильную пользу принимались многіе изъ насъ за дѣло сначала!
Къ сожалѣнію, всѣ эти добрыя начинанія очень часто разбива-
лись отъ той обстановки, среди которой приходилось жить. Даже
самые трудолюбивые и горячо преданные школѣ учителя и тѣ,
потерявъ въ душной школьной атмосферѣ здоровье, перенеся
многія нравственныя непріятности и не предвидя ничего впереди
за свой тяжелый трудъ, въ концѣ концовъ покидали школу и
искали болѣе благодарныхъ занятій...

Въ совершенно другой обстановкѣ былъ одинъ изъ моихъ
однокурсниковъ. Вотъ какъ писалъ онъ въ письмѣ ко мнѣ въ
концѣ втораго года своего учительства: «Любезный друже
П. А.! Поселился я въ Ч—нѣ, Козловскаго уѣзда. Живу хорошо.

Школа моя благоустроенная, новая, рядомъ въ двѣ комнаты квартира, небольшой садикъ съ рѣдкими, недавно посаженными кустами и даже цвѣтами! Осенью думаю посадить нѣсколько яблонь. Благодаря г. ***ну, (больше впрочемъ его управляющему), который выстроилъ и содержитъ школу, учебныхъ пособій и дѣтскихъ книгъ порядочно; есть глобусъ, географическія карты, картины по ботаникѣ и зоологіи и нѣсколько педагогическихъ книгъ для учителя. Откровенно говорю тебѣ: съ великою охотою и удовольствіемъ занимаюсь! Одному съ тремя отдѣленіями нашелъ неудобнымъ заниматься, а потому раздѣлилъ школу перегородкой и пристроилъ, окончившаго курсъ мальчика, къ себѣ въ помощники; за эту услугу я готовлю его въ институтъ. Послѣ Рождества сталъ знакомить старшее отдѣленіе съ исторіей и географіей... Посмотрѣлъ бы ты на меня, какъ я ораторствую и съ какимъ удовольствіемъ и вниманіемъ меня слушаютъ! Не думай, что я просто стараюсь болтать, нѣтъ! Къ каждому уроку я готовлюсь, стараюсь говорить понятно. Былъ инспекторъ и совѣтовалъ не особенно увлекаться. Этотъ совѣтъ меня даже обидѣлъ! Въ ревизіи онъ отмѣтилъ «весьма удовлетворительно». Праздничное время провожу большею частью у управляющаго и еще у одного маленькаго землевладѣльца, бывшаго семинариста; отъ нихъ же пользуюсь книгами и газетами. Недавно ѣздилъ къ сосѣднему учителю на именины, у себя собиралъ гостей. Вообще же я чувствую себя какъ нельзя лучше»...

Спусти пять лѣтъ этотъ же товарищъ писалъ совершенно въ другомъ тонѣ. Онъ говорилъ, что школа его передана помѣщикомъ въ другое вѣдомство, карты и картины по естественной исторіи сняты, уроки по географіи и исторіи прекратились, да и положеніе его самого рѣзко измѣнилось; явилось новое начальство мелочной контроль котораго часто стѣснялъ его въ преподаваніи и тяжелъ былъ для его самолюбія. «Собираюсь уходить! писалъ онъ въ 1887 году. При такихъ условіяхъ жить мнѣ совсѣмъ не по нутру... До этого трудъ учительскій скрашивался нѣкоторою самостоятельностью, а теперь и того не стало! Думаю поступить въ Бѣлгородскій институтъ»... Въ институтъ онъ не поступилъ, т. е. не былъ допущенъ потому, что въ свидѣтельствѣ о поведеніи была отмѣтка «весьма хорошаго», а требовалось «отличнаго». Приютилъ его у себя сахарный заводъ въ конторѣ.

Съ крестьянами за все время моего учительства въ В—вѣ я жилъ мирно и никакихъ ссоръ и недоразумѣній у насъ не было, исключая впрочемъ одного печальнаго случая съ дворовой женщиной, о которомъ не хочу умолчать. Оставилъ я однажды безъ обѣда мальчика за то, что тотъ не выучилъ урока; нужно сказать что подобныя наказанія—явленія обычныя въ сельскихъ школахъ и того и теперешняго времени; мальчикъ, какъ оказалось потомъ не пожелалъ отбывать своего наказанія и убѣжалъ домой; что онъ говорилъ дома, я не знаю, но только вскорѣ приходитъ мать, обыкновенная дворовая женщина, жена камень-

щика и начинает читать мнѣ нотацію въ довольно рѣзкой формѣ. «А еще говорить, учитель, а дѣтей голодомъ морить хотите! Вы должны обходиться съ ними съ любовью, да съ лаской! А ежели онъ у меня захвораетъ, кто отвѣчать будетъ?» Защита съ моей стороны была слабая, да и случай то былъ такой рѣдкой!.. По праздникамъ ученики часто приносили мнѣ, добровольно, конечно, ржаныхъ пироговъ и моченыхъ ябловъ, но обычайъ этотъ, во избѣжаніе дурныхъ толковъ, я скоро вывелъ.

Въ 1881 году весной старшина по наущенію все того же прикащика собралъ «стариковъ» и уговаривалъ ихъ подать прошеніе инспектору объ увольненіи меня изъ В—ва, но изъ этого, кромѣ несприятностей для него самого, ничего не вышло. Въ это же время разъяснился и тотъ случай, когда онъ отъ лица начальника читалъ мнѣ нотацію; оказалось, что то было его личной выдумкой; «постращать хотѣлъ». Вскорѣ я самъ добровольно перешелъ въ другую, лучшую школу. И какъ радостно вздохнулъ я тогда! Здѣсь былъ другой учитель; работать было легко; одиночества не было. Много перебывало послѣ меня учителей въ В—вѣ и всѣ они спѣшили убѣжать оттуда...

Вторая половина 80-хъ годовъ неблагоприятна была для насъ учителей. Ходили слухи, что всѣ школы перейдутъ въ вѣдѣніе духовенства и многимъ учителямъ придется остаться безъ мѣста. У всѣхъ настроеніе было какое то тоскливое. Много учителей въ это время ушло въ діаконъ, въ псаломщики и на частную службу.

II. Шестернинъ.

Письмо въ редакцію.

Неудача съ преміей имени Петра Великаго.

Въ 1896 году ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія былъ объявленъ конкурсъ на премію Императора Петра Великаго за книгу «Исторія Россіи для народа». Въ 1897 году тѣмъ же комитетомъ было объявлено, что на соисканіе этой почетной и крупной преміи не было представлено *ни одного* сочиненія *); такимъ образомъ благое намѣреніе министерства постигла полная неудача; ни размѣръ денежной преміи, ни почетъ, ни обезпеченный успѣхъ книги въ смыслѣ распространенія, ничто не соблазнило людей, пишущихъ для большой публики, взяться за благодарное дѣло. Въ настоящее время ежегодно выходятъ въ свѣтъ десятки историческихъ брошюръ и книгъ для народа; нѣкоторые изъ нихъ пишущся съ большимъ знаніемъ дѣла, отнимая у авторовъ много

*) См. журналъ мин. нар. проsv. за 1896—97 гг.

труда и времени; есть авторы, которые пишутъ книжки исключительно для народа. Но ни одинъ изъ нихъ, несмотря на настоятельную потребность, не взялся за трудъ, предлагаемый министерствомъ, хотя этотъ трудъ облегчался подробными указаніями ученаго комитета. Отчего же произошла такая печальная неудача? Быть можетъ, на безуспѣшность конкурса повліяло слишкомъ позднее объявленіе о немъ, и притомъ официально было объявлено о конкурсѣ лишь въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія и циркулярахъ учебнаго округа, *перепечатки* же въ педагогическихъ журналахъ появились еще позже **); а въ общей прессѣ о конкурсѣ вовсе почти не было извѣстій. Но главная причина безуспѣшности заключается, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявилъ ученый комитетъ къ конкурснымъ сочиненіямъ. Ни общій характеръ этихъ требованій, ни отдѣльныя указанія въ нихъ не даютъ автору возможности стоять на высотѣ современной исторической науки при написаніи книги; правда, одно изъ предъявленныхъ требованій и гласитъ, что предполагаемое сочиненіе «должно оставаться вездѣ строго вѣрнымъ исторической истинѣ, слѣдовать исключительно тѣмъ воззрѣніямъ и толкованіямъ, которыя прочно установились въ наукѣ»; но рядомъ съ такимъ необходимымъ требованіемъ мы видимъ требованія, которыя неизбежно ставятъ автора въ безвыходное положеніе. Веѣ условія, какимы должно отвѣчать сочиненіе, формулированы въ 12 пунктахъ; кромѣ того, къ этимъ пунктамъ приложена подробная примѣрная программа, изъ которой можно видѣть, въ какомъ родѣ въ каждомъ отдѣльномъ разсказѣ могутъ группироваться историческія событія и на какія стороны русской исторіи подлежитъ обратить преимущественное вниманіе» (п. 7). Мы не будемъ здѣсь говорить о тѣхъ пунктахъ, которые устанавливаютъ порядокъ подачи сочиненія или содержатъ въ себѣ обычныя въ подобныхъ случаяхъ предостереженія, что сочиненіе должно быть свободно отъ поддѣлки подъ престолярскую рѣчь, чуждо риторическихъ украшеній и резонерства и т. п. (п. 9, 10, 11 и 12); пунктъ 1 предъявляетъ требованіе, чтобы «Исторія Россіи для народа» состояла изъ отдѣльныхъ разсказовъ, соответственно главнѣйшимъ моментамъ въ жизни русскаго народа; пунктъ 6 говоритъ, что въ расположеніи матеріала каждаго отдѣльнаго разсказа необходимо придерживаться правила: начинать съ извѣстнаго и около этого извѣстнаго пункта постепенно расширять область знаній и кругозоръ понятій; въ пунктѣ 8 говорится о необходимости приложить къ сочиненію краткій хронографъ. Мы обратимъ вниманіе лишь на пункты 2—5, которые на нашъ взглядъ совершенно не мирятся съ вышеприведеннымъ заявленіемъ, что желательно сочиненіе «строго вѣрное исторической истинѣ». Вѣрность исторической истинѣ мыслима лишь при всесторонней

*) Напр. въ «Русской Школѣ» перепечатано объявленіе о конкурсѣ въ 9—10 книгѣ за 1896 г., такъ что до провинціи эта перепечатка дошла почти одновременно со срокомъ подачи сочиненія (1 ноября 1896 г.)!

разработкѣ всего хода русской исторіи; между тѣмъ во 2 пунктѣ мы встрѣчаемъ существенное ограниченіе содержанія конкурсной работы: оговаривается, въ «Исторіи Россіи» должны «рѣшительнымъ образомъ преобладать событія и дѣянія, въ коихъ обнаружился характеръ какъ всего русскаго народа, такъ и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, *надѣ очерками нравовъ и образа жизни, гражданскаго и экономическаго положенія Россіи въ различныя эпохи ея исторіи*»; о томъ же второстепенномъ значеніи внутренней исторіи нашей родины говорится и во второй половинѣ 1 пункта: «Исторія Россія» должна обнимать собой «*всѣ важнѣйшіе, доступные народному пониманію, вопросы русской, преимущественно внѣшней политической или государственной жизни, со вѣсти вліяніями на нее церковными*». Безъ сомнѣнія, при такомъ ограниченіи не можетъ быть рѣчи о всесторонности книги и тѣмъ болѣе о возможности для нея отвѣчать требованіямъ современной науки; время разработки преимущественно дипломатическихъ и внѣшне-государственныхъ событій прошло; послѣднія десятилѣтія выдвинули на первый планъ культурную и экономическую сторону жизни народной; современная наука утверждаетъ, что нельзя уловить, понять и изображать «характеръ какъ всего русскаго народа, такъ и отдѣльныхъ историческихъ лицъ» внѣ подробнаго разсмотрѣнія и изученія нравовъ и образа жизни, гражданскаго и экономическаго быта народа. Въ пунктѣ же пятомъ мы читаемъ даже предостереженіе по отношенію къ воззрѣніямъ послѣднихъ десятилѣтій въ области исторической науки: изъ предлагаемаго сочиненія, по этому пункту, должны быть «тщательно устраняемы всѣ поспѣшныя, спорныя и еще болѣе тенденціозныя выводы, внесенныя въ историческую литературу въ *позднѣйшее время*»; точно такое же предостереженіе давалось комитетомъ въ руководство авторамъ двадцать два года тому назадъ, когда былъ объявленъ подобный же конкурсъ на составленіе «Исторіи Россіи для народа» (1874—75 гг.) *) и когда объявленіе сопровождалось такими же требованіями. Изъ этого обстоятельства можно видѣть, что подъ позднѣйшимъ временемъ авторы предостереженія разумѣютъ не послѣдніе годъ-два или послѣдніе дни, да такое предостереженіе совсѣмъ не имѣло бы смысла; очевидно подъ позднѣйшимъ временемъ имѣется въ виду рядъ послѣднихъ десятилѣтій. Возникаетъ естественный вопросъ, о какихъ «*поспѣшныхъ, спорныхъ и тенденціозныхъ выводахъ*» за послѣднія десятилѣтія идетъ рѣчь? съ какого года начинается это легкомысленное «*позднѣйшее время*»? Или нужно вовсе не обращать вниманіе на то, что разработано наукой въ послѣднія 30 лѣтъ? Какъ писать рассказы о двухъ прошлыхъ царствованіяхъ при такомъ условіи? Въ объявленіи комитета

*) См. Программы для народныхъ училищъ Спб. Уч. Окр.» изд. 3, прил. 3, стр. 23. Спб. 1896 г. Мы не знаемъ, увѣнчались ли тогда успѣхомъ предпріятія Ученаго Комитета, изъ новаго объявленія о конкурсѣ можно предполагать, что неудача была и въ 1875 г., какъ и въ 1897 г.

за 1874 г. это требованіе отъ книги «Исторіи Россіи для народа» развито еще дальше, такъ какъ говорится: «во всѣхъ спорныхъ вопросахъ необходимо слѣдовать лѣтописному, а также и народному преданію» *); тамъ же говорится, что заимствованія изъ поэтической и духовной литературы и народныхъ преданій могутъ быть допускаемы даже тамъ, гдѣ подлинность самаго факта не представляется безспорною». Подобныя оговорки едва ли возможно совмѣстить съ вышеупомянутымъ желаніемъ о соотвѣтствіи книги исторической истинѣ.

Въ подобномъ же противорѣчій съ этимъ желаніемъ находится и пунктъ 4-й, въ началѣ котораго говорится: «предполагаемое сочиненіе отнюдь не должно возбуждать въ читателяхъ сословной розни, вообще чуждой русскому народу»; если въ этомъ пунктѣ имѣлось въ виду предостеречь составителей отъ тенденціознаго освѣщенія исторіи нашихъ сословій, то совершенно излишне почему-то предполагать тенденціозныя намѣренія именно въ этомъ вопросѣ; какая бы то ни было тенденціозность неумѣстна въ «Исторіи Россіи», слѣдующей «исторической истинѣ». Нужно думать, что требованіе 5 пункта, поставленное рядомъ съ положеніемъ, будто сословная рознь вообще чужда русскому народу, дѣлаетъ новое ограниченіе содержанія конкурснаго сочиненія: пунктъ 5-й исключаетъ изъ него крупную и важную главу объ исторіи нашихъ сословій; и дѣйствительно, если мы посмотримъ въ «примѣрную программу» заданной работы, то не увидимъ тамъ ни исторіи дворянства, ни исторіи крестьянства въ различныя эпохи взаимныхъ отношеній этихъ сословій; нѣтъ въ программѣ также и исторіи городовъ; ни звука въ ней нѣтъ также о современной организаціи сословій (хотя «исторія должна быть доведена до кончины Александра III); ни слова нѣтъ о великихъ реформахъ Александра II (кромѣ крестьянской), хотя приведены политическія соображенія, почему земская реформа не распространена на западныя губерніи. Кромѣ простого упоминанія о земскихъ учрежденіяхъ въ рассказѣ объ освобожденіи крестьянъ мы еще встрѣчаемъ упоминаніе о земствѣ въ программѣ 4-го разсказа: все при немъ (Иванѣ IV) совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось (?) и въ послѣдующія времена; что не удалось — довершено Петромъ I и Екатериною II, и и многое имъ заведенное возобновляется только нынѣ, конечно, въ лучшемъ видѣ (земство); если мы въ послѣднее утвержденіе о прямой преемственности реформъ Ивана IV, Петра I и Екатерины II и о «возобновленіи» земства попробуемъ вложить конкретное историческое содержаніе, то намъ, конечно, это не удастся; если же такое обобщеніе оставимъ безъ доказательства, то кромѣ ненаучнаго голословнаго положенія ничего не получится. Такая голословность во многихъ случаяхъ неизбѣжна при почти полномъ отсутствіи вопросовъ внутренней исторіи Россіи въ программѣ; при ограниченіи и отсутствіи вопросовъ внутренней исторіи неизбѣженъ и непонятный языкъ поученій

*) Ibid.

и восклицаний, который мы видимъ въ длинномъ окончаніи программы 11-го разсказа. Почти совершенно отсутствуютъ въ программѣ и вопросы государственнаго быта въ различные періоды нашей исторіи, хотя 5-е требованіе обуславливаетъ, чтобы предполагаемая «Исторія» была проникнута «духомъ патриотизма, то-есть уваженіемъ къ основамъ религіознымъ, нравственнымъ и *государственнымъ*, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась историческая жизнь русскаго народа»; можно опасаться, что безъ знакомства съ историческими фактами получится нежелательное «уваженіе», а тотъ сортъ патриотизма, насаждать который вовсе не намѣренъ ученый комитетъ; любопытно, что такая же роль отведена исторіи и въ начальныхъ нар. училищахъ по недавно вышедшимъ программамъ*): «*Кромѣ статей религіозно-нравственнаго содержанія и относящихся къ изящной словесности, должны быть читаемы статьи по исторіи и географіи Россіи, какъ содѣйствующія развитію въ дѣтяхъ патриотизма*» **). Трудность и опасность подобной миссіи для народной школы, повидимому, сознаетъ Высочайше утвержденное «Положеніе о нач. нар. училищахъ» 25 мая 1874 г.; оно ни слова не говоритъ о спеціальной задачѣ развитія и распространенія патриотизма; 1 статья означеннаго положенія говоритъ только, что «начальныя народныя училища имѣютъ цѣлю утверждать въ народѣ *религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія*». Такимъ образомъ, особая роль развитія патриотизма за школой представляется намъ элементомъ, привнесенымъ «позднѣйшимъ временемъ».

Таковы характеръ и отдѣльные недосмотры въ требованіяхъ, предъявленныхъ ученымъ комитетомъ къ «Исторіи Россіи для народа»; ими въ значительной степени обезцѣнивается своевременное поощреніе авторовъ для народа со стороны такого авторитетнаго учрежденія; ими же въ значительной степени объясняется фактъ, что авторы совершенно не отозвались на призывъ. Въ самомъ дѣлѣ, если написать «Исторію» согласно предъявленнымъ требованіямъ и приложенной примѣрной программѣ, то какими существенными чертами написанная «Исторія» будетъ отличаться отъ общихъ обзоровъ судебъ нашего отечества, составленныхъ напр. Д. И. Тихомировымъ, Б. Павловичемъ, В. Сиповскимъ и др. и не будетъ-ли она имѣть обычные недостатки, свойственные «сочиненіямъ» различныхъ Пуцыковичей, Е. Тихомировыхъ и т. п.?

Е. Звягинцевъ.

*) «Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ нач. нар. училищахъ вѣдомства Мин. Нар. Пр.» Спб. 1897 стр. 23.

**) Такая роль статьямъ историч. содержанія не указывается въ «Программахъ для народныхъ училищъ Спб. округа».

На Западѣ.

Газетная индустрія въ Германіи.

Что газета—товаръ, что издательство есть предпринимательство, товаропроизводство — это теперь уже не отрицается; но признають это еще не рѣдко съ оговоркой «къ сожалѣнію» или что-либо въ родѣ того: признавая фактъ, считаютъ его «печальнымъ» фактомъ, потому что газета и пресса вообще развивается и формируется не вполне согласно съ составленными понятіями о «высокомъ призваніи», о «долгѣ», о «правахъ и обязанностяхъ» печатнаго слова и т. д. Наряду съ этимъ признають, что производство другихъ товаровъ тоже «печальный» фактъ. Но тогда какъ въ отношеніи товарнаго производства надежды на устраненіе печальныхъ сторонъ его всегда отодвигаются въ неопредѣленно далекое будущее, относительно печатнаго слова еще живутъ надежды отклонить газетное производство съ принятаго имъ товарнаго пути и поставить на «должную высоту», соотвѣтственно «назначенію» быть факторомъ просвѣщенія, знанія, культуры въ человѣчествѣ, «свѣточемъ» и т. д. Надежды эти опираются на предположеніе, что если газета теперь и стала товаромъ, то она могла-бы имъ и не быть, что она относится къ совершенно иной области человѣческаго труда и потребленія и на столько иной, что товарная форма, какую приняли при денежно-товарномъ хозяйствѣ всѣ прочіе продукты производства, для продуктовъ такъ сказать литературнаго производства необязательны, что послѣднее стоитъ внѣ общихъ производственныхъ условій, что по крайней мѣрѣ оно можетъ и «должно» остаться предоставленнымъ непосредственно управленію идеальныхъ (не производственныхъ) факторовъ, личностей, самому себѣ, какъ формѣ, въ которой эти факторы проявляются.

Но, останавливаясь лишь на фактической сторонѣ, мы должны признать, что литературное производство есть товарное производство, что газета есть товаръ. Нужно отнести къ пробѣламъ современной экономической науки, что она совсѣмъ или почти совсѣмъ не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ и изученіемъ такой, хотя и своеобразной, но цѣлой области общественнаго про-

изводства, при томъ такой области, которая по своей роли въ общественной и хозяйственной жизни, по своему отношенію ко всѣмъ ея областямъ заслуживаетъ серьезнаго научнаго изученія не менѣе, чѣмъ всякая другая, напр. производство предметовъ роскоши, производство металловъ, производство орудій, производство одежды, средствъ питанія и т. д. Было-бы въ высшей степени интересно современное литературное производство, какъ товарное производство подвергнуть анализу, свести его къ составнымъ элементамъ и факторамъ всякаго товарнаго производства—извѣстной общественной потребности, формѣ и организаціи труда и продукту его для удовлетворенія этой потребности. Было-бы не менѣе интересно прослѣдить, какія формы пережило, изъ какихъ формъ развилось литературное производство въ своемъ настоящемъ видѣ, подобно тому, какъ исторія общественнаго хозяйства въ прочихъ областяхъ устанавливаетъ постепенное развитіе товарной формы производства изъ другихъ формъ, прослѣживая его до рабскаго и семейно-общиннаго производства.

Современная газета (*Zeitung*) есть печатное произведеніе, являющееся продуктомъ общаго, раздѣленнаго и специализированнаго между пѣлымъ рядомъ лицъ (редакторъ, корреспондентъ, репортеръ, лица, ведущія разные специальные отдѣлы газеты, наборщики, корректоръ, разсыльные и т. д.) труда, выполняемаго за опредѣленную плату; произведеніе, назначенное на неопредѣленный кругъ читателей (потребителей), извѣстный въ редакціи только какъ то или другое количество подписчиковъ, то или другое количество собранной съ нихъ подписной платы. По своему содержанію, по своему значенію, привлекающему газетѣ кругъ читателей, платящихъ потребителей, она является средствомъ для сообщенія публикѣ новостей и извѣстій изъ всѣхъ областей человѣческой жизни, интересъ къ которымъ есть въ публикѣ, какъ то: наука, искусство, политика и общественная жизнь, развлечения и увеселенія всѣхъ сортовъ, промышленность, торговля, трудъ. Будучи, съ одной стороны, органомъ умственнаго и духовнаго общенія для публики, для городовъ, деревень, органомъ для обмѣна извѣстій и мнѣній, газета, съ другой стороны, служитъ органомъ для общенія промышленнаго, хозяйственнаго— для пріисканія занятій, для обмѣна свѣдѣній между производителемъ и потребителемъ, между работодателемъ и продающимъ рабочую силу, между покупателемъ и продавцемъ. О значеніи газеты въ современной общественной жизни нѣтъ надобности распространяться; можно оораничиться упоминаніемъ о мнѣніи Наполеона I, который выразился однажды, что четыре враждебныхъ газеты могутъ причинить больше вреда, чѣмъ 100 000 солдатъ.

Обращаясь къ прошлому, мы находимъ, что тамъ, естественно, организація собиранія и доставленія интересующимся извѣстій была иная, чѣмъ теперь. Въ средніе вѣка этимъ занималась особая категория лицъ (*Zeitunger, Novellister, gazetanti, scrittori d'avvisi*) преимущественно въ городахъ, служившихъ политическими и торговыми центрами, или

лежащихъ при пересѣченіи путей, по которымъ велись сношенія между разными странами. Такъ Венеція была сборнымъ пунктомъ для извѣстій съ востока и юга; Лионъ, Генуя и Страсбургъ для извѣстій изъ Франціи и Испаніи; Антверпенъ и Кельнъ—изъ Англіи и Нидерландіи; Бременъ, Гамбургъ и Любекъ—съ сѣвера; Кенисбергъ и Рига съ сѣв.-востока. Для внутренней Германіи такими пунктами были: Регенсбургъ, Аугсбургъ Франкфуртъ, а главнымъ, образомъ Нюренбергъ, благодаря своему центральному положенію и широкимъ торговымъ сношеніямъ. Названная категорія лицъ, профессиональные газетчики, поставщики новостей, договаривались съ разными лицами и учрежденіями, — князьями, государями или ихъ дворами, съ городами и ихъ управленіями, съ епископами, торговыми домами и т. д. — и за условленную плату доставляли своимъ кліентамъ письменныя извѣстія изъ городовъ и странъ своего вѣдѣнія, указываемыхъ въ договорѣ, въ условленные также сроки.*) Словомъ, «газетное производство» носило совершенно ремесленный характеръ. Определенный газетчикъ изготовлялъ каждый отдѣльный экземпляръ извѣстій для определеннаго лица по заказу, сообразно съ желаніями определеннаго заказчика.

Заглянемъ еще въ древній Римъ, производственная организація котораго покоилась на рабскомъ трудѣ. Оставляя въ сторонѣ введенную Цезаремъ публикацію протоколовъ сенатскихъ засѣданій и народныхъ собраній (*Acta senatus* и *Acta diurna populi Romani*) въ формѣ нашихъ плакатовъ—на доскахъ, выставлявшихся на улицѣ, —мы не найдемъ тамъ газетнаго дѣла въ нашемъ смыслѣ. Но политическое и общественное развитіе Рима создало уже довольно значительный кругъ лицъ, которымъ нужно было получать свѣдѣнія о происходящемъ тамъ и сямъ въ предѣлахъ необъятной тогда имперіи и за ея предѣлами, особенно важно было это для тѣхъ, которые жили не въ самомъ Римѣ, а гдѣ-нибудь въ провинціи, часто очень отдаленной. Римлянинъ, отправляясь въ провинцію, оставлялъ въ столицѣ одного или нѣсколько корреспондентовъ, чаще всего своего

*) Такъ напр. въ 1609 г. саксонскій курфюрстъ Христіанъ II заключилъ въ Ульмѣ договоръ съ Іоганномъ Рудольфомъ Эгингеромъ контрактъ о доставленіи послѣднимъ извѣстій о событіяхъ въ Швейцаріи, Франціи и Швабіи за гонораръ 100 флорин. въ годъ. Въ 1618 г. саксонскій дворъ заключилъ подобный же договоръ съ Гансомъ Цейдлеромъ въ Прагѣ, назначивъ 300 флор. годоваго содержанія и 3319 талеровъ на расходы по собранію извѣстій и ихъ доставкѣ. Епископъ Бамбергскій имѣлъ своего корреспондента, доктора Гугеля, въ Нюренбергѣ. Въ 1625 г. городъ Галле нанимаетъ для себя корреспондента въ Лейпцигѣ Іеронима Тевтюрна. Обязанности поставщика извѣстій нерѣдко брали на себя почмейстеры; такъ въ Франкфуртѣ на-М. въ 1615 г. почтмейстеръ Іоганнъ фонъ деръ-Биргденъ, имѣлъ порученія отъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ князей и отъ одного двора, получалъ отъ послѣдняго за еженедѣльную посылку извѣстій 60 флор. въ годъ. Dr. Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft).

раба или вольноотпущеннаго, который долженъ былъ сообщать ему не только то, что публиковалось въ *Acta senatus* и *Acta diurna populi Romani*, а и обо всѣхъ происшествіяхъ въ Римѣ, въ сенатѣ, при дворѣ, также въ другихъ провинціяхъ, обо всемъ, что могло интересовать римлянина. *) Наряду съ такими рабами-корреспондентами, служившими своему господину, были нѣкоторые, благодаря извѣстности своего искусства, получавшіе порученія корреспондировать отъ нѣсколькихъ лицъ, но такое явленіе было не на столько частое, при томъ кругъ лицъ, предъявлявшихъ спросъ на правильное снабженіе новостями и имѣвшихъ возможность имѣть его, кругъ интересующихъ вопросовъ и кругъ лицъ, способныхъ и занимавшихся корреспондированіемъ, былъ очень ограниченный.

Возвращаюсь къ современной газетѣ.

Съ технической стороны, какъ необходимое условіе своего возникновенія и развитія, она предполагаетъ книгопечатаніе и правильное почтовое сообщеніе, слѣдовательно начало современнаго газетнаго дѣла, какъ публикаціи извѣстій, не можетъ идти далѣе XVI—XV вв. А другое еще болѣе основное условіе, это — развитіе общественности вглубь и вширь настолько, чтобъ вопросами, событіями и явленіями политической, религіозной, научной, промышленной, торговой и другихъ сторонъ общественной жизни интересовались не государи и правители только, чтобы была *публика* для газеты. Рядъ географическихъ открытій и изобрѣтеній, оживленіе торговой и промышленной жизни, обостреніе внутреннихъ противорѣчій феодальнаго строя на почвѣ экономическихъ отношеній и церковно-религіозныхъ вопросовъ, реформація, крестьянскія возстанія, тридцатилѣтняя война и т. д. все это, съ одной стороны, вызывало захватывающій всѣ слои населенія интересъ ко всѣмъ вопросамъ тогдашней экономики, политики и церкви. Это было также временемъ изобрѣтенія книгопечатанія, временемъ начала болѣе или менѣе правильнаго почтоваго сообщенія, временемъ особенно оживленнаго обмѣна корреспонденціи (*Zeitung*), почти исключительно еще письменной, такъ какъ примѣненіе только что изобрѣтеннаго печатнаго станка стоило дороже, чѣмъ писаніе.

Первой газетой въ современномъ видѣ, т. е. печатной, частой и періодической публикаціей извѣстій была Страсбургская газета, появившаяся въ 1609 г. и выходившая еженедѣльно **). Въ 1615 г.

*) Напр. Антоній имѣлъ такого корреспондента, который долженъ былъ сообщать ему не только протокольные рѣшенія сената (*Acta senatus*), а и рѣчи и голосованіе отдѣльныхъ сенаторовъ. Цицеронъ, какъ проконсулъ, получалъ отъ извѣстнаго Креста извѣстія о гладиаторскихъ зрѣлищахъ, о судебныхъ засѣданіяхъ и о всякихъ городскихъ новостяхъ (*ibid.*)

***) Въ Австріи первая недѣльная газета явилась въ 1615 г., но составлялась лишь изъ перепечатокъ изъ германскихъ газетъ; первой оригиналь-

такая же недѣльная газета появилась въ Франкфуртѣ на Майнѣ и вслѣдъ за ней тамъ же другая «Frankfurter Oberpostamtszeitung». Въ 20-хъ 30-хъ годахъ столѣтія (XVII) въ разныхъ городахъ Германіи было уже десятка 2—3 газетъ. Съ 1 января 1660 г. стала выходить Лейпцигская газета «Leipziger Zeitung», существующая еще и теперь, сначала 6 разъ въ недѣлю, а потомъ, съ 29 апрѣля того же года 7 разъ въ недѣлю—первая ежедневная газета *).

Дальнѣйшее развитіе газетнаго дѣла шло параллельно съ развитіемъ указанныхъ выше техническихъ условій и условій общественныхъ при взаимномъ дѣйствіи съ обѣихъ сторонъ; вмѣстѣ съ тѣмъ росло и значеніе газеты, и вообще печати въ общественной жизни, во всѣхъ ея областяхъ — политики, экономики, религіи, науки, искусства и т. д. Пресса является силой въ рукахъ тѣхъ общественныхъ элементовъ и интересовъ, которые къ ней обращаются. Особенно нужно отмѣтить услуги, оказываемыя ею всякій разъ выступающимъ на арену исторіи новымъ общественнымъ движеніемъ въ ихъ борьбѣ съ наличными общественными отношеніями и ихъ представителями. По своей природѣ, пресса не заключаетъ въ себѣ ничего, чтобы ее дѣлало орудіемъ исключительно новыхъ, реформаторскихъ, оппозиционныхъ движеній и элементовъ; сама по себѣ она столь же можетъ быть орудіемъ противоположныхъ движеній и интересовъ. Но если, изъ фактовъ исторіи, изъ повторяющагося постоянно успѣха первыхъ движеній именно при помощи печатнаго слова, заключаютъ, что пресса уже сама по себѣ, по своей природѣ одностороння, что она есть сила, но сила оппозиціонная, «разрушительная», «зловредная» и т. д., то здѣсь за средствомъ, какимъ является печать, не замѣчаютъ дѣйствительной силы, которая этимъ средствомъ пользуется и которая побѣждаетъ потому и тогда лишь, когда она выступаетъ съ историческимъ такъ сказать правомъ на жизнь и побѣду; но и для претивной борющейся стороны она является также средствомъ борьбы, только по мѣрѣ того, какъ сторона эта утрачиваетъ свое историческое право, и пресса теряетъ для нея силу и значеніе. Отмѣченное выше обстоятельство уже издавна создало подозрительное, не рѣдко прямо враждебное, отношеніе къ прессѣ, къ газетѣ, со стороны какъ церковныхъ управленій, такъ и государства. Уже въ XVI в., еще во времена письменныхъ газетъ, издаются въ Римѣ двѣ папскія буллы (Пій V и

нальной газетой былъ «Wiener Blättl» въ 1671 г. Появленіе первой газеты въ современномъ смыслѣ въ Англіи относится къ 1622 г. Во Франціи—къ 1631 г. («La Gazette»).—Относительно газетъ, какъ и многихъ другихъ вещей, приходится отдать честь перваго, обыкновенно очень древняго изобрѣтенія, китайцамъ. И теперь еще существующая китайская правительственная газета «Син и Пао» была уже въ 1366 г. (Ibid. и «Haudwörterbuch der Staatswissenschaften 6. Band.»).

*) Въ Англіи первой ежедневной газетой была *Daily Courant* (1702 г.); во Франціи—«Journal de Paris» (1771 г.).—Ibid.

Григорій XIII) противъ тогдашнихъ римскихъ газетчиковъ (*novettanti*) или (*gazettanti*), составившихъ изъ себя особый цехъ и имѣвшихъ въ своемъ ремеслѣ большой успѣхъ, не понравившійся Куріи *). Печатныя произведенія съ начала своего появленія подвергаются церковной цензурѣ; печатное произведеніе могло выходить въ свѣтъ лишь послѣ изслѣдованія его и позволенія епископа (въ Вельнѣ 1475 г., въ Майнцѣ 1486 г.). Затѣмъ слѣдуетъ дѣльный рядъ церковныхъ постановленій, папскихъ буллъ, направленныхъ или вообще на контролированіе печатавшихся произведеній, или противъ отдѣльныхъ писателей и произведеній. Свѣтская власть имѣла не менѣе основаній выступить съ такого же рода мѣропріятіями и такъ же рано. Уже съ 1548 г. издается особый законъ о печати (*Reichs-Press-Ordnung*), и даже ранѣе, въ 1524 г., изъ Нюрнберга послѣдовало предписаніе всѣмъ начальникамъ, чтобы они предупреждали распространеніе нѣкоторыхъ сочиненій и картинъ **). Наряду съ цензурой примѣнялся къ прессѣ рядъ другихъ мѣръ, направленныхъ также къ предупрежденію ея вредныхъ вліяній въ церковномъ, политическомъ, нравственномъ отношеніи, какъ-то: обязательность предварительнаго разрѣшенія на издательство, залогов, штемпельная пошлина съ каждаго выходящаго печатнаго экземпляра (въ Австріи еще и теперь это сохраняется) штрафы, запрещенія, конфискаціи и т. д. — все это большею частью отошло для Германіи въ область прошлаго, а частью и въ Германіи и въ иныхъ мѣстахъ за предѣлами ея еще имѣетъ мѣсто и теперь. Разумѣется, все это не были благопріятныя для свободнаго развитія прессы и газетнаго дѣла условія; они въ нѣкоторой степени сдерживали его, ни въ какомъ случаѣ не будучи въ состояніи остановить, тѣмъ болѣе, что въ общемъ это и не имѣлось обыкновенно въ виду. Но о значеніи ихъ для газеты можно судить, напр., по нѣкоторымъ даннымъ изъ исторіи одной изъ солиднѣйшихъ въ Германіи газетъ «*Kölnische Zeitung*». 1848-й годъ уничтожилъ, хотя сначала лишь на время, всѣ бывшія тогда въ Германіи ограниченія прессы. Въ февралѣ мѣсяцѣ того года «*Kölnische Zeitung*» выходила въ 9.500 экземплярахъ; а къ концу апрѣля того-же года уже въ 17.400 экз. Въ слѣдующіе годы, въ годы реакціи, были снова возстановлены мѣры, стѣснительныя для прессы, и въ 1852 г. число подписчиковъ у «*Kölnische Zeitung*» падаетъ до 9.000 ***).

*) Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Pressgewerbe und Pressrecht, Bd. V.

**) Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft.

***) Аналогичные факты представляетъ исторія прессы и другихъ государствъ Европы. Въ Австріи, напр., въ 1847 г. всѣхъ періодическихъ изданій въ провинціяхъ, имѣвшихъ представительство въ Рейхсратѣ, было 79; а въ 48 году число ихъ поднялось сразу до 388 (изъ нихъ политическихъ 306). Въ слѣдующіе годы вплоть до 1852—53 гг., число ихъ падаетъ до 172 (а политическихъ до 53). При этомъ реакція особенно чув-

Законъ о прессѣ 1874 г. (Reichs-Press-Gesetz) создалъ для прессы въ Германіи прочную, законную почву для свободнаго ея развитія, отмѣнивъ всякія прѣмѣнявшіяся для ея стѣсненія мѣры, какъ-то разрѣшеніе на издательство, залого, право администраціи и суда закрыть то или другое изданіе; также всякія пошлыны на печатныя произведенія и объявленія въ нихъ. Дѣйствіе этого закона выразилось въ очень быстромъ ростѣ прессы: въ 1873 г., предъ введеніемъ закона, число всѣхъ газетъ, зарегистрированныхъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ было 3241, а въ теченіи слѣдующихъ за введеніемъ закона, 10-ти лѣтъ къ 1883 году число ихъ поднялось до 5922, а въ 1894—7630 періодич. изданій на нѣмецкомъ языкѣ и 2866— на другихъ языкахъ *).

Прежде чѣмъ перейти къ современной газетной индустріи въ Германіи, я коснусь развитія газеты со стороны ея содержанія и внутренней организаціи. Вначалѣ издатель газеты былъ тоже, что издатель какой-нибудь книги или иного отдѣльнаго, представляющаго изъ себя нѣчто цѣльное и законченное, произведенія, къ содержанію котораго онъ не имѣлъ никакого отношенія; доставляемыя ему извѣстія онъ печаталъ и выпускалъ на рынокъ. Но уже очень рано газета встала въ живую связь съ разными живыми интересами общественныхъ группъ и классовъ, стала проникаться разными политическими, религіозными или другими опредѣленными тенденціями; газета мало по малу становилась *органомъ* той или другой профессиональной, сословной, религіозной, политической группы, партіи. Издателю газеты уже нельзя было быть равнодушнымъ къ содержанію газеты, къ характеру и степени достовѣрности сообщаемыхъ въ ней извѣстій; потребовалось руководство газетой для того, чтобы ея содержаніе соответствовало тѣмъ интересамъ, органомъ которыхъ она служить. Это вызвало созданіе *редакцій* и выдвинуло ее на первый планъ, отстранивъ издателя. За то съ послѣдняго, при такихъ условіяхъ часть предпринимательскаго риска складывается и переходитъ на правительство, партію или иную организацію, интересамъ которыхъ служить газета. Распространенность и существованіе той или другой газеты стало въ зависимость отъ спроса на нее со стороны публики, отъ того, насколько проводимыя ею тенденціи, представляемые ею интересы встрѣчаютъ въ публикѣ, въ обществѣ, откликъ и сочувствіе. На ряду съ такимъ процессомъ превращенія газеты въ смыслъ тенденціозности, односторонности, она, съ другой стороны, въ другомъ отноше-

ствительно отразилась на политическихъ изданіяхъ: въ 1848 г. они составляли 79% общаго числа, а въ 1853 г. только 30%. Начиная съ этихъ годовъ, какъ абсолютное число вообще періодическихъ изданій, такъ и въ частности политическихъ и процентное отношеніе числа послѣднихъ къ числу первыхъ поднимается безъ рѣзкихъ скачковъ—до 866 первыхъ и 267 вторыхъ (38%) въ 1873 г.

Jbid. Bd. VI. Zeitungen, Zeitungswesen, Zeitungsanzeigen).

*) Jbid.

ни, все болѣе и болѣе расширяетъ свое содержаніе, захватывая всѣ области человѣческихъ интересовъ—политика, государственное и коммунальное управленіе, правосудіе, искусство во всѣхъ его видахъ, техника, экономическая и социальная жизнь во всемъ ея цѣломъ и частностяхъ; наконецъ изящная литература, наука—и здѣсь газета начинаетъ конкурировать съ книгой и не безъ успѣха.

Совершенно особой не редакціонной частью всякой современной газеты являюся *объявленія, анонсы* всевозможнаго характера. Къ такимъ объявленіямъ прибѣгаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ правительственные учреждения; ихъ распоряженія и законы должны быть предварительно опубликованы, прежде чѣмъ получить силу обязательности. Рядомъ съ этимъ нередакціонная часть газеты служитъ интересамъ и надобностямъ частныхъ лицъ и группъ всѣхъ сортовъ и во всевозможныхъ случаяхъ: семейныя извѣстія, объявленія для присканія мужа или жены, преискуранты и реестры разныхъ торговыхъ домовъ и увеселительныхъ и иныхъ заведеній, торговыя и политическія рекламы, политическія, избирательныя и т. д. воззванія и т. п. Эта нередакціонная часть для газеты со стороны дохода обыкновенно гораздо болѣе важна, чѣмъ часть редакціонная; и, при предпринимательскомъ характерѣ газетнаго издательства, она,—служащая частнымъ интересамъ,—не рѣдко соединяется съ приспособленіемъ и редакціонной части къ такимъ же интересамъ. «Газета продаетъ—говоритъ Бюхеръ—новыя извѣстія своимъ читателямъ, и продаетъ своихъ читателей за всякій платящій частный интересъ. Въ той-же самой газетѣ, часто на той-же самой страницѣ, гдѣ защищаются высшіе интересы человѣчества, выступаютъ интересы покупателя и продавца съ ихъ жадной наживы,—и непосвященному часто бываетъ трудно разобраться, гдѣ кончается общественный интересъ и гдѣ начинается частный». «Каждый номеръ большой ежедневно выходящей теперь газеты есть чудный продуктъ капиталистически организованнаго общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда и машинной техники, способъ для духовнаго и экономического сношеній, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединяются всѣ прочіе: желѣзная дорога, почта, телеграфъ и телефонъ. Но и здѣсь, какъ всюду, гдѣ капитализмъ затрагиваетъ духовную жизнь, мы не можемъ испытывать полной радости при видѣ этого приобрѣтенія современной культуры; и не хотѣлось-бы вѣрить, что газета въ современномъ ея видѣ есть высшая и послѣдняя форма организаціи общаго извѣстій»—такъ заканчиваетъ Бюхеръ ту главу своей книги, которая посвящена историческому развитію газетнаго дѣла въ связи съ формами общественнаго хозяйства (*Bücher. Die Entstehung der Volkswirthschaft*).

Наконецъ, я перехожу къ болѣе подробному, статистическому, обзору современной германской газетной индустріи, пользуясь данными статистической работы о ней Шахта, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ Іенскаго журнала «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*». Пресса, вся въ

цѣломъ, едва-ли можетъ поддаться статистическому изслѣдованію: и упомянутая работа занимается собственно только одной ея областью—газетами (Zeitungen). Да нѣкоторыя изданія и этой категоріи, за своей неудобностью для статистики или по своему спеціальному отступающему отъ общаго типа газеты характеру, также исключены. По такимъ основаніямъ исключаются: а) беллетристическія, научныя и спеціальныя изданія. По техническимъ основаніямъ: а) такъ наз. газеты-корреспонденціи напр. Korrespondenz des Bundes der Landw. rte, Korrespondenz der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands и т. п.; б) Концертныя, театральныя, актрактныя изданія; в) сезонныя изданія (так. наз. Saison-Zeitungen); г) изданія, входящія рѣже, чѣмъ разъ въ недѣлю (Zeitschrift). За всѣми этими исключеніями, въ изслѣдованіе вошло 3405 изданій (газетъ, Zeitungen). а за вычетомъ изъ нихъ не-нѣмецкихъ, 68 изданій.—3337. Большинство не-нѣмецкихъ газетъ—это польскія, 39; затѣмъ 19 датскихъ, 7 французскихъ въ Эльзасѣ Латариніи и наконецъ, 3 литовскихъ. Всѣ 3405 газетъ издаются въ 1884 мѣстахъ, такъ что на каждый издательскій пунктъ приходится въ среднемъ нѣсколько менѣе 2 газетъ, именно 1,8.

Шахтъ прослѣживаеъ распредѣленіе вошедшаго въ его изслѣдованіе числа газетъ по союзнымъ государствамъ Германіи, а въ Пруссіи кромѣ того и по ея провинціямъ, въ различныхъ отношеніяхъ. Какъ ни интересны приводимыя имъ при этомъ цифры и сопоставленія ихъ въ подробностяхъ съ тѣми или другими особенностями отдѣльныхъ государствъ Германіи и провинцій Пруссіи, но я воздержусь отъ предложенія читателю сложныхъ цифровыхъ таблицъ, какія можно было-бы для полной и подробной характеристики газетнаго дѣла во всѣхъ частяхъ Германіи составить по даннымъ изслѣдованія Шахта, и языкъ цифръ ограничу лишь самымъ общимъ и необходимымъ, именно цифровой характеристикой газетнаго дѣла въ Германіи *вообще*, т. е. итожными цифрами этихъ таблицъ. А) При 540.657 кв. килом. территоріи Германіи и 52.280-тыс. населенія, одна газета въ среднемъ приходится на 159 кв. килом. и 15.354 чел. населенія: 1 издательскій пунктъ на районъ въ 287 кв. килом. и населенія 27.749 чел. Общее число всѣхъ подписчиковъ у нѣмецкихъ (3337) газетъ около 12.192,780, въ среднемъ на каждую газету приходится около 3660; т. е. газету читаеъ въ среднемъ почти $\frac{1}{4}$ населенія (23,9%). Изъ 1884 издательскихъ пунктовъ 1370 (т. е. 62,0%) имѣютъ по 1 газетѣ, 573 (30,4%)—по 2—3 газеты, 122 (6,5%)—по 4—9 и, наконецъ, 19 (1%)—болѣе 9 газетъ. Изъ послѣдней группы три—Берлинъ, Мюнхенъ и Познань—имѣютъ болѣе 20. Заслуживаеъ быть отмѣченнымъ еще одно характерное обстоятельство: 177 издательскихъ пунктовъ изъ 1884, т. е. 9,4%,—это городки или мѣстечки, имѣющія не болѣе 2.000 населенія.

Б) Данные о частотѣ выхода газетъ и рядомъ съ этимъ о ихъ стоимости я соединю въ маленькую табличку.

Число разъ вы- ход. газетъ.	1	2	3	4	5	6	7	11	12	13	14	18	19	Итого
Число газетъ.	367	654	1018	88	13	1024	82	1	64	15	1	9	1	3337
въ %/о	11,00	19,59	30,50	2,64	0,39	30,68	2,46	0,03	1,92	0,46	0,03	0,27	0,03	100
Подписная пла- та за 1/2 г. въ марк.	0,77	1,00	1,77	1,15	1,36	1,61	2,02	1,50	3,80	3,63	7,50	5,73	9,00	1,30
Стоимость 1 но- мера въ пфен.	5,9	3,8	3,0	2,2	2,1	2,1	2,2	1,0	2,4	2,1	4,1	2,5	3,6	2,8

В) Въ видѣ такой-же таблички я группирую данные о газетахъ въ отношеніи числа ихъ подписчиковъ и рядомъ съ этимъ о стоимости под-писки и объявленій въ нихъ.

Число под- писчиковъ — до	500	— 900	— 3.000	— 7.000	— 15.000	— 35.000	70.000	100.000	100.000	болѣе	Всего.
Число га- зетъ въ %/о	5,45	21,45	48,50	14,52	6,68	2,38	0,78	0,16	0,08	100	
Подписная плата за 1/2 г. въ марк.	0,92	1,08	1,26	1,63	1,60	2,22	2,30	2,00	2,55	1,30	

Г) Наконецъ въ отношеніи распредѣленія по партіямъ газеты Гер-маніи представляютъ такую картину:

партіи	прав- тельствъ.	Конс.	центр.	нац- либер.	либер.	соц- демокр.	безпарт.	газеты для объявл.	Итого.	неизвѣ- стно.	Итого.
Число газетъ.	486	321	318	300	356	54	900	58	2793	544	3337
%/о	14,6	9,6	9,5	9,0	10,7	1,6	27,0	1,7	83,7	16,3	100
Стоимость под- писки за 1/2 г. въ марк.)	1,18	1,44	1,27	1,73	1,74	1,73	—	—	—	—	1,30

Такова общая картина для Германіи. Почти четвертая часть насе-ленія абонируется на газету изъ вошедшихъ въ исслѣдованіе Шахта категорій. Преобладаютъ, — почти въ одинаковой степени, — газеты, вы-ходящія 6 разъ въ недѣлю, т. е. ежеднев. по 1 разу, кромѣ дней послѣ воскресныхъ, и выходящія 3 раза; затѣмъ слѣдуютъ выходящія 2 раза и далѣе 1 разъ. — По числу подписчиковъ почти половину составляютъ газеты въ 901 — 3000 (именно съ 2000) подписчиками, затѣмъ съ 501—900 и далѣе съ 3000—7000. Болѣе 100 тыс. имѣютъ лишь нѣкоторыя берлинскія газеты, болѣе всѣхъ «Berliner-Lokalanzeiger» — до 200 тыс. и «Berliner Morgenzeitung» — до 120 тыс. Въ отношеніи партійнаго характера преобладаютъ газеты безпартійныя, т. е. такія, кото-рыя сами себя обозначаютъ безпартійными, составляющія почти третью часть тѣхъ, партійную принадлежность которыхъ Шахтъ опредѣлялъ. Конечно, по числу газетъ той или другой партіи еще нельзя судить о

силѣ и популярности ея, — для этого гораздо были-бы важнѣе данныя о числѣ подписчиковъ, которыхъ, къ сожалѣнію, не представлено Шахтомъ. Числомъ же газетъ, — не говоря о категоріи правительственныхъ, — наиболѣе представлена партія либеральная (сюда-же включены газеты демократическихъ партій, какъ напр. южно-германской); затѣмъ консервативная (всѣ отгѣнки консерватизма отъ свободныхъ консерваторовъ, *freikonservative*, до крайнихъ аграріевъ; сюда-же присоединены анти-семитическія газеты) и центръ (клерикально-католическія газеты); далѣе слѣдуютъ національ-либеральная партія и наконецъ социаль-демократическая. Последняя, впрочемъ, имѣетъ сравнительно съ бюргерскими партіями, представленными болѣе или менѣе одинаково, ничтожное число своихъ органовъ, всего 54 газеты, что составляетъ лишь 1, 6% общаго числа газетъ. Можно было-бы, напротивъ, ожидать, что эта партія, получающая на всеобщихъ выборахъ въ рейхстагъ голосовъ за себя болѣе всѣхъ другихъ партій, до третьей части всѣхъ избирателей, должна-бы имѣть гораздо большее число газетъ. Но эта странность будетъ понятнѣй, если имѣть въ виду, что социаль-демократическая партія имѣетъ своихъ приверженцевъ главнымъ образомъ въ средѣ рабочаго населенія, низшихъ служащихъ и чиновничества, вообще менѣе обеспеченныхъ и не всегда могущихъ подписываться на газету; что, съ другой стороны, для этихъ слоевъ населенія существуетъ рядъ библиотекъ, читаленъ и т. п. учреждений; что значительное число обходится чтеніемъ газетъ въ школахъ и т. п.; и, наконецъ, незначительное количество социаль-демократическихъ газетъ возмѣщается значительнымъ числомъ подписчиковъ у нихъ, особенно напр. у центрального органа партіи «Vorwärts». Кромѣ того — какъ замѣчаетъ Шахтъ — очень значительное число газетъ изъ категоріи «неизвѣстныхъ» по своей партійной принадлежности въ дѣйствительности, по своему содержанію, — есть газеты социаль-демократическія, онѣ лишь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ и обстоятельствамъ считаютъ нужнымъ или болѣе удобнымъ не выступать открыто какъ социаль-демократическія; поэтому — прибавляетъ Шахтъ — было-бы ошибкой судить о распространенности газетъ этой партіи лишь по количеству такихъ изъ нихъ, которыя прямо называютъ себя ея органами. Беспартійная пресса размножилась особенно въ послѣдніе годы, въ чемъ надо видѣть отраженіе усилившейся за это время неустойчивости, раздробленности партійной парламентской жизни. «Беспартійность — замѣчаетъ при этомъ авторъ приведеннаго изслѣдованія — имѣетъ, естественно, своимъ послѣдствіемъ то, что газета занимается болѣе описаніями и сообщеніемъ извѣстій, чѣмъ обсужденіемъ и руководствомъ, и все болѣе и болѣе удаляется отъ идеальной цѣли прессы — дѣйствовать воспитывающимъ образомъ на народъ».

Какъ я уже указывалъ выше, современная газета, по самому своему характеру и условіямъ существованія, хотя и имѣетъ обыкновеніе являться

подъ флагомъ идеальныхъ цѣлей, есть предпріятіе, идущее навстрѣчу извѣстнаго рода *спросу* со стороны публики, при томъ только *платящему* спросу. Размѣръ и характеръ послѣдняго опредѣляютъ судьбу и характеръ разныхъ видовъ и отдѣльныхъ изданій прессы; идеальное имѣть мѣсто лишь въ той мѣрѣ, поскольку есть платящій спросъ на него. То же самое относится и къ партійности газеты. Паденіе вліянія той или другой партіи въ публикѣ влечетъ за собой сокращеніе спроса на газеты—органа этой партіи и далѣе сокращеніе числа газетъ ея. Расколы и междоусобія въ средѣ бюргерскихъ партій, особенно рѣзко проявившіяся по поводу текущихъ вопросовъ внутренней и внѣшней политики послѣднихъ лѣтъ, — признакъ все болѣе и болѣе созрѣвающаго процесса внутренняго разложенія этихъ партій, часто объединяющихъ въ себѣ, волею исторіи, элементы населенія съ совершенно противоположными интересами и сохраняющихъ свою цѣлость, пока не выступило сознаніе этой противоположности, пока процессъ дифференцированія классовыхъ интересовъ не достигъ извѣстной степени,—расколы и междоусобія сильно подорвали авторитетъ этихъ партій, тѣмъ болѣе, что они сопровождаютъ разоблаченіемъ характера ихъ политики и обостреніемъ ея противорѣчій съ интересами тѣхъ самыхъ слоевъ населенія, которые по традиціи считали эти партіи своими партіями, но которые все болѣе и болѣе видятъ, что политика *ихъ* партій не для нихъ, и не за нихъ, часто противъ нихъ. Далѣе процессъ этотъ долженъ вести или къ перемѣненію гражданъ въ другія партіи или къ образованію новыхъ, но какъ переходный моментъ—естественно колебаніе, отстраненіе отъ партійности. Все это мы дѣйствительно и видимъ въ политическомъ настроеніи Германіи, ближайшимъ образомъ изъ результатовъ послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ. Число голосовъ у старыхъ бюргерскихъ партій отъ однихъ выборовъ къ другимъ понижается постепенно и отчасти переходитъ къ социаль-демократіи, отчасти къ новой «крестьянской» партіи (Bauernbund), отчасти къ «аграріямъ» (Bund der Landwirthe) и отчасти, наконецъ, къ «такимъ» кандидатамъ, т. е. безпартійнымъ, какихъ нынѣшніе выборы дали сравнительно большое число. Возрастающій спросъ на газету вызываетъ на свѣтъ новыя газетныя предпріятія, которыя, часто въ интересахъ своего дѣла, т. е. доходности ведутся «безпартійно», такъ какъ на партійность спросъ падаетъ. Измѣнится настроеніе спроса,—измѣнится соотвѣтственно и партійный характеръ газетъ.

Перейдемъ теперь къ денежной сторонѣ газетнаго дѣла, къ тому, что постоянно и неразрывно матеріально связываетъ газету съ ея читателемъ. Источникомъ дохода для газеты служить прежде всего подписная плата. Какъ мы видимъ изъ приведенныхъ выше табличекъ, она въ среднемъ для германскихъ газетъ составляетъ 1 м. 30 пфен. за четверть года. Для отдѣльныхъ же категорій газетъ она очень различна, повышаясь какъ съ увеличеніемъ числа разъ ихъ выхода отъ 0,77 мар. для газетъ,

выходящихъ разъ въ недѣлю, до 9 мар. за газету, выходящую 19 разъ *), такъ и съ увеличеніемъ числа подписчиковъ—отъ 0,92 мар за газеты, имѣющія не болѣе 500 подписчиковъ, до 2,55 мар. за имѣющія ихъ болѣе 100 тыс. Это явленіе, что чѣмъ газета распространеннѣй, тѣмъ дороже, нисколько не странно: чтобы быть «хорошей» газетой, т. е. привлекающей къ себѣ спросъ, нужны хорошіе сотрудники, хорошая организація, хорошія средства. По партійной принадлежности, самыми дешевыми являются газеты правительственныя и газеты центра. Дешевизна ихъ, съ одной стороны, обуславливается мелкимъ сравнительно характеромъ, особенно первой категоріи, а съ другой—денежными субсидіями изъ средствъ разныхъ учреждений. Либеральныя, національ-либеральныя и социаль-демократическія газеты стоятъ въ одной цѣвѣ. Въ общемъ, можно признать, что газета въ Германіи не дорога и доступна и для рабочаго населенія, не обременяя чувствительно его бюджета. И дѣйствительно, газета сдѣлалась и для этихъ слоевъ нѣмецкаго народа вещью обиходной, прямо необходимой, требующейся въ интересахъ экономической, гражданской и политической борьбы и самообороны.

Газета—необходимость для всѣхъ классовъ и сословій германскаго народа уже потому, что германская конституція привлекаетъ все населеніе къ рѣшенію вопросовъ внѣшней и внутренней политики, законодательства и управленія. Пользованіе этимъ правомъ требуетъ освѣдомленности во всѣхъ вопросахъ государственной жизни, предполагаетъ по меньшей мѣрѣ способность хотя бы въ общемъ понимать интересы общестственности и государственности и сознание значенія избирательнаго права. Несомнѣнно, что значеніе газеты для гражданскаго и политическаго воспитанія, чрезвычайно важно. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что каждый гражданинъ долженъ быть если не подписчикомъ, то читателемъ газеты. И какъ ни громаднымъ можетъ намъ, русскимъ, показаться развитіе газетнаго дѣла въ Германіи, какъ ни отдаленнымъ, можно сказать—верхомъ желаній, кажется намъ достиженіе для Россіи того времени, когда четверть населенія будетъ выписывать газету, для Германіи нужно признать это крайне недостаточнымъ, оставляющимъ желать еще многого. Только тогда, когда все населеніе будетъ читать газеты, можетъ полностью развиться положенный теперь въ основу принципъ общественно-государственной жизни Германіи, принципъ государственнаго самоуправленія—всеобщаго, равнаго, свободнаго и сознательнаго избирательнаго права, какъ выраженіе свободнаго, сознательнаго избирательнаго права, какъ выраженіе свободнаго сознательнаго, личнаго гражданскаго и политическаго самоопредѣленія.—Возвращаясь къ денежнымъ дѣламъ газетъ, змѣтимъ еще относительно подписной платы ихъ, что въ настоящее время германское населеніе тратитъ на газеты (ограничивая расчеты лишь числомъ 3337 и принимая

*) Эта газета «Frankfurter Zeitung».

среднее число подписчиковъ въ 3,660 а подписную плату за годъ въ 5,2 мар) болѣе 63 мил. марокъ, или на 1 чел. приходится около 1,2м.

Какъ источникъ доходовъ, гораздо болѣе, чѣмъ подписная плата, важны для газеты обыкновенно *объявленія*; они даютъ часто въ 10—20 и болѣе разъ, чѣмъ подписка *).

Состояніе отдѣльныхъ частей Германіи въ культурно-бытовомъ, общественно-хозяйственномъ и политическомъ отношеніи представляетъ крайнее разнообразіе, и совершенно не возможно дать одну общую для всей Германіи картину въ этомъ отношеніи, исключая развѣ нѣкоторыхъ внѣшняго свойства чертъ. Соответственно этому, характеръ и размѣры газетной продукціи также отклоняются отъ общей схематической картины ея, данной нами въ таблицахъ, въ ту и другую сторону, часто очень рѣзко. Сопоставленіе этихъ отклоненій очень интересно и, пожалуй поучительно.

Совершенно особое положеніе по развитію газетнаго дѣла занимаетъ Берлинъ и затѣмъ также вольные города (главн. образ. Гамбургъ). 66 берлинскихъ газетъ (почти 2% общаго числа) и 31 газета (почти 1%) вольныхъ городовъ, составляя всего 2,9%, даютъ 25% общаго числа экземпляровъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ Германіи (въ томъ числѣ Берлинъ — 20,9%, вольные города—4,2%). Среднее число подписчиковъ для берлинской газеты (при среднемъ для Германіи 3660)—38.550, для вольныхъ городовъ—16.867 Газетъ съ числомъ подписчиковъ менѣе 900 нѣтъ. Въ Берлинѣ большинство газетъ, 75%, имѣетъ ихъ болѣе 15 тысячъ (главн. образ. съ 35—70 тыс. 30%, и 15—35 тыс. 25%) при среднемъ % этихъ газетъ для Германіи—3,40%; въ вольныхъ городахъ эти категоріи газетъ составляютъ 40%. Только Берлинъ имѣетъ газеты съ числомъ подписчиковъ болѣе 100 тысячъ. Такое-же исключительное мѣсто занимаютъ Берлинъ и вольные города и по частотѣ выхода ихъ газетъ. Только здѣсь газеты, выходящія 6 и болѣе разъ въ недѣлю, составляютъ больше половины, и именно 65,15% и 74,20% при среднемъ по Германіи 35,91%, а газеты, выходящія болѣе 6 разъ, взятая отдѣльно, ссоставляютъ въ Берлинѣ 28,79% и въ вольныхъ городахъ 32,26%—при среднемъ для Германіи въ 6,23%. Такіе размѣры развитія газетнаго дѣла и столь крупный характеръ его объясняются тѣмъ, что Берлинъ и вольные города—главные въ Германіи центры торгово-промышленной, общественной и умственной жизни. Господство интересовъ торгово-промышленныхъ классовъ, именно индустриальной и банкирской буржуазіи, выражается здѣсь въ преобладаніи либеральныхъ и національ-либеральныхъ газетъ при совершенномъ отсут-

*) Выручка Лондонской газеты «Times» отъ объявленій составляла въ 1875 г. 5.000 марокъ въ день, т. е. около 11 мил. въ годъ. Еще гораздо выше доходъ отъ объявленій у газеты «New-York-Herald», дающій ихъ ежедневно 150—180 столбцовъ. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. VI. Zeitungen u. s. w.

ствіи прессы клерикальной (центр). *). Наряду съ этимъ и рабочая, соціалъ-демократическая пресса этихъ городовъ идетъ впереди другихъ если не числомъ органовъ, то ихъ солидностью и распространенностью. Въ парламентской жизни, при выборахъ въ рейхстагъ, промышленный характеръ этихъ городовъ выражается преобладающей массой соціалъ-демократическихъ голосовъ.

Въ ту же сторону замѣтно отклоненіе характера газетной индустріи отъ среднихъ для Германіи цифръ въ тѣхъ государствахъ ея, которыя являются болѣе промышленными, гдѣ слабо или совсѣмъ отсутствуетъ вліяніе клерикализма и землевладѣльческаго юнкерства, представителя политической реакціи и культурно-хозяйственнаго застоя въ современной Германіи. Въ такъ наз. передовыхъ государствахъ ея и газетное дѣло развито въ крупныхъ и широкихъ размѣрахъ. Совершенно обратное представляютъ болѣе отсталыя государства. Таковымъ, какъ извѣстно, приходится считать въ Германскомъ Союзѣ Пруссію, не смотря на ея политическое первенство. Впрочемъ это справедливо только въ общемъ, по отношенію ко всей Пруссіи, но не къ отдѣльнымъ ея частямъ. Ея восточныя провинціи представляютъ рѣзкую разницу, до противоположности, по сравненію съ западными. Тогда какъ послѣднія — Рейнская, Вестфалія, Гессенъ-Нассау, Ганноверъ — по своему промышленному, культурно-хозяйственному развитію и характеру стоятъ наряду съ промышленными государствами союза, — восточныя провинціи, по мѣрѣ движенія на востокъ, все болѣе обнаруживаютъ характеръ отсталости, какъ въ области хозяйственной, такъ и общественно-политической и культурной жизни. Восточная и Западная Пруссія, Силезія, Померанія — это гнѣздо прусскаго юнкерства, отсталыхъ хозяйственныхъ отношеній, болѣе отсталого въ культурномъ отношеніи населенія; по поводу положенія школъ и народнаго образованія главнымъ образомъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи выражается секретарь общества для народнаго образованія, учитель І. Тевсъ: «Положеніе образованія въ Пруссіи отчаянное. Внутри хозяйничаютъ клерикалы и опредѣляютъ духъ и содержаніе преподаванія, образованіе учителей и т. д., извнѣ — землевладѣльцы; и тѣ и другіе заинтересованы или считаютъ себя заинтересованными не въ развитіи, а въ задержкѣ народнаго образованія. Пока государство не освободитъ школу отъ этихъ силъ, поднятіе образовательныхъ учрежденій надъ теперешнимъ уровнемъ невозможно... Честь называться страной школъ для Пруссіи потеряна». Состояніе газетнаго дѣла въ Пруссіи вполне соответствуетъ ея общественно-хозяйственнымъ и культурнымъ отношеніямъ; въ частности данныя о газетахъ восточныхъ ея провинцій отклоняются отъ среднихъ для Германіи цифръ въ сторону отсталости, въ такой-же степени, какъ Берлинъ и вольные города въ сторону противоположную. Притомъ только

*) Въ Берлинѣ партія центра имѣетъ 3 газеты; но онѣ предназначаются не для берлинской публики, а для Пруссіи главнымъ образомъ.

въ Пруссіи занимають такое доминирующее по числу положеніе газеты правительственныя и консервативныя, особенно въ Восточн. и Западн. Пруссіяхъ, въ Познани и Помераніи: это указываетъ на слабость здѣсь развитія въ населеніи политической жизни и гражданской самостоятельности и самодѣятельности, на сильное значеніе здѣсь правительственной и консервативной, спеціально юнкерской опеки надъ населеніемъ. Въ этихъ провинціяхъ газеты имѣють наименьшее число подписчиковъ на роду съ наибольшимъ числомъ жителей, приходящихся на газету. Малое число подписчиковъ имѣють также газеты прусскихъ провинцій—Гогенцоллернъ, Шлезвигъ Гольштейнъ, изъ остальныхъ государствъ Германіи—Мекленбургъ, Тюрингія, Гессенъ, Липпе и Вальдекъ, Ангальтъ; но здѣсь отношеніе числа газетъ къ населенію совершенно обратное, чѣмъ указанное выше для восточно-прусскихъ провинцій, именно—наименьшее число жителей, приходящееся на одну газету. Такъ что это два совершенно различныхъ явленія: въ одномъ случаѣ, именно во второй группѣ государствъ и провинцій,—широко развитое, децентрализованное газетное дѣло и распространенность, читаемость газеты въ населеніи, тогда какъ въ другомъ —въ восточно-прусскихъ провинціяхъ,—совершенно обратное. Наряду съ этимъ въ одномъ случаѣ довольно часто изданіе газеты въ маленькихъ городахъ, имѣющихъ до 2000 жителей, въ другомъ—или отсутствіе или крайняя рѣдкость такихъ фактовъ. Да и партійно-политическій характеръ газетъ совершенно различный. Не лишнее отмѣтить здѣсь обиліе газетъ, издающихся въ мелкихъ городкахъ, въ Баваріи (53 изъ 231, т. е. 23%) и припомнить, что здѣсь особенно въ послѣдніе годы развивается крестьянско-политическое движеніе, здѣсь основался и на нынѣшнихъ выборахъ впервые выступилъ на парламентскую арену «крестьянскій союзъ» (Bauernbund) со своими кандидатами и не безъ успѣха.

Нѣсколько странными на первой взглядъ кажутся данныя о газетахъ Эльзась-Лотарингіи. Несомнѣнно, это одна изъ наиболѣе въ культурномъ и хозяйственномъ отношеніи развитыхъ, передовыхъ частей Германіи; между тѣмъ здѣсь на одну нѣмецкую газету падаетъ большая, чѣмъ гдѣ-бы-то ни было въ Германіи, территория (264 кв. килом. при 159 въ среднемъ по Германіи) и больше чѣмъ въ другихъ государствахъ Союза, число жителей (29.836 при средн. 15.354); но для Эльзась-Лотарингіи это не должно казаться страннымъ, если принять во вниманіе, что это не нѣмецкая въ сущности страна, а французская, что здѣсь гораздо болѣе распространена французская пресса и главнымъ образомъ экспортируемая изъ Франціи. Данныя о размѣрахъ нѣмецкихъ газетъ, по частотѣ ихъ выхода и числу подписчиковъ, а равно и партійный характеръ ихъ, свидѣтельствуютъ, что здѣсь газетное дѣло стоитъ не ниже, чѣмъ въ другихъ чисто нѣмецкихъ государствахъ Союза, а часто даже выше.

Газетное дѣло, въ результатѣ нашего взгляда въ его историческое

прошлое и на современное состояніе въ Германіи, является передъ нами какъ такая область культурно-общественной жизни и отношеній, которая по своей организаціи, по размѣрамъ и характеру, представляетъ отображеніе этихъ отношеній въ цѣломъ. Газетное дѣло есть картина ихъ, картина Германіи, не потому только, что газеты даютъ свѣдѣнія о всѣхъ событіяхъ и явленіяхъ жизни страны, — слѣдовательно, не со стороны содержанія газетъ, а какъ общественно-хозяйственная организація, опирающаяся на специальную область потребностей и спроса, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ общимъ культурно-хозяйственнымъ организмомъ страны.

В. Турковскій.

II.

Бисмаркъ и Гладстонъ,

(Сравнительная характеристика).

Сама судьба навязываетъ сопоставленіе Бисмарка съ Гладстономъ. «Желѣзный канцлеръ» и «великій старецъ» сошли въ могилу почти одновременно; Гладстонъ опередилъ Бисмарка всего на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца *). Некрологи о Бисмаркѣ пишутся и читаются потѣ впечатлѣніемъ некрологовъ о Гладстонѣ. Они оба принадлежали къ числу *великихъ удачниковъ*, и на долю обоихъ выпало не мало восторженныхъ отзывовъ со стороны представителей печати, этой «шестой великой державы»; ихъ могилы засыпаны цвѣтами, присланными со всѣхъ концовъ земного шара, передъ ихъ смертными останками склонились многіе «сильные земли».

Но среди гула восторговъ изрѣдка слышатся отзывы очень сдержанные и обвиненія очень суровыя; послѣднія выпадаютъ, впрочемъ, почти исключительно на долю «желѣзнаго канцлера».

Нѣкоторые органы печати стараются выставить Гладстона гениемъ добра, «лучшимъ гражданиномъ Европы», Бисмарка же изображаютъ кровожаднымъ чудовищемъ, принесшимъ человѣчеству одно лишь зло.

Это дѣлается съ благими намѣреніями, но тѣмъ не менѣе это не со всѣмъ вѣрно.

При спокойномъ размысленіи не трудно убѣдиться, что Гладстонъ не

*) Гладстонъ умеръ 18 Мая (нов. ст.) 1898 г., Бисмаркъ 30 Юля (нов. ст.) 1898 г.

былъ лучшимъ гражданиномъ Европы, не былъ гениемъ добра, и что Бисмаркъ принесъ человѣчеству далеко не одно зло. Если оцѣнивать общественныхъ дѣятелей по результатамъ ихъ дѣятельности, съ точки зрѣнія ихъ историческаго значенія, то приходится признать, что Бисмаркъ имѣеть больше правъ на наименованіе «великимъ человѣкомъ», чѣмъ Гладстонъ, уже при жизни прозванный «великимъ старцемъ».

«Желѣзный канцлеръ» оставилъ въ исторіи несомнѣнно болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ «великій старецъ». Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Германія во второй половинѣ текущаго столѣтія жила интенсивнѣе, чѣмъ Англія, и что въ Германіи, какъ въ странѣ съ менѣе развитой общественной жизнью, отдѣльныя крупныя личности выдѣляются ярче, чѣмъ въ современной Англіи съ ея установившимся парламентскимъ строемъ; но нѣкоторую роль при этомъ играетъ и то, что личность «желѣзнаго канцлера» была болѣе прямолинейной, болѣе пѣльной, болѣе *сконцентрированной*, чѣмъ личность «великаго старца».

Если мы говоримъ о результатахъ дѣятельности того или другаго историческаго лица, то имѣемъ въ виду эти результаты независимо отъ того, предусматривало ли ихъ данное лицо или нѣтъ. Нерѣдко результаты дѣятельности стоятъ въ противорѣчій со стремленіями, положенными въ ея основу; нерѣдко то, что данное лицо разсматривало, какъ средство для достиженія намѣченной цѣли, приобретаетъ самостоятельное значеніе и вытѣсняетъ изъ жизни то, развитію чего оно должно было способствовать. Съ этою оговоркою мы признаемъ Бисмарка дѣятелемъ прогрессивнымъ; признаемъ, что его силы болѣе, чѣмъ силы Гладстона, способствовали движенію человѣчества впередъ.

Его общественная дѣятельность еще менѣе, чѣмъ общественная дѣятельность Гладстона пропала даромъ, такъ какъ онъ безсознательно повиновался законамъ общественнаго развитія, сущность которыхъ была ему почти такъ же мало ясна, какъ и Гладстону.

Бисмаркъ, впрочемъ, сознавалъ, что онъ не дѣлаеть исторіи, какъ это думали и многіе его поклонники и враги.

«Мы не дѣлаемъ исторіи», воскликнулъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей; мы не можемъ по своему желанію измѣнить направленіе историческаго развитія».

«Мы не дѣлаемъ исторіи», но исторія дѣлаеть насъ, могъ бы прибавить «желѣзный канцлеръ».

И исторія не только дѣлаеть, но и передѣлываетъ общественныхъ дѣятелей, какъ это видно на Бисмаркѣ и Гладстонѣ.

Бисмаркъ съ гордостью заявлялъ, что онъ не принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые не измѣняются, которые съ глазами и опытомъ ничему не научаются. Дѣйствительно, онъ, точно такъ же, какъ и Гладстонъ, многому научился «съ годами и опытомъ».

Они оба были честолюбцами, хотя Гладстонъ въ болѣе высокомъ стилѣ, чѣмъ Бисмаркъ, и обомъ пришлось, что-бы удержаться на гребнѣ

изъ всѣхъ говорившихъ и писавшихъ помянули Бѣлинскаго публично добрымъ словомъ только Тургеневъ и Тихонравовъ въ своихъ рѣчахъ, да сочувственно процитировалъ его Церковно-Обществ. Вѣстникъ. Съ другой стороны, чествованіе памяти Бѣлинскаго, какъ ни было оно скромно по своимъ размѣрамъ сравнительно съ Пушкинскимъ, отличалось еще болѣе полнымъ отсутствіемъ *казеннаго* отпечатка и нисколько не въ меньшей степени «изошло свободно и самобытно изъ самыхъ нѣдръ русскаго общества». Насколько широкъ былъ этотъ свободный отзывъ русскаго общества, мы сейчасъ увидимъ.

Сперва два слова о внѣшнихъ условіяхъ чествованія. Оно было обставлено въ одномъ отношеніи очень неблагопріятно. Естественнымъ центромъ всѣхъ выраженій общественнаго сочувствія должна была служить Пенза, гдѣ предполагалось сперва открытіе памятника Бѣлинскому, а когда стало ясно, что памятникъ не будетъ готовъ, то—закладка его. Но къ 26 Мая не былъ еще утвержденъ и проектъ, такъ что не могла состояться даже закладка; вмѣстѣ съ тѣмъ было найдено, что «торжество, устраиваемое по почину и на средства мѣстнаго общества, не можетъ носить характера всероссійскаго, а потому предназначенное приглашеніе къ участію въ торжествахъ представителей отъ Императорскихъ Университетовъ, Академіи Наукъ, разныхъ литературныхъ и ученыхъ учрежденій—неумѣстно» *). Такимъ образомъ праздникъ былъ лишень центра, и все, чѣмъ ознаменовался день 26 Мая въ разныхъ мѣстахъ Россіи, а также всѣ отклики въ Пензу—все это было исключительно дѣломъ свободной инициативы общества. Тѣмъ цѣннѣе было это.

Не будемъ передавать въ подробностяхъ, какъ происходило чествованіе въ столицахъ. Московское Общ. Любит. Словесности, кромѣ торжественнаго засѣданія, устроило прекрасную выставку портретовъ и бюстовъ самого Бѣлинскаго и дѣятелей его эпохи; выставка эта, обязанная своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, богатымъ коллекціямъ П. А. Ефремова, заключала множество интересныхъ и рѣдкихъ портретовъ нашихъ писателей и вызвала такой наплывъ посѣтителей, что пришлось отстрочить ея закрытіе **). На эту выставку заботами Общ. Любит. Слов. была досталена известная картина Наумова, изображающая Бѣлинскаго передъ смертью; она продавалась, но, къ сожалѣнію, не нашла покупателя. Общество Люб. также организовало посылку всей выставки въ Пензу къ тамошнимъ тор.

*) См. «Саратовскій Дневникъ» № 114.

**) Надо порадоваться, что богатый подборъ портретовъ всѣхъ представителей эпохи 40-хъ годовъ, сдѣланный для этой выставки, не исчезъ вмѣстѣ съ ней для общества: въ маѣ уже вышелъ исполненный г. Фишеромъ альбомъ ея: гдѣ все цѣнное и важное дано болѣе чѣмъ въ сотни прекраснотонувшихся фототипій. Альбомъ былъ распроданъ страшно быстро, недѣли въ двѣ; теперь, какъ мы слышали, появляется 2 изданіе.

жествамъ, и наконецъ 26 Мая послѣ панихиды привѣтствовало Пензу телеграммой.

Кромѣ того старѣйшее и долгое время единственное въ Россіи педагогическое общество—Учебный Отдѣлъ Общ. Распр. Технич. Знаній—устроило публичное засѣданіе въ Политехнич. Музеѣ съ нѣсколькими рефератами, привлекшее многочисленную публику. Комиссія учителей русскаго языка при Учебн. Отдѣлѣ изготовила и напечатала избранныя сочиненія Бѣлинскаго въ двухъ томахъ съ отдѣльной биографической статьей. Если прибавить, что въ Москвѣ появилось къ 26 Мая новое изданіе полного собранія сочиненій Бѣлинскаго и семь статей его, напечатанныхъ впервые по рукописямъ подъ ред. П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина, то будетъ указано все, что сдѣлано было въ Москвѣ.

Петербургъ чествовалъ память Бѣлинскаго почти въ тѣхъ же самыхъ формахъ; инициатива торжественнаго засѣданія, какъ и панихиды на Волковомъ кладбищѣ съ рѣчами послѣ нея, принадлежала здѣсь Союзу писателей; слѣдуетъ отмѣтить, что городское самоуправленіе сочло нужнымъ принести поздравленіе Пензѣ телеграммой, подписанной головой Леляновымъ, чего не сдѣлала Московская дума. Вкладъ Петербурга въ литературу о Бѣлинскомъ былъ болѣе обилень, чѣмъ въ Москвѣ: вышло три изданія избранныхъ статей критика—въ «Дешевой Библіотекѣ» Суворина, давашаго между прочимъ за 25 коп. всѣ статьи о Пушкинѣ, затѣмъ изд. О. Н. Поповой въ двухъ большихъ томахъ съ прекрасной статьей Н. Котляревскаго и наконецъ «Избранныя сочиненія Бѣлинскаго для семьи и школы» подъ ред. В. Острогорскаго. Последнее изданіе я отношу къ Петербургскимъ, хотя оно напечатано въ Москвѣ, такъ какъ оно отражаетъ на себѣ воззрѣнія и духъ своего Петербургскаго редактора, и Москва лишь внѣшнимъ образомъ участвовала здѣсь. Затѣмъ вышелъ большой, горячо написанный, трудъ г. Е. Соловьева (Скрибы), гдѣ впервые сдѣлана попытка охарактеризовать личность и воззрѣнія Бѣлинскаго на основаніи новаго матеріала, главнымъ образомъ, писемъ появившихся послѣ извѣстной книги Пыпина. Кстати: были слухи, что А. Н. Пыпинъ занятъ переработкой своей книги, давно уже нуждающейся въ переизданіи; этому можно только порадоваться. Упомянемъ также, что книгоиздателемъ Пантелѣевымъ учреждена премія за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ. Наконецъ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, кромѣ газетныхъ и журнальныхъ статей (отмѣтимъ большую, еще неоконченную работу С. Венгерова въ Русск. Богатствѣ) появился рядъ брошюръ съ биографіями, оцѣнкой или избранными мыслями Бѣлинскаго: В. Острогорскаго, И. Иванова, Алферова, Ермилова, Балталона, Л. С., Сальникова; заслуживаетъ вниманія попытка журн. «Дѣтское Чтеніе» дать для широкой публики общій популярный очеркъ жизни и дѣятельности критика (брошюра А. Алферова. Ц. 5 к.).

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ остальной Россіи и, прежде всего, въ Пензѣ.

Напомню вкратцѣ, что было задумано. Комиссія по устройству чествованія, кромѣ постановки памятника, рѣшила: 1) организовать фондъ имени Бѣлинскаго для открытія какого либо просвѣтительнаго учрежденія и положить начало фонду изданіемъ Литературнаго Сборника; 2) присвоить безплатной народной читальнѣ имя Бѣлинскаго и 3) устроить двухдневное чествованіе съ двумя засѣданіями, выставкой, освященіемъ читальни, обѣдомъ, школьнымъ праздникомъ и параднымъ спектаклемъ. Какъ извѣстно, за исключеніемъ памятника, отложеннаго на будущее, все удалось прекрасно.

Фондъ организованъ, и въ него уже поступаютъ пожертвованія, Литературный сборникъ, имѣющій выйти осенью, обѣщаетъ быть очень интереснымъ (см. объявленіе о немъ въ этой книгѣ «Образованія»). Выставка привлекла очень много публики, которая охотно раскупала продававшіяся тамъ книги въ Бѣлинскомъ; весь наличный запасъ альбомовъ выставки (около 200 экз.) былъ проданъ въ первый же день. Литературные вечеръ и утро, обѣдъ, спектакль—все это было многолюдно, оживленно и искренно*). Церемониальная сторона торжествъ была вполне представительна: присутствовали губернаторъ губернской предводитель дворянства и др. высшія особы города; напр. губернатора мы видѣли въ церкви на панихидѣ, на выставкѣ, въ народной читальнѣ, на литературномъ вечерѣ и на спектаклѣ 27 Мая. Но еще болѣе важнымъ и цѣннымъ было представительство отъ самыхъ различныхъ слоевъ всего русскаго общества, неожиданно сказавшееся такъ широко: мы говоримъ о полученныхъ телеграммахъ, адресахъ и привѣтствіяхъ, число которыхъ доходило до 150. Поздравляли Пензу: Второе отдѣленіе Академіи Наукъ, два университета (Варшавскій (большимъ адресомъ) и Харьковскій), нѣсколько ученыхъ и литературныхъ учреждений (Филологич. Общество при Харьков. Универс., Филологич. Общество при Нѣжинск. филолог. Институтѣ, Рязанская учен. архивн. Комиссія, Императорское Техническое Общество, Пироговское Общ. врачей, Отдѣлъ Педагогич. Музея при военно-учебн. завед. въ Петербургѣ Общ. Любит. Словесности при Моск. Университетѣ, Союзъ писателей, Литературн. фондъ, Литературное артистич. Кружокъ въ Петербургѣ); народно-просвѣтительныя Общества (Высочайше утвержден. Постоянная Комис. народн. чтеній, Невское общество народн. развлеченій, Общество въ помощь чтенію больнымъ и бѣднымъ, Харьковское Общ. распротр. грамотности, Екатеринбургское Общ. изящн. искусствъ, Елизаветградское Общ. распротр. грамоты и ремесль, публичныя и народныя бібліотеки въ Воронежѣ, Борисоглѣбскѣ, Полтавѣ, Кишиневѣ, Екатеринбургѣ, Угличѣ, Якутскѣ, Севастополѣ, Вологдѣ, Калугѣ и Херсонѣ); наконецъ цѣлый рядъ журналовъ и газетъ, нѣсколько городовъ (Петербургъ, Казань, Самара),

*) Наиболѣе полныя описанія Пензенскихъ торжествъ даны В. Острогорскимъ въ № 7 „Мира Божія“, П. Н. И. въ Русской Мысли, а изъ газетъ—«Саратовскимъ Дневникомъ» въ №111—116 (статьи В. М.—ча.).

корпораций (Петербургскіе присяжные повѣренные, земскіе врачи Москов. губ. Тамбовск.-Общ. приказчиковъ), импровизированныхъ группъ (напр. телеграмма изъ Самары, изъ Ялты съ 60 подписями) и отдѣльныхъ писателей, профессоровъ и общественныхъ дѣятелей. Безъ сомнѣнія, этихъ привѣтствій было-бы въ нѣсколько разъ больше, будь извѣстны заблаговременно подробности готовящагося чествованія, но Пензенскіе устроители, терпя одну неудачу за другою съ памятникомъ и съ официальными ходатайствами и получивъ окончательное утвержденіе программы лишь *за девять дней* до праздника, не имѣли возможности сообщить публикѣ что либо опредѣленное, и сомнѣнія, что будетъ въ Пензѣ 26 мая и даже будетъ ли что нибудь, навѣрно помѣшали многимъ учреждениямъ выразить свое сочувствіе. Присоединились также неудобства сезона, когда большинство обществъ прекращало или уже прекратило свои занятія и члены разъѣзжались на лѣто.

Тѣмъ болѣе отраднo, что, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Пензенскій праздникъ вызвалъ такіе многочисленныя отклики со стороны русскаго общества. Въ печати слышались сожалѣнія, что въ Пензу мало съѣхалось представителей литературы и науки; во первыхъ, это нисколько не удивительно въ виду *мѣстнаго* характера, который рѣшено было удержать за праздникомъ, а во вторыхъ, это нисколько не помѣшало успѣху, но даже явственно подчеркнуло основную черту всего праздника Бѣлинскаго. Столичнымъ представителямъ литературы и общественной жизни дѣйствительно слѣдовало въ большемъ числѣ пріѣхать въ Пензу, но не для того, чтобы устраивать праздникъ, а чтобы посмотрѣть на устроенный безъ нихъ праздникъ и вынести рядъ поучительныхъ и освѣжающихъ впечатлѣній, они увидали бы такую дружную и серьезную интеллигентную работу, такую энергію и послѣдовательность, такую сознательность цѣлей и такое—не буди никому въ обиду—отсутствіе «личностей» и самолюбія, какихъ давай Богъ вездѣ побольше. Праздникъ вышелъ «провинціальнымъ» по преимуществу, и въ этомъ его большое значеніе, такъ какъ онъ показалъ намъ провинцію.

Еще болѣе раскрывается эта сторона дѣла, если взглянуть, какъ праздновали 26 мая въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Слишкомъ въ двадцати городахъ былъ тѣмъ либо особо ознаменованъ этотъ день; изъ нихъ въ семи были устроены болѣе или менѣе торжественныя чествованія. Въ Киевѣ по почину Совѣта Университета въ актовомъ залѣ происходило торжественное собраніе, открывшееся рѣчью профессора государственнаго права Романовича-Славатинскаго; сверхъ того литературно-артистическимъ клубомъ было устроено засѣданіе съ рефератами. Изъ Рязани писали въ «Биржевыя Вѣдомости»: Прекрасное зрѣлище представляло торжественное засѣданіе Ученой Архивной Коммиссіи. Собралось до 400 человекъ публики; на эстрадѣ, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Брянчанинова (губернатора), открылось засѣданіе егорѣчью, объявлявшей, что вліяніе Бѣлинскаго настолько широко распространялось въ свое время, что каждая мѣстность

можно считать его своимъ; списки его статей расходились по рукамъ, и въ Рязанской губ., сохранились эти списки и въ библиотекѣ Комиссии, которая потому, имѣя задачей охранять слѣды и реликвіи мѣстной исторической жизни, сочла долгомъ осмыслить вліяніе Бѣлинскаго въ день, когда его сочиненія перестаютъ быть частной собственностью наследниковъ его. На эстрадѣ въ группѣ лавровъ и пальмъ висѣлъ портретъ Бѣлинскаго и подъ нимъ его книги; все это было украшено лавровымъ вѣнкомъ съ надписью на лентахъ: «Бѣлинскому почитатели его таланта». Разказавъ о томъ, какія читались рѣчи (кромѣ мѣстныхъ лекторовъ прислали свои рѣчи проф. Веселовскій и г. Джаншиевъ), корреспондентъ заключаетъ: «Вообще этотъ вечеръ, и многолюдство аудиторіи, и участіе въ средѣ членовъ Комиссии официальныхъ лицъ,—все это представляло нѣчто выходящее изъ ряда». Одесса чествовала память Бѣлинскаго панихидами въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и литературнымъ вечеромъ въ «артистическомъ клубѣ». Въ Томскѣ инициатива исходила отъ «Школьнаго Общества»; «залъ народной библиотекы былъ переполненъ», передаютъ телеграммы. Въ Елизаветградѣ Общ. распростран. грамотности и ремесель рѣшило устроить торжественное собраніе и спектакль послѣ лѣтнихъ ваннакулъ. Но особенно празднично прошелъ день 26 мая въ Саратовѣ и Екатеринбургѣ. Въ Саратовѣ празднество заняло даже два дня; Общество вспоможенія нуждающимся литераторамъ, кромѣ церковной службы, устроило 26 Мая публичное чествованіе въ городскомъ театрѣ, а 27-го—въ народномъ театрѣ. Заимствуемъ нѣкоторыя подробности изъ Саратовскихъ газетъ. Театръ, вмѣщающій до 900 человекъ, былъ наполненъ сверху до низу; кромѣ рѣчи мѣстнаго лектора г. Немировскаго, были прочитаны рѣчи московскихъ профессоровъ Стороженко и Веселовскаго, затѣмъ читались стихотворенія Некрасова и Плещеева, посвященные Бѣлинскому, была даже музыкальная часть. Наконецъ отъ разныхъ Саратовскихъ учрежденій и частныхъ лицъ было возложено на бюстъ писателя 24 вѣнка. На другой день въ народномъ театрѣ собравшейся въ большомъ количествѣ (не хватило мѣстъ) «сѣрой публикѣ»,—какъ сказано въ корреспонденціи «Новостей»—была предложена та же программа съ замѣной рѣчей популярной біографіей Бѣлинскаго. Желающихъ быть на праздникѣ набралось такъ много, что пришлось распределять билеты по предварительнымъ заявленіямъ. Саратовцы предполагаютъ открыть народную читальню имени Бѣлинскаго.

Въ Екатеринбургѣ организаторомъ явилось Общество изящныхъ искусствъ. Оттуда пишутъ, что огромный залъ общественаго собранія не могъ вмѣстить всей публики; было произнесено нѣсколько рѣчей председателемъ общества и членами, прочтены рѣчи профессоровъ Стороженко и Веселовскаго, читались стихотворенія; празднество заключилось увѣнчаніемъ бюста Бѣлинскаго при звукахъ кантаты, написанной въ этому дню мѣстнымъ композиторомъ Ожеговымъ. Въ Тифлисѣ въ залѣ думскихъ засѣданій въ присутствіи городской управы, гласныхъ, городскихъ учителей и учитель-

ницъ и публики была отслужена панихида; городъ постановилъ открыть въ слѣдующемъ году городское училище имени Бѣлинскаго и одну изъ лучшихъ улицъ города назвать улицей Бѣлинскаго.

Наконецъ, въ Казани, Самарѣ, Ялтѣ, Курскѣ, Кшишевѣ и Батумѣ были отслужены панихиды по инициативѣ или городского управленія, или представителей печати, или кружка интеллигенціи.

Приглядываясь къ учрежденіямъ, организовавшимъ чествованія, нетрудно замѣтить, что почти вездѣ это были—частныя общества съ просвѣтительными цѣлями или свободныя корпорации—врачи, литераторы и т. д.; *казенный*, такъ сказать, элементъ отсутствовалъ. Но интересно, что представители правительственныхъ учреждений нерѣдко присутствовали въ числѣ публики и на панихидахъ, и на литературныхъ засѣданіяхъ; газеты обыкновенно сообщаютъ: «въ присутствіи властей»; или что нибудь въ такомъ родѣ. Мы уже отмѣтили большое вниманіе къ торжествамъ стороны Пензенскаго губернатора, гр. Адлерберга, который присутствовалъ на всѣхъ отдѣлахъ праздника и не разъ выражалъ удовольствіе по поводу того, что онъ слышитъ и видитъ; въ Рязани губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя архивной коммисіи, самъ открылъ торжество рѣчью. Это все—факты, не лишеныя значенія. Оффиціальныя просвѣтительныя учрежденія наши—учебныя заведенія—которымъ прежде всего надлежало понять праздникъ Бѣлинскаго, какъ свой близкій праздникъ, и дать своимъ питомцамъ истинную оцѣнку крупнаго русскаго писателя и общественнаго дѣятеля, почти не участвовали въ общемъ торжествѣ, еще разъ засвидѣтельствовавъ тѣмъ печальную отчужденность нашей школы отъ общества. Я долженъ сдѣлать нѣкоторую оговорку: экзаменаціонная страда могла помѣшать среднимъ учебнымъ заведеніямъ теперь же присоединиться къ чествованію; если не ошибаемся, въ двухъ учебныхъ округахъ было получено разрѣшеніе почтить память Бѣлинскаго (почему только въ двухъ?), но этимъ почти нигдѣ не успѣли воспользоваться, и приобщенія учащихся къ общерусскому событію надо ждать осенью, о чемъ уже извѣщали газеты. Но никакими соображеніями нельзя извинить того, что изъ нашихъ университетовъ отозвались лишь три провинціальныя; особенно странно было полное молчаніе со стороны Московскаго университета, который мы привыкли на протяженіи его почти полуторастолѣтняго существованія видѣть во главѣ или во всякомъ случаѣ на уровнѣ умственной жизни и духовныхъ интересовъ русскаго общества. Московскій университетъ въ свое время не призналъ Бѣлинскаго и счелъ «позоромъ» для себя его горячій протестъ противъ гнусности крѣпостнаго права, но теперь не признаютъ Бѣлинскаго однѣ Московскія Вѣдомости; хотя весной въ Москвѣ съ университетской кафедры было провозглашено, что въ стѣнахъ Московскаго университета чувствуется изгнанный изъ него недоучка-студентъ, но это было дѣйствительно только «въ стѣнахъ»; какъ ни тѣсно связано съ университетомъ Общество любителей словесности, но *московскій университетъ промолчалъ 26 мая*, и это особенно обидно.

Возвращаемся къ оцѣнкѣ значенія «дней Бѣлинскаго».

Итакъ, это былъ праздникъ менѣе всего оффиціальныи; онъ явился дѣломъ свободной инициативы русскаго интеллигентнаго общества въ самыхъ различныхъ его слояхъ. Столицы сдѣлали здѣсь свое дѣло, но новой и характерной чертой было то, что этотъ праздникъ широко захватилъ провинцію; среднii интеллигентный русскii человекъ, скромный мѣстный дѣятель въ Екатеринбургѣ, Вологдѣ, даже Якутскѣ счелъ его праздникомъ «на своей улицѣ» и чествовалъ какъ могъ, достойно. Это—важный фактъ.

Интересно одно сопоставленiе. Если вы возьмете описанiе всѣхъ торжествъ при открытiи памятника Пушкину («Вѣнокъ на памятникъ Пушкина» состав. О. В.) и посмотрите, какъ откликнулась на этотъ праздникъ наша провинцiя, вы убѣдитесь, что теперь, при чествованiи памяти Бѣлинскаго ея участiе выразилось значительно полнѣе и ярче. Не только число городовъ, гдѣ праздновали, было тогда меньше, чѣмъ теперь, но самыя чествованiя нынѣшней весной носили болѣе разнообразный и *болѣе общественный характеръ* *) Даже—какъ ни странно это—адресовъ и телеграфныхъ привѣтствiй изъ разныхъ мѣстъ Россiи было получено въ Пензѣ больше, чѣмъ въ 1880 г. въ Москвѣ. Все это показываетъ, разумѣется, не то, чтобы имя Бѣлинскаго было болѣе популярно, чѣмъ имя Пушкина, а то, что за послѣднiя 18 лѣтъ общественные элементы нашей провинцiи стали иными.

Чествованiе Бѣлинскаго показало, что къ очень многимъ провинциальнымъ угламъ уже не подходитъ характеристика, которую когда то дѣлалъ Г. Успенскiй, говорившiй, что безмятежная тишина провинциальнаго города нарушается лишь какими то несуразными событiями: «то Рубинштейнъ прiѣдетъ, те волкъ забѣжитъ и перекусаетъ народъ на улицахъ»; современная провинцiя лучше характеризуется словами Короленко, сказанными на прощанiи съ Нижнимъ. «Въ ней есть жизнь, живыя весеннiя струйки текутъ подъ глыбами мертваго снѣга и пробиваютъ себѣ пути; онѣ точатъ эти массы и растопятъ ихъ, лишь бы горѣло солнце по весеннему».

Для заключенiя, небольшой дивертисментъ.

Печать наша удѣлила много вниманiя празднику Бѣлинскаго и сильно содѣйствовала оживленiю и разъясненiю образа великаго писателя въ широкихъ кругахъ общества (интересно и здѣсь отмѣтить живую работу провинцiи; лучшее по обстоятельности описанiе пензенскихъ дней появилось въ «Саратовскомъ Дневникѣ»). Всѣ отзывы были дружной хвалой и признанiемъ крупнаго значенiя критика въ развитiи русскаго общества; даже В. Розановъ, столь побѣдоносно разносившiй и разносящiй и Мос-

*) Любопытно, отчасти въ смыслѣ курьеза, сравнить участiе г. Тифлиса. Въ 1880 г. Тифлисская дума *по неизмѣнно средствамъ* почтила память Пушкина лишь названiемъ одной изъ улицъ его именемъ; теперь она почтила Бѣлинскаго уже не только улiчной дощечкой, очевидно, вошедшей въ традицiю, но приговоромъ объ открытiи въ будущемъ году училища имени Бѣлинскаго. Въ часъ добрый!

ковскій университетъ, и Гоголя, и Бокля, даже онъ усердно силелъ вѣночь на могилу Бѣлинскаго изъ самыхъ изысканныхъ цвѣтовъ своего красно-рѣчія; не его вина, если цвѣты оказались грубо накрахмаленными и размалеванными тряпками; Бѣлинскій пришелъ бы въ ужасъ отъ фразъ вродѣ: «Шелуха практическаго бытія своего народа, отбрось его текущихъ дней,—онъ (Бѣлинскій) возвеличилъ, поднялъ, призывалъ всѣхъ вкушать отъ всего, что есть съѣдобнаго въ зернѣ, его такъ мало замѣтившемъ и пріютившемъ». Во всей статьѣ кипитъ какіе то «огоньки, брошенные во всѣ углы человѣческаго обихода», «свѣтлыя и именно практическія усмія ко всему свѣтлому», «впаденіе рабскихъ слоевъ нашего общества въ вино», «свѣтъ, зажженный въ глыбѣ земли» и т. д. Но Богъ съ нимъ: *ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.* (пусть слабы силы, но достойно похвалы желаніе). Однимъ словомъ, не отсталъ даже «Гражданинъ»; одинъ «Русскій Трудъ» попытался опередить вѣкъ, но позорно палъ, запутавшись въ непривычной школьной премудрости. Онъ, видите ли, желалъ сказать, что Бѣлинскій для нашегo времени—«совершенно пустой, хотя несомнѣнно историческій и милый звукъ». Онъ принадлежалъ видите ли, только своей эпохѣ, и потомству ничего отъ него не осталось, и о немъ «довольно узнать изъ исторіи литературы, что это былъ властитель думъ своего времени, совершенно такъ же, какъ *Державинъ*—*пѣвецъ* «*Душеньки*», которую теперь никто не читаетъ». Бѣлинскій могъ бы сообщить, если не «нашимъ поколѣніямъ», то «Русскому Труду», что Державинъ не былъ пѣвцомъ Душеньки. Но оставимъ и эту почтенную газету съ ея совершенно пустыми и несомнѣнно не историческими и нелѣпыми звуками; мы еще не сказали главнаго.

Въ древности триумфъ не считался полнымъ, если «за побѣдной колесницей» не бѣжалъ «клеветникъ»; естественно, праздникъ Бѣлинскаго не могъ обойтись безъ хулителя. Нечего говорить, кто взялъ на себя эту благодарную роль, надо полагать, по любви къ классической древности. Роль была мастерски выдержана, очевидно, благодаря глубокимъ познаніямъ въ древностяхъ. Древній хулитель обязанъ былъ изобрѣтать противоположности тѣмъ свойствамъ и поступкамъ триумфатора, за которыхъ того чествовали; такъ было и здѣсь. Вотъ нѣсколько параллельныхъ выдержекъ.

Императорская Академія Наукъ. Хулитель (Москов. Вѣд. № 198.)

«Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ присоединяется къ чествованію великаго критика. Своей литературной дѣятельностью нашъ знаменитый критикъ навсегда связалъ свое имя съ исторіей отечественной словесности,

«Поклонники Бѣлинскаго.. продолжаютъ раздувать его политическое и литературное значеніе». «Онъ нашъ—восклицаютъ одинъ за другимъ преклоняющіеся передъ его «учительнымъ словомъ» либеральные проповѣдники,—наша слава!.. Ну, и пусть вашъ, но знайте же по крайней мѣрѣ,

развитіемъ которой онъ такъ дорожилъ».

Харьковскій Университетъ.

«Императорскій Харьковский Университетъ, вспоминая великія заслуги В. Г. Бѣлинскаго въ исторіи развитія русскаго самосознанія, горячо присоединяется къ чтванію его памяти».

Варшавскій Университетъ.

«Онъ не только впервые у насъ оцѣнилъ съ глубиной и мѣткостью цѣлый рядъ произведеній русской словесности, но положилъ пробныя начала самой обработкѣ исторіи русской литературы, какъ особой науки, и намѣтилъ путь позднѣйшаго развитія литературной критики».

Тамъ же.

«Восторгаясь твореніями великихъ русскихъ поэтовъ, Бѣлинскій чутко угадалъ, что истинно гениальное въ области искусства достигается расцвѣтомъ національных особенностей духа... Онъ вѣрилъ въ наше всемирно-историческое назначеніе и часто высказывалъ это въ своихъ сочиненіяхъ. Для него основой такой вѣры было сохраненіе несокрушимой мощи и творческихъ силъ русскаго духа, проявленія которыхъ онъ указывалъ

что эта принадлежность къ вашему лагерю и погубила его литературную славу, низведя его съ высоты, на которой онъ могъ стоять по своему литературному таланту, на стень скромнаго литературнаго импрессиониста».

Хулитель (Моск. Вѣд. № 151).

«Въ нашей литературѣ давно уже упрекаютъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ внесъ смуту въ русское самосознаніе».

Хулитель (Моск. Вѣд. № 198 и 151).

«Пушкина онъ объявилъ исписавшимся, какъ только тотъ, отрѣшившись окончательно отъ всякаго внѣшняго вліянія, вступилъ на почву чисто національнаго художественнаго творчества; въ Лермонтовѣ видѣлъ какого-то спеціальнаго пѣвца «протеста»; Гоголя особенно цѣнилъ за то, что тотъ кого то «обличилъ»; этимъ же протестомъ выдвинулся въ его глазахъ и Достоевскій. Характеризуетъ ли все это дѣйствительное художественное пониманіе?»

«Въ нашей литературѣ давно упрекаютъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ далъ ложное направленіе русской критикѣ и привелъ ее къ упадку, что Гоголя онъ не понялъ»...

Хулитель (Моск. Вѣд. № 198).

«Чѣмъ замѣнить національное чутье при отсутствіи національной опредѣленности, при совершенномъ непониманіи того, что обуславливаетъ жизнь этого національнаго міра? Отсутствіе этого сознанія и составляетъ весь недостатокъ внутренней личности Бѣлинскаго. Онъ былъ не только совершенно чуждъ національнаго духа, что доказалъ всей своей критической дѣятельностью, но... онъ въ основу своей дѣятельности поставилъ боръ-

то въ нашей народной словесности, то въ историческихъ подвигахъ всего русскаго народа, то въ богатырской дѣятельности отдѣльныхъ русскихъ людей, особенно Петра Великаго, этого яркаго выразителя русскаго національнаго гения».

бу съ національными принципами. Этимъ Бѣлинскій и заслужилъ себѣ ту тризну, которой ознаменовали его послѣдователи 50-лѣтіе со дня его смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушилъ собственное дѣло, которое съ такой энергіей выдвинулъ въ началѣ своего литературнаго поприща».

Какъ видите, роль «клеветника» была разыграна на славу. Зналъ ли хулитель, усердно подбирая свои «контрасты», что онъ готовитъ прекрасный черный фонъ свѣтлой личности Бѣлинскаго и такимъ образомъ волей неволей содѣйствуетъ успѣху праздника?

А. Е.

Письма изъ провинціи.

Просвѣтительное движеніе.

(Изъ Рязани).

Отличительной чертой переживаемаго нами времени служить оживленіе въ области народнаго образованія. Въ какой бы глухой уголъ нашего обширнаго отечества вы ни заглянули, вы вездѣ замѣтите, что вопросы народнаго образованія интересуютъ всѣ слои общества. Они трактуются и на земскихъ и городскихъ собраніяхъ, о нихъ говорятъ и частныя лица, которыя группируясь въ кружки, устраиваютъ и общественныя бібліотеки-читальни, и воскресныя школы, и чтенія и т. п. И во всемъ этомъ движеніи частная инициатива играетъ видную, если не сказать, первую роль.

Благодаря ей, вопросъ о народномъ образованіи сталъ на первую очередь, вышелъ изъ узкихъ отводившихся ему рамокъ и сдѣлался общественнымъ достояніемъ; благодаря ей, вопросъ о всеобщемъ обученіи перешелъ отъ платонической мечты въ дѣйствительность, благодаря ей, все большее и большее число лицъ втягивается въ это движеніе и пополняетъ собою кадры добровольныхъ учителей, лекторовъ, бібліотекарей и т. п.

Не миновало это движеніе и нашего города, который до этого времени, не смотря на близость такого умственнаго центра, какъ Москва, спалъ непробуднымъ сномъ, какъ и большинство русскихъ провинціальныхъ городовъ. Рязань—городъ отживающій и держится теперь только какъ административный центръ и мѣстожительство губернскаго чиновничества. Населявшіе его въ прежнія времена дворяне-помѣщики теперь совсѣмъ оскудѣли, большинство ихъ покинуло родныя пепелища и отправилось въ отхожіе промыслы, меньшинство вступило въ ряды мѣстнаго чиновничества и тихо тянетъ свою лямку. На смѣну ему никого не явилось: торговля постепенно стала падать, а промышленныхъ заведеній не являлось. Въ настоящее время Рязань имѣетъ 35 тысячъ жителей, да въ пригородѣ, гдѣ расположились депо скрещивающихся здѣсь

Московско-Казанской и Рязанско-Уральской жел. дорогъ. и нѣсколько машиностроительныхъ заводовъ,—тысячъ десять.

Для развлеченія мѣстной интеллигенціи существовалъ клубъ, гдѣ усиленнымъ образомъ шла игра въ карты, выпивка и иногда и скандальчики, для простого же народа—положительно ничего. На такой печальной почвѣ и въ нерасполагающей къ просвѣтительной дѣятельности обстановкѣ трудно было проявиться частной инициативѣ, но тѣмъ не менѣе духъ времени давалъ себя знать, и года четыре тому назадъ показала первая ласточка. Одна барышня выхлопотала разрѣшеніе и открыла воскресную школу, другая—учительница Ш.—народную бібліотеку. Какъ та, такъ и другая быстро завоевали симпатіи простого народа, и въ кліентахъ недостатка не было, нашлись и помощники у нихъ, и дѣло закипѣло, хотя и продолжалось не долго. Барышнѣ, завѣдывавшей воскресной школой, по семейнымъ обстоятельствамъ, пришлось отказаться отъ завѣдыванія, а съ ея уходомъ дѣла пошли значительно хуже и, хотя школа не погибла, но тѣмъ не менѣе въ настоящее время еле влечитъ свое существованіе, ощущая сильный недостатокъ какъ въ учительскомъ персоналѣ, такъ и ученикахъ. Судьба второго начинанія оказалась счастливѣе, хотя и плохо отозвалась на его инициаторшѣ. Возникновеніе народной бібліотеки, видимо, не правилось тѣмъ, кому слѣдуетъ заботиться о просвѣщеніи, и учительницѣ Ш., чуть не на свои крохи создавшей бібліотеку и относившейся къ ней, какъ къ родному дѣтищу, предложили перевестись въ другой городъ, влѣдствіе чего она оставила службу, а затѣмъ и Рязань. Такъ и погибъ бы это симпатичное учрежденіе, если бы на него не обратилъ вниманія одинъ добрый человекъ—членъ уѣздной земской управы А. В. Елагинъ. Онъ взялъ еще неустановившееся дѣло подъ свое покровительство, перевелъ его въ помѣщеніе земской управы и сумѣлъ привлечь къ нему пожертвованія. Но въ то время, когда бібліотека становилась на устойчивую почву и матеріально богатѣла,—составъ ея читателей и количественно и качественно сильно понизился. Первое время главный контингентъ читателей состоялъ изъ настоящаго народа: заводскихъ рабочихъ и городскихъ ремесленниковъ, взрослый читатель также преобладалъ надъ подросткомъ, теперь же большинство читателей учащаяся молодежь, средній классъ, рабочая же чуйка почти отсутствуетъ. Такая переиѣна въ составѣ читателей, но нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что бібліотека, благодаря сокращенію числа книгъ министерскимъ каталогомъ, перестаетъ удовлетворять взрослому читателя, который быстро проглатываетъ весь небольшой запасъ хорошихъ книгъ. Для поднятія ея, намъ кажется, и при наличности существующаго ограниченія, есть только одно средство—реорганизация ея въ общественную. Общественная бібліотека не ограничивается министерскимъ каталогомъ и имѣетъ право имѣть всѣ журналы, газеты, всѣ книги, не запрещенныя общей цензурой, а потому можетъ предлагать читателямъ, съ самыми

разнообразными запросами, !самый разнообразный матеріалъ. Принципъ бесплатности въ данномъ случаѣ не будетъ нарушенъ, такъ какъ и теперешняя наша бібліотека взимаетъ плату за чтеніе, въ матеріальномъ же отношеніи общественная бібліотека много бы выиграла, такъ какъ во первыхъ привлекла бы массу читателей не только по низшему дешевому разряду, но и болѣе дорогому, во вторыхъ, вызвала бы симпатіи и пожертвованія со стороны общества, которое къ народной бібліотекѣ, въ виду ея неопредѣленнаго положенія въ рукахъ частнаго лица, относился довольно равнодушно.

Спрашивается, что же мѣшаетъ этой реорганизациі: средства у бібліотеки для расширенія дѣла есть (у ней болѣе 1000 руб.) лица, желающія работать—также, о потребности населенія въ общественной бібліотекѣ—и говорить нечего. Вотъ тутъ и выплываетъ факторъ, отъ котораго провинція еще долго не отдѣлается. Бібліотека многимъ обязана г. Елагину, а потому участники въ ней и жертвователи съ вполне понятнымъ уваженіемъ относятся къ нему, между тѣмъ г. Елагинъ имѣетъ слѣдующій взглядъ на дѣло: бібліотека—«народная», и я хочу служить народу (что главный составъ читателей не изъ народа, на это не обращается вниманія), общественная же бібліотека привлечетъ зажиточный классъ жителей, для котораго служить я не хочу, такъ какъ «расфуфыренной» барынѣ или кавалеру мнѣ зазорно служить. Намъ кажется лишнимъ останавливаться на подобномъ опроверженіи взгляда: узость и необоснованность его сама по себѣ ясна: хорошая книга одинаково нужна какъ простолюдину, такъ и полуинтеллигенту и интеллигенту, и служить удовлетворенію этой потребности одинаково почетно и полезно. И вотъ благодаря тому, что бібліотека попала въ руки къ человѣку съ подобнымъ узкимъ взглядомъ, на дѣлѣ ей приходится прозябать. Учредить же самостоятельно общественную бібліотеку невозможно, какъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ, такъ равно и средствъ.

Болѣе живой характеръ имѣютъ литературные вечера, которые устраиваются каждое воскресенье. Исторія ихъ возникновенія заключается въ слѣдующемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ небольшая группа лицъ, заручившись разрѣшеніемъ попечителя учебнаго округа устраивать народныя чтенія,—начала свои дѣйствія. Чтенія очень нравились народу и охотно посѣщались имъ. Велись бы они, навѣрно, и до сихъ поръ, если бы возникновеніе ихъ не разожгло духа соревнованія въ мѣстномъ духовномъ братствѣ, которое также начало устраивать свои чтенія. Конечно, отъ этого кромѣ хорошаго ничего бы не вышло, если бы вдругъ не рѣшили, что для Рязани вполне достаточно однихъ чтеній, и свѣтскихъ не закрыли. Какъ только прекратились свѣтскія чтенія, такъ сейчасъ же перестали устраивать духовныя, и городъ оставался безъ чтеній нѣсколько лѣтъ вплоть до осени прошлаго года.

Въ ноябрѣ 1897 года нѣсколько человѣкъ обратились къ попечителю учебнаго округа съ просьбой разрѣшить имъ устраивать по празд-

ничнымъ днямъ литературные вечера въ пользу народной библіотеки. Одновременно съ этимъ прошеніемъ была отправлена и программа этихъ вечеровъ, составленная по образцу программы, разрѣшенной для литературныхъ вечеровъ въ г. Боровскѣ, Калужской губерніи. Въ программу эту, кромѣ произведеній почти всѣхъ русскихъ классическихъ авторовъ, вошли многія произведенія Гаршина, Короленки, Щедрина и т. п. писателей, совершенно недоступныхъ для народныхъ чтеній. На первое чтеніе собралось такъ много народа, что небольшая зала городской управы не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть на чтеніе. Читали съ туманными картинами. Чтеніе такъ понравилось, что на слѣдующемъ была такая же масса народа, но за то на послѣдующихъ все менѣе и менѣе, и неизвѣстно, до чего бы дѣло дошло, если бы организаторы чтеній не догадались оживить ихъ музыкой и пѣніемъ. Были приглашены военный хоръ и музыка, квартирующіе въ городѣ полки бесплатно предоставили то и другое, и эта новинка до того понравилась, что отъ желающихъ попасть на чтеніе отбою нѣтъ. Большой недостатокъ этихъ чтеній заключается въ томъ, что благодаря затрудненіямъ при достаткѣ картинъ, выборъ произведеній для чтенія носитъ случайный характеръ и къ тому же очень однообразный, впрочемъ послѣдній недостатокъ теперь устраненъ, благодаря тому, что попечителемъ учебнаго округа разрѣшена дополнительная программа для научныхъ чтеній.

Съ этой же осени тѣми же лицами начались устраиваться чтенія въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ для арестантовъ. Чтенія эти вызываютъ еще большій интересъ въ слушателяхъ, чѣмъ въ городѣ. Къ сожалѣнію, только нѣкоторыя осложненія мѣшаютъ правильному развитію ихъ. Съ какою же интересомъ слушаютъ арестанты—можно судить только по тому гробовому молчанію, каковымъ эти чтенія сопровождаются, разговоры же съ ними по поводу прочитаннаго воспрещены.

Нашъ обзоръ просвѣтительнаго движенія въ Рязани былъ бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ только что разрѣшенный уставъ общества устройства развлеченій для рабочихъ и то отношеніе, какое выказываетъ рязанское общество къ этому движенію. Отношеніе это нельзя назвать ни доброжелательнымъ, ни недоброжелательнымъ, такъ какъ каждое новое начинаніе вызываетъ сочувственные разговоры, но не болѣе того. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что и въ библіотекѣ, и въ городскихъ, и въ тюремныхъ чтеніяхъ участвуютъ одни и тѣ же лица, и количество ихъ не превышаетъ десятка.

Чужой.

Изъ Иркутска.

(О положеніи народнаго образованія).

Положеніе народнаго образованія въ «столицѣ Восточной Сибири» оставляетъ желать очень и очень многого. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, не было открыто ни одного начальнаго училища и потому число непринятыхъ дѣтей, съ каждымъ годомъ росло все больше и больше.

Уже въ 1895 году, по даннымъ директора народныхъ училищъ, внѣ школы оставалось 251 человекъ, но съ того времени число желающихъ учиться дѣтей возрасло, а школъ не прибавилось.

Если сдѣлать приблизительный подсчетъ остающихся внѣ школы, то получимъ слѣдующія данныя. По даннымъ переписи, въ Иркутскѣ было 51,484 жителя, изъ которыхъ 26,567 мужчинъ и 24,917 женщинъ. Дѣтей школьнаго возраста должно быть: 1.779 мальчиковъ и 1.659 дѣвочекъ, всего 3.439 человекъ. Въ городѣ имѣется 33 школы, въ которыхъ учится 1.557 мальчиковъ и 1.231 дѣвочка, слѣдовательно, внѣ школы должны остаться 222 мальчика и 428 дѣв. или 650 дѣтей обоего пола. Если считать, что въ каждомъ училищѣ помѣстится 50 учащихся, то придется открыть еще 13 училищъ.

Но вѣдь потребность въ школахъ растетъ съ каждымъ годомъ, и удовлетворять ее становится все труднѣе и труднѣе. Неудовлетворительное же положеніе городскихъ финансовъ даетъ возможность нашимъ гласнымъ совѣмъ не заботиться о городскихъ школахъ, а только вздыхать и тянуть вѣчную пѣсенку о недостаткѣ средствъ.

Насколько плохо заботятся гласные о школахъ, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что на нихъ затрачивается всего 9% бюджета, а на городское управленіе 17%. Если сравнить расходы на начальныя училища съ расходами на среднія учебныя заведенія, то получимъ слѣдующее отношеніе, прекрасно рисующее направленіе гласныхъ. Въ 1897 году на субсидіи среднеучебнымъ заведеніямъ ассигновано болѣе 40 тыс. и кромѣ того на стипендіи и публичную бібліотеку 12 тыс., т. е. почти вдвое больше ассигновки народныхъ училища.

Не увеличивая расходовъ на городскія училища, городская дума забывала даже пользоваться тѣми капиталами, которые были оставлены специально для постройки начальныхъ школъ.

Такъ въ 1883 году купцомъ Пономаревымъ былъ пожертвованъ министерству народнаго просвѣщенія капиталъ съ тѣмъ, чтобы на проценты въ Иркутскѣ и его округѣ устраивались начальныя школы. Первоначально капиталъ равнялся 264.750 руб., но въ теченіе десяти лѣтъ возросъ и могъ быть употребленъ по волѣ жертвователя. Въ дѣйствительности, однако, онъ продолжалъ лежать непроизводительно, и только въ 1895 году

сестра жертвователя обратилась въ министерство съ просьбою открыть школу для бѣдныхъ жителей.

Пока по поводу школъ происходила переписка съ мѣстной администраціей, успѣла умереть сестра Пономарева и капиталъ возросъ до 667 тыс. р., причѣмъ однихъ процентовъ съ него въ 1896 году причиталось 27.704 рубля.

Наконецъ, и дума вспомнила о капиталѣ и рѣшила хлопотать объ открытіи нѣсколькихъ училищъ. Но при этомъ рѣшено было для каждаго училища устраивать нѣсколько каменныхъ зданій, тогда какъ было бы пока выгоднѣе строить деревянные. Такихъ училищъ можно было бы построить до десяти въ теченіе 2—3 лѣтъ и слѣдовательно большинство дѣтей могли бы получить образованіе. Между тѣмъ теперь удастся построить всего два-три училища для 150—200 учениковъ.

Хотя въ нынѣшнемъ году составъ думы значительно измѣнился, но ожидать отъ нея большей заботливости къ школамъ едва ли возможно, такъ какъ большинство гласныхъ купцы. Кромѣ того, и новая управа не отличается ничѣмъ отъ старой, а отъ нея зависитъ очень многое.

Въ виду такого печальнаго положенія народныхъ школъ г. Иркутска, крайне интересно посмотрѣть на тѣ просвѣтительныя учрежденія, при помощи которыхъ населеніе удовлетворяетъ свои духовные интересы.

Благодаря заботамъ небольшой кучки интеллигенціи, въ городѣ возникли и поддерживаются нѣсколько такихъ учрежденій: воскресныя школы, народныя чтенія, народная бібліотека-читальня. О нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Въ городѣ существуетъ двѣ воскресныя школы, открытыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Быстрое заполненіе этихъ школъ показало, что онѣ необходимы для населенія, и при томъ для дѣтей, непринятыхъ въ школы. Въ этомъ отношеніи наши школы совершенно отличаются отъ европейскихъ, гдѣ слушателями являются исключительно взрослые, тогда какъ у насъ преобладаютъ дѣти школьнаго возраста. Такъ во 2-й женской воскресной школѣ въ 1895-96 году малолѣтнія ученицы составляли половину, подростки $\frac{1}{2}$, и взрослые $\frac{1}{6}$ часть всѣхъ учившихся; въ 1897 году малолѣтніе составляли 17%, подростки—половину и взрослые—33%. Хотя здѣсь число малолѣтнихъ понизилось, но это объясняется тѣмъ, что въ этомъ году отдавалось предпочтеніе взрослымъ и было отказано 60 малолѣтнимъ.

Насколько велика потребность въ грамотѣ среди бѣднаго населенія, показываетъ быстрый ростъ учащихся. Въ первомъ учебномъ полугодіи ученицъ было—61; 1892-93 году—80; въ 1893-94—64, въ 1894/⁵—114; 1895-96 г.—160. Въ 1896 году желающихъ поступить въ школу было 212, что превышало норму, а потому 35 человѣкъ получили отказъ, въ нынѣшнемъ учебномъ году было отказано въ приемѣ 60 человѣкамъ. Очевидно, что эта школа уже не можетъ удовлетворять запросъ населе-

нія на грамоту. Это обстоятельство тѣмъ болѣе печально, что большинство учащихся въ школь принадлежить къ городской бѣднотѣ. Такъ, изъ нихъ дворянокъ было—2, духовныхъ—2, пот. поч. гр.—1, мѣщанокъ—84, крестьянокъ—29, дочерей поселенцевъ—30, цеховыхъ—2, казачекъ—3, солдатокъ—5, дочерей разночинцевъ—2. Такимъ образомъ болѣе 70% принадлежали къ бѣднымъ классамъ населенія. Точно такой же составъ учащихся былъ и въ другой воскресной школь, какъ мужской, такъ и женской.

Другимъ препятствіемъ къ увеличенію числа учащихся служить недостатокъ учащихся, на который жалуются руководители школы. Большинство преподающихъ въ воскресной школь составляютъ педагоги, занятые уроками въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ; свободныхъ же лицъ очень мало. Приэтомъ нужно замѣтить, что преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній совсѣмъ не принимаютъ участія, а все дѣло ведутъ учащіе городскихъ школь. При томъ ростъ учащихся, который замѣчается въ школахъ, при разнообразной подготовкѣ учащихся и короткомъ учебномъ годѣ число наличныхъ преподавателей въ школахъ очень мало, а это вредило успѣху дѣла. Такъ, въ ремесленно-свободскихъ воскресныхъ школахъ, благодаря недостатку учащихся, пришлось отказать въ приѣмѣ нѣсколькимъ десяткамъ человекъ.

Несмотря на обращеніе къ обществу, желающихъ пока не нашлось, и число учащихся сильно понизилось.

Недостатокъ познаній, приобретаемыхъ въ школахъ, пополнялся класснымъ и внѣкласснымъ чтеніемъ. Обыкновенно для всѣхъ группъ сразу читались беллетристическія произведенія, а иногда популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знаній.

Для внѣкласснаго чтенія при воскресной школь учреждена библиотека, имѣющая около 600 томовъ.

Въ 1895—96 году было взято 1.129 книгъ; изъ нихъ по беллетристикѣ—589 кн., періодическихъ изданій—383 кн., историческихъ—110 кн. На каждую ученицу приходилось 16 книгъ. Выдача книгъ происходила по группамъ; выдавалось отъ 1 до 3 книгъ, смотря по степени развитія ученицы.

Другимъ воспитательнымъ учрежденіемъ является народная библиотека. Хотя она служить только для внѣшкольнаго образованія, но послѣднее является еще болѣе важнымъ, чѣмъ простая грамота. Давно извѣстно, что одна грамотность безъ дальнѣйшаго развитія не имѣетъ почти никакой цѣны. Поэтому такія учрежденія, какъ бібліотеки, народные чтенія могутъ принести населенію значительную пользу.

Мысль объ открытіи бесплатной бібліотеки-читальни возникла еще въ 1893 году среди почитательницъ и друзей умершей Потаниной послѣ ея похоронъ. Начались сборы пожертвованій, которыхъ къ 1896 году набралось болѣе 2 тыс. рублей. Городская дума дала для бібліотеки помѣщеніе, а 12 іюля 1896 года получено было и разрѣшеніе. Но от-

крыта библиотека была только 10 ноября, такъ какъ необходимо было выработать правила библиотеки, устроить помещеніе, выписать книги и т. п.

Въ моментъ открытія библиотеки въ ней насчитывалось 703 назв. въ 1.176 т. и 305 т. разныхъ журналовъ. По отдѣламъ они распредѣляются такъ: духовно-нравственныя—7%; беллетристика—54%, исторія 11%, географія—9% и т. д. Въ настоящее время имѣется 1362 тома. Изъ отчета библиотеки за первый годъ видно, что она сразу привлекла къ себѣ читателей. Въ первый мѣсяць на каждый день приходилось по 58 посѣщеній, во второй по 47 посѣщеній, что объясняется отчасти сильнымъ холодомъ въ помещеніи библиотеки, отчасти тѣмъ, что для нѣкоторыхъ посѣтителей библиотека потеряла интересъ новинки. И дѣйствительно, въ третій мѣсяць число ежедневныхъ посѣщеній дошло до 51.

Всего въ теченіе отчетнаго года записалось 856 абонентовъ, причемъ взрослые составляли—42%, подростки—43%, малолѣтніе—15%. Мужчины среди нихъ составляли 85%, а женщины—только 15%. По возрасту среди мужчинъ преобладаютъ подростки, среди женщинъ—взрослыя. По роду занятія подписчики распредѣляются такимъ образомъ: учащіяся (50,23%), ремесленники (18,34%), служащіе (12,38) лица неопредѣленныхъ занятій (5%) и т. д.

Среди учащихся большинство было изъ городскихъ (41,73%) и приходскихъ (22,61%) училищъ; среди взрослыхъ большая часть получила низшее образованіе (65,25%) и домашнее (17,39%), затѣмъ идутъ съ среднимъ образованіемъ (7,53%). Число подписчиковъ колебалось въ теченіе года и часть изъ нихъ уходила, замѣняясь другими. Въ отчетѣ есть свѣдѣнія о причинахъ ухода 71 читателя. Оказывается, что благодаря отъѣзду выбыло 34%, за недостаткомъ времени 21%, по неизвѣстной причинѣ 20%, за невозможностью возобновить поручительство 11%, за отдаленностью 4,5%, по нежеланію 3%, вслѣдствіе экзаменовъ 3% и 3,5% по другимъ причинамъ.

Въ теченіе года было сдѣлано около 7 т. посѣщеній, что даетъ въ среднемъ по 28 человекъ на день и по 7,61 посѣщеній на каждого подписчика. Изъ числа всѣхъ посѣщеній 48,7% приходится на долю учащихся, а 51,3% на долю остальныхъ.

Всего больше посѣщаютъ читальню ученики городскихъ (54,7%) и приходскихъ (11,6%) школъ и прогимназій (9%).

Въ отчетѣ имѣются свѣдѣнія какъ о читающихъ въ читальнѣ, такъ и о берущихъ книги на домъ. Первые составляютъ 30%, вторые 70% всѣхъ посѣтителей, т. е. берущихъ книги на домъ почти въ 2% раза больше читающихъ въ читальнѣ.

Изъ авторовъ больше всего требовались: Ж. Вернъ, Л. Толстой, М. Твенъ, Тургеневъ, Данилевскій, Загоскинъ (Юрій Милославскій), Гончаровъ, Соловьевъ. По отдѣлу біографій требовались Смайльсъ, Ирвингъ,

Анненская. По исторіи: Острогорскій, Изъ великихъ преданій, *Костомаровъ*. Богданъ Хмѣльницкій, *Штоль*. Герои Греціи, *Грубе*. Очерки изъ исторіи народныхъ сказаній. По географіи: *Брассей*. Вокругъ Свѣта, *Дарвинъ*. Путешествіе на корабль Бигль, *Коропчевскій*. Разказы про дикаго человѣка. Меньше всего спрашивались отдѣлы общественный, медицинскій и педагогическій.

Изъ газетъ больше всего требовались ежедневныя изданія, но ихъ было только двѣ: «Новое Время» и «Восточное Обзорѣніе». Изъ иллюстрированныхъ: «Нива», «Вокругъ Свѣта», «Сѣверъ», «Живописное Обзорѣніе». Въ настоящее время совѣтъ библіотеки хлопочетъ о разрѣшеніи выписать сибирскія газеты.

Нельзя между прочимъ не замѣтить, что на нѣкоторыя книги замѣчался особенный спросъ, и ихъ трудно было застать на полкахъ библіотеки. Въ отчетѣ библіотеки есть между прочимъ свѣдѣнія о числѣ неудовлетворенныхъ требованій, и изъ него видно, что по одному только отдѣлу беллетристики въ теченіе одного мѣсяца было 753 неудовлетворенныхъ требованія. Благодаря этому необходимо было выписать вторые экземпляры. Многія изъ требованій можно было бы удовлетворить другими книгами, имѣющимися въ библіотекаѣ, но уставъ такихъ читателей не даетъ возможности пользоваться ими. Между тѣмъ въ теченіе одного года въ пользу библіотеки поступило 2,211 книгъ, большая часть которыхъ не можетъ быть выдаваема изъ народныхъ библіотекъ.

Библіотека управляется особымъ совѣтомъ, выбираемымъ общимъ собраніемъ членовъ. Выдача книгъ и веденіе другихъ дѣлъ производится библіотекаршей и нѣкоторыми членами, приходящими ей на помощь. Благодаря имъ въ сравнительно короткое время удалось составить каталогъ и устроить помѣщеніе.

Вообще библіотека пользуется сочувствіемъ общества; по крайней мѣрѣ спектакль, устроенный въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, далъ чистаго сбора больше 700 рублей. На это же сочувствіе общества указываетъ число членовъ библіотеки, доходящее до 222 человѣкъ.

При библіотекѣ предположено устроить книжный складъ, въ которомъ, кромѣ книгъ, будутъ продаваться учебныя пособія. Если складъ будетъ открытъ, то онъ принесетъ несомнѣнную пользу, такъ какъ книжныя магазины берутъ слишкомъ высокій процентъ.

И. К.

Критика и библиографія.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣмецкаго. А. Страхова. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженка. С.-Пб. 1898. Ц. 2 руб. Изд. Л. Ф. Пантелѣва.

Авторъ названной книги не имѣлъ въ виду, по его собственнымъ словамъ, сообщить читателю что-нибудь новое или объявить ему такія вещи, которыхъ онъ не знаетъ. Напротивъ, «авторъ воображаетъ, что совершилъ съ читателемъ занимательную прогулку и теперь хочетъ лишь возобновить общія пріятныя впечатлѣнія и привести ихъ въ стройный видъ». Но кромѣ этой цѣли у автора была еще другая: онъ хотѣлъ убѣдить читателя, что реализмъ и идеализмъ вовсе не составляютъ непримиримыхъ противоположностей; задача истиннаго генія состоитъ въ приведеніи ихъ къ высшему единству. Поэтому Левесъ вооружается противъ нѣмецкой философской критики, старавшейся прежде всего отыскать въ каждой драмѣ Шекспира опредѣленную идею, или вѣрнѣе, навязывавшей таковую великому драматургу. Философствующіе критики при помощи натяжекъ подгоняли всѣ отдѣльныя части произведенія подъ свою собственную идею. Нельзя отрицать, что извѣстные общіе выводы и истинны вытекаютъ изъ Шекспировскихъ произведеній, но авторъ «Гамлета» не для ихъ доказательства создавалъ свои гениальныя творенія. Поэтому Левесъ поступилъ вполне правильно, отвергнувъ измышленія нѣмецкой философской критики и стараясь постигнуть психологическій интересъ и поэтическую сторону каждаго типа. Другое достоинство книги составляетъ ея полнота. За исключеніемъ Крессиды и Изабеллы, всѣ сколько-нибудь замѣчательныя женскіе образы, созданныя Шекспиромъ, подверглись обстоятельному разбору со стороны автора. Въ глазахъ русскихъ читателей эта полнота обзора имѣетъ большое преимущество, такъ какъ на русскомъ языкѣ, кромѣ остроумныхъ, но случайныхъ характеристикъ Гейне и нѣсколькихъ статей, посвященныхъ отдѣльнымъ женскимъ типамъ, ничего не имѣется.

Но этими двумя достоинствами и исчерпываются положительныя стороны разбираемаго труда. Когда мы приступаемъ къ чтенію самыхъ характеристикъ, мы не можемъ увлечься ими благодаря отсутствію оригинальности и яркости въ изложеніи Левеса; его психологическій анализъ не

отличается глубиной. Приведем напр. характеристику Клеопатры: «Ея страстныя настроенія смѣняются такъ быстро, что мы, прилагая всѣ усилія, рѣшительно не успѣваемъ осудить ихъ нравственное ничтожество. Съ утонченнымъ искусствомъ опытной гетеры, она постоянно поддерживаетъ въ Антоніи чувственное возбужденіе и, сопровождая чашу наслажденій постоянными прекословіями, устраиваетъ однообразіе и пресыщеніе. Постоянныя кризисы ревниваго недовольства заключаются сценами примиренія, причемъ пылкая нѣжность достигаетъ необычайныхъ размѣровъ,—эти маневры постоянно возбуждаютъ и обновляютъ страсть и не даютъ мѣста равнодушію» и т. д. Конечно такая характеристика не напомнитъ читателю о дивномъ образѣ, созданномъ Шекспиромъ, о тонкой организаціи, едва поддающейся анализу, о необыкновенной натурѣ, почти недоступной объясненію. Такая же общая характеристика Корделии: «въ ней Шекспиръ изобразилъ намъ *самый* трогательный, *самый* чистый образъ душевной непорочности, *самой* высокой и *самой* нѣжной женственности и дочерней любви въ ея *священнѣйшихъ* чувствахъ и дѣйствіяхъ». Авторъ какъ бы хочетъ превосходною степенью эпитетовъ возмѣстить недостатокъ ихъ внутренней силы.

Къ числу недостатковъ книги относится отсутствіе исторической перспективы и неудачныя догадки біографическаго характера. Въ пьесахъ перваго періода авторъ считаетъ возможнымъ отыскать слѣды личныхъ огорченій Шекспира, а въ пьесахъ втораго періода—видѣть работу человѣка, живущаго счастливо, достигшаго успѣховъ. Но кромѣ общихъ соображеній Левесъ ничего не приводитъ въ подтвержденіе своихъ догадокъ. Едва ли стоитъ доказывать бесплодность заключеній, подобныхъ, напр., слѣдующему: «Весьма вѣроятно, что поэтъ въ своемъ супружествѣ испыталъ непріятности, породившія въ немъ раздраженіе и вражду къ женщинамъ вообще, и что подобное настроеніе высказалось въ этихъ пьесахъ».

Не смотря на указанные нами недостатки, книга Левеса, по изложеннымъ выше соображеніямъ, является кстати и пополняетъ существенный пробѣлъ въ русской литературѣ о Шекспирѣ. Переводъ сдѣланъ въ общемъ удовлетворительно, хотя мѣстами и чувствуется шероховатость.

П. С. Коганъ.

М. Каррьеръ. Драматическая поэзія. Перев. В. А. Яковлева СПБ. 1898.

Морицъ Каррьеръ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ нѣмецкихъ писателей по теоріи искусства, и его сочиненіе «Die Poesie, ihr Wesen und Formen» пользуется установившейся и заслуженной репутаціей. Съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ появленіе въ русскомъ переводѣ части обширнаго труда Каррера, той, гдѣ рѣчь идетъ о драматической поэзіи. Небольшая книга составлена очень тщательно и представляетъ дѣльную теорію драмы, а также краткій, но обстоятельный, очеркъ развитія драматической поэзіи; переводъ прекрасный, и русскій читатель можетъ очень точно ознакомиться по немъ со взглядами нѣмецкаго эстетика; онъ придерживается въ общемъ того пониманія сущности и назна-

ченія искусства вообще и драматической поэзіи въ частности, которое выработано цѣлымъ рядомъ классическихъ нѣмецкихъ писателей отъ Канта и Шиллера до Лессинга, Жана-Поля Рихтера и другихъ.

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи Каррьеръ ставитъ драму наиболѣе высоко, какъ соединеніе эпоса и лирики и выводитъ сущность драмы изъ взаимно-отношеній объединенныхъ въ ней субъективнаго и объективнаго начала. Вопросъ о томъ, которое изъ двухъ началъ должно преобладать, различаетъ древнюю драму отъ новой, т. е. греческую трагедію съ ея господствомъ рока отъ драмы, основанной на разработкѣ индивидуальныхъ характеровъ; высшимъ представителемъ послѣдней является Шекспиръ. Каррьеръ отдаетъ предпочтеніе шекспировскому типу драмы и настаиваетъ на необходимости представлять драматическіе характеры въ развитіи, а не только въ моментъ конечной катастрофы, столкновенія, въ которомъ высказывается весь человѣкъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ въ греческой и въ созданной по ея образцу французской трагедіи. Изъ преобладанія субъективнаго элемента Каррьеръ выводитъ также характеръ драматическаго дѣйствія, исходъ котораго не долженъ быть предрѣшеннымъ, а находится въ зависимости отъ психологіи героя, отъ его внутренняго міра, оказывающаго воздѣйствіе на внѣшнія событія. «Драматургъ», говоритъ Каррьеръ, «стоитъ въ настоящемъ и смотритъ въ будущее; смотритъ какъ оно, вслѣдствіе свободной воли личности, стремится сдѣлаться настоящимъ». Какъ абсолютное правило эта формула не годится, именно потому, что она не вмѣщаетъ въ себя одного изъ величайшихъ типовъ трагедіи — греческую, гдѣ исходъ совершенно предрѣшенъ велѣніемъ рока, гдѣ сила обстоятельствъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ—и гдѣ все таки индивидуальность отражается съ великой силой именно вслѣдствіе борьбы съ неизмѣннымъ и отношеній свободной воли къ роковому началу жизни.

Въ занимавшемъ драматурговъ всѣхъ временъ вопросѣ объ единствѣхъ, Каррьеръ справедливо доказываетъ, что Аристотель требовалъ только единства дѣйствія, и не постановлялъ правилъ ни относительно единства времени, ни мѣста. Единство же дѣйствія должно состоять не въ томъ, что поэтъ представляетъ *одно* событіе, а въ томъ, что все событіе развивается изъ воли человѣка, какъ его цѣль. Это опредѣленіе подтверждается и примѣромъ античной драмы, гдѣ, какъ напр. въ «Антигонѣ» одинъ общій принципъ—столкновеніе вѣчнаго права съ внѣшнимъ порядкомъ, семейнаго благочестія съ государственнымъ порядкомъ, — оправдывается среди противорѣчивыхъ интересовъ многихъ лицъ, изъ которыхъ каждое преслѣдуетъ свои собственныя цѣли, считая свою цѣль главной.

Также и у Шекспира основная идея каждой драмы проводится черезъ рядъ параллельныхъ дѣйствій и чувствъ высшаго и низшаго порядка.

Говоря о композиціи драмы, Каррьеръ отвергаетъ слишкомъ детальное различеніе моментовъ драматическаго дѣйствія, каковое дѣлаетъ Фрейтагъ въ своей «Техникѣ Драмы». Изъ восьми моментовъ, указанныхъ Фрейтагомъ (вступленіе, возбужденіе, восхожденіе, высшій пунктъ восхожденія, трагическій моментъ, нисхожденіе, моментъ послѣдняго напряженія, катастрофа), Каррьеръ признаетъ необходимость только четырехъ:

1) вступленія (экспозиціи), 2) поднятія дѣйствія, 3) перелома (перипетіи), 4) нисхожденія. Но онъ настаиваетъ на необходимости соблюдать правила композиціи въ этомъ объемѣ—не признавая, очевидно, законности драмъ, не поддающихся правильному расчлененію на эти основныя части. Къ какому же роду поэтическихъ произведеній причислитъ бы онъ драмы большинства современныхъ драматурговъ, которые, за исключеніемъ Ибсена — классика по своимъ приемамъ — совершенно не соблюдаютъ правилъ композиціи, опускаютъ часто экспозицію и еще чаще не завершаютъ пьесу конечной катастрофой, а оставляютъ положеніе вещей въ концѣ драмы такимъ же, какъ оно было въ началѣ. Такъ построены пьесы Гонкуровъ (*Germinie Lacerteux*), Анри Бека (*Parisienne* и др.); драмы Гауптманна совершенно не соответствуютъ установленнымъ традиціоннымъ дѣленіямъ — и все таки необычайно сценичны. Онъ и множество другихъ показываютъ, что для искусства нѣтъ вѣчныхъ правилъ. Каррьеръ излагаетъ теорію построенія древней и новой драмы—и мудрость этой теоріи подтверждается тѣмъ, что она послужила основой величайшихъ произведеній человѣческаго гениа. Но тѣмъ не менѣе, она имѣетъ только историческій интересъ; нельзя предрѣшать, исходя изъ нея, будущее драматической поэзи; новое искусство создаетъ новыя теоріи, и глубокое заблужденіе многихъ критиковъ заключается въ упорномъ желаніи навязать измѣнившимся формамъ искусства старыя правила.

Каррьеръ заканчиваетъ свою теорію драмы разсмотрѣніемъ трехъ видовъ поэзи: трагедіи, комедіи и драмы примиренія. Трагедію онъ опредѣляетъ какъ поэтическое выраженіе серьезной стороны жизни: она рисуетъ побѣду божественной воли, идеи или нравственной необходимости надъ всѣми противорѣчiami личнаго произвола и несообразностями нашей жизни; гибелью зла она уготовляетъ торжество добру.

Комедія же, напротивъ, допускаетъ произволь, позволяетъ ему торжествовать призрачную побѣду надъ идеями, причемъ все таки, въ концѣ концовъ, заблужденія должны быть исправлены, противорѣчія разрѣшены въ свѣтлой побѣдѣ добра и правды.

Переходя отъ этихъ двухъ основныхъ драматическихъ родовъ къ драмѣ примиренія, Каррьеръ даетъ послѣдней очень блестящее опредѣленіе, отдавая ей тѣмъ самымъ преимущество передъ другими родами драматической поэзи. «Въ трагедіи», говоритъ онъ, «господствуетъ необходимость, въ комедіи произволь и случай, а драма примиренія можетъ быть названа истинной поэзіей свободной воли.. Въ драмѣ примиренія индивидуальность достигаетъ такой духовной силы, что человѣкъ, преслѣдуя извѣстную цѣль, въ тоже время создаетъ, что онъ могъ бы поступить иначе, сознаетъ себя господиномъ своего ума, сердца и воли и собственнымъ выборомъ умѣетъ привести свою субъективность въ созвучіе съ объективными законами міропорядка. Истинная свобода есть такое благо, которое должно быть непрестанно приобрѣтаемо, котораго достигаемъ мы путемъ самоосвобожденія: драма примиренія представляетъ намъ отдѣльные моменты въ развитіи этого блага. Чѣмъ полнѣе возвышается человѣчество надъ природой и природными наклонностями къ сознательно нравственному образу жизни, тѣмъ соответственнѣй становится съ нимъ форма примирительной драмы». Къ этому разряду

драмъ со свѣтлымъ исходомъ Каррьеръ причисляетъ лучшія созданія драматическаго гения всѣхъ временъ: «Салунтулу», «Филоктетъ» Софокла «Ифигенію» Эврипида, «Прометей» Эсхила, «Жизнь есть сонъ» Кальдерона, «Бурю» Шекспира, «Сяда» Корнеля, «Натана» Лессинга, «Ифигенію» Гете.

Въ высшей степени интересно и обстоятельно составленъ историческій очеркъ развитія драмы въ книгѣ Каррьера. Говоря о греческой драмѣ, Каррьеръ даетъ яркія характеристики Эсхила, Софокла и Эврипида, причемъ, однако, слишкомъ унижаетъ послѣдняго. Эврипидъ отталкиваетъ его тѣмъ, что онъ индивидуализируетъ характеры и любитъ ненормальное, тѣмъ, что онъ выдвигаетъ психологическія загадки, въ противоположность величавому теченію рока у его предшественниковъ. Но въ этомъ сила Эврипида, необычайно близкаго нашему времени по своей пытливости и сплетенію религіознаго скептицизма съ тяготѣніемъ къ мистицизму. Онъ поднимаетъ самыя сокровенныя вопросы въ своихъ драмахъ, говоритъ въ «Ваханкахъ» о борьбѣ стихійныхъ страстей въ человѣкѣ съ просвѣтленнымъ началомъ разума, обнажаетъ паденія души и вѣчно занятъ разрѣшеніемъ тайны божества; онъ утратилъ твердую вѣру своихъ предшественниковъ, но ищетъ другого исхода и объясненія. Эврипидъ необычайно глубокъ, полонъ контрастовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великій реалистъ — такъ что безусловное приниженіе его передъ величавостью Эсхила и Софокла едва ли справедливо. Каррьеръ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ уже значительно устарѣлому взгляду въ литературѣ о сравнительныхъ достоинствахъ трехъ классическихъ трагиковъ древней Греціи.

Отмѣтимъ въ числѣ яркихъ страницъ очерка Каррьера его сравненіе Эсхиловскаго Прометея и Фауста Гете. «Прометей» Каррьеръ опредѣляетъ какъ «выраженіе сущности человѣческой исторіи со стороны ея нравственнаго смысла и отношенія къ божеству; простую со влечетъ за собой страданіе, а примиреніе съ нравственнымъ міропорядкомъ является актомъ свободной воли, которую духъ вырабатываетъ изъ борьбы субъективнаго своеволя съ объективной необходимостью». Высшимъ проявленіемъ свободы личности является пониманіе того, что только подчиненіе нравственному закону даетъ настоящую свободу, ибо «я» не абсолютно, а составляетъ часть цѣлаго, и потому эгоизмъ, стремящійся къ совершенному обособленію разрушаетъ связь съ общимъ источникомъ жизни и уничтожаетъ самого себя.

Переходя къ новой драмѣ послѣ очерка греческой и латинской трагедіи и комедіи, Каррьеръ разсматриваетъ итальянскую драму Возрожденія, испанскую драму, англійскій и французскій театръ XVI и XVII вѣковъ и переходитъ къ нѣмецкой драмѣ, которую заканчиваетъ разборомъ Фауста.

Зин. Венгерова.

Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. (L'évolution des idées générales). Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. С-Пб. Изд. Ф. Павленкова. Ц. 80 к. — Переводъ Н. Н. Спиридонова. Стр. 333. М., 1898 г. Ц. 80 к.

Рибо далъ такое заглавіе своему труду, которое не отвѣчаетъ вполне

его содержанию. Если судить по заглавию, то нужно думать, что авторъ въ своемъ трудѣ хотѣлъ изслѣдовать развитіе общихъ понятій, каковы о числѣ, пространствѣ, времени, причинѣ, законѣ, видѣ. Авторъ это и дѣлаетъ. Такое изслѣдованіе составляетъ содержание второй половины его труда. Въ первой же половинѣ онъ изслѣдуетъ развитіе процессовъ отвлеченія и обобщенія, ихъ разнообразныя виды и степени. Къ этой первой половинѣ труда заглавіе книги совсѣмъ не идетъ, вовсе не выражаетъ ея. Такимъ образомъ задача, которую ставитъ себѣ Рибо въ названной книгѣ, двойная: прослѣдить развитіе основныхъ умственныхъ процессовъ или ума и главнѣйшихъ общихъ понятій или идей, которыя, очевидно, составляютъ результатъ дѣятельности ума.

Умственная дѣятельность, по Рибо, можетъ быть сведена къ слѣдующимъ двумъ процессамъ: съ одной стороны—къ ассоціаціи, соединенію, объединенію, а съ другой—къ разложенію, изолированію, раздѣленію. «Эти двѣ существенныя операціи лежатъ въ основѣ всѣхъ формъ познанія, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, и образуютъ единство его состава».

Мы полагаемъ, что такой взглядъ не совсѣмъ правиленъ. Что соединеніе или связываніе есть одно изъ основныхъ умственныхъ отправленій—это такъ; но про разложеніе и раздѣленіе нельзя сказать того же. Чтобы разлагать или раздѣлять, для этого нужно различать. Если я не различаю, то я не могу и раздѣлить. Раздѣленіе, разложеніе, изолированіе суть вторичныя процессы, возникающіе на почвѣ различенія. Различеніе и раздѣленіе тѣсно связаны между собою, но не одно и то же. При изслѣдованіи основныхъ умственныхъ процессовъ ихъ перемѣшивать не годится и особенно неудобно вторичный процессъ принимать за первичный. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги Рибо указываетъ на коренное значеніе для развитія нашего ума различеній. Такъ онъ говоритъ: «дѣйствительно, то, что даетъ намъ опытъ внѣшній и внутренній, состоитъ изъ смѣси сходствъ и различій въ крайне разнообразной пропорціи» (стр. 9). Онъ приводитъ слѣдующія слова извѣстнаго естествоиспытателя Агасица: «я взялъ на себя трудъ сравнить между собою нѣсколько тысячъ особей одного и того же вида; въ одномъ случаѣ я проявилъ такую тщательность, что помѣстилъ рядомъ, другъ возлѣ друга, 27,000 экземпляровъ одной и той же раковины (genre Neretina). Я могу увѣрить, что въ числѣ этихъ 27,000 экземпляровъ я не нашелъ двухъ, которые вполне были бы тождественны» (стр. 9—10). Какой главный, основной процессъ совершался въ умѣ Агасица при утвержденіи этого факта? Очевидно, различеніе одной раковины отъ другой, одного вида раковинъ отъ другихъ видовъ и вообще раковины отъ всего прочаго. Невозможно себѣ и представить, какъ былъ бы возможенъ подобный процессъ безъ различенія. А классификація есть собственно работа соединенія, связыванія.

Причины, обуславливающія развитіе въ человѣческомъ умѣ отвлеченія и обобщенія, также выяснены недостаточно. Ихъ Рибо находитъ во вниманіи, въ полезности, въ появленіи изобрѣтателей. Онъ просматриваетъ болѣе глубокія и естественныя причины, лежащія въ самомъ организмѣ человѣка, въ строеніи его органовъ внѣшнихъ чувствъ, именно въ томъ, что всякое явленіе мы неизбѣжно разлагаемъ на свойства зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д., а въ послѣднихъ различаемъ еще

частивѣйшія: красный цвѣтъ, желтый, громкіе и тихіе звуки, тяжелые и легкіе предметы, твердые и мягкіе и т. д. Для процесса же ассоціаціи и соединенія органической основой служить цѣлостность нашего организма, взаимная связь и поддержка органовъ.

Въ обсужденіе самой природы отвлеченія и обобщенія Рибо не входитъ, находя это излишнимъ «послѣ столькихъ предшественниковъ». Это напрасно, не мѣшало бы разъяснить хорошенько тѣ явленія, о которыхъ постоянно говорится, изслѣдованіе развитія которыхъ и составляетъ главную задачу труда. Выясненіе природы упомянутыхъ процессовъ представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ, что вмѣсто соединенія и раздѣленія Рибо началъ изслѣдовать отвлеченіе и обобщеніе — процессы нѣсколько иные. Правда, онъ указалъ, что отвлеченіе предполагаетъ раздѣленіе, а обобщеніе—ассоціацію по сходству, но эти указанія слишкомъ кратки и недостаточны.

Прогрессивное развитіе ума обнимаетъ собою три періода: 1) періодъ низшихъ отвлеченныхъ идей, предшествующихъ появленію рѣчи и обходящихся безъ слова, но не безъ всякаго знака. Низшія отвлеченныя идеи суть родовые образы (*images génériques*), занимающіе промежуточное положеніе между чистыми представленіями и общими понятіями въ собственномъ смыслѣ слова; 2) періодъ среднихъ отвлеченныхъ идей, сопровождаемыхъ словомъ, роль котораго, сначала ничтожная, мало по малу приобрѣтаетъ все большее и большее значеніе. На самой вышей своей ступени эти понятія едва поднимаются надъ уровнемъ родоваго образа, они сводятся къ неясной схемѣ, для которой почти излишня наличность слова. На болѣе высокой степени роли мѣняются: схематическое представленіе, дѣлаясь все блѣднѣе и блѣднѣе, все болѣе теряется передъ словомъ, которое переходитъ въ сознаніи на первое мѣсто и 3) періодъ высшихъ отвлеченныхъ идей, когда въ сознаніи присутствуетъ только слово, являющееся полнымъ замѣстителемъ представленій. Если и возникаетъ какое либо представленіе въ сознаніи, оно не оказываетъ замѣтной помощи ходу мысли, а иногда даже мѣшаетъ ему.

Нельзя не признать, что указанные три періода въ развитіи ума: низшихъ отвлеченныхъ идей, среднихъ и высшихъ, не отличаются выпуклостью и опредѣленностью. Это что-то сливающееся одно съ другимъ, не дающее сознанію никакой твердой точки опоры. Все, что только развивается, можно раздѣлить на три ступени: низшую, среднюю и высшую, можно раздѣлить прежде изслѣдованія и не ошибиться. Изъ такой характеристики трудно извлечь какія либо цѣнныя указанія. Въ данномъ случаѣ нѣкоторую пользу можетъ оказать совершенно опредѣленный признакъ — значеніе слова въ мышленіи и отношеніе слова къ образу. Слѣдовало бы и всю характеристику построить на основаніи этого признака.

Для изслѣдованія низшихъ формъ отвлеченій Рибо пользуется данными относительно ума животныхъ, дѣтей, глухонѣмыхъ, жестовъ или знаковь и о развитіи членораздѣльнаго языка въ родѣ человѣческомъ. Для изслѣдованія среднихъ формъ отвлеченія онъ пользуется также языками, счисленіемъ и особенно зоологическими классификаціями. При опредѣленіи высшихъ формъ отвлеченія онъ различаетъ типы умовъ: конкретный, зрительно-типографическій и слуховой. Всѣ эти изслѣдованія довольно бѣглы

и коротки, хотя и поддерживаются значительной начитанностью автора. Онъ даетъ цѣлый рядъ небольшихъ главокъ, въ которыхъ обсуждаемый предметъ не столько разрабатывается, сколько намѣчается. Указанные три типа умовъ онъ характеризуетъ такъ. Типъ конкретный. У этого типа отвлеченное слово почти всегда вызываетъ образъ, иногда точный, иногда неопредѣленный, по большей части зрительный, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ даже образъ мускульнаго чувства. Слово не служитъ здѣсь простымъ знакомъ, оно не является полнымъ замѣщеніемъ, оно не имѣетъ безжизненнаго характера и не ограничено въ самомъ себѣ. Оно немедленно и самопроизвольно превращается въ конкретное представленіе. Конкретный типъ болѣе распространенъ, чѣмъ всѣ остальные. Онъ почти одинъ только и встрѣчается у женщинъ, артистовъ и у всѣхъ лицъ, не привыкшихъ къ научнымъ отвлеченіямъ. Зрительно-типографическій типъ характеризуется тѣмъ, что уму представляются печатныя слова и больше ничего. Такой видъ ума встрѣчается между лицами, которыя много читали. Нѣкоторыя лица, принадлежація къ этому типу, прямо заявляютъ: «я вижу все въ напечатанномъ видѣ».—Слуховой типъ въ своемъ чистомъ видѣ встрѣчается очень рѣдко и характеризуется присутствіемъ въ сознаніи однихъ только звуковъ, т. е. слуховыхъ образовъ, не сопровождаемыхъ ни видомъ напечатанныхъ словъ, ни конкретными образами. Для лицъ этого типа всѣ слова звучатъ въ ушахъ и сновидѣнія касаются звуковъ.

Указанные типы, несомнѣнно, важны для распознаванія склада различныхъ умовъ, ихъ преобладающихъ привычекъ, склонностей, направленій; но насколько они могутъ характеризовать ростъ способности отвлеченія и обобщенія вообще—остается еще вопросомъ. Въ намѣченныхъ типахъ умовъ гораздо больше выражается вліяніе обстоятельствъ на способъ представленія и мышленія, чѣмъ ростъ отвлеченнаго разсужденія. Если кто либо, напримѣръ, ученый физиологъ, приводимый Рибо, всѣ понятія представляетъ въ формѣ печатныхъ буквъ, то это еще нисколько не характеризуетъ его способность отвлеченнаго разсужденія. Онъ можетъ разсуждать одинаково хорошо, какъ и лицо «слухового типа», или одинаково худо, превосходить его въ своихъ отвлеченіяхъ и обобщеніяхъ или уступать ему и т. п. Для этихъ лицъ, для распознаванія свойствъ ихъ умовъ характерно, что они все представляютъ въ видѣ печатныхъ буквъ или членораздѣльныхъ звуковъ; но для характеристики развитія отвлеченій и обобщеній въ родѣ человѣческомъ это имѣетъ мало значенія.

Вторая половина книги Рибо посвящена изслѣдованію развитія отдѣльныхъ идей—пространства, времени, числа, причины и т. д. Вопросы о происхожденіи этихъ идей нашъ авторъ совсѣмъ не касается, считаетъ даже возможными въ данномъ случаѣ самыя противорѣчивыя гипотезы; онъ изслѣдуетъ только развитіе идей. Можетъ быть, это очень осторожно, но выходитъ какъ-то неполно, безъ начала; явленіе изслѣдуется, какъ будто, съ середины, а про начало разрѣшается думать, какъ угодно, какъ будто начало явленія несвязано съ его серединой, какъ будто возникновеніе явленія—это одно дѣло, а его развитіе—совсѣмъ особая статья. Цѣлое явленіе разрывается, что едва ли удобно, логично и мужественно. Нѣкоторые изъ представленныхъ очерковъ весьма недурны, напримѣръ, о развитіи идей о времени и пространствѣ.

Свою теорію о развитіи отвлеченія и обобщенія Рибо почему-то призналъ нужнымъ связать съ теоріей о бессознательной душевной жизни, чѣмъ нисколько ея не укрѣпилъ. Онъ разсуждаетъ такъ: отвлеченное мышленіе есть мышленіе символическое. Символь есть замѣститель и требуетъ дѣйствительнаго существованія замѣщаемаго. Но замѣститель для всей сферы сознанія невозможенъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Рибо, выходитъ, что «психологія отвлеченія и обобщенія въ значительной степени является психологіей бессознательнаго». А между тѣмъ существуютъ ли бессознательныя душевныя явленія—и до сихъ поръ составляетъ спорный вопросъ въ психологіи. Есть весьма серьезныя основанія признавать сознательность однимъ изъ основныхъ и чрезвычайно распространенныхъ свойствъ жизненной дѣятельности вообще, а не только душевной—человѣческой.

Мы далеки отъ того, чтобы низко оцѣнивать новый трудъ Рибо. Недостатки работы обусловлены главнымъ образомъ необычайною трудностью предмета изслѣдованія. Мы это сознаемъ лучше кого либо, такъ какъ въ 1890 году издали изслѣдованіе (Изъ исторіи души. Очерки по исторіи ума.) на ту же тему, которую въ названномъ сочиненіи разрабатываетъ Рибо, и имѣли удовольствіе видѣть, что приемы изслѣдованія, матеріалъ и многія сужденія Рибо существенно сходны съ тѣми, которыми мы пользовались и которыя мы высказали восемь лѣтъ назадъ.

Переводъ книги Рибо сдѣланъ очень внимательно. Позволимъ себѣ только спросить переводчика: отчего французское слово эволюція въ заглавіи не могло быть замѣнено русскимъ словомъ развитіе? Въ самой книгѣ нерѣдко слово эволюція передается словомъ развитіе.

П. Каптеревъ.

Р. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Пер. съ англійскаго. Изданіе магазина «Книжное дѣло». М. 1898. ц. 50 коп.

Наши понятія о вымершихъ цивилизаціяхъ Востока, Халдеи, Вавилоніи, древнемъ Египтѣ, Персіи и проч., составленныя на основаніи принятыхъ уже давно и изъ году въ годъ возобновляемыхъ въ прежнемъ видѣ учебниковъ, далеко не отвѣчаютъ дѣйствительному уровню современнаго научнаго пониманія жизни народовъ этихъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1802 году Юнгу и Шампольону удалось разобрать на такъ называемомъ Родетскомъ камнѣ геролифическія надписи Египта, а позднѣе были прочтены клинообразныя надписи Ассиріи, изученіе древнихъ цивилизацій далеко подвинуло наши познанія въ этой области. Надписи на скалахъ, разобранныя учеными, дали не мало вкладовъ для изученія исторіи древней Персіи. Эти каменные страницы исторіи отчасти подтверждали то, что извѣстно уже было изъ главныхъ источниковъ, откуда черпала свои свѣдѣнія о погибшихъ цивилизаціяхъ Востока прежняя наука, сочиненій Геродота и Библии, отчасти дополняли уже извѣстное новыми данными, иногда же открывая новые глубоко интересные и поразительные факты изъ исторіи древняго Востока. Образчикомъ подобнаго рода каменныхъ страницъ лѣтописи древняго міра можетъ служить надпись на «камнѣ Бехистуна»,—на скалѣ, возвышающейся на

1700 футовъ близъ караванной дороги между Багдадомъ и Гомаданомъ. На известковой поверхности одного изъ отвѣсныхъ склоновъ скалы высѣчены написанные клинообразными письменами пять огромныхъ столбцовъ по персидски, по мидійски и по вавилонски; они заключаютъ въ себѣ генеалогію Дарія до Ахемена, и описаніе побѣдъ, одержанныхъ «Великимъ царемъ». Данныя этого драгоценнаго памятника древности въ общемъ, однако, совпадаютъ съ разсказами греческихъ историковъ.

И вотъ въ результатъ изученія гіероглифическихъ и клинообразныхъ надписей исторія древнѣйшихъ расъ возстаетъ передъ нами съ особенной живостью. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самыя представленія наши обобщей картинѣ древняго міра видоизмѣняются. Самымъ поразительнымъ фактомъ, относящимся къ исчезнувшимъ культурамъ, служитъ открытіе имперіи, носившей имя Хита. О Хитѣ или гиттитахъ имѣются смутныя указанія въ Ветхомъ Завѣтѣ, но ранѣе имъ не придавали особаго значенія. Теперь мы знаемъ, что гиттиты въ теченіи многихъ вѣковъ были воинственной и завоевательной расой, правителями очень обширныхъ земель, заселенныхъ различными народностями, не только значительнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда либо были евреи, но и въ состояніи соперничать съ величайшими правителями Египта и Вавилоніи. Въ зенитѣ своей славы имперія гиттитовъ захватывала сѣверную Сирію, всю Малую Азію, на сѣверѣ достигая Чернаго моря. «Сыны Хета», о которыхъ говорить Библия, были, вѣроятно, колоніей обширнаго союза на сѣверѣ. Не позднѣе, чѣмъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ до Р. Х. гиттиты были могущественнымъ врагомъ для сосѣдей. Ихъ самостоятельное государственное существованіе закончилось за 700 лѣтъ до Р. Х. Европа во многомъ обязана своей цивилизаціею гиттитами, такъ какъ начатки греческой культуры заимствованы ими у гиттическихъ завоевателей, въ свою очередь почерпавшихъ ее изъ Бактріи или иного неизвѣстнаго центра.

И всѣ эти имперіи—Египетъ, Вавилонія, Хита, Персія и другія, о силѣ и могуществѣ правителей которыхъ въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ гласятъ намъ древнѣйшія надписи, теперь исчезли, оставивъ послѣ себя однѣ развалины нѣкогда богатыхъ и обширныхъ городовъ, засыпанныхъ пескомъ пустынь. Въ ихъ смѣнѣ, взаимныхъ столкновеніяхъ, возвышеніи однихъ и паденіи другихъ прошла исторія древнѣйшаго Востока. Въ чемъ же причина исчезновенія этихъ могущественныхъ государствъ, этихъ настолько развитыхъ культуръ? Это вопросъ, надъ которымъ еще не мало придется поработать историкамъ. Но и теперь главные причины выступаютъ передъ нами съ достаточной ясностью. Внутренняя слабость, хрупкость этихъ, повидимому, могущественныхъ имперій ярко выступаетъ въ ихъ взаимныхъ столкновеніяхъ. Эти столкновенія были ужасны по своимъ послѣдствіямъ: цѣлые города разрушались до основанія, чтобы никогда уже не быть болѣе возстановленными, цѣлыя племена были подвергаемы рѣзнѣ, а кто оставался въ живыхъ, вводились въ плѣнъ, чтобы наконецъ болѣе не знать самостоятельнаго государственнаго существованія. Надпись, описывающая, какъ Сенахерибъ разрушилъ Вавилонъ, бывший дотолѣ соперникомъ его столицы, говоритъ отъ его имени: «Я ломалъ, выкапывалъ, жегъ и разрушалъ крѣпости, башни и храмы, я бросилъ весь мусоръ въ рѣку». Вся внутренняя культура народовъ приносилась

въ жертву завоевательнымъ идеаламъ правителей. Народъ не зналъ самостоятельнаго существованія, ничѣмъ не заявляя о себѣ, составляя лишь матеріальный фундаментъ воинской славы царей. Внутренняя культура Востока росла, передаваясь нерѣдко отъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, пока наконецъ не попала на почву болѣе благоприятную для своего каменнѣйшаго развитія, въ руки странъ, желавшихъ болѣе цѣнить личность, общественныя права, трудъ и блага мира.

Однако, чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлаетъ изученіе древнѣйшихъ цивилизацій, тѣмъ болѣе приходится убѣждаться въ томъ, насколько современное человѣчество обязано въ богатствѣ своей культуры древнѣйшимъ народамъ. Религія, наука, искусство, техника—все это ведетъ свое начало отъ этихъ вымершихъ народностей, самое имя которыхъ порою намъ едва извѣстно, какъ это можно сказать напримѣръ о гиттитахъ. Когда же по древнѣйшимъ источникамъ мы ознакомимся съ поэзіей тѣхъ отдаленнѣйшихъ временъ, насъ охватываетъ невольное чувство уваженія передъ этими передовыми рядами въ движеніи человѣчества, черезъ трупы которыхъ прошла въ своемъ несокрушимомъ шествіи міровая цивилизація. Что, дѣйствительно, можетъ сравняться въ ихъ чудной поэзіи и мрачномъ величіи со слѣдующими вступительными строками одной изъ поэмъ вавилонскаго эпоса, описывающей, какъ Иштаръ спускалась къ Гадесу, чтобы отнять его отъ его соперницы, зловѣщей Парицы Смерти?

«Иштаръ направилась въ ту страну, откуда нѣтъ возврата, обитель тѣна, имѣющаго входъ, но не имѣющаго выхода, на ту дорогу, по которой можно идти впередъ, но не назадъ, въ то жилище, гдѣ сокрытъ дневной свѣтъ, гдѣ голодь утоляютъ прахомъ и мглою, туда, гдѣ тѣни умершихъ живутъ во мракѣ, одѣтыя перьями, какъ птицы. На порогѣ его входа и на замкѣ лежитъ скопившаяся пыль».

Неутомимый трудъ современныхъ ученыхъ терпѣливо сметаетъ пыль, скопившуюся на замкѣ, которымъ такъ долго было заперто отъ глазъ современныхъ поколѣній отдаленнѣйшее прошлое человѣчества. Книжка Андерсона задается цѣлью популяризовать успѣхи этой работы и, несмотря на нѣкоторую неисправность изложенія, достигаетъ своей цѣли. Внимательный читатель найдетъ въ ней не мало новаго и любопытнаго. Переводъ, несмотря на нѣкоторыя свои неясности, въ общемъ удовлетворителенъ.

М. Плотниковъ.

Л. Курпянова. Современная Бельгія въ связи съ ея историческимъ развитіемъ. Спб. 1898 г. ц. 75 коп.

Бельгія—страна, даже въ физическомъ отношеніи, созданная энергіею своего населенія. Проѣзжая по роскошнымъ равнинамъ Сѣверной Бельгіи, слѣдуетъ помнить, что было время, когда здѣсь господствовала морская стихія, когда города, теперь окруженные рядомъ фермъ и садовъ, были цвѣтущими приморскими городами, когда здѣсь происходили знаменитыя морскія сраженія. Упорный трудъ человѣка остановилъ въ извѣстныхъ предѣлахъ прибрежныя сыпучіе пески; тихую и небольшую рѣчку Шильду обратилъ съ помощью громаднхъ затратъ и различныхъ сооружений въ

большой судоходный канал. Бесплодная мѣстность Фландріи обращена въ цвѣтущій садъ, а болотистая почва ландъ, благодаря осушительнымъ работамъ, питаетъ рядъ богатѣйшихъ фермъ. Съ другой стороны, провинціи средней Бельгіи: Брабантъ, Гайнау и Лимбургъ представляютъ собою царство каменноугольной промышленности, масса труда и затратъ вложена въ ихъ землю ради добыванія угля, вынимаемого иногда изъ глубокихъ нѣдръ земли черезъ грандіозныя подземныя галлерей, напоминающія цѣлыя улицы обширныхъ городовъ.

Эта трудовая энергія жителей Бельгіи—плодъ всего ихъ историческаго и культурнаго развитія. Уже въ раннія эпохи ихъ историческаго существованія, едва выбившись изъ подъ римскаго владычества, населеніе Бельгіи въ городскихъ средневѣковыхъ общинахъ начинаетъ вырабатывать въ себѣ тотъ духъ самодѣятельности и независимости, который не покидаетъ его въ теченіе всей послѣдующей исторіи. Благодаря своей экономической силѣ, добытой путемъ торговли и промышленности, большинство городовъ Бельгіи уже къ концу XII и началу XIII вв. обладало хартіями волностей. Передъ ихъ значеніемъ постепенно отступаетъ могущество феодаловъ. Продолжительный гнетъ иностранцевъ и связанная съ тѣмъ бѣдствія не подавили въ населеніи стремленія къ независимости и широкой политической жизни. Господство бургундскихъ герцоговъ, религіозныя войны, кровавое владычество испанцевъ разорили Бельгію, но внутренняя энергія населенія дала странѣ силу пережить эти тяжелыя времена и вступить въ періодъ болѣе спокойнаго и разумнаго управленія подъ властью австрійскаго дома.

Въ теченіе XVIII вѣка, въ особенності во второй половинѣ его, въ связи съ реформами, предпринятыми Маріей Терезіей и Іосифомъ II, торговля, промышленность, земледѣіе и вообще культура страны значительно подвигаются впередъ. Въ періодъ Французской революціи Бельгія становится провинціей Франціи и получаетъ многія пріобрѣтенія великой французской революціи: уничтоженіе сословнаго феодальнаго порядка, равенство всѣхъ передъ закономъ, гарантіи личныхъ правъ. Послѣдовавшее послѣ паденія Наполеона объединеніе промышленной и земледѣльческой Бельгіи съ торговою и богатою флотою Голландією, оказавшее благотѣльное вліяніе на экономическое и духовное развитіе страны, закончилось однако пробужденіемъ національнаго чувства и стремленія къ независимости, которому французская революція въ 1830 г. дала исходъ. Сначала въ Брюсселѣ, затѣмъ въ остальной странѣ вспыхнуло возстаніе, голландскія войска должны были отступить, было провозглашено временное правительство и созванъ національный конгрессъ, провозгласившій независимость Бельгіи, признанную впоследствии и прочими европейскими державами. 4 іюня 1831 г. королемъ Бельгіи былъ избранъ Леопольдъ, принцъ Саксенъ-Кобургскій. Послѣ договора съ Голландіей, состоявшагося въ 1839 году, по которому Бельгія должна была сдѣлать нѣкоторыя уступки, она пользовалась полнымъ спокойствіемъ и, благодаря нейтралитету, не вмѣшивалась въ войны, волновавшія Европу въ послѣднія 50 лѣтъ. Она всецѣло могла направить свои силы на внутреннюю организацію и развитіе своихъ производительныхъ силъ.

Исторія Бельгіи, въ краткихъ словахъ очерченная нами, составляетъ

первую половину рассматриваемой нами книги. Въ изложеніи преобладаетъ описаніе не столько внѣшнихъ фактовъ, сколько внутренней культурной жизни страны, характеристика социальнаго строя и экономическихъ формъ. Изложенію внѣшней исторіи, можетъ быть, отведено мѣстами слишкомъ мало мѣста, напр. такому интересному моменту въ исторіи Бельгіи, какъ эпоха испанскаго владычества, посвящено не болѣе страницы.

Вторая половина книги посвящена описанію современнаго состоянія Бельгіи, ея государственнаго устройства, земледѣлія и промышленности, положенія земледѣльческаго населенія и рабочаго класса, постановки народнаго образованія и общественнаго призрѣнія. Революція 1830 года дала Бельгіи либеральную конституцію, въ которой нуждался наиболѣе богатый и развитой классъ того времени—буржуазія. Но конституція эта не установила всеобщей подачи голосовъ, и избирательный цензъ былъ настолько высокъ, что преимущественно при выборахъ въ палату депутатовъ оставалось за буржуазіей. Это положеніе и вызвало со стороны низшихъ рабочихъ классовъ движеніе въ пользу пересмотра конституціи. Движеніе это закончилось въ 1893 г. тѣмъ, что рабочіе добились пересмотра конституціи и получили всеобщее избирательное право, ограниченное однако въ пользу богатой и образованной буржуазіи. Все же число избирателей вмѣсто 130,000 достигло 1,371 000,—почти 25% всего населенія. Рабочая партія имѣетъ въ настоящее время въ палатѣ 29 представителей и въ 78 общинныхъ совѣтахъ ея представители обладаютъ большинствомъ всѣхъ голосовъ. За этимъ успѣхомъ для трудящагося населенія Бельгіи наступилъ чередъ борьбы за улучшеніе своего экономическаго и социальнаго положенія. Первой ступенью къ тому служило кооперативное движеніе, которому посвящены въ рассматриваемой нами книгѣ однѣ изъ интереснѣйшихъ страницъ. Формы, въ которыя выливается это движеніе, крайне разнообразны: здѣсь и союзы рабочихъ, занятыхъ въ одной отрасли промышленности, и кассы взаимопомощи, производительныя и потребительныя ассоціаціи и проч. Во всемъ этомъ сказывается то же стремленіе къ самостоятельности, которое не оставляло народъ Бельгіи на всѣхъ путяхъ его прошлаго историческаго развитія.

Книга Л. Купріяновой заслуживаетъ широкаго распространенія какъ по достоинствамъ изложенія, такъ и по содержанію. Изданіе снабжено 8-ю рисунками и картою, и цѣна его очень не высока. При этихъ достоинствахъ изданія обращаетъ на себя вниманіе крайняя мѣстами неудовлетворительность корректуры.

М. Плотниковъ.

Ст. О. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи: Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Означенный трудъ г. Гулишамбарова является плодомъ спеціальнаго изслѣдованія, которое онъ производилъ въ 1893 г. въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ по вопросу о современномъ состояніи въ этихъ странахъ торговли нефтяными продуктами. Работая въ богатыхъ европейскихъ и американскихъ бібліотекахъ для уясненія спеціально интересовавшаго его предмета, авторъ тѣмъ самымъ близко ознакомился съ современными

условіями всемірної торгівлі і характером наших торговельних сношеній съ другими государствами. Все это дало ему возможность, дополнивъ полученный матеріалъ исторической справкой, издать настоящій трудъ, содержание котораго распредѣляется по слѣдующимъ главнымъ рубрикамъ: историческая судьба всемірнаго рынка, главнѣйшіе предметы международнаго обмѣна въ XIX вѣкѣ, обзоръ всемірной торговли въ XIX в. по государствамъ, итоги міроваго хозяйства въ XIX в., современное состояніе всемірнаго рынка.

Сводныхъ статистическихъ работъ о всемірной торговлѣ настоящаго столѣтія въ западной литературѣ имѣется не одно: достаточно упомянуть изслѣдованія Мюлгала, Шерцера, Неймана-Шпаларта, но, не говоря о томъ, что въ нашей экономической литературѣ такихъ изслѣдованій до сихъ поръ не было, трудъ г. Гулишамбарова имѣетъ особое значеніе для насъ потому, что обзоръ всемірной торговли произведенъ имъ въ связи со степенью развитія промышленности въ Россіи и участія ея въ международномъ обмѣнѣ. Авторъ признаетъ, что вопросъ разработавъ не съ той степенью полноты, которая была бы желательна, но объясняетъ это прежде всего недостаткомъ и неудовлетворительностью статистическаго матеріала, имѣвшагося въ распоряженіи.

Обмѣнъ стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ внутреннимъ производствомъ страны. Последнее время у насъ много говорится и пишется о выдающемся промышленномъ ростѣ Россіи. Не отрицая этого роста въ особенности по отношенію къ послѣднему десятилѣтію, нельзя однако не признать, при одномъ сопоставленіи главнѣйшихъ производствъ промышленныхъ странъ Запада и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ нашими, что намъ еще очень далеко до послѣднихъ. Въ особенности наглядно это выступаетъ, если имѣть въ виду территорію Россійской имперіи и абсолютную численность ея населенія. Мы гордимся тѣмъ, что въ настоящее время не только громадный спросъ на хлопчато-бумажныя издѣлія удовлетворяется у насъ собственнымъ производствомъ, но имѣется значительный вывозъ. Однако, оставляя въ сторонѣ вопросъ о пошлинѣ на ввозъ издѣлій, достаточно обратить вниманіе на то, что общее число верстень для приготовления пряжи у насъ достигло 6 мил., тогда какъ въ Великобританіи оно равнялось въ 1895 г. около — 45 мил., въ Соединенныхъ Штатахъ около 17, причемъ, по словамъ автора разсматриваемаго изслѣдованія, что касается роста хлопководства въ странахъ производства, то «здѣсь всѣ шансы на сторонѣ Соединенныхъ Штатовъ; его производство тамъ такъ быстро растетъ, что успѣхи другихъ странъ совершенно ступшевываются» (26 стр.). Указывается также у насъ на увеличеніе выплавки чугуна, но цифры показываютъ, что въ началѣ текущаго столѣтія Соединенные Штаты занимали по выплавкѣ чугуна послѣднее мѣсто, въ концѣ же его занимаютъ первое, причемъ въ теченіе столѣтія производство его увеличилось въ этой странѣ въ 234 раза; въ Россіи оно увеличилось всего въ $8\frac{1}{2}$ раза. Значительные успѣхи въ томъ же направленіи сдѣлала и Германія, далеко опередившая Россію и Францію. И хотя въ Россіи, именно за послѣднія 15 лѣтъ, выплавка чугуна увеличилась дѣйствительно съ 27, мил. пуд. въ 1880 г. до 87, мил. пуд. въ 1895 г., но что значать эти абсолютныя цифры передъ 585, мил. пуд. чугуна-

выплавленныхъ въ 1895 г. Соединенными Штатами, 489, мил. пуд. Великобританію, 353, мил. Германіей (45 стр.).

Въ итогъ, который даетъ г. Гулишамбаровъ, въ періодъ съ 1891—95 г. наше участіе въ международномъ товарномъ обмѣнѣ выразилось среднимъ числомъ въ годъ въ мил. кред. рублей слѣдующими цифрами: ввозъ 469 м. руб., вывозъ 628 мил., всего 1097 мил. Для 1896 года общіе обороты достигли 1,279 мил. руб., что при населеніи въ 129 мил. чел. составляетъ на душу почти 10 руб. (стр. 175). Въ Великобританіи (безъ колоній) въ 1895 г. при населеніи въ 39,124 тыс. ввозъ равнялся 416,690 тыс. фунт. стерл., вывозъ 285,832 тыс. фунт. стерл., всего 702,522 тыс. фунт. стерл., что составляетъ на душу 18 фунт. стерл. или 113 р. 40 коп. на наши деньги (стр. 64).

Относительное значеніе для Россіи различныхъ отраслей промышленности авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. По приблизительному подсчету, сдѣланному для оцѣнки сельско-хозяйственной производительности Россіи въ 1895 г. оказывается, что она (считая здѣсь продукты полеводства, скотоводства, лѣсоводства, рыболовства и проч.) равняется громадной цифрѣ 4,006 мил. руб. Производительность горнаго промысла въ 1894 г. опредѣлялась въ 160 мил. руб., причемъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ чугуны—81347 т. п. на 55½ мил. руб., а на второмъ мѣстѣ золото—2621 п. (около 20 т. руб. за пудъ). Что же касается обрабатывающей промышленности, то, по даннымъ за 1893 отчетный годъ о фабрикахъ и заводахъ, общая производительность ихъ опредѣляется въ 1759 мил. руб., причемъ, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду, что статистика производствъ, необложненныхъ акцизомъ, не отличается достаточной полнотой и точностью.

Обзоръ участія главнѣйшихъ государствъ во вѣншей торговлѣ Россіи говоритъ намъ, что съ первыхъ годовъ разсматриваемаго періода Великобританія занимаетъ въ ней наиболѣе выдающееся положеніе между всѣми другими и только въ послѣдніе годы Германія показываетъ явное стремленіе занять первое мѣсто въ нашихъ вѣншихъ торговыхъ сношеніяхъ, что особенно рѣзко выразилось въ оборотахъ послѣдняго 1896 отчетнаго года, когда на долю Германіи пришлось 29,½%, въ томъ числѣ по ввозу 32,½%, а по вывозу 26,½%, а Великобританіи только 21,½%, въ томъ числѣ по ввозу 18,½%, а по вывозу 23,½%. Такимъ образомъ оказывается, что эти два государства поглощаютъ половину нашихъ оборотовъ по вѣншей торговлѣ, причемъ Германія даетъ намъ больше, чѣмъ сама получаетъ отъ насъ, а Великобританія, наоборотъ, даетъ намъ меньше, чѣмъ получаетъ отъ насъ. Участіе другихъ государствъ не имѣетъ такого важнаго значенія.

Что же именно вывозитъ Россія въ означенныя страны? Главнымъ образомъ хлѣбъ въ зернѣ, преимущественно пшеницу, но и тутъ, что касается англійскаго рынка, она уступаетъ Соединеннымъ Штатамъ. Въ Германію въ 1896 г. ввезено въ общемъ хлѣба изъ Россіи на 495, мил. мар., что составляетъ около 11% всего привоза, но и ввозъ хлѣба въ Германію изъ Россіи въ послѣдніе годы ослабляется, отчасти по причинѣ конкуренціи вѣвропейскихъ странъ, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Индіи, Аргентины, отчасти подъ вліяніемъ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ въ Россіи.

Наиболѣе общій интересъ представляютъ главы объ исторической

судьбѣ всемірнаго рынка и объ итогахъ мірсваго хозяйства въ XIX в. Въ первой изъ нихъ авторъ указываетъ, какъ распредѣлялся всемірный рынокъ въ различныя эпохи между отдѣльными государствами, какъ перемѣщались центры міровой торговли и болѣе подробно объясняется борьба отдѣльныхъ государствъ въ XIX вѣкѣ изъ за господства на всемірномъ рынокѣ. Однако связь между политической исторіей и развитіемъ торговаго обмѣна намѣчена крайне поверхностно, что и не могло быть иначе, когда обойдено значеніе въ разсматриваемомъ вопросѣ такихъ социальныхъ институтовъ, какъ рабство и крѣпостничество. Для позднѣйшаго періода XIX вѣка—врядъ ли есть основаніе приурочивать, какъ это дѣлаетъ авторъ, главные моменты въ развитіи международнаго обмѣна къ общепринятымъ въ политической исторіи Запада дѣленіямъ на эпохи: 1) эпоху наполеоновскихъ войнъ, 2) эпоху отъ Вѣнскаго конгресса до іюльской революціи 1830 г.; 3) періодъ отъ іюльской революціи до февральской революціи 1848 г.; 4) періодъ отъ 1848 г. до франко-прусской войны 1870 г. и наконецъ 5) отъ образованія Германской имперіи до настоящаго времени. Соотвѣтствіе между этими періодами западной исторіи и измѣненіями въ положеніи мірсваго рынка, кромѣ развѣ эпохи примѣненія Наполеономъ континентальной системы, строго установить нельзя: несравненно большее значеніе имѣли здѣсь ростъ техники, изобрѣтенія и ходъ въ социальномъ-экономическомъ развитіи отдѣльныхъ странъ. Любопытно между прочимъ заключеніе автора о возможной въ ближайшемъ будущемъ роли Соединенныхъ Штатовъ въ положеніи мірсваго хозяйства и торговли,

«Это небольшое (?) государство, говоритъ онъ въ заключительныхъ словахъ книги, созданное народомъ, не имѣющимъ опредѣленнаго типа (многіе даже не признаютъ его за народъ, называя его конгломератомъ многихъ народностей, не успѣвшихъ еще ассимилироваться въ одно цѣлое), и, строго говоря, не имѣющимъ даже своей исторіи, если такъ можно выразиться, поражаетъ всякаго своими колоссальными успѣхами за послѣднее столѣтіе. Въ политическомъ отношеніи оно даже не причислено къ сонму великихъ державъ, но въ экономическомъ оно рѣшительно господствуетъ въ міровомъ хозяйствѣ и все его кратковременное прошлое служитъ залогомъ его дальнѣйшихъ преуспѣній въ этой области. Вліяніе Соединенныхъ Штатовъ на экономическую жизнь Европы особенно рѣзко стало обозначаться съ 1870 года, и съ тѣхъ поръ оно все болѣе и болѣе крѣпнеть; оно теперь настолько сильно и неотразимо, что Европа встrepенулась и надумываетъ о необходимости правильной организаціи для экономической борьбы съ упомянутымъ государствомъ, являющимся въ міровомъ хозяйствѣ какимъ то разночинцемъ среди маститыхъ дѣятелей Стараго Свѣта, насчитывающихъ себѣ Маеусанюва вѣка и носящихъ въ своихъ гербахъ не мало отличій. Однако, никто изъ старосвѣтскихъ дѣятелей не чувствуетъ въ себѣ столько силы, чтобы самостоятельно и единолично выступить противъ новосвѣтскаго разночинца, и поэтому проецируется небывалая въ исторіи коалиція для экономической борьбы европейскихъ государствъ съ Соединенными Штатами. Старый свѣтъ ополчается на Новый; если бы даже упомянутая коалиція не состоялась, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться, то уже одна мысль о ней является характернымъ знаменіемъ времени, которое предвѣщаетъ, что на закатѣ XIX вѣка надъ

всемірнымъ рынкомъ собирается сильная гроза, которая можетъ разразиться колоссальнымъ торгово-промышленнымъ кризисомъ и захватить въ свою сферу всё его закоулки» (226 стр.). Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, политическое значеніе Соединенныхъ Штатовъ еще болѣе возвысилось на развалинахъ одного изъ первенствующихъ нѣкогда государствъ Старога Свѣта, подавленного военною и экономическою мощью Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что дѣлаетъ вышеприведенныя слова г. Гулишамбарова еще болѣе значительными.

М. Плотниковъ.

Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній Фабра. Перев. съ французскаго Е. И. Шевыревой подъ редакціей И. Л. Шевырева. Съ 213 рис. С.-Пб. Изданіе А. Маркса (цѣна не обозначена).

На это прекрасное изданіе можно смотрѣть какъ на реваншъ, который далъ Марксъ нашей зоологической литературѣ, столь явно оскорбленной имъ изданіемъ переполненной грубыми ошибками и противорѣчіями, но усердно имъ рекламируемой книги Линдемана. Роскошное изданіе, прекрасный переводъ и умѣлая редакция—дѣлають книгу Фабра желательнымъ и притомъ весьма своевременнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы. Въ настоящее время очень много трагуется объ инстинктѣ въ нашей литературѣ, но все таки самое понятіе объ инстинктѣ, я думаю, останется довольно туманнымъ въ головѣ читателя не-зоолога, покуда онъ не ознакомится съ фактической стороною вопроса. Книга Фабра поучительна не только для энтомолога, но и для всякаго лица, интересующагося вопросами психологіи животныхъ. Исходная точка зрѣнія Фабра, а именно, что психическая жизнь насѣкомаго исчерпывается сферою инстинкта и лишь нѣкоторой дозой разума—мнѣ кажется вполне вѣрною. Прекрасную характеристику инстинктивной жизни даетъ Фабръ на стр. 224—225.

«Животное ни свободно, ни сознательно въ своей дѣятельности; послѣдняя является въ немъ только внѣшней функціей, ходъ которой регулируется съ такою же правильностью, какъ фазы каковойнибудь внутренней функціи, напр. пищеваренія. Оно строитъ, дѣлаетъ ткани и коконы, охотится, парализуетъ, жалитъ, точно такъ же, какъ и перевариваетъ пищу, какъ выдѣляетъ ядъ въ свое оружіе, шедъ для кокона, воскъ для сотовъ—совершенно не отдавая себѣ никогда ни малѣйшаго отчета въ цѣли и въ средствахъ. Оно не сознаетъ своихъ чудныхъ талантовъ, точно такъ же, какъ желудокъ не сознаетъ своей ученой химіи».

Забавно читать (стр. 407—408) описаніе одного опыта, въ коемъ Фабръ, продыравивъ ячейку осы каменщицы, заставляеть послѣднюю въ теченіи нѣсколькихъ часовъ наполнять эту «бочку данаидъ» медомъ, и оса ни разу не пытается остановить вытеканіе меда изъ ячейки, хотя отлично видитъ это.

Чрезвычайная тщательность, почти кропотливая наблюденія и описанія, дѣлають книгу Фабра хорошимъ пособіемъ для того, кто хотѣлъ бы самъ продѣлать подобныя же опыты. Прибавьте къ этому страстную лю-

небольшой горсти «рыцарей духа». Но вѣра Зола въ побѣду истины и справедливости такъ сильна и заразительна, что вмѣстѣ съ нимъ видишь Парижъ очищеннымъ отъ дыма и смрада, видишь его залитымъ золотистыми лучами солнца, заходящаго лишь для того, чтобы послѣ недолгой ночи, съ новой силой бросить на землю своей яркій, оплодотворяющій свѣтъ.

В. Поссе.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНОГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: «Курсъ французскаго языка въ трехъ частяхъ, составленный примѣнительно къ послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Чтеніе, разговоръ, практическія упражненія и грамматика. Составилъ Бернардъ Кленце, преподаватель новыхъ языковъ Александровскаго Могилевскаго реальнаго училища. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою «Наслѣдники бр. Салаевыхъ». III-я часть. Курсъ старшихъ классовъ. А. Практическія упражненія. М. 1897. X + 198 + 130. 1 рубль.—Б. Грамматика. М. 1897. XV + 216. 75 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для старшихъ классовъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: «Проф. Овсяннико-Куликовскій, Д. Языкъ и искусство. («Русская Библиотека», № 8). І. Юровскаго. С.-Пб. 1895. 71. 20 коп.»—допустить въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ минералогіи и физической геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Н. Кричагинъ, преподаватель І-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. 3-е исправленное изданіе. Съ 221 рисунками въ текстѣ. Изданіе К. Л. Риввера. С.-Пб. 1898. XVI + 250. 1 р. 25 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ.

— Книгу: «П. Бильдерлингъ. Силы природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Четыре очерка съ 14 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1898. X + 276. 1 рубль»—допустить въ учительскія бібліотеки реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книжку: *Tableau général d'orthographe d'usage. Initiales. — Médiales. — Finales. Par Z. T. С.-Пб. 1897. Стр. 78 въ 12-ю долю. Цѣна 30 коп.*—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Вопросникъ къ «Учебному курсу теоріи словесности» В. А. Яковлева (примѣнительно къ 3-му изданію). Составилъ А. Пыльневъ. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. С.-Пб. 1896. 68. Цѣна не обозначена.—одобрить для ученическихъ библиотекъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ теорія словесности изучается по «Учебному курсу» В. А. Яковлева.

— Книжку: «Избранныя сочиненія французскихъ экономистовъ для коммерческихъ училищъ и реальныхъ училищъ съ коммерческимъ отдѣленіемъ. Léon Say. Comptabilité en partie double et Budget de 1883. Леонъ Сэ. Мысли о двойной бухгалтеріи и Рѣчь о бюджетѣ 1883 г. Объяснилъ А. Л. Колле, преподаватель французскаго языка въ Одесскомъ реальномъ училищѣ. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями, словаремъ, біографіей и портретомъ автора. Одесса. XXIII + 169 въ 12-ю долю. 60 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для VI класса коммерческихъ отдѣленій.

— Книгу: «Любимовъ, Н. А., заслуженный профессоръ Московскаго университета. Исторія физики. Опытъ изученія логики открытій въ ихъ исторіи. Часть первая. Періодъ греческой науки. С.-Пб. 1892. V+264. 2 р.—Часть вторая. Періодъ средневѣковой науки. С.-Пб. 1894. 206. 1 р. 50 коп.—Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. С.-Пб. 1896. 694. 2 р. 50 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Гальботъ. Старшины Вильбайской школы. Переводъ съ англійскаго М. Шимшаревой. Съ 24 рисунками. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1898. 344. 1 р.»—одобрить для ученическихъ, младшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книжку: «Эллитъ. Лѣтомъ въ деревнѣ «Желанная». Для юношества. Въ пользу лѣтнихъ колоній Екатеринбургскаго Общества попеченія о дѣтяхъ. Екатеринбургъ. 1896. 103. 50 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, изданныя Д. Ефимовымъ: 1) «Мясницкій, И. Гостиндворцы. Повѣсть. М. 1896. 584. 2 р.»—2) «Его же. Около миллионъ. М. 1897. 326. 1 р.»—3) «Арсеній Г. Карьера. Повѣсть. М. 1896. 241. 1 р.»—4) «Апраксинъ, А. Большое мѣсто. Романъ. М. 1896. 294. 1 р.»—5) «Альфонсъ Додэ. Три разказа. М. (безъ означенія года). 111. 50 коп.»—6) «Его же. Прѣжнее и новое счастье. М. (безъ означенія года). 138. 50 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: «И. Потаненко. Живая жизнь. Романъ. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Ключина. М. 1898. 374. 2 р.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) «Генераль-фельдмаршала русской арміи. Историческій очеркъ Л. Полянова. Съ 62 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 15 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—2) «1812 годъ. Отечественная война и ея герои. Н. Г. оловина. Съ 203 иллю-

страціями въ текстѣ. Стр. 52 въ листѣ. Цѣна 90 коп.—3) «Усыпальница русскихъ государей. Петропавловскій соборъ и его царскія гробницы. Виктора Русакова. Съ 23 гравированными видами. Стр. 14 въ листѣ. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія Московскаго отдѣла россійскаго общества покровительства животнымъ: 1) «Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія В. В. Быковскаго. М. 1897. 68. 30 коп.»—2) «Школа улицы. Вл. Вагнера. Изданіе 2-е М. 1898. 21. Цѣна не обозначена.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ: 1) «Священное коронованіе и вѣнчаніе на царство русскихъ государей съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней. П. Воздвиженскаго. Съ 197 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 159 въ листѣ. Цѣна 1 р. 50 коп.»—2) «Императоръ Николай I. Его царствованіе и черты характера. Е. Карновича. Съ 27 иллюстраціями въ текстѣ. Стр. 24 въ листѣ. Цѣна 45 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Книги: 1) «Бертольдъ Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. Переводъ А. В. Перельгиной, просмотрѣнный И. И. Семеновымъ. Томъ I и II. Изданіе Д. П. Ефимова. 1897. Стр. въ обоихъ томахъ 1008. Цѣна за оба тома 4 р.»—2) «Собраніе сочиненій Е. Маршгтг (Изданіе Д. Ефимова и М. Ключина). Томъ I. Тайна старой дѣвы. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Б. М. 1898. 436.—Томъ II. Въ домѣ коммерціи совѣтника. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. В. Перельгиной. М. 1898. 443.—Томъ III. Въ домѣ Шиллинга. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Б. М. 1898. 432.—Томъ IV. Совинный домъ. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1898. 362. (Цѣна за отдѣльные томы не обозначена)»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «В. Г. Бѣлинскій для учащихся. Критическій обзоръ русской словесности съ изложеніемъ основныхъ понятій о поэзіи. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Н. Сальниковъ. М. 1898. 402. 1 р. 25 коп.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

— Книгу: «Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣмецкаго А. Страхова. Съ предисловіемъ проф. Н. И. Стороженно. Съ приложеніемъ статьи Даудена «Женскіе типы Шекспира». С.-Пб. 1898. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. XII—312. 2 р.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ».

— Книги: «Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ инспекторъ классовъ состоящаго подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны покровительствомъ Усачевско-Чернявскаго женскаго училища № 9. Отд. II.

и преподаватель Лазаревского института восточных языков В. Соколовъ. Часть I (для низшихъ классовъ). Изданіе 5-е. М. 1898. XIV+426. 1 р.—Часть II (для среднихъ классовъ). Изданіе 2-е. М. 1898. VIII+565. 1 р. 50 коп.—первую часть одобрить, а вторую допустить въ качествѣ учебнаго пособия для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Е. Вод-возова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Болгары. Сербы. Черногорцы. С.-Пб. 1898. 209. Цѣна 40 коп.»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ и старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книги: 1) «Französisches Lesebuch. Mittel-und Oberstufe. Von Karl Kühn. Mit fünfunddreissig Illustrationen, einem Plan und einer Ansicht von Paris. Bielefeld und Leipzig. Verlag von Velhagen und Klasing. 1896. XII+340».—2) «Wörterbuch zum französischen Lesebuch von Karl Kühn. 1896. 64».—одобрить въ качествѣ учебнаго пособия для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ.

— Книжку: «Уюнаса Ли. Дочери командора. Романъ. Переводъ съ норвежскаго. В. Мосоловой. М. 1896. 297. Цѣна 75 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

— Сочиненія протоіерея Петра Смирнова: 1) «Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 11-е. С.-Пб. 1897. 227+III. Цѣна 1 р.»—2) «Священная исторія Ветхаго Заветъа, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 192+IV. Цѣна 60 коп.»—3) «Священная исторія Новаго Заветъа, въ объемѣ гимназическаго курса. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1898. 168+IV. Цѣна 40 коп.»—4) «Изложеніе христіанской православной вѣры. Опытъ повторенія катихизиса съ дополненіемъ изъ Богослуженія и указаніемъ разностей инославныхъ вѣроисповѣданій отъ ученія православной церкви. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1898. 132+IV. Цѣна 60 коп.»—5) «Существенныя черты христіанскаго правоученія. Дополнительные къ катихизису уроки по программѣ VIII класса. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1898. 61. Цѣна 30 коп.»—6) «Краткая церковная исторія по программѣ городскихъ училищъ. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1898. 106+II. Цѣна 30 коп.»—7) «Церковно-приходская школа. Упадокъ ея на западѣ Европы и значеніе для Россіи. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1894. 54. Цѣна 20 коп.»—8) «День въ Черниговѣ (воспоминанія и впечатлѣнія) съ 6-ю рисунками. С.-Пб. 1896. 32. Цѣна 20 коп.»—одобрить №№ 1—5 въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній, № 6 въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ училищъ, № 7 для учительскихъ библиотекъ всѣхъ учебныхъ заведеній, и № 8 для библиотекъ учебныхъ заведеній, какъ учительскихъ, такъ и ученическихъ, а также для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

— Книги: 1) «Историческое разслѣдованіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустровымъ. С.-Пб. 1875. LXXXII+878».—2) «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. А. Н. Неустрова.

С.-Пб. 1898. XVI+805. Цѣны не обозначены.—рекомендовать вниманію педагогическихъ совѣтовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній для приобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки этихъ заведеній.

— Книгу: «Всеобщая исторія въ четырехъ томахъ. Сочиненіе профессора Оскара Іегера. Переводъ подъ редакціею профессора П. Н. Полеваго съ многими снимками съ памятниковъ и отдѣльными приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками. Изданіе А. Ф. Маркса. Цѣна за все изданіе (въ двѣнадцать выпускахъ) 12 р.»—допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданія Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ:

- 1) «Святой городъ Іерусалимъ и его окрестности. П. Воздвиженскаго. Съ 39 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 18 въ листъ. Цѣна 40 коп.»—
- 2) «Монастырскіе острова Валаамъ и Коневецъ. Составлено по новѣйшимъ источникамъ М. А. Аръевымъ. Съ 55 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 24 въ листъ. Цѣна 75 коп.»—
- 3) «Исаакіевскій соборъ. Исторія постройки храма, его святилища и художественныя достопримѣчательности. П. Преображенскаго. Съ 110 иллюстраціями, планами и фотохимиграфическими воспроизведеніями художественныхъ достопримѣчательностей храма. С.-Пб. Стр. 40 въ листъ. Цѣна 75 коп.»—
- 4) «Петергофъ. Его паркъ, его дворцы, его фонтаны въ прошломъ и настоящемъ. К. М. Муханова. Съ 52 гравированными видами и 1 планомъ Петергофа. С.-Пб. Стр. 20 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—
- 5) «Святая гора Аѳонская. Описаніе аѳонскихъ монастырей, скитовъ, храмовъ, мѣстныхъ святыхъ и всѣхъ достопримѣчательностей Аѳона. М. А. Аръева. Съ 71 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 22 въ листъ. Цѣна 40 коп.»—
- 6) «Царское село. Его дворцы, парки, сады, памятники, въ прошломъ и настоящемъ. А. Волмова. Съ 28 гравированными видами и 1 планомъ Царскаго села. С.-Пб. Стр. 14 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—
- 7) «Лондонъ. Описаніе столицы Англій и жизни въ ней. Н. Е. Онуфріева. Съ 150 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 46 въ листъ. 75 коп.»—
- 8) «Крестьянская республика Трансвааль и его богатства. М. Зорсакова. Съ 67 иллюстраціями въ текстѣ. С.-Пб. Стр. 17 въ листъ. Цѣна 30 коп.»—

допустить въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ таковыя же библіотеки учительскихъ семинарій и городскихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Гартвигъ. Чудеса подземнаго міра. Переводъ съ нѣмецкаго (съ 32 рисунками) третье русское изданіе. («Общепользная библіотека для самообразованія» №№ 19, 20, 21 и 22 изданіе М. В. Клюкина). М. (Годъ не показанъ). IV+651. Цѣна 2 р. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Книгу: «Повторительный курсъ ботаники для натуралистовъ, медиковъ и фармацевтовъ. А. Ганзена, проф. Гиссенскаго университета. Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія М. Д. Вахтеля. Изданіе Высочайше утвержденнаго Южно-Русскаго Общества печатнаго дѣла. Одесса. 1898. XII+207. Цѣна 1 р. 50 коп.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ

реальных училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.

— Книгу: «Б. Юзефовичъ. Основы самопознанія. Философскій очеркъ для юношества. С.-Пб. (Годъ не обозначенъ). 91. Цѣна 40 коп.»—рекомендовать для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Изданія магазина «Книжное дѣло», г. Москва.

Ф. Паульсенъ. Нѣмецкіе Университеты и ихъ историческое развитіе. Переводъ съ нѣмецк. 1898 г. Цѣна 40 к.

Эрнестъ Гроссе. Формы семьи и формы хозяйства. Переводъ съ нѣмецкаго. 1898 г. Цѣна 1 р.

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англійскаго С. И. Ершова подъ редакціей В. Н. Ивановскаго; выпускъ IV. 1898 г.

Шелли. Сочиненія. Переводъ съ англійскаго К. Д. Балманта выпускъ 5-ый. 1898 г. ц. 75 к.

Жанъ Ревилль. Религія въ Римѣ при Северахъ. Пер. съ франц. В. Н. Линда. 1898 г. ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Цѣна по подпискѣ съ доставкой и пересылкой 12 р. Выпускъ II. Алексій Острогорскій. Семейныя отношенія и ихъ воспитательное значеніе. Выпускъ III. И. О. Фесенко. Городъ и деревня въ дѣлѣ первоначальнаго воспитанія дѣтей. Выпускъ IV. П. Ф. Каптеревъ. О дѣтскихъ играхъ и развлеченіяхъ. Выпускъ V. И. О. Фесенко. Награды и наказанія въ семейномъ воспитаніи. Выпускъ VI. П. Ф. Каптеревъ. О дѣтской подражательности. Спб. 1898 г.

Изданія Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. Одесса 1898 г.

Эдуардъ Дауденъ. Шекспиръ. Критическое изслѣдованіе его мысли и его творчества. Пер. съ англ. Л. Черновой. Изданіе второе. Цѣна. 2 р.

Л. Чудновская. Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англійскому языку. 1898 г. Цѣна 50 к.

Англійскіе рассказы и стихотворенія, собраны **Л. Чудновской.** Цѣна 1 руб.

Н. Ланге. Учебникъ логики г. Одесса 1898 г. Ц. 1 р. Изданіе Е. П. Распопова.

К. С. Славнинъ. Правописаніе, для учащихся въ школь и самоучекъ. Изданіе 3-е. Екатеринбургъ. 1898 г. ц. 30 к. съ перес.

К. С. Славнинъ. Сборникъ арифметическихъ задачъ. Въ двухъ выпускахъ. Выпускъ I-ый. Изданіе 2-ое. Исправленное. Екатеринбургъ 1898 г. Цѣна съ пересылкой 20 к.

Изданія О. Н. Поповой. 1898 г. Спб.

Э. Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. Томъ I. Цѣна за 2 т. 5 р.

Чарльзъ Дарвинъ. Собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Томъ I изданіе 2-ое.

Пр. П. Фёрстеръ. Вивисекція съ естественно-научной, медицинской и нравственной точекъ зрѣнія. Перев. съ нѣмецк. Ц. 50 к.

Юганнъ Шерръ. Комедія всемірной исторіи. Переводъ съ нѣмецкаго въ двухъ томахъ. Томъ I. Цѣна 3 р. 50 к.

Чемберсъ. Солнечная система. Пер. съ англ. В. Щиглевой. (Образовательная бібліотека. Серія 2-ая № 1). Ц. 40 к.

Парвусъ. Мировой рынокъ и сельскохозяйственный кризисъ. Перев. съ нѣмецк. Л. Я. (Образовательная бібліотека. Серія 2-ая № 2). Ц. 40 к.

О. Н. Попова. Фритъофъ Нансенъ. Герой полярной ночи и вѣчныхъ льдовъ. Ц. 50 к.

Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. Перев. съ англ. З. Н. Журавской. Ц. 1 р. 20 к.

Э. Э. Вишневскій. Къ сѣверному полюсу по теченію. Вятка. 1898 г.

Д-ръ Артуръ Каннъ. Нервозность и велосипедная ѣзда. Перев. съ нѣмецк. В. Остермана. Изданіе Я. Е. Кутенко 1898 г. Спб. Ц. 60 к.

Проф. А. П. Павловъ. Морское дно. 1898 г. Спб. Ц. 60 к.

Ранке. Объ эпохахъ новой исторіи. Перев. съ нѣмецк. И. И. Шитца. 1898 г. Москва. (Научно-образовательная бібліотека). Ц. 35 к.

П. Неждановъ. Нравственность. 1898 г. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

М. И. Демковъ. Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Изданіе К. И. Тихомирова. 1998 г. Москва (Педагогическая бібліотека). Ц. 2 р. 50 к.

Л. Келдьеръ. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Изданіе 2-е 1898 г. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановичъ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Томъ II. Изданіе книжнаго магаз. В. И. Самойлова. Москва 1898 г. Ц. за II тома 2 р. Ц. за I и II томъ 3 р. 50 к.

Общедоступная Богословская Библіотека. Выпускъ 2-ой. Собесѣдательное богословіе. 1898 г. Спб.

С. Ленинъ. Выборъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Вып. 1 съ 83 рис. Ц. 50 к. Спб. 1898 г.

М. М. Захарченко. Историческій очеркъ педагогическихъ классовъ С.-Петербургск. Александровскаго Института 1848—98 г. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Н. И. Позняковъ. По захоlustьямъ. Очерки и рассказы. Изданіе 2-ое дополненное. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

С. М. Дубновъ. Учебникъ Еврейской Исторіи. Ч. I. г. Одесса. 1898 г. Ц. 60 к.

Хроника.

Лѣтніе земскіе педагогическіе курсы.

Въ теченіе лѣта въ разныхъ мѣстахъ Россіи происходили устроенные земствомъ педагогическіе курсы для народныхъ учителей и учительницъ. Число ихъ въ этомъ году замѣтно увеличилось—чему, конечно, нельзя не порадоваться. Читателямъ извѣстны наши взгляды на значеніе педагогическихъ курсовъ. Мы не считаемъ ее формой наилучшаго учительскаго единенія и самообразованія; напротивъ того, она имѣетъ много недостатковъ: какъ извѣстно, на курсы приглашаются наименѣе опытные учителя, слѣдовательно, лучшій элементъ народно-учительской среды отсутствуетъ и тѣмъ самымъ худшіе учителя лишаются вліянія и сношеній съ лучшими. Программа курсовъ напередъ устанавливается, изъ нея выходитъ нельзя, собственной инициативѣ участвующихъ на курсахъ не предоставлено ни малѣйшаго простора. Поэтому всѣ тѣ вопросы, которые волнуютъ и занимаютъ нашихъ учителей, всѣ недоумѣнія и сомнѣнія, возникающія у нихъ при исполненіи ими своего труднаго и важнаго дѣла, остаются не разрѣшенными, потому что ихъ нельзя возбуждать. Отсюда вся атмосфера, въ которой происходятъ занятія, довольно тяжелая, въ ней слишкомъ много формализму и казенщины. Учителя какъ бы превращаются въ учениковъ, которымъ можно даже дѣлать замѣчанія какъ себя вести*). Такое впечатлѣніе производитъ не одинъ этотъ приводимый фактъ, аналогичный отзывъ мы находимъ въ корреспонденціи изъ Саратова, помѣщенной въ «Тамб. Губ. Вѣд.».

«Нельзя не упомянуть, что нынѣшніе земскіе педагогическіе курсы сравнительно съ прошлогодними отличаются излишнею вышней дисциплиною, а подчасъ даже отождествленіемъ курсистовъ со «школьниками».

*) Въ «Сарат. Листкѣ» въ отчетѣ о занятіяхъ на курсахъ отъ 30 іюня читаемъ:

Бесѣда г. Цвѣтковскаго, проведенная въ хорошемъ приподнятомъ тонѣ, вызвала взрывъ аплодисментовъ со стороны курсистовъ, но г. директоръ предупредилъ ихъ о неумѣстности этого, такъ какъ выражать свое одобреніе (?) или порицаніе руководителямъ курсисты не имѣютъ права...

Фабрѣ къ предмету своихъ изслѣдованій, любовь, связующую въ каждой строчкѣ—и вы получите довольно вѣрное представление о достоинствахъ этой интересной книги. Не менѣе важны, однако, и ея недостатки.

Къ числу такихъ надо отнести нѣкоторую слабость обобщеній. Фабрѣ признаетъ инстинктъ за нѣчто неизмѣнное, ненарушимое въ теченіи вѣковъ и лишь сознательные акты въ жизни насѣкомаго подлежатъ измѣненіямъ,, по его мнѣнію (стр. 414). Въ этомъ наиболѣе крупная ошибка всей книги. Инстинктъ измѣнчивъ, какъ и самая организація животнаго, но это измѣненіе идетъ только путемъ подбора. Этого никакъ не хочетъ признать Фабрѣ. Редактировавшій книгу И. Я. Шевыревъ вполне основательно опустилъ анти-трансформистскія тенденціи Фабра, и вполне основательно считаетъ эти мѣста подлинника, при всемъ ихъ многословіи, наиболѣе слабыми. Но нѣкоторая слабость логическихъ приѣмовъ проглядываетъ у Фабра и въ второстепенныхъ вопросахъ. Напр., на стр. 106—107 рѣшается вопросъ, какимъ образомъ аммофила узнаетъ присутствіе подъ землей гусеницъ (озимаго червя), за которымъ она охотится. Фабрѣ отрицаетъ здѣсь роль слуха и обонянія и приписываетъ эту способность *особому чувству*. Не отрицая нѣсколько возможности совершенно особыхъ чувствъ у насѣкомыхъ, все-таки разсужденіе Фабра мы должны признать наивнымъ. Почему онъ отрицаетъ роль обонянія? Не потому, чтобы мы не имѣли подобныхъ примѣровъ чрезвычайно тонкаго проявленія этого чувства у насѣкомыхъ, а потому, что самая гусеница будто-бы ничѣмъ не пахнетъ. Онъ самъ нюхалъ гусеницу и давалъ нюхать «ноздрямъ болѣе молодымъ»—и тѣ не могли открыть въ гусеницѣ ни малѣйшаго слѣда запаха. Не трудно видѣть, что допущеніе у насѣкомыхъ чрезвычайнаго тонкаго обонянія и проверка вопроса о томъ, пахнетъ-ли гусеница чѣмъ нибудь, при помощи такого грубого орудія, какъ человѣческой носъ, хотя бы и не особенно старый, стоять въ слишкомъ явномъ противорѣчій. Такого приѣма не можетъ допустить ни одинъ изслѣдователь, претендующій на точность. А все-таки всему виной эта антропоморфическая тенденція мѣрять все на человѣческой аршинъ. Читая Фабровскія описанія, невольно удивляешься, затѣмъ человекъ къ вопросамъ и безъ того для всякаго интереснымъ, привѣшиваетъ различныя антропоморфическія побрякушки: «ученый бандитъ» (стр. 26), «три удара кинжаломъ» (стр. 46), «тахить, убійца богомолковъ» (стр. 155).

Когда читаешь строки, посвященныя описанію (на стр. 155) этого тахита, при чемъ познаешь, что онъ имѣетъ *красный поясъ*, какъ и его *коллега*, тахить Панцера, что онъ живетъ только въ лѣсахъ Сериньяна, что его *богатая фактами исторія* будетъ изложена со всей обстоятельностью, какой она заслуживаетъ, то начинаешь думать, что дѣло идетъ о какомъ нибудь бандитѣ и негодяѣ, избравшемъ спеціальностью избіеніе богомольцевъ, какъ и его другой коллега съ краснымъ поясомъ, и начинаешь удивляться долготерпѣливости французскаго начальства.

Только прочитавъ, что добыча его состоитъ изъ личинокъ, видишь, что дѣло не такъ страшно, какъ казалось. Къ чему эти побрякушки? Наука отъ нихъ не дѣлается интереснѣе, и онѣ рѣжутъ ухо. Во всякомъ случаѣ книга Фабра—полезная и хорошая книга.

В. А. Варпаховскій. Определитель прѣсноводныхъ рыбъ Европейской Россіи съ 102 рис. въ текстѣ. С.-Пб. Изд. Суворина. 1898 г. (цѣна не обозначена).

Въ странахъ съ болѣе давней культурой и потому болѣе высокой культурой, чѣмъ Россія, изученіе мѣстной фауны быстро подвигается впередъ, благодаря многочисленнымъ провинціальнымъ ученымъ обществамъ и мѣстнымъ музеямъ. Тамъ даже въ небольшихъ центрахъ имѣются мѣстные ученые центры, которые, не увлекаясь широкими задачами, систематически работаютъ надъ изученіемъ родного района. Иногда въ такихъ мѣстныхъ музеяхъ изслѣдователь случайно находитъ объекты, имѣющіе громадный обще-научный интересъ. У насъ провинціальныя музеи только лишь возникаютъ, а мѣстныя ученые общества существуютъ по большей части лишь въ университетскихъ центрахъ и естественно болѣе работаютъ надъ обще-научными задачами, чѣмъ надъ изученіемъ мѣстной фауны. Поэтому эта послѣдняя задача главнымъ образомъ достается на долю мѣстныхъ любителей натуралистовъ. Не имѣя специальной подготовки, они являются подчасъ тщательными и добросовѣстными собирателями. Однако, разумное коллектирование возможно только при нѣкоторомъ знакомствѣ съ тѣмъ, что собираешь. Послѣднее время въ русской зоологической литературѣ стали, наконецъ, появляться пособия для опредѣленія собираемыхъ животныхъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить капитальный трудъ проф. Мензбира: «Птицы Россіи». Теперь благодаря появленію книжки Варпаховскаго мы имѣемъ хорошій и удобный определитель рыбъ Европейской Россіи (кромѣ Кавказа, коего ихтиологическая фауна мало изучена).

Задача Варпаховскаго значительно легче, чѣмъ проф. Мензбира. Варпаховскому пришлось имѣть дѣло всего лишь съ 88 видами рыбъ. Во всякомъ случаѣ задача эта выполнена вполне добросовѣстно и успѣшно. Сначала дано описаніе вѣншей формы тѣла рыбъ и краткое анатомическое описаніе ихъ. Послѣднее, правда, не имѣетъ большого значенія въ опредѣленіи, но все же можно было прибавить на него странички двѣ-три, чтобы познакомить читателя съ вопросами, которые не лишни и для систематика. Почему было не объяснить вкратцѣ, что такое «боковая линія», упоминаемая на стр. 6? Почему, говоря о боковыхъ плавняхъ рыбъ, не добавить, что они соотвѣтствуютъ четыремъ конечностямъ высшихъ позвоночныхъ? Точно также на этихъ же немногихъ страницахъ можно было дать болѣе подробныя свѣдѣнія насчетъ физиологіи рыбъ. Разъ говорится о вкусѣ рыбъ (стр. 17), то почему не сказать, что нѣкоторыя рыбы обладаютъ способностью воспринимать вкусовыя ощущенія всею поверхностью накожныхъ покрововъ? Но во всякомъ случаѣ, это детали, а главная цѣль—дать возможность человѣку неподготовленному опредѣлить пойманную рыбу—эта цѣль достигнута успѣшно и чрезвычайно облегчена тѣмъ, что даны такъ называемыя дихотомическія таблицы. Кромѣ того присоединены къ определителю двѣ весьма полезныя главы изъ коихъ одна касается географическаго распространенія русскихъ рыбъ, а другая даетъ обстоятельныя указанія касательно собиранія рыбъ, а равно намѣчаетъ главнѣйшіе вопросы касательно біологіи рыбъ и рыбо-

ловства, вопросы, на которые может ответить каждый любитель ихтиологии, если только он не пожалит труда и времени. Наша зоологическая литература, предназначенная для любителей и лиц, интересующихся зоологией, богатеть годъ отъ году, чему можно только радоваться.

Проф. В. Шимкевичъ.

М. Острогорскій. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Второе издание, значительно исправленное и дополненное. С.-Пб. п. 60 коп.

Если вообще составленіе хорошаго учебника — нелегкая и отвѣтственная задача, то составленіе учебника для младшаго возраста имѣетъ еще и свои спеціальныя трудности. Для взрослою ученика учебникъ — лишь вспомогательное средство при усвоеніи классныхъ бесѣдъ преподавателя и чтенія научно-популярныхъ пособій; выдвиганіе учебника на первый планъ можетъ даже повредить занятіямъ старшаго возраста, препятствуя приученію ученика къ умственной самостоятельности. Иное дѣло — занятія младшаго возраста. О болѣе или менѣе самостоятельномъ пользованіи литературой пособій здѣсь конечно не можетъ быть и рѣчи, живое слово преподавателя и въ этомъ случаѣ несомнѣнно должно стоять на первомъ планѣ, но отъ малолѣтнихъ учениковъ нельзя требовать твердою усвоенія тѣхъ сообщеній, которыя не опираются такъ или иначе на текстъ учебника. Для старшихъ классовъ учебникъ цѣненъ лишь, какъ скелетъ предмета, помогающій систематизировать разнообразный запасъ идей и фактовъ, почерпаемыхъ изъ классной бесѣды и самостоятельнаго чтенія. Напротивъ того, въ младшихъ классахъ учебникъ долженъ представлять сжатую энциклопедію всѣхъ тѣхъ знаній, которыя предполагаются доступными и необходимыми для соотвѣтствующаго возраста. Составителю такого учебника необходимо обладать большимъ запасомъ педагогическаго такта, чтобы сумѣть совмѣстить въ своей работѣ сжатость изложенія съ полнотою содержанія. Эти трудности еще болѣе увеличиваются примѣнительно къ учебнику для младшаго возраста по такому предмету, какъ исторія. Здѣсь сверхъ педагогическаго такта непременно требуется еще и искусство разсказа. Передъ вами дѣти такого возраста, которому не можетъ быть доступна отвѣченная схематизація историческихъ даннхъ, но при этомъ однако же они не вполне удовлетворяются и простой занимательностью отрывочныхъ историческихъ картинокъ. Искусство разсказа, необходимое для плодотворнаго преподаванія исторіи дѣтямъ младшаго возраста, должно состоять въ умѣнн такъ сгруппировать и такъ изложить преподаваемый матеріалъ, чтобы факты говорили сами за себя, чтобы повѣсть о событіяхъ и лицахъ незамѣтно наводила дѣтей на мысль о связности и послѣдовательности историческаго процесса.

Принявъ во вниманіе всѣ отмѣченныя трудности, нельзя не поставить въ особую заслугу г. М. Острогорскому его удачный опытъ по составленію учебника для элементарнаго курса отечественной исторіи III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Г. Острогорскій весьма счастливо разрѣшилъ свою отвѣтственную задачу.

Сознательно избѣгая отвлеченныхъ сужденій и голыхъ обобщеній, авторъ не увлекается и въ сторону, такъ сказать, исторической живописи. Живымъ и легкимъ, и въ то же время простымъ и безпритязательнымъ, языкомъ онъ излагаетъ важнѣйшія событія русской исторіи, но при этомъ *моментами* не заслоняютъ въ его изложеніи *процесса, лица* не заслоняютъ *народа*. Представленные имъ очерки политическаго строя и общественнаго быта разныхъ эпохъ нашей исторіи въ концѣ концовъ вполне удовлетворительно выясняютъ и общія условія развитія русской исторической жизни. Касаясь такихъ серьезныхъ темъ, какъ объясненіе важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, онъ обыкновенно вполне удачно находитъ доступную для пониманія младшаго возраста форму выраженій, не жертвуя однако ради удобопонятности формы точностью вложенной въ нее мысли. Особеннаго одобренія заслуживаетъ также умѣлое введеніе въ текстъ данныхъ по культурной исторіи, сообщающихъ истинную плоть и кровь изложенію учебника. Цѣнность этихъ данныхъ еще увеличивается приложенными къ тексту иллюстраціями, изображающими типичныя постройки, одѣяніе, вооруженіе, утварь, монеты, даже факсимиле скорописныхъ почерковъ стараго времени. Такимъ образомъ, разбираемый учебникъ при сжатости изложенія дастъ ученику разностороннее представленіе и о главнѣйшихъ событіяхъ, и о политическомъ развитіи, и о бытовыхъ особенностяхъ въ русской жизни. Нельзя не привѣтствовать также введеніе въ учебникъ историческихъ картъ, представляющихъ съ помощью красокъ послѣдовательный ростъ русской государственной территоріи. Мы находимъ у г. Острогорскаго карту расселенія древнѣйшихъ обитателей русской равнины въ IX вѣкѣ, карту княжествъ въ половинѣ XIII ст., карту московскаго государства XVI—XVII вв., на которой различными красками отмѣчены послѣдовательныя приращенія московскихъ владѣній и, наконецъ, карту россійской имперіи, на которой съ помощью того же приѣма обозначено территоріальное расширеніе имперіи отъ царствованія Петра I до новѣйшаго времени. Нельзя не пожалѣть, впрочемъ, что на эту карту нанесена лишь европейская часть имперіи и такимъ образомъ остался не освѣщеннымъ важный процессъ поступательнаго движенія имперіи на дальній востокъ и вглубь средней Азій. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о тщательно составленномъ вопросникѣ для повтореній, приложенномъ къ учебнику.

Конечно, автору можно сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній. Такъ напримѣръ, при описаніи торговыхъ и политическихъ связей славянъ съ Византіей авторъ напрасно не воспользовался прекраснымъ и яркимъ рассказомъ Константина Багрянороднаго о снаряженіи и плаваніи торговыхъ каравановъ изъ Кіева въ Константинополь. Ограничившись одной суммарной характеристикой княжескихъ усобицъ, г. Острогорскій отступилъ отъ своего правильнаго принципа живописать фактами. Мы думаемъ, что пересказъ хотя бы эпизода ослѣпленія Василька и его послѣдствій не былъ бы лишнимъ для большей конкретности изложенія. Слѣдовало бы далѣе рельефнѣе отбѣнить различіе жизненныхъ условій кievскаго юга и сѣверо-восточныхъ уѣловъ. Маршрутъ Батыева нашествія на Русь не мѣшало бы пополнить указаніемъ на неудачную попытку татаръ проникнуть въ Новгородскую область: это характерно для изолированнаго поло-

женія Новгорода среди тогдашнихъ областей русской равнины. Въ описаніи состоянія русскаго общества въ половинѣ XVIII ст., исполненномъ вообще весьма удачно, хорошо было бы подчеркнуть позамѣтнѣе вліяніе крѣпостного права на различныя сферы тогдашней жизни. Разсматривая выдающіяся царствованія, авторъ останавливается и на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ дѣятеляхъ, образы которыхъ должны сдѣлаться близкими русскому человеку уже съ ранняго дѣтства. Такъ, авторъ говоритъ о Ломоносовѣ, о Сперанскомъ, помѣщая и портреты ихъ. Вполнѣ сочувствуя этому приему мы сочли бы желательнымъ нѣсколько расширить этотъ элементъ, присоединить сюда, напр., такое характерное для своего времени лицо, какъ Новиковъ, упомянуть и о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ, напримѣръ, о Николаѣ Милютинѣ. Пусть наши дѣти чаще слышатъ эти историческія имена, хотя бы они и не могли еще уразумѣть во всемъ объемѣ значеніе ихъ дѣятельности.

Мы могли бы еще увеличить количество такихъ частныхъ пожеланій, хотя и готовы признать, что отъ осуществленія нѣкоторыхъ изъ нихъ автору пришлось воздерживаться просто ввиду необходимости слѣдовать официальнымъ учебнымъ планамъ.

Во всякомъ случаѣ подобныя замѣчанія не умаляютъ крупныхъ достоинствъ разсматриваемаго учебника, который слѣдуетъ признать несомнѣнно лучшимъ изъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время руководствъ по элементарному курсу русской исторіи.

Ал. Кизеветтеръ.

Д-ръ А. В. Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ свойства, признаки, лечение и предохраненіе. Руководство для родителей, учителей и духовенства. Ц. 75 к. С.-Петербургъ 1893 г.

Ни въ одной странѣ не распространены такъ заразные болѣзни и нигдѣ онѣ не причиняютъ столько бѣдствій и несчастій, какъ въ Россіи. Смертность отъ нихъ въ Россіи достигаетъ ужасающихъ размѣровъ — напр. въ 1896 году отъ одного дифтерита и крупы умерло 102 т. человекъ, отъ скорлатина—87 т. отъ кори—94 т. отъ оспы 45 т. (и въ 92 г. отъ оспы умерло 109 т.), коклюша 81 т. Не перечисляя другихъ заразныхъ болѣзней, можно сказать, что отъ нихъ умираютъ сотни тысячъ. Это ли не страшно! Какая война или голодъ можетъ дать такія ужасающія цифры! Борьба съ этимъ бѣдствіемъ можетъ быть только обща—правительствомъ, обществомъ и каждый изъ насъ совместно будутъ дѣйствовать, и только при этомъ условіи возможна сколько нибудь успѣшная борьба съ заразными болѣзнями. Однимъ изъ способовъ для борьбы съ этими болѣзнями является знакомство съ свойствами этихъ заразъ, признаками ихъ и мѣрами предупрежденія. Такого рода знанія особенно необходимы для интеллигентныхъ лицъ, живущихъ въ провинціи — учителей, духовенства, административныхъ лицъ и т. д. какъ близко стоящихъ къ народу, и не рѣдко имъ приходится даже и подавать первое пособіе, давать совѣты, какъ уберечь себя и другихъ отъ зараженія. Поэтому по-

явленіе такого рода книгъ, руководствъ, въ которыхъ излагались бы краткія свѣдѣнія по этому поводу, крайне желательно. Выше указанная книга именно и предназначается для лицъ образованныхъ, которые съ пользою прочтутъ ее и могутъ руководствоваться при распознаваніи различныхъ болѣзней, узнать какъ уберечься отъ нихъ. Къ сожалѣнію, авторъ много отводитъ мѣста лѣчебнымъ мѣрамъ, что не желательно. Между прочимъ авторъ даетъ совѣты и лѣчить болѣзни ушей, если при нихъ является течь (22), спринцовать растворомъ борной кислоты; рекомендуется лѣчить носовыя кровотечения водой съ лимоннымъ сокомъ (23), даже рекомендуетъ опій при нѣкоторыхъ болѣзняхъ (61). Далѣе нельзя не обратить вниманія на слишкомъ уже усиленную рекомендацію авторомъ, при лѣченіи заразныхъ болѣзней, вина различныхъ сортовъ и въ разныхъ количествахъ. При лѣченіи каждой почти болѣзни авторъ совѣтуетъ давать вино (22 38 78 стр.) и даже въ большихъ дозахъ, напримѣръ, при дифтеритѣ для поддержанія силъ на первомъ, планѣ рекомендуетъ давать каждый часъ: для дѣтей до 2 хъ л. по $\frac{1}{2}$ —1 чайн. ложки до 10 л.—по десертной ложкѣ (портвейнъ, мадеру, хересь и столовыя (78).

Не входя въ дальнѣйшій разборъ этой части книги, остановимся на другихъ. Авторъ даетъ подробныя описанія всѣхъ почти заразныхъ болѣзней, наибаче встрѣчающихся въ населеніи и наиболѣе опасныхъ—онъ говоритъ объ оспѣ, кори, скарлатинѣ, тифахъ, дифтеритѣ и т. п. О нѣкоторыхъ изъ этихъ болѣзней даются болѣе подробныя свѣдѣнія, о другихъ краткія, смотря по свойству болѣзни (краткія о вѣтреной оспѣ, краснухѣ, неопредѣленномъ тифѣ); причеиъ о каждой изъ нихъ вначалѣ излагаются свойства и симптомы болѣзни, распознаваніе, значеніе, лѣченіе, предохраненіе и предупрежденіе. При описаніи причинъ возникновенія той или другой изъ этихъ болѣзней авторъ держится на строго обоснованныхъ фактахъ и наблюденіяхъ, избѣгая гипотезъ и спорныхъ вопросовъ. Желательно было бы обратить болѣе вниманія на профилактическую сторону названныхъ заболѣваній. Особенно подробно авторъ говоритъ о брюшномъ тифѣ, дифтеритѣ, чахоткѣ, холерѣ. Въ концѣ книги находится небольшая глава о дезинфекціи вообще и средствахъ, которыми она производится (160—170); составлена она очень просто и ясно; въ заключеніе одна глава посвящена вопросу о *жилищахъ* (170—173), которая какъ то не вяжется съ содержаниемъ книги. Если уже говорить о жилищѣ, его роли вообще и т. д. то это должно быть сдѣлано болѣе обстоятельно, полно, а не въ такомъ видѣ какъ здѣсь (двѣ странички).—Не смотря на указанные недостатки книга д-ра Граціанскаго является хорошимъ пособіемъ и руководствомъ для интеллигентныхъ лицъ въ провинціи въ борьбѣ съ заразными болѣзнями; написана она хорошимъ литературнымъ языкомъ, понятно, безъ употребленія специальныхъ терминовъ, которыми такъ часто грѣшатъ наши якобы общедоступныя книги. Все это даетъ право рекомендовать книгу д-ра Граціанскаго какъ одну изъ хорошихъ по настоящему вопросу.—Изданіе хорошее.

Д. Никольскій.

Кіевское общество грамотности. **О вредѣ сифилиса** и о мѣрахъ въ его предупрежденію. Врача Доценко. Изд. Кульженко, ц. 3 к.

Сифилисъ, занимающій среди заразительныхъ болѣзней въ Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ, подрываетъ не только здоровье, но крайне неблагоприятно отражается и на экономическомъ благосостояніи больного. Никакая другая болѣзнь не дѣйствуетъ такъ губительно на человѣческой организмъ, какъ сифилисъ, который поражаетъ не только самого больного,—но является опаснымъ для семьи и для общества. Для успѣшности борьбы съ нимъ необходимо широкое распространеніе свѣдѣній о сифилисѣ; а также о томъ, какъ уберечься отъ зараженія имъ. Однимъ изъ способовъ ознакомленія съ сущностью этой болѣзни и являются популярныя брошюры, книги, бесѣды и т. д. Но среди этихъ книжекъ не мало есть и такихъ, которыя совсѣмъ не пригодны для распространенія въ населеніи. Названная брошюра врача *Доценко* принадлежитъ къ разряду хорошихъ и можетъ быть рекомендована не только образованному читателю, но и просто грамотному. По своему содержанію, простотѣ изложенія, не смотря на сжатость его, ясность выраженія, литературный языкъ, она производитъ пріятное впечатлѣніе. Повидимому, авторъ хорошо знакомъ съ условіями народной жизни. Краткое содержаніе ея таково. Вначалѣ авторъ въ немногихъ словахъ выясняетъ вредъ отъ сифилиса для больного, затѣмъ вредъ для окружающихъ его потомства; все это иллюстрируетъ примѣрами изъ повседневной жизни, что особенно важно; затѣмъ говоритъ о томъ, какъ *передается сифилитическая зараза* (вполнѣ основательно замѣчаетъ, что болѣзнь эта чаще передается не отъ разврата, но невольнымъ способомъ отъ больныхъ къ здоровымъ, подробно перечисляются способы передачи его), какъ *проявляется сифилисъ* (11—18) и наконецъ какъ *уберечься отъ сифилиса* (15 — 22) съ указаніемъ о лѣченіи сифилиса (не предлагается какихъ нибудь средствъ, а говорится о необходимости лѣченія). Нельзя не указать на нѣкоторую неточность въ книгѣ, въ родѣ того, что «Нѣтъ другой болѣзни, которая бы такъ вѣрно вылѣчивалась». (18) какъ сифилисъ. Это вопросъ спорный. Брошюра можетъ быть рекомендована для народныхъ чтеній, библиотекъ и читаленъ и вообще для распространенія среди народа. Изданіе хорошее.

Д. Н.

Журнальное обозрѣніе.

«Парижъ» Зола.

Каждое новое произведеніе Э. Зола—литературное событіе не только для Франціи, но и для Россіи. Романы Э. Зола одновременно съ печатаньемъ ихъ въ той или другой французской газетѣ появлялись у насъ въ цѣломъ рядѣ періодическихъ изданій и затѣмъ расходились отдѣльными книжками въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Особенно поспѣливалось послѣднему роману—«Парижу», который въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго года печатался въ «Новостяхъ», «Недѣлѣ», «Новомъ Времени».

обонхъ «журналахъ иностранной литературы» и во многихъ провинціальныхъ газетахъ

Это «счастье» — вполне заслуженное. «Парижъ», не смотря на то, что замѣчательный художественный талантъ автора сказался въ немъ не съ тою силою, какъ, напр. въ «Germinal» (Углекопы), «Assomoir» (Западня) и «La terre» (Земля), представляетъ совершенно особый интересъ, такъ какъ въ немъ съ удивительной полнотою и ясностью вылилось жизнерадостное мировоззрѣніе Зола, вылилась его личность.

Когда Зола писалъ «Парижъ», онъ врядъ ли предвидѣлъ, что ему придется вмѣшаться въ «дѣло Дрейфуса», выступивъ въ новой роли борца-гражданина, но тѣмъ не менѣе между этимъ „романомъ“ и этимъ «дѣломъ» есть тѣсная, внутренняя связь. И въ „романѣ“ и въ „дѣлѣ“ Зола смѣло срываетъ маску съ современныхъ политическихъ Тартюфовъ, съ современныхъ политическихъ лицемеровъ, здѣсь и тамъ Зола безъ колебаній сбрасываетъ красивыя повязки, скрывающія зіяющія язвы на тѣлѣ буржуазной республики, здѣсь и тамъ Зола является голосомъ общественной совѣсти, пророкомъ разлагающейся буржуазіи, здѣсь и тамъ онъ страстно борется за правосудіе, за справедливость, здѣсь и тамъ въ немъ горитъ пламенный оптимизмъ, пламенная вѣра въ торжество разума и справедливости.

Лицемерные, трусливые „политики“, властолюбивые, хитрые іезуиты, безсовѣстные, продажные журналисты — все это поднялось на Зола не только, какъ на защитника незаконно осужденнаго еврея Дрейфуса, но и какъ на писателя-обличителя, какъ на автора «Парижа».

Ученые и писатели, честные и интеллигентные граждане, всѣ эти „рыцари духа“ самоотверженно примѣнули къ Зола не только, какъ къ защитнику Дрейфуса, но и какъ къ творцу обновленнаго Пьера, героя «Парижа».

«Парижъ» объясняетъ возможность дѣла Дрейфуса-Зола со всѣми его темными и *септими* сторонами. Дѣло же Дрейфуса-Зола подтверждаетъ вѣрность картины современной французской общественной жизни, нарисованной въ „Парижѣ“.

Въ романѣ нѣтъ только героевъ «главнаго штаба», достойныхъ преемниковъ героевъ „разгрома“, героевъ Седана и Меца, — они появятся, вѣроятно, въ одномъ изъ слѣдующихъ произведеній великаго романиста. Но въ «Парижѣ» есть всѣ эти Меллины, Бриссоны, Жюдэ, Друммоны, Дадовы и т. д. въ немъ есть вся та атмосфера темныхъ интригъ, подлоговъ и взятокъ, въ которой произрастаютъ Пати-де-Кламы и Эстергази, въ немъ въ то же время сверкаютъ и яркіе солнечные лучи, яркіе лучи знанія, труда и справедливости, яркіе лучи, разгоняющіе тяжелые, ядовитые пары, въ которыхъ готовы погибнуть «права человѣка», въ которыхъ задыхаются такія личности, какъ Гримо, Дюкло и Жоресъ.

Зола рисуетъ въ своемъ романѣ общественную жизнь современнаго Парижа, Парижа нашихъ дней. Борьба «политиковъ», смѣна министерствъ, подкупы депутатовъ, «Панама» (подъ видомъ «африканскихъ дорогъ»), анархическія покушенія, католическая пропаганда и т. п.

Въ выводимыхъ авторомъ дѣйствующихъ лицахъ не трудно иногда замѣтить ту или другую *характерную* черту того или другого изъ из-

вѣстныхъ общественныхъ дѣателей, но было бы напрасно искать въ романѣ *точныхъ* портретовъ, *точныхъ* снимковъ съ живыхъ и извѣстныхъ лицъ. Зола не фотографируетъ, онъ *творитъ*. Отвлекая у лицъ одной и той же группы рядъ характерныхъ чертъ, онъ создаетъ изъ нихъ новое живое и *типичное* лицо.

Монсеньоръ Марта типиченъ для всѣхъ католическихъ патеровъ и прелатовъ, «присоединившихся» къ республикѣ, чтобы подчинить ее папѣ; въ министрѣ Монферранѣ съ его гибкой совѣстью и желѣзнымъ кулакомъ много чрезвычайно характернаго для Констанана, но въ немъ могли бы узнать себя и Дююи, и Рувье; его противникъ Виньонъ очень напоминаетъ Флокэ, но онъ характеренъ и для Бриссона, Буржуа и всѣхъ вообще радикаловъ; въ Санье, издатель «Голоса народа» воплощены черты не только Жюда, главнаго сотрудника «Le petit journal», но всѣхъ вообще видныхъ представителей скандальной парижской печати.

Для созданія типовъ анархистовъ—Сальва и Матиса Зола воспользовался Вальяномъ и Анри (Henry). Здѣсь мы имѣемъ дѣло почти съ точными снимками съ оригиналовъ, но это потому, что оригиналы (Вальянъ и Анри) чрезвычайно типичны для французскихъ анархистовъ.

Среди всѣхъ этихъ типовъ современнаго Парижа выдѣляется центральная фигура Пьера Фромана, главнаго героя и двухъ предъидущихъ романовъ Зола—«Лурда» и «Рима».

Пьеръ въ сущности не типъ, онъ—олицетворенное мировоззрѣніе самаго автора, взятое въ его постепенномъ развитіи изъ двухъ началъ—любви и разума, сначала борющихся между собою, а затѣмъ примиряющихся въ жизнерадостной *разумной* работѣ, приближающей торжество *справедливости*, стремленіе къ которой вытекаетъ изъ присущаго чловѣку чувства *любви*.

Ни въ «Лурдѣ» среди «нищихъ духовъ», ни въ Римѣ у непогрѣшимаго папы не нашелъ Пьеръ отвѣта на терзавшія его сомнѣнія, ни тамъ не нашелъ онъ живительнаго содержанія для своей опустѣвшей души.

Это далъ ему Парижъ, дала ему жизнь во всей ея полнотѣ.

Передъ нимъ прошли картины нищеты, онъ видѣлъ семидесятилѣтнихъ стариковъ, изсушенныхъ непосильной работой и умиравшихъ отъ голоду въ смрадныхъ углахъ трущобъ, которыя имъ все же дороже, чѣмъ богадѣльни—тюрьмы, устраиваемыя богатыми филантропами, онъ видѣлъ дѣтей, быстро увядающихъ отъ недостатка свѣта, воздуха и пищи, онъ видѣлъ, какъ постоянная нужда и голодъ близкихъ, горячо любимыхъ существъ доводила людей съ нѣжнымъ сердцемъ до отчаянья, до страшныхъ преступленій. И на ряду съ этимъ передъ его глазами развѣртывались картины роскошной жизни пресыщенной наслажденіями буржуазіи, гибнущей отъ излишествъ.

Онъ видѣлъ, какъ разлагается буржуазная семья, онъ ощущалъ смрадъ самаго низкаго разврата въ роскошныхъ гостинныхъ, убранныхъ душистыми цвѣтами, онъ читалъ на красивыхъ женскихъ лицахъ слѣды низменныхъ страстей, передъ нимъ раскрылась внутренняя сторона богатой буржуазной семьи: отецъ, ползающій у ногъ модной кокетки; дочь, старающаяся отбить любовника у своей матери; сынъ, чувствующій от-

вращеніе къ здоровой нормальной любви, ищущій неестественныхъ наслажденій...

Передъ нимъ раскрылись всѣ язвы «общественной жизни». Онъ увидѣлъ, какъ подъ покровомъ парламентской борьбы, борьбы принциповъ борются личные интересы «политиковъ»; его взоръ проникъ за кулисы парламентской жизни, онъ увидѣлъ, какъ за шнурки, проведенные къ большинству депутатовъ, дергають богатые банкиры и хитрые иезуиты, низвергая и создавая министерства.

Онъ видѣлъ, какъ для личныхъ цѣлей, пользуются печатью, перебовью, судомъ... И онъ пришелъ въ отчаянье, потерялъ вѣру въ прогрессъ, въ совершенстванье, когда лучи великаго творца жизни, солнца освѣтили ему скромные уголки труда, здоровья и чистаго семейнаго счастья, когда на ряду съ продажными политиками въ родѣ «панамистовъ», онъ увидѣлъ немногочисленную, но сильную своимъ самоотверженіемъ, своей честностью группу истинныхъ общественныхъ дѣятелей, когда на ряду съ разложившейся, смердящей семьей банкира Дувильяра, онъ сжился съ здоровой, чистой семьей своего брата Гильома съ его тремя сыновьями, дышущими физическимъ и духовнымъ здоровьемъ, съ этой чудной старухой «бабушкой», полной юношеской энергіи, когда онъ обновился и переродился любовью къ Маріи, этимъ воплощеніемъ естественной простоты, нераздѣльной съ духовнымъ здоровьемъ, съ духовной чистотой, когда онъ окунулся въ освѣжительную волну братской и женской любви, когда онъ увидѣлъ первую улыбку своего ребенка.

Въ новомъ свѣтѣ развернулся передъ нимъ Парижъ, и разбѣдающій душу пессимизмъ смѣнился вѣрою въ прогрессъ, въ грядущее торжество справедливости, которую художникъ Жаханъ изобразилъ въ видѣ высокой женщины съ удивительной простотой линий обнаженнаго тѣла, простотой, дышащей торжественной величественностью, съ руками, слегка протянутыми впередъ, съ руками, открытыми всемъ людямъ.

Парижъ представился Пьеру колоссальнымъ чаномъ, гдѣ бродятъ желанія, насилія, разнузданныя страсти, смѣсь самыхъ острыхъ ферментовъ, откуда широкими чистыми волнами должно вылиться чистое вино будущаго.

«Пьеръ созналъ громадную работу, совершающуюся на днѣ этого чана, на поверхность котораго вслипло столько грязи и отбросовъ...

Что значать въ политикѣ всѣ эти отбросы людей, движимыхъ эгоизмомъ и жадной наслажденій, если своимъ медленнымъ безостановочнымъ шагомъ человечество все же движется впередъ! Что значить эта историческая и разлагающаяся буржуазія, готовящаяся нынѣ умереть по примѣру аристократіи, мѣсто которой она заняла, разъ за ней безирревервно подымается неизсякаемый запасъ людей изъ деревень и городовъ!

Что значить развратъ, испорченность отъ излишка денегъ и власти, искусственная, безнравственная жизнь съ половой извращенностью, когда кажется доказаннымъ, что всѣ столицы, всѣ царицы міра, царили лишь этою цѣною крайней цивилизаціи, религіи красоты и наслажденія.

И что значить даже неизбежная продажность, ошибки и глупости печати, если съ другой стороны она является дивнымъ образовательнымъ орудіемъ, общественною совѣстью всегда открытою, потокомъ, несущимъ

всѣ народы къ широкому братскому морю будущихъ вѣковъ! Человѣческой осадокъ упалъ на дно чана, и нельзя ожидать, чтобы ежедневно и явно торжествовало добро; ибо часто необходимы годы, чтобы изъ неяснаго броженія родилась осуществленная надежда въ этомъ процессѣ вѣчной матеріи, снова и снова бросаемой въ колбу для постоянного совершенствованія. И, не смотря на то, что въ глубинѣ душныхъ мастерскихъ заработная плата была лишь нюю формою того же древняго рабства, не смотря на то, что Туссѣны всегда умирали отъ нищеты, какъ искалѣченные животныя, свобода въ бурный день вышла все же изъ огромнаго чана и пронеслась по міру. И почему же въ свою очередь не выйти оттуда и справедливости, созданной волненіемъ элементовъ, освобожденной отъ всѣхъ налетовъ, кристаллически прозрачной и несущей народамъ новую жизнь?»

Приближеніе царства справедливости ускоряется, по мнѣнію Зола, не анархическими покушеніями, а мирной научной работой, облегчающей людямъ пользованіе силами природы.

«Какое ослѣпленіе думать, что разрушеніе, что убійство можетъ быть плодотворнымъ аетомъ, сѣменемъ, дающимъ счастливую и обильную жатву.

Тотчасъ же доходятъ до крайнихъ предѣловъ насилія, которое вызываетъ высшее напряженіе чувства солидарности даже у тѣхъ, ради которыхъ совершаются убійства. Народъ, великая толпа возмущается противъ изолированнаго индивидуума, думающаго, что онъ совершаетъ актъ правосудія.

Вулканъ, да, но вулканъ, эта вся земная кора, вся масса населенія, которая подымается подъ непреодолимымъ напоромъ внутренняго пламени, чтобы воздвигнуть Альпы, чтобы возстановить свободное общество. Убійцы всегда останутся убійцами, какъ бы ни великъ былъ героизмъ ихъ безумія, какъ бы ни велика была заразительная жажда мученичества»...

Эти мысли проносятся въ головѣ Гильома Фромана (брата Пьера), хотѣвшаго сначала воспользоваться изобрѣтеннымъ имъ веществомъ страшной разрушительной силы для взрыва церкви „Сердца Іисусова“, но впослѣдствіи примѣнившаго его для устройства особыхъ двигателей, замѣняющихъ ручной трудъ въ разнообразныхъ отрасляхъ производства и въ особенности при мелкой домашней работѣ.

«Я отказываюсь революціонировать міръ», говоритъ онъ знаменитому ученому Бертеруа.

«Но вотъ это и есть революція, настоящая, единственная!»—восклицаетъ Бертеруа, указывая на изобрѣтенный Гильомомъ двигатель, — этимъ, а не идіотскими бомбами революціонируютъ міръ!

Не разрушая, а создавая, вы совершаете революціонный актъ! И сколько разъ ужъ я вамъ говорилъ, что одна только наука революціонна, она одна, стоя выше хищныхъ жалкихъ политическихъ событій, тщетной агитаціи сектантовъ и тщеславныхъ демагоговъ, работаетъ надъ будущимъ человѣчествомъ, подготавливая истину, справедливость, миръ!».

Если и нельзя вполне отождествить убѣжденіе этого ученаго сектанта съ убѣжденіями самого Зола, то все же несомнѣнно, что Зола стоитъ на сторонѣ Гильома, изобрѣтающаго мирный двигатель, а не Гильома, подводящаго мину подъ церковь „Сердца Іисусова“.

Зола—противникъ анархическихъ бомбъ, но онъ и не сторонникъ гильотины. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть сцену казни Сальва. Она говоритъ противъ смертной казни убѣдительное краснорѣчивыхъ рѣчей и ученыхъ трактатовъ.

Къ сожалѣнію, непреодолимое отвращеніе къ смертной казни раздѣляютъ съ Зола очень немногіе изъ его соотечественниковъ. Очень немногіе изъ нихъ поймутъ, что въ каждомъ преступленіи виновато все общество и что казненный преступникъ наказывается за грѣхи своихъ гражданъ, за грѣхи общества въ его прошломъ и настоящемъ.

Зола не рѣдко упрекаетъ, что онъ выводитъ только отрицательные типы, что онъ рисуетъ только темныя стороны жизни. Это невѣрно вообще, но особенно невѣрно по отношенію къ «Парижу».

Здѣсь скорѣе слишкомъ ярко оттънена положительная сторона жизни слишкомъ идеализированы нѣкоторые типы, какъ, напр., „бабушки“, соединяющей въ себѣ мужскую ясность ума, твердость воли, отвагу съ женскою привязчивостью и самоотверженіемъ. Она нѣсколько напоминаетъ гончаровскую „бабушку“ изъ „Обрыва“, но стоитъ выше ея на много ступеней. Съ величайшею нѣжностью обрисована и Марія, сначала невѣста Гильома, а затѣмъ жена Пьера. Марія напоминаетъ Клотильду изъ „Доктора Паскаля“ по простотѣ и дѣломудренной страстности своей дѣвственной души, но въ Маріи есть своя специфическая и чрезвычайно характерная черта. Она болѣзненно чувствительна ко всякой несправедливости. Несправедливость доводила ее до припадковъ, до обморока. „Нѣтъ человѣчности, есть только справедливость“, говоритъ она въ минуту увлеченія. „То, что справедливо—справедливо, не смотря ни на что, хотя бы долженъ былъ погибнуть міръ“. Эта реакція на всякую несправедливость вытекаетъ изъ свойственнаго Маріи прямодушія, не переносящаго лжи даже въ шутку, не переносящаго даже ироніи. Не правда доставляетъ Маріи почти физическое страданіе. Такая абсолютная прямота встрѣчается чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, не смотря на распространенное убѣжденіе, что женщины фальшивы. Надо, впрочемъ, различать отдѣльныхъ личностей отъ массы, отъ средняго человѣка. Въ среднемъ можетъ быть и вѣрно, что женщина живѣе мужчины, но лучшая женщина правдивѣе лучшаго мужчины.

Разумѣется, абсолютная прямота съ острой отзывчивостью на всякую несправедливость встрѣчается и у мужчинъ, яркимъ примѣромъ такого мужчины является самъ Зола. Именно эта благородная черта толкнула его на борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ Франціи въ «дѣлѣ Дрейфуса»; она зажгла въ немъ тотъ яркій пламень протеста и негодованія, который привлекаетъ къ нему всѣхъ честныхъ, всѣхъ правдивыхъ и прямыхъ, и который вызываетъ ожесточенную злобу во всѣхъ криводушныхъ и продажныхъ натурахъ. За Зола—прямодушіе немногихъ; противъ Зола—оппортунизмъ большинства.

Противъ Зола съ пѣной у рта выступили антисемиты всѣхъ національностей и не потому только, что онъ заступился за незаконно осужденнаго еврея, а и потому, что между антисемитами всего больше духовныхъ потомковъ Іуды Искариотскаго.

Сильная армія лжи, невѣжества и трусости, поднявшаяся противъ

А это послѣднее обстоятельство уменьшаетъ оживленіе, интересъ и задушевность бесѣдъ».

Конечно, нежелательныя явленія устранялись бы съ замѣной педагогическихъ курсовъ съѣздами учителей, о важности и желательности которыхъ мы говорили въ № 2.

Приведемъ для характеристики происходившихъ минувшимъ лѣтомъ педагогическихъ курсовъ нѣсколько сообщеній мѣстныхъ газетъ.

г. *Стародубъ* (Черниг. губ.). Какъ и слѣдовало ожидать, курсы вызвали большой интересъ, не только въ самомъ городѣ, но и въ его уѣздѣ. Явилась масса слушателей, не принадлежащихъ вовсе къ учительскому персоналу, и нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали на день—на два за десятки верстъ, чтобы только посѣтить курсы, послушать лекціи Бунакова. Большой школьный залъ всегда былъ полонъ слушателей и нѣкоторымъ за неимѣніемъ мѣста приходилось все время стоять. И дѣйствительно, Н. Θ. Бунаковъ такъ живо и такъ образцово велъ свои занятія съ учениками, его лекціи для учителей всегда были полны захватывающаго интереса, что вполне понятно стремленіе всѣхъ посѣтить его уроки и то вниманіе, съ какимъ они выслушивались. Многие изъ учителей и учительницъ давали тоже пробные уроки по предметамъ школьной программы.

Изъ г. *Лубенъ* (Полтавской губ.): «15 іюля открыты у насъ курсы для народныхъ учителей, приглашено болѣе сорока человекъ. Земство въ лицѣ своего представителя И. Н. Леонтовича освободило учителей отъ всякихъ расходовъ на мѣсячное пребываніе въ городѣ. Курсами руководить специально приглашенный изъ Москвы г. Вахтеровъ. За правильностью и законностью преподаванія наблюдаетъ инспекторъ народныхъ училищъ. Занятія на курсахъ происходятъ утромъ и вечеромъ, причемъ утромъ даются руководителемъ и кѣмъ либо изъ учителей пробные уроки, послѣ чего ученики отпускаются и происходитъ совмѣстное обсужденіе достоинствъ и недостатковъ лекціи. Вечеромъ г. Вахтеровъ читаетъ лекціи по методикѣ, педагогикѣ и другимъ предметамъ, необходимымъ для народного учителя».

Елецъ. 20-го іюня въ Елецѣ открылись педагогическіе курсы для сельскихъ и городскихъ учителей и учительницъ первоначальныхъ школъ. Подобные курсы устраиваются въ Орловской губ. въ первый разъ и въ нынѣшнее лѣто будутъ распространены на 3 уѣзда: елецкій, кромской и брянскій. Курсы организованы совмѣстно орловскимъ губернскимъ и елецкимъ уѣзднымъ земствами. Первое взяло на себя расходы по приглашенію гг. руководителей, второе—субсидію пріѣхавшимъ учителямъ и учительницамъ, назначивъ имъ по 50 к. въ сутки. Городъ съ своей стороны, предоставилъ имъ бесплатное помѣщеніе въ городскихъ школахъ.

Успѣхъ курсовъ превзошелъ всѣ ожиданія устроителей. Черезъ недѣлю число слушателей превысило 80 человекъ, и, несмотря на 40°

жары, на неудобства помещенія, до сихъ поръ не было случая непосѣщенія кѣмъ-либо занятій или совершеннаго прекращенія. Живая энергія, бодрость и интересъ ни на минуту не ослабѣвали въ слушателяхъ.

Здѣсь кстати будетъ привести то, что сообщалъ «Орд. Вѣсти.» незадолго до открытія курсовъ въ *Брянскѣ*. Намъ извѣстно, на примѣръ, что начальная школа изъ трехъ группъ, необходимая для практическихъ занятій, безъ которыхъ и самые курсы не имѣли бы должнаго значенія, еще не собрана, не составлена. Неизбѣжны также весьма значительныя недоразумѣнія по поводу того обстоятельства, что учителямъ и учительницамъ во время слушанія курсовъ не отпущено никакой отдѣльной суммы на прожитіе, какъ это дѣлали и дѣлаютъ всѣ земства, устраивающія подобныя курсы. Наше земство рѣшило, что учителя и учительницы будутъ жить на свое жалованье. Между тѣмъ, это совершенно невозможно, за исключеніемъ незначительнаго меньшинства именно тѣхъ, у кого имѣются въ Брянскѣ родственники, гдѣ можно было бы прожить во время курсовъ. Что же касается большинства, то получая за лѣтніе мѣсяцы всего по 15 руб., нечего и думать прожить на нихъ въ Брянскѣ, гдѣ условія жизни, надо считать, по дороговизнѣ не уступятъ условіямъ любого губернскаго города, къ тому же многіе изъ нихъ семейные. Нашлись добрые люди, которые указали на этотъ промахъ, а также на то, что изъ-за этого могутъ и курсы не состояться... Земская управа спохватилась и рѣшилась предложить учителямъ и учительницамъ отпустить каждому изъ нихъ по ихъ мѣсячному жалованью за мѣсяць впередъ съ тѣмъ, чтобы, если земское собраніе въ наступающую очередную сессию согласится, расходы эти были приняты на земскія средства.

2-го іюля въ *Херсонѣ* состоялось молебствіе по случаю открытія повторительныхъ курсовъ для учителей и учительницъ народныхъ школъ Херсонской губерніи. О разрѣшеніи такихъ курсовъ херсонское земство ходатайствовало предъ подлежащимъ начальствомъ многіе годы и только въ прошломъ году добились разрѣшенія, которое настолько запоздало, что организація курсовъ въ силу необходимости была отложена до текущаго года. Курсы эти, на устройство которыхъ земствомъ ассигнованы 4 тыс. руб., подчинены наблюденію инспектора народныхъ школъ. Число учителей и учительницъ, допущенныхъ на курсы, не превышаетъ 80,—въ опредѣленномъ числѣ отъ каждаго уѣзда пропорціонально существующимъ школамъ. Главнымъ образомъ выборъ въ курсисты падалъ на учителей и учительницъ менѣе опытныхъ и болѣе нуждающихся въ повышеніи уровня преподавательскихъ пріемовъ, хотя среди курсистовъ, правда въ меньшинствѣ, находятся лучшіе и опытные учителя, которые въ общеніи съ младшими товарищами внесутъ желаемое оживленіе. Помимо занятій по русскому языку и ариметикѣ и усвоенія лучшихъ методовъ преподаванія названныхъ предметовъ, въ программу курсовъ входитъ ознакомленіе съ учебно-педагогической литературой обоихъ предметовъ и съ кни-

гами и всякими пособиями, употребляемыми как учебники и руководства въ народныхъ училищахъ.

Въ *Курскъ* 20-го іюня закончились земскіе педагогическіе курсы, сосредоточивавшіе въ продолженіе мѣсяца на себѣ вниманіе всего мѣстнаго интеллигентнаго общества. Притягательной силой и центромъ на этихъ курсахъ былъ извѣстный въ педагогическомъ мірѣ московскій педагогъ Д. И. Тихомировъ, приглашенный земствомъ для руководства занятіями по начальному обученію и русскому языку. Курсы привлекли очень много слушателей, такъ что, вмѣсто 100 человѣкъ, народныхъ учителей съѣхалось болѣе 200. Помимо лекцій по начальному обученію, читались также лекціи по гигиенѣ и метеорологіи, такъ какъ губернское земство предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ организовать по губерніи сѣть метеорологическихъ станцій. Въ настоящемъ году учительскіе курсы устраиваются губернскимъ земствомъ уже второй разъ и, какъ высказался предсѣдатель губернской земской управы при закрытіи ихъ, они будутъ повторяться ежегодно.

Череповецъ. Недавно здѣсь закончились трехнедѣльные педагогическіе курсы, устроенные новгородскимъ губернскимъ земствомъ для учителей Череповецкаго уѣзда. На курсахъ присутствовало до 130 слушателей, причѣмъ были учителя и учительницы изъ сосѣднихъ уѣздовъ: Устюженскаго, Бѣловскаго и Весьегонскаго. Мѣсяца за три до открытія курсовъ директоръ учительской семинаріи обратился ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ и издателямъ съ просьбою прислать свои изданія въ виду предполагаемой на курсахъ выставки книгъ для дѣтскаго чтенія и для публичныхъ народныхъ библиотекъ, такъ какъ однимъ изъ вопросовъ, намѣченныхъ въ программѣ занятій на череповецкихъ педагогическихъ курсахъ, стоялъ и вопросъ о составленіи каталога книгъ для передвижныхъ школьныхъ библиотекъ, а также для народныхъ публичныхъ библиотекъ (въ уѣздѣ уже нѣсколько такихъ библиотекъ функционируютъ два года). Большинство издателей очень сочувственно отнеслись къ предложенію директора семинаріи; въ результатѣ на курсахъ явилась богатая выставка книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. Послѣ курсовъ она положитъ прочное основаніе устройству при учительской семинаріи библиотеки для дѣтскаго и народнаго чтенія. Другой особенностью курсовъ являлась выставка письменныхъ работъ учениковъ всѣхъ школъ Череповецкаго уѣзда. Эта выставка дала значительный матеріалъ для разработки вопроса о нормальной постановкѣ письменныхъ работъ въ начальныхъ школахъ по отдѣленіямъ, дала наглядное представленіе о томъ, какихъ результатовъ достигаютъ различныя школы въ одно и то же время.

Открытіе въ *Ст. Русскъ* педагогическихъ курсовъ для учителей земскихъ училищъ состоялось при крайне ненормальныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что для практическихъ занятій слушателей при курсахъ всегда устраивается школа, соответствующая земской съ 3-хъ годичнымъ кур-

сомъ. Организацию подобной школы приняли на себя инспекторъ народныхъ училищъ г. Костричинъ (онъ же наблюдатель курсовъ) и секретарь мѣстной земской управы г. Рутковскій, являющійся на курсахъ какъ бы въ качествѣ второго наблюдателя отъ земства. Прежде всего они избрали почему-то помѣщеніемъ для курсовъ церковно-приходскую школу, зданіе тѣсное и вообще не отвѣчающее своему назначенію. Съ этимъ неудобствомъ можно было бы помириться, если принять во вниманіе, что мѣстныя городскія училища помѣщаются въ бывшихъ архивахъ и конюшняхъ гр. Аракчеева. Но гг. организаторы порѣшили набрать во временную школу при курсахъ учениковъ изъ церковно-приходской школы. Такая несообразность дала себя чувствовать въ первый же день по открытіи курсовъ. Когда законоучитель церковно-приходской школы о. Пospѣловъ вызвался на урокахъ ознакомить слушателей съ своими учениками, то послѣдніе и по развитію, и по познаніямъ оказались гораздо ниже учениковъ соответствующихъ отдѣленій земскаго училища. Здѣсь же гг. руководители и слушатели имѣли случай убѣдиться въ различіи приѣмовъ преподаванія, объема и характера курса двухъ типовъ школъ. По окончаніи занятій рѣшено было отказаться отъ церковно-приходской школы и устроить новую, съ учениками изъ городскихъ приходскихъ училищъ. Но было уже поздно. О. Пospѣловъ, принимавшій дѣятельное участіе въ наборѣ учениковъ, заявилъ, что такое рѣшеніе можетъ подорвать авторитетъ церковно-приходской школы. (Сынъ Отеч.)

Ограничимся этими выписками изъ газетныхъ отчетовъ и не будемъ останавливаться на описаніи курсовъ, происходившихъ во многихъ другихъ городахъ, напр. Ярославль, Казань, Суражъ, Зѣньковѣ. Перейдемъ къ нѣкоторымъ частностямъ изъ исторіи минувшихъ курсовъ.

Почти всѣ курсы открывались при торжественной обстановкѣ, производились рѣчи, въ которыхъ прославлялась дѣятельность народнаго учителя. Конечно, все это дѣлалось искренно, и присутствующіе не могли не испытывать нѣкотораго умиленія, но невольно должна была возникать у нихъ мысль, почему же то, что такъ прославляется на словахъ, въ дѣйствительности встрѣчаетъ такъ мало вниманія, почему лица, власть имущія, привѣтствующихъ ихъ такъ тепло и сердечно, а въ то же время не всегда оказываютъ имъ хотя бы кой какое содѣйствіе въ борьбѣ съ властными писарями, старшинами и т. п. господами, столь охотно разыгрывающими изъ себя роль начальниковъ, надъ беззащитнымъ народнымъ учителемъ, почему проявляется такъ мало заботъ къ улучшенію плачевнаго положенія учителей. И поэтому едвали вселяли особенную надежду въ сердца народныхъ учителей Саратовской губ. слова, сказанныя губернаторомъ на прощаніе собравшимся на курсы учителямъ:

«Я предлагаю вамъ во всѣхъ случаяхъ, когда земскія школы не удовлетворяютъ своему назначенію, обращаться за содѣйствіемъ гг. земскихъ начальниковъ, которымъ я уже далъ надлежащія указанія и которые, въ

огромномъ большинствѣ случаевъ, явятся къ вамъ на помощь. Затѣмъ, въ случаяхъ особенныхъ, я позволяю вамъ обращаться непосредственно ко мнѣ, и я всегда буду радъ сдѣлать все, что могу, чтобы побудить общество или земство благоустроить школу. Вотъ въ чемъ состоитъ мое предложеніе, господа. Примите его къ свѣдѣнію и руководству и знайте, что съ нынѣшняго дни учитель, не заявившій о существенныхъ недостаткахъ его школы, будетъ одинъ виноватъ и передо мной, и передъ обществомъ, и передъ тѣми маленькими людьми, которые ввѣрены вашему попеченію».

Эти слова, сами по себѣ, быть можетъ, очень хорошія, потому могутъ мало помочь учителямъ, что вся обстановка, въ которой имъ приходится жить и дѣйствовать, мало благоприятна. Зависимое положеніе, въ которомъ находится учитель, чувствуется имъ, какъ мы сказали, даже и на курсахъ, которыя устраиваются вѣдь не официально, не по заказу начальства, а при полномъ, надо думать, сознаніи ихъ полезности для учителя. А потому мы не совсѣмъ понимаемъ смысла запрещенія участвующимъ на курсахъ высказывать свои мнѣнія и ставить вопросы, не значащіеся въ программѣ. Слѣдствіемъ этого является вотъ что:

Многіе учителя и учительницы просили насъ, читаемъ мы въ «Сарат. Листкѣ» поставить въ конференціи курсовъ такой вопросъ: при бесѣдахъ обоихъ руководителей, наблюдатель за курсами, директоръ народныхъ училищъ А. П. Карповъ, выражалъ свою полную солидарность съ нѣкоторыми взглядами руководителей по такимъ вопросамъ, которые очень важны для учащихся и начальной школы; по этимъ-же вопросамъ инспектора народныхъ училищъ, нѣкоторые члены училищныхъ совѣтовъ и земскіе начальники (они тоже имѣютъ значительное вліяніе на земскую школу) предъявляютъ совершенно противоположныя требованія. Напримѣръ, г. Цвѣтковскій рѣзко осудилъ нѣкоторые учебники и руководства, которые инспектора народныхъ училищъ *обязательно* вводятъ въ сельскихъ и городскихъ школахъ, и рекомендовалъ другія книги, дозволенные или рекомендованныя для школъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Возникаетъ вопросъ: тѣ учащіе, которые убѣдились доводами руководителя, имѣютъ ли право поступать по своему убѣжденію, вопреки приказаніямъ инспекціи?.. Затѣмъ, по ариметикѣ директоръ народныхъ училищъ вполне согласился съ г. Шохоръ-Троицкимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ очень важное значеніе для школы: о преимуществахъ синтетическаго метода рѣшенія задачъ передъ аналитическимъ, объ экзаменаціонныхъ требованіяхъ, объ алгебраическихъ задачахъ и т. д. Между тѣмъ, инспектора народныхъ училищъ и отдѣльные члены училищныхъ совѣтовъ предъявляютъ въ школахъ совсѣмъ другія требованія: какъ поступать учащимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда и они вполне солидарны съ мнѣніями руководителя и директора народныхъ училищъ? Такихъ вопросовъ наши педагогическіе курсы поставили очень много, и

эти вопросы необходимо разрешить такъ или иначе, чтобы всѣ учителя и учительницы знали и *имѣли право* поступать извѣстнымъ образомъ».

Не знаемъ, были ли разрешены всѣ эти любопытные вопросы, объ этомъ мы ничего не нашли затѣмъ въ цитируемой газетѣ. Но они весьма характерны для всей обстановки и условій педагогическихъ курсовъ. Раздумывая объ этихъ вопросахъ, мы невольно вдалились въ скептицизмъ, не создадутъ ли такія условія положеніе, при которомъ теорія останется теоріей, а практика выйдетъ совсѣмъ «особь статья»? Тутъ же заслуживаетъ упоминанія еще одинъ фактъ. На тѣхъ же Саратовскихъ курсахъ руководителемъ по ариметикѣ былъ г. Шохоръ-Троцкий. «Говоря о методикахъ ариметики, онъ, какъ сообщаетъ «Сар. Листъ», сказалъ, что признаетъ единственно рациональнымъ только свой усовершенствованный методъ, надъ которымъ онъ очень долго трудился». — Не говоря уже о томъ, что мы не думаемъ, чтобы методъ г. Шохоръ-Троцкого, какъ бы долго онъ ни трудился надъ нимъ, былъ *единственно рациональнымъ*, намъ кажется, что такое руководство едва ли можетъ быть полезно: учителя нуждаются въ сообщеніи имъ новыхъ свѣдѣній, объективныхъ знаній, оцѣнку же фактовъ нужно предоставить имъ самимъ, а то въ какомъ положеніи окажутся учителя, если въ слѣдующемъ году ими будетъ руководить другой педагогъ, который также много трудился надъ своимъ методомъ, и будетъ имъ рекомендовать свой методъ какъ единственно рациональный? Побольше свободы во мнѣніяхъ и терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ! Какъ бы это было полезно.

Заканчивая нашу замѣтку о педагогическихъ курсахъ для учителей земскихъ школъ, мы можемъ привести слова, сказанныя директоромъ народн. учил. Саратовской губ. на закрытіи тамошнихъ курсовъ. Они довольно точно выражаютъ наше мнѣніе вообще о педагогическихъ курсахъ. «Эти курсы не разрешили и десятой доли возникающихъ среди учителей вопросовъ и сомнѣній, что объясняется программой курсовъ и кратковременностью занятій. Тѣмъ не менѣе, они дали учащимъ много въ педагогическомъ отношеніи и, кромѣ того, имѣли для учителей и учительницъ, живущихъ всегда разрозненно, громадное моральное значеніе, хотя бы на это время объединивши учащихся для взаимнаго обмѣна впечатлѣніями, знаніями, опытомъ».

И на этомъ спасибо!

О женскомъ медицинскомъ образованіи.

Последнее время въ газетахъ весьма часто дебатруется вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи. Поводомъ къ газетнымъ толкамъ послужило воззваніе Кіевскаго Отдѣла Общества Краснаго Креста, по почину его председателя генерала Косича, о сборѣ пожертвованій на устройство въ Кіевѣ женскаго медицинскаго института. Вслѣдъ за этимъ воз-

званіемъ появилось въ «Нов. Вр.» письмо директора с.-петербургскаго женскаго медицинскаго института, въ которомъ онъ указываетъ, что «мысль создать новые институты, сама по себѣ прекрасная, принесетъ существенный и неизбѣжный вредъ, по своей несвоевременности, упроченію женскаго медицинскаго образованія, только начинающаго пускать корни»; въ подтвержденіе этихъ словъ проф. Анрепъ указываетъ на то, что и существующій с.-петербургскій женскій медицинскій институтъ далеко не обеспеченъ, что «онъ во всемъ весьма стѣсненъ и въ скоромъ времени будетъ нуждаться въ пожертвованіяхъ даже и на ежегодное свое содержаніе».

Эти соображенія вызвали нѣсколько статей въ различныхъ органахъ печати, между прочимъ, противъ необходимости вообще медицинскаго образованія для женщинъ. Конечно, мы не станемъ вступать въ споръ съ такими глубокомысленными взглядами, давно опровергнутыми жизнью. Мы остановимся лишь на письмѣ проф. Анрепа. Совершенно справедливо, что женское медицинское образованіе у насъ только начинаетъ пускать корни (лучшимъ доказательствомъ тому служить хотя бы, положимъ, то, что такая серьезная газета, какъ «Спб. Вѣд.», печатаетъ статьи о ненужности женскаго медицинскаго образованія) и что поэтому всѣ силы должны быть объединены и направлены на поддержаніе уже существующаго института. Но съ другой стороны, нельзя не придавать никакого значенія и тому факту, что текущей осенью въ с.-петербургскій институтъ принято только 190 человекъ, а не принято 240! Какъ же не позаботиться обществу о предоставленіи и этимъ 240 возможности получить медицинское образованіе. И какъ не устранить необходимость для всѣхъ жаждущихъ учиться медицинѣ пріѣзжать въ С.-Петербургъ съ разныхъ самыхъ отдаленныхъ концовъ Россіи; вѣдь помимо матеріальныхъ неудобствъ, это для многихъ, напримѣръ, южанокъ связано съ опасностью для ихъ здоровья. Съ этихъ точекъ зрѣнія желаніе открыть второй женскій медицинскій институтъ въ Кіевѣ имѣетъ за собой много вѣскихъ основаній, и ему можно только симпатизировать. Что же касается опасенія того, какъ бы не произошло отсюда дробленіе средствъ и безъ того небольшихъ, поступающихъ въ настоящее время на поддержаніе и развитіе женскаго медицинскаго образованія, то, конечно, оно не безосновательно, хотя съ другой стороны нельзя упускать изъ вниманія и того, что многіе капиталисты юго-западнаго края, которые бы не пожертвовали ничего на женскій медицинскій институтъ въ С.-Петербургѣ, могутъ сдѣлать значительныя пожертвованія на такой же институтъ у себя въ Кіевѣ. А поэтому, едва ли справедливо смотрѣть на воззваніе Кіевского Отдѣла Общества Краснаго Креста, какъ на попытку нежелательную и даже вредную. Само собой разумѣется, что существо дѣла, т. е. громадный недостатокъ у насъ врачей и стремленіе женщинъ къ образованію не требуетъ созданія особыхъ учрежденій, дорого стоющихъ и какъ ви-

димъ мало обеспеченныхъ; вопросъ вполне разрѣшился бы открытіемъ для женщинъ дверей университетовъ, но пока это невозможно, пожелаемъ всяческаго успѣха начинанію генерала Косича. Мы слишкомъ много страдаемъ отъ недостатка врачебной помощи. Послѣ борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, это самое важное дѣло.

Куда дѣваться?

Этотъ вопросъ каждый годъ съ неослабвующей жгучестью встаетъ передъ множествомъ учащихся, стучащихся въ двери различныхъ учебныхъ заведеній. Прѣжде съ этимъ печальнымъ явленіемъ приходилось считаться желающимъ поступить въ высшія спеціальныя учебныя заведенія, но теперь, къ сожалѣнію, этотъ грустный фактъ все чаще наблюдается и въ низшей, и въ средней школѣ. Существующія учебныя заведенія переполнены настолько, что нерѣдко страдаетъ отъ этого весьма чувствительно самое учебное дѣло. А новые разсадники просвѣщенія открываются весьма медленно и туго. По большей части причиной тому приводятъ недостатокъ средствъ — при дѣйствительномъ желаніи часто легко устранимый. Тѣмъ непонятнѣе и печальнѣе тѣ случаи, когда учебное заведеніе не открывается, не взирая на усиленное ходатайство общества и наличность необходимыхъ средствъ. О такихъ фактахъ сообщаютъ часто газеты. Приведемъ на выдержку одно изъ такихъ извѣстій:

Каждый годъ, пишетъ корреспондентъ «Сибирской Жизни» изъ Семипалатинска, наши власти и общества ходатайствуютъ объ открытіи 5 класса мужской прогимназіи, но все безуспѣшно. На будущій 1898—99 академическій годъ уже почему-то всё надѣялись, что V классъ, наконецъ, будетъ разрѣшено открыть. Общество даже дало обязательство принять за свой счетъ (на годъ) тѣ расходы казны, которые могутъ быть вызваны увеличеніемъ персонала педагоговъ. И все оказалось напраснымъ! Получилось увѣдомленіе, что V классъ открыть быть не можетъ.

А зданіе для VIII-классной гимназіи уже оканчивается постройкою.

Нынѣ окончилъ IV классъ 17 воспитанниковъ, они жаждутъ продолжать образованіе. Родители ихъ, заботясь о нихъ для того же и, не будучи увѣрены, что V классъ открыть разрѣшатъ, — такъ какъ примѣры этого представляли уже предъидущіе два года, — телеграфировали и въ Томскъ, и въ Омскъ, прося о принятіи своихъ четырехъ-классниковъ въ тамошнія гимназіи; но изъ обоихъ городовъ получили отвѣты: за переполненіемъ гимназіи, приѣма учениковъ изъ Семипалатинска быть не можетъ.

Куда же дѣваться? Вѣрненская гимназія за 1,000 верстъ отъ насъ, и хотя въ ней всего только около 100 воспитанниковъ, но и зданіе гимназіи какое-то временное и тѣсное, строящееся еще послѣ солидныхъ корпусовъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ 1887 года.

Да и отправлять туда дѣтей, за 1,090 верстъ по дорожному убійственному тракту, надобно не мало средствъ и мужества.

По истинѣ печальное положеніе.

Крупныя мелочи.

Кто то сказалъ, что вся жизнь слагается изъ мелочей. Это до извѣстной степени справедливо, вообще, а въ дѣлѣ народнаго образованія въ особенности. Ростъ школьнаго дѣла, его поступательное движеніе, при современныхъ условіяхъ, проявляется довольно незамѣтно. Многія благія мѣры, принимающіяся на его пользу, часто сами по себѣ незначительны, но при отсутствіи широкихъ реформъ и мѣропріятій, захватывающихъ цѣлыя сферы и отрасли школьнаго дѣла, друзьямъ народнаго образованія приходится довольствоваться собираніемъ мелкихъ фактовъ, небольшихъ по своему абсолютному значенію, но приобретающихъ при извѣстныхъ условіяхъ относительно большую важность.

Къ такимъ крупнымъ мелочамъ надо отнести слѣдующія два извѣстія:

Министерство народнаго просвѣщенія нашло возможнымъ допустить къ обращенію въ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ тѣ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій, которыя признаны будутъ для того пригодными по соглашенію попечителя учебнаго округа съ губернаторомъ и епархіальнымъ начальствомъ.

Много разъ указывалось на крайнюю скудость состава нашихъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, на преобладаніе въ ихъ каталогахъ книгъ преимущественно для дѣтей, а не для взрослога населенія, между тѣмъ какъ именно его потребностямъ должны удовлетворять такія учрежденія. Взрослый грамотный крестьянинъ не имѣлъ до сихъ поръ возможности знакомиться съ тѣмъ, что его наиболѣе интересуетъ—интересами роднаго края. Мѣстные газеты, посвященныя, главнымъ образомъ, нуждамъ и дѣламъ своего города, губерніи оставались для крестьянина плодомъ запретнымъ. Теперь этотъ запретъ снимается, хотя и не вполне—требуется для допущенія періодическаго изданія довольно сложная процедура сношеній. Но важно и то уже, что открыта хотя бы самая возможность появленія въ бесплатной читальнѣ той газеты, которую до сихъ поръ крестьянинъ могъ читать только подписавшись на нее.

Русь сообщаетъ, что нѣкоторые уѣздныя земскія собранія Петербургской губерніи въ прошломъ году возбудили черезъ инспекторовъ и директора народныхъ училищъ предъ министерствомъ ходатайства объ ассигнованіяхъ отъ казны на содержаніе предполагаемыхъ къ открытію народныхъ училищъ по уѣздамъ. Такія ходатайства полностью удовлетворены по Шлиссельбургскому, Царскосельскому и Лужскому уѣздамъ. По Царскосельскому уѣзду на содержаніе пяти вновь открытыхъ земскихъ училищъ назначено пособіе отъ министерства народнаго просвѣщенія въ размѣрѣ

1,130 руб. въ годъ; по Лужскому уѣзду на содержаніе 14-ти новыхъ земскихъ училищъ будетъ отпускаться отъ министерства по 2,800 р. въ годъ. Въ Гдовскомъ уѣздѣ, гдѣ земство новыхъ училищъ не открывало, назначено пособіе въ 226 р. въ годъ на содержаніе Каринскаго сельскаго училища, учрежденнаго мѣстнымъ крестьянскимъ обществомъ, ожидается такое же ассигнованіе отъ министерства народнаго просвѣщенія на содержаніе двухъ другихъ училищъ въ Гдовскомъ уѣздѣ, учрежденныхъ также крестьянами безъ содѣйствія земства.

Эти ассигнованія, какъ они ни ничтожны, имѣютъ то важное значеніе, что подають надежду на то, что министерство народнаго просвѣщенія, довольно долгое время сохранявшее въ одномъ и томъ же положеніи свой минимальный бюджетъ на начальное образованіе, начнетъ его увеличивать и введетъ въ систему содѣйствіе земствамъ въ распространеніи начального образованія. Въ прошломъ году мы сообщали о дополнительномъ ассигнованіи, сдѣланномъ министерствомъ по Олонцкой губ., теперь мы читаемъ о томъ же для Спб. губ. Будемъ надѣяться, что на этихъ незначительныхъ суммахъ министерство не остановится; эта надежда имѣетъ и нѣкоторыя вѣроятія, такъ какъ по слухамъ министерство народнаго просвѣщенія увеличиваетъ свой бюджетъ на 1899 г. на одинъ миллионъ руб. Конечно, для той громадной нужды, какая существуетъ у насъ въ школахъ, миллионъ значитъ немного, но само собой лучше хоть что нибудь, чѣмъ ничего.

Церковно-приходскія школы и школы грамоты.

Недавно опубликованъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора свѣтѣйшаго синода за 1894 и 1895 годы. Такъ какъ въ настоящую минуту у насъ нѣтъ подъ руками этого отчета, то заимствуемъ интересныя заключенія въ немъ данныя о положеніи церковныхъ школъ изъ извлеченія, сдѣланнаго газетою «Русь» (№ 43).

По словамъ отчета, въ 1894—95 г. церковныхъ школъ насчитывалось 31,835 (въ томъ числѣ 18,865 школъ грамоты) съ 981,076 учащимися. При этомъ церковныхъ школъ больше всего въ неземскихъ губерніяхъ и всего меньше—въ тѣхъ земскихъ губерніяхъ, гдѣ земства особенно сочувственно относятся къ народному образованію.

Средства на содержаніе церковныхъ школъ получаютъ самыми разнообразными путями: изъ государственнаго казначейства, изъ губернскаго земскаго сбора въ неземскихъ губерніяхъ, отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ, отъ попечителей и благотворителей, отъ уѣздныхъ и губернскихъ земствъ, отъ церквей и монастырей, отъ городскихъ управленій и пр. Отчетъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что земства въ отчетномъ году, въ сравненіи съ предыдущимъ, оказали пособія церковнымъ школамъ значительно меньше прежняго: въ 1893—94 учебномъ году было отпущено земствами 455,000 р., а въ 1894—95 году уже только 294,000 р. Судя

по газетнымъ извѣстіямъ, въ послѣдующіе годы (1896 и 1897 гг.) побоя отъ земствъ должны были еще болѣе понизиться.

Въ 1894—95 г. на церковныя школы было всего израсходовано 4,020,573 руб. 36½ коп., т. е. *въ среднемъ, по 116 руб. на каждую школу*. Эти 116 руб. не были израсходованы непосредственно на содержаніе школъ. Какъ отмѣчаетъ отчетъ, «значительная часть поступившихъ средствъ была расходуема на постройку новыхъ школьныхъ зданій». Очевидно, что матеріальная сторона церковной школы совсѣмъ не можетъ быть признана удовлетворительной. Около ½ всѣхъ школъ имѣютъ собственныя помѣщенія, остальные школы помѣщаются въ наемныхъ, общественныхъ, частныхъ и причтовыхъ домахъ, въ томъ числѣ 3,548 школъ— *въ церковныхъ сторожкахъ*. Говоря о качествахъ школьныхъ помѣщеній, отчетъ замѣчаетъ, что большая часть помѣщеній «далеко не удовлетворяла школьнымъ требованіямъ».

Успѣхи обученія въ церковныхъ школахъ въ отчетный періодъ времени вообще оказались удовлетворительными. Учебный годъ въ сельскихъ школахъ обычно начинается съ октября или съ ноября мѣсяца и продолжается, большею частью, до конца апрѣля». Принимая во вниманіе такую малую продолжительность учебнаго курса и тѣ незначительныя средства, которыми располагаютъ церковныя школы, нельзя не удивляться тому обстоятельству, что успѣхи этихъ школъ оказались «удовлетворительными», тѣмъ болѣе, что учебный персоналъ школъ, какъ извѣстно, состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ лицъ, не подготовленныхъ къ данному дѣлу. Впрочемъ, понятіе удовлетворительности весьма растяжимое.— Въ отчетномъ году преподавались въ церковныхъ школахъ: 1) Законъ Божій, 2) церковно-славянская грамота (какъ самостоятельный предметъ), 3) церковное пѣніе и 4) русскій языкъ «со стороны грамматической и синтаксической» и «заучиваніе наизусть лучшихъ религіозно-патріотическихъ стихотвореній русскихъ поэтовъ». О другихъ предметахъ преподаванія въ отчетъ (кромя сельскаго хозяйства, ремеслъ и рукодѣлій въ нѣкоторыхъ школахъ) нѣтъ ни слова.

Состояніе воспитательной части, по заявленію отчета, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Церковная школа «стремится къ тому, чтобы пробудить и укрѣпить въ своихъ питомцахъ живое благочестіе въ духѣ православной церкви, расположеніе къ ея установленіямъ и завѣтамъ, насадить и развить любовь къ родителямъ и чувство самоотверженной преданности Царю и Престолу и предохранить отъ дурнаго вліянія среды». Достигается все это всею постановкою дѣла въ церковныхъ школахъ. «Дѣтя, при входѣ въ школу, видятъ въ переднемъ углу икону и теплящуюся передъ ней лампаду». Стѣны школы украшены портретами лицъ Императорской Фамиліи и картинами, изображающими событія св. исторіи. Передъ ученемъ и послѣ ученья читаются молитвы; въ нѣкоторыхъ школахъ совершаются утреннія, а равно и вечернія моленія; въ вологодской епархіи утромъ читается евангеліе. «Во время молитвы, а во
№ 9. Отд. II. 7

многих школах и во время уроковъ Закона Божія, передъ класной иконой обычно теплилась лампадка или горѣли восковыя свѣчи». Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ «масло для лампады дѣти полунали по своему желанію на средства, получаемыя отъ родителей». Церковная школа не только предохраняетъ учащихся отъ дурного вліянія среды, но благотворно вліяетъ и на самую среду. «Черезъ дѣтей — благотворное вліяніе школы сказывается и на взросломъ населеніи» (стр. 381). А ставропольскій епархіальный училищный совѣтъ передаетъ слѣдующій отзывъ крестьянъ: «Прежде наши дѣти и спать ложились, и вставали, не молясь Богу, теперь же утромъ и вечеромъ вычитываютъ молитвы, да и шалостей поменьше стало между ними, даже съ животными не позволяютъ себѣ обращаться жестоко. Смотря на своихъ ребятшекъ и слушая ихъ хорошіе рассказы, и мы исправляемся» (стр. 395).

Далѣе отчетъ свидѣтельствуетъ, что народъ любитъ церковную школу и расположенъ къ ней. Нѣсколько странное впечатлѣніе въ виду этого производятъ слѣдующія сообщенія отчета: «При всемъ своемъ расположеніи къ церковнымъ школамъ, крестьяне въ общемъ далеко не въ достаточной мѣрѣ обезпечиваютъ ихъ матеріально» (стр. 397). «Крестьяне нерѣдко отказываются дѣлать ассигновки специально на содержаніе существующихъ у нихъ церковныхъ школъ». «Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ существуютъ такъ называемыя волостныя школы, т. е. содержимыя на средства, собираемыя по раскладкѣ съ крестьянъ всей волости, сельскія общества часто отказываются отъ содержанія церковныхъ школъ», и т. д. Такимъ образомъ, сочувствіе населенія церковно-приходской школѣ оказывается значительно ниже сочувствія того же населенія земской школѣ, на которую оно такъ охотно даетъ средства.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе церковныхъ школъ, по изображенію отчета.

Допущеніе учительницъ въ мужскія гимназіи.

Какъ сообщаютъ «Тамбовскія Губернскія Вѣдомости», въ мѣстной мужской гимназіи полученъ циркуляръ попечителя харьковскаго учебнаго округа отъ 7-го августа, за № 5785, сообщающій распоряженіе г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія о возможности допускать въ мужскія гимназіи, въ качествѣ преподавательницъ французскаго языка въ младшихъ классахъ, лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе домашнихъ учительницъ и наставницъ французскаго языка. Необходимость подобной реформы слѣдующимъ образомъ объясняется въ циркулярѣ тайн. сов. Н. П. Богодѣнова.

«Начальства учебныхъ округовъ часто затрудняются въ пріисканіи полноправныхъ кандидатовъ для замѣщенія отрывающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вакансій преподавателей французскаго языка, вслѣдствіе чего учебныя заведенія долго остаются безъ преподавателей сего предмета. Иногда эти вакансіи замѣщаются, по недостатку полноправныхъ

кандидатовъ, лицами, не имѣющими надлежащаго образовательнаго ценза педагогической опытности и притомъ плохо владѣющими русскимъ языкомъ. Такіе учителя оказываются не въ состояніи должнымъ образомъ вести преподаваніе французскаго языка, и ученики ихъ по большей части не достигаютъ никакихъ успѣховъ. Крайній недостатокъ учителей французскаго языка вынуждалъ министерство народнаго просвѣщенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускать къ преподаванію этого предмета въ низшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній лицъ женскаго пола. По отзывамъ начальствъ подлежащихъ учебныхъ округовъ, эти учительницы французскаго языка вели занятія по сему предмету не только удовлетворительно, но и достигали хорошихъ успѣховъ, въ виду чего попечители округовъ высказываются за цѣлесообразность этой мѣры и желательность примѣненія оной на будущее время».

О пользѣ и цѣлесообразности этого распоряженія нѣтъ надобности распространяться. Всѣ мы знаемъ по личнымъ воспоминаніямъ или по разсказамъ, какіе учителя у насъ имѣются по новымъ языкамъ и въ какомъ плачевномъ состояніи находится ихъ преподаваніе въ нашихъ гимназіяхъ. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ значеніе иностранныхъ языковъ становится все важнѣе и недостатки ихъ школьнаго преподаванія даютъ себя все болѣе и болѣе чувствовать, какъ только учащіеся нашихъ гимназій сходятъ со школьной скамьи. Поэтому допущеніе въ мужскія гимназіи учительницъ, весьма часто прекрасно знающихъ какъ русскій, такъ и иностранные языки, можетъ оказать большую пользу изученію новыхъ языковъ.

Фабричныя школы.

Читателю, конечно, извѣстно, какое вниманіе удѣляется въ наше время крупной промышленности; ея представители старательно выдвигаютъ на первый планъ свои интересы, которые, надо сказать, нерѣдко пользуются преобладающимъ покровительствомъ правительства. Громадные обороты промышленныхъ предпріятій, ихъ крупные барыши все это вмѣстѣ взятое отводитъ крупной промышленности выдающееся мѣсто въ государственной жизни Россіи. Поэтому можно было бы ожидать, что крупная промышленность играетъ крупную роль въ культурной жизни Россіи, что она непосредственно содѣйствуетъ распространенію въ Россіи культуры и образованія. Но, къ сожалѣнію, это не совсѣмъ такъ, по крайней мѣрѣ, въ одной весьма важной сферѣ—просвѣтительной дѣятельности. Поглощая трудъ рабочаго и его семьи, русская фабрика пока очень немного дѣлаетъ для удовлетворенія его духовныхъ нуждъ. Не говоря о томъ, что организація для рабочихъ читаленъ, бібліотекъ, театровъ и т. п. образовательныхъ учрежденій находится въ зачаточномъ состояніи, даже число начальныхъ школъ при фабрикахъ чрезвычайно незначительно, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя, недавно опубликованныя въ «Вѣстникѣ Финансовъ». Изъ 17,645 промышленныхъ заведеній, суще-

ствовавшихъ въ 1894—95 г., школы имѣлись только при 420, что въ процентномъ отношеніи выразится ничтожной цифрой въ 0,4%. Общіе расходы на школьное обученіе составляли всего 668,390 руб., что обначаетъ 0,151% годовыхъ оборотовъ нашей промышленности. Учится въ фабричныхъ школахъ 37,108 дѣтей, изъ которыхъ дѣтей рабочихъ 22,343, остальные постороннія. Къ этому еще надо прибавить, что изъ 19,219 малолѣтнихъ, работавшихъ на фабрикахъ, только 8,259 посѣщаютъ школы. Такимъ образомъ даже изъ тѣхъ дѣтей, трудами которыхъ пользуются наши фабрики, только 42% обучаются въ школахъ, потому что ихъ такъ мало. Но и въ существующихъ при фабрикахъ школахъ изъ малолѣтнихъ, работающихъ на этихъ фабрикахъ, обучались тоже не все, а только 61,2%; это и не мудро, — послѣ восьми или девяти часовъ работы не всякій малолѣтній найдетъ въ себѣ силы и желаніе еще заниматься въ школѣ. Въ заключеніе еще одно статистическое сопоставленіе: средняя производительность одного рабочаго равняется по тѣмъ же свѣдѣніямъ 1539 руб., а средній расходъ нашихъ промышленниковъ на образовательныя нужды рабочихъ составляетъ 63 коп.

Какой поразительный и печальный контрастъ — остается только замѣтить по поводу всего сказаннаго.

О законоучителяхъ въ народныхъ школахъ.

Въ прошлый разъ въ нашей «Хроникѣ» мы говорили о необходимости допустить въ народныхъ школахъ преподаваніе Закона Божія учителями въ виду невозможности священникамъ, занятымъ своимъ непосредственнымъ дѣломъ, посвящать преподаванію достаточно времени. Въ дополненіе къ сказанному нами мы считаемъ не лишнимъ перепечатать изъ «Тамб. Вѣд.» (28 іюля) слѣд.:

Въ мартѣ текущаго года послѣдовало по тамбовской губерніи распоряженіе училищнаго при святѣйшемъ синодѣ совѣта коимъ вмѣняется мѣстнымъ священникамъ въ обязанность преподавать Законъ Божій *прежде всего въ церковно-приходскихъ школахъ*, а потомъ въ *училищахъ*, находящихся въ вѣдѣніи земства, *если есть время*; въ случаѣ же невозможности совмѣщать обязанности законоучителей въ двухъ школахъ предлагается прискивать для земскихъ училищъ или другихъ священниковъ — законоучителей, или діаконовъ, получившихъ образованіе по крайней мѣрѣ въ первыхъ четырехъ классахъ духовной семинаріи или имѣющихъ свидѣтельства на званіе учителя, подъ наблюденіемъ священника, или, наконецъ, предлагать земству прискивать для содержимыхъ имъ школъ особыхъ преподавателей Закона Божія изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, съ назначеніемъ имъ приличнаго вознагражденія, и не допускать, чтобы приходскіе священники назначались въ земскія школы законоучителями номинально, для исполненія *лишь формальности*.

14. Критика и библиографія.

1. Левеель. Женскіе типы Шекспира. П. Когана. 2. М. Каррьеръ. Драматическая поэзія. 3. Венгеровой З. Т. Ри-бо. Эволюція общихъ идей. П. Каптерева. 4. Р. Андерсонъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. 5. Л. Кур-пріанова. Современная Бельгія. 6. Ст. Гулишамбаровъ. Всемирная торговля въ XIX вѣкѣ М. Плотникова. 7. Фабръ. Истинныя и нравы насѣкомыхъ. 8. В. Варпа-ховскій. Опреѣлитель прѣсноводныхъ рыбъ Европ. Россіи. Проф. В. Шимкевича. 9. М. Острогорскій. Учеб-никъ русской исторіи. А. Низеветтера. 10. Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. 11. Доценко. О вредѣ сифилиса. Д-ра Д. Никольскаго. 12. Новыя книги, посту-пившія въ редакцію

50— 73

15. Журнальное обозрѣніе. («Парижъ» Зола)

В. Поссэ

73— 79

16. Книжный листокъ

79— 85

17. Хроника. Лѣтніе земскіе педагогическіе кур-сы.—О женскомъ медицинскомъ образованіи.— Куда дѣваться?—Крупныя мелочи.—Церковно-при-ходскія школы и школы грамоты.—О допущеніи учительницъ въ мужскія гимназіи.—Фабричныя школы.—О законоучителяхъ въ народныхъ шко-лахъ.

85—100

18. Объявленія

Новое изданіе редакціи журнала «Образованіе».

ПОПУЛЯРНЫЕ
БИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

В. ШИМКЕВИЧА

проф. Спб. университета

Съ 65 рис. и 4 портретами

Ц. 1 р. 25 коп.

572
Продолжается подписка на
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРН

ОБРАЗОВАНІЕ

Съ 1896 года журналъ издается подъ новой редакціей, и значительно расширенной программъ и въ увеличенномъ объемъ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній, путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія, фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ удовлетворенію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы:

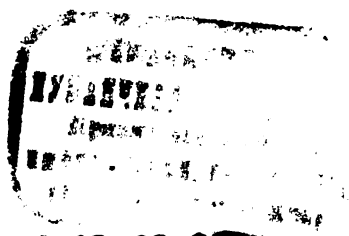
Изъ области знаній (Научныя бесѣды). На Западѣ. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей.—Письма изъ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Америки отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала). Новости иностранной литературы. (Подробные отзывы оновѣйшихъ явленіяхъ въ области литературы и науки за границей). Изъ иностранныхъ журналовъ. (Пересказъ наиболее интересныхъ статей) Критика и библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, учебникахъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обзорѣе отмѣчаетъ все наиболее интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи. Сообщенія специальныхъ корреспондентовъ о различныхъ явленіяхъ въ сферѣ народнаго образованія).—Хроника.—Текуція замѣтки о важнѣйшихъ фактахъ русской общественной жизни, преимущественно въ отношеніи къ народному образованію).—Статистика образованія въ Россіи и за границей.

Журналъ допущенъ въ народныя бібліотеки-читальни.

Цѣна за годъ 5 р. съ перес.—полгода—3 р.
за границу 7 р.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Загородный пр. д. 28.), а также въ магазинахъ: Нов. Времени, Карбасникова и др. Въ Москвѣ, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и книжн. магаз. «Трудъ» (Тверская ул., д. Спиридонова). Иногородныхъ подписчиковъ редакція проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскій.

34
0-73

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

ОКТЯБРЬ.

1898.

151109

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

Дозволено цензурою С.Петербургъ, 2 Октября 1898 г.

ОСНОВЫ ВОСПИТАНІЯ ПО ВЗГЛЯДАМЪ ДОБРОЛЮБОВА *)).

ГЛАВА III.

Условія нормальнаго развитія отдѣльныхъ сторонъ душевной природы ребенка.

а) Развитие ума.—Необходимость самостоятельной выработки понятій и взглядовъ. Вредъ внушеній.

Что значитъ дать ребенку правильныя основныя понятія?

Ошибочно разсуждаютъ тѣ воспитатели, которые воображаютъ, будто ребенку можно «внужить» тѣ или иныя понятія **), будто образовать характеръ можно, развивая одинъ умъ ребенка, дѣйствуя только на одну его голову. Воспитатели не должны забывать ни того, какъ тѣсно связана духовная и тѣлесная жизнь человѣка, ни того, что прочно усваиваются, такъ сказать, органически входятъ въ характеръ только тѣ понятія, которыя выработались самостоятельнымъ путемъ изъ окружающихъ впечатлѣній ***).

Если же воспитатель думаетъ образовать характеръ ребенка, внушая ему уже готовыя понятія, общіе взгляды, то, какъ бы прекрасны сами по себѣ они ни были, они принесутъ больше вреда, чѣмъ пользы, и вотъ почему: можетъ случиться, что ребенокъ одной памятью удержитъ внушенія своего воспитателя,—въ такомъ случаѣ, сила памяти и воображенія разовьются въ немъ неравномѣрно съ другими духовными отправленіями (напримѣръ съ мышленіемъ, съ разсужденіемъ), и это будетъ уже отклоненіе-

*) См. «Образованіе» № 9.

**) Перъ «Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели».

***) Лесгафтъ утверждаетъ, что самый нормальный типъ ребенка складывается, если ребенку ничего не втолковывать, не навязывать, не вбивать въ голову, а возможно просто и ясно давать отвѣты на предлагаемые вопросы, не стыдяся признаться въ своемъ невѣдѣніи и не прогоняя ребенка безъ разсужденій. («Семейное воспитаніе ребенка»).

нѣмъ отъ нормальнаго развитія ребенка, тогда какъ идеальное воспитаніе имѣетъ въ виду гармоничное развитіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ свойствъ человѣка. При этомъ, собственно самый умъ ребенка ничего не выиграетъ; голое удерживаніе памятью какихъ бы то ни было знаній, безъ самостоятельной ихъ переработки, еще не обогащаетъ ума и не расширяетъ кругозора человѣка: умъ развивается только отъ упражненія, ясность мысли и собственное разсужденіе можетъ явиться у ребенка въ томъ только случаѣ, если онъ самъ, на опытѣ, воспринялъ впечатлѣніи и переработалъ ихъ самъ въ выводы и понятія.

«Мы часто встрѣчаемъ людей», говоритъ Ушинскій, «обладающихъ обширной памятью и въ то же время поражающихъ насъ своимъ тупоуміемъ, но всмотритесь внимательно, что собственно сохраняется въ памяти этихъ людей? Сырой, вовсе не переработанный матеріалъ, непереваренные, безсвязные факты, которые сознание можетъ разсматривать только по одиночкѣ, перебирая одинъ за другимъ, и никакъ не можетъ осмотрѣть разомъ сколько нибудь значительнаго ихъ количества». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 190). Лесафъ по тому же поводу говоритъ, что, если ребенокъ удержитъ все, что ему внушаютъ, одной памятью, то способность эта такъ изощрится въ немъ, что и въ дальнѣйшей жизни онъ будетъ запоминать всѣ свѣдѣнія только ею одной, не перерабатывая ихъ разсудкомъ.

«Ребенокъ не привыкъ и не умѣетъ разсуждать, у него нѣтъ остаются сырымъ матеріаломъ, который не переваренъ разсужденіемъ. Безъ анализа, безъ разсужденій, безъ провѣрки своими дѣйствіями, ребенокъ лично не знакомится съ качествомъ воспринимаемаго; онъ потому самъ не въ состояніи выводить общаго обзора, у него общихъ понятій нѣтъ, онъ знаетъ, но не понимаетъ». («Семейное воспитаніе ребенка», стр. 57).

Слѣдовательно, если ребенокъ будетъ запоминать готовые понятія, общіе взгляды, хотя бы прекраснаго направленія,—изощрится только его память, но умъ не разовьется. Это — одна изъ причинъ, почему сплошь и рядомъ внушенія готовыхъ понятій приносятъ не пользу, а вредъ. Но есть еще и другая. Воспитатель задается цѣлью, развивъ умъ ребенка, повліять черезъ посредство ума на направленіе и образованіе характера.

Какъ же онъ берется за проведеніе этой задачи? Задавшись цѣлью развить своего воспитанника и такимъ образомъ повліять на складъ его характера, воспитатель спѣшитъ обогатить умъ ребенка запасомъ полезныхъ свѣдѣній и знаній, старается привить ему правильные понятія и взгляды. Но даже, если умъ ребенка разовьется при такихъ условіяхъ, самыя понятія органически не усвоятся имъ. Какъ бы прекрасны ни были внушенія воспитателя, ребенокъ не сумѣетъ примѣнить ихъ къ жизни, хотя бы они съ полной ясностью и логической стройностью сохранились въ его умѣ. При такомъ одностороннемъ головномъ развитіи ребенокъ будетъ жить не полной жизнью: ума, сердца и воли, а

одной умственной, головной, и понятно, что цѣльный характеръ изъ него не можетъ выработаться, ибо, какъ для развитія сильнаго, стройнаго ума нужно многое самому узнать и передумать, такъ для образованія цѣльнаго характера нужно многое самому пережить и перечувствовать.

Вотъ отчего Добролюбовъ и стоитъ за возможно большую самостоятельность и свободу въ развитіи ребенка. Пусть ребенокъ самъ почерпаетъ изъ жизни матеріалъ впечатлѣній, на основаніи которыхъ онъ можетъ вывести свои основныя понятія и выработать свои взгляды. Вы желаете, напримѣръ, чтобы у вашего ребенка сложилось правильное понятіе о томъ, что такое человѣкъ; пусть же въ такомъ случаѣ ребенокъ видитъ вокругъ себя справедливое, гуманное, истинно человѣческое отношеніе одного человѣка къ другому; изъ этихъ-то впечатлѣній и выработается у вашего ребенка основное понятіе объ истинно человѣческихъ отношеніяхъ. Нельзя не вспомнить здѣсь часто встрѣчающуюся ошибку, которую дѣлаютъ родители, воображая, что ихъ негуманное, подчасъ несправедливое отношеніе къ прислугѣ не извращаетъ понятій дѣтей и не отражается дурнымъ образомъ на формированіи ихъ характеровъ. Въ нашихъ отношеніяхъ къ прислугѣ сохранилось еще много привычекъ временъ крѣпостничества, мы до сихъ поръ не умѣемъ щадить чужой личности; потому-то, многіе родители и позволяютъ себѣ кричать на прислугу при дѣтяхъ, относиться къ ней пренебрежительно и съ недовѣріемъ, дѣлать ей рѣзкіе, часто незаслуженные, выговоры за малѣйшее упущеніе или неисправность. Не разъ случается видѣть, какъ господа срываютъ свое дурное настроеніе на прислугѣ, какъ мать вымещаетъ свою досаду за дурной поступокъ ребенка на его нянь. Родители въ такихъ случаяхъ забываютъ, что дѣти, являясь невольными свидѣтелями подобныхъ отношеній, подобныхъ несправедливостей и неравенства въ условіяхъ и положеніяхъ, совершенно естественно составляютъ себѣ первоначальное ошибочное представленіе о томъ, что одни люди, въ силу социальныхъ или иныхъ условій, не имѣютъ права требовать къ себѣ отношенія, унижающаго ихъ человѣческаго достоинства, и какъ бы обречены выносить на себѣ барскія выходки.

Напротивъ, у ребенка, выросшаго въ семьѣ, гдѣ гуманное, истинно человѣческое отношеніе распространяется не только на людей своего круга, но и на прислугу, само собой сложится правильное понятіе о человѣкѣ и о гуманныхъ отношеніяхъ къ людямъ. Тутъ излишни всякія внушенія, такъ какъ жизненныя впечатлѣнія гораздо глубже засѣдаютъ въ душу и легче усваиваются ребенкомъ, чѣмъ самыя внушительныя и логическія наставленія. Однако, воспитатели часто забываютъ это правило и воображаютъ, что ихъ слово всесильно. Захочетъ, напримѣръ, воспитатель привить ребенку понятіе о стойкости при страданіяхъ, о мужествѣ, о храбрости, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ будетъ говорить ребенку съ одобреніемъ о подвигахъ самоотверженія и смѣлости, будетъ

указывать на всякое проявленіе мужества у другихъ, будетъ давать ребенку соотвѣтствующія книги, будетъ приводить университетскія примѣры позорнаго малодушія, надѣясь, что своими внушеніями онъ повліяетъ на развитіе этихъ сторонъ въ характерѣ ребенка. Но если при этомъ вмѣсто того, чтобы предоставить ребенку свободу и самостоятельность, чтобы въ самыхъ столкновеніяхъ съ жизнью, неудачахъ, огорченіяхъ дать ему возможность почерпнуть подходящія впечатлѣнія и развитіе соотвѣтственнымъ образомъ свои силы, воспитатель станетъ оберегать своего воспитанника отъ малѣйшей боли, будетъ устранять отъ него всякое непріятное ощущеніе и остерегать отъ маломальски опаснаго поступка, то ребенокъ, видя, какъ за него всѣ боятся, тревожатся, замѣтивъ, какъ тщательно его оберегаютъ отъ боли и непріятности, самъ начнетъ пугаться всего того, что можетъ доставить ему непріятное ощущеніе. Сколько бы въ такомъ случаѣ ни толковалъ воспитатель о позорѣ трусости, сколько бы ни старался пробудить восхищенія къ подвигамъ храбрости, понятія эти навсегда останутся чуждыми ребенку, они не сольются съ нимъ органически, хотя бы отвлеченное представленіе о нихъ и запечатлѣлось въ его умѣ.

Надо помнить, что однихъ теоретическихъ понятій, усвоенныхъ умомъ, недостаточно для того, чтобы принять желательное направленіе характеру; складъ характера вырабатывается только практической жизнью, полученными впечатлѣніями *). Развѣ можно привить ребенку понятіе объ альтруизмѣ, о любви къ ближнему, если на практикѣ, на дѣлѣ, ему никогда не приходится поступать своими желаніями, своими удобствами ради другихъ? Теоретически это понятіе можетъ быть и очень хорошо извѣстно ребенку, но оно не будетъ проявляться ни въ его поступкахъ, ни въ его отношеніяхъ къ другимъ.

Вотъ откуда берутся всѣмъ извѣстные типы «лишнихъ людей», обладающихъ запасомъ здравыхъ понятій и высокихъ истинъ, но въ то же время безхарактерныхъ фразеровъ, какъ бы раздвоенныхъ натуръ. Примѣромъ такого ошибочнаго воспитанія могутъ служить, по мнѣнію Добролюбова, «талантливыя натуры» изъ «Губернскихъ очерковъ» Щедрина; въ нихъ было больше задатковъ, воспримчивости, пылкости, чѣмъ у большинства людей, они быстро усваивали новые взгляды, готовыя, готовныя понятія, часто противорѣчившія личнымъ жизненнымъ впечатлѣніямъ, успѣвшимъ уже укорениться въ ихъ душѣ. Эти новые взгляды удерживались одной головой и, такъ какъ они не были вырабо-

*) Чтобы въ ребенкѣ явилось чувство великодушія, нужно, чтобы матеріалъ, воспринятый его душой, возбуждалъ въ немъ подобное чувство; чтобы въ ребенкѣ явилось мужество и неустрашимость, нужно, чтобы практика его дѣтской жизни дала ему возможность создать въ себѣ неустрашимость и мужество; чтобы въ ребенкѣ явилась энергія, нужно, чтобы онъ имѣлъ возможность развитіе свою настойчивость». («Письма о воспитаніи», стр. 809. Шелгуновъ).

таны практическимъ опытомъ, самой жизнью, то и остались навсегда чисто отвлеченными представленіями, которыхъ талантливыя натуры не могли и не умѣли провести на дѣлѣ, нерѣдко противорѣча имъ своими собственными поступками.

Для болѣе ясной представленія о томъ, какія именно понятія можно считать органическими, вошедшими въ составъ нашего характера, и какія привитыми, усвоенными одной головой, стоитъ сопоставить характеръ Берсенева и характеръ Инсарова изъ повѣсти Тургенева «Наканунѣ», что и сдѣлалъ Добролюбовъ въ своей статьѣ: «Когда же придетъ настоящій день?»

«Берсенева», говоритъ Добролюбовъ, «весьма хорошій русскій дворянинъ, воспитанный въ началахъ долга и пустившійся потомъ въ ученость и философію... Если его повести по какому нибудь пути, то онъ пойдетъ охотно и прямо. Но самъ вести онъ не можетъ не только другихъ, но даже себя самого, инициативы нѣтъ у него въ натурѣ, и онъ не успѣлъ ее приобрести ни въ воспитаніи, ни въ послѣдующей жизни» (т. III, стр. 270).

«Онъ (Берсенева) находитъ, что надо жертвовать своимъ счастьемъ для родины, науки и пр., и этимъ самымъ осуждаетъ себя быть вѣчнымъ рабомъ и мученикомъ идеи. Онъ отдѣляетъ свое счастье отъ счастья родины; онъ, бѣднякъ, не умѣетъ возвышаться до того, чтобы понять благо родины, нераздѣльно со своимъ собственнымъ счастьемъ и чтобы не понимать счастья для себя иначе, какъ при благоденствіи своей родины. Напротивъ, онъ какъ будто боится, что его личное счастье будетъ мѣшать благу родины, торжеству справедливости, успѣхамъ науки и т. п. (томъ II, стр. 269). Онъ дѣлаетъ то, что велитъ ему долгъ, стремится къ тому, что признаетъ справедливымъ по принципу, но дѣйствія его вялы, холодны, неувѣренны, потому что онъ постоянно сомнѣвается въ своихъ силахъ» (томъ II, стр. 270).

Словомъ, это — человѣкъ, усвоившій понятія о благѣ родины, о пользѣ науки, о долгѣ, одною головой, однимъ разсудочнымъ процессомъ; жизненные же его впечатлѣнія съ дѣтства не давали ему матеріала для органическаго усвоенія подобныхъ понятій. Сопоставимъ съ нимъ Инсарова: «Инсаровъ — болгаринъ, питающій въ душѣ страстное желаніе освободить свою родину, и этой мысли онъ предается весь открыто и увѣренно, въ ней заключается конечная цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью — подобная мысль, столь естественная въ русскомъ ученомъ дворянинѣ-Берсенева, не можетъ даже въ голову придти простому болгарину. Напротивъ, онъ потому-то и хлопочетъ о свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое личное спокойствіе, счастье всей своей жизни; онъ бы оставилъ въ покоѣ порабощенную родину, если бы только могъ найти удовлетвореніе себѣ въ чемъ нибудь другомъ. Но онъ никакъ не можетъ понять себя отдѣльно отъ родины... Такимъ образомъ, онъ дѣлаетъ свое задушевное дѣло совершенно спокойно безъ натя-

жекъ, безъ фанфаронадъ, такъ же просто, какъ ѣсть и пьеть (томъ II, стр. 271).

«Онъ хочетъ идти», говоритъ дальше Добролюбовъ: «онъ не можетъ нейти, не потому, чтобы боялся нарушить какой нибудь долгъ, а потому что онъ умеръ бы, если бы ему нельзя было двинуться съ мѣста. Въ этомъ огромная разница между Берсеневымъ и Инсаровымъ. Берсеневъ тоже способенъ на жертвы и подвиги, но онъ похожъ при этомъ на великодушную дѣвушку, которая для спасенія отца рѣшается на ненавистный бракъ... Съ затаенной болью и тяжелой покорностью судьбѣ ждетъ она дня свадьбы и рада была бы, еслибъ что нибудь ей помѣшало. Инсаровъ же, напротивъ, ждетъ дня своихъ подвиговъ, наступленія своей самоотверженной дѣятельности, ждетъ страстно, нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой» (томъ II, стр. 272).

«Любовь къ свободѣ родины у Инсарова не въ разсудкѣ, не въ сердцѣ, не въ воображеніи; она у него во всемъ организмѣ и, что бы ни вошло въ него, все претворяется силой этого чувства, подчиняется ему, сливается съ нимъ» (томъ III, стр. 272).

Всѣ жизненныя впечатлѣнія Инсарова складывались такъ, что внушали ему отвращеніе къ поработителямъ родной страны, желаніе освободиться отъ нихъ. Ему не пришлось дойти до этого сознанія путемъ долгихъ логическихъ разсужденій; онъ не повторялъ съ чужого голоса, во имя отвлеченнаго принципа, что слѣдуетъ бороться за свободу родины, но эта идея являлась естественнымъ выводомъ изъ всего того матеріала впечатлѣній, который съ дѣтства пришлось ему самостоятельно воспринять и переработать. «Никто изъ насъ», говоритъ Добролюбовъ, «не беретъ готовыми человѣчныхъ понятій, во имя которыхъ нужно потомъ вести жизненную борьбу. Оттого, ни въ комъ и нѣтъ той ясности, той цѣльности возрѣній и дѣйствій, которыя такъ естественны, хотя бы, напр., въ Инсаровѣ. У него впечатлѣнія жизни, дѣйствующія на сердце и пробуждающія его энергію, постепенно подкрѣпляются требованіемъ разсудка, всѣмъ теоретическимъ образованіемъ, которое онъ получаетъ. У насъ совершенно наоборотъ» (томъ III, стр. 284). «Жизнь, среда не дѣлаетъ насъ ни умными, ни честными, ни дѣтельными. И умъ, и честность, и силу къ дѣтельности мы должны приобрѣтать изъ иностранныхъ книжекъ, которыя притомъ нужно еще согласить и соразмѣрять со Сводомъ Закона» (томъ III, стр. 289).

Всего сказаннаго мы думаемъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что нельзя внушить готовыхъ понятій и образовать характера, дѣйствуя на одинъ умъ ребенка. Дѣти, которыхъ воспитывали, заботясь только объ обогащеніи ума знаніями и понятіями, забывая, что жизненный матеріалъ впечатлѣній важнѣйшій факторъ воспитанія, узнаютъ изъ внушенія воспитателя и изъ книжекъ все то, что должны были усвоить «живьемъ», на дѣлѣ; при этомъ, очень часто жизненныя впечатлѣнія противорѣчатъ

тому, что старается влить въ голову ребенка воспитатель; въ такомъ случаѣ, такіе люди навсегда остаются нерѣшительными, раздвоенными натурами, органически стремящимися къ одной цѣли, путемъ же разсужденій намѣчающими себѣ цѣли, какъ разъ противоположныя.

Воспитатель всегда долженъ помнить, что окружающая обстановка, среда, поступки, рѣчи людей, — вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго создаются первоначальныя понятія ребенка, и что только самостоятельно сложившіяся понятія органически имъ усваиваются и даютъ то или иное направленіе его характеру. Факторомъ воспитанія являются не слова воспитателя, а впечатлѣнія, почерпаемыя изъ жизни самимъ воспитанникомъ.

в) Развитие чувствъ въ ребенкѣ.—Соразмѣрность образованія правильныхъ понятій съ развитіемъ чувствъ.

Рядомъ съ развитіемъ основныхъ понятій ребенка, такъ сказать, склада его ума, его духовнаго міра, идетъ не менѣе существенное образованіе его чувствъ, т. е. склада его нравственнаго, душевнаго міра. Воспитать нравственнаго человѣка—задача весьма высокая, но часто далеко неправильно понимаемая.

Добролюбовъ указываетъ на то, что многіе воспитатели думаютъ, будто воспитать нравственнаго человѣка можно, дѣйствуя на одно его сердце, на его чувства, не заботясь о правильномъ образованіи понятій, и замѣчаетъ, что взглядъ этотъ такъ же ошибоченъ, одностороненъ, какъ и убѣжденіе, будто характеръ можно развить въ томъ или иномъ направленіи, дѣйствуя на одинъ умъ ребенка. Чувства, какъ и сознаніе, и воля, образуются изъ полученныхъ ощущеній, перерабатываются въ головномъ мозгу и уже потомъ, посредствомъ особыхъ нервныхъ центровъ, передаются сердцу.

Всякое ощущеніе, вызванное внѣшнимъ впечатлѣніемъ, возбуждаетъ то или иное чувство, пріятное или непріятное, успокоительное или раздражающее, радостное или печальное и т. п.

«На чувства», говоритъ Добролюбовъ, «надобно опять дѣйствовать посредствомъ мысли. Одни чувства развиваются въ насъ сильнѣе, чѣмъ другія, одни люди чувствуютъ иначе, чѣмъ другіе, все это такъ. Но причина такого различія вовсе не заключается въ различіи сердца, этого полаго мускула, выгоняющаго кровь вверхъ. Причина находится, по большей части, въ различіи первоначальныхъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ нашимъ мозгомъ» (томъ II, стр. 43).

Отсюда ясно, что чувства, подобно понятіямъ, зависятъ: 1) отъ развитія и здоровья мозга, и 2) отъ внѣшнихъ окружающихъ впечатлѣній. «Если человѣкъ съ первыхъ дней дѣтства привыкъ, напримѣръ, слышать постоянно мелодичные звуки, то, естественно, у него разовьется чувство музыкальное; если въ дѣтствѣ не при-

выкъ человѣкъ переносить непріятныхъ ощущеній, то, понятно, что малѣйшая непріятность выводитъ его изъ себя; если въ ребенкѣ успѣшно старались задержать свободную дѣятельность мысли, то неизбежно родится въ немъ чувство отвращенія къ умственной дѣятельности и т. д.» (томъ II, стр. 43). Если во впечатлѣніяхъ окружающей жизни ребенокъ будетъ почерпать матеріалъ, вызывающій эти чувства, то въ немъ разовьется жалость, сострадательность. Такъ сложился, по мнѣнію Добролюбова, отзывчивый, сердечный характеръ Елены («Наканунѣ», повѣсть Тургенева): всѣ жизненныя впечатлѣнія дѣтства, начиная съ болѣзненности матери и кончая дружбой съ нищей дѣвочкой Катей, несомнѣнно этому способствовали.

Дурныя чувства дѣтей, говоритъ Добролюбовъ, подобно ошибочнымъ представленіямъ, возникаютъ либо отъ вреднаго направленія самыхъ впечатлѣній, либо отъ неполнаго, неправильнаго ихъ воспріятія. Такъ, если человѣкъ привыкъ получать постоянно похвалы, онъ недоволенъ, когда его хвалятъ меньше обыкновеннаго. При правильномъ же воспріятіи впечатлѣній, чувства ребенка будутъ развиваться соотвѣтственно съ получаемымъ матеріаломъ; вотъ отчего и важно давать дѣтямъ такія впечатлѣнія, которыя направляли бы ихъ чувства въ лучшую сторону.

Однако, говоритъ Добролюбовъ, если воспитатель задается цѣлью развить чувства ребенка, дѣйствуя на него впечатлѣніями, бьющими на нервы, и не позаботится одновременно съ этимъ обогатить умъ ребенка точными и вѣрными представленіями, то такое воспитаніе принесетъ больше зла, чѣмъ добра. Только тѣ чувства прочны, которыя основаны на ясно выработанныхъ представленіяхъ и убѣжденіяхъ. Доброта, чувствительность, сострадательность и т. п., при отсутствіи здравыхъ и вѣрныхъ понятій, почти совершенно бесполезны, такъ какъ, не имѣя яснаго представленія о конечной цѣли поступка, человѣкъ впадаетъ въ крайности, ошибочно поддаваясь впечатлѣніямъ болѣе яркимъ, завистить всецѣло отъ минутнаго настроенія.

«Можно положительно сказать», замѣчаетъ Добролюбовъ, «что старанія моихъ воспитателей дѣйствовать на сердце дитяти, не внушая ему здравыхъ понятій, совершенно напрасны. Результатомъ подобнаго «дѣйствованія на сердце» бываетъ обыкновенно добродушіе по привычкѣ, при совершенной шаткости и безилии убѣжденій. Можно рѣшительно утверждать, что только та доброта и благородство чувствованій надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе, нѣтъ никакого ручательства за нравственность человѣка съ «добрымъ» сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ: вспомнимъ, что услужливый медвѣдь опаснѣе врага» (томъ II, стр. 43).

Вотъ оттого-то Добролюбовъ и отрицаетъ возможность развить нравственнаго человѣка, не укоренивъ въ немъ правильныхъ взглядовъ, понятій.

Впрочемъ, у Добролюбова развитіе и образованіе чувствъ разобрано недостаточно полно. Онъ ставилъ развитіе тѣхъ или иныхъ чувствъ въ зависимость только отъ впечатлѣній, забывая, что одно и то же впечатлѣніе, одно и то же явленіе при нѣсколькихъ иныхъ условіяхъ и при различной степени интенсивности, можетъ возбудить чувства, совершенно отличныя.

Приведемъ примѣръ.

Вы больны, ребенокъ хочетъ къ вамъ приласкаться, но вы боитесь заразить его и отстраняете, объясняя, что ваша болѣзнь прилипчива; этимъ вы желаете дать ребенку правильное представленіе о прилипчивости болѣзней и о необходимыхъ въ такихъ случаяхъ предосторожностяхъ. Подобный фактъ можетъ повториться; ребенокъ замѣчаетъ, что окружающіе принимаютъ различныя мѣры предосторожности; онъ видитъ ваши страданія, видитъ, какъ васъ заставляютъ глотать невкусныя лѣкарства, и вовсе не желая подвергаться подобнымъ непріятностямъ, начинаетъ сторониться сначала васъ, если вы больны, а затѣмъ и всякаго другого больного человѣка, отлично помня, какъ подобная осторожность поощрялась въ домашнемъ кругу. Въ его памяти живы картины болѣзней близкихъ ему лицъ, отъ которыхъ его такъ тщательно оберегали и оберегали въ дѣтствѣ; понятно, что малѣйшее недомоганіе его пугаетъ, такъ какъ принимается имъ за признакъ заразы. Такой человѣкъ невольно привыкаетъ быть осторожнѣе, бережнѣе относиться къ своей особѣ и уже вѣроятно не станетъ рисковать своимъ здоровьемъ для облегченія страданій другихъ, малодушно покидая всякаго больного, соприкосновеніе съ которымъ могло бы подвергнуть опасности его здоровье. Яркія впечатлѣнія дѣтства, развивая врожденный инстинктъ самосохраненія, могутъ до такой степени усилиться, что парализуютъ всѣ остальные чувства и сдѣлаютъ изъ человѣка труса и эгоиста. Вы желали жизненными впечатлѣніями привить вашему ребенку правильное понятіе о необходимыхъ предосторожностяхъ, о прилипчивости болѣзней, а вмѣсто того заложили въ немъ сѣмена трусости, мнительности и эгоизма. Впечатлѣнія сами по себѣ были правильны, но степень ихъ была чрезчуръ сильна, и рядомъ съ образованіемъ правильныхъ понятій развились нежелательныя, вредныя чувства.

Не лишнимъ здѣсь будетъ вспомнить положеніе Ушинскаго, что чувства, возникая отчасти изъ органическихъ причинъ, отчасти же изъ полученныхъ чувственныхъ впечатлѣній, развиваются въ ту или другую сторону въ зависимости отъ того, въ чемъ человѣкъ найдетъ большее для себя удовлетвореніе. Если ребенокъ, напр., истратитъ первый свой грошъ на удовольствіе незначительное, скоро забывающееся, онъ станетъ съ сожалѣніемъ вспоминать то время, когда деньги были еще не истрачены и въ головѣ роились заманчивыя планы: куда и на что можно бы ихъ истратить? При повтореніи же подобнаго случая въ ребенкѣ легко можетъ развиться скупость. Наоборотъ, если ребенокъ

истратилъ свои первыя деньги на удовольствія сильныя, оставшія по себѣ впечатлѣнія пріятныя, онъ получитъ большее удовлетвореніе, уже истративъ деньги, чѣмъ до этого момента, и въ такомъ случаѣ въ ребенкѣ можетъ явиться наклонность къ нерасчетливости, щедрости и даже расточительности. Вотъ почему воспитатель долженъ не только доставлять правильный матеріалъ впечатлѣній, но еще слѣдить за тѣмъ, какъ эти впечатлѣнія отзываются въ душѣ ребенка.

«Воспитаніе», сказано у Ушинскаго, «почти исключительно заботящееся объ образованіи, дѣлаетъ въ такомъ случаѣ большой промахъ, ибо человекъ больше человекъ въ томъ, какъ онъ чувствуетъ, чѣмъ какъ онъ думаетъ». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 436).

Однако, само собой разумѣется, образованіе правильныхъ понятій сильно способствуетъ правильному развитію ребенка; у человекъ, обладающаго правильными взглядами и понятіями, и чувства разовьются въ лучшую сторону. Если же чувства ребенка уже приняли ошибочное, вредное направленіе, то вѣрныя представленія, въ соединеніи съ сильной волей, могутъ иногда измѣнить даже дурное направленіе чувствъ. Напримѣръ, если у ребенка вкоренилось понятіе о томъ, что надо приходить на помощь и облегчать страданія другимъ, онъ можетъ побороть въ себѣ малодушный страхъ заразы и придти на помощь къ больному человекъ.

Какъ обогащеніе ума точными понятіями происходитъ только при помощи жизненныхъ впечатлѣній, полученныхъ на опытѣ, такъ точно образованіе нравственнаго характера возможно только въ томъ случаѣ, если человекъ, наряду съ чувствами, усвоилъ правильныя взгляды и понятія; они-то и направляютъ его чувства въ лучшую сторону.

с) Развитие воли. Вредъ безпрекословнаго повиновенія. Значеніе авторитета въ воспитаніи.

Умственные и нравственные силы ребенка складываются, какъ мы только что видѣли, подъ незамѣтнымъ, но могущественнымъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній. Однако, этими двумя сторонами духовнаго склада человекъ не исчерпывается еще его внутренняя жизнь; чтобы человекъ сумѣлъ проявить въ внѣшней жизни свой умственный и нравственный кругозоръ и приложить его къ жизни, требуется еще третья, весьма важная, сторона его душевнаго склада—именно воля, и развитіе ее—задача воспитанія столь же существенная, какъ и предыдущія.

Но что такое воля? Воля, по опредѣленію Ушинскаго, есть власть души надъ тѣломъ; это—способность прирожденная, но формируется и укрѣпляется она впечатлѣніями жизни. По мнѣнію же Добролюбова, воля не есть отдѣльная способность; она раз-

вивается позже сознанія, когда ребенокъ приобрѣлъ запасъ впечатлѣній, достаточный для того, чтобы дѣлать изъ него свои выводы и сужденія, однимъ словомъ, когда у ребенка начинаютъ уже образовываться опредѣленныя желанія; желаніе же, приведенное въ дѣйствіе, и есть первое проявленіе воли; слѣдовательно, воля, точно такъ же, какъ умъ и чувства, зависитъ отъ впечатлѣній, производимыхъ на нашъ мозгъ внѣшнимъ міромъ.

«Желанія», говоритъ Добролюбовъ: «появляются сначала въ мозгу: доказательствомъ служить уже одно то, что желанія эти имѣютъ всегда какой-нибудь предметъ, какую-нибудь цѣль. Значитъ, для желанія нужно, чтобы предметъ произвелъ сначала впечатлѣніе на нашъ мозгъ, потому что нельзя же желать того, о чемъ не имѣешь никакого представленія» (томъ II, стр. 45).

Слѣдовательно, направленіе нашей воли дается нашими желаніями, желанія же складываются изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя насъ окружаютъ. Если впечатлѣнія такого свойства, что благопріятствуютъ направленію нашихъ желаній въ лучшую сторону, то и воля наша приметъ лучшее направленіе, и наоборотъ. Когда ребенокъ видитъ, что люди, его окружающіе, избѣгаютъ дѣлать другимъ зло и причинять страданія, у него самого не зародится желаніе сдѣлать вредъ кому-нибудь. Здѣсь, въ вопросѣ о развитіи воли, мы снова встрѣчаемся съ зависимостью и этой стороны духовной природы человѣка отъ основныхъ понятій, выработанныхъ имъ самимъ изъ впечатлѣній окружающей жизни. Если у ребенка образовались правильныя понятія и представленія, дѣйствія его будутъ правильнѣе и лучше; у ребенка съ выработаннымъ, на основаніи жизненныхъ впечатлѣній, понятіемъ о справедливости и равноправности не проявится склонности къ деспотизму и произволу. Однако, само собою разумѣется, что, благодаря какимъ-нибудь нежелательнымъ впечатлѣніямъ, отъ которыхъ нѣтъ возможности совершенно избавить ребенка, можетъ возбудиться въ душѣ ребенка дурное желаніе; въ такомъ случаѣ, правильныя представленія и помогутъ ему побороть желаніе и направить волю на дѣйствія, болѣе согласныя съ этими основными понятіями.

«Свобода выбора», говоритъ Добролюбовъ, «въ сущности, означаетъ именно возможность, существующую въ нашемъ умѣ, сличить нѣсколько предметовъ и опредѣлить, какой изъ нихъ лучше. Здѣсь очень кстати припомнить извѣстный афоризмъ, что всякій преступникъ есть прежде всего плохой счетчикъ. Дѣйствительно, большая часть преступленій и безнравственныхъ поступковъ совершается по невѣжеству, по недостатку здравыхъ понятій о вещахъ, по неумѣнію сообразить настоящее положеніе дѣла и послѣдствія поступка» (томъ II, стр. 45).

Итакъ, желаніе есть основа воли; стремленіе же младенца удовлетворить своимъ желаніямъ, это и есть первое проявленіе воли; однако, жизненный опытъ очень скоро убѣждаетъ ребенка, что часто желанія получаютъ отпоръ со стороны внѣшняго міра,

что не всё имъ можно удовлетворять безъ ущерба для себя же; наприм., ребенокъ, обжегшійся разъ на огнѣ, уже, вѣроятно, не потянется къ нему снова. Ребенокъ научается разсуждать, взвѣшивать свои желанія раньше, чѣмъ привести ихъ въ исполненіе. Чѣмъ больше накопилося въ его душѣ такихъ опытовъ, связанныхъ съ ясными представленіями, тѣмъ правильнѣе будетъ онъ взвѣшивать и сортировать свои желанія. Напримѣръ, если ребенокъ, пожелавшій завладѣть чужой вещью, вспомнить, что за этотъ поступокъ его бранили, наказывали, желаніе его можетъ парализоваться представленіемъ непріятныхъ послѣдствій; въ такомъ случаѣ, воля его проявится или не проявится въ зависимости отъ интенсивности желанія, съ одной стороны, и отъ живости воспоминанія о непріятныхъ послѣдствіяхъ, съ другой. Ослабить желаніе можетъ также понятіе о чужой собственности. Напротивъ, у ребенка, котораго никогда не порицали за воровство, а даже поощряли къ тому, представленіе о чужой собственности будетъ совершенно отсутствовать, и воля его обязательно проявится въ дурную сторону. Воля не можетъ быть нравственной при отсутствіи правильныхъ взглядовъ и понятій, такъ какъ направленіе дается ей (точно такъ же, какъ уму и чувствамъ) тѣмъ матеріаломъ впечатлѣній, который воспринимается и перерабатывается человѣкомъ съ самой колыбели. Дайте ребенку правильныя впечатлѣнія, тогда и понятія, и желанія его будутъ нравственны, и волю его вы направите въ лучшую сторону.

Разбирая далѣе проявленія волевой дѣятельности человѣка, замѣчаемъ, «что въ образованіи сильнаго и цѣльнаго характера играетъ огромную роль не только направленіе воли, но и ея развитіе, укрѣпленіе. Этотъ важный вопросъ Добролюбовъ разобралъ въ своей извѣстной статьѣ «О значеніи авторитета въ воспитаніи». Душевные силы ребенка такъ же, какъ и тѣлесныя, органическія, крѣпнуть и развиваются только путемъ «правильнаго» и «постояннаго» упражненія.

«Дѣятельныя стремленія души», говоритъ Добролюбовъ, «зрѣютъ и крѣпнутъ только при дѣятельности просторной и вольной. Надо испробовать нѣсколько разъ свои силы, испытать неудачи и столкновенія, узнать, чего стоятъ разныя усилія и какъ преодолеваются препятствія, для того, чтобы приобрести отвагу и рѣшимость, необходимыя для дѣятельной борьбы, чтобы узнать мѣру своихъ силъ и умѣть найти для нихъ соотвѣтственную работу» (томъ III, стр. 263 *).

Признавая волю важнѣйшимъ факторомъ въ образованіи характера, Добролюбовъ находитъ, что ребенку необходимо предоставить свободу, просторъ, чтобы путемъ опыта и упражненія онъ могъ бы ее укрѣпить и развить. Ни въ какомъ случаѣ не

*) Нельзя вести на поведѣхъ волю ребенка, а надо ей дать просторъ самой расти и усиливаться». Ушинскій «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 462.

слѣдуетъ насиловать природы ребенка; а надлежитъ только наблюдать за тѣмъ, чтобы на пути дитяти не встрѣчалось слишкомъ много впечатлѣній нежелательнаго свойства, которыя могутъ дать дурное направленіе его желаніямъ, а, слѣдовательно, и волѣ.

Однако, правило это рѣдко исполняется педагогами.

Добролюбовъ указываетъ на то, что большинство воспитателей, руководствуясь подчасъ узкими педагогическими теоріями, приносятъ ребенка въ жертву этимъ теоріямъ, извращаютъ нормальный ходъ его развитія, требуя отъ ребенка не разумнаго повиновенія, а слѣпонаго подчиненія ихъ авторитету.

Много лѣтъ спустя послѣ того, какъ писалъ Добролюбовъ, еще раздаются голоса, защищающіе эту систему воспитанія. Такъ, напримѣръ, нѣмецкій педагогъ Кельнеръ считаетъ, что ребенокъ долженъ подчиняться не разумнымъ доводамъ, а авторитетной волѣ наставника. (Кельнеръ—«Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи», стр. 26).

Вотъ, отчего не мѣшаетъ напомнить разумныя возраженія нашего критика - педагога, направленныя противъ этой системы, приносившей и приносящей и понинѣ столько вреда. По этому поводу, Добролюбовъ весьма основательно говоритъ, что наставникъ, требующій слѣпонаго, безусловнаго повиновенія отъ своего воспитанника, долженъ самъ являться существомъ непогрѣшимымъ образомъ всѣхъ совершенствъ, иначе онъ никогда не удовлетворитъ цѣли, намѣченной воспитаніемъ, т. е. не воспитаетъ образованаго человѣка. Возможно ли найти подобнаго воспитателя? Понятно, нѣтъ. «Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія», говоритъ Добролюбовъ: «то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій по отношенію къ ребенку? И не лучше ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ приучить ребенка къ разумному разсужденію, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, приобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно» (томъ I, стр. 197).

Но даже, еслибы и было возможно найти идеальнаго воспитателя, самая система подчиненія авторитету, слѣпо, безъ разсужденій, только тормозила и искажала бы правильное, нормальное развитіе человѣка.

Доказательствъ тому не мало. Съ одной стороны, мы знаемъ уже, что воля, какъ и остальные душевныя свойства, крѣпнеть отъ упражненія; при системѣ же безусловнаго повиновенія она бездѣйствуетъ, слѣдовательно, не развивается и не укрѣпляется. Человѣкъ же съ неразвитой и неокрѣпшей волей, является далеко не желательнымъ членомъ общества; онъ не подготовленъ къ жизни, не привыкъ превращать свои желанія въ дѣйствія, не умѣетъ бороться съ обстоятельствами и, по привычкѣ, выработанной въ немъ воспитаніемъ, готовъ преклоняться передъ всякими признанными толпой авторитетами, а мало ли ихъ въ окружающей жизни? «Старніе», т. е. люди болѣе сильныя, чѣмъ самъ человѣкъ, въ какой бы формѣ ни выражалась эта сила,

всегда будутъ властвовать надъ подобными безвольными существами и подчинять ихъ себѣ. Такой человѣкъ, не приученный къ самостоятельной опѣнкѣ и разсужденію, привыкшій безсознательно повиноваться, будетъ и впредь руководствоваться не разумнымъ выборомъ, а простой случайностью, въ зависимости отъ того, въ чьи руки попадетъ, чья власть, чья сила будетъ непосредственно вліять на него; при такихъ же условіяхъ даже и безвольный человѣкъ можетъ надѣлать не мало бѣдъ.

Другимъ доводомъ противъ системы безусловнаго повиновенія Добролюбовъ приводитъ то, что, какъ бы хорошъ ни былъ воспитатель, онъ всегда явится выразителемъ впечатлѣній и взглядовъ старшаго поколѣнія, носителемъ идей, уже отживающихъ; при всемъ желаніи не отстать отъ молодежи, многія новыя начала будутъ ему чужды, непонятны, и потому онъ инстинктивно постарается удержать своего воспитанника въ понятіяхъ своего времени. А это уже, конечно, идетъ въ разрѣзъ съ идеальнымъ воспитаніемъ. Хотя старое поколѣніе и приноситъ свою долю пользы, передавая молодежи твердо выработанные жизненнымъ опытомъ взгляды и понятія, но молодое-то поколѣніе, по мнѣнію Добролюбова, не должно благоговѣнно останавливаться передъ этимъ плодомъ вѣковой мудрости предковъ; оно должно идти дальше, должно стремиться впередъ, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, если, во имя своихъ убѣжденій, ему временами приходится колебать устарѣлыя основы общества. А будетъ ли это подъ силу человѣку, привыкшему всю свою жизнь склоняться передъ авторитетомъ, перенявшему безъ разсужденій слѣпо, на вѣру, взгляды своего наставника? Нѣтъ, у такого человѣка никогда не хватитъ духу, да и не явится желанія пойти противъ господствующихъ убѣжденій; онъ не станетъ искать новыхъ путей, не станетъ бороться за новыя истины, а безъ такой борьбы получился бы застой, человѣчество никогда бы не шло впередъ, и никакое совершенствованіе не было бы возможнымъ.

Случается иногда, что болѣе сильныя природы, благодаря удачно сложившимся обстоятельствамъ, возстаютъ въ послѣдствіи противъ всего того, что имъ съ дѣтства навязывали въ образецъ (въ видѣ примѣра, Добролюбовъ приводитъ Вольтера); но такія личности становятся опасными для общества, такъ какъ огульно, не разбирая, гдѣ истина и гдѣ ложь, громятъ все, чему ихъ заставляли поклоняться и во что вѣрить господствующее большинство.

Наконецъ, ребенку, привыкшему слѣпо подчиняться, подчасъ приходится поступать противъ собственныхъ убѣжденій, образовавшихся самостоятельнымъ путемъ, такъ сказать, поступать противъ своей совѣсти. Свой внутренній душевный міръ ребенку приходится подчинять силѣ внѣшней и болѣе могущественной. При такихъ условіяхъ, чувство правды, справедливости никогда не разовьется въ ребенкѣ, напротивъ, оно искривится, отыскивая себѣ оправданіе въ томъ, что «такъ приказано».

«Отдается приказаніе», говоритъ Добролюбовъ, «ребенокъ ис-

полняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего, достойнаго награды,—ребенокъ потому и исполнилъ приказаніе тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ. За что же его хвалятъ? Очевидно—за послушаніе. Дается другое приказаніе; воспитанику оно не правится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ, и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы онъ слушался и не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значить, бранили его? Ясно, за что—за непослушаніе. Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало по малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію и мѣсто его занимаетъ слѣпое слѣдованіе авторитету» (томъ I, стр. 200).

Случается, что ребенокъ самъ въ послѣдствіи убѣждается въ правильности приказаній, отдаваемыхъ воспитателемъ, но такое явленіе не представляетъ собою ничего утѣшительнаго. Нѣсколько разъ убѣдившись въ своей неправотѣ, ребенокъ перестаетъ себя довѣрять, утрачиваетъ энергію, отвагу, начинаетъ сомнѣваться въ своихъ сужденіяхъ и не смѣетъ имъ слѣдовать, хотя бы они казались ему ясными какъ Божій день. Отсюда является вялость, нерѣшительность, апатія,—свойства, совершенно нежелательныя при развитіи цѣльнаго характера.

Еще того хуже, когда житейскія обстоятельства подтверждаютъ приказанія воспитателя; тогда высшая правда, подсказываемая собственнымъ сознаніемъ ребенка, отбрасывается, какъ бредни, какъ нѣчто лишнее, ненужное, несогласное съ жизнью. Въ поясненіе своей мысли Добролюбовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ; вотъ одинъ изъ нихъ:

«Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія со старымъ слугою; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушается, и въ одно время такъ запаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику непріятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: а все оттого, что не слушался. Погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь по прежнему быть съ нимъ за панибрата... И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи» (томъ I, стр. 201).

Подобное искаженіе высшей правды услужливыми обстоятельствами можетъ только убить въ ребенкѣ всякое нравственное чувство и спутать окончательно его понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и справедливости. Ребенокъ, привыкшій подчинять свою волю житейскимъ условностямъ, и въ будущемъ будетъ подчинять свои убѣжденія и желанія, а, слѣдовательно, и волю жизненнымъ обстоятельствамъ, болѣе выгоднымъ. Нѣтъ, истинно

разумный, идеальный воспитатель никогда не потребует от ребенка безусловного, слѣпого повиновенія; напротивъ, онъ постарается дать возможно большую свободу ребенку, предоставитъ ему жить и дѣйствовать возможно самостоятельное, чтобы ребенокъ могъ личнымъ опытомъ развить и укрѣпить свою волю.

«Въ педагогикѣ есть положеніе», говоритъ Добролюбовъ, «что для дѣтей, неспособныхъ еще къ отвлеченнымъ понятіямъ, воспитатель составляетъ олицетвореніе нравственнаго закона, и потому необходимо довѣріе ребенка къ воспитателю. Но обязанность воспитателя, продолжаясь потомъ педагогика, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлать себя ненужнымъ для ребенка, приучивши его понимать нравственный законъ въ его истинной сущности, независимо отъ авторитета воспитателя». (томъ III, стр. 94).

Примѣромъ того, какъ искажается характеръ ребенка, лишеннаго возможности развиваться самостоятельно, служить уже упомянутый выше Обломовъ, въ его дѣтскіе годы. По натурѣ это былъ ребенокъ далеко не вялый, не апатичный, напротивъ, въ немъ замѣтны были и любознательность, и пытливость, но ему съ ранняго дѣтства не давали ни шагу ступить самостоятельно, всякое естественное стремленіе къ свободѣ встрѣчало отпоръ, неодобреніе со стороны старшихъ. Каждый шагъ его контролировался, каждая потребность его была предусмотрена и удовлетворена прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ оформить свое желаніе, каждое дѣйствіе его подвергалось оцѣнкѣ, восхвалялось или порицалось. Такое вмѣшательство въ жизнь ребенка, такое лишеніе свободы, такое подавленіе его личности и воли привели къ тому, что всякая инициатива, воля, энергія заглохли въ немъ, не имѣя случая окрѣпнуть и развиться. Оттого, и видно въ Обломовѣ, въ позднѣйшіе годы, такое рабство передъ обстоятельствами, такой страхъ передъ малѣйшимъ затрудненіемъ, препятствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «барство», т. е. привычка, чтобы за него и думали, и дѣлали другіе, чтобы ему ни въ какой области не приходилось ни напрягать своихъ силъ, ни насиловать своей воли.

Образованіе подобнаго типа разбираетъ Лесгафтъ въ своей книгѣ «Семейное воспитаніе ребенка», называя этотъ типъ «мягко забитымъ» или «заласканнымъ». По мнѣнію Лесгафта, складывается онъ «при предупрежденіи всякой самостоятельной дѣятельности, при уничтоженіи всякой инициативы, всякаго почина со стороны ребенка, при заботливомъ устраниеніи условій для развитія умственной дѣятельности. Появляется такой типъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всякая дѣятельность ребенка предупреждается, когда все для него готово, и онъ никогда не возбуждается къ разсужденію, къ самостоятельному распоряженію своимъ временемъ и своими дѣйствіями». («Семейное воспитаніе ребенка», стр. 74).

Среди дворянъ такого рода воспитаніе, какое мы встрѣчаемъ у Обломова и о которомъ говоритъ Лесгафтъ, было далеко не

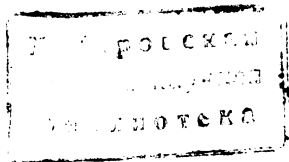
рѣдкостью; обуславливалось оно не одной предвзятой воспитательной системой, но, въ большинствѣ случаевъ, вызывалось общимъ ненормальнымъ положеніемъ вещей, многія неблагопріятныя стороны котораго до сихъ поръ не успѣли еще искорениться и съ которыми и понинѣ приходится считаться, если мы желаемъ дать правильное воспитаніе нашимъ дѣтямъ.

Въ своей критической статьѣ по поводу повѣстей Марка Вовчка, Добролюбовъ указываетъ на тотъ фактъ, что при образованіи характеровъ дворянъ и крестьянъ, находившихся въ одинаково ненормальныхъ условіяхъ, развращающій принципъ крѣпостной зависимости не оказывалъ на крестьянъ такого безотраднaго вліянія въ смыслѣ искаженія ихъ понятій и воли, какъ онъ имѣлъ на дворянъ.

Хотя положеніе крѣпостного крестьянина несравненно тягостнѣе, но гнетъ здѣсь является чисто внѣшнимъ. нѣтъ здѣсь искусственнаго искаженія понятій, нѣтъ вмѣшательства въ каждое самостоятельное проявленіе воли ребенка, нѣтъ обереганія отъ жизни и безцѣльнаго баловства; жизнь, хотя и требуетъ подчиненія строгимъ, опредѣленнымъ законамъ, но оставляетъ достаточно простора для развитія воли. Крестьянское дитя является самостоятельнымъ участникомъ окружающей жизни, оно предоставлено самому себѣ несравненно больше дворянскаго ребенка, такъ какъ никому нѣтъ времени вмѣшиваться въ его духовный міръ. Часто случается, что воля ребенка, подъ давленіемъ внѣшней, грубой силы, принимаетъ дурное направленіе, ребенокъ научается лгать, обманывать, озлобляется противъ своихъ притѣснителей, но одновременно съ этимъ онъ научается стоять за себя, и воля его крѣпнеть, развивается. Оттого, среди крестьянъ, выросшихъ подъ гнетомъ крѣпостной зависимости, и встрѣчалось все же такъ много цѣльныхъ натуръ съ сильной волей, тогда какъ среди дворянъ такіа природы—рѣдкость, не смотря на лучшія условія ихъ соціальной жизни и на то, что понятія у нихъ правильнѣе и душевные запросы обширнѣе и чище.

Подтвердимъ это положеніе еще словами Ушинскаго: «Самые безхарактерные люди выходятъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ родители и воспитатели, не понимая свойствъ души человѣка, безпрестанно вмѣшиваются въ жизнь ребенка и не даютъ ему свободно ни чувствовать, ни желать». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»).

Ушинскій замѣчаетъ даже, что прежняя суровая, безпощадная школа, съ ея подчасъ жестокими и бессмысленными правилами, въ сущности, болѣе содѣйствовала выработкѣ характера, чѣмъ современная педагогика, основанная на вмѣшательствѣ въ жизнь ребенка и на подавленіи его личности; прежняя система всетаки предоставляла извѣстную свободу, самостоятельность, хотя бы въ предѣлахъ узкихъ рамокъ, безцѣльное баловство и обереганіе отъ жизни не поощрялись, никто не копался въ душѣ ребенка, никто не направлялъ каждаго его шага; правда, многія дѣти погибали,

но за то, кому удавалось уцѣлѣть, тотъ выходилъ съ закаленной волей и хорошо организованнымъ характеромъ. Само собой, не рекомендуя возвращаться къ прежней жестокой школьной системѣ воспитанія, Ушинскій только совѣтуетъ, чтобы современная педагогика не впадала въ другую крайность и оставляла разумный просторъ для самостоятельной жизни сердца и воли, въ которой только и могутъ быть накоплены матеріалы будущаго характера». Необходимо съ одной стороны, чтобы ребенокъ являлся ответственнымъ за свои поступки, промахи и ошибки, не отговариваясь тѣмъ, что за него не подумали другіе, что его не предупредили старшіе, какъ это часто случается при современной системѣ воспитанія. Но, съ другой стороны, надо, чтобы въ то же время онъ привыкъ подчиняться опредѣленнымъ, даже строгимъ, хотя обязательно законнымъ, требованіямъ, чего, однако, тоже не существуетъ въ воспитаніи, основанномъ на вмѣшательствѣ въ каждое дѣйствіе ребенка и на обереганіи его отъ уроковъ жизни.

«Лучшимъ условіемъ для успѣшной и быстрой организаціи характера», говоритъ Ушинскій: «является такая среда, которая не была бы слишкомъ узкой для дитяти, но за предѣлами которой, стояла бы крѣпкая, неподатливая жизнь, безцеремонно отталкивающая дитя, когда оно хочетъ переступить отмежеванный ему предѣлъ. Тогда характеръ дитяти, окрѣпнувъ и организовавшись внутри отведенной ему сферы, будетъ и безъ труда расширять ея предѣлы. Такая жизнь представитъ множество опытовъ удачъ и неудачъ, успѣха и неуспѣха, зависящихъ отъ самого дитяти, а это лучшія средства, чтобы сосредоточить чувственыя массы представленій въ одинъ сильный характеръ. Въ этомъ отношеніи воспитаніе крестьянскихъ дѣтей идетъ гораздо нормальнѣе, чѣмъ воспитаніе дѣтей богатаго класса». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 428).

Другой примѣръ пагубнаго вліянія воспитанія, построеннаго на вмѣшательствѣ въ жизнь ребенка и полномъ подавленіи его воли, ярко выступаетъ въ разборѣ Добролюбова сочиненій Островскаго, въ статьѣ, озаглавленной: «Темное царство». Здѣсь обрисована власть невѣжества, произвола, самодурства, тяжелый гнетъ старшихъ на молодое поколѣніе. Развѣ могутъ развиваться нравственныя понятія при такихъ условіяхъ, когда ни одно приказаніе, обращенное къ ребенку, не основано на опредѣленныхъ требованіяхъ? Развѣ можетъ закалиться воля ребенка, если ее съ малыхъ лѣтъ давать безспорнымъ авторитетомъ родителей, если думать всякое самостоятельное ея проявленіе? Но вѣдь, сколько бы ни старались стѣснить въ человѣкѣ его волю, она всегда стремится проявить себя хотя бы въ искаженной формѣ.

Согласимся съ Ушинскимъ, что чувство свободы прирождено человѣку, и что нѣтъ ничего тяжелѣе насильственнаго подавленія этого органическаго стремленія души. Вотъ отчего замѣчается, по мнѣнію Добролюбова, что дѣти, если ихъ не насилуютъ, не стѣснять ихъ свободы безчисленными приказаніями и наставленіями,

Довольны, веселы, незлобивы и даже послушны; напротивъ, при постоянныхъ запрещеніяхъ, указаніяхъ и приказаніяхъ, дѣти озлобляются, становятся упрямыми, своевольными, подавленная воля ихъ стремится проявиться въ чемъ угодно, лишь бы поступокъ этотъ былъ самостоятельнымъ, непринужденнымъ. Отсюда проистекають дурные поступки дѣтей. Пагубное искаженіе проявленій воли встрѣчаемъ мы въ «Темномъ царствѣ» не только у дѣтей, но и у взрослыхъ.

Придавленные, исковерканныя, рабски угодливыя природы стремятся проявить свою независимость безсмысленной тратой силъ, нелѣпыми поступками. Вотъ отчего поступки самодуравъ поражаютъ насъ своей несообразностью и незаконностью. Вѣдь сами-то самодуравы выросли въ такихъ же ненормальныхъ условіяхъ, въ каковыхъ находятся теперь лица, отъ нихъ зависящія, надъ которыми они проявляютъ свой произволъ; воля ихъ не имѣла случая развиться и закалиться, они не научились преодолевать препятствія и самодурствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не встрѣчаютъ отпора, болѣе всего желая доказать другимъ и убѣдить самихъ себя, что они свободны поступать такъ, какъ имъ заблагоразсудится. Чувство свободы было слишкомъ долго придавлено въ нихъ, потому-то и стремятся они проявить свою волю въ чемъ угодно, не заботясь о томъ, что она проявляется въ безобразной, уродливой формѣ.

А. Коллонтай.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Владиміръ Короленко.

Въ литературу, то упорно сосредоточенную на психологическомъ анализѣ личныхъ душевныхъ состояній, то съ какимъ то испугомъ отмѣчавшую все новыя и новыя проявленія общественнаго разложенія, въ эту мучительную, нервную, растерянную, недоумѣлую литературу первой половины восьмидесятыхъ годовъ, Короленко принесъ живое чувство природы, широту пытливей мысли и мужественную крѣпость убѣжденной натуры.

Въ его небольшомъ разсказѣ «Сонъ Макара» было больше природы, чѣмъ въ цѣломъ десяткѣ повѣстей и разсказовъ тѣхъ беллетристовъ, произведеніями которыхъ должна была довольствоваться послѣдніе годы читающая публика. Явился авторъ, который находилъ природу не въ однихъ ухищренностяхъ натурализма; для него было открытъ весь широкій міръ, и у него въ свою очередь были открыты глаза для того, чтобы видѣть все богатство его красокъ и обиліе жизни, и слухъ, способный схватить все разнообразіе и оттѣнки окружающихъ звуковъ. При этомъ, описанія природы, которыя вводилъ Вл. Короленко въ свои произведенія, являлись не случайными экскурсіями въ область пейзажа, не эпизодическими отступленіями въ изложеніи главной темы разсказа. Отличительною чертоу художественнаго творчества Вл. Короленко служитъ цѣлостное пониманіе душевнаго міра и міра природы. Вы постоянно чувствуете ту органическую связь, которая соединяетъ настроеніе чувствующей личности и міръ, ее окружающій, ихъ взаимодействіе, въ которомъ, однако, главная опредѣляющая роль чаще всего принадлежитъ личному настроенію. Прослѣдите, какъ въ разсказѣ «Ночью» быстро мѣняется въ глазахъ дѣтей картина окружающей обстановки, сообразно измѣненіямъ, совершающимся въ ихъ понятіяхъ, по мѣрѣ того, какъ занимающая ихъ умъ тайна жизни и смерти получаетъ то или иное освѣщеніе. Или взгляните, какая тѣнь щемящей грусти наброшена на эту холодную природу Сибири настроеніемъ одинокаго тоскующаго на чужой сторонѣ человѣка, когда онъ съ крыши заброшенной юрты смотритъ въ холодную даль сѣвернаго пейзажа.

«Туманъ совершенно разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнѣе и нѣсколько мягче.

На сѣверѣ изъ-за гребня холмовъ, покрытыхъ черною массой лѣссовъ, слабо мерцавъ, подымались какія то бѣлесоватыя облака, быстро пробѣгавшія по небу. Казалось, кто то тихо вздыхалъ среди глубокой холодной, ночи, и клубы пара, вылетавшіе изъ гигантской груди, безшумно проносились по небу и затѣмъ тихо угасали въ глубокой синевѣ. Это играло слабое сѣверное сіяніе.

Поддавшись какому-то грустному обаянію, я стоялъ на крышѣ, задумчиво слѣдя за слабыми переливами сполоха. Ночь развернулася во всей своей холодной и унылой красѣ. На небѣ мигали звѣзды внизу снѣга уходили вдаль ровною пеленою, чернѣла гребнемъ тайга «синѣли дальнія горы» (I, 397).

Мы могли бы привести изъ произведеній Вл. Короленко не мало описаній природы, не уступающихъ приведенному отрывку ни по силѣ проникающаго ихъ поэтическаго чувства, ни по красотѣ изображенія. Такія описанія, какъ картина ранняго утра за городомъ, дышущая несравненной свѣжестью въ глазахъ полнаго жизни и нетронутыхъ силъ ребенка, одного изъ героевъ «дурного общества», (I, 35), или описаніе бѣга корабля и впечатлѣнія морской глубины въ разсказѣ «Безъ языка», звучное, какъ отрывокъ музыкальной поэмы, подернутое оттѣнкомъ глубокой грусти, пантеистическаго настроенія, — подобныя мѣста навсегда останутся лучшими украшеніями нашей художественной литературы.

Среди произведеній Вл. Короленко есть нѣкоторыя, въ которыхъ ощущеніе природы играетъ роль постоянного основного фона, съ которымъ нераздѣльно слиты образы и дѣйствіе разсказа. На это указываютъ самыя заглавія: «Лѣсъ шумитъ», «Рѣка играетъ». Первое изъ этихъ произведеній — музыкальная поэма, въ которой шумъ дремучаго бора, встревоженнаго приближеніемъ надвигающейся грозы, будить отголоскомъ въ памяти стараго дѣда мрачную былъ, разыгравшуюся нѣкогда въ томъ же лѣсу подъ такой же угрожающій шумъ столѣтнихъ встревоженныхъ сосенъ. Этотъ шумъ составляетъ немолчный аккомпаниментъ всего разсказа; по мѣрѣ того, какъ онъ крѣпнетъ, вы чувствуете, какъ разгораются могучія страсти этихъ сильныхъ людей, которые терпѣли произволь и поруганіе личности, но терпѣли до поры, до времени. И мрачная страстность раскрывающейся передъ вами трагедіи умѣряется только искусно выраженнымъ впечатлѣніемъ того, что все это было давно, «было и былемъ поросло», впечатлѣніемъ переживаемаго воспоминанія и старческой грусти по тѣмъ временамъ, когда и паны, и бабы, и пѣсни, — все было иное, не то, что теперь, а настоящее лучшее.

Въ такой же полной гармоніи съ окружающей природой находятся люди, ихъ рѣчи и поступки въ очеркѣ «Рѣка играетъ». Простодушный и лѣнливый «мужиченко» Тюлинь съ его бессознательнымъ юморомъ является какъ бы частью всей этой наивной ветлужской природы. Бурно «взыграла» послѣ дождей обычно тихая, лѣнливо плещущая въ свои зеленые берега Ветлуга, и также внезапно въ минуту опасности въ душѣ апатичнаго, распущеннаго Тюлина встаетъ неожиданный приливъ твердости и энергіи, чтобы по минованіи надоб-

ности столь же быстро войти въ берега его стихійнаго и лѣниваго существованія.

Не менѣе ярко выступаетъ это умѣніе Вл. Короленко приводить въ соотвѣтствіе жизнь природы и душевное состояніе человѣка въ его фантазіи «Тѣни». Въ то время, какъ аэиѣнскіе граждане, осудивъ Сократа на смерть, томилась робкою надеждою, что онъ самъ сниметъ съ ихъ души сознаніе неправаго дѣла и боролись въ сомнѣніяхъ и недоумѣніи — «въ этотъ темный вечеръ море металось и глухо шумѣло подъ туманомъ, а измѣнчивый вѣтеръ шевелилъ паруса кораблей съ тихимъ и грустнымъ недоумѣніемъ»... Но вѣтъ упрямецъ выпилъ чашу смерти. «Вѣтеръ крѣпчалъ сильнѣе, закутывая городъ пеленою морскихъ тумановъ и начиная съ яростью трепать паруса, запоздавшіе въ гавань. И Эриніи заводили свои мрачныя пѣсни въ сердцахъ гражданъ, возбуждая въ нихъ грозу, отъ которой впослѣдствіи погибли обвинители Сократа». И далѣе, уже въ царствѣ тѣней вся природа принимаетъ живое участіе въ могучемъ спорѣ Олимпа съ безстрашнымъ мудрецомъ, оспаривающимъ божество громовержца Зевеса, чтобы въ послѣдній моментъ раскрыться передъ смѣлымъ искателемъ истины въ торжественномъ шествіи сіяющаго дня.

Но для того, чтобы выдерживать это постоянное соотношеніе между міромъ природы и человѣческими чувствами, представленіями и страстями, для того, чтобы такъ смѣло вводить личный субъективный элементъ въ природу, не страшась нарушить правдивость ея изображенія, нужно не только жить полною жизнью чувствъ, нужно глубоко знать природу. Такое знаніе дается богатымъ опытомъ, рѣдкимъ даромъ наблюдательности, доходящимъ до высшей изощренности чувствъ. У Вл. Короленко мы находимъ и то, и другое. Ему близки и знакомы и ясны лунныя ночи Малороссіи, и природа ледяныхъ пустынь Сибири, и глухія дебри Польссы, и мирный пейзажъ родного заходусья. Онъ человѣкъ бывалый, подвижной. Его творчество по преимуществу живетъ реальными впечатлѣніями, которыя онъ столько же ловить по пути своей жизни, сколько самъ идетъ имъ на встрѣчу. Проглядите его произведенія, въ большинствѣ изъ нихъ вы застааете его въ пути. И это не случайная особенность его литературной композиціи, это дѣйствительная черта, характеризующая автора. То вы встрѣчаете его на одномъ изъ рѣдкихъ «станковъ» пустыннаго ленскаго тракта, отогрѣвающимся для того, чтобы снова пуститься въ дальній путь, ныряя въ возкѣ по ухабамъ безконечной дороги, то видите его твердою рукою направляющимъ свой утлый ботикъ по извилистому теченію угрюмаго Керженца, то пробирающимся съ котомкою за плечами мирною проселочною дорогою или отдыхающимъ въ группѣ простого народа у костра, разведеннаго на опушкѣ лѣса. Это художникъ, образы котораго сложились не въ душевой атмосферѣ писательскаго кабинета, а подъ открытымъ небомъ, въ тѣсномъ общеніи съ жизнью природы, не городской чахлой природы, а природы, полной силъ и гордаго величія, жизнью народа, простого народа, а не исключительныхъ нервныхъ предста-

вителей городской культуры. Вотъ почему, читая его произведенія, вы испытываете чувство истиннаго отдыха. Отъ нихъ вѣтъ свѣжимъ воздухомъ и просторомъ полей, прохладю и шумомъ лѣса, плескомъ рѣки, запахомъ придорожнаго костра.

Но прелесть описаній Вл. Короленко нельзя объяснить только однимъ богатствомъ и широтою наблюденія. Онъ заходитъ такъ далеко въ глубь природы, такъ проникается ея оттѣнками и голосами, какъ это способенъ дѣлать не просто наблюдательный и вдумчивый колористъ-художникъ. Подобное проникновеніе въ жизнь природы открываетъ въ немъ человѣка, душу котораго ея великая тайна способна охватить захватывающимъ чувствомъ восторга, какъ то находимъ мы въ заключительныхъ страницахъ фантазіи «Тѣни», или глубокой міровой печали, проникающей въ рассказъ «Безъ языка» описаніе океана, его таинственной глубины, вѣчнаго движенія и непонятной жизни. Только страстностью отношенія Короленко къ природѣ можно объяснить то обильное и тонкое знаніе специальныхъ подробностей, какое обнаруживаетъ онъ въ своихъ произведеніяхъ и которое сразу выдѣляетъ его описанія изъ ряда общихъ мѣстъ и шаблонныхъ отступленій. Въ этомъ умѣннн схватывать частныя индивидуальныя черты предмета скрывается секретъ яркой жизненности и оригинальности его изображеній. Какъ истинный художникъ, Вл. Короленко не теряетъ въ обилии столь доступныхъ ему подробностей, не даетъ имъ овладѣть своимъ творчествомъ; онъ бережливъ, онъ пользуется этими подробностями, деталями ровно на столько, чтобы создать должное представленіе, проникнутое именно тѣмъ настроеніемъ, которое имъ пережито и которое онъ хочетъ внушить читателю. Способности такъ глубоко и всесторонне охватывать явленія природы должны отвѣчать особая чуткость и впечатлительность художника. Уже давно отмѣченъ тотъ психологическій фактъ, что художественная воспримчивость къ явленіямъ вѣшняго міра выражается большею частью въ преобладаніи одного изъ двухъ родовъ ощущеній, звуковыхъ или зрительныхъ. Въ первомъ случаѣ автору болѣе доступенъ міръ звуковъ, во второмъ—міръ красокъ. Эта преобладающая форма чувствительности налагаетъ свою печать на всѣ образы и представленія творчества, создавая или художниковъ-живописцевъ, или художниковъ, въ основѣ творчества которыхъ лежатъ по преимуществу музыкальныя ощущенія. Что Вл. Короленко принадлежитъ ко второму типу художниковъ, было отмѣчено критикой (К. Арсеньевъ), почему мы считаемъ излишнимъ долго останавливаться на этомъ обстоятельстве. Достаточно указать на такія произведенія его, какъ «Слѣпой музыкантъ», «Ночь подъ Свѣтлымъ праздникомъ», «Лѣсъ шумитъ», чтобы убѣдиться, насколько творчество Вл. Короленко богато звуковыми обозначеніями. Въ первомъ изъ указанныхъ произведеній онъ ставитъ себѣ задачу перевести по возможности на языкъ звуковъ весь сложный міръ зрительныхъ впечатлѣній и идей, и, даже признавая попытку его не вполнѣ удачной, нельзя отказать автору въ поразительномъ искусствѣ и тонкости разработки поставленной темы. Въ голосахъ природы слухъ Коро-

ленко способенъ отмѣчать едва уловимые оттѣнки, и слова, отнесенныя къ Гете:

„Съ природою одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна“—

не безъ нѣкотораго права могутъ быть отнесены и къ нему. Развѣ не пониманіе «говора древесныхъ листовъ», говорить словами дѣда въ полѣвской легендѣ «Лѣсъ шумить»: «Хорошо знаю, какъ дерево говорить. Вотъ осина, проклятое дерево, все что-то лопочеть, и вѣтру нѣтъ, а она трясется. Сосна на бору въ ясный день играетъ, звенить, а чуть подыметса вѣтеръ, она загудитъ и застонетъ. Это еще ничего... А вотъ слушай теперь... Я хоть глазами плохо вижу, а ухомъ слышу: дубъ зашумѣлъ, дуба уже трогаеть на полянѣ. Это къ бурѣ»... И морская волна въ своемъ безпокойномъ и вѣчномъ движеніи говорила его простодушному лозицианину Матвѣю о Богѣ-о землѣ и небѣ, о жизни и смерти... А плескъ и шорохъ прибывающей Велуги развѣ не звучитъ въ его разсказѣ «Рѣка играетъ» такъ живо и понятно, что, даже только перечитывая его, вы уже испытываете подымающій приливъ рѣзвыхъ молодыхъ ощущеній. А всѣ безчисленные оттѣнки въ звонѣ дорожнаго колокольчика, гдѣ схвачены они во всемъ ихъ разнообразіи и прелести всѣми пережитаго, всѣмъ памятнаго настроенія, какъ и въ его чудномъ описаніи томительно долгой ѣзды въ тарантасѣ по пыльному тракту, въ томительно жаркій, сухой, «облачный», лѣтній день? Вотъ, напри-мѣръ, штрихъ, несравненный по тонкости и въ то же время простотѣ выраженія.

Разговорчивый ящикъ замолчалъ. «Опять наступила тишина и дорожное томленіе. Барышня смотрѣла вдаль, господинъ потряхивался и ритмически покачивался на сидѣніи, а глаза его, все еще открытые, стали такъ тусклы, какъ будто на нихъ насѣла пыль. Колокольчикъ бился и даже какъ будто подвизгивалъ какому-то неисходному горю. *Потомъ онъ встѣмъ надолъ, прислушался и сразу исчезъ изъ слуха и сознанія*». Кому не знакомъ этотъ звуковой эффектъ? Но для того, чтобы вскрыть его,— это всѣмъ знакомое простое явленіе, надо быть художникомъ, истиннымъ, оригинальнымъ художникомъ.

Эту любовь къ природѣ и прежде всего къ міру звуковъ Вл. Короленко вынесъ отсюда же, откуда и свой добродушный, порою не безъ нѣкоторой доли лукавства, юморъ,—съ юга Россіи, изъ богатой пѣснями Малороссіи и Юго-западнаго края, гдѣ, судя по его дѣтскимъ воспоминаніямъ и биографическимъ отступленіямъ, прошли первые годы его жизни. Подъ впечатлѣніемъ суровой, но полной своеобразной красоты и мощи природы Сибири, ея ледяныхъ пустынь, скованныхъ морозомъ гигантскихъ рѣкъ, покрытыхъ лѣсами молчаливыхъ горъ и темной тайги это чувство природы не застыло, но

нашло новую пищу для своего развитія. Творчество Короленко обогатилось новыми образами, чуждыми мягкихъ, ласкающихъ тоновъ родной стороны, но полными силы и фантастическаго величія. Эти образы не помѣшали ему, однако, оцѣнить въ послѣдствіи и тихую прелесть простой русской природы, — природы средней Россіи, и та же «странная любовь», о которой говорить нашъ безвременно погибшій поэтъ, влечетъ и его къ этимъ заброшеннымъ селеніямъ со скромной церковью надъ кручей, къ извилистымъ рѣчкамъ, прячущимся въ зеленыхъ берегахъ, проселочнымъ дорогамъ, вьющимся среди шепчущихъ съ обѣихъ сторонъ хлѣбовъ, къ могучей и плавной красавицѣ Волгѣ съ ея дѣятельною рѣчною жизнью, людными городами и богатыми селами.

Къ этой простой, порою наивной природѣ его влечетъ такъ же, какъ и къ простымъ непосредственнымъ людямъ, живущимъ съ немъ бокъ-о-бокъ, жизнью труда и темныхъ, но глубокихъ вѣрованій. Съ пытливой внимательностью относится Короленко къ разнообразнымъ проходящимъ передъ нимъ типамъ простого народа; мѣткими чертами обрисовываетъ онъ передъ нами и сильные, энергичные типы искателей правды и фанатиковъ своихъ вѣрованій, типы откровенныхъ и скрытныхъ хищниковъ, неутомимыхъ бродягъ и безсознательныхъ преступниковъ. Но съ особеннымъ вниманіемъ, почти любовью, останавливается онъ на одномъ типѣ русскаго простолюдина, — простодушнаго, безхитростнаго, съ чертою какого-то безсознательнаго юмора въ натурѣ, въ которой дурное уживается порою рядомъ съ хорошимъ на общей почвѣ искренности и несознанія. Наиболее яркимъ выразителемъ этого типа является перевозчикъ Тюлинь въ эскизѣ «Рѣка играетъ» — безпечный, добродушный, наивный, почти всегда похмѣльный «мужиченко» Тюлинь. Но и въ немъ авторъ отмѣчаетъ природное знаніе своего дѣла, своего рода талантъ и способность найтись, подтянуться въ минуту опасности, въ обычное время подавленные опущенностью, лѣнью и вѣчнымъ похмѣльемъ. Съ иными вариациями этотъ типъ повторяется и въ другихъ дѣйствующихъ лицахъ очерковъ Короленко: строптивомъ, увлекающемся, но всегда готовомъ на искренній и хорошій поступокъ мастеровомъ Андрѣй Ивановичѣ («За иконою»), невзрачномъ на видъ, Силуянѣ, — неутомимомъ рассказчикѣ съ истинно поэтическимъ темпераментомъ («Въ облачный день»). А за этими образами идутъ другіе, еще болѣе простодушные, дѣтски наивные и непосредственные люди: могучій гигантъ Матвѣй изъ Лозицъ съ неясными думами въ головѣ и сердцемъ чистымъ, какъ у ребенка («Безъ языка»), «медвѣжатникъ», Аксень Ефимовъ, никакъ не могущій примирить въ своемъ наивномъ міровоззрѣніи лѣсную правду съ новыми порядками, вводимыми полякомъ-лѣсничимъ («Въ пустынныхъ мѣстахъ»), ямщикъ Хведько, робко заглядывающій изъ передней въ господскіе покои, но увѣренно разъясняющій всѣ дѣтскія недоумѣнія насчетъ тайны появленія въ мірѣ новой жизни («Ночь»), и многіе другіе. Очевидно, что эта-то непосредственность, безыскусственность и почти дѣтская простота души наряду съ глубокою серьезностью и искренностью хотя бы и

наивныхъ убѣжденій,—все это именно и привлекаетъ въ нихъ чистую натуру художника. Нервному, изломанному самоанализомъ, извѣрившемуся поколѣнію городского общества авторъ противопоставилъ этихъ людей деревни съ ихъ глубокими вѣрованіями и искренними стремленіями, здоровымъ сердцемъ и крѣпкими нервами. Позднѣе мы увидимъ, что и въ этой средѣ, въ болѣе выдающихся людяхъ ея онъ отмѣтилъ разладъ понятій, выработку новыхъ идеаловъ и паденіе старыхъ, но эта глубокая внутренняя работа мысли и совѣсти подъ наплывомъ новыхъ идей въ тѣхъ или иныхъ формахъ идетъ вездѣ, и ея глубокая искренность и въ то же время беспомощность трогаютъ его здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иныхъ случаяхъ, кромѣ развѣ области дѣтской души.

Да! тотъ, кто любитъ простой народъ и природу, не можетъ не любить дѣтей. И Вл. Короленко посвятилъ имъ одни изъ лучшихъ своихъ произведеній. Онъ далекъ отъ того, чтобы внушать намъ слащавое умиленіе передъ дѣтскими простодушіемъ и наивностью или трогать насъ злоключеніями, падающими на головы этихъ нѣжныхъ, беспомощныхъ созданій. Въ своихъ дѣтскихъ типахъ онъ раскрываетъ передъ нами въ глубоко-жизненныхъ образахъ будущихъ взрослыхъ людей въ тотъ благодарный моментъ, когда на почвѣ естественной разницы натуръ и темпераментовъ только что складываются основы будущихъ возрѣній, пробуждаются первые запросы пытливаго ума, первыя сомнѣнія и порывы едва просыпающагося сердца. Вы видите, какъ въ дѣтскихъ бесѣдахъ уже сталкиваются основныя направленія человѣческой мысли: идеализма и скептическаго реализма, какъ отзывчивое сердце маленькаго «пана-судьи», воочию увидѣвшаго всю нищету и страданія «дурнаго общества», подсказываетъ его пытливому уму первыя понятія о социальныхъ противорѣчіяхъ и несправедливости. И вы начинаете понимать болѣе чѣмъ когда-либо, что рядомъ съ вами живетъ особый міръ безкорыстныхъ стремленій, симпатій и антипатій, міръ маленькихъ людей, непрестанно перерабатывающихъ въ своихъ вдумчивыхъ головахъ все окружающее, всѣ наши слова и поступки, полагая ихъ въ основу своей будущей жизни, своего мировоззрѣнія. Это тотъ міръ, мимо котораго мы проходимъ такъ часто со снисходительнымъ пренебреженіемъ, грубо переступая черезъ его интересы и требованія, скрытые отъ нашихъ глазъ, оствѣпленныхъ пошлостью и мелочами будничной жизни, пока не наступаетъ день, когда рядомъ съ собою мы съ удивленіемъ видимъ новое поколѣніе, выросшее бокъ-о-бокъ съ нами и являющееся слишкомъ часто нашимъ судьей и осужденіемъ.

Но оставляя въ сторонѣ всѣ эти соображенія, дѣтскіе образы въ произведеніяхъ Короленко такъ жизненны, такъ привлекательны своей чистотой и искренностью, такъ интересны тонкими штрихами уже намѣчающейся разницы характеровъ, что съ истиннымъ сожалѣніемъ отрываешь отъ нихъ глаза. Согрѣтые любовнымъ отношеніемъ автора, съ какой то материнской нѣжностью притрогивающагося къ ихъ едва распускающемуся сознанію и свѣжимъ чувствамъ, они встаютъ передъ нами каждый со своей индивидуальностью и окружающей

жизненной обстановкой; задумчивый, печальный, рано испытавший душою горечь нищеты и общественного презрѣнія оборванецъ Валець, и сынъ пана-судьи, заброшенный ребенокъ «съ руками и ногами, налитыми ртутью, добрый и отзывчивый мальчикъ, молча таящій въ своемъ сердцѣ чувство оскорбленной сыновней любви, и его маленькая рѣзвая сестрица Соня «круглая какъ пышка и упругая, какъ мячикъ», фантазеръ Вася, по прозвищу головань, и скептикъ Маркъ, иначе говоря, Мордикъ, въ которыхъ не трудно разглядѣть дѣйствующихъ лицъ очерка «Парадоксъ», какъ будто имѣющаго автобиографическій характеръ: двухъ братьевъ: старшаго впечатлительнаго съ богатымъ рано развившимся воображеніемъ, облекающимъ окружающую дѣйствительность въ самыя фантастическія формы, а младшаго, хотя своимъ дѣтскимъ воображеніемъ и поддающагося обаянію иллюзій, но съ болѣе трезвымъ чувствомъ дѣйствительности и рано проявившимися чертами дѣятельной натуры. Но самой трогательной фигурой среди этихъ милыхъ образовъ встаетъ передъ нами дитя подземелья, Маруся, нервное хрупкое больное созданье съ грустными синими глазками и бѣлокурыми волосами, обрамляющими блѣдное личико, жертва «сѣраго камня», медленно, но безопадно высасывавшаго ея жизненныя силы, послѣдній румянецъ, блескъ глазъ и живость движеній. Нельзя не согласиться со словами покойнаго Ю. Николаева, что «образъ этой дѣвочки одинъ изъ трогательнѣйшихъ образовъ, созданныхъ русской художественной литературою; описаніе послѣднихъ дней жизни этого медленно угасающаго ребенка своей простотой и искренностью можетъ исторгнуть слезы даже у самаго закаленного человѣка» (Очерки современной беллетристики. Вл. Короленко, 25 стр.).

Вл. Короленко—правдивый и вдумчивый наблюдатель окружающей жизни. Онъ не только беретъ отъ нея все, что даетъ ему ея самопроизвольное и случайное теченіе, систематически и сознательно обогащаетъ онъ свою память и воображеніе ея характерными чертами, впечатлѣніями и фактами. Этотъ матеріалъ доставляетъ реальную основу его дальнѣйшему творчеству, въ результатъ котораго мы имѣемъ, по собственному его выраженію, «художественныя обобщенія въ реальныхъ условіяхъ».

Разсматривая весь рядъ его произведеній, нельзя не удивиться, по первому впечатлѣнію, разнообразію въ характерѣ этихъ «художественныхъ обобщеній». Здѣсь и картины жизни Сибири, и типы ея вольныхъ и невольныхъ обитателей, и полѣсская легенда, исторія душевнаго развитія «Слѣпого музыканта», очерки кустарнаго села Павлова и впечатлѣнія раскольничьихъ мѣстъ, приключенія русскихъ крестьянъ-эмигрантовъ въ Америкѣ, малорусская сказка о еврейскомъ «Судномъ днѣ» и фантазія «Тѣни». Повидимому, про автора, творчество котораго такъ капризно перепархиваетъ съ одного сюжета на другой, изъ одной среды въ другую, можно сказать, что онъ раз-

брасывается, что самая мысль его—не установившаяся и не уравновѣшенная мысль. А между тѣмъ подобное мнѣніе въ приложеніи къ Вл. Короленко всего менѣе примѣнимо. Стоитъ только избрать центральнымъ пунктомъ для сужденія личность самого автора во всей полнотѣ ея нравственныхъ и общественныхъ интересовъ, и тогда мы легко увидимъ, что всѣ частности видимаго разнообразія и внѣшней пестроты въ произведеніяхъ Вл. Короленко поглощаются единствомъ міровоззрѣнія, лежащаго въ основѣ его дѣятельности. Это разнообразіе заключается не въ существѣ вопросовъ, затрагиваемыхъ художественнымъ синтезомъ автора, а исключительно въ разнохарактерности тѣхъ реальныхъ условий, въ которыя облекаетъ онъ свою мысль. Вскрывая эту оболочку, полную жизни, красокъ и блеску, вы вездѣ встрѣтите одно глубокое идейное содержаніе, отвѣчающее постояннымъ внутреннимъ запросамъ душевной жизни автора. Эти запросы касаются установленія высшихъ основъ міропониманія съ одной стороны, и нормальныхъ, согласныхъ съ идеаломъ справедливости, основъ общественной жизни—съ другой.

И въ томъ, и другомъ отношеніи Вл. Короленко является истиннымъ сыномъ своей эпохи и человѣкомъ своего поколѣнія. Въ глазахъ нѣкоторыхъ критиковъ непосредственная поэзія его изображеній и широта гуманнаго чувства затемнили это обстоятельство и заставляли видѣть противорѣчія тамъ, гдѣ отнюдь ихъ не было. Во Вл. Короленко хотѣли видѣть художника, стоящаго внѣ главныхъ направленій нашей общественной жизни, и своими экскурсіями въ область публицистики и общественной дѣятельности совершающаго грѣхъ по отношенію къ своей чисто-художественной, *объективно-художественной* натурѣ. Но это была глубокая ошибка. В. Короленко вполнѣ субъективный авторъ и какъ человѣкъ въ своей публичной дѣятельности онъ всегда руководился тѣми же самыми глубокими и страстными убѣжденіями, которыя нашли себѣ отраженіе въ его литературномъ творествѣ.

Первоначальное развитіе нравственной и литературной личности Вл. Короленко прошло подъ вліяніемъ стремленій 70-хъ и 80-хъ годовъ. Если первая эпоха была отмѣчена преобладающей характеристикой—жгучею жаждой болѣе справедливыхъ формъ общественной жизни, то вторая выразилась особеннымъ порывомъ къ переработкѣ общаго философскаго міровоззрѣнія, религіозно-нравственныхъ идеаловъ, идеаловъ личности и ея поведенія. Оба эти стремленія съ одинаковой силой отразились на творествѣ Вл. Короленко явились его постоянными вдохновляющими мотивами.

Уже въ первомъ разсказѣ, обратившемъ на Вл. Короленко вниманіе всей читающей Россіи, они нашли яркое и опредѣленное выраженіе. Бѣдный, забытый Макаръ изъ глухой якутской слободки, всю жизнь терпѣвшій холодъ и голодь, страшно работавшій, когда не былъ пьянъ, и готовый напиться въ каждый праздникъ, со своеобразными понятіями о честности и самой странной смѣсью языческихъ и христіанскихъ религіозныхъ представленій въ головѣ, предстаетъ на судъ великому Тойону. И, исчисливъ всѣ его обманы,

пьянство, мелкое воровство, скверныя слова и лѣность, и всё его прочія прегрѣшенія, старый Тойонъ готовится вынести ему суровое рѣшеніе. Но въ глубинѣ души бѣднаго Макара встаетъ глубокая неискоренимая вѣра въ торжество конечной справедливости. Да, онъ бывалъ лѣтяемъ, пьяницей и обманщикомъ, онъ не похожъ на праведниковъ, «глаза которыхъ ясны, и лица свѣтлы, и ризы безъ пятенъ»... «Его глаза мутны, и лицо темно, и одежда изорвана, и сердце поросло бурьяномъ, и терніемъ, и горькою полынью». Но, вѣдь, «и онъ родился, какъ другіе, — съ ясными открытыми очами, въ которыхъ отражались и земля и небо, и съ чистымъ сердцемъ, готовымъ раскрыться на все прекрасное въ мірѣ? И если теперь онъ желаетъ скрыть подъ землю свою мрачную и позорную фигуру, то въ этомъ вина не его»... И онъ раскрываетъ предъ Тойономъ всю свою жизнь, полную труда, лишеній, нужды, помыканья со стороны сильныхъ, прошедшую въ темнотѣ безъ радостей и просвѣта, жизнь, въ теченіе которой «они со старухой стояли одинокіе, какъ, стоятъ въ степи двѣ сиротливыя елки, которыхъ бьютъ отовсюду жестокія метели, и въ концѣ которой имъ грозитъ одна злая безпріютная дряхлость».

Страстной горячей рѣчью, проникнутой глубокой любовью къ несчастному, темному человѣку, отражаетъ авторъ отъ Макара слова осужденія. Онъ говоритъ за того Макара, «который никогда въ жизни не произносилъ болѣе десяти словъ къ ряду», говоритъ во имя высшей справедливости и говоритъ не въ первый и не въ послѣдній разъ.

Проглядите послѣдующія произведенія Вл. Короленко и вы убѣдитесь, что нѣтъ ничего ближе его сердцу, какъ человѣкъ, надъ которымъ совершена или готовится совершиться несправедливость. За Макаромъ встаютъ члены «дурного общества» — группа людей, выбитыхъ тѣми или другими жизненными обстоятельствами изъ колеи нормальной жизни, презираемые и гонимые отовсюду, принужденные томиться въ мрачномъ и сыромъ подземельи уніатской часовни и добывать себѣ средства существованія не всегда дозволенными средствами. И черезъ темныя краски, налагаемыя на этихъ людей ихъ паденіемъ и грошевыми пороками, авторъ указываетъ намъ черты тяжелаго трагизма, глубокаго горя и бѣдствій, — онъ рисуетъ передъ нами бѣдныхъ, уже ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей этого «дурного общества», погибающихъ подъ гнетомъ лишеній и общественнаго презрѣнія. — Далѣе передъ нами фигура Яшки «въ подслѣдственномъ отдѣленіи», испытывающаго всевозможныя мытарства по всѣмъ арестантскимъ этапамъ и тюрьмамъ Сибири, а между тѣмъ его единственная вина заключается въ фанатическомъ обличеніи того строя окружающей жизни, гдѣ онъ видитъ поправіе своеобразно понимаемаго имъ «правъ-закона». Вотъ жидъ Янкель, попадающій искупительной жертвой въ лапы «чертяки». Правда, онъ шинкаръ и процентщикъ, но мельникъ Филиппъ Гладкій только и ждетъ, когда ему можно будетъ заступитъ мѣсто жида и открыть не одинъ шинокъ, а два, брать проценты вдвое и втрое, да еще заирать голову вверхъ и творить надъ слабыми людьми поруганіе. Вотъ передъ нами всё

эти сильные и слабые люди, испытывающіе надъ собою несправедливость общественныхъ отношеній и руку произвола: угрюмый лѣсникъ Романъ и жалкій смотритель Агдаванскаго почтоваго «станка», мудрецъ Сократъ и ямщикъ - убивецъ и убійца этого послѣдняго и многіе, многіе другіе.

Но оставимъ эти образы, наполовину созданные фантазіей художника, и перейдемъ въ область живой дѣйствительности, которой всѣ мы были свидѣтелями, — и что же мы видимъ. Въ 1892 г. мы находимъ Вл. Короленко въ глухомъ углу Лукояновскаго уѣзда среди бѣдствующаго, голодающаго населенія, обвиняемаго съ разныхъ сторонъ въ притворствѣ и туеядствѣ. Каждый вечеръ въ курной избѣ или гостинницѣ уѣзднаго города, или въ помѣщицкѣй экономіи, усталый и порою глубоко потрясенный всѣмъ, что довелось ему видѣть и чувствовать за день, онъ заноситъ въ свою записную книжку факты, картины, мысли и впечатлѣнія. И въ правдивой передачѣ этихъ фактовъ и картинъ образъ лѣнтяя, обманщика, пьяницы и попрошайки, созданный застарѣлымъ предубѣжденіемъ и мелкими уѣздными страстями, смѣняется видомъ больныхъ дѣтей, полуумирающихъ убогихъ старухъ и стариковъ, обезсиленныхъ лишеніями взрослыхъ мужчинъ и женщинъ. Эти замѣтки, печатавшіяся сначала по частямъ на столбцахъ газетъ и журналовъ и изданныя въ послѣдствіи отдѣльною книгою («Въ голодный годъ»), оказали въ свое время услугу не одной только Нижегородской губерніи, которой касались, но и всей провинціальной Россіи, общественныя неурядица которой раскрывались въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда, «какъ солнце въ малой каплѣ водѣ». И на этотъ разъ Вл. Короленко уже не впервые приходилъ на зовъ нищеты, умоляющей о помощи. Зимой 1889 г. его можно было видѣть въ кустарномъ селѣ Павловѣ, бѣднѣйшее населеніе котораго, постигнутое жестокимъ кризисомъ въ сбытѣ своихъ произведеній, изнемогало въ когтяхъ острой нужды. По кривымъ крайнимъ переулкамъ села изъ лачуги въ лачугу переходить онъ со своимъ проводникомъ кустаремъ Аверьяномъ, воочію убѣждаясь въ результатахъ безопасной работы хроническаго голоданія. И онъ поставилъ предъ лицомъ всѣхъ сомнѣвающихся и осуждающихъ мучительныя картины этой «трудовой нищеты, граничащей съ голодною смертію», этихъ исхудалыхъ дѣтей, съ глубоко сознательнымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтится раннее страданіе, больныхъ женщинъ, стариковъ съ впалюю грудью, съ отупѣвшимъ испуганнымъ взглядомъ, котящихся среди какихъ то развалинъ, плачущихъ въ темнотѣ за неимѣніемъ средствъ освѣтить свои жилища. Плодомъ этихъ впечатлѣній были «Павловскіе очерки». (Русская Мысль 1890).

Но вотъ замолкли отголоски голоднаго года. Осенью 1895 г. мы видимъ уже Вл. Короленко въ тѣсной залѣ суда въ Елабугѣ. Онъ терпѣливо записываетъ спутанныя и безсвязныя показанія темныхъ вотяковъ села Мултана, обвиняемыхъ въ страшномъ преступленіи — убійствѣ съ цѣлю принесенія языческимъ богамъ человѣческой жертвы. Присяжные выносятъ обвинительный приговоръ, на который люди,

вторично осужденные въ убійствѣ и культѣ жаждущихъ крови боговъ, могутъ отвѣтить только словами: «Христосъ страдалъ и намъ страдать надо».—Страстное, глубокое убѣжденіе въ совершившейся несправедливости унесено Вл. Короленко изъ залы суда, и это убѣжденіе онъ стремится передать въ печати всему русскому обществу, суду и его дѣателямъ, всѣмъ, кому это нужно знать. Въ глазахъ его не только невинно осуждены семь человѣкъ—чего одного было бы достаточно, чтобы поднять всю его натуру, глубоко отзывчивую на всякую несправедливость, не только совершенъ цѣлый рядъ формальныхъ нарушеній закона, но, что важнѣе всего, «произнесенъ приговоръ надъ цѣлой народностью, состоящей изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ людей, живущихъ въ вятскомъ краѣ, бокъ о бокъ съ русскимъ народомъ тою же трудовой земледѣльческой жизнью». Опять изъ подъ пера его выходитъ рядъ полныхъ искренняго убѣжденія статей (Русс. Вѣд. 1895 г. № 288. Къ отчету о мултанскомъ жертвоприношеніи, «Русское Богатство» 1895 г., 11. «Мултанское жертвоприношеніе» и наконецъ отдѣльно изданный отчетъ о судебномъ разбирательствѣ дѣла). Внимание суда привлечено, дѣло разматривается въ третій разъ. На этотъ разъ Короленко выступаетъ въ качествѣ одного изъ защитниковъ по дѣлу. Онъ слишкомъ вошелъ въ него, сжился съ интересами этихъ безвинно страдающихъ людей, чтобы стоять въ сторонѣ пассивнымъ слушателемъ, зрителемъ. И его горячая, полная глубокой вѣры въ правоту защищаемаго дѣла рѣчь, можетъ быть, довершила страстно ожидаемый всей образованной Россіей оправдательный приговоръ присяжныхъ.

И что же въ этомъ новаго? Развѣ въ своей литературно-художественной дѣятельности В. Короленко не встаетъ передъ нами, какъ тотъ же адвокатъ-защитникъ справедливаго дѣла во всеоружіи своего таланта, представляющаго рѣдкое соединеніе силы и добраго юмора и неотразимаго вліянія убѣжденной натуры? Развѣ онъ не защищалъ Макара передъ Тойономъ, жидка предъ «чертякой», дурное общество предъ хорошимъ, Яшку «убивца» и его убійцу «Ивана 38 лѣтъ», какъ защищалъ онъ лукояновскихъ крестьянъ предъ администраціей и судомъ общественнаго мнѣнія, мултанскихъ вотяковъ отъ ужаснаго подозрѣнія, нависшаго надъ ними въ глазахъ всей Россіи? Какъ Яшка, герой его разсказа «Въ послѣдственномъ отдѣленіи», Короленко наноситъ непрерывные и сильные удары въ самую глубину открытой передъ нимъ общественной совѣсти. Онъ стоитъ за «душу живу», за живую человѣческую личность, пригнетаемую и попираемую въ нашемъ обществѣ, за господство закона, ограждающаго естественныя права этой личности и свободное ея развитіе. Потому что, какъ говоритъ онъ въ «Павловскихъ очеркахъ», «Все же есть вѣчные законы, и только то истинно, что согласно съ ними» (XI, 149).

Эти вѣчные законы нравственнаго міра должны имѣть вѣчное основаніе. Такое основаніе въ теченіе многихъ вѣковъ давала человечеству религія. Измѣнялись во времени формы религіозной мысли, дробились между главными мировыми расами вѣрованія и обряды служенія божественнымъ силамъ, одни символы, выражавшіе рели-

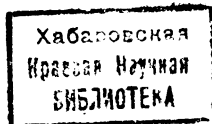
гіозную идею, смѣнялись другими. Упорные лихорадочные поиски путей къ обновленному и цѣлостному міропониманію, установленіе твердыхъ идеаловъ жизни—вотъ что характеризовало въ нашемъ обществѣ эпоху восьмидесятыхъ годовъ, къ чувствамъ и потребностямъ которой Вл. Короленко примкнулъ цѣлымъ рядомъ произведеній, сгруппированныхъ главнымъ образомъ во второй книгѣ его очерковъ и рассказовъ. Сюда относятся очерки: «На затменіи», «За Иконой», «Ночью», «Тѣни», а также не вошедшіе въ сборники психологическіе этюды «Слѣпой музыкантъ», «Съ двухъ сторонъ», «Сказаніе о Флорѣ Римлянинѣ и Агриппѣ Царѣ», очеркъ «Въ пустынныхъ мѣстахъ» и другія мелкія произведенія.

Встрѣчая разладъ и господство сомнѣній, борьбу самыхъ противоположныхъ теченій мысли въ умахъ окружающаго образованнаго общества, Вл. Короленко невольно былъ приведенъ туда, гдѣ таятся еще источники самой живой и глубокой вѣры, гдѣ умѣютъ не только наивно вѣрить и простодушно молиться, но и отдавать за эту вѣру самое драгоценное въ жизни, т. е. въ среду простого народа. Внимательно присматривался онъ къ его жизни, основамъ его міропониманія, духовнымъ запросамъ, внутренней работѣ мысли, отживающимъ вѣрованіямъ. Онъ вездѣ, гдѣ встревожена народная мысль, религиозное чувство народа. Два года подрядъ онъ ходилъ на озеро «Свѣтлояръ» (Макарьевского уѣзда Нижегородской губ.), гдѣ у невидимаго града Китежа, подъ развѣсистыми деревьями у импровизированныхъ алтарей кипятъ страстные религиозные споры многочисленныхъ раскольничьихъ толковъ между собою и съ православными». «Два года подрядъ, говоритъ онъ о себѣ, вечерняя заря угасала, когда я стоялъ на холмѣ близъ часовни, въ тѣсно сжатой толпѣ, въ срединѣ которой кипѣли пренія. Утренняя заря заставляла всѣхъ,—и меня въ томъ числѣ,—на томъ мѣстѣ...» Въ простой рыбацкой лодкѣ онъ спустился внизъ по теченію заросшей глухими лѣсами пустынной и мрачной рѣки Керженца, этого Гангеса, этой священной рѣки древняго раскола, надѣясь тамъ среди населенія, проникнутаго духомъ «древняго благочестія» найти остатки того горячаго убѣжденія, которое нѣкогда одушевляло массы и создавало несокрушимыхъ вождей. Съ толпой богомольцевъ пѣшкомъ онъ прошелъ не близкій путь, слѣдуя за иконой Оранской Божіей Матери, схватывая мимоходомъ разнообразныя черты народныхъ вѣрованій. Стоя въ толпѣ, наблюдалъ онъ солнечное затменіе, съ такимъ же вниманіемъ слѣдя за картинами измѣняющейся природы, какъ и за всѣми перемѣнами въ настроеніи и чувствахъ народа. Эти скитанія, это сближеніе съ народомъ доставили ему богатый запасъ наблюденій. Онъ отмѣчалъ ихъ съ точностью правдиваго изслѣдователя, какъ художникъ, воспроизводя ихъ въ рядѣ живыхъ и яркихъ образовъ. Даже въ своихъ путешествіяхъ за границею онъ съ особеннымъ интересомъ приглядывается къ такимъ своеобразнымъ явленіямъ, какъ шумливая, театральная проповѣдь «Арміи спасенія», «борющейся съ дьяволомъ» среди условій жизни, имѣющихъ такъ мало общаго съ нашими (Рус. Вѣд. 1895 г. № 145) или къ трогательной, печальной

фигурѣ старика-еврея, упорно старающагося сохранить свою старую вѣру, вѣру отцовъ и дѣдовъ со всѣми дорогими его сердцу обрядами на далекой чужбинѣ—въ Америкѣ, той Америкѣ, которая на почвѣ своихъ свободныхъ порядковъ, какъ въ громадной лабораторіи перерабатываетъ не только вѣру человѣка, но и всего его, во всей полнотѣ его религіозныхъ, общественныхъ и нравственныхъ понятій.

И развѣ не тотъ же все глубокій интересъ къ религіозно-нравственнымъ основамъ народной жизни и вліянію на нее отживающихъ и современныхъ вѣрованій приковать его вниманіе къ процессу мултанскихъ вотяковъ? Въ той страстности, съ которою отнесся онъ къ этому дѣлу не малую долю значенія играло стремленіе воздать должное вліянію христіанской культуры на вотскую народность, культуры чувствъ, нравовъ и понятій, которая, по его убѣжденію, не могла допустить, чтобы «въ Европейской Россіи среди чисто земледѣльческаго вотскаго населенія, живущаго бокъ о бокъ съ русскимъ, одною и тою же жизнью, въ одинаковыхъ избахъ, на одинаковыхъ началахъ владѣющаго землею и исповѣдующаго ту же христіанскую религію, существуетъ до настоящаго времени живой вполнѣ сохранившійся дѣйствующій культъ каннибальскихъ жертвоприношеній». И онъ ѣдетъ на самое мѣсто предполагаемаго преступленія, собираетъ тамъ свѣдѣнія о современномъ состояніи отживающихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, изучаетъ всѣ частности литературы по данному вопросу, пока не доводитъ своего убѣжденія до возможной ясности и убѣдительности.

Таковы чувства, стремленія и интересы, преобладающіе въ дѣятельности Вл. Короленко, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Вокругъ этихъ первоначальныхъ чувствованій группируется серія подчиненныхъ, опредѣляя собою всѣ детали и оттѣнки творческой работы. Какое же выраженіе находятъ эти преобладающія въ душѣ автора стремленія и чувства, какіе приемы употребляетъ онъ, чтобы сообщить движенія своей души окружающей средѣ? Самый характеръ этихъ стремленій: активныхъ и жизненныхъ, высокая важность ихъ значенія — все это въ связи съ убѣжденностію дѣятельной натуры Вл. Короленко, приводитъ къ тому что онъ никогда не стѣсняетъ себя какими либо рамками этого выраженія. Его мысль находитъ себѣ исходъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: поэтическая сказка, законченный разсказъ или психологическій этюдъ смѣняются извлеченіемъ изъ путевой книжки, обстоятельнымъ изложеніемъ впечатлѣнія туриста, почти стенографическимъ отчетомъ важнаго процесса, наконецъ просто корреспонденціей. Вл. Короленко слишкомъ живой и дѣятельный человѣкъ, чтобы, несмотря на свой первоклассный талантъ, замкнуться въ рамкахъ писателя-художника. Вѣрность тона и чуткость ко всякому диссонансу между формою и сюжетомъ не позволяютъ ему облекать свои произведенія въ однообразную форму какого либо одного литературнаго рода выраженія. Вл. Короленко не способенъ былъ бы насильственно втискивать изображеніе общинно бытовой жизни русскаго крестьянина въ размѣры эпического гекзаметра, какъ это дѣлалъ, напр., Н. Златовратскій въ «Устояхъ».

Вотъ почему на ряду съ такими законченными и стройными произведениями, полными поэтическихъ образовъ и художественнаго одушевления, какъ напр. «Лѣсъ шумить», «Соколинецъ», «Слѣпой музыкантъ», мы встрѣчаемъ очерки, написанные перомъ спокойнаго изслѣдователя и наблюдателя народной жизни, мало того рядъ статей чисто публицистическаго характера. Но и въ этихъ послѣднихъ истинный художникъ даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу изяществомъ рѣчи, точностью въ передачѣ мысли и впечатлѣній, печатью обычнаго добродушнаго юмора. И тѣмъ, которые выражаютъ сожалѣніе объ этихъ отступленіяхъ Вл. Короленко въ область публицистики и общественной дѣятельности, не мѣшаетъ подумать, въ такой ли мѣрѣ это является потерей въ смыслѣ широко понимаемаго общественнаго интереса. Теряя въ художникѣ, не приобретаемъ ли мы такъ много въ человѣкѣ, дѣятельность и перо котораго даютъ свѣтъ общественному самосознанію, что здѣсь не должно быть мѣста сожалѣнію. Пора отрѣшиться намъ отъ того неумѣреннаго преклоненія передъ чисто литературной силой, которая характеризировала младенчество нашей общественной жизни, и понять, что гордостью страны можетъ быть не только великій художникъ, но и глубоко убѣжденный, независимый и безупречный дѣятель во имя справедливости и высшихъ идеаловъ жизни.

М. А. Плотниковъ.

Очеркъ соціального развитія Англіи до XVIII вѣка.

II *).

Если до 18 в. Англія была страной земледѣльческой, то это еще не значитъ, что въ ней не было никакой обрабатывающей промышленности, не было торговли, не было городовъ. Нѣтъ, все это было съ незапамятныхъ временъ, но было исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Существованіе нѣкоторыхъ городовъ, какъ напр. Лондона, Йорка и другихъ, сводится еще къ римской эпохѣ. Два, три города, пожалуй, съ тѣхъ временъ и несутъ свою свободу.

Само собой, разумѣется, это еще не можетъ служить объясненіемъ происхожденія городовъ вообще, такъ какъ всѣ они, за немногими исключеніями, происхожденія не римскаго, а англо-саксонскаго и, преимущественно, норманнскаго. Ко времени норманнскаго завоеванія, т. е. около 1066 г., въ Англіи было уже около 80 городовъ съ 150 тысячами жителей, что составляло почти 10% всего населенія.

Не нужно только представлять себѣ тогдашніе города такими, каковы они теперь. Въ то время они мало чѣмъ отличались отъ деревни. Существенными отличительными признаками города были: большая населенность, укрѣпленность его валомъ или рвомъ и незначительное преобладаніе ремесла надъ земледѣліемъ въ занятіяхъ жителей.

Какъ же возникли города?

Возникли они не сразу, не по пущему велѣнію, а постепенно—вслѣдствіе усиливающагося раздѣленія труда, вслѣдствіе экономическаго прогресса. Когда-то у феодаловъ въ ихъ имѣніяхъ крѣпостные не только пахали земли, но еще изготовляли все, что только нужно было для хозяйства: они шили платье, сапоги, дѣлали мебель, повозки, изготовляли сельско-хозяйственныя орудія производства и т. д. Уже на барскомъ дворѣ мы застаемъ незначительное раздѣленіе труда: тамъ были особые столяры, кузнецы, портные, плотники и проч...

Эти крѣпостные ремесленники удовлетворяли прежде всего нужды

*) См. «Образованіе» № 7—8.

помѣщика, а потомъ, съ разрѣшенія послѣдняго, работали на сторону. Сперва на сторону они работали только по заказу и изъ даннаго имъ матеріала. Впослѣдствіи же, когда развилась большая потребность, когда съ увеличеніемъ спроса явилась увѣренность сбыта, они уже безъ заказа стали работать для рынка и свои произведенія, какъ товаръ, выносили на продажу.

Гдѣ же найти покупателей, куда нести свой товаръ?

Конечно, туда, гдѣ больше всего тѣснѣ всякаго народа, гдѣ наибольшая скученность населенія. И вотъ перекрестки большихъ городовъ, резиденціи королей, князей, епископовъ обратились въ рынки, куда ремесленники и понесли свои товары. Эти бойкія мѣста, куда стало стекаться много народу, обносились стѣной или валомъ, и—получался эмбрионъ города.

Городъ былъ сперва въ такой же зависимости отъ сеньора, на землѣ котораго онъ находился, какъ и любая сельская община. Но городъ бралъ сеньеръ подъ свое особое покровительство, охранялъ его безопасность, и за это бралъ рыночную пошлину съ каждаго товара. Очевидно, эта пошлина давала владѣльцамъ городовъ большіе доходы, такъ какъ они часто вздорили между собой изъ-за права открывать рынки.

Между тѣмъ, въ деревнѣ прогрессировало раздѣленіе труда. Уже въ 13 в., когда начинался переходъ отъ натурального къ денежному хозяйству, было значительное число лицъ, занимавшихся исключительно ремеслами. Интересы этой новой общественной группы, были тѣсно связаны съ интересами города: тутъ она находила сбытъ своимъ товарамъ. Поэтому, въ города стали перебираться и дворовые ремесленники и крестьяне, силой обстоятельствъ оторванные отъ земледѣлія. Города росли, оживали и богатѣли. Обогащенію ихъ содѣйствовала и внѣшняя торговля, которую англичане еще въ X и XI вв. вели съ датчанами, ирландцами и др.

Сперва населеніе города представляло однородную массу, занимающуюся частью земледѣліемъ, частью ремеслами, находящуюся въ одинаковой зависимости отъ владѣльца города. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ городской жизни, населеніе стало дифференцироваться. Первой общественной группой, отслоившейся отъ общей массы городского населенія, были купеческія гильдіи.

Онѣ стали возникать тѣскорѣ послѣ норманнскаго завоеванія. Причины ихъ возникновенія Эшли объясняетъ такъ: Купеческая гильдія или ганза была товариществомъ, которое первоначально добивалось пріобрѣтенія и сохраненія права на торговлю. Благодаря такой привилегіи за членомъ гильдіи каждаго города было признано, въ противоположность къ остальнымъ жителямъ, обладаніе монополіей на торговлю.

Возникновеніе подобныхъ гильдій станетъ вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что и въ XI в. въ городахъ уже было небольшое торговое сословіе и что въ то небезопасное время, когда бароны не стѣснялись грабить купеческіе транспорты среди бѣлаго дня, кушамъ необходимо было соединяться въ товарищества и сообща.

отправлять свои товары на иностранные рынки. Тѣмъ болѣе естественнымъ было возникновеніе этихъ торговыхъ товариществъ, что внѣшняя торговля тогда не носила современного характера. Она не велась между цѣлыми націями, а только между отдѣльными городами различныхъ государствъ. Она не была, говорить Эшли, «интернаціональной», а лишь «интеркоммунальной». Значить, вполнѣ естественно, что купцы одного города, объединенные общими интересами въ торговлѣ, стали соединяться въ гильдіи.

Первая купеческая гильдія относится къ 1093 г., а въ половинѣ 12 в. онѣ были уже во всѣхъ значительныхъ городахъ Англіи. Сперва онѣ имѣли двойкій характеръ: профессиональный и благотворительный. Членами были не только купцы, но и крупные землевладѣльцы, и, вообще, всѣ, кому нужно было продавать или покупать *en gros*. Съ теченіемъ времени гильдіи приобрѣли себѣ права на монополію, разбогатѣли и стали огромной экономической силой въ городской жизни. Какъ во всякой организованной профессиональной группѣ, такъ и въ нихъ существовали свои особые правила, особый кодексъ законовъ, за нарушение которыхъ отдѣльные члены подвергаются наказанію. Такимъ образомъ, въ купеч. гильдіяхъ развилась *собственная* юрисдикція и *собственная* администрація, что придадо имъ еще больше силы и вѣсу въ городской жизни.

Когда при Генрихѣ I города стали получать вольныя грамоты, въ нихъ прежде всего утверждались привилегіи, какъ экономическія, такъ и административно-правовыя, купеческихъ гильдій. Значить, хозяевами городовъ были тогда купеческія гильдіи и, само собой, землевладѣльческая знать, такъ какъ города стояли на ея земляхъ. Это первое отслоеніе городского населенія составляло центръ тяжести городовъ: въ его рукахъ была экономическая, а, благодаря этому, и политическая сила. Купеческія гильдіи отождествились съ городскимъ управленіемъ.

Но, увы, такое привилегированное положеніе первой городской знати продолжалось недолго. Сейчасъ мы увидимъ, какъ изъ нѣдръ городской массы выдѣлился новый слой, который сперва былъ еле замѣтенъ, но постепенно приобрѣталъ все большую и экономическую силу и большее вліяніе на городскую жизнь, пока, наконецъ, не вступилъ въ борьбу съ городской аристократіей и не достигнуть такихъ же правъ, какъ и послѣдняя.

Этотъ новый городской классъ составляли ремесленные цехи.

Исторія происхожденія цеховъ еще въ довольно густомъ туманѣ. И неудивительно: зародыши ихъ относятся къ очень раннему времени. Большинство историковъ замѣчаетъ въ эмбриональной стадіи развитія цеховъ сильный религіозный характеръ и потому склонно въ религіозныхъ мотивахъ видѣть и причину появленія цеховъ. Но едва ли это вѣрно. Если мотивомъ образованія первыхъ обществъ были религіозно-правственные интересы, то какъ объяснить тогда группировку этихъ обществъ по характеру ихъ промышленной и торговой дѣятельности. Для того, чтобы поставить свѣчу передъ иконой, чтобы отслужить панихиду, чтобы заказывать обѣды на

вѣчное поминовеніе, чтобы платить священнику за его церковную службу, чтобы въ память усопшихъ раздавать милостыню, — для всѣхъ этихъ цѣлей не нужна была организація, состоящая изъ лицъ одной профессіи. Для этой цѣли, какъ и дѣлаютъ въ настоящее время, соединяются въ одно общество лица различныхъ профессій и различныхъ общественныхъ положеній.

Цехи же, еще на первыхъ стадіяхъ своего развитія, группировались по характеру ихъ промышленной дѣятельности. Что же можетъ соединять людей одного ремесла въ общую организацію, какъ не ихъ общіе интересы, касающіеся самого ремесла? Мнѣ кажется, что исходя изъ общихъ разсужденій, можно признать и первоначальныя ремесленныя товарищества чисто экономическими организаціями. Правда, религіознаго элемента въ нихъ очень много, но онъ былъ формой, оболочкой, церемоніей, подобной тѣмъ, которыя отбываются и въ настоящее время во всѣхъ официальныхъ обществахъ и организаціяхъ. Разница между прошлымъ и настоящимъ только та, что въ то время, когда господствовало религіозное настроеніе, элементъ этотъ игралъ большую роль.

Въ 13 в. мы уже видимъ цехи почти во всѣхъ городахъ Англіи. Въ Лондонѣ къ концу царствованія Эдуарда III (1337 г.) ихъ было 48, а къ концу 14-го вѣка уже 60. Подобный же ростъ замѣчается и въ другихъ городахъ.

Такое быстрое распространеніе цеховъ объясняется дифференціаціей деревни.

Въ деревнѣ въ 14 в. барщина смѣнилась оброкомъ, началось товарное хозяйство, и образовался значительный классъ крестьянъ, которымъ уже не хватало земли для прокормленія себя и семьи. Волей-неволей этимъ послѣднимъ пришлось заниматься побочными и кустарными промыслами. А съ дальнѣйшей дифференціаціей образовался классъ людей, занимающихся преимущественно ремеслами и выносящихъ продукты своего труда на рынокъ. Это была первая стадія раздѣленія труда, выдвинувшая новую категорію труда — ремесленный трудъ и, слѣдовательно, новую категорію произведеній — ремесленниковъ, работающихъ для продажи, а не для собственнаго потребленія. Притокъ этихъ новыхъ дифференцированныхъ производителей и далъ толчекъ быстрому росту цеховъ или гильдій. Появленіе этихъ гильдій знаменуетъ вторую стадію развитія въ исторіи ремесла: переходъ отъ семейнаго производства къ промышленному.

Благодаря сильному притоку въ города малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ, ремесленниковъ, бѣжавшихъ крѣпостныхъ, населеніе городское быстро увеличивалось. Вначалѣ новые пришельцы находили въ городѣ радушный пріемъ, такъ какъ нужны были рабочія силы. Имъ давались даже различныя льготы. Напримѣръ, крѣпостной, которому удавалось въ продолженіе 1 года прожить въ городѣ, становился свободнымъ, и сеньеръ уже не могъ его вытребовать обратно. Такъ какъ цехи тоже принимали охотно въ свою среду новопришельцевъ, то ихъ значеніе и сила стали быстро усиливаться. Спустя нѣкоторое время, они уже начали получать королевскія грамоты,

дававшія имъ собственныя суды и собственную администрацію. Короли, конечно, не изъ гуманности и не по какимъ либо принципиальнымъ соображеніямъ давали цехамъ самоуправленіе, а единственно потому, что цехи въ городахъ приобрѣли уже большую экономическую силу и сдѣлались обильнымъ источникомъ королевскихъ доходовъ. Кромѣ того, цеховая организація въ рукахъ правительства была единственнымъ орудіемъ, съ помощью котораго оно могло регулировать цѣны товаровъ, охранять интересы покупателей, слѣдить за доброкачественностью товаровъ и, главное, обезпечить себѣ правильное поступленіе промышленныхъ налоговъ. Тогда еще не было такой развѣтвленной, всесильной и вседѣющей бюрократіи, какъ теперь; а безъ нея центральной власти невозможно было услѣдить, чтобы никто не остался свободнымъ отъ государственныхъ податныхъ тяготъ, чтобы никто не ускользнулъ отъ своихъ всеподданническихъ обязанностей—обогащать королевскую казну. Волей неволей пришлось прибѣгнуть къ мѣстному самоуправленію, вообще, и въ частности—къ утвержденію и расширенію юридическихъ и административныхъ правъ цеховъ.

Въ 14 в. цехи достигли апогея своей силы. Послѣ продолжительной борьбы съ городской аристократіей, имъ удалось, наконецъ, свергнуть господство знати—перваго городского сословія. Купеческія гильдіи лишены были права монополій и исключительнаго права участія въ городскомъ самоуправленіи. Роль ихъ, какъ привилегированныхъ корпорацій, сыграна. Съ потерей же привилегій прекратилось и *raison d'être* ихъ существованія.

Итакъ старая олигархія сброшена съ пьедестала, и на ея мѣсто вступаетъ новая сила—цехи. Теперь городское самоуправленіе отождествляется съ представителями не купеческихъ, а ремесленныхъ гильдій.

Эта власть цехамъ, какъ и прежде купеческимъ гильдіямъ, была не дарована благодушными королями, а отвоевана силой. Какъ прежняя городская аристократія добила свободу, благодаря конфликту между королемъ и феодалами, такъ теперь того же достигли цехи, благодаря столкновенію интересовъ короля съ городской аристократіей. И въ томъ, и другомъ случаѣ король стоялъ на сторонѣ новой силы, такъ какъ въ ней находилъ опору въ борьбѣ сперва съ оппозиционнымъ дворянствомъ, а потомъ съ городской аристократіей.

Монополіи купеческихъ гильдій при Генрихѣ III, когда завязались сношенія съ Италіей и Франціей, стали уже не расширять торговлю, какъ прежде при слабо развитыхъ торговыхъ сношеніяхъ, а тормозить ее. Онѣ стали препятствіемъ къ расширенію торговли и этимъ вредили всѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ, слѣдовательно, и королю. Поэтому-то и завязалась борьба между купеческими гильдіями, представителями городской власти, съ одной стороны, и феодалами съ королемъ во главѣ, съ другой. На сторону короля стали и цехи, такъ какъ они были враждебно настроены противъ городской аристократіи за ея привилегіи. Результатомъ этой борьбы и было уничтоженіе монополій купеческихъ гильдій и выступленіе на авансцену городской жизни другого общественнаго класса—цеховъ.

Послѣ этой успѣшной борьбы цехи получили королевскія грамоты, давшія имъ право самоуправленія и право монополій. Съ этихъ поръ они, вмѣстѣ съ прежней аристократіей, стояли во главѣ городского управления.

Итакъ, въ городѣ мы видимъ уже два класса, выдѣлившіеся изъ массы населенія: прежнюю аристократію и цеховиковъ.

Теперь посмотримъ, какъ эти самые цехи выдѣлились изъ себя новый классъ, классъ наемныхъ рабочихъ, который и составилъ 3-й слой городского населенія. Случилось это такъ.

До половины 14 в. въ городскія общины принимались всѣ пришельцы съ удовольствіемъ. Но съ этого времени, вслѣдствіе слишкомъ сильнаго притока населенія въ города, вслѣдствіе усиливающейся конкуренціи между мастерами одного цеха и отдѣльныхъ цеховъ между собой, начинаютъ уже затруднять пріемъ въ цехи и городскія общины. Вслѣдствіе этого же усиленія конкуренціи, начинается и внутреннее разложеніе цеховъ на два враждебныхъ класса: хозяевъ—мастеровъ и наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ и учениковъ.

Цехъ всякаго ремесла состоялъ изъ мастеровъ, работающихъ у себя на дому въ кругу собственной семьи. Сперва они только сами, съ членами своихъ семействъ, работали. Но когда спросъ на товары увеличился, когда, подъ влияніемъ разложенія деревни и роста городовъ, расширился рынокъ, явилась потребность расширить и производство. Вотъ мастера и стали нанимать себѣ еще помощниковъ или «подмастерьевъ». Впослѣдствіи къ подмастерьямъ еще присоединились «ученики». Первое время положеніе подмастерьевъ было вполнѣ удовлетворительное. Они были скорѣе членами семьи мастера, чѣмъ его рабочими: жили въ домѣ мастера, обѣдали вмѣстѣ съ его семьей, работали столько же, сколько и самъ хозяинъ, ночная работа была запрещена, и даже существовалъ максимальный рабочій день—8-часовой.

Что касается заработной платы, то можно сказать, что она тоже была довольно высока, особенно, если сравнить съ позднѣйшимъ временемъ. Напримѣръ, въ 15 в. ремесленникъ ежедневно получалъ 6 d. (24 к.), или 2 р. 88 к. при теперешней стоимости денегъ. Въ Лондонѣ рабочіе получали еще на 25% больше. Настолько же выше стояла заработная плата въ наиболѣе сложныхъ и трудныхъ отрасляхъ труда. Средняя же цѣна продуктовъ въ 15 в. была еще ниже, чѣмъ въ 14 в.

Не даромъ 15-й вѣкъ считается *золотымъ* вѣкомъ для англійскаго рабочаго. Вотъ собственныя слова Роджерса: Я уже нѣсколько разъ указывалъ на то, что 15 ст. и первая четверть 16 ст. представляютъ золотой вѣкъ для англійскаго рабочаго, если сравнить получаемую имъ плату съ цѣнами на жизненные припасы.

Да и мастеру еще не было надобности очень сильно эксплуатировать своихъ помощниковъ, такъ какъ работалъ онъ еще въ значительной степени на заказъ и изъ даннаго ему матеріала. Подмастерье съ теченіемъ времени самъ становился мастеромъ: для этого еще не нужно было имѣть большого капитала.

Итакъ до 15-го в. въ груди цеховъ, хотя и жили двѣ души, но жили еще мирно. Антагонизмъ ихъ еще не созрѣлъ.

Только съ ростомъ экономической жизни страны, съ расширеніемъ рынка для сбыта товаровъ и съ расширеніемъ производства мастеровъ, когда они стали работать на широкій, имъ неизвѣстный рынокъ,—положеніе помощниковъ мастера стало ухудшаться. Мастеръ уже сталъ выжимать изъ нихъ возможно больше труда, т. е. удлинять рабочій день, сокращать заработную плату и т. д... Барышъ, новый стимулъ производства у мастера, разрушилъ первоначальную идиллію взаимныхъ отношеній между мастеромъ и подмастерьями.

А начавшіяся въ это время огораживанія въ деревняхъ погнали крестьянъ въ города; населеніе городовъ быстро росло, а съ ростомъ населенія росла и конкуренція; мастера стремились къ ограниченію числа членовъ въ цехахъ; въ производствѣ уже началъ играть значительную роль капиталъ, такъ что подмастерью пришлось распрощаться съ мыслью когда нибудь самому сдѣлаться мастеромъ. Продукты, между тѣмъ, благодаря открытію мексиканскихъ рудниковъ и порчѣ монеты (въ 1543 г.) поднялись въ цѣнѣ въ 2 и 3 раза, напримѣръ: мясо—въ 3 раза, хлѣбъ въ 2½, раза, молочные продукты—въ 2½, раза и т. д. Заработная же плата повысилась всего лишь въ 1½, раза. Все это, конечно, страшно ухудшило экономическое положеніе рабочихъ и возбуждало въ нихъ сильную вражду къ хозяевамъ. Гармонія внутри цеха разстраивается. Подмастерья порываютъ свои патріархальныя отношенія съ мастерами, устраиваютъ среди цеховъ собственные организаціи, такъ называемыя «братства», для борьбы съ хозяевами. Цехи раскалываются на два враждебные лагеря: хозяевъ-мастеровъ и рабочихъ-подмастерьевъ. Противъ организованной силы первыхъ вторые стараются тоже выступить организованными.

Начатки организаціи подмастерьевъ тоже относятся къ очень древнему времени, почему точно установить исторію ихъ первоначальнаго періода развитія еще не удалось. Здѣсь та же исторія, что и при объясненіи происхожденія цеховъ: большинство историковъ готово и появленіе «братства» приписывать религіознымъ мотивамъ. Но здѣсь такая догадка положительно излишня. Религіозный характеръ старинныхъ организаціи подмастерьевъ объясняется очень легко.

Подмастерьямъ нельзя было открыто организоваться для борьбы съ мастерами, такъ какъ ихъ преслѣдовали за это и мастера, и городское управленіе, и правительство. Они и прибѣгли къ очень удобному способу отвести глаза властямъ и хозяевамъ—стали соединяться въ *религіозныя братства*. Но подъ флагомъ религіозныхъ задачъ они преслѣдовали свои экономическіе интересы. Даже Эшли, объясняющій происхожденіе братствъ религіозными мотивами, говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Путемъ образованія такихъ (религіозныхъ) братствъ—это пожалуй смутно сознавали подмастерья—имъ представились случаи къ совмѣстному обсужденію, къ проявленію господствующаго между ними единенія и такимъ образомъ возможность вліять на мастеровъ своего цеха. Съ другой стороны подѣ

прикрытіемъ религіозныхъ цѣлей они могли избѣжать преслѣдованія властей». Кажется, яснѣе нельзя сказать, что религіозныя цѣли были лишь средствомъ скрыть сущность организацій отъ городскихъ властей. Эти братства рабочихъ, очевидно, имѣли значительное вліяніе и сильно беспокоили администрацію, такъ какъ послѣдняя начинаетъ ихъ страшно преслѣдовать: запрещаетъ подмастерьямъ собираться вмѣстѣ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, жить въ однѣхъ квартирахъ и даже выходить изъ дому позже опредѣленнаго времени; закрываетъ кабаки, гдѣ собираются рабочіе. Новые союзы подмастерьевъ были, значитъ, почти то же, что современные ремесленныя организаціи рабочихъ. И тѣ и другія состояли изъ наемныхъ рабочихъ, задача тѣхъ и другихъ одна—борьба съ хозяевами-предпринимателями, Брентано считаетъ даже эти средневѣковыя братства родоначальниками современныхъ англійскихъ «трэдъ-юніоновъ».

Итакъ къ 16-му в. населеніе городовъ расчленилось уже на три группы: городскую аристократію, средней промышленный и торговый классъ и пролетаріатъ, наемныхъ рабочихъ.

Вернемся опять къ нашимъ цехамъ. Мы оставили ихъ какъ разъ въ то время, когда они достигли полнаго расцвѣта и наибольшаго могущества. Весной ихъ жизни былъ 14-й вѣкъ. Въ это время они были полными хозяевами городовъ. Цеховая организація распространилась даже на низшія отрасли труда, какъ напримѣръ, носильщиковъ и водозововъ. Но и могущество цеховъ было скоропреходяще, впрочемъ, какъ и все на свѣтѣ. И, что любопытно въ всего, причина, погубившая цехи, та же, что и вызвала ихъ къ жизни, именно — ростъ производительныхъ силъ страны въ связи съ ростомъ рынка.

Господа социальна-экономическіе метафизики, навѣрно, придутъ въ недоумѣніе и сочтутъ это за противорѣчіе. На самомъ дѣлѣ, это только кажущееся противорѣчіе. Въ этомъ «противорѣчій» заключается основной законъ социальнаго развитія: (слѣдующая ступень развитія производительныхъ силъ разрушаетъ то, что она создала на предыдущей) производительныя силы на высшей ступени своего развитія разрушаютъ тѣ общественныя формы производства, которыя онѣ создали на предыдущихъ ступеняхъ, и создаютъ новыя. Для того, кто не проникся этой мыслью, вся исторія легко можетъ показаться сплошнымъ противорѣчіемъ, нелѣпнѣйшей фантазмагоріей.

Итакъ, мы сказали, что ростъ промышленности разрушилъ цеховую организацію производства. Въ самомъ дѣлѣ для доказательства бросимъ бѣглый взглядъ на исторію цеховъ въ 15 и 16 вв.

Еще въ періодъ расцвѣта цеховъ, ростъ ихъ не во всѣхъ отрасляхъ промышленности былъ одинаковъ: одни скорѣе пошли въ гору, скорѣе разбогатѣли и потому раньше пріобрѣли большой вѣсъ въ городскомъ самоуправленіи, другіе же развивались медленнѣе и потому отстали и въ своихъ политическихъ правахъ. Такъ, бургомистръ Лондона избирался только изъ среды 12 важнѣйшихъ цеховъ. Начался антагонизмъ между отдѣльными цехами. Вслѣдствіе обостряющейся конкуренціи одни становились еще богаче и сильнѣе, другіе

же, наоборотъ, теряли и то, что прежде имѣли. Въ данномъ случаѣ, какъ и всюду, «большія неравенства въ имуществахъ рождаютъ и большія неравенства въ силѣ». Образовалась своя цеховая аристократія, которая употребила все свое политическое вліяніе, на то, чтобы оградить себя отъ вторженія въ ихъ среду новыхъ элементовъ, чтобы затормозить усиливающуюся конкуренцію.

Причины обостряющейся конкуренціи въ городѣ уже указаны нами раньше, это — разложеніе сельскаго населенія на имущихъ и неимущихъ и бѣгство послѣднихъ въ города.

Волны обездоленныхъ крестьянъ, хлынувшія въ города, заставили цехи отказаться отъ своего прежняго гостепріимства и даже прибѣгнуть къ мѣрамъ противодѣйствія этому наплыву голодныхъ ртовъ и праздныхъ рукъ. Представители городовъ и крупные землевладѣльцы единодушно проводятъ вопіющіе законы, чтобы только задержать крестьянъ въ деревнѣ и закрыть имъ доступъ въ города. Все законодательство 15 и 16 в. является точнымъ отраженіемъ тогдашнихъ экономическихъ условій. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ классовыхъ интересовъ тѣхъ слоевъ общества, которые создавали законы. Впрочемъ, судите сами; вотъ существенные пункты тогдашняго законодательства:

Прежде всего цеховые мастера добиваются закона, чтобы никто не имѣлъ права быть мастеромъ, не пробывъ извѣстное время ученикомъ. Срокъ ученичества все удлиняется. Даже для поступленія въ цехъ въ качествѣ ученика дѣлаются ограниченія: принимаются въ ученики члены только такихъ крестьянскихъ семей, которыя получаютъ не меньше 20 sh годоваго дохода, вполнѣдствіи этотъ имущественный цензъ поднимается до 40 sh. Ограничивается число учениковъ и подмастерьевъ, работающихъ у одного мастера. Уменьшается число мастеровъ въ отдѣльныхъ цехахъ и одновременно запрещаютъ заниматься ремеслами внѣ цеховъ не только въ городѣ, но и въ деревнѣ.

Притязанія цеховъ монополизировать себѣ ремесла, какъ видите, становятся уже не только реакціонными, но просто дикими. Уже изъ этого видно, что для цеховъ золотое время прошло, что настали тяжелыя времена, что, подъ давленіемъ какихъ-то силъ, они рушатся и для спасенія хватаются за соломенку—за свою политическую власть: издають всевозможные законы для огражденія себя отъ надвигающейся опасности, но, увы, все напрасно. И политическая власть, и обязательная сила законовъ оказались безсильными передъ ходомъ экономической эволюціи.

Дѣло въ томъ, что съ расширеніемъ рынковъ въ 15 и 16 в. расширилась и оживилась промышленность. Благодаря этому обстоятельству и благодаря росту дифференціаціи труда въ деревнѣ (между этими явленіями тѣсная связь), стали заниматься ремеслами и внѣ цеховъ, начала развиваться такъ называемая «Домашняя промышленность» (Hausindustrie). Цехи стали просто тонуть въ морѣ народившихся новыхъ ремесленниковъ и новой кустарной промышленности, и всѣ законы о запрещеніи внѣцеховыхъ промысловъ были не въ силахъ остановить этотъ процессъ.

Въ деревнѣ производство начинаетъ обращаться изъ ремесленнаго въ мелко-предпринимательское. Прежніе ремесленники, работающіе только сами, или съ своей семьей, преимущественно, для удовлетворенія собственныхъ же потребностей, обратились въ мелкихъ предпринимателей. Эти новыя деревенскіе «хозяйчики» уже стали держать наемныхъ рабочихъ, а то, по большей части, раздавали матеріалъ рабочимъ на домъ.

Итакъ, прежняя однородная масса самостоятельныхъ ремесленниковъ дифференцировалась: часть ихъ обратилась въ простыхъ наемныхъ рабочихъ, работающихъ или у себя на дому изъ даннаго ему «хозяйчикомъ» матеріала или въ мастерской самого хозяйчика; другая часть—въ мелкихъ предпринимателей, или раздающихъ матеріалъ для обработки на домъ, или устраиваютъ у себя мастерскія съ наемными рабочими. Иногда у такихъ хозяевъ встрѣчалось по нѣскольکو прялокъ, ткацкихъ станковъ и значительному количеству занятыхъ рабочихъ. Такой ростъ промышленности въ деревняхъ сильно беспокоилъ цеховиковъ, и послѣдніе старались затормозить его запретительными законами.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые параграфы подобнаго закона, изданнаго въ 1555 году: § 2) Ни одинъ ткачъ не долженъ имѣть или пользоваться болѣе чѣмъ двумя станками; § 6) ткачи не должны имѣть болѣе двухъ подмастерьевъ. И подобныхъ законовъ, направленныхъ противъ расширенія производства, съ цѣлью огражденія цеховъ отъ раззорительной конкуренціи, издавалось въ 16 и 17 в. масса. Но всѣ законы оказались безсильными, сельское чудовище въ видѣ «домашней промышленности» (*Hausindustrie*), столь опасное для цеховъ, смѣло переступило черезъ всѣ королевскія постановленія, распоряженія и въ концѣ концовъ раздавило замкнувшееся цеховое кольцо. Монополии цеховъ уже потеряли смыслъ, такъ какъ вокругъ нихъ, вопреки противодѣйствію правительства, выросла могучая внѣцеховая промышленность. Подъ вліяніемъ такого роста производства, одни цехи обезсилѣли, не выдержали борьбы и распались, другіе страшно разрослись и становились на такую широкую предпринимательскую ногу, что для нихъ самихъ цеховая организація была уже слишкомъ узка—она задерживала дальнѣйшій ростъ производства.

Сами мастера уже перестали работать вмѣстѣ съ рабочими; они обращаются въ руководителей производства. «Мастера лишились своей хозяйственной независимости и *выступали теперь больше въ роли купцовъ и продавцовъ*. Благодаря этому съ теченіемъ времени изъ ихъ среды выдвинулся особый *торговый* классъ и классъ *предпринимателей*. И тѣ, и другіе росли, какъ грибы; и неудивительно, если принять во вниманіе тогдашнее оживленіе въ промышленности. До чего быстро росла торговля Англій, можно судить хотя бы по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ. Въ 1354 г. вывезено шерстяной матеріи 5000 кусковъ, въ годъ восшествія на престолъ Генриха VIII—8000 и въ концѣ его царствованія—12000 кусковъ. Сукно составляло 95% всего вывоза, а налогъ на шерстяное производство равнялся 74% всѣхъ государственныхъ налоговъ.

Для государства торговля шерстью и сукномъ была главнымъ источникомъ его доходовъ. Слѣдовательно, ему не было никакого смысла ставить препятствія распространяющемуся овцеводству и переходу пашенныхъ земель въ выгоны и пастбища. Если оно изрѣдка дѣлало кое-какія ограниченія и заставляло помѣщиковъ опредѣленную часть имѣнія оставлять подъ пашней, то это было вызываемо опасностью народныхъ волненій, которыя, вслѣдствіе постоянныхъ огораживаній и обезземленія крестьянскихъ массъ, принимали угрожающій характеръ для государства.

Въ 16 в. судьба и благополучіе громадной части англійскаго населенія зависѣла отъ производства шерсти, сукна и торговли ими. Если происходила заминка въ этой отрасли производства, то безработицѣ подвергались громадныя массы населенія. Такъ, въ 1527 г., когда были прерваны сношенія съ имперскими землями и такимъ образомъ закрылся одинъ изъ внѣшнихъ рынковъ, произошелъ въ Англии настоящій экономическій кризисъ со всѣми его послѣдствіями. Шерсть и сукно залеживались въ складахъ, покупателей не было, некуда сбывать товаръ; во многихъ мѣстахъ начались волненія среди рабочихъ. Правительство вынуждено было вмѣшаться и дать лондонскимъ купцамъ ссуду, чтобы они только скупали у производителей товаръ.

Правительственные агенты разъѣзжали по всей Англии и всячески побуждали «хозяйчиковъ» не оставлять рабочихъ безъ работы, давать имъ хоть какой нибудь заработокъ. Вообще, переполоху было много во всѣхъ сферахъ общества; причина же—закрытіе внѣшняго рынка. Отсюда можете заключить, какую большую роль для Англии и тогда играли внѣшній рынокъ и торговля, а слѣдовательно—какіе огромные успѣхи сдѣлало товарное производство. Теперь же начинается и знаменитая англійская колоніальная политика, политика грабежа и насилія. Съ пріобрѣтеніемъ колоній, рынокъ сталъ еще шире, торговля еще оживленнѣе. Капиталы растутъ неимоვნю быстро. Такъ какъ они наживались, главнымъ образомъ, благодаря торговлѣ, то и называются «торговыми». А этотъ «торговый» капиталъ, вложенный въ производство далъ еще сильнѣйшій толчекъ росту промышленности, техники и раздѣленія труда.

Въ способахъ производства произошла значительная переиѣна. Раздѣленіе труда сильно прогрессировало. Когда то крестьянинъ самъ ткалъ и самъ дѣлалъ всѣ подготовительныя работы. Теперь уже мы видимъ, что одни чистятъ, а другіе чешутъ, третьи прядутъ, четвертые ткутъ и т. д. Между отдѣльными вѣтвями одного производства устанавливается тѣсная связь. Поэтому, предприниматели съ капиталомъ соединяютъ всѣ эти развѣтвленія подъ одну крышу, въ одну мастерскую, гдѣ подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ работаетъ уже значительное число рабочихъ. Это и есть мануфактура, развившаяся въ 16 в. изъ ремесленного способа производства.

Мануфактура развилась еще и другимъ способомъ: въ мастерской одного мастера, занимающагося какимъ-либо сложнымъ производ-

ствомъ, происходило постепенно раздѣленіе труда, пока одно производство не расщеплялось внутри мастерской на нѣсколько мелкихъ, подчиненныхъ другъ къ другу, производствъ.

Мануфактура—первая форма коопераціи товарнаго производства, давшая огромный толчекъ-производительности труда. Раздѣленіе труда стало быстро прогрессировать, техника производства дѣлала огромнѣйшіе успѣхи. Быстрый ростъ производительныхъ силъ требовалъ и новыхъ формъ производства, такъ какъ старыя формы (цехи) стали препятствовать дальнѣйшему росту тѣхъ же силъ, которыя породили ихъ.

Цехи съ ихъ монополіями стали слишкомъ тѣсными рамками производства, сдѣлались тормазомъ промышленности индивидуальной предприимчивости и, въ силу своей реакціонности должны были пасть въ неравной борьбѣ съ переросшими ихъ производительными силами.

Мы видимъ, какъ во второй половинѣ 16—17 в. цехи отдѣльныхъ производствъ растворяются и соединяются въ одинъ болѣе общій цехъ, охватывающій иногда до дюжины производствъ. Случалось даже такъ, что всѣ ремесленники одного города соединялись въ одинъ общій цехъ.

Города уже начали между собой входить въ торговые договоры. Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Англіи между отдѣльными городами, была цѣлая сѣть подобныхъ договоровъ, вызванныхъ общими торговыми и промышленными интересами. Эти междугородніе союзы были выгодны городамъ, но они же были причиной и гибели ихъ самостоятельности, ихъ исключительности. Прежде городъ былъ самодовлѣющей величиной; теперь же онъ теряетъ свою обособленность и начинаетъ играть лишь подчиненную роль въ національной торговлѣ и промышленности. Онъ становится уже простымъ винтикомъ въ государственномъ механизмѣ; прежде же былъ полнымъ самостоятельнымъ механизмомъ.

Итакъ, городскія единицы растворились и составили одну національную единицу. Прежній гражданинъ города сталъ теперь гражданиномъ государства, націи, чтобы черезъ нѣсколько вѣковъ обратиться уже въ гражданина міра.

А. Дрелингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Еще о модныхъ увлеченіяхъ въ области народнаго образованія.

Въ № 7—8 нашего журнала г. Василевичъ въ статьѣ своей «Наши модныя увлеченія въ области народнаго образованія» затронулъ довольно любопытную тему. Но для болѣе полной характеристики весьма рѣзко проявляющейся въ наше время тенденціи профессионализаціи начальной школы, тенденціи крайне опасной, такъ какъ она можетъ нанести значительный вредъ и безъ того слабому у насъ образованію, мы считаемъ необходимымъ остановиться еще на одномъ модномъ увлеченіи. Мы говоримъ о замѣчающемся въ послѣдніе годы настойчивомъ стремленіи ввести въ народныя школы преподаваніе сельскаго хозяйства. Оно вызвано желаніемъ поднять падающее у насъ сельское хозяйство, внести свѣжую струю въ закоснѣлую обстановку крестьянскаго хозяйства, ведущагося самымъ невѣжественнымъ образомъ. Надѣются путемъ наглядныхъ примѣровъ, которые должны представить школьныя хозяйства, распространить въ крестьянскомъ населеніи полезныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія. Эта сама по себѣ прекрасная цѣль во первыхъ едва ли можетъ быть достигнута, а во вторыхъ, что самое главное, если и можетъ быть достигнута, то съ явнымъ ущербомъ для дѣла общаго образованія, которому хотя бы въ слабой степени призваны служить начальныя школы. Эта мысль, неоднократно высказывавшаяся въ печати, между прочимъ издавна проводимая журналомъ «Образованіе», заслуживаетъ быть снова повторенной въ виду происшедшей въ концѣ минувшаго года при Св. Синодѣ комиссіи по вопросу о введеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ. Комиссія эта всѣ свои мнѣнія и сужденія выразила въ слѣдующихъ 12 заключеніяхъ.

1) Преподаваніе сельскаго хозяйства въ низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Православнаго Исповѣданія и Министерства Народнаго Просвѣщенія должно быть направлено къ распространенію въ мѣстномъ населеніи полезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній, преимущественно путемъ наглядныхъ примѣровъ и соотвѣтственныхъ упражненій учениковъ въ свободное отъ учебныхъ занятій время, не задаваясь цѣлью приготовленія техникумовъ сельскохозяйственнаго дѣла, для чего должны служить

профессиональные учебные заведения, подвѣдомственные Министерству Земледѣлія.

2) Преподаваніе сельскаго хозяйства вводится въ курсъ ученія въ нижеслѣдующихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ имѣются для сего участки земли и другія благопріятныя условія: а) въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ церковно-учительскихъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія; б) во второклассныхъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, в) въ сельскихъ двухклассныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, въ городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., и уѣздныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, г) въ одноклассныхъ народныхъ училищахъ, въ школахъ церковно-приходскихъ и въ другихъ начальныхъ школахъ.

3) Въ учительскихъ семинаріяхъ и церковно-учительскихъ школахъ преподаваніе основъ сельскаго хозяйства съ отдѣльными его отраслями, важнѣйшими по мѣстнымъ условіямъ, желательно вести какъ теоретически на урокахъ, такъ и практически—путемъ соотвѣтственныхъ занятій въ учебныхъ хозяйствахъ, при помощи добавочныхъ учителей сельскаго хозяйства и естествовѣдѣнія.

Примѣчаніе. Кромѣ суммы, потребной на содержаніе особаго учителя, необходимо отпускать каждому изъ упомянутыхъ заведеній дополнительно 400 р. въ годъ на приобрѣтеніе учебныхъ пособій по сельскому хозяйству и на хозяйственные издержки.

4) На указанныхъ въ п. 3 основаніяхъ можетъ быть введено преподаваніе сельскаго хозяйства и во второклассныхъ школахъ Духовнаго Вѣдомства, въ которыхъ имѣются достаточныя для сего участки земли и др. мѣстныя удобства.

5) Въ прочихъ второклассныхъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, въ двухклассныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, а также въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія сельскохозяйственные занятія могутъ состоять въ наглядныхъ бесѣдахъ по сельскому хозяйству и въ систематическихъ работахъ учащихся на учебномъ полѣ или въ огородѣ, въ саду, на пасѣкѣ и т. п. подъ руководствомъ подготовленнаго къ сему учителя, за добавочное вознагражденіе.

Примѣчаніе. Означенное добавочное вознагражденіе учителю можетъ быть опредѣлено въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ; кромѣ того необходимо отпускать ежегодно для каждой школы на учебныя пособія, сельскохозяйственные потребности 100 руб.

6) Въ одноклассныхъ народныхъ школахъ означенныхъ вѣдомствъ сельскохозяйственное обученіе можетъ быть только наглядное и практическое, съ помощью устройства учителями при школахъ садовъ, огородовъ, пасѣкъ и т. п. хозяйствъ, въ которыхъ учащіеся могутъ исполнять посильныя для нихъ работы подъ руководствомъ учителя въ удобное, по мѣстнымъ условіямъ, время года. Такое обученіе должно сопровождаться соотвѣтственными объясненіями

учителя, равно какъ и чтеніемъ доступныхъ статей по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

7) Преподаваніе сельскаго хозяйства въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и учительскихъ школахъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія ведется по учебнымъ планамъ и программамъ, утвержденнымъ, по принадлежности, подлежащими вѣдомствами по соглашенію съ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

8) Общія нормальныя инструкціи для устройства обученія сельскому хозяйству въ двухклассныхъ и начальныхъ училищахъ того и другого вѣдомства утверждаются по принадлежности означенными вѣдомствами, по соглашенію съ Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

9) Для подготовленія преподавателей сельскаго хозяйства для второклассныхъ школъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія и двухклассныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Вѣдомства Православнаго Исповѣданія полезно: 1) открывать педагогическіе классы или курсы для окончившихъ курсъ въ среднихъ и низшихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и 2) устраивать, подъ вѣдѣніемъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, особые сельскохозяйственные курсы, продолжительность отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года, для народныхъ учителей, командруемыхъ подлежащими вѣдомствами.

10) Для ознакомленія учителей одноклассныхъ и другихъ народныхъ школъ съ веденіемъ отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства на школьныхъ участкахъ необходимо продолжать устройство краткихъ сельскохозяйственныхъ курсовъ, подъ руководствомъ и при содѣйствіи Министерства Земледѣлія.

11) Помимо устройства курсовъ педагогическихъ и сельскохозяйственныхъ, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ участвуетъ въ организаціи дѣла преподаванія сельскаго хозяйства въ означенныхъ заведеніяхъ: а) постояннымъ наблюденіемъ чрезъ подчиненныхъ ему лицъ за ходомъ преподаванія сельскаго хозяйства въ учительскихъ семинаріяхъ, въ учительскихъ и второклассныхъ школахъ, и сообщеніемъ о результатахъ осмотра подлежащимъ вѣдомствамъ, для чего Министерство Земледѣлія назначаетъ мѣстныхъ чиновъ Министерства въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ уѣздныхъ отдѣленій; б) командированіемъ на мѣста, по мѣрѣ возможности и необходимости, особыхъ инструкторовъ сельскаго хозяйства для подачи техническихъ указаній учителямъ означенныхъ выше учебныхъ заведеній; в) снабженіемъ народныхъ учителей, по мѣрѣ возможности, сѣменами, растениями, ульями и нѣкоторыми орудіями и инструментами, специальными сочиненіями и т. п. и г) выдачею, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, денежныхъ или почетныхъ наградъ тѣмъ изъ народныхъ учителей, которые успѣшнымъ веденіемъ сельскаго хозяйства при начальныхъ школахъ приносятъ существенную пользу мѣстному населенію,

§ 12) Суммы, необходимы на приведение въ дѣйствіе вышеизложенныхъ мѣръ, въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ, должны быть испрашиваемы къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства подлежащими вѣдомствами по ихъ расходнымъ смѣтамъ.

Не останавливаясь на каждомъ изъ этихъ заключеній въ отдѣльности, приведемъ нѣсколько краткихъ соображеній по существу затронутого комиссіей вопроса. Заслуживаютъ прежде всего вниманія двѣ оговорки комиссіи: а) Общеобразовательныя учебныя заведенія, въ силу своего общеобразовательнаго характера, ни въ какомъ случаѣ не могутъ брать на себя задачи готовить технику сельскохозяйственнаго дѣла, такъ какъ это отразилось бы не вполнѣ благоприятно на ихъ успѣшности въ достиженіи прямой и непосредственной цѣли. б) Преподаваніе сельскаго хозяйства должно быть введено въ курсы ученія лишь въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ имѣются для сего участки земли и другія благоприятныя условія.

За указанными двумя оговорками, исходная мысль комиссіи та, что въ Россіи, странѣ по преимуществу земледѣльческой, населеніе которой совсѣмъ почти не знакомо съ раціональными способами веденія сельскаго хозяйства, благодаря чему терпитъ ущербъ въ земледѣліи, преподаваніе сельскаго хозяйства въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ является весьма желательнымъ, какъ одно изъ средствъ къ невозможному скорѣйшему распространенію въ населеніи основнаго сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній. Такой цѣли не удовлетворяютъ низшія школы сельскаго хозяйства, какія существуютъ теперь въ вѣдомствѣ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, этого рода заведенія имѣютъ свою спеціальную цѣль: подготовленіе техникувъ по сельскому хозяйству, старшихъ рабочихъ, старостъ, приказчиковъ для частно владѣльческихъ хозяйствъ. Вотъ почему задачу болѣе широкаго распространенія въ массѣ населенія необходимыхъ познаній по сельскому хозяйству должны взять на себя общеобразовательныя заведенія вѣдомства Св. Синода и Министерства Народнаго Просвѣщенія.

На основаніи представленныхъ сейчасъ соображеній, комиссіей выработанъ планъ организаціи преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ трехъ разрядовъ и различныхъ наименованій, отъ учительскихъ семинарій и церковноучительскихъ школъ до школъ грамоты включительно. Планъ выработанъ, правда, не въ подробностяхъ, а лишь въ общихъ основаніяхъ; подробности отнесены къ содержанію будущихъ программъ, учебныхъ плановъ, инструкцій общихъ и нормальныхъ, къ указаніямъ разъѣздныхъ конструкторовъ изъ штата специалистовъ, имѣющихся въ запасѣ при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Но все же,—въ тѣхъ общихъ основаніяхъ, какія помѣщены въ заключеніяхъ Комиссіи, планъ представляется въ достаточной опредѣленности.

Организація предположена различная въ виду неодинаковости подготовки и развитія учащихся въ разныхъ общеобразовательныхъ

школахъ, а также вслѣдствіе различныхъ цѣлей, поставляемыхъ упомянутыми школами.

Организація различна: а) для заведеній, имѣющихъ цѣлью приготовленіе учителей для народныхъ школъ, каковы учительскія семинаріи Министерства Народнаго Просвѣщенія и церковно-учительскія школы Духовнаго вѣдомства; б) для двухклассныхъ училищъ одного и другого вѣдомства; в) для одноклассныхъ училищъ тѣхъ же вѣдомствъ и въ частности для школъ грамоты духовнаго вѣдомства.

Очевидно, центръ тяжести вопроса лежитъ въ той организаціи, какая намѣчена для школъ третьяго разряда, школъ по преимуществу народныхъ, больше того,—прямо крестьянскихъ. Школы перваго разряда не многочисленны и спеціальны по ихъ назначенію,—онѣ тоже готовятъ техникувъ, педагоговъ народной школы. Что касается двухклассныхъ училищъ, ихъ воспитанники, если они дѣти крестьянъ, пробывшіе въ школѣ пять лѣтъ, обыкновенно, по выходѣ изъ школы, потеряны для крестьянской среды. Въ деревнѣ они остаются развѣ въ должности писарей, рѣже въ должности народныхъ учителей, всего чаще избираютъ такіа занятія, для которыхъ безразличны пріобрѣтенныя ими въ школѣ сельскохозяйственныя познанія и умѣнья, особенно если таковыя пріобрѣтались въ городскомъ училищѣ. При томъ же, сравнительно съ общимъ количествомъ народныхъ школъ число двухклассныхъ училищъ невелико. По Министерству Народнаго Просвѣщенія число этихъ училищъ на всю Россію составляетъ всего около 1500; по вѣдомству Св. Синода всего 207 (къ 1893 г.). Очевидно, вліяніе этихъ школъ на распространеніе въ народѣ рациональныхъ познаній и умѣній по сельскому хозяйству не можетъ быть особенно замѣтнымъ.

Не таково значеніе училищъ, одноклассныхъ и школъ грамоты. По одному вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія число этихъ школъ около 26000; по Духовному Вѣдомству около 13000 (къ 1893 г.). Къ этому общему количеству нужно прибавить еще школы грамоты, число воихъ (къ 1893 г.) доходило 18652 (по десяти епархіямъ свѣдѣнія не получены). Такимъ образомъ изъ общаго приблизительнаго числа народныхъ школъ въ 60000, одноклассныя училища и школы грамоты составляютъ около 96%. Окончившіе въ этихъ заведеніяхъ ученики изъ своей среды не уходятъ, они оставались въ ней и во время пребыванія въ школѣ, откуда выходятъ въ десять—двѣнадцать лѣтъ.

Очевидно, школы этого разряда должны быть поставлены на первомъ планѣ, какъ скоро заходитъ рѣчь о распространеніи въ населеніи, при помощи, посредствомъ или путемъ школы, полезныхъ сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній, наиболѣе примѣнимыхъ къ современнымъ условіямъ крестьянскаго хозяйства.

По предположеніямъ Комиссіи преподаваніе сельскаго хозяйства вводится также въ курсъ ученія въ одноклассныхъ училищахъ, въ церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты, но оно вводится въ этотъ курсъ съ нѣкоторыми довольно существенными

оговорками: а) Сельскохозяйственные занятия въ одноклассныхъ школахъ и школахъ грамоты можетъ вести обыкновенный народный учитель, если онъ получилъ сельскохозяйственную подготовку въ низшей сельскохозяйственной школѣ, или же если прослушалъ краткосрочные курсы по тѣмъ или инымъ интенсивнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства (садоводство, огородничество и др.). б) Въ учебныя программы одноклассной школы нельзя включать теоретическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. в) Сельскохозяйственное обученіе въ этихъ школахъ можетъ быть только наглядное и практическое, съ помощью устройства учителями при школахъ садовъ, огородовъ, пасѣкъ и т. п. хозяйствъ, въ которыхъ учащіеся могутъ исполнять посильныя для нихъ работы подъ руководствомъ учителя въ удобное, по мѣстнымъ условіямъ, время года. Такое обученіе должно сопровождаться соответственными объясненіями учителя, равно какъ и чтеніемъ доступныхъ статей по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Уже первая оговорка вызываетъ на замѣчаніе по крайней мѣрѣ по отношенію къ однокласснымъ школамъ грамоты Духовнаго вѣдомства; тѣ и другія уже въ настоящее время составляютъ большинство общаго количества всѣхъ народныхъ школъ (изъ 60000 болѣе 31000). Изъ матеріаловъ по вопросу о надѣленіи народныхъ школъ землею личный составъ преподавателей упомянутыхъ школъ Духовнаго вѣдомства представляется въ такомъ видѣ:

а) Въ одноклассныхъ училищахъ (церковноприходскихъ школахъ) обученіе ведутъ учителя и учительницы, назначаемые преимущественно изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ женскихъ училищахъ Духовнаго вѣдомства.

б) Въ школахъ грамоты обучаютъ священники, дьякона и другіе члены причта, а также свѣтскіе учителя или учительницы, назначаемые изъ лицъ Православнаго исповѣданія, благочестивой жизни и знакомыхъ съ предметами начальнаго обученія.

Болѣе, конечно, разнообразенъ личный составъ учителей въ тѣхъ школахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, которыя состоятъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, хотя и здѣсь не мало учителей и учительницъ, тоже назначенныхъ изъ лицъ, получившихъ образованіе въ Духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ другой стороны, если между учителями одноклассныхъ школъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, быть можетъ, и встрѣчаются лица, окончившія низшую сельскохозяйственную школу, т. е. тѣ техники по сельскому хозяйству, которые готовились собственно не для учительства, то число такихъ лицъ весьма незначительно: имъ выгоднѣе и сподручнѣе прямо идти въ ту профессію, для которой они готовились.

Какъ бы то ни было, въ общемъ контингентъ учителей въ школахъ Духовнаго вѣдомства и Министерства Народнаго Просвѣщенія состоитъ изъ такихъ лицъ, которыя ни какой сельскохозяйственной подготовки не имѣютъ и едва-ли могутъ быть подвергнуты обязательному прослушанію краткосрочныхъ курсовъ по тѣмъ или инымъ интенсивнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, предполагая конечно,

что прослушаніе этихъ курсовъ не обратится въ простую формальность, исполняемую для сохраненія мѣста учителя или учительницы народной школы или для полученія небольшого пособія.

Вторая оговорка тоже не можетъ быть оставлена безъ замѣчанія. Если сельскохозяйственное обученіе не слѣдуетъ включать въ программы одноклассныхъ школъ и школъ грамоты, если, слѣдовательно, никакого экзамена по этому обученію не полагается и не можетъ быть, тогда и самое обученіе оказывается вѣтъ курса ученія, т. е. проще,—это совсѣмъ не преподаваніе, а нѣчто другое: занятія въ огородѣ, въ саду, въ пасѣкѣ учителя, въ видѣ исполненія учениками посильныхъ для нихъ работъ. Но такого рода обученіе гораздо правильнѣе и цѣлесообразнѣе поставлено въ инструкціи Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 4 іюня 1875 года. По этой инструкціи (87) подобное обученіе допускается, но лишь при двухъ условіяхъ: а) если родители, родственники или опекуны учащихся того пожелаютъ и б) если мѣстное общество не признаетъ возможнымъ для занятія съ учащимися по садоводству, огородничеству и пчеловодству пригласить на свои средства особыхъ, знакомыхъ съ этимъ дѣломъ и благонадежныхъ лицъ.

Еще важнѣе третья оговорка, она тоже вызываетъ замѣчаніе, и при этомъ не одно.

То преподаваніе, какое предположено въ заключеніяхъ комиссіи, не поддается никакой организаціи, не допускаетъ не только программъ или учебныхъ плановъ, но даже и какихъ бы то ни было инструкцій общихъ или нормальныхъ, да врядъ ли уловимо для руководства развѣдныхъ инструкторовъ. Кромѣ школьнаго участка, при наличности другихъ благоприятныхъ условій и мѣстныхъ удобствъ, для успѣшности преподаванія необходимо еще одно обстоятельство: наличность, въ лицѣ учителя, любителя садоводства, огородничества и пчеловодства и т. п.; при чемъ нужно еще предположить, что такой учитель станетъ заниматься съ учениками по цѣлымъ днямъ, до и послѣ классовъ, и при томъ не посягать на даровой трудъ учениковъ и даже не подавать повода къ подозрѣніямъ въ подобномъ посягательствѣ; не то онъ испортитъ не только учебное дѣло, но и свое личное положеніе въ деревнѣ.

Подобные учителя вездѣ, а въ Россіи и подавно, большая рѣдкость. И дѣйствительно, уже до закона 12 мая 1897 г. о надѣленіи школъ казенною землею и о безденежномъ отпускѣ казеннаго лѣса, изъ училищъ М-ва Народнаго Просвѣщенія интенсивныя отрасли сельскаго хозяйства были заведены при 7514 школахъ: были сады, огороды, пасѣки, шелководство, плантаціи тутовыхъ деревьевъ, виноградники, хмѣльники и даже 1 питомникъ плодовыхъ деревьевъ. Много ли однако было такихъ учителей, которые выдѣлились своею любовью къ интенсивнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства? Всего четыре, - пять,—выдѣлились настолько, что на нихъ обратили вниманіе на мѣстѣ и доводили до свѣдѣнія высшаго начальства, какъ о счастливыхъ случайностяхъ.

Еще любопытнѣе факты, сообщенные попечителемъ Рижскаго

учебнаго округа; его свидѣтельство любопытно именно въ виду особенной постановки народной школы въ этомъ округѣ. Какъ извѣстно, въ Рижскомъ округѣ издавна и послѣдовательно проведена система надѣленія школъ землею. Въ одной Рижской дирекціи земельные надѣлы имѣются при 1113 школахъ, въ томъ числѣ при 742 школахъ устроены сады и огороды, при 149—пасѣки. Надѣлы восполняютъ, а иногда вполне замѣняютъ, денежное вознагражденіе учителя; отъ его усмотрѣнія зависитъ извлекать доходъ изъ участка посредствомъ личной эксплуатаціи, или черезъ отдачу участка въ аренду. Въ Ревельской дирекціи сады имѣются при 258 школахъ, огороды при 268 и пасѣки при 19 школахъ. И тѣмъ не менѣе, на запросъ М-ва Народнаго Просвѣщенія, начальство Рижскаго округа рѣшительно отвергло даже самый принципъ введенія въ народныя школы обученія интенсивнымъ и всякимъ инымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Между народными учителями Рижскаго округа иногда встрѣчаются любители садоводства и пчеловодства, они извлекаютъ значительный доходъ и потому вызываютъ подражаніе; но такихъ любителей попечитель могъ назвать не болѣе троицхъ. Построить на такихъ исключительныхъ случаяхъ организацію и цѣлую систему сельскохозяйственнаго обученія въ народной школѣ попечитель не призналъ возможнымъ. По его мнѣнію отъ подобнаго обученія нельзя ожидать никакихъ результатовъ: «прекрасное веденіе какого бы то ни было дѣла при исключительныхъ условіяхъ или при посредствѣ дорогого пособія теряетъ силу примѣра и становится совершенно не поучительнымъ»,—поучительно заключаетъ свой отзывъ начальства Рижскаго учебнаго округа; въ этомъ округѣ привлеченіе учениковъ къ посильнымъ работамъ на школьныхъ участкахъ безусловно воспрещено.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что распространять въ крестьянскомъ населеніи полезныя свѣдѣнія, усовершенствованные способы, тонкіе навыки и всякаго рода умѣнья по сельскому хозяйству можно собственно не при помощи, путемъ, или посредствомъ народной школы, а между прочимъ и чрезъ учителя—любителя, готоваго къ тому же жертвовать своимъ трудомъ, временемъ, способнаго поступиться даже своими матеріальными средствами.

Такимъ путемъ и при такой помощи можно, конечно, распространять многое,—не только сельскохозяйственныя, но и всякія другія познанія и умѣнья, и даже всякаго рода искусства и художества. Но подобному распространенію можетъ содѣйствовать и всякій другой любитель, примѣняющій свою страсть въ деревнѣ, на виду у крестьянъ, и притомъ съ успѣхомъ, т. е. съ выгодой для себя; распространенію пчеловодства нерѣдко содѣйствовали деревенскіе священники и другіе члены церковнаго клира. Второе замѣчаніе. По предположеніямъ коммиссіи обученіе сельскохозяйственнымъ познаніямъ и умѣньямъ,—въ видѣ примѣровъ учителя, объясненій, чтенія соответственныхъ статей, а также въ видѣ соответственныхъ упражненій чрезъ посильныя работы учениковъ на школь-

номъ участкѣ,—должно производиться въ свободное отъ учебныхъ занятій время и въ удобное, по мѣстнымъ условіямъ, время года.

Изъ четырехъ временъ года, для подобнаго обученія, очевидно, удобны весна, лѣто и осень: въ зимнее время примѣры и объясненія учителя, упражненія учениковъ въ видѣ посильныхъ работъ, чтеніе статей въ бесѣдѣ сада, рѣшительно невозможны; комнатное же цвѣтоводство не входитъ въ другъ предположеній комиссіи, хотя оно тоже отрасль интенсивная.

Преподаваніе ольфовательно оказывается возможнымъ въ такое время года, которое, безспорно, удобно для примѣровъ учителя по садоводству, но крайне неудобно для учениковъ, ихъ родителей, да не вполнѣ подходяще для многихъ, если не для большинства, учителей. Для учениковъ и для ихъ родителей время неудобно потому, что даже въ сѣверной полосѣ Россіи съ апрѣля по октябрь идетъ время огородныхъ и полевыхъ работъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принимаютъ не только взрослые, но и дѣти школьнаго возраста,—вся рабочая сила семьи; въ частности на дѣтяхъ въ это время, особенно на мальчикахъ, лежатъ заботы объ одной изъ отраслей сельскаго хозяйства,—о скотоводствѣ. При системѣ подножнаго корма эта забота для школьнаго дѣла имѣетъ существенное значеніе; съ такимъ обстоятельствомъ нужно считаться при наведеніи справокъ изъ за границы, гдѣ весь годъ скотъ держится и размножается въ стойлахъ. Иначе стоитъ дѣло въ Россіи, и мѣстныя условія важны здѣсь развѣ настолько, что въ различныхъ мѣстностяхъ посѣщеніе школы начинается убывать не съ конца, а со середины или съ начала апрѣля; точно также возвращеніе въ школу начинается уже въ то время, когда овощи съ огородовъ и плоды въ садахъ собраны, пасѣнки сложены, а посильныя работы учениковъ уже излишни.

Этотъ перерывъ школьныхъ занятій,—по мѣстнымъ условіямъ онъ продолжается 5—6 мѣсяцевъ,—учителя (и учительницы) народныхъ школъ употребляютъ различно. Одни уѣзжаютъ погостить у родныхъ или у знакомыхъ, другіе отбываютъ на уроки или на другіе заработки, особенно если земскіе финансисты имѣютъ привычку не выдавать жалованья до наполненія земской кассы осенью. Учителя домовитые сидятъ дома и хозяйничаютъ наравнѣ съ крестьянами, безъ всякой заботы о распространеніи своими примѣрами рациональныхъ сельскохозяйственныхъ способовъ и умѣній между крестьянами, у которыхъ не рѣдко сами учатся и заимствуются.

Указанное сейчасъ препровожденіе учителями каникулярнаго времени—не случайность; оно лишь одна изъ особенностей личнаго состава учительской профессіи въ народныхъ школахъ. Этотъ составъ непостоянный и не прочный, не говоря уже о тѣхъ перемѣщеніяхъ, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, часто происходятъ въ заботахъ начальства о пользѣ службы. Для священниковъ и другихъ членовъ клира учительство занятіе побочное, имѣетъ значеніе посторонняго воспособленія ресурсовъ. Для большинства же остальныхъ, въ виду плачевныхъ условій этой профессіи, положеніе сель-

скаго учителя временное. Прежде всего оно временно для тѣхъ изъ окончившихъ курсъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые идутъ въ учителя въ ожиданіи прихода и невѣсты; другіе мирятся со своимъ положеніемъ до перваго счастливаго случая—перемѣнить учительство на службу при желѣзной дорогѣ, въ экономіи, въ канцеляріи земскаго начальника или, въ послѣднее время, въ винной монополіи. Болѣе вѣрны школь и своей профессіи учительницы, особенно тѣ, которыя отказались отъ мысли посвятить себя личной семейной жизни. Въ предположеніяхъ комиссіи объ учительницахъ умалчивается вѣроятно потому, что цвѣтоводство и птицеводство не включены въ число интенсивныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

12 мая 1897 г. Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о надѣленіи сельскихъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты казенною землею и о безденежномъ отпускѣ симъ училищамъ казеннаго лѣса. Поводъ закона—недостаточность матеріальныхъ средствъ, какими располагають различныя школы, и въ особенности скудность содержанія учителей. Восполнить то и другое—такова цѣль этой «жертвы правительства на дѣло народнаго образованія».

Въ оправданіе этого закона при его разработкѣ въ различныхъ инстанціяхъ до поступленія дѣла въ Государственный Совѣтъ, высказывались и различныя упованія, иногда даже нѣсколько отдаленнаго касательства. Отведенный школь участокъ, въ размѣрѣ не болѣе трехъ десятинъ, прикрѣпить учителя къ школь и къ деревнѣ, разовьетъ въ немъ любовь къ интенсивнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, — крупныя участки направили бы эту любовь къ полеводству, и потому создать въ деревняхъ образцовыя хозяйства садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства и т. п. Учителя перестанутъ развѣзаться на каникулы или кочевать изъ одной школы въ другую, заведутся семьями, осядутъ на мѣстахъ, поправятъ свое здоровье, а въ видахъ извлеченія наибольшаго дохода изъ трехъ десятинъ отдадутся упражненіямъ въ интенсивныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, возложивши посильныя работы на учениковъ съ примѣрами отъ себя, съ нужными объясненіями и доступными прочтеніями. Преподаваніе сельскаго хозяйства, — по крайней мѣрѣ въ его интенсивныхъ отрасляхъ, притомъ, наглядное, практическое, — будетъ обезпечено само собою, а вмѣстѣ съ нимъ будетъ обезпечено распространеніе въ населеніи сельскохозяйственныхъ познаній и умѣній. На сельскохозяйственное же обученіе въ народныхъ школахъ возлагались довольно разнообразныя надежды. Такъ, одно изъ мѣстныхъ начальствъ Кавказскаго учебнаго округа высказало увѣренность, что такое обученіе—одно изъ вѣрныхъ средствъ противъ разбоевъ на Кавказѣ; другое начальство рекомендовало мѣру какъ одинъ изъ способовъ разрѣшенія дворянскаго вопроса.

Нельзя, конечно, отрицать, что надѣлъ школъ землею въ извѣстной мѣрѣ окажетъ въ будущемъ свое дѣйствіе, что тогда и въ

«остальной Россіи между сельскими учителями чаще будут вѣдѣваться, но лишь въ качествѣ исключительныхъ случаевъ; такіе же любители садоводства, огородничества и пчеловодства, какіе теперь встрѣчаются между учителями Рижскаго учебнаго округа.» Но помимо такихъ исключительныхъ случаевъ, и на будущее время эксплуатація трехъ десятинъ школьныхъ участковъ будетъ производиться такъ же, какъ она производится теперь въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ остальной Россіи, т. е. или черезъ отдачу десятинъ въ аренду съ поступленіемъ арендной платы въ пользу учителя; или же,—если учитель семейный и домовитый,—черезъ обращеніе десятинъ на такую культуру, для которой не требуется другихъ навыковъ и умѣній, кромѣ тѣхъ, какія извѣстны мѣстному населенію и въ частности, уже до поступленія въ школу, усвоены крестьянскими дѣтьми, извѣстны имъ пожалуй, лучше, чѣмъ самому учителю и его женѣ. Это, если можно такъ выразиться, культура личнаго прокормленія,—она доставитъ учителю потребный запасъ овощей для личнаго обихода, кое что останется и для выручки отъ продажи.

Нѣтъ, слѣдовательно, основанія ожидать, что, по надѣленіи землей въсѣхъ школъ, не замедлитъ произойти значительная перемѣна по сравненію съ тѣмъ, что было до сихъ поръ, продолжится и теперь. Теперь же, большая часть учителей тѣхъ школъ, при которыхъ имѣются участки земли, ведутъ дѣло на свой рискъ и страхъ, при чемъ смотрятъ на свой трудъ, какъ на средство улучшить свое благосостояніе извлекаемымъ изъ хозяйства доходомъ. Таково громадное большинство школьныхъ хозяйствъ, съ той впрочемъ разницею, что въ силу инструкціи 1875 г. въ этихъ хозяйствахъ не участвуютъ посильными работами ученики.

Но каково бы ни было дѣйствіе закона 12 мая 1897 г., оно еще не началось и скажется не скоро: тѣ 500,000 десятинъ казенной земли, какія предложено раздать въ надѣлы школамъ, не только не розданы, но едва ли даже размѣнены на планахъ лѣсныхъ дачъ казны. Когда же раздача этихъ десятинъ совершится, ихъ прямая цѣль останется все та же: доставить дополнительные средства къ обезпеченію школъ и, въ особенности, къ улучшенію матеріальнаго положенія учителей, а не служить цѣлямъ нагляднаго обученія въ качествѣ «демонстративно-учебныхъ участковъ».

Свои предположенія коммисія мотивируетъ тѣмъ соображеніемъ, что въ настоящее время вся организація этого дѣла отличается болѣе или менѣе случайнымъ характеромъ, въ зависимости отъ способностей и выбора отдѣльныхъ преподавателей: предположенія коммисія имѣютъ поэтому въ виду устроить организацію не случайную, а въ значеніи общей государственной мѣры, съ ежегодными ассигнованіями изъ государственнаго казначейства въ милліоны, вѣрнѣе въ десятковъ милліоновъ рублей, если не болѣе. Между тѣмъ, то преподаваніе, какое предлагается для одноклассныхъ училищъ, церковно-приходскихъ школъ и для школъ грамотности, только и можетъ имѣть случайный характеръ, т. е. характеръ единичныхъ, изъ ряда выдающихся случаевъ. Для возникновенія подобныхъ

случаевъ необходимы исключительныя условія: прежде всего, личность учителя-любителя, а затѣмъ — поощреніе со стороны кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей (школа Каншина), щедрая дотация (Юганишкельская школа, фондусъ 333.800 р и 100 десятинъ земли), но особенно поощреніе мѣстныхъ обществъ сельскаго хозяйства (Завальская школа Каширскаго уѣзда). Такіе исключительныя случаи могутъ быть доводимы до свѣдѣнія правительства и даже до свѣдѣнія Верховной власти; по заслугамъ могутъ быть оказываемы поощренія денежнаго или иного свойства, на каковой предметъ имѣются особые кредиты въ смѣтѣ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Въ виду всего сказаннаго до сихъ поръ, невозможно согласиться съ заключеніями комиссіи, ни въ ихъ основной мысли, ни въ ихъ примѣненіи. Но мнѣніе комиссіи должно быть отвергнуто еще и по другимъ соображеніямъ, болѣе принципиальнаго и общаго свойства.

Истинная задача народной школы, — той, въ которой крестьянскія дѣти остаются два-три года, до возраста 10—12 лѣтъ, — заключается въ обученіи грамоты, въ смыслѣ умѣній: читать, писать и считать. Чѣмъ выше та степень, въ какой сообщаются каждое изъ этихъ умѣній и воѣ они вмѣстѣ, тѣмъ полнѣе разрѣшена задача народной школы; она разрѣшена вполнѣ, какъ скоро ученики выносятъ изъ школы не только грамоту, но и потребность сохранить усвоенныя въ школѣ умѣнья на будущее время: умѣнья пригодятся во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Сама по себѣ грамота не имѣетъ большого значенія, какъ скоро она забывается по выходѣ изъ школы за отсутствіемъ потребности въ ней, за отсутствіемъ любознательности.

Въ такомъ видѣ и объемѣ задача народной школы не разрѣшена въ Россіи и по настоящее время: процентъ учащихся и процентъ грамотныхъ въ Россіи ниже, чѣмъ гдѣ либо, кромѣ развѣ Турціи.

Между разными причинами такой малоуспѣшности народной школы, нельзя не указать на двѣ; обѣ онѣ уже упомянуты выше. Первая причина — отсутствіе достаточнаго класса технически подготовленныхъ, а главное — вѣрныхъ и крѣпкихъ своей профессіи и школѣ сельскихъ учителей; разводитъ садовъ и такіе учителя конечно не станутъ, все равно какъ не разводять садовъ хозяева участковъ, назначенныхъ въ публичную продажу. Сады, виноградники разводять для своихъ дѣтей, но не для завтрашнихъ преемниковъ по службѣ. Вторая причина — краткость учебнаго года съ длинными перерывами школьныхъ занятій, — перерывы неизбежны при нашей системѣ крестьянскаго хозяйства. Собственно учебный годъ правильныхъ занятій продолжается не болѣе шести мѣсяцевъ, и затѣмъ наступаетъ перерывъ не меньше пяти мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, изъ трехъ лѣтъ пребыванія въ школѣ на ученіе остается собственно 18 мѣсяцевъ; но изъ этихъ мѣсяцевъ нужно еще вычесть тѣ недѣли, которыя послѣ каждого перерыва употребляются

на повтореніе пройденнаго до перерыва; иначе обученіе впередъ пойдетъ медленно, т. е. будетъ задержано на время болѣе скучное и продолжительное, чѣмъ какое нужно для повторенія. Выходить, слѣдовательно, что изъ 18 мѣсяцевъ на повтореніе и, если можно такъ выразиться, вообще на умственную разминку, нужн о вычесть еще мѣсяца три; для непрерывно поступающаго ученія остается около 15 мѣсяцевъ. Въ эти 15 мѣсяцевъ должно быть закончено обученіе и притомъ закончено ученикомъ въ такой обстановкѣ, которая не представляетъ ни особенныхъ удобствъ для мыслительной дѣятельности, ни частныхъ случаевъ и поводовъ для умственнаго возбужденія. А между тѣмъ, предполагается, что въ эти 15 мѣсяцевъ ученикъ сельской школы приобрѣтаетъ свѣдѣнія въ такомъ объемѣ, въ какомъ рѣчь, за то же время, не приобрѣтаетъ большинство дѣтей зажиточныхъ классовъ населенія.

Казалось бы поэтому, что если гдѣ, то именно въ Россіи народная школа должна быть вполнѣ и безраздѣльно сосредоточена на своей подлинной задачѣ, безъ отвлеченія на разные эксперименты гадательнаго свойства; должна имѣть свою цѣль въ самой себѣ, а не служить, «помощью», «путемъ», «средствомъ» къ распространенію чего то другого, что можетъ быть отсрочено на неопредѣленное время, если не отложено и совѣмъ въ сторону. Каждое учрежденіе должно исполнять свою прямую задачу; оно неизбѣжно отклоняется въ сторону, быстро портится, какъ скоро извращено, превращено на постороннія цѣли, составляющія задачу другихъ учреждений. Трудно, наконецъ, сказать, насколько выиграетъ наша не установившаяся школа, если въ ея дѣла вмѣшается такое специальное вѣдомство, какъ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Поэтому, пусть наша народная школа развивается и преуспѣваетъ въ тѣхъ рамкахъ, которыя поставлены ей, какъ начальной общеобразовательной школѣ, пусть ее минуютъ различныя кабинетныя увлеченія, желающія навязать ей совершенно несвойственныя цѣли, и пожелаемъ только, чтобы все уносящее съ собой время возможно скорѣе унесло и тѣ препятствія, которыя къ сожалѣнію до сихъ поръ такъ часто мѣшаютъ народной школѣ свободно развиваться на пользу русскаго народа.

* * *

Кое-что о педагогических выставках.

Представьте, что на выставкѣ рысистыхъ лошадей коннозаводчики и спортсмены нашли все, что нужно для лошадей,—и образцовыя конюшни, и сѣдла, и скребницы, и даже поддевку стараго конюха; могли, наконецъ, полюбоваться портретами знаменитыхъ побѣдителей,—и не нашли только одного,—именно самыхъ лошадей, для которыхъ строились образцовыя конюшни и изобрѣтались подковы, экспонированныя на выставкѣ. Спрашивается, будутъ ли довольны коннозаводчики и любители такой выставкой? Отвѣтъ, мнѣ кажется, ясенъ. На конской выставкѣ должны быть прежде всего кони, какъ на выставкѣ рогатаго скота—рогатый скотъ, а на выставкѣ земледѣльческихъ орудій—эти послѣднія.

Что должно быть на педагогической выставкѣ?—вотъ вопросъ, на который нелишне отвѣтить и еще разъ послѣ Нижегородской выставки, чрезвычайно богатой какъ педагогическими экспонатами, такъ, если не болѣе, и педагогическими уроками, воспользоваться которыми было бы нелишне при устройствѣ предстоящей въ Парижѣ выставки.

Главный и спеціальныи продуктъ педагогическаго производства есть, разумѣется, ученикъ, его религиозное, нравственное, научное и физическое развитіе, его способность къ труду и самообразованію, все то, что сдѣлала изъ сырого и грубаго матеріала, «мастерская гуманности»;—все же остальное—лишь орудія производства, лишь запасныи и оборотныи капиталы, безъ которыхъ, правда, производство немислимо, но которые сами-по-себѣ, отдѣленные отъ продукта производства, говорятъ о качествахъ послѣдняго не много.

Единственнымъ спеціально-педагогическимъ экспонатомъ могъ бы быть только ученикъ, и, теоретически говоря, нѣтъ ничего невозможнаго въ экспонированіи ученика; скажемъ болѣе: подобныя выставки, впрочемъ, не для большой публики и въ малыхъ размѣрахъ, даже и дѣлаются въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ на періодическихъ сѣздахъ учителей и учениковъ.

Какъ ни безспорна польза отъ такихъ сѣздовъ - выставокъ, мы не стали бы защищать проекта всероссійской выставки живыхъ педагогическихъ экспонатовъ, хотя и думаемъ, что разумно поставленное состязаніе между школами, уѣздами, губерніями, учебными округами и т. п. единицами могло бы имѣть благотворное вліяніе на педагогическое производство. Есть конечно опасность, что въ погонѣ за призомъ пострадаетъ, и можетъ быть невидимо

для глаза, самый экспонатъ, чрезвычайно чувствительный ко всякаго рода экспериментамъ; но вѣдь есть и разумъ, который можетъ поставить опыты въ предѣлы, не допускающіе поврежденія живого существа, выставляемаго на конкурсъ.

Устранивъ съ выставки естественные продукты педагогическаго производства, мы поставили на шаткую и условную почву вопросы — для кого, что и какъ выставить и, пожалуй, сдѣлали невозможнымъ ихъ удовлетворительное разрѣшеніе.

Для кого устраивалась педагогическая выставка? Для большой публики или для педагоговъ, какъ техниковъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ педагогическому производству, или для той и другихъ?

Большая публика, разумѣется, не можетъ интересоваться техникой педагогическаго дѣла, процедура котораго обнимаетъ тысячи прозаическихъ мелочей, представляющихъ важность только для людей, специально знакомыхъ съ дѣломъ. Вотъ десятокъ классныхъ столовъ. Что можетъ сказать о нихъ публика? Хороши они или дурны, удобны или нѣтъ? Для публики это — мелочь, не представляющая ничего любопытнаго.

Большой публикѣ нужно нѣчто иное. Большой публикѣ хотѣлось бы наглядно, походя, не утруждая себя, составить понятіе о состояніи школьнаго образованія въ Россіи, о томъ, что въ области школьнаго дѣла уже сдѣлано и что еще остается сдѣлать, какія спеціальныя потребности въ образованіи удовлетворены въ большей, какія — въ меньшей мѣрѣ, на какія есть запросы, но не видится попытокъ къ его удовлетворенію. Въ большой публикѣ есть несомнѣнный интересъ къ такого рода свѣдѣніямъ. Были ли удовлетворены эти интересы большой публики на Нижегородской выставкѣ?

При организаціи педагогическаго отдѣла на Нижегородской выставкѣ, какъ можно судить по прекрасному отчету г. Е. Ковалевскаго *), имѣлось въ виду «дать понятіе о состояніи въ Россіи *начальнаго* образованія», но и эта задача, обнимающая, какъ видно, далеко не все, а только низшее образованіе, не могла быть разрѣшена съ необходимой и желательной полнотой. Причина этого — безотрадно-жалкое состояніе нашей школьной статистики. Не преувеличивая можно сказать, что въ школьномъ дѣлѣ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе общаго вопроса, на который наша статистика дала бы удовлетворительный отвѣтъ. Сколько у насъ всего учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ и типовъ? сколько въ нихъ учащихся и учащихся? какъ великъ бюджетъ народнаго образованія? и т. д. Отнесите тѣже вопросы къ какому-либо одному изъ разрядовъ или типовъ учебныхъ заведеній и точно также отвѣта не получите. Лица, составлявшія книгу «Производительныя силы Россіи», располагали, безъ сомнѣнія, такими матеріалами, которые едва ли могутъ попасть въ руки частнаго лица, и однако въ статьѣ

*) Народное образованіе на Всероссийской выставкѣ въ Н.-Новг. etc. Спб. 1897 г.

«Высшее и среднее образование» мы встрѣчаемъ свѣдѣнія изъ 52 (63) высшихъ учебныхъ заведеній только объ университетахъ; въ отдѣлѣ среднихъ—только объ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и части вѣдомства учреждений Императрицы Маріи и нѣкоторыя данныя лишь о средней стоимости духовн. учебн. заведеній.

Не столько ради выставокъ, сколько въ интересахъ правильной и ясной постановки школы, взятой въ ея цѣломъ, необходимо создать школьную статистику и предоставить ей слово тамъ, гдѣ вопросъ касается десятковъ и сотенъ милліоновъ и гдѣ непосредственное наблюденіе чаще всего имѣетъ лишь отрицательное значеніе.

На всякой другой выставкѣ экспонатъ заключаетъ въ себѣ всѣ условія для его оцѣнки: достоинство ножа, котла или ситца оцѣниваются совершенно независимо отъ нравственныхъ и др. качествъ производителя. Не то—при оцѣнкѣ педагогическаго экспоната: здѣсь важенъ не продуктъ, а его *производитель, условія и методы* производства; важны не издѣлія ручного труда, мертвенное однообразіе которыхъ способоно нагнать уныніе на самаго беззаботнаго человѣка, а тѣ мальчуганы, которые выдѣлывали всѣ эти принципиально-безполезные пустяки. Явился ли для нихъ ручной трудъ пріятнымъ развлеченіемъ въ свободное время? не лучше ли было бы посвятить досуги, если уже они оказались, вмѣсто ручного труда, на знакомство съ географіей и исторіей ихъ отечества, о которомъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія? упражнялись ли дѣти хоть немножко въ черченіи и рисованіи, безъ которыхъ ручной трудъ едва ли можетъ имѣть какое-либо образовательное значеніе? Нашъ мастеръ—рабъ образца: онъ все и отлично сдѣлаетъ по образцу, все плохо сдѣлаетъ по модели и ничего не сдѣлаетъ по чертежу или рисунку: онъ ихъ не понимаетъ. Не подготовляетъ ли ручной трудъ благодарную почву для этого рабства въ то время, когда творческія способности дѣтей только что пробуждаются, и когда всякое педантическое и одностороннее упражненіе ихъ можетъ оказать на нихъ разрушительное дѣйствіе? Еслибъ мы и признали за слойдомъ нѣкоторое педагогическое значеніе, можно ли, спрашивается, приписать послѣднее и сапожному, и шорному, и мн. др. ремесламъ, издѣлія которыхъ были экспонированы въ учебномъ отдѣлѣ? Для педагога) отвѣты на эти вопросы не безразличны; большая же публика часто не можетъ и догадаться, что передъ нею не экспонатъ, а только символъ настоящаго экспоната. Большая публика говорить: а вѣдь, согласитесь, не дурно для десятилѣтнихъ мальчугановъ! молодцы!—и этимъ ограничивается оцѣнка экспонируемой школы во всѣхъ ея отношеніяхъ. Весьма сомнительно, что большая публика вынесетъ съ педагогической выставки правильный взглядъ на состояніе школьнаго дѣла, и вполнѣ несомнѣнно, что о многомъ она составитъ одностороннее, ошибочное и даже превратное представленіе, принявъ декорачіи дѣла за самое дѣло.

Что дала выставка педагогамъ, учителямъ и вообще лицамъ,

имѣющимъ непосредственное отношеніе къ школѣ? Судя по крайней бѣдности литературныхъ отзывовъ и по непосредственнымъ впечатлѣніямъ—ничего или почти ничего.

Нашелъ ли учитель общеобразовательной школы что-либо такое, что натолкнуло бы его на новую мысль, освѣтило его неосмысленную практику, разрѣшило его сомнѣнія и недоумѣнія? Подчеркнула ли выставка попытки освободиться отъ школьной рутины, собрала ли она новыя слова педагогическаго дѣла и пустила ли ихъ въ оборотъ? Повидимому, нѣтъ! Изъ 86 №№, выставленныхъ въ отдѣлѣ начальн. образованія, въ 50—учитель нашелъ такія же издѣлія ручного труда, какія могли быть выставлены и имъ самимъ; нашелъ коллекціи общепринятыхъ учебниковъ и учебныхъ пособій, отъ которыхъ у него уже давно зеленѣетъ въ глазахъ; нашелъ издѣлія по сѣдельному, шорному и др. мастерствамъ, которыя въ общеобразовательной школѣ имѣютъ одно лишь отрицательное значеніе; нашелъ множество фотографій, этихъ желтыхъ мухъ всякихъ выставокъ; нашелъ сотни отчетовъ, чтеніе которыхъ, если бѣ оно даже и было мыслимо на выставкѣ, не привело бы его ни къ какимъ болѣе или менѣе общимъ выводамъ и соображеніямъ; нашелъ образцово - представленныя школы одного изъ уѣздовъ, экспонировавшія 20,000 тетрадей, обстоятельное знакомство съ которыми потребовало бы по крайней мѣрѣ трехъ лѣтъ жизни,—но все, что онъ нашелъ, все это можетъ быть и типическое, неприкрашенное, среднее,—но именно поэтому всѣмъ знакомое, примелькавшееся, давно утратившее способность пробуждать мысль, взывать къ соревнованію, увлекать къ исканію совершенства... Найдеть онъ, пожалуй, кое-что и новое, въ родѣ школьнаго музея, «заказаннаго, по словамъ Очерка научно-учебн. отд., Коммиссіей съ тою цѣлю, чтобы публика могла ознакомиться съ составомъ и характеромъ подобныхъ учебныхъ коллекцій, которыя должны бы быть при всякой благоустроенной школѣ», и остановится въ неразрѣшимомъ недоумѣніи: почему въ самомъ дѣлѣ эта коллекція, составленная ad hoc и отличающаяся всѣми признаками случайности, не приуроченная ни къ какой программѣ, ни къ какому учебнику или пособию и ничѣмъ не мотивированная, почему названа музеемъ и уже рекомендуется для всякой благоустроенной школы, тогда какъ самая идея школьнаго музея, его составъ и мѣсто въ учебномъ планѣ едва лишь затронуты въ начелѣ литературѣ и совершенно еще не разработаны? Музей не сочиняется,—онъ органически возникаетъ при школѣ по мѣрѣ того, какъ она переходитъ отъ непрерывныхъ диктовокъ и грамматическихъ разборовъ—кромѣ ариметики, почти единственныхъ занятій въ нашей начальной школѣ—къ изученію природы, родины, отечества и т. д., онъ нуженъ школѣ настолько, насколько она шагнула въ область этихъ послѣднихъ изученій. Въ каждой школѣ долженъ быть и со временемъ, разумеется, будетъ свой особенный музей, можетъ быть не похожій на всѣ другіе и во всякомъ случаѣ не похожій на образцовый выставочный музей.

Для учителя на нашей педагогической выставкѣ было очень мало новаго и поучительнаго: немудрено, что онъ обозрѣвалъ ее скучающими глазами. Правда, даже сверхъ ожиданія организаторовъ отдѣла, учитель интересовался письменными работами учениковъ, особенно по русскому языку. Направленіе любознательности, правду сказать, весьма одностороннее, хотя и вполне объяснимое тѣмъ схоластическимъ направленіемъ, которое давно уже приняла наша начальная школа: добрую треть учебнаго времени школа тратитъ, на орфографію и связанныя съ нею грамматическія упражненія, гонится за безукоризненнымъ правописаніемъ, страдаетъ подъ тяжкимъ гнетомъ ею же самой изобрѣтенныхъ нелѣпныхъ, скучныхъ и бессодержательныхъ орфографическихъ работъ и востаетъ, не смотря на страшныя жертвы, достигаетъ весьма посредственныхъ результатовъ прежде всего въ той же орфографіи; естественно, что учителя дѣйствуютъ по пословицѣ: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; наболѣло у нихъ правописаніе, они и накинудись на тетради, отчасти—въ смутной надеждѣ найти въ нихъ нѣкое откровеніе для руководства въ своей практикѣ, отчасти—изъ себялюбивыхъ побужденій: и у насъ, молъ, не хуже, чѣмъ у другихъ.

Бѣдность поучительнаго на прошлой педагогической выставкѣ происходила не отъ недостатка организаторскихъ талантовъ у ея устроителей: она—естественное слѣдствіе самой идеи *педагогической* выставки—дать понятіе о томъ, что въ сущности не можетъ быть выставлено (*состояніе* просвѣщенія, *развитіе* учащихся и т. п.), что въ нѣкоторой степени познается изъ цифровыхъ данныхъ, изъ обстоятельныхъ отчетовъ, о чемъ наглядное и выставочное можетъ дать лишь одностороннее и слѣдовательно неправильное представленіе. Слѣдуетъ прибавить, что несостоятельность основной идеи еще осложнилась крайне неполезнымъ для успѣха выставки намѣреніемъ выставить *не наилучшее*, а нѣчто среднее, т. е. именно то, что всякому хоть нѣсколько знакомому со школой давно и хорошо извѣстно. Выставка напротивъ должна бы показать наилучшее, наименѣе шаблонное, новое, не всѣмъ и каждому извѣстное.

Фотографіи, сотни отчетовъ, обозрѣніе которыхъ требуетъ цѣлыхъ мѣсяцевъ труда, руководья и издѣлія ручного труда—все это не даетъ ни малѣйшаго понятія объ общеобразовательной школѣ. Правда, на выставкѣ были многія тысячи ученическихъ тетрадей, но тетради были *не выставлены* въ какой-либо доступной для обозрѣнія системѣ, а набиты въ шкапы или ящики, т. е. представляли *сладъ* *), а не выставку, что далеко не одно и то же.

Техническія школы находились въ болѣе естественныхъ условіяхъ: онѣ экспонировали то, въ чемъ заключается ихъ сущность, и что могло служить болѣе или менѣе твердымъ основаніемъ для ихъ оцѣнки. На выставкѣ должны быть и статистическія данныя,

*) Этого нельзя сказать про тетради, выставленныя школами Нижегородскаго уѣзда. Ред.

но не въ томъ видѣ, какъ въ большинствѣ случаевъ они были представлены.

Выставка есть своего рода художественная задача, которую лучше другихъ поняла и разрѣшила Москва въ своемъ павильонѣ. Отчеты въ павильонѣ тоже, разумѣется, были, но для выставочнаго посѣтителя интересъ былъ не въ нихъ, а въ прекрасныхъ моделяхъ и диаграммахъ, которыя наглядно иллюстрировали различныя стороны городского благоустройства и главнымъ образомъ — школу. Число школъ, учащихся, учителей и учительницъ, ихъ содержаніе, возрастъ, продолжительность службы, и пр. и пр. все это было наглядно изображено и рѣзко запечатлѣвалось въ памяти, — а именно послѣднее и должно быть прямою и ближайшею цѣлью выставки.

Въ отдѣлѣ народнаго образованія наглядность была крайне слаба; трудно было уловить глазомъ что либо общее въ цѣломъ и характерное въ частностяхъ: не было перспективы: существенное скрывалось въ отчетахъ или брошюрахъ, неважное выступало на первый планъ; много было сырого матеріала, въ которомъ лишь случайно можно было встрѣтить что либо интересное.

Все это впрочемъ видѣли и сами организаторы отдѣла и нескрывали его недостатковъ: стараясь объять необъятное и на три-четверти имѣя дѣло съ плохо обработаннымъ, а иногда и сырымъ, матеріаломъ, они сдѣлали все, чего отъ нихъ справедливо можно было требовать.

Изъ Нижегородской выставки можно извлечь не мало полезныхъ, хотя главнымъ образомъ отрицательныхъ, уроковъ для руководства при организаціи будущей, Парижской. Приготовленія къ выставкѣ идутъ обычнымъ канцелярскимъ путемъ и, что весьма возможно, придуть къ обычному въ такихъ случаяхъ концу: наканунѣ выставки могутъ оказаться такіе пробѣлы во всѣхъ частяхъ, заполнить которые можетъ лишь только исключительно счастливая фантазія организаторовъ. Парижская выставка будетъ далеко не безразлична для чести русскаго имени, поэтому намъ слѣдуетъ приготовиться къ ней съ особеннымъ вниманіемъ и стараніемъ. Выставка въ мысленномъ ея видѣ должна быть готова во всѣхъ ея частяхъ и подробностяхъ ранѣе, чѣмъ будетъ приступлено къ ея матеріальной организаціи. Было бы поэтому весьма желательно видѣть въ печати — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, проектъ, или общій планъ, выставки, въ которомъ было бы указано для чего, что и какъ предполагается выставить. Нѣтъ сомнѣнія, что проектъ вызоветъ многочисленныя и разнообразныя мнѣнія и соображенія какъ о планѣ въ его цѣломъ, такъ и о различныхъ его подробностяхъ. Для организаторовъ выставки все это послужитъ въ высшей степени цѣннымъ матеріаломъ для выработки плана въ его окончательномъ видѣ.

Нижегородская выставка, повторяемъ, даетъ для будущей самыя цѣнные уроки.

Въ школьномъ отдѣлѣ у насъ все ползло врозь, все желало блеснуть, омрачая сосѣдей. Необходимо отказаться отъ вредной мысли представлять наше народное просвѣщеніе въ раздробленномъ

видѣ, отдѣльно [каждымъ вѣдомствомъ. Состязаніе между вѣдомствами должно быть нашимъ домашнимъ дѣломъ: на всемірной выставкѣ наша школа должна быть экспонирована во всемъ ея цѣломъ—отъ высшихъ училищъ до низшихъ, общеобразовательныя и всѣхъ видовъ спеціальныя, правительственныя, земскія, духовнаго вѣдомства, городскія, общественныя и частныя. Только въ цѣломъ взятое — наше школьное дѣло представитъ внушительную картину и произведетъ вѣрное дѣйствительности впечатлѣніе.

Необходимо при этомъ отказаться отъ невыставочной мысли показать себя въ будничномъ, сѣренькомъ, видѣ, такими, каковы мы сами: полезнѣе и для иностранцевъ и для насъ самихъ показать то, что мы сами цѣнимъ и считаемъ наилучшимъ, и что, какъ наилучшее, стараемся водворить у себя. И въ городахъ, и въ селахъ у насъ найдутся такія, наприм., школьныя зданія, которыя не потерялись бы не только во Франціи, но даже въ Германіи или Швеціи.

Не нужно забывать, что намъ трудно состязаться со школой передовыхъ странъ З. Европы. Считая нашъ бюджетъ школьнаго просвѣщенія даже въ 65 милліоновъ, при 130 мил. населенія, удѣляя слѣдовательно всего по 50 коп. съ души на школу, мы не можемъ угнаться за Франціей или Англійей, школьный бюджетъ которыхъ въ пять—шесть разъ больше нашего; да и многое изъ того, что мы могли бы показать, въ различныхъ своихъ частяхъ, есть лишь слабое подражаніе западной школѣ (не говоримъ уже о средней школѣ, и въ начальной—методы преподаванія (арифм., географіи), объяснительное чтеніе, всевозможныя пособія (шведскіе счеты, модели, картины), гимнастика, ручной трудъ—все это чужое, плохо приуроченное, часто кое-какъ переведенное, иногда прямо съ иностраннымъ клеймомъ. Если устранить все чужое и подражательное, во многихъ нашихъ школахъ останутся только закопѣлыя стѣны да севозныя щели.

Наша начальная многообдѣленная школа, слышущая у нѣмцевъ подъ именемъ нищенской, во многихъ странахъ на Западѣ отжила уже свой вѣкъ, и нѣтъ надобности экспонировать ее съ особеннымъ усердіемъ, тѣмъ болѣе, что она, съ ея погоней за правописаніемъ, съ непрерывными диктовками и грамматическимъ разборомъ, безусловно плоха и безъ всякаго сравненія съ европейской школой. Не смотря однако на бѣдность и несовершенство нашей школы, у насъ есть нѣчто, чѣмъ мы справедливо можемъ гордиться, и что въ глазахъ будущихъ историковъ нашей культуры явится самымъ свѣтлымъ и славнымъ событіемъ послѣдняго тридцатилѣтія. Мы говоримъ о *ростѣ* школы. Тридцать лѣтъ назадъ грамотный въ деревнѣ былъ рѣдкимъ исключеніемъ; теперь и нерѣдко въ тѣхъ же прежде темныхъ мѣстахъ вопросъ о всеобщемъ обученіи близокъ къ разрѣшенію. Правда, есть еще губернія, въ родѣ Ковенской, гдѣ одинъ учащійся приходится болѣе чѣмъ на 100 жителей, но эти мрачныя углы не уничтожаютъ отраднаго впечатлѣнія отъ общей картины энергическаго прогресса въ области народнаго просвѣщенія.

Было бы въ высшей степени желательно представить на всемирной выставкѣ наше школьное дѣло именно со стороны исторической, со стороны его роста, значительность котораго не можетъ не признать даже пристрастный наблюдатель. Можно смѣло сказать, что въ немногихъ странахъ въ такой короткій промежутокъ времени открыто школъ такъ много, какъ у насъ: въ какія нибудь 30 лѣтъ основано не менѣе 30 высшихъ учебныхъ заведеній, 300 среднихъ, 30.000 низшихъ. Мы не подочитывали цифръ и не ручаемся за ихъ точность, хотя и думаемъ, что дѣйствительныя числа скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе приведенныхъ.

Съ различныхъ сторонъ долженъ быть показанъ ростъ школы, и прежде всего—со стороны законодательной. Полезно было бы составить сборникъ органическихъ школьныхъ законовъ, т. е. уставовъ и положеній объ учрежденіи училищъ (двухклассныхъ, начальныхъ, церковно-приходскихъ, техническихъ, сельско-хозяйственныхъ, коммерческихъ, желѣзнодорожныхъ, мореходныхъ и пр. и пр.). Уставы и положенія могли бы быть представлены въ извлеченіяхъ.

Въ послѣднее тридцатилѣтіе возникла у насъ школьная литература—педагогическіе журналы, литература учебниковъ, пособій, методикъ и т. п., литература для дѣтей различнаго возраста,—слѣдовало бы дать нѣкоторое представленіе и объ этихъ богатствахъ. Объ учительскихъ и ученическихъ библіотекахъ, равно какъ о народныхъ читальняхъ должно быть дано болѣе или менѣе ясное представленіе.

Само собою разумѣется, что тѣ общія свѣдѣнія (о числѣ *всѣхъ* училищъ, *всѣхъ* учащихся и пр.), о необходимости которыхъ для большой публики говорено было выше, должны быть собраны и представлены на одной или нѣсколькихъ удобообозримыхъ таблицахъ.

Было замѣчено, что намъ не слѣдовало бы являться на показъ съ нищенской школой: законченнымъ типомъ низшаго училища слѣдуетъ признать *двухклассное сельское*, первый классъ котораго, исполняющій программу начального училища, приближается къ французской *école primaire élémentaire*, второй классъ къ *école primaire supérieure*, для полноты параллели можно бы экспонировать школу любого изъ дѣтскихъ садовъ, которая есть не что иное, какъ французская *école maternelle*.

Типъ такой начальной школы долженъ быть болѣе понятенъ иностранцу и въ то же время никоимъ образомъ не можетъ считаться подражаніемъ, ибо явился у насъ съ 1869 г. (Высочайше утвержд. 29 мая 1869 г. мнѣніе Госуд. Сов. о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ развитію народн. образов.), тогда какъ законъ о французскихъ *écoles primaires supérieures* изданъ почти 20 л. спустя (18 янв. 1887 г.). Одноклассная же начальная школа есть не болѣе, какъ школа грамоты, отъ которой она по установленному закономъ объему курса ничѣмъ не отличается *). Расширеніе курса начальной школы

*) *Начальная школа*: «Предметами курса начальныхъ народныхъ училищъ служатъ: а) Законъ Божій (краткій катихизисъ и Священная исто-

вызвано такими сложными жизненными условиями, выясненіе которыхъ выходитъ за предѣлы какой бы то ни было выставки.

Кромѣ данныхъ, касающихся учащихся (образовательный цензъ, возрастъ, содержаніе и пр.), учащихся, числа учебныхъ дней, распределенія учебныхъ занятій, программъ и пр., при школахъ (мы предполагаемъ двухклассное сельск. училище), какъ ея необходимое дополненіе, должны быть учительская и ученическая библіотеки, коллекціи и различныя др. пособія.

Гимназіи на Нижегородской выставкѣ экспонировали только фотографии—предметъ, имѣющій весьма отдаленное отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу. Во всякомъ случаѣ было бы весьма желательно возможно меньше злоупотреблять подобнаго рода экспонатами.

Наряду съ реальными училищами всего лучше могли бы быть представлены кадетскіе корпуса. Корпуса суть реальныя училища по ихъ духу и организаціи, а не потому только, что въ нихъ не преподаются классическіе языки.

Техническія, земледѣльческія и др. спеціальныя училища найдутъ, что выставить. Если на выставкѣ нельзя дать мѣста каждому типу спеціальныхъ училищъ, было бы желательно остановиться лишь на такихъ, спеціальность которыхъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ народному благосостоянію. У насъ любятъ выставлять искусственныя цвѣты, штампованные иностранными машинками, платья по французскимъ моделямъ, сомнительнаго изыщества вышиванье и т. п. пустяки: школы, изготовляющія земледѣльческія орудія, школы сыроваренія, огородничества и т. п. были бы можетъ быть болѣе интересны. Экспонатъ; хотя бы это былъ кругъ сыра или сошникъ, долженъ быть выставленъ такъ, чтобы за нимъ былъ виденъ живой человекъ, ученикъ—мастеръ, и не только одно техническое искусство ученика, но и степень его знаній и умственнаго развитія, насколько послѣднія могутъ быть демонстрированы.

Общества и частныя лица, содѣйствующія просвѣщенію, должны безъ сомнѣнія тоже экспонировать на выставкѣ: игры, игрушки, различныя учебныя пособія, если въ нихъ найдется что-либо оригинальное, должны занимать видное мѣсто. На выставкѣ народнаго просвѣщенія не слѣдовало бы можетъ быть забывать и народнаго театра.

Народный театр, разумѣется, одинъ изъ существующихъ, могъ бы послужить моделью для павильона народнаго просвѣщенія. Судьба павильоновъ на всѣхъ выставкахъ выражать собою, рядомъ съ несомнѣннымъ архитектурнымъ творчествомъ, и весь запасъ нако-

рія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первыя четыре дѣйствія ариметики и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно».

Школа грамоты: «Предметы курса школъ грамоты составляютъ: Законъ Божій (краткая Священная исторія Ветхаго и Новаго Завета и краткій катихизисъ), церковное пѣніе съ голоса, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисленіе» (§ 14).

пившагося годами безвкусіа и не приуроченной ни къ чему дѣльному фантазіи.

Павильонъ долженъ дать понятіе не только о стилѣ, но и о вкусѣ русскаго архитектора, о творческомъ полетѣ его фантазіи, независимо отъ орнамента, которымъ у насъ привыкли затыкать всѣ архитектурныя прорѣхи.

Французы по преимуществу выставочный народъ: ихъ вкусъ, изобрѣтательность, изящество, съ которымъ они умѣютъ выставить самыя неуклюжіе и прозаическіе предметы,—все это нужно имѣть въ виду при эксплуатаціи предметовъ, въ большинствѣ случаевъ мало изящныхъ, не блестящихъ, не новыхъ.

На Нижегородской выставкѣ доборативная сторона отдѣла была слаба: глазъ утомлялся отъ множества лишнихъ и ненужныхъ вещей. Такъ, въ павильонѣ, всѣ экспонаты котораго могли бы выразиться десяткомъ крупно-отпечатанныхъ цифръ, предъ вами отъ полу до потолка по всѣмъ стѣнамъ развѣшаны рукодѣлія до-нельзя однообразныя, одинаково пестрыя, одинаково искусно сдѣланныя. Надо выставлять такъ, чтобы зритель любовался, а не щурился и не морщился, глядя на выставленную неразбериху.

Особенно же слѣдуетъ посовѣтовать воздержаніе отъ кумача. Кумачъ—это первое, за что у насъ хватается выставочный декораторъ.

Архитекторъ «воздвигнетъ» зданіе по модели товарнаго вагона и украситъ его рѣзными пѣтухами и полотенцами; затѣмъ декораторъ пуститъ аршинъ 300 кумачу и украситъ фестонами, букетами и кувшинами. Выходитъ какъ будто не дурно и какъ будто въ русскомъ стилѣ,—въ сущности же—альяповато, безвкусно и очень дурно.

До Парижской выставки времени еще много: можно все предсмотрѣть, обсудить и обдумать и неявиться въ гости съ такими недочетами и дефектами, которые и дома далеко не всѣмъ доставили удовольствіе.

В. Воскресенскій.

Л. Н. Толстой.

«Дай только Бог Толстому пожить, а онъ, я твердо надѣюсь, еще удивить насъ всѣхъ; это—талантъ первостепенный!»

Такъ писалъ Тургеневъ одному изъ своихъ друзей 29 октября 1854 года, когда будущій творецъ «Войны и Мира», въ ту пору еще совсѣмъ молодой офицеръ, только что дебютировалъ въ литературѣ своимъ «Дѣтствомъ» и «Отрочествомъ». Художническое чутье не обмануло старшаго собрата: прошло всего какихъ нибудь 10—12 лѣтъ,—и «первостепенный талантъ», такъ ярко заявившій себя съ перваго шага, развернулся во всю свою необъятную ширь. За «Дѣтствомъ», «Отрочествомъ», «Юностью» послѣдовалъ рядъ небольшихъ разсказовъ изъ мирной, затѣмъ—изъ военной жизни, близкой автору: отрывки севастопольской эпопеи, картины боевой «страды» на Кавказѣ... все это были произведенія, еще не имѣвшія себѣ ничего подобнаго въ нашей литературѣ по свѣжести, правдивости, выразительности; но они были не больше, какъ «пробами пера», подготовительными этюдами для единственнаго во всемирной литературѣ повѣствованія—«Война и Миръ», которое сразу поставило имя «великаго писателя земли русской» на недосягаемую высоту. Продолженіемъ «Войны и Мира», какъ извѣстно, должны были служить «Декабристы»; но авторъ оставилъ первоначальный замыселъ и сразу перешагнулъ изъ исторіи въ современность въ «Аннѣ Карениной». Заключительныя главы этого романа уже заключаютъ въ себѣ программу всѣхъ позднѣйшихъ произведеній Толстого, — до самаго послѣдняго времени.

Такова, въ самыхъ крупныхъ чертахъ, литературная дѣятельность Толстого, продолжающаяся уже болѣе сорока пяти лѣтъ. Въ задачу настоящаго очерка не входитъ подробный анализъ произведеній писателя, всѣмъ извѣстныхъ и памятныхъ; послѣ всего, что писано о Толстомъ и въ Россіи, и за границей, это представлялось бы бесполезнымъ, такъ какъ, конечно, нѣтъ ни одного сколько-нибудь образованнаго человѣка, который бы не читалъ и не перечитывалъ много разъ каждую страницу сочиненій Толстого и не былъ бы знакомъ съ тѣми мнѣніями, какія высказывались о немъ критикой. Мы хотѣли бы попытаться передать только общее впечатлѣніе, вызываемое изученіемъ писателя, намѣтить его существенныя, характерныя осо-

бенности, подѣлиться тѣми мыслями, какія остаются въ умѣ и на сердцѣ послѣ каждаго прикосновенія къ страницамъ гениальнаго художника и оригинальнаго мыслителя.

Прежде всего—сочиненія Толстого, во всей своей совокупности, отъ самыхъ раннихъ до послѣднихъ, представляются какъ одно громадное цѣлое (громадное не объемомъ, а содержаніемъ), поражающее своею огромностью, массивностью и чрезвычайнымъ разнообразіемъ, точно средневѣковой соборъ, снизу до верху покрытый безчисленнымъ количествомъ скульптурныхъ фигуръ, орнаментовъ и надписей. И какъ въ такомъ соборѣ, внимательно присматриваясь къ его стѣнамъ и колоннамъ, всякій разъ открываешь новыя, неожиданныя или незамѣченныя ранѣ фигуры, новыя идеи, новые мотивы творческой фантазіи строителей, такъ и въ сочиненіяхъ Толстого, всякій разъ, когда къ нимъ обращаешься, находишь, чуть не на каждомъ шагу, что нибудь новое. Въ этомъ отношеніи, кажется, только одинъ писатель можетъ быть достойнымъ соперникомъ нашего великаго романиста, именно—Шекспиръ. Какъ у Шекспира, такъ и у Толстого передъ нами медленно развертывается безконечно разнообразная картина жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, великихъ и ничтожныхъ, трагическихъ и смѣшныхъ, трогательныхъ и отталкивающихъ,—проходитъ множество лицъ и событій, идей и настроеній, причемъ нерѣдко одно какое-нибудь мелкое, мимоходомъ оброненное замѣчаніе вызываетъ въ умѣ читателя цѣлый рядъ образовъ и мыслей. Припомните все поразительно огромное и разнообразное содержаніе «Войны и Мира»,—этой исторической картины, обнимающей собою два самыя бурныя десятилѣтія европейской исторіи нашего вѣка,—вы увидите, что въ этомъ произведеніи, которое какъ-то совѣстно назвать банальнымъ именемъ «романа», какъ въ зеркалѣ, отразилась вся Россія, отъ деревенской хижины до царскаго дворца,—Россія политическая, военная, великосвѣтская, помѣщичья, солдатская, мужицкая. Здѣсь мы видимъ и поле сраженія, и придворный балъ, и клубъ, и тихій семейный уголокъ стариннаго дома, и народную толпу,—но прежде всего и больше всего видимъ жизнь, настоящую, живую, реальную жизнь, воспроизведенную во всѣхъ подробностяхъ могучимъ воображеніемъ писателя. Это—жизнь не столько природы, сколько человѣка: въ противоположность Тургеневу, великому мастеру пейзажа, Толстой очень скупъ на описанія; онъ разсматриваетъ природу не какъ нѣчто существующее само по себѣ, независимо отъ человѣка, а только какъ рамку, въ которой живутъ и движутся люди, и которая измѣняется въ зависимости отъ смѣны людскихъ чувствъ и настроеній. Пейзажи Толстого ограничиваются лишь самыми необходимыми, крупными мазками, которые получаютъ смыслъ только въ присутствіи извѣстнымъ образомъ настроенныхъ людей. Другими словами, для Толстого на первомъ планѣ всегда стоитъ *человѣкъ*, и въ изображеніи человѣка онъ не знаетъ себѣ равнаго въ нашей литературѣ. Съ удивительною наблюдательностью онъ подмѣчаетъ малѣйшія черты, сколько-нибудь характерныя для изображаемой личности, и воспроизводитъ ихъ съ точностью очевидца; всѣ его фи-

гуры, крупные и мелкія, живутъ и дышатъ передъ вами,—вы становитесь свидѣтелемъ ихъ рѣчей и поступковъ, участникомъ ихъ бесѣдъ, вы сживаетесь съ ихъ радостями и печальми, надеждами и тревогами, проникаете въ глубь ихъ внутренней, душевной жизни, начинаете относиться къ нимъ совсѣмъ какъ къ живымъ людямъ, съ тѣмъ или инымъ чувствомъ. И этотъ эффектъ достигается безъ всякаго лиризма, безъ всякихъ искусственныхъ ораторскихъ приѣмовъ, къ которымъ нерѣдко прибѣгаетъ, напримѣръ, Тургеневъ и почти всегда—Достоевскій,—достигается единственно силою реального воссозданія жизни внѣшней и внутренней въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ (или, скорѣе,—безпорядкѣ), въ какомъ она на самомъ дѣлѣ должна была проходить. Толстой въ своемъ разсказѣ какъ будто не желаетъ признавать никакой послѣдовательности; нисколько не заботясь объ удобствахъ читателя, онъ то и дѣло вдается въ отступленія, въ длинноты, останавливается на эпизодахъ, повидимому, совершенно излишнихъ, съ истинно гениальною смѣлостью не брезгаетъ никакими положеніями, никакими словами, — и изъ этихъ отдѣльныхъ кусочковъ и мелкихъ черточекъ медленно творитъ свои глубоко правдивыя, незабываемыя картины. При этомъ онъ почти не прибѣгаетъ къ подробному анализу дѣйствующихъ лицъ, предоставляя читателю самому дѣлать выводы изъ ихъ поступковъ. Левинъ, Вронскій, Анна Каренина, князь Андрей, Пьеръ Безуховъ, Наташа, Николай Ростовъ являются передъ нами людьми дѣйствующими, говорящими, мыслящими, и каждый изъ нихъ съ такой полнотой высказываетъ свое внутреннее я въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ и характерныхъ фактовъ и въ продолженіе такого значительнаго промежутка времени, что мы становимся какъ бы очевидцами всей ихъ жизни. Толстой обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ воплощаться въ любое изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, жить ихъ существомъ, мыслить ихъ мыслями, чувствовать ихъ чувствами; въ этомъ отношеніи для него не представляетъ затрудненій не только разница возраста и общественнаго положенія, но даже разница пола: трудно указать другого писателя, который бы сумѣлъ такъ вѣрно представить характеръ молодой дѣвушки, какъ сдѣлалъ это Толстой въ изображеніи Сони и Наташи въ «Войнѣ и Мирѣ». Въ особенности поразительна эта Наташа съ ея ребяческими, подчасъ мальчишескими выходками, съ ея вѣчнымъ щебетаньемъ веселенькой птички, съ ея тревогами и заботами по поводу «перваго бала», съ ея итѣжнымъ участіемъ въ жизни старшихъ родныхъ, любовью къ князю Андрею, внезапными приступами тоски, нездоровья и душевнаго смятенія. Не менѣе поразительно развертывается передъ нами, во всѣхъ своихъ изгибахъ, и душевная жизнь Анны Карениной, этой гордой великосвѣтской красавицы, падающей жертвою случайнаго, стихійнаго порыва страсти. Романа, въ которомъ такъ ярко, такъ рельефно обрисовывается эта героиня, представляетъ образецъ той-же писательской манеры, которою характеризуется «Война и Миръ», — той же медленной лѣпки дѣйствующихъ лицъ изъ множества кусочковъ дѣйствій, рѣчей, положеній, которыми мало-по-малу опредѣляется со всѣхъ

сторонѣ цѣльная фигура. Именно такой способъ изображенія и дѣлаетъ эти фигуры не просто реальными, но непрестанно, непрерывно живущими, развивающимися, мѣняющими свое внѣшнее обличье и свой внутренній складъ; онѣ растутъ на нашихъ глазахъ, какъ деревья, одѣваются листвою, цвѣтутъ, приносятъ плоды и снова теряютъ свой зеленый покровъ... Выше мы замѣтили, что названіе «романа» какъ-то не вяжется съ такимъ произведеніемъ, какъ «Война и Миръ»; мало подходитъ оно и къ «Аннѣ Карениной». Въ самомъ дѣлѣ, романомъ принято называть обработку вполне опредѣленнаго и законченнаго драматическаго и психологическаго сюжета, анализъ—въ рамкѣ опредѣленной «фабулы» какой-нибудь страсти или вообще душевнаго состоянія (преимущественно—любви и родственныхъ съ нею чувствъ). Но гдѣ «сюжетъ», въ чемъ «фабула» двухъ романовъ Толстого? Какъ связно и коротко изложить ихъ содержаніе? Это не «выдумка», рассказанная съ соблюденіемъ условій единства дѣйствія и постепеннаго нарощенія эффектовъ, это—сама жизнь, цѣлая жизнь множества людей различныхъ возрастовъ и положеній, занимающая значительный промежутокъ времени; это—цѣлая сложная ткань мелкихъ эпизодовъ, причудливо переплетающихся между собою на пестрой житейской канвѣ и рисующихъ медленное, послѣдовательное развитіе каждой отдѣльной личности. Исторія Анны Карениной, Вронскаго, Левина, князя Андрея Болконскаго, Наташи, Николая Ростова, Пьера Безухова и многихъ другихъ можетъ служить примѣромъ и подтвержденіемъ сказаннаго. Всѣ эти люди движутся, каждый по своей орбитѣ, вокругъ одного общаго, таинственнаго центра и съ каждой новой минутой своего жизненнаго пути являющіяся новыми, непохожими на прежнихъ самихъ себя,—точно такъ-же, какъ и въ настоящей жизни каждый сегодняшній человѣкъ—больше или меньше—уже не тотъ, что былъ вчера. Иногда это превращеніе, или, если угодно, эволюція, совершается медленно, чуть замѣтно; иногда, подъ влияніемъ окружающихъ человѣка и такъ или иначе захватывающихъ его событій, она представляется рѣзкимъ скачкомъ; Толстой удивительно умѣетъ подмѣчать и указывать эти измѣненія, постоянно имѣя въ виду присущую человѣческой душѣ способность болѣе или менѣе приспособляться къ условіямъ окружающей жизни.

Обыкновенно ставятъ въ особенную заслугу писателю то, что онъ изображаетъ «типы». Но «типъ» всегда есть нѣчто условное, болѣе или менѣе отвлеченное, а стало быть—болѣе или менѣе не живое. У Толстого нѣтъ «типовъ», потому что его произведенія населены живыми людьми. Нѣтъ сомнѣнія, что, напр., Пьеръ Безуховъ многими своими чертами подходитъ къ «типу» русскаго интеллигентнаго человѣка начала нынѣшняго столѣтія: въ немъ есть кое-что изъ Онѣгина, кое-что изъ Чацкаго; какъ и вся тогдашняя Россія, онъ тяжеловѣсенъ, добръ, едва-едва справляется съ своими животными инстинктами и въ то же время полонъ смутнаго безпокойства, неясныхъ порывовъ, неопредѣленныхъ стремленій... Но въ то же время это—живой человѣкъ, со множествомъ чертъ и особенностей, характерныхъ для него лично, но вовсе не типичныхъ: онъ

застѣнчивъ, близорукъ, неуклюжъ, влюбленъ, онъ относится къ женѣ, дѣтямъ, слугамъ совсѣмъ не по шаблону «типа», а по настроенію живого лица. Точно такъ же и Платонъ Каратаевъ, въ которомъ иные критики хотѣли видѣть чуть ли не символъ русскаго народа, на самомъ дѣлѣ настолько проникнуть живую личную жизнь, что его никакъ не уложишь въ отвлеченную формулу. «Это не мечта», какъ говорилъ Собакевичъ о плотникѣ Прокѣ. Припомните выразительныя фізіономіи всѣхъ, крупныхъ и мелкихъ, людей, которыхъ такое множество проходитъ передъ нами у Толстого, и скажите: гдѣ же между ними «типы» молодой дѣвушки, офицера, интенданта, игрока, чиновника, помѣщика? Развѣ, напр., Наташа Ростова или Китти Щербацкая, капитанъ Тимохинъ, полковникъ Бергъ, Долоховъ, Каренинъ, Левинъ подойдутъ подъ эти же шаблонныя схемы? Конечно, нѣтъ: каждое изъ этихъ лицъ—не олицетвореніе отвлеченной «идеи» или категоріи, а человекъ самъ по себѣ, въ своемъ родѣ единственный и не повторяющійся,—«индивидъ», а не типъ. Глубокое разумѣніе жизни прошлой и современной дало писателю возможность вызывать эти десятки, сотни образовъ и вдохнуть въ нихъ живую душу, которая проявляется у cadaго изъ нихъ на свой особый, только ему одному свойственный ладъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ абстракціей, а съ непосредственнымъ наблюденіемъ. Тургеневъ съ ироніей отзывался о критикахъ, которые утверждали, что онъ въ своихъ произведеніяхъ «отправляется отъ идеи» или «проводитъ идею», хотя эти критики далеко не всегда были такъ рѣшительно неправы, какъ хотѣлъ указать романистъ, потому что во многихъ его произведеніяхъ, дѣйствительно, нельзя не видѣть «идейнаго» замысла. О Толстомъ, кажется, никто ничего подобнаго не говорилъ: ни въ мелкихъ своихъ очеркахъ и разсказахъ, ни въ двухъ большихъ романахъ онъ, повидимому, ни отъ какой «идеи» не отправляется, а просто беретъ жизнь такую, какою она представляется его творческому воображенію. Онъ не судитъ своихъ лицъ, никого изъ нихъ не вѣнчаетъ и не развѣнчиваетъ...

Такое—чисто эпическое—отношеніе писателя къ своей задачѣ опредѣляетъ и форму его произведеній. Вся ихъ внѣшняя техника, вся композиція обусловливается необходимостью охватить и передать въ разсказѣ какъ можно больше фактовъ жизни внѣшней и внутренней, какъ можно больше крупныхъ и мелкихъ событий, въ которыхъ такъ или иначе отразился бы характеръ изображаемыхъ имъ людей. Отсюда—извѣстная отрывочность, непоследовательность, иногда даже отсутствіе внѣшней связи между отдѣльными эпизодами: вѣдь и въ настоящей жизни событія никогда не идутъ другъ за другомъ по строго выработанной программѣ. Вообще, Толстой мало заботится о техникѣ; его языкъ часто тяжелъ и порой удивительно небреженъ; это не гладкая, изящно отдѣланная, блестящая фраза Тургенева, въ которой нельзя ни прибавить, ни убавить ни одного слова,—не страстная, порывистая, торопливая и сбивчивая рѣчь Достоевскаго; это простой, безхитростный языкъ разсказчика, который пишетъ такъ, какъ говорить, и иногда, запутавшись въ тяжеловѣсномъ періодѣ

между нѣсколькими «что» и «которыми», не даетъ себѣ труда хоть нѣсколько исправить неудачно вылившіяся изъ подъ пера строки. Нерѣдко онъ вдается въ мелочныя подробности, утомительныя и какъ будто даже излишнія; за то въ другихъ мѣстахъ его рѣчь достигаетъ изумительной красоты, силы и выразительности, и каждое слово ложится въ память неизгладимымъ отпечаткомъ. Эта неровность стиля какъ будто выдаетъ душевное состояніе самого писателя, который, бросившись вмѣстѣ съ созданными имъ лицами въ водоворотъ жизни, по временамъ чувствуетъ то крайнее утомленіе, то могучій приливъ новыхъ свѣжихъ силъ...

Рисуя такую широкую, всеобъемлющую картину жизни во всемъ ея разнообразіи, Толстой ни на минуту не теряетъ изъ виду основного вопроса: въ чемъ же смыслъ этой жизни? зачѣмъ она? въ чемъ настоящее назначеніе человѣка и какъ слѣдуетъ ему жить? Этотъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго писатель видитъ краеугольный камень нравственнаго бытія, въ большей или меньшей степени ставится и разрѣшается всѣми дѣйствующими лицами его произведеній, начиная съ мальчиковъ, изображенныхъ въ «Дѣтствѣ», «Отрочествѣ» и «Юности», продолжая героями севастопольскихъ разсказовъ и мелкихъ очерковъ вродѣ «Люцерна», «Записокъ маркера», «Казаковъ», и оканчивая «Войной и Миромъ» и «Анной Карениной». И чѣмъ дальше идетъ Толстой въ своей дѣятельности, тѣмъ больше и больше выдвигается на первый планъ этотъ существенный вопросъ о смыслѣ и цѣли человѣческаго существованія; художникъ все больше и больше уступаетъ мѣсто философу, проповѣднику-моралисту, который, въ концѣ концовъ, приходитъ даже къ отрицанію искусства, къ осужденію самого себя, какъ живописателя жизни. Но напрасно думаютъ, будто между Толстымъ послѣдняго 15-лѣтія и прежнимъ Толстымъ произошелъ какой-то разрывъ: идеи, нашедшія себѣ наиболѣе полное выраженіе въ послѣднихъ произведеніяхъ писателя, проходятъ руководящимъ началомъ черезъ всю его литературную дѣятельность; только въ раннюю пору онѣ далеко еще не имѣли той рельефности, той рѣзкой опредѣленности, какую получили впоследствии, подъ вліяніемъ долгихъ думъ и многолѣтняго житейскаго опыта. Но и въ эту раннюю пору дѣятельности Толстого мы видимъ то же вдумчивое отношеніе къ жизни, то же стремленіе разгадать ея внутренній смыслъ, то же глубокое сочувствіе къ человѣческому страданію, душевному и физическому, уравнивающему всѣхъ людей, великихъ и малыхъ. Какъ въ позднѣйшихъ, такъ и въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Толстой съ особенною любовью останавливается на картинахъ мирной, здоровой семейной жизни, взаимной привязанности между людьми, товарищества, дружбы, братской взаимной помощи. Почти всѣ его лица проникнуты тою добротою, жалостливостью, снисходительностью къ человѣческимъ слабостямъ, способностью «все понять и все простить», которая такъ много облегчаетъ сожителство людей въ обществѣ; въ каждомъ изъ нихъ живо чувствуется и по своему выражается то серьезное нравственное отношеніе къ жизни, какого такъ настойчиво требуетъ Толстой въ послѣднихъ, проповѣдническихъ своихъ книгахъ

и статьяхъ. Достаточно напомнить ту сцену въ «Аннѣ Карениной», гдѣ героиня романа, въ ожиданіи смерти послѣ родовъ, соединяетъ руки своего мужа и любовника, или сцену въ «Войнѣ и Мирѣ», гдѣ Каратаевъ, также въ ожиданіи смерти, въ душномъ и темномъ сараѣ рассказываетъ своимъ товарищамъ-плѣнникамъ исторію про купца, напрасно осужденнаго за убійство и простившаго, на каторгѣ, дѣйствительному убійцѣ совершенный имъ грѣхъ...

Все дѣйствующія лица Толстого, поскольку они живутъ сознательною жизнью, чувствуютъ постоянную необходимость оправдать свое существованіе, указавъ самимъ себѣ его цѣль и смыслъ, — разрѣшить, такъ или иначе, основную задачу бытія. Чѣмъ ближе подходятъ годы зрѣлости и старости, чѣмъ навязчивѣе становится мысль о неизбѣжной смерти, тѣмъ настойчивѣе эта задача требуетъ разрѣшенія, тѣмъ серьезнѣе начинаетъ смотрѣть человекъ на свои обязанности въ отношеніи себя самого и своихъ ближнихъ, тѣмъ сильнѣе становится его безпокойство въ поискахъ высшей правды. Главныя дѣйствующія лица «Войны и Мира», люди, большею частью, военные, придворные, богатые и праздные, съ болєю въ сердцахъ подходятъ къ этому неизбѣжному вопросу и тревожно ищутъ отвѣта, который могъ бы оправдать ихъ надежды и вѣрованія. Князь Андрей Болконскій, человекъ сухо-корректный, холодный, положительный, подъ влияніемъ этой неотвязной думы о смыслѣ существованія теряетъ свою обычную практическую разсудительность, впадаетъ въ сомнѣнія, въ противорѣчія съ самимъ собой; смерть жены и невозможность загладить свою суровость въ отношеніи къ этому легкомысленному, но въ сущности доброму, созданію наполняютъ его сердце горечью, и онъ жадно прислушивается къ необычнымъ для него рѣчамъ Пьера, въ которыхъ слышится убѣжденная вѣра въ личнаго Бога и будущую жизнь. Эти рѣчи обновляютъ его жизненную силу, придаютъ ему бодрость и надежду; онъ снова бросается въ водоворотъ общественной дѣятельности, ищетъ на поляхъ битвъ забвенія и исцѣленія отъ своихъ личныхъ неудачъ житейскихъ—и, смертельно раненый, погружается въ нѣмое созерцаніе таинственнаго, загадочнаго мрака смерти, медленно и неудержимо къ нему подступающей и заслоняющей отъ него все живое, все, что онъ любилъ и ненавидѣлъ, къ чему стремился и чего боялся на землѣ... Съ гораздо большою силою и подробностью изображаетъ Толстой душевныя тревоженія другого своего героя — Пьера Безухова. Почувствовавъ отвращеніе отъ грубыхъ удовольствій, которыми онъ старался заглушить въ себѣ внутренняго «червяка», гложущаго сердце, онъ тревожно бросается изъ стороны въ сторону въ поискахъ ключа къ загадкѣ жизни, того магическаго слова, которое раскрыло бы передъ нимъ ея смыслъ и цѣль, и въ минуту полнаго отчаянія встрѣчаетъ на своемъ пути страннаго проповѣдника, который заводитъ съ нимъ рѣчь о Богѣ и будущей жизни въ духѣ масоновъ; эта рѣчь увлекаетъ его въ масонство, но ненадолго: пылливый умъ скоро убѣждается въ неудовлетворительности масонской филозофій и морали, и онъ опять оказывается на распутьѣ, не зная,

что дѣлать и куда направить усилія своей воли, гдѣ найти для себя сколько-нибудь прочный нравственный устой. Совершающіеся вокругъ него великія историческія событія ставятъ его лицомъ къ лицу съ тою «роевою» народною силою, которая, по убѣжденію Толстого, является единственно зиждущимъ началомъ исторіи,—съ простодушнымъ патриотизмомъ и непоколебимою вѣрою массы. Подхваченный этой волной народнаго одушевленія, онъ бросаетъ свой барскій домъ, вмѣшивается въ толпу, пытается жить одною съ нею жизнью, задумываетъ совершить подвигъ,—убить Наполеона,—подъ влияніемъ случайнаго разговора отказывается отъ этого замысла, попадаетъ въ толпу захваченныхъ французами «поджигателей» Москвы и здѣсь съ изумленіемъ и восторгомъ прислушивается къ простымъ, полнымъ безхитростной задушевности, рѣчамъ взятаго отъ сохи солдата Каратаева, который представляется ему «непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ всего русскаго и добраго, духа простоты и правды». И вотъ, подъ влияніемъ этихъ безхитростныхъ рѣчей, Пьеръ «узналъ не умомъ, а всѣмъ существомъ своимъ, жизнью, что человѣкъ сотворенъ для счастья, что счастье въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастье происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка... Онъ узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и вполнѣ свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданія и граница свободы, и что эта граница очень близка...»

Подобными же чертами изображается тяжелое раздумье и «просвѣтлѣніе» Левина. Въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ произведеній Толстого—въ разсказахъ «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», въ драмѣ «Власть Тьмы», въ сказкѣ «Объ Иванѣ-дуракѣ», въ «Исповѣди» и т. д., и т. д. писатель постоянно, неизмѣнно возвращается къ той же основной своей идеѣ, освѣщая ее съ разныхъ сторонъ и противопоставляя простое, безхитростное міросозерцаніе массы, съ ея твердою вѣрою и естественною моралью, извращеннымъ понятіямъ и мелочнымъ, тщеславнымъ тревоженіямъ и заботамъ «культурнаго» человѣчества. Съ первыхъ страницъ «Дѣтства», появившихся въ печати 46 лѣтъ тому назадъ, и до послѣдняго, въ нынѣшнемъ году напечатаннаго, разсужденія объ искусствѣ, безпрестанно и все болѣе и болѣе «нарастающаго», повторяется этотъ руководящій мотивъ литературной дѣятельности нашего великаго писателя. Этимъ руководящимъ мотивомъ обуславливается и выборъ изображаемыхъ имъ характеровъ и положеній: Толстой почти совершенно исключаетъ изъ круга своихъ наблюденій изображеніе сильныхъ страстей культурнаго человѣчества,—честолюбія, жажды богатства, власти, славы, точно такъ же, какъ и изображеніе пороковъ, отъ которыхъ всего больше страдаетъ культурное общество; въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только самыми легкими штрихами, оставляя совершенно незатронутыми многія важныя стороны жизни, очевидно, не вызывающія его симпатій какъ художника и мыслителя...

Въ постепенномъ развитіи и проясненіи этого основного мотива въ сочиненіяхъ Толстого видно, какъ собственная оригинальная личность писателя понемногу все больше и больше пробивается сквозь рисуемыя имъ картины чужой жизни, какъ она все яснѣе и яснѣе просвѣчиваетъ въ рѣчахъ и поступкахъ его дѣйствующихъ лицъ, созданий его воображенія, и наконецъ, когда ей становится уже тѣсно въ этой романической оболочкѣ, смѣло сбрасываетъ ее съ себя и является безъ всякаго прикрытія, во всей своеобразной своей полнотѣ. Проповѣдникъ-моралистъ беретъ верхъ надъ художникомъ, идеалистъ — надъ реалистомъ; окружающая писателя жизнь перестаетъ быть для него предметомъ спокойнаго наблюденія и эпического воспроизведенія и становится только матеріаломъ для сужденія о томъ, какъ слѣдуетъ и какъ не слѣдуетъ жить,—соотвѣтственно требованіямъ опредѣленнаго моральнаго идеала. Исходнымъ пунктомъ этого идеала служитъ то же сопоставленіе жизни культурнаго круга съ простодушнымъ міросозерцаніемъ народной массы, которое приводитъ Левина къ мысли о необходимости приблизить свою личную жизнь къ жизни народа, «опроститься», т. е. опуститься до низменнаго матеріальнаго уровня народной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ подняться на высоту ея нетронутыхъ, цѣльныхъ и спасительныхъ нравственныхъ устоевъ. Для всякаго мыслящаго человѣка представленіе о смерти своей собственной и своихъ близкихъ служить пробнымъ камнемъ тѣхъ нравственныхъ понятій, какія онъ кладетъ въ основу своей жизни. Большинство людей, сознательно или нѣтъ, удаляютъ отъ себя эту мысль, боятся слишкомъ прямо поставить ее передъ собою; другіе довольствуются тѣмъ утѣшеніемъ, какое даетъ религія, не углубляясь въ слишкомъ тягостныя размышленія о будущемъ; третьи стараются поддерживать въ себѣ и другихъ вѣру въ непреложный прогрессъ человѣчества, создаваемый медленными, незамѣтными усиліями милліоновъ отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая должна считать свое назначеніе выполненнымъ, если ей удалось хоть на ничтожную долю содѣйствовать этому общему ходу прогресса. Но для людей, подобныхъ Толстому,—для людей, которые видятъ въ окружающей ихъ дѣйствительности рѣзкое несоотвѣтствіе съ своими идеальными взглядами и требованіями, и въ то же время сознаютъ, что эта нелѣпая жизнь крайне непродолжительна и что для всякаго человѣка, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ существованія, неизбѣжно наступитъ роковой моментъ перехода въ небытіе,—мысль о смерти, какъ вѣнцѣ цѣлаго ряда ошибокъ и страданій, должна казаться ужасно тягостною. Толстой не въ состояніи былъ удовольствоваться метафизическими разсужденіями или утѣшительными иллюзіями; какъ глубокой реалистъ по натурѣ, онъ не могъ успокоиться, при видѣ окружающихъ золь, картиною идеальнаго блаженства внѣ времени и пространства и считалъ себя въ правѣ требовать отъ людей, чтобы они стремились къ водворенію Царствія Божія здѣсь, на землѣ. «Царствіе Божіе въ васъ самихъ». Если каждый человѣкъ, уподобляясь въ своей смиренной простотѣ «нищему духомъ» народу, твердо рѣшится жить-

«по-Божьему», въ постоянномъ производительномъ трудѣ, строгомъ воздержаніи и христіанской любви къ ближнему, если мы отбросимъ отъ себя всю ту «условную ложь» культуры,—мнимой науки, мнимаго просвѣщенія, мнимаго искусства,—и поставимъ себѣ идеаломъ братское единеніе первобытныхъ исповѣдниковъ христіанства, во имя вѣры въ Бога и любви къ людямъ, то каждому изъ насъ въ отдѣльности, а слѣдовательно—и всѣмъ вмѣстѣ станетъ доступенъ высшій христіанскій идеалъ,—на земли миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Зло исчезнетъ само собою: оно будетъ побѣждено силою любви, и вмѣстѣ съ нимъ исчезнутъ всѣ тѣ лживые устои, на которыхъ зиждется современная жизнь такъ называемаго образованнаго общества...

Эти идеи, являющіяся послѣднимъ словомъ и заключительнымъ логическимъ выводомъ всей литературной дѣятельности Толстого и во многихъ отношеніяхъ сближающія его съ другимъ нашимъ проповѣдникомъ возрожденія павшаго міра любовью,—Достоевскимъ,—развиваются въ новѣйшихъ произведеніяхъ нашего писателя со всею ревностью и нетерпимостью прозелита новой вѣры. Толстой не находитъ достаточно сильныхъ словъ для обличенія той «мерзости», изъ которой, по его мнѣнію, слагается современная наша жизнь, и съ беспощаднымъ отрицаніемъ относится ко всему, что мы привыкли считать не только необходимымъ условіемъ, но и украшеніемъ разумнаго существованія...

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ анализъ моральнаго ученія Толстого: какъ основныя его положенія, такъ и подробности, конечно, всѣмъ достаточно извѣстны и памяты. Выше мы сказали, что каждый человѣкъ сознательно или безсознательно стремится къ разрѣшенію нравственной задачи своего бытія. Какимъ бы путемъ ни пришелъ онъ къ этому рѣшенію, но если оно сдѣлало его нравственно выше и чище, если онъ почувствовалъ въ себѣ тотъ внутренній голосъ, который въ просторѣчьи называется совѣстью, и твердо рѣшилъ слѣдовать его внушеніямъ, то цѣль его достигнута. «Всѣ дороги ведутъ въ Римъ», и дорога, указываемая Толстымъ, можетъ быть, даже прямѣе прочихъ, хотя идти по ней возможно только въ теоріи. Въ выборѣ и объясненіи этой дороги сказалась основная характерная черта личности писателя, который во все продолженіе своей дѣятельности былъ больше всего и прежде всего художникомъ, т. е. человѣкомъ непосредственнаго наблюденія и непосредственнаго чувства, а не холодной логической мыслительности. Его страстная проповѣдь является именно побѣдой чувства надъ размышленіемъ; его нравственная философія зиждется на личныхъ его симпатіяхъ и антипатіяхъ, исходитъ изъ сильнаго душевнаго порыва, а не изъ отвлеченныхъ, логически развиваемыхъ положеній. Жизнь,—настоящая, реальная жизнь, которую онъ съ такою геніальною силою умѣетъ схватить и запечатлѣть въ своихъ созданіяхъ во всей ея правдѣ, стоитъ передъ нимъ съ своими вѣчными загадками и неразрѣшимыми противорѣчіями,—и онъ отзывается на

ея запросы прежде всего сердцемъ, подчиняя логику своего ума требованіямъ возмущеннаго чувства...

Та же реальная жизнь, вѣчно живая, вѣчно движущаяся, проникая собою произведенія нашего писателя, отвѣчивая въ каждой его строкѣ,—даже и тамъ, гдѣ онъ, повидимому, повергаетъ ее остракизму во имя отвлеченной идеи,—придаетъ этимъ произведеніямъ то свойство вѣчности и безсмертія, какимъ она сама обладаетъ,—и они живутъ этою настоящею жизнью, и будутъ жить, пока не замретъ въ людяхъ прирожденное имъ стремленіе созерцать живую жизнь, разумѣть ее умомъ, согрѣвать ее сердечною теплотою любви и всепрощенія...

П. Морозовъ.

Одинъ изъ опытовъ University Extension въ Россіи *).

За послѣднія двадцать, тридцать лѣтъ во всѣхъ культурныхъ странахъ земного шара начало развиваться общественное движеніе, цѣлью котораго является распространеніе высшаго образованія среди народныхъ массъ. Средствами для достиженія этой цѣли служатъ учрежденіе специальныхъ образовательныхъ институтовъ въ родѣ народныхъ дворцовъ, университетовъ или же особаго рода организаціи публичныхъ лекцій и домашняго чтенія. Это общественное движеніе, пользуясь всеобщимъ сочувствіемъ и дѣятельной поддержкой какъ со стороны общества, такъ и органовъ государства, получило необыкновенно широкое развитіе и вылилось въ самыя разнообразныя формы. Аналогичныя образовательныя стремленія замѣчаются за послѣднее время и въ русскомъ обществѣ. Но въ силу особыхъ условій нашей общественной жизни стремленія эти не могли получить сколько-нибудь значительнаго развитія и осуществиться во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя наблюдаются въ культурныхъ странахъ Стараго и Новаго свѣта. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ тѣ немногочисленныя и скромныя начинанія, которыя получили осуществленіе.

Однимъ изъ подобныхъ начинаній является дѣятельность московской комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Просвѣтительная дѣятельность этой комиссіи, къ сожалѣнію, еще многимъ совершенно неизвѣстна и составляетъ предметъ настоящей статьи.

Поставивъ себѣ цѣлью распространеніе высшаго образованія среди лицъ, не имѣвшихъ возможности получить его въ университетѣ, комиссія не могла пока воспользоваться всѣми тѣми сред-

*) Настоящая статья составлена на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ автору московской комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Статистическія данныя разработаны авторомъ по тому плану и системѣ, по какому были разработаны въ отчетѣ комиссіи за 1896 г.

ствами, къ которымъ прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли англійскіе и американскіе университеты. Поэтому въ виду всякаго рода затрудненій и препятствій, связанныхъ съ устройствомъ публичныхъ курсовъ, комиссія направила всѣ свои силы на выработку программъ домашняго чтенія, снабженіе лицъ, занимающихся по нимъ, необходимыми пособіями и на руководство этими занятіями, короче—на организацію домашняго чтенія. Логическимъ послѣдствіемъ такого шага явилась выработка особаго типа программъ, неизвѣстнаго ни въ Западной Европѣ, ни въ Америкѣ. Въ отличіе отъ англійскихъ и американскихъ силлабусовъ, являющихся краткими программами чтенія по извѣстному вопросу, служащихъ притомъ дополненіемъ къ извѣстному курсу лекцій, программы комиссіи служатъ для *самостоятельнаго и систематическаго изученія той или другой отрасли человѣческихъ знаній*. Соотвѣтственно съ такой цѣлью программа чтенія по каждой изъ этихъ отраслей рассчитана на четыре года занятій, разбита на годичные курсы, снабжена многочисленными и подробными указаніями относительно порядка чтенія и пользованія литературными пособіями, а также цѣлымъ рядомъ провѣрочныхъ вопросовъ. Пока комиссія успѣла издать программы на три года чтенія, причемъ первый выпускъ программъ потребовалъ четыре изданія и разошелся въ количествѣ около 30,000 экземпляровъ. Второй выпускъ разошелся въ количествѣ 10,000 экземпляровъ и скоро выйдетъ вторымъ изданіемъ. Въ истекшемъ 1897 году комиссія издала программу на третій годъ чтенія и выпустила четвертое изданіе, программы на первый годъ чтенія. Причемъ, желая сдѣлать свои программы наиболѣе доступными, комиссія разработала эти выпуски возможно подробнѣе, сократила курсъ въ однихъ отдѣлахъ а въ другихъ—(въ историческомъ, напр.) на ряду съ программами прежняго типа ввела параллельныя, болѣе упрощенныя. Отсутствіе необходимыхъ пособій помѣшало къ сожалѣнію провести это упрощеніе по всѣмъ отдѣламъ и предметамъ.

Кромѣ выработки спеціальныхъ программъ, комиссіей было посвящено не мало времени и на подготовку общеобразовательной программы. Избранная для этой цѣли особая подкомиссія закончила въ истекшемъ году свои занятія, выработавъ подробный планъ названной программы. Планъ этотъ былъ отлитографированъ, разосланъ предварительно всѣмъ членамъ комиссіи и подвергнутъ затѣмъ обсужденію въ цѣломъ рядѣ засѣданій. Въ настоящемъ году обсужденіе, можно надѣяться, будетъ закончено, и общеобразовательная программа выйдетъ въ свѣтъ.

Въ тѣсной связи съ выработкой программъ стоитъ другой видъ дѣятельности комиссіи—руководство занятіями ея подписчиковъ и снабженіе ихъ соотвѣтствующими пособіями. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этой дѣятельности, посмотримъ, что представляютъ изъ себя подписчики комиссіи. Въ виду того, что свѣдѣнія о лицахъ, записавшихся на руководство комиссіи въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ ея практической дѣятельности, были въ свое

время опубликованы *), мы ограничимся, главнымъ образомъ, свѣдѣніями относительно подписчиковъ 1897 года, сопоставляя эти новыя данныя съ соответствующими данными прежнихъ годовъ.

На руководство комиссіи записалось въ истекшемъ году 309 человекъ—болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ году, на 58 чел. или на 23.1%. Среди записавшихся преобладаютъ по прежнему мужчины, составляющіе 71,9%, всѣхъ подписчиковъ въ то время, какъ женщины составляютъ всего 28,1%. Сравнительно съ предшествовавшими годами процентъ женщинъ нѣсколько повысился: въ 1895 г. онъ равнялся 26,1, въ 1896 г.—27,9%.

Слѣдующія данныя показываютъ, какой процентъ подписчиковъ записался на тотъ или другой отдѣлъ, причемъ читатели, записавшіеся на нѣсколько отдѣловъ, объединены по прежнему въ общую всѣмъ имъ рубрику «энциклопедическаго» отдѣла.

Названіе отдѣловъ.	Процентъ записавшихся.		
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.
Общ. Юридическій	26,5	34,2	27,3
Философскій	19,1	21,5	20
Энциклопедическій	12	9,6	15,9
Литературный	12	9,2	9,6
Историческій	11,7	12,7	12
Математическій	7,4	3,2	1,8
Физико-Химическій	5,8	4,4	9,1
Біологическій	5,5	5,2	4,3

Вглядываясь въ эту маленькую табличку, нельзя не замѣтить, что наиболѣе многочисленными являются по прежнему отдѣлы общественно-юридическій и философскій, за ними слѣдуютъ энциклопедическій, литературный и историческій отдѣлы, процентъ подписчиковъ которыхъ почти одинаковъ; самыми малолюдными отдѣлами являются отдѣлы, посвященные естествознанію: математическій, физико-химическій и біологическій. Сравнительно съ предшествовавшими годами процентъ подписчиковъ обществ.-юридическаго и философскаго отдѣла въ 1897 г. понизился, въ литературномъ же и математическомъ отдѣлахъ замѣчается обратное явленіе. Особенно возросъ процентъ подписчиковъ въ послѣднемъ изъ названныхъ отдѣловъ. Занимая прежде по проценту своихъ подписчиковъ послѣднее мѣсто, въ 1897 году математическій отдѣлъ занялъ среди малолюдныхъ отдѣловъ первое мѣсто.

Слѣдующія данныя показываютъ, какой процентъ всѣхъ записавшихся мужчинъ и женщинъ записался на тотъ или другой отдѣлъ.

*) См., «Статистическіе матеріалы о дѣятельности комиссіи по организаціи домашняго чтенія за 1895 и 1896 гг.», приложенные къ отчету комиссіи за 1896 г. Москва 1897 г.

	мужчинъ.	женщинъ.
Общ. Юридическій	32,8	10,3
Философскій	17,1	24,1
Энциклопедическій	11,3	13,8
Математическій	10,4	—
Историческій	8,1	20,7
Физико-Химическій	8,1	—
Литературный	7,7	23
Биологическій	4,5	8,1

Такимъ образомъ среди читателей комиссіи преобладаетъ стремленіе изучать главнымъ образомъ общественно-юридическія и философскія науки; читательницы же интересуются болѣе всего философіей, литературой и исторіей, совершенно игнорируя математическія и физико-химическія науки.

Выше было упомянуто, что мужчины составляютъ около 72% всѣхъ подписчиковъ комиссіи. Но по отдѣламъ процентъ этотъ видоизмѣняется довольно сильно, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Названіе отдѣловъ.	Процентъ мужчинъ.		
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.
Математическій	100	100	87,5
Физико-Химическій	100	90,9	92,5
Общ.-Юридическій	89	83,7	81,7
Энциклопедическій	67,6	58,3	70
Философскій	64,4	72,2	87,3
Биологическій	58,8	61,5	52,6
Историческій	50	53,1	62,3
Литературный	45,9	65,2	54 8

Всматриваясь въ приведенную табличку, нельзя не замѣтить постепеннаго увеличенія мужчинъ въ математическомъ, физико-химическомъ и общественно-юридическомъ отдѣлахъ; съ другой стороны въ философскомъ, историческомъ и литературномъ отдѣлахъ замѣчается обратное явленіе: процентъ мужчинъ необыкновенно быстро падаетъ, а процентъ женщинъ соотвѣтственно съ этимъ возрастаетъ.

Причемъ въ то время, какъ въ предшествовавшіе годы процентъ женщинъ во всѣхъ отдѣлахъ былъ ниже соотвѣтствующаго процента мужчинъ, въ 1897 г. въ историческомъ отдѣлѣ оба эти процента сравнялись; въ литературномъ же мужчины уступили первенствующее мѣсто женщинамъ.

Что касается характера и степени умственныхъ запросовъ, побуждающихъ читателей записываться на руководство комиссіи, то въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія слѣдующія цифры. Болѣе пяти шестыхъ (86%) всѣхъ подписчиковъ записалось на первый курсъ; 12,7% на второй и 1,4% на третій курсъ.

На второй и третій курсы записываются обыкновенно лица, желающія изучить одинъ изъ предметовъ, помѣщенныхъ въ программахъ 2-го и 3-го года, а также лица, прошедшія курсъ перваго года самостоятельно и пожелавшія при дальнѣйшихъ занятіяхъ пользоваться руководствомъ комиссіи.

Болѣе трехъ четвертей—76% всѣхъ подписчиковъ записалось на изученіе цѣльнаго, систематическаго курса; 12% на изученіе отдѣльныхъ предметовъ и столько же на изученіе нѣсколькихъ курсовъ. Процентъ женщинъ, записавшихся на отдѣльные предметы или на нѣсколько отдѣловъ, нѣсколько выше (по 13,8%) соответствующаго процента мужчинъ (по 11,3%). Сравнительно съ предшествовавшими годами процентъ лицъ, записавшихся на изученіе отдѣльныхъ предметовъ, нѣсколько увеличился, а процентъ лицъ, записавшихся на нѣсколько отдѣловъ, уменьшился; причѣмъ совершенно исчезли подписчики, изучающіе предметы пяти и шести отдѣловъ.

Распределеніе подписчиковъ по возрасту характеризуется слѣдующей табличкой, показывающей, какой процентъ ихъ приходится на ту или другую возрастную группу.

Возрастныя группы.	Процентъ записавшихся:		
	муж.	женщ.	всѣхъ подписч.
Отъ 15 до 19 л.	12	34,6	18,3
» 20 — 24 »	42,1	49,4	44,1
» 25 — 29 »	25,4	11,1	21,4
» 30 — 34 »	12,9	1,2	9,7
» 35 — 39 »	6,2	1,2	4,8
» 40 — 44 »	0,5	1,2	0,7
» 50 — 54 »	0,9	1,2	1

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ подписчиковъ 1897 г. падаетъ на первыя двѣ возрастныя группы; болѣе пятой части—на группу лицъ въ возрастѣ отъ 25 до 29 лѣтъ; и, наконецъ, менѣе одной пятой всѣхъ подписчиковъ (16,2%) на всѣ остальныя возрастныя группы. Какъ и въ предшествовавшіе годы юный возрастъ представленъ среди женщинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ среди мужчинъ. Въ то время, какъ процентъ послѣднихъ старше 25 лѣтъ равняется 39,9, соответствующій процентъ женщинъ равняется лишь 15,9. За то на самую молодую группу лицъ отъ 15 до 19 лѣтъ мужчинъ приходится всего 12%, а женщинъ почти втрое больше—34,6%. Въ общемъ возрастной составъ подписчиковъ 1897 г. болѣе юнъ, чѣмъ возрастной составъ подписчиковъ 1896 и 1895 годовъ. Въ особенности слѣдуетъ это сказать про мужчинъ, возрастная группа которыхъ отъ 15 до 24 лѣтъ превосходить ту же группу подписчиковъ 1895 и 1896 годовъ почти на 20%.—Наиболѣе юный составъ подписчиковъ наблюдается въ биологическомъ (100% лицъ въ возрастѣ отъ 15 до 29 лѣтъ), историческомъ (94,4%) и философскомъ (90,9%).

За этими отдѣлами слѣдуетъ литературный (88,5%) и энциклопедическій (84,3%). Наибольше почтенными по возрастному составу своихъ подписчиковъ являются отдѣлы: общ. юридическій (74,3%), математическій (72,7%) и физ.-химическій (68,7%)

Переходя къ распредѣленію подписчиковъ по полученному ими образованію, ознакомимся сначала съ уровнемъ образованія подписчиковъ-мужчинъ, причемъ для сравненія приведемъ соотвѣтствующія данныя за два предшествовавшихъ года.

Степень полученнаго образованія.	Процентъ мужчинъ.			
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.	
Ниже средняго	{ Начальное	28,3	28,9	26,3
	{ Домашнее и незаконченное среднее	28,3	24,8	26,6
Законченное среднее	26,9	31,8	33,5	
Высшее	{ Незаконченное	8,5	11	6,3
	{ Законченное	8,9	3,5	7,3

Вглядываясь въ приведенныя цифры нельзя не констатировать, что образовательный уровень читателей комиссіи нѣсколько понизился за два послѣднихъ года. Правда, процентъ читателей съ образованіемъ выше средняго обнаруживаетъ тенденцію къ повышенію. Но наряду съ этимъ увеличивается и процентъ лицъ, получившихъ образованіе ниже средняго или среднее. Слѣдующія данныя показываютъ, какъ видоизмѣняются приведенныя данныя по отдѣламъ.

НАЗВАНІЯ ОТДѢЛОВЪ.

НАЗВАНІЯ ОТДѢЛОВЪ.	Процентъ лицъ съ образованіемъ ниже средняго.	Процентъ лицъ съ законченнымъ среднимъ образованіемъ.	Процентъ лицъ съ образованіемъ выше средняго.
Физ.-химическій	83,3	11,1	5,5
Литературный	70,6	17,6	11,8
Математическій	68,2	22,7	9,1
• Биологическій	66,6	33,3	—
Историческій	66,6	11,1	22,2
Энциклопедическій	59,1	31,8	9,1
Философскій	42,8	42,8	14,3
Общ.-юридическій	42,2	28,2	29,6

Такимъ образомъ, наименѣе низкій уровень образованія замѣчается среди подписчиковъ физ.-химическаго и литературнаго отдѣловъ, наибольше высокой среди подписчиковъ философскаго и общ. юридическаго. Въ послѣднемъ отдѣлѣ нельзя не обратить вниманія на значительный процентъ лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Обращаясь къ читательницамъ комиссіи (см. прилагаемую таблицку), нельзя не замѣтить, что образовательный уровень ихъ значительно выше соответствующаго уровня мужчинъ.

Степень полученнаго образованія.	Процентъ женщинъ.			
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.	
Ниже средняго	{ Начальное	—	3,1	0,9
	{ Домашнее и незаконченное среднее . .	36,8	29,2	20,6
Законченное среднее	62,1	66,2	66,4	
Высшее	{ Незаконченное	1,1	1,5	2,8
	{ Законченное	—	—	9,3

Въ то время, какъ среди мужчинъ болѣе четвертой части получило лишь начальное образованіе, среди женщинъ такихъ лицъ не имѣется вовсе. Сравнительно съ предшествовавшими годами образовательный уровень женщинъ понизился. Это пониженіе особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи данныхъ за 1897 и 1895 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, среди подписчицъ 1897 г. почти совершенно не имѣется лицъ съ высшимъ образованіемъ и съ другой стороны сравнительно много лицъ съ домашнимъ и незаконченнымъ среднимъ образованіемъ. Въ 1895 же году процентъ послѣднихъ былъ гораздо ниже и кромѣ того 12,1% всѣхъ подписчицъ получило высшее образованіе.

По отдѣламъ приведенныя данныя видоизмѣняются слѣдующимъ образомъ:

НАЗВАНІЕ ОТДѢЛОВЪ.	Процентъ лицъ, получившихъ образованіе.		
	Ниже средняго.	Законченное среднее.	Выше средняго.
Биологическій	85,7	14,3	—
Историческій	55,5	44,4	—
Общ. юридическій	33,3	66,6	—
Литературный	30	70	—
Философскій	23,8	71,4	4,8
Энциклопедическій	16,6	83,3	—

Стоитъ сравнить эту таблицку съ соответствующими данными предшествующихъ годовъ, чтобы увидѣть, насколько уровень образованія среди подписчицъ 1897 г. ниже соответствующаго уровня подписчицъ 1896 и 1895 годовъ. Процентъ лицъ съ образованіемъ ниже средняго повысился во всѣхъ отдѣлахъ, лица же съ высшимъ образованіемъ имѣются лишь въ философскомъ отдѣлѣ. Наиболѣе понизился уровень образованія среди подписчицъ биологическаго, историческаго и обществ. юридическаго отдѣловъ. Наи-

болѣе повысился уровень образованія среди читательницъ энциклопедическаго отдѣла. Сопоставляя данныя относительно образованія мужчинъ и женщинъ и принимая численность читателей того и другого пола въ каждомъ отдѣлѣ, можно придти къ послѣдующему выводу. Наиболѣе низкій уровень образованія замѣчается среди подписчиковъ физ.-химическаго, математическаго и биологическаго отдѣловъ, наиболѣе высокій въ общ. юридическомъ, философскомъ и энциклопедическомъ.

О распредѣленіи подписчиковъ по профессіямъ и занятіямъ дадутъ понятіе слѣдующія данныя, показывающія, какой процентъ читателей и читательницъ приходится на ту или другую профессію.

	Процентъ мужчинъ			Процентъ женщ.		
	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.	въ 1897 г.	въ 1896 г.	въ 1895 г.
Государств. служба	19,2	11,3	15,3	3,2	2,3	1,2
Учащіеся	16,3	10,2	3,6	1,5	2,3	3,5
Педагогическая профессія	13	21,5	24,6	44,4	50	49,4
Военные	9,1	10,2	7,3	—	—	—
Канторщики всякаго рода.	8,2	6	7,3	1,6	—	—
Лица, занятые въ обрабаты- вающей промышленности.	7,7	5,4	7,3	—	—	—
Лица, занятые въ торговлѣ.	6,2	8,4	8,3	—	—	1,2
» » » перевозкѣ.	5,8	5,4	7,3	—	—	—
Служащіе при обществен- ныхъ учрежденіяхъ	2,9	6	6,3	—	2,3	—
Служащіе въ кредитныхъ учрежденіяхъ	2,9	1,2	2,6	—	2,3	1,2
Медицинская профессія	2,9	5,4	2,3	1,6	9	4,7
Лица, занятые въ сельскомъ хозяйствѣ	2,4	4,8	1,6	3,2	6,8	3,5
Лица безъ опредѣленныхъ занятій	1,9	1,8	3,6	41,2	25	35,3
Духовная профессія	1	2,4	2,6	—	—	—
Частные повѣренные	0,5	—	0,3	—	—	—
Артисты	—	—	—	3,2	—	—

Вглядываясь въ приведенную табличку, нельзя не замѣтить, что среди мужчинъ наиболѣе сильно представлены лица, состоящіе

на государственной гражданской службѣ, учащіяся педагоги. Но въ то время какъ процентъ послѣднихъ обнаруживаетъ сильную тенденцію къ пониженію, процентъ учащихся, а отчасти и лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, сильно растетъ. Остальныя профессіи слишкомъ слабо представлены и измѣненія въ ихъ численности слишкомъ незначительны и случайны, чтобы стоило на нихъ останавливаться. Среди читательницъ значительно преобладаютъ лица безъ опредѣленныхъ занятій и лица, посвятившія себя педагогической дѣятельности, составляющія въ совокупности ежегодно около 80% всѣхъ подписчицъ. Нельзя не замѣтить также, что процентъ лицъ безъ опредѣленныхъ занятій въ истекшемъ году нѣсколько повысился; процентъ же лицъ, занимающихся педагогической профессіей, нѣсколько понизился. Кромѣ того въ 1897 г. среди читательницъ комиссіи впервые появились представительницы артистическаго міра.

Что касается до распредѣленія читателей той или другой профессіи по отдѣламъ, то лица, состоящія на государственной гражданской службѣ, наиболѣе сильно представлены въ обществено-юридическомъ и философскомъ отдѣлѣ.

Учащіяся наиболѣе сильно представлены въ историческомъ, литературномъ и обществено-юридическомъ отдѣлѣ. Представители педагогической профессіи наиболѣе сильно представлены въ философскомъ, энциклопедическомъ и математическомъ отдѣлахъ. Въ предшествовавшіе годы лица этой профессіи были сильно представлены также въ историческомъ и литературномъ отдѣлахъ.

Военные наиболѣе сильно представлены въ энциклопедическомъ, математическомъ и литературномъ отдѣлахъ; лица, занятые въ обрабатывающей промышленности въ физ.-химическомъ, математическомъ и историческомъ отдѣлахъ и, наконецъ, лица, занятые въ торговлѣ, въ обществено-юридическомъ отдѣлѣ.

Единственная вполнѣ опредѣленная и сильно представленная женщинами профессія—это педагогическая. Въ философскомъ отдѣлѣ представительницы ея составляютъ 60% всѣхъ читательницъ, сообщившихъ свѣдѣнія о своемъ занятіи; въ общ.-юридическомъ лица этой профессіи составляютъ 57,1%, въ историческомъ и энциклопедическомъ по 50%, въ литературномъ 21,4% и въ биологическомъ 20%.

Сравнивая эти данныя съ соответствующими данными предшествовавшихъ годовъ нельзя не обратить вниманія на необыкновенно низкій процентъ лицъ рассматриваемой профессіи въ литературномъ отдѣлѣ всего 21,4%, тогда какъ въ 1895 г. этотъ процентъ равнялся 43,7.

О распредѣленіи читателей по мѣстожителству дадутъ понятіе слѣдующія данныя, показывающія какой процентъ ихъ приходится на тотъ или другой географическій районъ.

НАЗВАНІЕ РАЙОНОВЪ.	Процентъ всѣхъ чита- телей.
Въ 34 земскихъ губерніяхъ живетъ	74,8
» Кавказскомъ краѣ	4,9
» Сѣв. Западномъ краѣ ¹⁾	4,5
» Привислянскомъ »	4,2
» Сибири	3,6
» Юго-Восточныхъ губерніяхъ ²⁾	2,9
» Прибалтійскомъ краѣ	1,6
» Туркестанскомъ »	1,6
» Юго Западномъ ³⁾ »	1,3
» Финляндіи	0,3
За границей	0,3

Сравнительно съ предшествовавшими годами никакихъ сколько нибудь существенныхъ перемѣнъ въ распредѣленіи читателей по приведеннымъ географическимъ районамъ не произошло.

Не произошло существенныхъ перемѣнъ и въ распредѣленіи читателей по разнымъ умственнымъ центрамъ и провинціальнымъ закоулкамъ и захолустьямъ. Слѣдующая маленькая табличка наглядно это показываетъ.

	Въ процентахъ:		всѣхъ чита- телей.
	мужч.	женщ.	
За границей живетъ	0,5	—	0,3
Въ Москвѣ	18,5	18,4	18,5
» С.-Петербургѣ.	3,2	2,3	2,9
» другихъ университетскихъ го- родахъ	2,6	4,6	3,2
» губернскихъ городахъ	16,7	18,4	17,2
» уѣздныхъ городахъ, посадахъ, мѣстечкахъ	38,7	29,9	36,2
» сельскихъ поселеніяхъ	19,8	26,4	21,7

Сравнительно съ предшествовавшими годами въ 1897 г. записалось на руководство комиссіи нѣсколько болѣе читателей, живущихъ въ университетскихъ городахъ. Но и въ истекшемъ году эти читатели составляютъ лишь около четвертой части всѣхъ подписчиковъ, остальные же три четверти живутъ въ глуши провинціи, гдѣ условія для самообразованія мало благопріятны.

Познакомившись съ новыми читателями комиссіи посмотримъ, какія перемѣны произошли за истекшій годъ въ составѣ старыхъ читателей.

¹⁾ Губерніи: Гродненская, Витебская, Могилевская, Виленская, Минская и Ковенская. ²⁾ Донская область, Оренбургская губ. и Уральская обл., Архангельская г., Астраханская г., Тургайская область. ³⁾ Киевская, Волынская, Подольская.

Изъ этихъ перемѣнъ наиболѣе крупной является выходъ многихъ лицъ изъ числа подписчиковъ. Такъ, изъ подписчиковъ 1895 года вышло за 1897 г. 20,4%; всего же вышло этихъ подписчиковъ за три года съ (1895 по 1898 г.)—болѣе $\frac{1}{3}$ (80,1%). Изъ читателей же математическаго отдѣла къ 1898 г. не оставалось ни одного; изъ подписчиковъ біологическаго отдѣла продолжала заниматься лишь десятая часть (10,5%). Наибольшее число подписчиковъ сохранилъ энциклопедическій (25,2%) и литературный (26,2%) отдѣлы.

Много вышло и подписчиковъ 1896 г. хотя и замѣтно менѣе, чѣмъ подписчиковъ 1895 г. за соответствующій періодъ времени—42,9% вмѣсто 53,7%. Причемъ женщины оказались болѣе постоянными читателями комиссіи, чѣмъ мужчины. Въ то время какъ среди послѣднихъ процентъ выбывшихъ доходитъ до 47,2, соответствующій процентъ женщинъ равняется 30,7.—Наибольшій процентъ выбывшихъ замѣчается по прежнему въ физико-химическомъ, біологическомъ и философскомъ отдѣлахъ (по 50%), наименьшій въ общественно-юридическомъ (40,7) и литературномъ (33,3). Необыкновенно низкій процентъ выбывшихъ (12,5) въ математическомъ отдѣлѣ носятъ довольно случайный характеръ вслѣдствіе незначительнаго числа подписчиковъ (всего восемь человѣкъ) этого отдѣла.

Изъ подписчиковъ 1897 г. также вышло нѣсколько человѣкъ (6) вскорѣ послѣ поступленія.

Въ общемъ итогѣ къ 1-му января 1898 г. состояло читателями комиссіи 379 мужчинъ и 150 женщинъ всего 529 человѣкъ.

Сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ число читателей увеличилось на 17,8%, мужчинъ на 14,8% и женщинъ на 26%.

Какія же причины побуждаютъ читателей прекращать сношенія съ комиссіей? Одной изъ главныхъ причинъ является значительность расходовъ, вызываемыхъ пересылкой книгъ по почтѣ. При медленномъ ходѣ занятій становится даже выгоднѣе покупать книги, чѣмъ получать ихъ изъ комиссіи въ абонементъ. Вотъ почему провинціальныя читатели при малѣйшей возможности доставать книги изъ мѣстной бібліотеки или покупать ихъ изъ мѣстнаго магазина съ нѣкоторой уступкой, прекращаютъ сношенія съ комиссіей. Тѣ же читатели, которые живутъ въ захолустьи, гдѣ нѣтъ бібліотеки и не въ состояніи покупать книгъ, прекращаютъ не только сношенія съ комиссіей, но вообще систематическія занятія самообразованіемъ.

Другой причиной, побуждавшей читателей прекращать сношенія съ комиссіей, было недовольство ходомъ своихъ занятій, обусловленное въ большинствѣ случаевъ сложностью программъ и недостаткомъ свободнаго времени. Такъ одинъ читатель пишетъ: «Увѣдомляю Васъ, что чтеніе прикаиваю, потому что ваши программы слишкомъ велики для получившаго начальное образованіе». Другой читатель (учитель) пишетъ: «Честь имѣю увѣдомить комиссію, что вслѣдствіе массы работы по школѣ въ зим-

ное время, а главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны пересылки книгъ по почтѣ, я не нахожу возможнымъ болѣе абонироваться въ комиссіи».— А вотъ что пишетъ другой читатель: «я и мои товарищи при полномъ нашемъ желаніи заниматься подъ руководствомъ комиссіи не имѣемъ на то свободнаго времени; профессія наша—торговля отнимаетъ у насъ цѣлыя дни, свободны же лишь вечера и то не каждый; программы же комиссіи по своей серьезности требуютъ большого досуга, потому съ сожалѣніемъ просимъ насъ не считать болѣе подписчиками».

Особенно обстоятельно мотивируетъ свой выходъ одинъ учитель сельскаго училища. «Продолжать домашнее чтеніе, пишетъ онъ,— пользуясь книгами комиссіи, не могу, прежде всего потому, что занятія не позволяютъ, а во вторыхъ, матеріальное состояніе. Служа учителемъ, нельзя вести другое занятіе, систематически правильное, такъ какъ хочется еще знакомство съ міровѣдѣніемъ на что тратится свободное время, да еще и на чтеніе періодическихъ изданій. а еще отдыхъ, приготовленіе уроковъ на завтрашній день. Притомъ же послѣ школьнаго дѣла нельзя вести другое дѣло болѣе умственно томительное. Учитель располагаетъ лѣтними каникулами. да къ тому времени высылка прекращается *), да еще лѣтомъ трудно работать.— Второе, это дорого обходится: взять одну (книгу) читать, много пойдетъ на почтовые расходы; выписать нѣсколько, лежать даромъ, за что платится».

Какъ трудно занятому человѣку заниматься систематически самообразованіемъ, показываетъ письмо самаго перваго подписчика, присланное имъ послѣ двухлѣтнаго молчанія. Вотъ что онъ пишетъ: «Первымъ долгомъ прошу у комиссіи извиненія въ томъ, что своимъ продолжительнымъ молчаніемъ я ставилъ комиссію въ нѣкоторое затрудненіе въ отношеніи ко мнѣ. Со второй половины минувшаго года я состою псаломщикомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учителемъ 2-хъ класснаго церк. приходск. училища въ маленькомъ мѣстечкѣ N—ской губ. Здѣсь же я до сихъ поръ располагалъ еще меньшимъ досугомъ, чѣмъ когда либо ранѣе. Если иногда и приходила мысль позаняться серьезнымъ систематическимъ чтеніемъ, то уголокъ, ежедневно наполнявшійся ученическими тетрадями, всегда совѣтовалъ воздержаться отъ подобныхъ праздныхъ мыслей и желаній, увѣряя, что кромѣ необходимаго серьезнаго систематическаго чтенія тетрадокъ, испещренныхъ каракулями начинающихъ лепетать по русски дѣтей—инородцевъ, никакого болѣе серьезнаго чтенія для учителя ихъ и не существуетъ. Волей неволей приходилось съ этимъ соглашаться... Мнѣ никакъ не хотѣлось бы совершенно бросить прерванное или, вѣрнѣе, не начатое мною чтеніе по философской программѣ. Есть

*) По правиламъ комиссіи лѣтомъ прекращается лишь руководство занятіями подписчиковъ, высылка же книгъ производится круглый годъ. Подписчикъ въ данномъ случаѣ невѣрно понялъ соответствующій параграфъ правилъ.

также надежда, что разныя, чисто внѣшнія обстоятельства впредь меня не будутъ болѣе беспокоить. Поэтому прошу комиссію увѣдомить меня, могу ли быть вновь принятымъ въ будущемъ въ число читателей подписчиковъ? Мнѣ придется, конечно, начать чтеніе съ перваго курса. Два года для меня въ этомъ отношеніи совершенно пропали».

Крайне характерно письмо одного выбывшаго подписчика, объясняющее между прочимъ, почему такъ мало читателей пользуется при своихъ занятіяхъ руководствомъ комиссіи. «На письмо отъ 13 го сего декабря, — пишетъ этотъ подписчикъ, — имѣю честь увѣдомить, что я предметъ логики прочелъ по Минто и Троицкому. Къ сожалѣнію долженъ сознаться, что чтеніе это было ведено совершенно не по тому плану, какъ было предположено: записываясь въ число читателей комиссіи съ двумя учителями здѣшняго училища, я рассчитывалъ на совмѣстныя чтенія, сопряженныя, конечно, съ разъясненіями сообщая и съ разсужденіями о прочитанномъ; но масса спеціальныхъ занятій у моихъ коллегъ и отсутствіе ихъ во время лѣтнихъ каникулъ совершенно не представили возможности выполнить задуманный планъ; чтеніе же въ отдѣльности доставило мнѣ только нѣкоторое общее понятіе о логикѣ. — Такихъ затрудненій, которыя ставили бы меня въ тупикъ, при чтеніи я не встрѣчалъ; просить же письменно руководства со стороны комиссіи, я считалъ неудобнымъ *въ виду невозможности достигнуть цели путемъ переписки и значительныхъ почтовыхъ расходовъ*».

Кромѣ разсмотрѣнныхъ причинъ прекращеніе сношеній съ комиссіей вызывалось также серьезной болѣзью, смертью, подготовкой въ то или другое учебное заведеніе, отбываніемъ воинской повинности и разными личными и семейными обстоятельствами, случавшимися съ подписчиками. Такъ одинъ наиболѣе усердно и успѣшно занимавшійся читатель общественно-юридическаго отдѣла, успѣвшій еще въ 1896 году приступить къ изученію предметовъ 2-го курса, мотивируетъ свой выходъ изъ состава читателей комиссіи тѣмъ, что былъ вынужденъ «по неслужебнымъ причинамъ» оставить службу въ волостныхъ писаряхъ. «Помнится, я писалъ, — читаемъ мы въ письмѣ этого читателя, — что хочу знать общественно-юридическія науки, чтобы быть честнымъ труженникомъ-писаремъ. Это честное отношеніе къ дѣлу я видѣлъ въ возможности подать совѣтъ крестьянину, помочь ему разобраться въ его бѣдѣ и тѣмъ быть ему полезнымъ. А теперь, теперь не то. Не придетъ ко мнѣ въ управу, гдѣ я служу, какъ въ правленіе, крестьянинъ, не спроситъ, что дѣлать, не скажетъ своего дѣла. Теперь нѣтъ той необходимости въ знаніи юридическихъ наукъ, которое каждую минуту требовалось волостному писарю. Теперь другое дѣло, другое и знаніе надо (напр. бухгалтеріи). Все это заставляеть меня на неопредѣленное время прервать свои занятія подѣ руководствомъ комиссіи».

Этимъ я не хочу сказать, что не хочу работать для своего

самообразования, или потерялъ охоту къ этого рода знанію; нѣтъ я, просто, сознаю необходимость заняться изученіемъ новаго для меня дѣла и пополнить недостатокъ въ среднемъ образованіи. Возможность пользоваться лекціями-корреспонденціями и библиотеками поможетъ мнѣ въ томъ.

Недостатокъ въ среднемъ образованіи я думаю пополнить чтеніемъ книгъ, по возможности, изъ разныхъ отдѣловъ знанія. Для этого я составляю теперь при помощи программъ комиссіи и книжекъ Карѣева, свою энциклопедическую программу чтенія, основная мысль которой—человѣкъ, его положеніе въ природѣ и обществѣ, жизнь и исторія. Насколько я успѣю въ этомъ, покажетъ будущее, а теперь буду работать...

Заканчивая это письмо, я чувствую потребность выразить комиссіи свою глубокую благодарность за то, что вы пробудили во мнѣ стремленіе къ знанію, расширили мой умственный кругозоръ, за то, что работа по программамъ комиссіи—единственно свѣтлая минута за все время моей службы въ волостныхъ пи саряхъ».

Къ сожалѣнію подобнаго рода личные обстоятельства побуждали къ выходу изъ состава читателей комиссіи наиболѣе успѣшно занимающихся подписчиковъ. Достаточно замѣтить, что около 10% выбывшихъ подписчиковъ 1895 г. составляли «второкурсники»; работы нѣкоторыхъ изъ нихъ были прямо таки безукоризненны. Особенно неудачнымъ въ этомъ отношеніи былъ истекшій годъ для общественно-юридическаго отдѣла. Серьезная болѣзнь, семейныя обстоятельства и невольная перемѣна службы лишили этотъ отдѣлъ нѣсколькихъ наиболѣе усердно и успѣшно занимавшихся читателей второкурсниковъ.

Вообще на выбывающихъ читателей не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на лицъ, для которыхъ сношенія съ комиссіей оказались совершенно бесполезны и безслѣдны. Иногда одна какая либо книжка, прочтенная по рекомендаціи комиссіи, производила въ читателѣ цѣлый переворотъ и оставляла въ немъ неизгладимый слѣдъ. Въ особенности слѣдуетъ сказать это относительно исторіи культуры Липперта, которая, не смотря на сухость изложенія, производитъ обыкновенно на читателей, не получившихъ правильнаго систематическаго образованія, необыкновенно сильное и развивающее вліяніе. Вотъ почему многіе читатели, вынуждаемые недостаткомъ времени и матеріальныхъ средствъ, сложностью программъ и другими причинами прекратить свои занятія, считают своимъ долгомъ выразить комиссіи свою благодарность и сдѣлать въ ея пользу то или другое пожертвованіе. Въ истекшемъ году выбывшими подписчиками было пожертвовано въ пользу комиссіи даже болѣе, чѣмъ частными лицами.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Горбуновъ.

Одна изъ бурныхъ натуръ реформа- ціонной эпохи.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ.

I.

Въ 1896 году вышла въ русскомъ переводѣ книга извѣстнаго Давида Штрауса объ Ульрихѣ фонѣ Гуттенѣ *). Посвященная такой интересной личности, написанная съ обычнымъ мастерствомъ Штрауса, книга эта даетъ читателю живую картину эпохи,—правда, далеко не во всемъ ея цѣломъ. Помимо біографіи Гуттена здѣсь даны лишь «черты изъ жизни» той «чистой публики», тѣхъ верховъ общества, въ которыхъ вращался Гуттенъ. Процессы, совершающіеся въ народѣ, въ обществѣ, какъ цѣломъ, здѣсь даже не намѣчены; здѣсь дана только страничка изъ литературной и лишь отчасти политической исторіи. Правда, авторъ пишетъ всего только біографію; но изображаемую имъ личность онъ ставитъ въ общую рамку эпохи, и вотъ эта-то общая характеристика эпохи, какъ мы увидимъ дальше, и обличаетъ въ авторѣ несомнѣннаго представителя старой школы въ исторіографіи, сына того, на современный взглядъ, наивнаго времени, когда думали, что «исторія творится идеями», «что въ исторіи воплощается духъ въ его постепенномъ развитіи» и т. п. Этотъ взглядъ былъ въ одно и то же время и счастьемъ, и мукою для историковъ. Съ одной стороны, взглядъ этотъ крайне упрощалъ приемы исторіографіи: надо было найти нить, идею, а затѣмъ къ этой идеѣ *подбирать* факты, иллюстраціи, пояснять свою философскую концепцію конкретнымъ матеріаломъ. Не надо было охватывать всѣ стороны жизни минувшихъ временъ; не надо было выбирать изъ необъятнаго количества фактовъ *объективно типичное*; достаточно было отгѣснить *субъективно симпатичное*,—а это сдѣлать и легче, и скорѣе. Но съ другой стороны, этотъ «идеалистическій» взглядъ на исторію постоянно все вновь и вновь долженъ былъ повергать въ отчаяніе историка съ благо-

*) Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ Гуттенъ. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія подъ редакціею Э. Л. Радлова. Спб. 1896 г. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.

родной душой, съ чуткимъ и отзывчивымъ на реальныя бѣдствія и страданія сердцемъ. Дѣйствительно, что представляютъ и должны представлять собою всѣ эти безконечныя, въ общемъ однообразныя «дней минувшихъ анекдоты»—при «идеалистическомъ» взглядѣ на нихъ?.. Немногія свѣтлыя точки, критическія эпохи, кульминаціонныя пункты, прерываемые огромными пустыми, глухими и мрачными впадинами «вѣковъ застоя, упадка, испорченности нравовъ и т. п.». И историкъ, для котораго идеалистическая теорія была не просто красивой и благородной позою, который не умѣлъ при каждомъ выходѣ на публику съ легкимъ сердцемъ накидывать рабочую тужурку «бѣлый плащъ съ широкими складками»,—такой историкъ, если онъ былъ натурой созерцательной и пассивной, начиналъ «скорбѣть» о человѣчествѣ, а если былъ человѣкомъ активнымъ и боевымъ, то... впрочемъ, тутъ могло быть много исходовъ.

Штраусъ въ своей книгѣ о Гуттенѣ пишетъ исторію именно по этому старому рецепту. Дѣлать нечего, приходится его брать такимъ, каковъ онъ есть, вставляя даваемую имъ картину въ раму общей исторіи того вѣка, той эпохи. Такая задача совершенно выходитъ за предѣлы моей скромной компетенціи, но, по счастью, читатель легко можетъ удовлетворить свое законное въ этомъ отношеніи любопытство: въ статьяхъ проф. Р. Ю. Виппера, подъ общимъ заглавіемъ «Общество, государство, культура Запада въ XVI вѣкѣ» (въ журналѣ «Міръ Божій», начиная съ февраля 1897 года) онъ найдетъ вполне научную общую характеристику какъ разъ этой эпохи. Свѣдѣнія по исторіи хозяйства и формъ организаціи народнаго труда въ Германіи читателямъ «Образованія» извѣстны изъ «Очерковъ изъ исторіи нѣмецкой культуры» Кампфмейера. Блестящую картину народнаго образованія въ средніе вѣка и отчасти въ 15—16 столѣтіяхъ даетъ превосходная книга Н. В. Сперанскаго «Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ», которую слѣдуетъ настоятельно рекомендовать вниманію всякаго читателя; тамъ отлично охарактеризована та среда, въ которой воспитывались, та «учеба», черезъ которую прошли всѣ дѣятели гуманизма и первой эпохи реформаціи, въ которой воспитывались Эразмы, Рейхлины, Лютеры, Гуттены и всѣ *alii minorem gentium* той эпохи. Я возьму на себя только изложеніе судьбы самого Гуттена, какъ ее изображаетъ Штраусъ и какъ она отражается въ сочиненіяхъ Гуттена, изданныхъ Бѣккингомъ.

II.

Однако, прежде остановимся еще на книгѣ Штрауса и на отношеніи автора къ своей задачѣ.

Штраусъ не даромъ выбралъ предметомъ своего труда біографію Гуттена; онъ оживилъ своего героя съ публицистическими цѣлями, какъ онъ это прямо и говоритъ въ предисловіяхъ къ своей книгѣ (мы разумѣемъ предисловія къ 1-му изданію 1858 г. и то, которое помѣчено маемъ 1871 г.; мы цитируемъ его по 4-му изданію сочи-

ненія 1878 года)*). Упомянувъ о томъ, что въ прежнее время Гуттена въ Германіи мало понимали, что Буркхардтъ, написавшій въ 1717—1723 гг. 3 тома о Гуттенѣ, видѣлъ только реформаціонный пылъ своего героя, его хорошій латинскій стиль и прекрасныя сентенціи, Штраусъ продолжаетъ (въ предисловіи къ 1-му изданію): «оживленіе нѣмецкаго патриотизма вслѣдствіе войны за освобожденіе» сдѣлало возможнымъ появленіе новаго взгляда на Гуттена,—патриотическій подъемъ духа открылъ и въ Гуттенѣ струю пламенной любви къ отечеству. Штраусъ предвидитъ, что его книгой многіе будутъ недовольны, и прежде всего, всѣ тѣ силы, съ которыми Гуттенъ такъ воевалъ при жизни; а затѣмъ, если Гуттенъ своимъ современникамъ указывалъ на турокъ, засѣвшихъ въ Римѣ, то теперь онъ напелъ бы такой же Римъ во множествѣ протестантскихъ консерваторій. «Его стрѣлы несокрушимы; и гдѣ бы ни началась въ нѣмецкихъ земляхъ борьба противъ обскуратизма и насилія надъ мыслью, противъ поповъ и деспотовъ, вездѣ тамъ будетъ у мѣста оружіе Гуттена». Такими словами заканчивается это предисловіе, написанное въ 1857 г.: католическая и протестантская ортодоксія и іерархія — вотъ главные враги Штрауса; свобода мысли — вотъ его идеаль.

Проходитъ 14 лѣтъ, и въ предисловіи, написанномъ въ 1871 г., тонъ Штрауса гораздо выше: мы видимъ уже не только свободомыслящаго въ церковно-іерархическихъ вопросахъ человѣка, а еще и порядочнаго націоналиста, у котораго закружилась голова отъ «объединенія отечества» и лира котораго издастъ часто довольно фальшивые звуки шовинистскаго тѣмбра. «Воспоминанія о дорогихъ покойникахъ являются у людей и въ свѣтлые, и въ тяжелые дни». То же справедливо и для цѣлыхъ народовъ. «Великіе люди націй—это борцы, которые ратуютъ за свѣтъ противъ мрака, за образованіе противъ варварства, за свободу противъ деспотизма, за отечество противъ притѣсненій чужеземцевъ; они одинаково почтенны, одинаково дороги, потомкамъ—все равно, увѣнчаны ли они побѣдой или же погибли въ тщетной борьбѣ... Изъ нихъ состоитъ аристократія народа, и если какой нибудь народъ можетъ похвалиться такой знатью, такъ это—нѣмецкій... Одною изъ такихъ людей я и вызвалъ нѣкогда изъ могилы—въ трудное, тяжелое время». Тогда Германія «лежала въ глубокой слабости; крупныя и мелкія угнетатели ея снова стали господами; надменные сосѣди насмѣхались надъ нею; налетѣли и тѣ черныя птицы, съ карканьемъ летавшія около нея, какъ будто она была уже трупомъ... Тогда я воскликнулъ: неужели у насъ нѣтъ ни одного Гуттена? И такъ какъ среди живыхъ не оказалось ни одного, то я предпринялъ трудъ воспроизвести личность умершаго и поставить его передъ очами нѣмецкаго народа. И это не осталось безъ результатовъ; въ гнѣвномъ порывѣ рыцаря противъ враждебнаго свѣту и свободѣ Рима, въ его выра-

*) Въ русскомъ изданіи не переведено почему-то ни одно изъ этихъ предисловій.

зительныхъ увѣщаніяхъ къ нѣмцамъ—дружно и согласно противиться надменности чужеземцевъ—нашли слово пригодное и для нашего времени». Однако, «за дурными днями постѣдовали и хорошіе»: Римъ палъ какъ разъ тогда, когда думалъ всего болѣе возвыситься (здѣсь Штраусъ разумѣетъ, очевидно, событія 1870 года: паденіе свѣтской власти папы и замѣшательство, вызванное въ части католическаго міра провозглашеніемъ догмата папской непогрѣшимости); «надменный сосѣдь, нашъ вѣковой притѣснитель, своимъ безуміемъ создалъ единство Германіи, которая и стоитъ теперь во главѣ всѣхъ націй, окруженная удивленіемъ и завистью другихъ народовъ... И теперь мы должны еще разъ вспомнить о нашемъ Гуттенѣ, когда достигнуто то, за что онъ боролся всю жизнь, теперь, когда онъ съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ въ современную ему эпоху, могъ бы сказать: какъ весело жить!»... «Въ наше время, продолжаетъ Штраусъ, Гуттенъ сказалъ бы: вотъ теперь мы празднуемъ; но завтра—на работу съ удвоенными силами! Если мы сильны, то свободны ли мы также?.. Со свѣтской властью папы покончено,—но съ духовной? вѣдь, его черные воины сидятъ въ германскомъ рейхстагѣ... Гуттенъ думалъ твердо основать силу и величіе Германіи, о которыхъ онъ мечталъ, на гуманно-свободномъ, никакими церковнымъ постановленіями не ограниченномъ образованіи,—и какъ въ только что оконченной войнѣ онъ былъ бы въ первыхъ рядахъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами, такъ теперь въ мирѣ онъ опять впереди всѣхъ сталъ бы бороться противъ внутреннихъ враговъ свободы и просвѣщенія» (предисловіе 1871 г., стр. VII сл.).

Такимъ образомъ, «объединеніе отечества» и отищеніе «вѣковому врагу», тому дерзкому «пѣтуху», который осмѣлился надменно относиться къ нѣмецкому «орлу», ненависть къ католицизму вообще, къ Риму и папству, и къ нѣмецкимъ католикамъ (т. е. своимъ же согражданамъ) въ частности, — націонализмъ и антиклерикализмъ—таковы завѣты Штрауса, какъ онъ ихъ проповѣдуетъ въ книгѣ о Гуттенѣ, такова его программа. Немного для писателя второй половины XIX вѣка! И неудивительно, что эти завѣтные помысленія Штрауса исполнились еще при его жизни: франко-прусская война 1870—71 гг., провозглашеніе германской имперіи и «культуркампфъ»—этимъ исчерпана программа Штрауса, которую онъ выставляетъ въ своей книгѣ о Гуттенѣ.

Чтобы окончательно выяснитъ «идеалы» Штрауса, какъ они представлены въ этомъ его сочиненіи, мы приведемъ часть заключительнаго параграфа его книги (цитируемъ по переводу подъ ред. Э. Л. Радлова): «Гуттенъ потерпѣлъ неудачу въ своихъ предпріятіяхъ; но не потому, что они были сами по себѣ не праведны или ложны *), а только потому, что онъ хотѣлъ вдругъ и разомъ провести то, что могло быть проведено только одно за другимъ съ длинными промежутками. Лютеръ и весь нѣмецкій протестантизмъ ограничились одною религіозною областью, отказались отъ политики и изъ приобрѣтеній гуманизма приняли только то, что было необхо-

*) Unrecht oder verkehrt.

димо для ихъ цѣли. Протестантизмъ въ своей борьбѣ съ католической реакціей окончательно разрушилъ единство и могущество нѣмецкой имперіи и заковалъ нравственность и умственное развитіе нѣмецкаго народа въ узкія цѣпи, одѣлъ ихъ въ грубую одежду. Но за то онъ достигъ своей цѣли въ своей области, провелъ освобожденіе церкви отъ Рима, воспиталъ нѣмецкій народъ, насколько это было для него возможно, для самостоятельной религіозной жизни. А когда пришло время, оковы были разбиты, изъ конфессіонально-протестантскаго (протестантскаго?) просвѣщенія возникло, вмѣстѣ съ нашей классической нѣмецкой литературой, свободное, гуманное просвѣщеніе. А затѣмъ, когда опять пришло время, когда нѣмецкій народъ весь проникся этимъ гуманизмомъ, изъ него возникли политическое единство и могущество, новое нѣмецкое государство. Теперь мы видимъ, что Гуттенъ былъ все же правъ, не желая одного безъ другого; дѣйствительно, эти отдѣльныя части—ихъ, въ сущности, только двѣ: гуманитарное образованіе, коренившееся въ протестантизмъ, и политическія единство и могущество получившей такое образованіе націи—на самомъ дѣлѣ составляютъ одно цѣлое, и ошибка Гуттена была та же, что и всѣхъ пророческихъ натуръ: онѣ созерцаютъ единое, какъ блестящій идеалъ, и сразу стремятся къ тому *), чего человѣчество можетъ достигнуть только шагъ за шагомъ, по частямъ, вѣковой борьбой». Этотъ отрывокъ самымъ очевиднымъ образомъ констатируетъ какъ недостаточность исторической философіи автора, такъ и узость его идеаловъ. Чтобы «изъ гуманизма возникли политическое единство и могущество» Германіи, чтобы идеалъ состоялъ только изъ двухъ указанныхъ Штраусомъ частей... надъ первымъ утвержденіемъ посмѣется современный историкъ, а то, что Штраусъ считаетъ здѣсь «идеаломъ», покажется очень устарѣвшей и узкой программой всякому мыслящему человѣку нашего времени.

Мы уже говорили выше, что историку съ такимъ міросозерцаніемъ судьбы человѣчества должны казаться смѣшно короткихъ блестящихъ мгновений, «гребней историческихъ волнъ», мрачными и темными періодами, съ которыми историку пожалуй что и дѣлать нечего, которые имѣютъ одинъ устрашающій смыслъ предостереженія на будущее время и которые надо заклеить своимъ негодованіемъ—для того, чтобы подѣйствовать на читателя въ направленіи, соответствующемъ идеаламъ самого автора. Штраусъ въ своемъ искреннемъ патріотическомъ одушевленіи прибѣгаетъ и къ этому приему. Такъ, въ 1-мъ изданіи своей книги (часть I, стр. 300) онъ излагаетъ рѣчь Гуттена къ князьямъ, собравшимся въ 1518 г. на сеймъ въ Аугсбургъ, о необходимости войны противъ турокъ. Гуттенъ здѣсь доказываетъ, что для этой войны необходимо единеніе и подчиненіе всѣхъ нѣмцевъ одному императору; и пока «у нѣмцевъ нѣтъ ни того, ни другого, не будетъ ни одного, даже

*) Въ подлинникѣ: zugleich und in Einem als glänzendes Ideal zu schauen und zu begehren.

самого слабого народа, который бы насъ боялся или, по крайней мѣрѣ, не осмѣливался бы при случаѣ нападать на насъ». Штраусъ въ выносѣ прибавляетъ: «прошло уже 300 лѣтъ, а это все еще так!»— волна исторіи находится въ моментѣ паденія, идетъ періодъ застоя и мрака. Въ 4-мъ изданіи этого примѣчанія вовсе нѣтъ, зато въ текстѣ прибавлено: «справедливость словъ Гуттена (относительно необходимости объединенія и подчиненія всѣхъ нѣмцевъ императору) мы (т. е. нѣмцы) доказали рядомъ опытовъ, которые мы производили съ тѣхъ поръ въ теченіе 3 1/2 вѣковъ, опытовъ — одинъ другого постыднѣе и прискорбнѣе. Правъ былъ Гуттенъ и въ другомъ своемъ убѣжденіи, а именно, что если нѣмцы когда нибудь сознаютъ, чего имъ нужно, они будутъ первымъ народомъ въ мірѣ»... Авторъ попалъ на гребень исторической волны, струна шовинизма громко зазвучала: «нѣмцы никого въ мірѣ не боятся, кромѣ Бога»; эпоха упадка кончилась, начался «цвѣтущій періодъ». —Таковы взгляды Штрауса въ періодъ со второй половины 50-хъ годовъ до начала 70-хъ, такова его общественная философія... Повторяемъ, мы не пишемъ общей характеристики Штрауса; мы только подбираемъ тѣ его заявленія, которыя находимъ въ его сочиненіи о Гуттенѣ.

Рядомъ со Штраусомъ, надъ возстановленіемъ памяти о Гуттенѣ работалъ другой труженикъ—издатель его сочиненій Эдуардъ Бёккингъ. И надо отдать справедливость Бёккингу: сочиненія Гуттена изданы имъ образцово—такъ, какъ умѣютъ издавать труды своихъ выдающихся сыновъ только высоко образованныя націи. Въ это изданіе положена масса труда и знанія; состоитъ оно всего изъ 7 очень внушительныхъ томовъ: 5 томовъ собственно сочиненій Гуттена (изданы 1859—61 гг.) и 2 тома «приложеній» (1864—70 г.). Въ 5 первыхъ томахъ собрано не только все, что написано самимъ Гуттеномъ, но и все, что было написано другими лицами къ нему или къ третьимъ лицамъ о немъ *). Штраусъ пользовался матеріалами этого изданія уже при самомъ составленіи своей книги, въ первомъ изданіи которой было приведено въ примѣчаніяхъ много цитатъ изъ сочиненій Гуттена. Въ слѣдующихъ изданіяхъ Штраусъ замѣнилъ ихъ простыми ссылками на изданіе Бёккинга. Изъ двухъ томовъ приложеній 1-й содержитъ знаменитыя и несравненныя «Письма темныхъ людей», изъ которыхъ, повидимому, лишь нѣсколько написаны Гуттеномъ; а 2-й состоитъ изъ разнаго рода указателей. Дѣйствительно, Бёккингъ можетъ съ чистой совѣстью сказать, что онъ сдѣлалъ для памяти Гуттена все, что могъ.

*) Чтобы дать понятіе о тщательности этого изданія, укажемъ что каждая изъ этихъ 3 частей изданнаго матеріала напечатана особымъ шрифтомъ, при каждомъ сочиненіи, письмѣ, документѣ выставлено наверху слѣва мѣсто, а справа время его написанія, а внизу номеръ памятки по особому указателю, составленному Бёккингомъ, и источникъ, изъ котораго оно взято; снизу страницъ сдѣлано сравненіе текста по рукописямъ и печатнымъ изданіямъ и т. д.

III.

Гуттенъ началъ съ гуманизма, былъ прежде всего «гуманистъ». Что же такое представлялъ собою гуманизмъ? или, лучше, возьмемъ конкретную форму: кто такие были «гуманисты»? Гуманисты—это были первые въ Европѣ по времени профессиональные «люди слова»—литераторы и ораторы; это—специалисты латинскаго стиля Цицероновскаго пошиба. И раньше гуманистовъ всѣ образованные люди въ Европѣ говорили и писали по-латыни; но тогда стиль, самый актъ писанія еще не дифференцировался отъ специальнаго предмета занятій ученаго: одинъ былъ богословомъ, другой—докторомъ «обоихъ правъ» гражданскаго и каноническаго, третій—медикомъ; многіе занимались и «тайными», или «прелюбодѣйными» искусствами, въ которыхъ, по мнѣнію среднихъ вѣковъ, была въ значительной степени замѣшана чертовщина: магіей, алхиміей, «механикой»—въ тогдашнемъ значеніи этого термина. Было много и другихъ профессій; но не было профессіи «латиниста», «поэта». Латинская грамота, латинскій стиль изучались, правда, въ университетахъ, на «факультетѣ искусствъ» (*facultas artium*); но этотъ факультетъ былъ только введеніемъ, подготовкой, средствомъ для одной изъ трехъ главныхъ профессій образованныхъ людей: богословской, юридической и врачебной *). Однако, мало-по-малу «артистическій факультетъ», уже и прежде бывшій самымъ многлюднымъ, выдвигается на первый планъ, начинаетъ занимать самостоятельное положеніе. «Артисты», «поэты», уже не считаютъ своихъ занятій чѣмъ-то переходнымъ, временнымъ, «впредь до занятія настоящимъ дѣломъ»; они начинаютъ цѣнить ихъ сами по себѣ **). Этотъ ростъ самосознанія латинскихъ стилистовъ обуславливался тѣмъ, что ихъ специальность начало цѣнить само общество, нуждавшееся въ ихъ услугахъ для цѣлей внѣшнихъ сношеній—дипломатіи

*) Правда, слушатели «факультета искусствъ» (какъ прошедшіе въ немъ полный курсъ, такъ и только отвѣдавшіе «артистической» мудрости. и привольной жизни) доставляли главный контингентъ учителей начальныхъ (монастырскихъ, городскихъ, соборныхъ, деревенскихъ) школъ. Но это не потому, чтобы учительство было тогда настоящей профессіей, сколько нибудь равноправной съ тремя главными, а на основаніи общаго разсужденія малокультурныхъ людей и общества: человекъ прошелъ начальную школу,—значитъ, онъ можетъ въ ней преподавать—и долженъ, потому что, помимо него, больше туда некого посадить. Кромѣ того, «артистъ» все равно больше ни на что не былъ годенъ: если онъ не получалъ обезпечивающаго его мѣста въ клирѣ, онъ могъ быть только звонаремъ, пономаремъ и школьнымъ учителемъ.

***) Надо замѣтить, что «артистическій» факультетъ сталъ «философскимъ», а этотъ послѣдній раскололся на наши теперешніе факультеты: историко-филологическій, математическій и естественный—лишь значительно позже. Въ эпоху же «возрожденія» артистическій факультетъ культивировать не науки, изучаемыя теперь на перечисленныхъ трехъ факультетахъ, а почти исключительно латинскую рѣчь—какъ искусство, такъ и стихотворную.

политической и коммерческой, а также для украшения жизни, для удовлетворения художественнымъ и вообще «умственнымъ» вкусамъ городской аристократіи и придворныхъ круговъ—свѣтскихъ и духовныхъ князей и самого папы. Вообще изъ обычнаго представлення о гуманистахъ, какъ о носителяхъ нѣкотораго «новаго міровоззрѣнія», противоположнаго средневѣковому, аскетическому, почерпнувшихъ это міровоззрѣніе изъ изученія классическаго міра, надо вычестъ цѣлый рядъ элементовъ. Прежде всего, надо замѣтить, что то, что можно назвать дѣйствительно «новымъ міропониманіемъ»,—тѣмъ міросозерцаніемъ, которое характеризуетъ «новую исторію», сложилось въ результатѣ дѣятельности не гуманистовъ, а великаго научнаго движенія, начинающагося съ итальянскихъ натуръ-философовъ 15-го вѣка и одерживающаго полную побѣду и рядъ самыхъ блестящихъ триумфовъ въ теченіе всего 17-го вѣка. Гуманисты не столько создали новое міровоззрѣніе, сколько выразили рядъ яркихъ и эффектныхъ настроеній, которыя коренились, на самомъ дѣлѣ, не въ литературной дѣятельности гуманистовъ, а во множествѣ общественныхъ и политическихъ условій той эпохи. Дѣло историка отмѣтить всѣ эти факторы; но и съ перваго взгляда очевидно вліяніе городского строя жизни, развитіе котораго обусловливалось ростомъ населенія городовъ и концентраціей государствъ, а потому и войнъ, большею безопасностью путей сообщенія, развитіемъ торговли и промышленности. Что гуманисты не создали единаго міровоззрѣнія, видно изъ того, какъ быстро и далеко разошлись между собою отдѣльныя группы ихъ въ своей общественной дѣятельности, и какъ основательно позабыто было Европой это «міровоззрѣніе» вскорѣ послѣ его предполагаемаго расцвѣта.

Если такимъ образомъ гуманисты должны уступить честь созданія новаго міровоззрѣнія другій болѣе поздней эпохѣ, то не надо забывать и того, что сдѣлали въ этомъ направленіи столѣтія, предшествующія появленію гуманизма. Гуманизмъ или «возрожденіе» наслѣдуетъ культъ древняго міра отъ среднихъ вѣковъ и продолжаетъ его нерѣдко въ самыхъ суевѣрныхъ формахъ. Въ началѣ XV вѣка всю Падую, ея духовенство, ученыхъ и простой народъ охватываетъ горячее волненіе при открытіи мнимыхъ останковъ историка Ливія; ихъ встрѣчаютъ и чествуютъ, какъ мощи новоявленнаго святого; венеціанцы пересылаютъ потомъ егс руку неаполитанскому королю въ качествѣ неоцѣнимой реликвіи... Возрожденіе наслѣдуетъ отъ среднихъ вѣковъ также представленіе о древности, какъ мірѣ фиксированномъ и единомъ, безъ развитія и безъ отгѣнковъ. Это, собственно говоря, представленіе объ императорскомъ эллинистически-христіанскомъ Римѣ *)). Словомъ, даже гуманистическое отношеніе къ древности принадлежало не исключительно гуманистамъ. Весьма вѣроятно, что классическая древность давала имъ лишь изящныя обороты, эффектныя иллюстраціи, подсказывала благород-

*) Проф. Р. Ю. Випперъ. Общ., госуд., культура на зап. въ XVI в. (Миръ Б. 1897, № 7, стр. 162).

ныя позы для выраженія того, что объяснялось всею окружающею дѣйствительностью. Нельзя отрицать, однако, возможности и нѣкотораго обратнаго вліянія со стороны этой возстановленной античной древности. Уже одно яркое и эффектное, наряженное въ античныя уборы и образы выраженіе обусловленныхъ современностью настроеній фиксировало и усиливало ихъ. А затѣмъ, большія услуги реформаци и позднѣйшей наукѣ и образованію оказало то возвращеніе къ источникамъ, для котораго такъ много поработали гуманисты. Вотъ какъ резюмируетъ свое мнѣніе о гуманизмѣ профессоръ Вишперъ: «говоря вообще, гуманизмъ не представляетъ собою цѣльнаго міровоззрѣнія, опредѣленной культурной полосы: стараться опредѣлить мораль, политику, религиозныя воззрѣнія гуманистовъ значило бы составить случайный и нестрѣй подборъ мнѣній. Гуманизмъ есть, главнымъ образомъ, новая техника въ наукѣ, литературѣ и педагогіи, стоящая въ связи сначала съ запросами службы и салона, а потомъ съ потребностями учено-церковной реформы, техника, которая естественно примыкала къ разнымъ новымъ направленіямъ мысли, напримѣръ, къ платонизму въ философіи или къ эпикурейской морали, къ идеализаціи монархіи или къ пропагандѣ «чистаго» Евангелія... Неправильно думать, будто гуманизмъ, какъ нѣжный цвѣтъ пробудившагося свободнаго сознанія личности, какъ свѣтлую попытку построенія общества на основѣ полнаго простора разумныхъ влеченій человѣка, будто гуманизмъ, едва развернувшій именно эти задачи, постигла потомъ, въ эпоху религиозной реформаци и реакціи, злая катастрофа. Позднѣйшія религиозныя партіи, протестантизмъ и католицизмъ, не исказили гуманистической программы: онѣ лишь воспользовались практически школой гуманизма, примѣнили къ специальному дѣлу его общіе научныя, литературныя и педагогическіе приемы. То, что при этомъ погибло, былъ не гуманизмъ, а та относительная свобода и широта мнѣній, которая возможна была до реформаци въ виду анархіи въ церкви» *).

IV.

Кому же и чему служилъ Гуттенъ своимъ гуманистическимъ перомъ, своей латинской рѣчью? Какъ натура крайне живая, дѣятельная, съ кипучей энергіей, онъ не могъ посвятить своей жизни на воспѣваніе относительныхъ пустяковъ—на одно прославленіе тѣхъ князей, при дворахъ которыхъ ему приходилось служить, какъ это дѣлали очень и очень многіе изъ гуманистовъ. Онъ выступилъ сначала сторонникомъ усиленія императорской власти и объединенія подъ нею всѣхъ нѣмцевъ, затѣмъ сталъ на сторону реформаци и Лютера, а подъ конецъ жизни примкнулъ къ политическимъ планамъ рыцарства, нашедшимъ себѣ выраженіе въ возстаніи воль-

*) Проф. Р. Ю. Вишперъ. Общ., госуд., культура на Западѣ въ XVI в. (М. Б., 1897, № 7 стр. 160—161).

наго рыцаря Франца фонъ-Зиккингена. Въ теченіе всей жизни Гуттена мы видимъ въ немъ горячаго патріота «нѣмецкаго отечества», и даже его участіе въ реформаціонномъ движеніи вытекало вовсе не изъ религіозныхъ побужденій и убѣжденій (по этой части Гуттенъ былъ всегда индифферентистомъ), не изъ мукъ совѣсти, ищущей непосредственнаго сношенія и примиренія съ божествомъ; это—скорѣе пламенный національный протестъ противъ подчиненія Германіи въ духовномъ отношеніи чужеземцамъ—презрѣннымъ, хитрымъ и живымъ итальянцамъ, обирающимъ въ свою пользу Германію и всегда неизмѣнно дурачащимъ благородныхъ, храбрыхъ, искреннихъ, но безнадежно наивныхъ и простодушныхъ нѣмцевъ.

Гуттену пришлось жить въ бурную эпоху, и, конечно, не ему было остаться спокойнымъ при такихъ обстоятельствахъ! Въ этомъ сказались и условія его личной жизни, и вліяніе того класса, къ которому онъ принадлежалъ.

Гуттену не повезло въ жизни въ отношеніи устройства его личныхъ матеріальныхъ интересовъ: до самаго конца жизни онъ не могъ вступить въ обладаніе своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ замкомъ и помѣстьемъ Штеккельбергъ и постоянно жилъ на «случайныя поступленія» отъ покровителей, друзей и вообще добродетельныхъ дателей. Въ моментъ смерти Гуттена все его имущество состояло изъ одного пера, которымъ онъ писалъ! Не было у него и семьи: родные его оттолкнули, своей семьи основать ему не удалось (одно время, около 1519 г., онъ думалъ было жениться на богатой и благородной дѣвицѣ, но это такъ и осталось мечтой). У него не было такимъ образомъ тѣхъ двухъ условий, которыя крѣпче всего привязываютъ современнаго человѣка къ существующему порядку, заставляють мириться съ нимъ. Ему нечего было терять, и это само по себѣ обуславливало сочувствіе съ его стороны всякому протесту. Повышенный тонъ его проповѣди объясняется его личнымъ темпераментомъ, отзывчивымъ и бурнымъ; его болѣзнь, отравившей ему всю жизнь и дѣлавшей его до крайности чуткимъ и впечатлительнымъ къ тѣмъ житейскимъ противорѣчіямъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Гуттенъ былъ революціонеромъ уже по самому своему темпераменту и по обстоятельствамъ личной жизни.

Но форму этому революціонному настроенію придавала, программу для него подсказала въ значительной степени принадлежность Гуттена къ такъ называемому «свободному рыцарству Франконіи». Гуттенъ сталъ прежде всего политическимъ публицистомъ благороднаго сословія прирейнской Германіи проводившимъ перомъ, правда, безсознательно, но тѣмъ не менѣе совершенно опредѣленно политическія требованія этого класса. Ни разрывъ съ отеческой семьей, ни отсутствіе личныхъ связей съ представителями этого класса, ни постоянное кочеваніе по Европѣ изъ города въ городъ и изъ одного интернаціональнаго и космополитически настроеннаго кружка гуманистовъ въ другой—ничто не изгладило въ Гуттенѣ его интимной, органической связи съ воспитавшей его средой. И хотя эта среда

не хотѣла признать его, хотя она, презирая его профессію гуманиста (т. е. вообще человѣка слова—«поэта», «оратора», публициста), и говорила, что онъ всю жизнь остается «ниѣмъ» (см. ниже о стихотвореніи Гуттена «Никто»), что онъ не заработалъ себѣ никакого мѣста на жизненномъ пиру,—тѣмъ не менѣе, Гуттенъ служилъ въ значительной степени ей.

Программа вольнаго прирейнскаго рыцарства состояла въ томъ, чтобы вмѣсто многихъ близкихъ къ ихъ роднымъ гнѣздамъ господъ создать себѣ и Германіи одного господина, власть котораго не чувствовалась бы такъ рѣзко и тяжело, какъ давала себя чувствовать власть «князей»: герцоговъ и архіепископовъ. Борьба съ князьями въ пользу императора и отчасти при его поддержкѣ, за его счетъ, объединеніе Германіи подъ его властью—такова была программа этихъ рыцарей. Въ связи съ этимъ стояли у Гуттена націоналистическія настроенія, коренившіяся частью въ этихъ мечтахъ о «созданіи единаго нѣмецкаго отечества», частью въ идеализаціи будущихъ членовъ этого отечества—нѣмцевъ вообще, въ отвлеченіи. Имперіализмъ и платоническій, элементарный націонализмъ, выдающій въ каждомъ согражданинѣ непремѣнно «честнаго, простаго, искреннаго и какъ бы заранѣе отмѣченнаго Богомъ человѣка»—вотъ красная нить, проходящая черезъ всю жизнь Гуттена. Во всѣхъ его сочиненіяхъ онъ или борется съ князьями (такова особенно его яростная борьба съ Ульрихомъ, герцогомъ Виртембергскимъ), или пропагандируетъ идею подчиненія всѣхъ нѣмцевъ императору *), сокрушается о неудачахъ имперской политики, ободряетъ и увѣщаетъ императора, негодуетъ на поповъ, лживыхъ итальянцевъ, папу, держащаго Германію въ своихъ сѣтяхъ, и т. д., и т. д.

Наряду съ такой, совершенно опредѣленной политической программой, мы не находимъ въ сочиненіяхъ Гуттена указаній на то, чтобы онъ глубоко понималъ собственно социальныя задачи своей эпохи. Нигдѣ нѣтъ сочувствія собственно къ народу; вездѣ онъ говорилъ о «націи», о «нѣмцахъ». И когда Штраусъ говоритъ (рус. пер., стр. 482): «возможно, что еслибы Гуттенъ прожилъ еще 2 года (а онъ умеръ въ 1523 году), онъ вновь подхватилъ бы разорванную политическую (?) нить и изъ своего свободнаго союзнаго города кинулся бы въ потокъ вспыхнувшей неподалеку отъ швейцарской границы крестьянской войны», то это вѣроятно лишь постольку, поскольку Гуттенъ былъ «рыцарской», боевой натурой, вообще натурой движенія и политики меча. Социальныя же воззрѣнія и требованія его идутъ не далѣе нѣкоторыхъ классовыхъ предразсудковъ. Гуттенъ былъ здѣсь полнымъ «старовѣромъ»: онъ

* О значеніи этихъ «импералистскихъ» чаяній въ Германіи говорить проф. Випперъ (М. Вож., № 4, стр. 99—100): «въ Германіи проекты реформы съ цѣлью введенія финансоваго и военнаго единства въ имперію, оптимистическія надежды патріотовъ, наконецъ, революціонная пропаганда 20-хъ годахъ XVI в. прибѣгаютъ къ идеѣ власти монарха, какъ силы, стоящей надъ партіями, олицетворяющей общую справедливость и миръ».

требовалъ «возвращенія къ прежнему, простому и здоровому быту», настаивалъ на необходимости законовъ для ограниченія роскоши, на запрещеніи вывоза изъ Германіи золотой монеты; онъ отъ всей души ненавидѣлъ купцовъ и торговые города, особенно заморскую торговлю и ввозъ предметовъ роскоши. Этотъ «безсильный протестъ дворянства въ Германіи противъ пышности, протестъ захудавшаго класса, который не можетъ поспѣть въ украшеніи внѣшней жизни за бюргерами» отмѣчаетъ проф. Випперъ (М. В., № 3), такъ резюмирующій положеніе нѣмецкаго простого рыцарства въ Германіи той эпохи: «мелкій рыцарь превращается въ самый безпкойный, мѣстами почти революціонный элементъ общества; онъ съ завистью смотритъ на сосѣднія богатства, на блескъ городской жизни, особенно на церковныя имущества, которыя, по мѣрѣ упадка вліянія церкви, все болѣе утрачиваютъ свое оправданіе». И Гуттенъ въ своихъ соціальныхъ воззрѣніяхъ не выходилъ изъ понятій и настроеній того класса, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію.

V.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ родился 21 апрѣля 1488 года въ замкѣ своего отца — Штеккельбергѣ, на границѣ Франконіи и Гессена. Родъ Гуттеновъ былъ довольно виднымъ въ этой мѣстности, и члены его служили при дворахъ сосѣднихъ князей: архіепископовъ Майнцкихъ, епископовъ Вюрцбургскихъ, герцоговъ Вюртембергскихъ. Въ этомъ углу Германіи, со времени паденія дома Гогенштауфеновъ, не было «своихъ герцоговъ», и тѣ мѣстные рыцари-помѣщики, которые не служили при какомъ-либо изъ сосѣднихъ княжескихъ дворовъ, могли свободно и не боясь княжескаго гнѣва культивировать свои рыцарскія добродѣтели, свою вражду къ территориальнымъ князьямъ и надежды на императора, который смиритъ князей... опираясь, конечно, на нихъ, свободныхъ рыцарей.

Ульрихъ былъ старшимъ изъ 6 дѣтей своего отца; тѣмъ же менѣе, отецъ рѣшилъ дать ему образованіе и, повидимому, былъ не прочь пустить его по монашеской карьерѣ: 11 лѣтъ отъ роду Ульрихъ былъ отвезенъ въ школу знаменитаго монастыря Фульды.

Монастырская учеба (съ приправой голода и побоевъ и съ перспективой монашескихъ обѣтовъ впереди, къ принятію которыхъ Гуттена сталъ принуждать аббатъ Фульды Іоаннъ II, изъ рода графовъ Геппенбергъ) пришлась очень не по душѣ мальчику, и въ 1504 или 1505 гг. онъ бѣжалъ изъ монастыря. Повидимому, здѣсь дѣло обошлось не безъ помощи гуманиста Крота Рубіана *), быв-

*) Настоящее имя его было Іоаннъ Іегерь. Такъ какъ онъ былъ родомъ изъ Дорнгейма, то гуманисты передѣляли его въ Рубіана (или Рубеана; rubus=Догн=терновникъ). Стараясь цѣликомъ воспринять древность, гуманисты устроили забавный и наивный маскарадъ: они бросили свои нѣмецкія имена и взяли латинскія и греческія. Такъ, швабскій ры-

шаго въ то время въ аббатствѣ и съ той поры ставшаго другомъ Гуттена. Въ 1505 г. мы видимъ Гуттена въ Эрфуртскомъ кружкѣ гуманистовъ, куда его ввелъ Рубіанъ. Кромѣ послѣдняго, наиболѣе видными членами его были: поэтъ Гелій Эобанъ Гессъ (Гелій—потому, что родился въ воскресенье, Sonntag, день бога солнца, и кромѣ того, какъ поэтъ, служитель Аполлона, бога солнца; Гессъ—по мѣсту рожденія, изъ Гессена), энциклопедическій поэтъ гуманистовъ, ихъ Овидій и Вергилій въ одномъ лицѣ, скоро выработавшійся въ горькаго пьяницу, и Муціанъ Руфъ *), изъ знатной Гомбургской фамилии, служившій ранѣе при Гессенскомъ дворѣ, но прѣбывавшій безпокойства придворной жизни на скромное мѣсто каноника въ Готѣ, въ 12 миляхъ отъ Эрфурта. Въ его домѣ и собирался кружокъ — поговорить, поѣсть и выпить. Муціанъ держался свободныхъ взглядовъ въ религіи, говорилъ, что Богъ—одинъ, хотя и имѣетъ много именъ: Юпитеръ, Солнце, Аполлонъ, Моисей, Христосъ и т. д.; монаховъ онъ называлъ «чудовищами въ рясахъ», отрицалъ тайную исповѣдь, мессы по усопшимъ и т. д. Лично съ Гуттенемъ онъ не особенно сошелся: хотя онъ и признавалъ таланты Гуттена, но порывистость, и рѣзкость послѣдняго очень не нравились Муціану, а Гуттенъ, съ своей стороны, видѣлъ индифферентизмъ въ спокойномъ эпикурействѣ каноника.

Изъ Эрфурта Гуттенъ, какъ и слѣдуетъ средневѣковому «школьнику», предпринимаетъ рядъ пѣшеходныхъ путешествій по Германіи; онъ былъ въ Кельнѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ, Лейпцигѣ; наконецъ, осенью 1509 года мы видимъ его въ Помераніи — большимъ и питающимся милостыней. Въ Грейфсвальдѣ его пріютилъ профессоръ права и каноникъ Геннингъ Летцъ, сынъ Грейфсвальдскаго купца и бургомистра Ведега Летпа. Однако, вскорѣ у него съ Летцами вышли какія-то недоразумѣнія; Летцы, какъ увѣряетъ Гуттенъ, подослали, когда онъ уходилъ отъ нихъ, своихъ слугъ ограбить и раздѣть его на дорогѣ между Грейфсвальдомъ и Роштокомъ,—и Гуттенъ разразился противъ Летцовъ первымъ своимъ гнѣвнымъ и рѣзкимъ произведеніемъ—*Querellae*. Это—двѣ книги «алегій», построенныхъ по риторическому шаблону гуманистической «поэзіи». Во всякомъ случаѣ, въ нихъ Гуттенъ впервые нашелъ подходящій тонъ для своей литературной дѣятельности.

Черезъ нѣкоторое время Гуттенъ оказывается въ Вѣнѣ и здѣсь читаетъ въ кружкѣ гуманистовъ и затѣмъ печатаетъ первое свое «патріотическое» стихотвореніе: «Увѣщаніе къ имп. Максимилиану». Максимилианъ въ это время хотѣлъ, по примѣру средневѣковыхъ императоровъ, идти во главѣ войска въ Римъ, чтобы тамъ короноваться; но венеціанцы не пустили его черезъ свои владѣнія. На-

царь Эйтельвольфъ фонъ Штейнъ сталъ *Oloycus de Lapide*, Ракъ изъ Зомерфельда—*Ragiemъ Эстинвипаномъ*, графъ Нейемаръ—*comes de Nova aquila* или *comes Neaëtius*, Кенигсбергъ сталъ *Regiomontanомъ* и т. д.

*) *Mutianus Rufus*; настоящее имя его было Конрадъ Мудтъ; изъ Мудтъ—*Mutianus*; *Rufus* (рыжій) — по цвѣту волосъ. Въ русскомъ переводѣ почему-то вездѣ стоитъ форма *Mutianъ*.

чалась война, которая пошла не совсѣмъ удачно для нѣмцевъ. Гуттенъ въ этомъ стихотвореніи на протяженіи 778 стиховъ совѣтуетъ императору продолжать войну и отнять у венеціанцевъ часть ихъ владѣній: императору принадлежить владычество надъ всѣмъ міромъ; онъ долженъ объединить подъ своею властью всѣхъ христіанъ, чтобы вести ихъ противъ турокъ; а пока это невозможно, надо смирить коварныхъ венеціанцевъ.

Гуттенъ хотѣлъ открыть въ Вѣнскомъ университетѣ курсъ «поэзіи»; но ректоръ не разрѣшилъ ему этого. Тогда Гуттенъ явился къ ректору; «tunc ille ribaldus accessit rectorem et dixit ei multa superba verba et tibisavit eum; tunc ipse misit pro famulis civitatis et voluit eum incarceratione...» *), какъ говорить одно изъ «писемъ темныхъ людей» (часть I, № 14), которое Штраусъ совершенно основательно ставитъ въ связь съ этимъ эпизодомъ.

Послѣ такого столкновения Гуттену оставалось только уйти изъ Вѣны, что онъ и сдѣлалъ осенью 1511 года; весной слѣдующаго года мы видимъ его въ Италіи.

Въ Италію Гуттенъ стремился потому, что, казалось, его судьба теперь устраивается. Еще ранѣе другъ его, Кротъ Рубіанъ хлопоталъ о примиреніи Гуттена съ отцомъ, который отказался считать сыномъ мальчишку, бѣжавшаго изъ монастыря и занимающагося виршеплетствомъ и вообще Богъ знаетъ какимъ вздоромъ. Условіемъ прощенья отецъ поставилъ, чтобы Гуттенъ занялся настоящимъ дѣломъ—изучилъ бы въ Италіи право. Весьма вѣроятно, что Гуттенъ искренно хотѣлъ исполнить желаніе отца; въ апрѣлѣ 1512 г. Гуттенъ въ Павіи слушаетъ лекціи юриста Язона Майнуса и учится греческому языку. Но уже вскорѣ военныя осложненія заставили Гуттена бросить занятія. Въ это время въ Сѣв. Италіи шла борьба между нѣмцами, французами, папой и венеціанцами, и у Гуттена начинаетъ опять звучать струна нѣмецкаго патриотизма; онъ пишетъ книгу эпиграммъ, въ которыхъ восхваляетъ нѣмцевъ за ихъ честность, мужество, простоту, скорбитъ о ихъ порокахъ: пьянствѣ, невѣжествѣ и грубости нравовъ, порицаетъ французовъ и венеціанцевъ, приглашаетъ Италію подчиниться императору и т. д. Такъ, въ одной эпиграммѣ лягушка (Венеція) осмѣлилась выйти изъ болота на сушу и сказать: «это моя земля»; но прилетаетъ орелъ (императоръ), хватается лягушку и бросаетъ ее обратно въ болото. Вотъ, переводъ довольно извѣстной эпиграммы относительно притязаній на Сѣв. Италію со стороны Франціи, Венеціи и Имперіи:

«Спорять теперь за Италію три ненавистныхъ народа:
Пьяный германецъ, напыщенный галль и венець вѣроломный.
Стонетъ Италія: О Аполлонъ, чье же иго полегче?
Галль отвѣчаетъ: всегда, вѣдь, коварны венець;
Галль надменны всегда, Германцы—пьяницы, правда,
Все же и трезвы бываютъ; любого изъ нихъ выбирай!»

*) „Тогда этотъ разбо... ниеъ подошелъ къ ректору, наговорилъ ему много грубостей и сталъ говорить ему на «ты»; тогда ректоръ послалъ за педелами и хотѣлъ посадить его въ карцеръ...“

Въ 1514 г. Гуттенъ вернулся въ Германію. Въ это самое время молодой маркграфъ бранденбургскій Альбрехтъ, младшій братъ бранденбургскаго курфюрста, сталъ архіеп. Майнцкимъ; будучи самъ гуманистомъ, Альбрехтъ рѣшилъ сдѣлать свою столицу центромъ гуманизма и основать въ Майнцѣ университетъ. По совѣту одного вліятельнаго при Майнцкомъ дворѣ человѣка, Гуттенъ написалъ «Панегирикъ Альбрехту» — ни много, ни мало въ 1300 стиховъ, за что и получилъ желаемое: 200 гульденъ и обѣщаніе мѣста при Майнцкомъ дворѣ, если онъ закончитъ въ Итали свои занятія правомъ. Содержаніе «Панегирика» — довольно нелѣпо, но опять не безъ патріотической тенденціи: Рейнь сзываетъ всѣхъ боговъ къ себѣ на торжество; на его старой мантии нимфы выткали всю нѣмецкую исторію, которая и излагается въ духѣ борьбы съ Римомъ и Италіей и интересовъ императорской власти.

Гуттенъ не сразу могъ уѣхать въ Италію; его задержала на нѣкоторое время борьба съ герцогомъ Ульрихомъ Виртембергскимъ, который 8 мая 1515 года убилъ на охотѣ одного изъ довольно близкихъ родственниковъ Гуттена — молодого Ганса фонъ Гуттена, съ женою котораго герцогъ былъ въ связи. Вѣсть объ этомъ происшествіи подняла старую ненависть свободаго рыцарства противъ князей, и Гуттенъ принялъ горячее участіе въ той борьбѣ, какую его родичи и ихъ сторонники начали противъ герцога. Гуттенъ написалъ по этому поводу цѣлый рядъ писемъ, стихотвореній, рѣчей, въ которыхъ далъ волю своему негодованію, своему паѣосу, энергіи своей рѣчи. Но тщетно рыцари писали и даже снаряжали экспедиціи противъ герцога, тщетно апеллировали къ императору, — борьба очень затянулась, и дѣйствительность съ очевидностью еще разъ показала рыцарямъ, какъ слабъ императоръ и какъ сильны въ Германіи князья.

Наконецъ, осенью 1515 г. Гуттенъ во второй разъ поѣхалъ въ Италію; средства далъ ему частію его отецъ, частію Альбрехтъ Майнцкій — съ условіемъ, чтобы онъ довелъ до конца свои занятія правомъ. Но право было, какъ мы увидимъ, вообще не по душѣ Гуттену, и изъ него никогда не вышло юриста. Теперь Гуттенъ попалъ прямо въ Римъ, и то, что онъ увидѣлъ въ этой «столицѣ міра», въ этомъ священномъ городѣ, потрясло его до глубины души, оставило въ немъ впечатлѣніе на всю жизнь. Уже вскорѣ по прибытіи въ Римъ, Гуттенъ пишетъ 15 «эпиграммъ къ Кроту Рубіану»; привожу самую характерную часть 4-й изъ нихъ, озаглавленной «Въ Римѣ все можно купить за деньги»: «Ну же, смѣлѣе! налагайте руки, живите грабежомъ, убивайте, воруйте священное достояніе, совершайте беззаконія, мѣшайте мірское со священнымъ... говорите и дѣлайте позорнѣйшія вещи, а главное, будьте увѣрены, что на небесахъ нѣтъ боговъ!» Гнѣвное перо Гуттена нашло себѣ подходящій объектъ...

Незадолго до прибытія Гуттена въ Италію произошла (13—15 сентября 1515 г.) извѣстная битва при Мариньяно, гдѣ впервые были разбиты французами швейцарцы, до того времени непобѣди-

мые. Эта побѣда усилила самомнѣніе и хвастливость французовъ, и у Гуттена произошло столкновение, въ которомъ онъ показалъ себя заправскимъ «рыцаремъ». Однажды онъ съ пріятелями отправился погулять въ Витербо, недалеко отъ Рима; тамъ были также 5 французовъ; французы стали подтрунивать надъ неудачникомъ-императоромъ (Максимиліаномъ), Гуттенъ сталъ отвѣчать, — завязалась ссора. Товарищи Гуттена покинули его; но онъ, оставшись одинъ, выхватилъ мечъ и убилъ одного изъ французовъ, — остальные убѣжали *). Самъ Гуттенъ описалъ и воспѣлъ этотъ свой «подвигъ» въ дѣлхъ 6 эпиграммахъ. Въ Римѣ послѣ этого убійства Гуттену оставаться было невозможно, и ему опять пришлось бѣжать.

На этотъ разъ Гуттенъ поѣхалъ въ Болонью, чтобы серьезно заняться правомъ. Но вмѣсто права онъ засѣлъ за изученіе греческаго языка подъ руководствомъ одного ученаго грека—Трифона, съ которымъ читалъ Лукіана и Аристофана.

Эти занятія окончательно сформировали стихъ и литературныя формы Гуттена. Подъ влияніемъ Лукіановыхъ «Разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ» отнынѣ любимой формой сочиненій становится у Гуттена діалогическая, — она была очень удобна для его ораторскаго и патетическаго таланта. Первой пробой пера въ этомъ родѣ былъ діалогъ «Фаларизмъ» — разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, гдѣ извѣстный античный извергъ, тираннъ Фаларисъ, съ почтеніемъ преклоняется передъ талантами своего послѣдователя перещеголявашаго его—Тиранна, въ лицѣ котораго былъ изображенъ все тотъ же герцогъ Ульрихъ Виртембергскій. Ярость послѣдняго, говорятъ, не знала предѣловъ, когда этотъ діалогъ вышелъ въ свѣтъ. Надо отдать справедливость силѣ негодующаго краснорѣчія Гуттена.

Но и въ Болоньѣ не могъ спокойно жить Гуттенъ. Весной 1517 года въ Болонскомъ университетѣ начались безпорядки; «нѣмецкая нація» (студенческая корпорація) пошла на «ломбардскую». Гуттенъ стоялъ во главѣ нѣмецкой «націи»; защищая ея интересы, онъ позволилъ себѣ слишкомъ грубо говорить съ ректоромъ университета, за что и былъ высланъ изъ города. Послѣ недолгаго пребыванія въ Венеціи, Гуттенъ въ срединѣ лѣта 1517 года уѣзжалъ въ Германію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Ивановскій.

*) Въ 4-мъ выпускѣ серіи біографій подъ общимъ заглавіемъ *Der neue Plutarch* помѣщена біографія Гуттена, написанная нѣкимъ Гансомъ Прутцомъ. Г. Прутцъ считаетъ едва-ли не самымъ важнымъ дѣломъ въ теченіе всей жизни Гуттена это столкновение съ 5 французами. „Это было дѣло настоящаго, храбраго нѣмецкаго рыцаря (das war eine brave ritterliche deutsche That), и нельзя, конечно, назвать хвастовствомъ со стороны Гуттена то, что онъ является глашатаемъ своего подвига въ письмахъ и эпиграммахъ“. До такихъ нелѣпостей доходятъ люди подъ влияніемъ „народной гордости“; впрочемъ, это бываетъ и не въ однихъ популярныхъ книжкахъ...

Что долженъ дать школьный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ?

(Схема исторіи культуры средневѣковой Западной Европы).

«Систематическій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ» — не болѣе какъ часть того общаго историческаго образованія, которое должна дать своимъ питомцамъ наша средняя школа. Задачами цѣлаго опредѣляется, конечно, направленіе и смыслъ его частей. Изученіе исторіи среднихъ вѣковъ должно, поэтому, въ доступныхъ для нея предѣлахъ, осуществлять тѣ же цѣли, которыя могутъ быть поставлены для школьнаго изученія исторіи вообще.

Стремясь разгадать законы прогрессивнаго движенія чело-вѣчества, исторія изслѣдуетъ происхожденіе современныхъ формъ государственной, общественной, экономической и культурной жизни, устанавливаетъ преемственность идей и событій, рассматриваетъ взаимодействіе отдѣльныхъ факторовъ историческаго процесса. Изученіе исторіи, давая общее развитіе, должно дать и опредѣленное направленіе этому развитію, должно содѣйствовать въ выработкѣ историческаго міросозерцанія, въ усвоеніи правильнаго взгляда на окружающую дѣйствительность. Таковы научныя цѣли и практическія задачи, преслѣдуемыя исторіей, одинаково разумныя и обязательныя, какъ въ школѣ, такъ и внѣ ея *).

*) Здѣсь любопытно сопоставить между собою ту точку зрѣнія, которая предложена официальными «Учебными планами» Мин. Нар. Пр. для руководства въ школьномъ преподаваніи исторіи, со взглядомъ, за которымъ можно признать господствующее положеніе въ современной исторической наукѣ, и которымъ исторіи приписываются совсѣмъ инныя цѣли и задачи.

«Курсъ исторіи въ 5-ти старшихъ классахъ—говоритъ «объяснительная записка къ учебному плану исторіи» (См.—Уч. планы изд. 1896 г. стр. 122)—имѣетъ цѣлью сообщить ученикамъ въ прагматическомъ изложеніи событій изъ всеобщей и русской исторіи. Курсъ этотъ долженъ главнымъ образомъ развить въ ученикахъ способность къ пониманію связи между событіями—къ различенію причинъ и слѣдствій, побужденій и поводовъ, и подготовить ихъ настолько, чтобы они могли вполнѣдствіи читать съ полнымъ пониманіемъ лучшія историческія произведенія отечественной и иностранныхъ литературъ. При этомъ необходимо привести учениковъ къ убѣжденію, что судьбы чело-вѣчества постоянно улучшаются,

Съ указанной точки зрѣнія тѣ отрывочныя, сбивчивыя и непонятныя свѣдѣнія, которыя сообщаетъ подъ именемъ «средней исторіи» наша школа своимъ ученикамъ, не имѣютъ, разумѣется, никакой научной цѣны и не способны принести въ педагогическомъ и образовательномъ отношеніи никакой пользы. Изложенныя въ хронологическомъ порядкѣ, но лишенныя всякой внутренней органической связи, эти свѣдѣнія перемѣшиваются и сбиваются въ головѣ учащагося въ невообразимый хаосъ, въ которомъ нѣтъ ни руководящей мысли, ни опредѣленнаго логическаго плана. Монахи, рыцари, феодальныя замки, готы, Фридрихъ Барбарусса и т. п.—вотъ приблизительно тѣ бессмысленныя силуэты, которые рисуетъ воображеніе прошедшему среднюю школу ученику, когда онъ пытается воскресить въ своей памяти сообщенныя ему свѣдѣнія по средневѣковой исторіи.

Хронологическая дата не всегда способна прочно удержаться въ памяти, но хронологическая послѣдовательность событій и

хотя и медленно, что добрыя начинанія отдѣльных лицъ, несмотря на всѣ встрѣчаемыя ими, препятствія и противодѣйствія никогда не остаются безъ благотворныхъ послѣдствій и что въ ходѣ исторической жизни человѣчества проявляется дѣйствіе Промысла Божія».—Въ качествѣ одного изъ педагогическихъ приемовъ записка предлагаетъ далѣе: «избѣгать всего, что можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе на учениковъ или оскорбить ихъ нравственное чувство».

Во «Введеніи» къ «Очеркамъ по исторіи русской культуры»—П. Милкова, находимъ на ряду съ положеніемъ, по которому въ основу научнаго объясненія исторіи должна быть вложена «идея законмѣрности историческаго процесса»,—слѣдующее замѣчаніе по поводу «философіи исторіи»: «Мы очень хорошо знаемъ, что и «философія исторіи» нашего времени все болѣе и болѣе проникается общимъ научнымъ духомъ, и что она уже очень многое сдѣлала, чтобы, по возможности, сдвинуть область исторической телеологіи. Нечего и говорить, что «философія исторіи» нашего времени не прилагаютъ къ объясненію исторіи ни богословской цѣлесообразности, ни даже философской въ полномъ ея объемѣ»... (стр. 6, изд. 2). Проф. Н. Карѣевъ въ статьѣ «Исторія» (Энци. сл. Брокгауза и Ефрона—XIII, 506) между прочимъ говоритъ... «въ развитіи исторіи все болѣе и болѣе замѣчается еще одно важное явленіе, свидѣтельствующее о превращеніи исторіи въ науку: исторія перестаетъ именно быть прислужницей теологіи, морали или политики, ставя себѣ цѣлью не произвольное подтвержденіе примѣрами, взятыми изъ прошлаго, тѣхъ или иныхъ догматовъ или положеній, а объективное знаніе истины, хотя бы оно и шло въ разрѣзъ съ установившимися мнѣніями». Наконецъ, еще одно характерное замѣчаніе, дѣлаемое г. Арнольди въ его книгѣ: «Задачи пониманія исторіи»—(изд. М. Ковалевскаго 1898 г.—стр. 6): «Въ исторіи искали аргументовъ въ пользу фантастическаго провиденціализма или метафизическаго перенесенія абстрактныхъ категорій логики въ сложную послѣдовательность конкретныхъ событій. Здѣсь не мѣсто останавливаться на этихъ явленіяхъ эволюціи человѣческой мысли, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, можетъ быть дозволительно назвать aberrациями этой мысли. Они, болѣею частью, принадлежатъ уже прошедшему: ихъ представители теперь составляютъ, какъ намъ кажется, лишь переживанія этого прошедшаго, и ихъ приходится лишь отмѣтить на ихъ хронологическомъ мѣстѣ въ эволюціи пониманія историческаго процесса».

Взгляды, высказанныя съ такою рѣшительностью и опредѣленностью, не требуютъ комментарія—и выводъ изъ указаннаго сопоставленія можетъ быть сдѣланъ безъ большого труда.

фактовъ отличается въ этомъ отношеніи еще гораздо меньшей устойчивостью. Нелегко запомнить, когда и кто родился и въ какомъ году умеръ, но еще труднѣе, не сбиваясь передать, въ какомъ порядкѣ слѣдовали другъ за другомъ причины не свя-занныя между собою происшествія. Впрочемъ даже и самое отчетливое знаніе хронологическихъ и родословныхъ таблицъ не въ состояніи внести смыслъ въ хаотическое нагроможденіе сырого матеріала, не подчиненнаго разумной силѣ и неизмѣнному закону причинности. Можно, пожалуй, побороть всѣ трудности и твердо заучить, когда и гдѣ произошла извѣстная битва и какія другія битвы ей предшествовали и за нею слѣдовали, или кто, кому, и въ какомъ порядкѣ наслѣдовалъ корону,—но такое знаніе будетъ лишь бесполезнымъ балластомъ для ума, ненужнымъ хламомъ, который ничего не прибавитъ въ развитіи и образованіи чело-вѣка.—Изучить хронологическую таблицу—не значитъ еще полу-чить историческое образованіе, точно такъ же, какъ умѣніе на-писать вексель еще не дѣлаетъ купца ученымъ финансистомъ.

Смыслъ и значеніе историческаго процесса, характеризующаго средневѣковый періодъ европейской культуры, кроется конечно не въ томъ калейдоскопическомъ разнообразіи происшествій, со-бытій и именъ, которымъ онъ такъ богатъ и которымъ такъ щедро загромождается память учащихся въ нашихъ среднихъ школахъ.—«Исторія среднихъ вѣковъ» такъ неразрывно тѣсно связана съ исторіей послѣдующаго «новаго» времени, такъ органически примыкаетъ къ исторіи древняго міра, что мы ничего не поймемъ въ общемъ ходѣ исторической жизни Европы, если не изучимъ со всею тщательностью *культурнаго* значенія этой важной переходной эпохи. Но, составляя переходъ отъ классической древности къ эпохѣ новой европейской цивилизаціи, средніе вѣка имѣютъ и громадное самостоятельное значеніе въ исторіи и жизни современнаго человѣчества. Переработка римскихъ началъ, завѣщанныхъ варварамъ павшей имперіей, привела къ созданію замѣ-чательной по своей оригинальности и своеобразію средневѣковой культуры. Выясненію указанной связи послѣдней съ культурами предшествующаго и послѣдующаго историческихъ періодовъ, а также научной характеристикѣ ея самостоятельнаго значенія и долженъ быть посвященъ школьный курсъ исторіи среднихъ вѣ-ковъ.

Дальнѣйшее имѣетъ цѣлью указать тѣ главные моменты сред-невѣковой исторіи, которые могли бы послужить схемой для пост-роенія такого школьнаго курса.

Съ конца IV в. можно уже вполне точно угадать, какое на-правленіе приметъ дальнѣйшая политическая судьба римской имперіи. Съ этого времени она оказывается уже не въ силахъ сдерживать могучій напоръ варварскихъ племень, со всѣхъ сто-ронъ осадившихъ ея границы; государственная организація имперіи разстроена благодаря непрерывной борьбѣ изъ-за императорскаго престола; области опустошены варварами; мелкая собственность и

мелкіе свободные собственники попали въ зависимость къ крупнымъ землевладѣльцамъ;—весь правительственный механизмъ, общественный порядокъ и хозяйственное благосостояніе имперіи неудержимо двигалось по пути къ полному разложенію и упадку. Германцы, безформенная масса которыхъ подѣ влияніемъ борьбы съ римлянами расчленяется на болѣе или менѣе крупныя племенные группы, безъ труда завладѣли «столицей міра» и всѣмъ ея достояніемъ.

Но сильныя тѣломъ варвары были нищи духомъ. Ихъ жалкіе короли, служившіе игрушкой въ рукахъ ихъ дружины, безпорядочное смѣшеніе свободолюбія и насилій, неумѣніе вести хозяйство и наивное презрѣніе къ торговой и промышленной дѣятельности, первобытная простота нравовъ и непониманіе запросовъ культуры,—наконецъ темная мысль и языческое суевѣріе въ душѣ,—все это было такъ чуждо той обстановкѣ, въ которую попали германцы, что невольно заставляло ихъ проникаться глубокимъ, хотя и плохо осмысленнымъ благоговѣніемъ къ тому великолѣпному зданію христіанско-римской культуры, которое они такъ неосторожно разрушили своими грубыми руками. Въ свою очередь однако и римляне, сохраняя презрительно-гордое отношеніе къ этимъ «животнымъ», какъ они называли варваровъ, не замедлили опуститься, по крайней мѣрѣ въ массѣ, до уровня своихъ побѣдителей. Передавая имъ свой языкъ и вѣру, римляне постепенно сливались съ германцами и образовали въ концѣ концовъ плотную массу, въ которой примирились взаимныя противорѣчія, и которая оказалась способной послужить надежнымъ фундаментомъ для новой жизни и новыхъ порядковъ.

Роль германцевъ по отношенію къ восточной римской имперіи сыграла другая «варварская» раса, которую вывело изъ неизвѣстности то же великое переселеніе народовъ. Этой расой были славяне. Но восточная имперія «ромеевъ» оказалась болѣе живучей, чѣмъ гордый Римъ; она сумѣла сохранить свою политическую самостоятельность еще на цѣлое тысячелѣтіе, хотя и не могла удержать неприкосновенными свои государственныя границы. Славяне въ огромномъ количествѣ колонизовали Балканскій полуостровъ и часто грозили серьезной опасностью Константинополю, но до конца дней послѣдняго они должны были признавать свою зависимость отъ «басилевса». Впрочемъ политическія связи, соединявшія восточную имперію со славянскимъ міромъ, были и слабѣе и менѣе плодотворны, чѣмъ тѣсныя религіозныя и культурныя узы, связавшія ихъ между собой. Подѣ византійскимъ влияніемъ создавались средневѣковыя государства южныхъ славянъ, и подѣ тѣмъ же влияніемъ воспиталась и выросла въ Восточной Европѣ культура славяно-русская.

Сліяніе германцевъ съ римлянами и, съ другой стороны, сближеніе славянъ съ греками, сообщило обѣимъ половинамъ нѣкогда единой римской имперіи ту культурную цѣльность и обособленность, которая таилась еще въ глубокой древности и противъ которой такъ энергично боролась универсальная власть римскихъ

императоровъ. Съ этихъ поръ Востокъ и Западъ—два до извѣстной степени противоположныхъ міра, въ которыхъ господствуютъ «варварскія» народности славянъ и германцевъ, подчиненныя соответственно культурамъ византійской и римской.

Съ VIII—IX в. разстояніе между Византіей и Западной Европой становится особенно велико, когда на Востокѣ греческій языкъ вытѣсняетъ латинскій, а на Западѣ Карлъ Великій празднуетъ возстановленіе римской имперіи, и когда въ отношеніяхъ между Константинопольской и Римской церквами начинается впервые сказываться рѣзкій антагонизмъ. Въ XI в. «католическій» Западъ окончательно расходится съ «православнымъ Востокомъ» и послѣдній, замкнувшись въ тѣсномъ кругу своихъ балканскихъ и мало-азиатскихъ интересовъ, быстро превращается съ этихъ поръ изъ римскаго въ «византійскій».

Наконецъ совершенно независимо отъ хода исторической жизни Европы въ Азіи въ VII в. происходитъ огромный религиозно-политическій переворотъ, вызванный проповѣдью Магомета и приведшій къ созданію величественной теократіи арабовъ.

Таковъ первый важный культурный фактъ, которымъ открывается исторія среднихъ вѣковъ. На территоріи римской имперіи возникаютъ три оригинальныхъ типа: *германо-римскій католическій типъ, византійскій-православный и наконецъ арабскій-мусульманскій*..

Столкновеніемъ языческаго варварства съ христіанско-римской культурой опредѣлилось какъ направленіе, такъ и содержаніе всей исторической жизни средневѣковой Европы. *Феодальный порядокъ*, какъ извѣстный общественно-политическій и экономическій строй, и *католицизмъ*, какъ религиозное вѣроученіе и общественный идеалъ,—вотъ два всеобъемлющихъ начала, порожденныхъ этимъ столкновеніемъ, исчерпывающихъ и объясняющихъ всю многосложность жизненныхъ отношеній, установившихся въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ.

Слабость королевской власти и, слѣдовательно, отсутствіе государственнаго порядка, неумѣніе усвоить себѣ фискальную систему римской имперіи и, какъ слѣдствіе этого неумѣнія, земельный характеръ государственнаго хозяйства, наконецъ недостатокъ прочно организованной и исправно дѣйствующей интеллигентной бюрократіи,—всѣ эти условія привели варварскія государства къ тому политическому разложенію, при которомъ король превратился въ феодальнаго сюзерена, занимающаго лишь первое мѣсто «среди равныхъ»;—государственная территорія раздробилась на множество большихъ и маленькихъ княжествъ-сенъерій, пользующихся значительной долей политической самостоятельности вообще и подчасъ обращающихся при посредствѣ иммунитета въ «государства въ государства»;—наконецъ, само общество разбилось на множество сплоченныхъ кружковъ, которые группировались вокругъ сильныхъ и богатыхъ людей, дававшихъ болѣе надежную защиту и покровительство, чѣмъ законъ и государственная власть. Съ

другой стороны, крѣпостное право и натуральное хозяйство привели къ образованію феодальнаго класса бароновъ (позднѣе рыцарей)—земледѣльцевъ-государей, которыхъ отдѣлила въ политическомъ и общественномъ отношеніи цѣлая пропасть отъ безправной массы виллановъ. Разложеніе *государства, общества и хозяйства*—такова основная характеристика феодальнаго порядка. Вассальныя отношенія и иммунитетъ, сеньеріальная власть и бенефициальная система служили конкретнымъ выраженіемъ этого рокового процесса.

Но воспоминаніе о римской имперіи, объ утраченномъ мировомъ единствѣ, продолжали жить въ средневѣковомъ обществѣ Западной Европы, и феодальная неурядица придавала такимъ воспоминаніямъ только особенно жгучій характеръ сожалѣнія. Рах Ротала среди житейскихъ бурь и мрака средневѣковья—становится плѣнительной мечтой, и римскій цезаризмъ послѣ попытки Карла Великаго превращается въ идеаль земного порядка и благополучія. Стремленіе осуществить этотъ идеаль привело съ одной стороны къ созданію *«Священной римской имперіи германской націи»*, съ другой—оно повліяло на развитіе *теократическихъ идей* въ западной церкви.

Среди варварскаго населенія Западной Европы христіанская церковь являлась единственной культурной силой, единственной сокровищницей, бережно хранившей римскія традиціи. Проповѣдуя язычникамъ-германцамъ Евангеліе, западная церковь насаждала среди нихъ и первые зачатки просвѣщенія; она была руководительница и наставница въ варварскомъ обществѣ и государствѣ, образцомъ порядка и надежнымъ свѣточемъ, царившимъ надъ бездной ужаса и мрака. Въ монархіи Карла Великаго, какъ и въ позднѣйшихъ феодальныхъ государствахъ Европы, епископы были первыми совѣтниками государя, первыми государственными дѣльцами; они пользовались громадными привилегіями: имѣли право суда, были свободны отъ податей; они были и дипломатами, и министрами, и полководцами.

Все это касалось духовенства вообще, но имѣло особенно важное значеніе для главы западнаго христіанства—папы. Опираясь на традицію апостольства Петра въ Римѣ, на чистоту и непоколебимость вѣры въ западной церкви, на политическое значеніе столицы міра, на свою инициативу въ просвѣщеніи язычниковъ Словомъ Божиимъ, наконецъ на свою правительственную дѣятельность въ Италіи, гдѣ съ 476 г. отсутствовалъ императоръ,—папа не замедлил заявить о своихъ правахъ, какъ на главенство въ церкви, такъ и на господство въ свѣтскомъ мірѣ. Идеи блаженнаго Августина, учившаго о противоположности «Божескаго царства» царствамъ земнымъ, о единствѣ христіанской церкви и духовномъ Главѣ ея,—хорошо подготовили почву для развитія идеала папской *теократіи*. Папа, какъ преемникъ ап. Петра и намѣстникъ Бога на землѣ, долженъ былъ управлять Христовой церковью, а всѣ владыки міра, всѣ свѣтскіе государи и ихъ го-

сударства должны были войти въ эту церковь, должны были подчиниться ея видимому главѣ, чтобы вырваться изъ сѣтей дьявола и миновать геены огненной. Но, чтобы властвовать надъ грѣшнымъ міромъ помощью Евангелія, необходимо было привести этотъ міръ къ сознанию своей грѣховности и поселить въ немъ жажду вѣчнаго спасенія. Такую именно цѣль, со всѣмъ жаромъ искренняго религіознаго чувства, и поставила себѣ западная церковь.

Глубокое благочестіе первыхъ христіанъ не могло примириться со вторженіемъ плоти въ царство вѣры. Выйдя изъ катакомбъ и соприкоснувшись съ міромъ, они съ ужасомъ отвернулись отъ него и со скорбью въ душѣ пошли въ пустыню молиться объ его грѣхахъ. Тамъ въ борьбѣ съ соблазнами дьявола, истязая себя, они стали искать спасенія души и чуда Божія. Боясь мірскаго зла, страшась своей же плоти, блаженные отшельники и монахи призывали вѣрующихъ на борьбу съ княземъ міра сего, на благочестивый подвигъ самосовершенствованія и умерщвленія въ себѣ грѣховныхъ вождельній.

Зародившись на Востокѣ, *аскетизмъ* проникъ и на Западъ и скоро зазвучалъ здѣсь основнымъ тономъ въ настроеніи средне-вѣковаго европейскаго общества. Тяжелныя условія жизни, созданныя феодальной раздробленностью, мучительный страхъ за собственное существованіе и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, общественныя бѣдствія, мрачныя пророчества и суевѣрныя предчувствія близкой кончины міра—все это, вмѣстѣ съ заразительностью примѣра и сильно напряженнымъ религіознымъ стремленіемъ, давало широкій просторъ для развитія аскетизма и монастырскаго житія. Католическая церковь мощно поддерживала это настроеніе въ своихъ вѣрныхъ сынахъ и справедливо видѣла въ немъ наиболѣе надежную гарантію для торжества идеала теократіи. При помощи монастыря она овладѣла мыслью и совѣстью человѣка, направляла его чувства и желанія къ Богу, указывала ему узкій, но вѣрный путь ко спасенію. Монахъ аскетъ, наряду съ закованнымъ въ латы рыцаремъ,—центральная фигура въ средневѣковомъ обществѣ. Въ феодальномъ замкѣ короля или герцога и въ бѣдной хижинѣ виллана, среди знати и рабовъ, онъ всюду энергично дѣйствуетъ, проповѣдуетъ и учитъ, утѣшаетъ въ горѣ и смиряетъ въ счастьи, превозноситъ добрыхъ и коритъ злыхъ, даетъ совѣтъ и помогаетъ дѣломъ. Онъ ревностный аскетъ, общительный другъ народа, первый воинъ и поборникъ святого дѣла.

Въ XI в. догматъ безбрачія сообщилъ аскетическому идеалу обязательную силу для всего западнаго духовенства и съ этихъ поръ католическая церковь—уже отдѣлившаяся отъ православной—получаетъ окончательно свою организацію. Ея всесильное вліяніе подчиняетъ себѣ всѣ области общественной и частной жизни. Несмѣтныя монастырскія обители разсыяны по всему христіанскому міру. Наука и искусство благоговѣйно и съ ревностнымъ усердіемъ служатъ интересамъ церкви; огромная литера-

тура разрабатываетъ со всѣмъ тщаніемъ схоластику и богословіе; въ монастырскихъ школахъ воспитывается въ должномъ направленіи человѣческая мысль и воля;—на образцахъ церковнаго искусства развивается художественный вкусъ; монументальныя постройки соборовъ, скульптурныя изображенія святыхъ, картины и рисунки на монастырскихъ рукописяхъ—все служитъ Богу и церкви. Крестовныя походы, поставившіе рыцарскому мечу святую цѣль, и рыцари-монахи наглядно свидѣтельствовали о той паразитической мощи, которой достигъ въ XII—XIII вв. католицизмъ.

Безконечная дробность и въ то же время страстное стремленіе воскресить *мировое единство*, и съ другой стороны всеобъемлющая идея «*Божескаго царства*» и проповѣдь *аскетизма*—таковы великія слагающія силы феодальнаго порядка и католицизма, лежащія въ основѣ всей культурной жизни средневѣковой Западной Европы, и составляющія ея существенную характеристику.

Ближайшій анализъ указанныхъ началъ вскрываетъ однако въ нихъ цѣлый рядъ глубокихъ противорѣчій, обусловливавшихъ ихъ неустойчивость и вызвавшихъ позднѣе ихъ разложеніе. Въ этихъ противорѣчійхъ лежало и зерно историческаго прогресса.

Такъ, прежде всего, универсалистическія тенденціи «Священной римской имперіи» и папства сталкивались между собой, преслѣдуя одинаковую по существу своему цѣль. Это неминуемо повело къ борьбѣ императора съ папой, и послѣдній очень ошибался, полагая, что униженіе имперіи ведетъ къ торжеству идеаловъ теократіи. Сокрушивъ монархію Гогенштауфеновъ, папа остался беззащитнымъ передъ своеволіемъ феодальныхъ бароновъ Италіи, и уже въ самомъ началѣ XIV в. его положеніе становится здѣсь настолько шаткимъ, что онъ принужденъ искать покровительства у «старшаго сына» католической церкви—могущественнаго короля Франціи:—«авторитетъ папы получилъ смертельный ударъ во время борьбы съ имперіей... Въ безчисленныхъ памфлетахъ, которыми приверженцы императора оспаютъ папу, много разъ съ ироніей вопрошается: «Неужели намѣстникъ Христа долженъ обрызгивать своихъ противниковъ бѣшеной пѣной?» «Отчего папа такъ сердится, когда ему говорятъ, что у него незаконныя дѣти? Неужели онъ самъ признаетъ въ душѣ, что это правда?» *).

Здѣсь, впрочемъ, указаніе на противорѣчіе еще болѣе глубокое, въ которое поставили папство его теократическія стремленія.—Если съ одной стороны, правительственныя формы римскаго самодержавія не мирились съ господствомъ феодальнаго многовластія и тѣмъ обусловили неудачу германскихъ императоровъ, то, съ другой—единство «католической» церкви и установленіе «Божескаго царства» на землѣ были еще менѣе мыслимы наряду съ феодальнымъ принципомъ, которому не замедлила подчиниться

*) См. «Русск. Мысль», 1897 г., № 1. «Начало скептическаго движенія въ Италіи» Евг. Тарле. Статья посвящена работѣ Джона Оузена: «The sceptics of the italian Renaissance».

сама церковь *). Епископы, аббаты, монастыри—заявъ опредѣленныя мѣста на феодальной лѣстницѣ, не могли уже служить надежной опорой теократической организаціи міра. Знаменитый споръ объ инвеституры свидѣтельствовалъ о томъ, что сознание такой несомнѣстимости не было чуждо и самимъ борцамъ теократической идеи. Но отказаться совершенно отъ феодальнаго принципа церковь не умѣла и, оспаривая императорскій суверенитетъ въ «Божескомъ царствѣ», она протестовала противъ авторитета свѣтской власти, а не противъ тѣхъ формъ, въ которыхъ этотъ авторитетъ выражался.

Въ свою очередь и аскетическій идеалъ, на которомъ покоился средневѣковный католицизмъ, не могъ служить жизненнымъ началомъ и это тѣмъ болѣе, что въ томъ обществѣ, въ которомъ этотъ идеалъ провозглашался, были еще многочисленны и сильны переживанія языческаго варварства. Какъ ни крѣпка была монастырская ограда и какъ ни плотно облегала монашеская ряса тѣло слабого человѣка,—бѣсовскою искушеніемъ не знало для себя преградъ. Бѣсы вторгались цѣлымъ сонмомъ въ святые ворота обители, проникали въ самыя уединенныя кельи, смущали ночной покой монаха, соблазнили его пьянствомъ и чревоугодіемъ, направляли его безгрѣшныя думы на помыслы тщеславія и суеты. Во образѣ животныхъ, человѣка, даже ангела они неутомимо преслѣдовали несчастную жертву, злоратно издѣваясь надъ ней, когда имъ удавалось поймать ее въ свои сѣти и вымещая на ней побоями свою неудачу. Человѣкъ погибъ бы, еслибы въ этой неравной борьбѣ онъ не надѣялся на постороннюю помощь. Такой помощи онъ ждалъ отъ Бога и главнымъ образомъ отъ святыхъ Его и Богоматери. Чудо окружало средневѣковаго человѣка; оно не было для него сверхъестественнымъ, рѣдкимъ явленіемъ—онъ видѣлъ и ощущалъ его на каждомъ шагу:—святой угодникъ являлся по молитвѣ вѣрующаго, чтобы помочь ему одолѣть дьявола, Св. Дѣва воплощалась и снисходила до бесѣды съ искавшими у нея покровительства **). Гени добра и зла, какъ въ старое языческое время носились въ воздухѣ, ходили по землѣ и непрерывно сообщались съ человѣкомъ.

Если, однако, языческіе предрасудки и порочныя инстинкты продолжали еще гнѣздиться въ душѣ средневѣковаго человѣка даже тогда, когда онъ искренно стремился подняться на высоту христіанскаго подвига и удалялся въ монастырь, то тѣмъ сильнѣе

*) Ср.—«Сила социальнаго творчества, создавшаго сътъ феодализма, встала въ свою совершенно-реальную организацію и епископовъ, и аббатовъ, и киновіальныя общины, группирующіяся въ обширныя федераціи монашескихъ орденовъ, и самихъ папъ, какъ владѣльцевъ феодальной территоріи».—С. Арнольди—«Задачи пониманія исторіи», стр. 225.

**) Ср. „Всеобщ. ист.“ Лависса и Рамбо, т. II, стр. 493.: «... священные обряды и орудія культа считались какъ въ фетишами или магическими формулами, обладавшими таинственной силой независимо отъ умственныхъ или нравственныхъ качествъ того, кто пользовался ими.

былъ мракъ и грѣхъ среди духовныхъ лицъ, не покидавшихъ міра и среди самихъ мірянъ—беззащитныхъ жертвъ дьявола. Благочестивые люди съ грустью и негодованіемъ смотрѣли на то, какъ аббаты и епископы позорили свой санъ, принимая участіе въ междоусобныхъ войнахъ, въ насиліяхъ и грабежахъ, которымъ такъ беззастѣнчиво предавались свѣтскіе феодалы. То были—«наемники», а не «добрые пастыри» овецъ своихъ.

Съ X в. цѣлый рядъ энергичныхъ попытокъ былъ направленъ папствомъ къ тому, чтобы остановить эту деморализацію монашеской арміи и блага духовенства, но всѣ эти попытки достигали цѣли лишь на короткое время и въ очень слабой степени. За каждымъ подъемомъ религіознаго одушевленія наступалъ скорый и еще болѣе полный упадокъ. Ключійская конгрегація, духовно-рыцарскіе и наконецъ нищенствующіе ордена, институтъ безбрачія—все это были сильныя мѣры, но онѣ каждый разъ съ роковой неизбѣжностью обращались противъ самого, породившаго ихъ, движенія *).

Аскетическій идеалъ требовалъ жизни сообразно съ «личнымъ мистическимъ убѣжденіемъ», а такое требованіе—оказывалось, по самой своей сущности, въ противорѣчій со степенью культуры, до которой достигли не только массы, но и самая значительная доля интеллигенціи **).

Презрѣніе къ міру, отреченіе отъ него и въ то же время господство надъ нимъ—такова формула средневѣковаго католицизма. Но между обоими элементами этой формулы лежала глубокая противоположность, которая подтачивала въ самомъ корнѣ зданіе папской теократіи. Оспаривая у императоровъ главенство въ объединенномъ «Божьемъ царствѣ», проводя церковныя реформы, борясь противъ еретиковъ и невѣрныхъ, противъ неурядиць фео-

*) Ср. Лависсъ и Рамбо, «Всеоб. истор.», т. II, стр. 498, цитата изъ L. Delisle — Bibliothèque de l'École des chartes, VIII, стр. 48: «Многіе деревенскіе священники содержатъ цѣлые годы одну или нѣсколькихъ наложницъ; ихъ дѣти воспитываются подъ кровлей церковнаго дома... Я часто встрѣчаю жалобы на то, что они посѣщаютъ таверны и напиваются «по горло»; вслѣдствіе этого они затѣваютъ драки, забываютъ платье на мѣстѣ кутежа; случается даже, что духовные валяются на полѣ мертвецки пьяны. Нѣкоторые священники принимаютъ участіе въ ссорахъ, дерутся со своими прихожанами. Многіе занимаются торговлей; священники, продававшіе спиртные напитки, стирали свою наглость до того, что напивали своихъ прихожанъ. Они играютъ въ кости, шары и дискъ. Въ 1248 году одного священника изъ Vaudricou-Boise упрекали въ томъ, что онъ принималъ участіе въ турнирахъ... Эдъ Риго (приводимая характеристика составлена Delisle'емъ на основаніи «журнала» пастырскихъ ревизій Эда Риго, руанскаго архіепископа XIII в.) нашелъ въ своей епархіи священниковъ, которые не были произведены въ священнической санъ и не считали нужнымъ явиться на посвященіе, или такихъ, которые, получивъ эту степень, въ теченіе многихъ лѣтъ не служили ни одной обрядни... Въ такомъ состояніи находилось сельское духовенство въ срединѣ XIII в. т. е. какъ разъ въ эпоху торжества папства надъ имперіей и возобновленія несуществующихъ орденовъ.

**) См. Арнольд, стр. 208.

дальнаго своеволія и безнравственности общества,—церковь не была въ состояніи осуществлять всѣ эти трудныя задачи безъ содѣйствія со стороны свѣтскихъ властей. И папа поневолѣ долженъ былъ для установленія «Божескаго царства» прибѣгать къ помощи «царства бѣсовскаго», къ тѣмъ властямъ и силамъ, которыя онъ хотѣлъ презирать и надъ которыми хотѣлъ господствовать *). Жрецы безкровной жертвы, учителя смиренія и нищеты—духовныя лица должны были мѣнять свой скромный поохъ на острый мечъ, собирали несмѣтныя сокровища и гордо требовали себѣ повиновенія. Презирая себя, міръ не могъ существовать, и еще менѣе могъ онъ поддерживать въ себѣ ту склонность къ единству, которая была необходима для цѣлей теократіи. Аскетизмъ не могъ служить связующимъ ферментомъ,—онъ раздвинулся, а не сближалъ людское общество **).

Такъ въ самомъ строѣ этой культуры обнаруживается сосуществованіе началъ противоположныхъ другъ другу, взаимодействіемъ которыхъ подрывалась устойчивость общественныхъ формъ и идеальныхъ стремленій средневѣковья. Универсализмъ императорской власти стоялъ въ противорѣчій съ папской теократіей и вмѣстѣ съ послѣдней не могъ найти для себя въ феодальномъ обществѣ достаточно надежнаго основанія. Аскетическіе идеалы разбивались о соприкосновеніе съ дѣйствительностью, въ которой языческіе и варварскіе элементы еще не успѣли совершенно исчезнуть. Наконецъ и основныя принципы средневѣковаго католицизма—аскетизмъ и теократія оказались категоріями безусловно непримиримыми между собой.

Процессъ разложенія средневѣковой культуры, зачатки котораго несомнѣнно крылись уже въ самой сущности этой культуры, сталъ дѣлать, однако, особенно быстрые успѣхи лишь съ XIII, XIV в., когда въ исторической жизни Западной Европы выдвигаются постепенно впередъ два новыхъ чрезвычайно важныхъ фактора прогресса. Послѣдними надо признать: во первыхъ, сформированіе новыхъ европейскіхъ *національностей*, и, во вторыхъ, развитіе средневѣковаго *города*. Въ атмосферѣ косности и застоя обнаружилились новыя чувства, появились бодрья и свѣжія мысли.

Еще въ 840 г. въ знаменитой страсбургской клятвѣ встрѣчаются первые намеки на то, что антропологическій процессъ слиянія германской расы съ римской уже получилъ свое начало. Языкъ западныхъ франковъ и языкъ саксовъ, швабовъ, баваровъ

*) Насколько папа заражался приэтомъ свѣтскими интересами и приѣмами дипломатии, можно видѣть уже изъ того, что въ борьбѣ съ Фридрихомъ II онъ не стѣснялся прибѣгать къ самымъ безсовѣстнымъ подлогамъ, съ цѣлью вооружить противъ императора его подданныхъ.

**) Ср. Арнольди, стр. 208. «По самому своему существу, личное убѣжденіе заключало въ себѣ, напротивъ, склонность дробить общество на мелкія политическія партіи, враждебныя другъ другу, склонность подрывать единство союза, отрицать обязательность положительнаго закона».

напоминаютъ уже собой новыя языки: французскій и нѣмецкій. Но высшія формы быта и общій складъ культурной жизни еще долго и послѣ того продолжали носить характеръ беспорядочнаго смѣшенія элементовъ римскихъ и общегерманскихъ. Только въ XIII в. національное самосознаніе становится въ европейскихъ государствахъ дѣятельной политической силой, приобрѣтая въ слѣдующемъ XIV в. господствующее положеніе.

Борьба имперіи съ папствомъ, крестовые походы, возобновленіе торговыхъ связей съ восточными странами, наконецъ, нѣкоторое общее улучшеніе жизненныхъ условій, наступившее съ упроченіемъ государственнаго порядка—все это не замедлило вызвать въ Западной Европѣ могучій подъемъ экономической жизни, естественнымъ центромъ которой стала средневѣковый городъ. До X—XI в. города еще слабо выдѣляются на общемъ фонѣ земледѣльческаго натурального хозяйства феодальной Европы, но съ этого времени натуральное хозяйство начинаетъ быстро терять свой смыслъ и цѣну передъ отрывшейся возможностью широкаго торговаго оборота и болѣе легкой наживы. Городъ обособляется теперь отъ деревни и энергично стремится высвободить свою новую дѣятельность изъ подъ ига крѣпостнаго права. Торгово-промышленное населеніе городовъ спланивается въ тѣсныя политическія и корпоративныя союзы, отнимая силой или выкупая за деньги свободу у феодальнаго сеньера *). Обширныя конфедерации, вродѣ Тевтонской Ганзы, съ одной стороны, — и цеховое устройство внутри города съ другой, — явились результатомъ этого стремительнаго процесса. Развиваются новыя формы денежнаго хозяйства и въ то же время вырастаетъ въ городѣ новая экономическая сила—*капиталъ*, вліяніе котораго тотчасъ рѣзко отозвалось и на всемъ общественно-политическомъ строѣ феодальныхъ государствъ. Свободный воздухъ города подготовилъ почву и для научно-религіознаго свободомыслія.

Съ XI—XII в. города принимаютъ уже видное участіе въ государственной жизни Европы. Они—первыя и главныя плательщицы казенныхъ сборовъ, они—сильнѣйшіе враги феодальнаго барона и потому—надежнѣйшіе друзья центральной власти. Съ помощью коммунъ растетъ самодержавіе французскихъ королей и съ ихъ же помощью развивается значеніе территориальныхъ князей Германіи, гдѣ императоры не сумѣли и не могли слить свои интересы съ этимъ благоприятнымъ для нихъ движеніемъ. На почвѣ національнаго самосознанія города становились могу-

*) Ср. «Всеобщ. Ист.» Лависса и Рамбо т. II, 488:—«городскому работнику, одинокому и слабому передъ вооруженнымъ сеньеромъ, передъ дисциплинированной, могущественной церковью, ассоціація открылась, какъ врата спасенія; благодаря ей онъ добился коллективной свободы—единственной, какой можно было тогда достигнуть, и приобрѣлъ значительное вліяніе; привилегіямъ другихъ онъ противопоставлялъ свои собственные, и именно подъ защитой этого панциря рабочіе классы могли развиваться и обогащаться».

щественной централизующей силой, которая на счетъ универсальной имперіи и главенства вселенской церкви подготовила въ Западной Европѣ появленіе *національнаго свѣтскаго государства*. Королевская власть при содѣйствіи городовъ разрушила феодальныя привилегіи бароновъ и свергла иго, которое налагалъ на самостоятельность націи принципъ «Божескаго царства». Идеи цезаризма и папской теократіи не были въ состояніи выдержать столкновенія съ городомъ.

Не менѣе рѣшительный переворотъ произвела указанная экономическая революція и въ социальномъ строѣ средневѣковой Европы. Огромная масса мелкихъ рыцарей, благосостояніе которыхъ покоилось лишь на возможности вольнаго грабежа, да на скудныхъ доходахъ отъ примитивнаго крѣпостного хозяйства, должна была уступить свое мѣсто и въ обществѣ и въ государствѣ богатому бюргерству, сумѣвшему быстро развить въ себѣ и тонкій вкусъ, и пониманіе комфорта жизни, и страсть къ политикѣ и серьезные умственные интересы. Въ безсилой злобѣ и съ плохо скрытой завистью смотрѣло дворянство на то, какъ падаетъ его значеніе и какъ растетъ богатство и вліяніе городовъ и его обитателей. Оно утверждало, что «мушье»—т. е. купецъ, его «съѣсть»—и оно нисколько въ томъ не ошибалось. Горожане энергично пробивали себѣ дорогу къ почетному положенію *«третью сословія»* въ государствѣ. На скопленные торговымъ трудомъ деньги городъ могъ нанять солдатъ, а съ помощью своихъ познаній онъ изобрѣлъ пушку—и эти деньги и эта пушка, ставъ на службу государству, смели послѣдніе остатки боевого рыцарства.

Матеріальный достатокъ, прочность городскихъ стѣнъ, свободный воздухъ и развитая общественность—все это скоро сдѣлало городъ центромъ умственной и эстетической жизни Западной Европы. Въ противовѣсъ монастырю съ его школами въ городѣ возникаетъ *университетъ*, и въ этомъ университетѣ наряду съ богословіемъ толкуются уже и общіе вопросы философіи, медицины, словесности и права*). Десятки тысячъ слушателей со всѣхъ концовъ Европы сходились сюда, чтобы посмотрѣть и поучиться, подумать и поговорить въ кругу ученыхъ «докторовъ» и европейскихъ знаменитостей. Переходя изъ университета въ университетъ, кочуя между Парижемъ, Монпелье, Болоньей, эти бродячіе студенты разносили повсюду на своемъ пути нехитрую мудрость усвоеннаго ими знанія. Такъ возникала въ городѣ *свѣтская наука* и порабощенная церковью мысль эмансипировалась на городской свободѣ.

Насмѣшливая и часто пошлая пѣсенка «голіарда», сатириче-

*) Ср. Арнольди стр. 239. «Римское право и медицина выступали какъ традиціонные жизненные элементы античнаго строя въ области пониманія міра и общества; какъ непосредственные соперники праву каноническому, политической роли духовенства какъ такового, и какъ враги мистическаго и чудотворнаго знахарства».

ская сирвента трубадура, веселый фарсъ и полусвѣтская мистерія, выведившая пороки духовенства на подмостки—всѣ эти элементы критики и скептицизма *секуляризованной литературы* находили себѣ въ свою очередь радужный приѣмъ въ вольнодумной буржуазіи. Въ городѣ впервые искусство унизилося до степени служенія міру. На смѣну романскимъ и готическимъ храмамъ, которые все чаще и чаще остаются недостроенными,—растутъ великолѣпныя зданія, предназначенныя для свѣтскихъ цѣлей, строятся городскія ратуши, крѣпости и т. п.

Изъ университета вышелъ «легистъ»—ученный законовѣдъ и дѣльный чиновникъ, которому такъ много была обязана своимъ усиленіемъ королевская власть; университетъ создалъ и того профессора-богослова—страстнаго проповѣдника и энергичнаго реформатора, который въ лицѣ Уиклифа, Гусса и наконецъ, Лютера сокрушилъ величіе и силу католицизма. При такихъ условіяхъ городъ былъ тѣмъ фокусомъ, на которомъ сосредоточивалось все общественное вниманіе; онъ становился воспитателемъ и руководителемъ общественной мысли, вкуса и настроенія *).

Развитіе національнаго самосознанія и новой общественной и экономической силы—города противопоставило средневѣковому культурному строю такія условія, которыя дѣлали его внутреннія противорѣчія еще болѣе непримиримыми и въ которыхъ самое существованіе этого строя становилось въ дальнѣйшемъ уже невозможнымъ. На смѣну феодальной раздробленности выросла централизація правительственной власти; университетскія тенденціи имперіи и папства должны были отступить предъ зародившимся *свѣтскимъ національнымъ государствомъ*. Натуральное хозяйство вытѣснялось надвигавшимся *капитализмомъ*; наряду съ двумя феодальными сословіями—«чинами» появилось «*третье сословіе*», сословіе будущаго. Наконецъ во всѣхъ сферахъ духовной жизни начинаютъ уже мелькать первые проблески, возвѣщавшіе близость эпохи Возрожденія.

Указанный историческій процессъ представляется характернымъ для всей Западной Европы Среднихъ вѣковъ, нисколько не исключая, однако, своею общностью того многообразія національныхъ и мѣстныхъ особенностей, которыя обусловили собой по-

*) Ср. Арнольди, стр. 235. «Города... были лабораторіями, гдѣ вырабатывались сами собою умственные силы, подрывавшія всѣ идейныя начала средневѣковой культуры, точно также какъ здѣсь вырабатывались силы политическія, прямо враждебныя феодальному строю, и по тому самому благоприятныя для централизующей политической власти; наконецъ—силы экономическія, подготовлявшія будущую государственную бюрократію и будущую европейскую буржуазію новаго времени».

Цитируемое мѣсто изъ книги г. Арнольди относится къ ея IX главѣ, въ которой названный авторъ предлагаетъ «схему исторіи мысли», «до-свѣтской цивилизаціи новаго времени». Соглашаясь съ нѣкоторыми частными обобщеніями г. Арнольди, мы не думаемъ однако, чтобы его основная точка зрѣнія на характеръ и источники средневѣковой культуры могла быть принята цѣликомъ.

явленіе позднѣйшихъ крупныхъ различій въ общественномъ и политическомъ строѣ новыхъ европейскихъ государствъ. Англійскій парламентъ и конституція Великой Хартіи, абсолютизмъ королевской власти во Франціи, федерація территориальныхъ княжествъ въ Германіи, наконецъ итальянскія городскія тиранніи— всѣ эти типичныя черты новой Европы созданы и выработались на почвѣ общеевропейскихъ культурныхъ силъ средневѣковья. Преобладаніемъ той или другой изъ этихъ силъ, условіями исторической обстановки и національности, направленіями и послѣдствіями историческихъ событій, объясняется указанная спеціальная характеристика, которую приобрѣтаютъ впослѣдствіи новыя европейскія государства. Такая характеристика получаетъ однако вполне реальное значеніе лишь къ концу среднихъ вѣковъ, когда новыя начала берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ традиціонными элементами западно-европейской культурной жизни.

Изложенные моменты культурной исторіи Западной Европы составляютъ существенное содержаніе ея средневѣковаго періода; они образуютъ собою тотъ идейный остоѵ, который вскрывается научнымъ анализомъ среди всего огромнаго разнообразія и безконечной сложности подлежащаго историческому изученію фактическаго матеріала этой важной эпохи.

Добыть научный выводъ нелегко, но именно такимъ выводомъ живетъ и движется наука; и только благодаря тому же выводу безмолвный фактъ минувшей старины приобрѣтаетъ важность и значеніе, свидѣтельствуеъ и говорить. До тѣхъ поръ пока Ньютонъ не открылъ закона тяготѣнія, падавшее съ дерева яблоко падало лишь потому, что вѣтеръ или червь срываетъ его съ вѣтки.

Педагогическія соображенія, которыми направляется наша школьная жизнь, къ сожалѣнію, слишкомъ часто заставляютъ вспоминать такія старыя истины. Въ школьномъ курсѣ исторіи до сихъ поръ провозглашается догматъ господства факта, и яблоко на школьномъ древѣ все также падаетъ по волѣ случая *).

Ссылаются на трудность отвлеченнаго понятія для дѣтской головы,—и при этомъ забываютъ, что правильно понять и безъ ошибки разобраться въ усвоенномъ фактѣ **) не всегда подъ силу и взрослому уму. Забываютъ еще и то, что лучше быть можетъ не знать вовсе, чѣмъ знать не такъ, какъ надо. Гоголевскій Петрушка врядъ ли можетъ служить цѣлью педагогическихъ и образовательныхъ стремленій школы.

Я. Галяшкинъ.

*) Ср. «Учебн. планы»—стр. 123. «Само собою разумѣется, что вездѣ, гдѣ необходимо указаніе и значеніе тѣхъ или другихъ историческихъ странъ, событій, сословій, лицъ и т. п.,—указанія эти дѣлаются посредствомъ фактовъ, а не однихъ отвлеченныхъ сужденій».

**) У Спенсера въ его брошюрѣ о воспитаніи есть превосходныя замѣчанія о томъ вредѣ, который можетъ принести пустое затверживаніе историческихъ фактовъ.

Исторія позитивной философіи.

Проф. Г. Геофдинга.

(Продолженіе).

В. Эволюціонная философія.

Общая и главная мысль, служащая основаніемъ позитивной философіи, состоитъ въ томъ, что наши представленія должны опираться на воспріятіе. Поэтому при объясненіи эмпирически данныхъ явленій мы должны исходить изъ причинъ, которыя въ свою очередь можно констатировать въ опытѣ. Позитивизмъ есть въ сущности только развитіе требованія, выставленнаго Кеплеромъ и Ньютономъ, искать «истинныхъ причинъ». Какъ показалъ Огюсть Контъ, различіе между главными формами философіи покоится на томъ, какія принимаются причины. Но даже если и придерживаться этого принципа, то все-таки остается еще достаточно мѣста для важныхъ противоположеній. Контъ и Милль кончили тѣмъ, что стали смотрѣть на отношеніе причинности, какъ на отношеніе между двумя различными явленіями, которыя находятся для насъ фактически во взаимной связи. Они не придавали значенія той сторонѣ отношенія причинности, которая показываетъ намъ, что чѣмъ глубже вникать и пристальнѣе всматриваться въ него, тѣмъ яснѣе становится непрерывная связь явленій. Поэтому то отъ нихъ и ускользала тѣсная связь понятія причинности съ понятіемъ развитія. Въ области соціальныхъ отношеній это понятіе усиленно подчеркивается, правда; но тѣмъ не менѣе оно не становится руководящимъ въ пониманіи всей природы. Они придавали слишкомъ большое значеніе различіямъ, даннымъ въ опытѣ, и не замѣчали, что всякое знаніе имѣетъ цѣлью свести ихъ къ возможному минимуму. Они останавливались передъ проблемой происхожденія новыхъ формъ. По ихъ мнѣнію, развитію подлежатъ отдѣльные индивидуумы, а также и самый родъ благодаря вліянію традицій и учреждений. Но они не думали, чтобы понятіе развитія могло сдѣлаться руководящей мыслью цѣлаго міросозерцанія, и этимъ опредѣлялись въ значительной долѣ границы ихъ мышленія.

Измѣненіе, внесенное въ пониманіе природы открытіями и

гипотезами Чарльза Дарвина, можно сопоставить съ тѣми перемѣнами, которыми мы обязаны Копернику и Бруно, Галилею и Ньютону. Открытіе Коперника расширяло предѣлы міра и дѣлало его безконечнымъ. Земля и человѣческая жизнь перестали казаться центромъ, вокругъ котораго все вращается. Ньютонъ показалъ, что во всемъ безпредѣльномъ мірѣ господствуетъ строгая закономѣрность, такъ какъ далекія небесныя тѣла подчиняются тѣмъ же законамъ, которыя властвуютъ у насъ на землѣ. Дарвиновское пониманіе природы отмѣчаетъ подобное же расширеніе кругозора въ томъ, что касается органической жизни. Въ области одушевленныхъ существъ до сихъ поръ не было установлено никакой широкой связи, никакого общаго закона возникновенія и развитія. *Касперъ Фридрихъ Вольфъ* и *Карлъ Эрнестъ фонъ Бэръ* доказали, что отдѣльный организмъ развивается, проходя цѣлый рядъ стадій, изъ зародыша, неизмѣющаго никакого сходства съ вполне развитымъ индивидуумомъ. *Спиноза, Гертль и Джемсъ Милль* показали, что психологическое развитіе отдѣльнаго индивидуума можетъ идти такъ, что согласно законамъ ассоціаціи образуются духовныя формы, столь же мало похожія на первичныя зачатки, какъ формы выросшаго организма на его зародышѣ. Историческая же школа, основанная *Монтескье* и достигшая полнаго расцвѣта во Франціи и Германіи послѣ революціи, старательно отстаивала понятіе развитія въ примѣненіи къ происхожденію соціальныхъ и политическихъ формъ. Точно также въ *романтической* философіи понятіе развитія было господствующимъ. Она утверждала, что между отдѣльными явленіями и цѣлымъ существуетъ интимная связь и рассматривала бытіе, какъ рядъ ступеней, каждая изъ которыхъ отражаетъ содержаніе міра въ формахъ все болѣе и болѣе высокыхъ. Но приложеніе, которое здѣсь дѣлали изъ понятія развитія, было чисто идеальнымъ. Развитіе не считалось здѣсь тѣмъ процессомъ, путемъ котораго феноменальныя формы возникаютъ другъ изъ друга; непрерывность представлялась скрытой въ идеальномъ ядрѣ бытія, а не среди отдѣльныхъ явленій. Вопросомъ о движущихъ причинахъ, которыя могли бы вести съ одной ступени на другую, не задавались. Напротивъ, важный примѣръ того, какъ новыя формы и состоянія могутъ образоваться согласно постоянно дѣйствующимъ законамъ, давала гипотеза *Канта* и *Лапласа* о развитіи солнечной системы изъ первичной туманности подъ вліяніемъ опредѣленныхъ физическихъ и химическихъ отношеній, и теорія *Ляйелля* о происхожденіи современнаго состоянія земной поверхности подъ непрестаннымъ воздѣйствіемъ неизмѣнныхъ физическихъ и химическихъ причинъ, дѣйствующихъ до сихъ поръ. Ученіе Дарвина объясняетъ происхожденіе органическихъ видовъ тѣмъ, что непрерывная борьба за сохраненіе жизни вноситъ,—среди различныхъ то толкающихъ впередъ, то задерживающихъ вліяній вѣчныхъ отношеній или другихъ живыхъ существъ,—въ строеніе тѣла и образъ жизни постепенныя измѣненія. Дарвинъ расширилъ нашъ взглядъ на природу и открылъ намъ необозримый процессъ развитія, путемъ котораго произошли современные виды. Съ другой

стороны онъ обострилъ наше зрѣніе по отношенію къ незначительнымъ явленіямъ, научилъ насъ видѣть въ незамѣтныхъ по большей части причинахъ, дѣйствующихъ вокругъ насъ, тѣ силы, благодаря тихому, но непрерывному дѣйствію которыхъ роды живыхъ существъ достигли тѣхъ формъ, въ которыхъ мы видимъ ихъ въ настоящее время.

Новизна дарвиновскаго ученія состояла не въ той общей мысли, что органическіе виды и формы произошли подъ вліяніемъ естественныхъ причинъ. Эта мысль высказывалась уже до него въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Значеніе Дарвина обуславливается тѣмъ, что онъ подкрѣпилъ этотъ взглядъ, установивъ опредѣленные причины, дѣйствующія въ направленіи подобныхъ новообразованій. Понятіе развитія, какъ мы замѣтили выше, стоитъ само въ такой тѣсной связи съ понятіемъ причинности и непрерывности, что оно могло выступить въ роли руководящей идеи прежде, чѣмъ Дарвинъ далъ ему своими изслѣдованіями сильное эмпирическое подтвержденіе. Такъ, *Гербертъ Спенсеръ* выступилъ сторонникомъ эволюціонной гипотезы за нѣсколько лѣтъ до появленія знаменитаго дарвиновскаго труда, и показалъ въ особенности (въ первомъ изданіи своей психологій), какое значеніе имѣетъ эта гипотеза, благодаря тому, что при ея помощи можно объяснять опытомъ цѣлаго рода тѣ свойства и способности, которыя были необъяснимы опытомъ отдѣльнаго индивидуума. Это расширяло опытную философію и давало ей возможность признать больше правъ, чѣмъ раньше, за взглядами, которые признавались до сихъ поръ исключительно спекулятивной и критической философіей. Послѣ этого Спенсеръ старался показать въ подробномъ, систематическомъ изложеніи, что понятіе развитія есть главное понятіе, къ которому отовсюду приводятъ насъ нашъ опытъ и наше мышленіе.

1. Чарльзъ Дарвинъ.

а) *Биографія и ходъ развитія.*

Право исторіи философіи присваивать себѣ этого великаго естествоиспытателя, — равно какъ и Коперника, Кеплера, Гамлея и Ньютона — прежде всего основано на томъ, что его методъ и выводы имѣютъ значеніе далеко за предѣлами его специальной области и отмѣчаютъ поворотный моментъ въ научномъ изслѣдованіи и пониманіи природы вообще. Уже вскорѣ послѣ того, какъ у него возникла идея его гипотезы (1837), онъ писалъ въ записной книжкѣ за двадцать лѣтъ до появленія своего знаменитаго сочиненія: «моя теорія поведетъ къ цѣлой философіи». Однако Дарвинъ имѣетъ значеніе для философіи не только по своимъ выводамъ, не только потому, что имъ поставленъ вопросъ, какимъ образомъ новая теорія вторгается въ цѣлое міросозерцаніе. Онъ занимался психологическими и этическими вопросами и высказывался по вопросу о границахъ позна-

нія. И въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ изъ его автобіографіи и изъ его писемъ, онъ представляетъ собою среди мыслителей нашего времени своеобразную сократовскую фигуру, вызывающую уваженіе благодаря своей энергіи, своей любви къ истинѣ и своему чувству гуманности.

Чарльзъ Дарвинъ родился 12 февраля 1809 г. въ Шрефсбери. Испробовавъ занятія медициной въ Единбургѣ и затѣмъ богословіемъ въ Кэмбриджѣ и не развивъ въ себѣ наклонности къ нимъ, онъ подъ вліяніемъ рано пробудившагося интереса къ естествознанію, принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи, предпринятомъ кораблемъ «Бигль» (1831—36). Сдѣланныя во время этого путешествія наблюденія образуютъ первое основаніе его теоріи. Онъ сравнивалъ жизнь современныхъ животныхъ Южной Америки съ вымершими видами, и сходство строенія тѣла на ряду съ различіями, особенно величины, поразило его. Онъ сравнивалъ животный міръ сѣверной части Южной Америки съ животнымъ міромъ южной части и здѣсь нашель точно также своеобразное совмѣщеніе сходствъ и различій. Особенно онъ былъ удивленъ, найдя на островахъ Галапагоса, на разстояніи почти 1100 километровъ отъ Южной Америки, животный и растительный міръ, сильно напоминавшій флору и фауну Южной Америки, хотя и состоявшій изъ такихъ видовъ, какихъ не растетъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ земного шара: виды встрѣчались только на этихъ островахъ, но принадлежали къ родамъ, находимымъ на ближайшемъ материкѣ. Дѣло представлялось въ такомъ видѣ, какъ будто одна и та же основная форма была видоизмѣнена такимъ образомъ, что могла жить частью на материкѣ, частью на островахъ. И сверхъ того, каждый отдѣльный островъ имѣлъ собственные своеобразные виды, какихъ нельзя было найти на другихъ островахъ. Какъ же объяснить съ одной стороны это родство, съ другой — это различіе? Съ этой проблемой Дарвинъ вернулся изъ своего продолжительнаго путешествія и посвятилъ ей рѣшенію всю свою жизнь. Устроившись очень счастливо, онъ жилъ въ деревнѣ, вблизи Лондона, неутомимо занятый накопленіемъ фактовъ, могущихъ освѣтить его проблему. Вопросъ, подлежащій рѣшенію, состоялъ въ томъ, почему сохраняются и развиваются именно такія формы и свойства, которыя могутъ быть полезны животнымъ и растеніямъ среди ихъ жизненныхъ отношеній. Дарвина поражило именно видоизмѣненіе формъ и свойствъ сообразно жизненнымъ отношеніямъ. Онъ исходилъ изъ того, что это должно имѣть свок естественную причину, — но какую? Его мысли получили надлежащее направленіе, когда онъ прочелъ (1838) трудъ *Мальтуса* по вопросу народонаселенія. Мальтусъ показалъ, что живыя существа имѣютъ склонность размножаться въ большей степени, чѣмъ можетъ увеличиваться количество средствъ питанія. Но въ такомъ случаѣ — заключилъ Дарвинъ — живыя существа должны быть взаимно сотрудничниками, бороться другъ съ другомъ или соперничать, чтобы добыть нужное для поддержанія жизни. Жизнь есть борьба за существованіе и должна быть борьбой, а тотъ индивидуумъ или та группа

индивидуумовъ, которые получили почему-нибудь способность или органъ, отсутствующій у другихъ и приспособленный къ отношеніямъ, легче сохранятся въ борьбѣ, чѣмъ другіе. Родъ будетъ размножаться главнымъ образомъ благодаря имъ, и тѣ формы, которымъ будетъ недоставать этой способности или этого органа, будутъ вымирать постепенно. И если группѣ какихъ-нибудь живыхъ существъ приходится жить на ограниченномъ пространствѣ, то ей будетъ тѣмъ легче устроиться, чѣмъ разнообразіе составляющія ее формы, потому что тѣмъ легче будетъ ей удовлетворять свои потребности. Если всѣ живутъ одной и той же пищей, то не можетъ существовать столько индивидуумовъ, какъ тогда, если пища различна. Слѣдовательно, если видъ обладаетъ способностью видоизмѣняться, то это составляетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе.

Уже въ началѣ сороковыхъ годовъ Дарвинъ приготовилъ статью, въ которой онъ изложилъ свою теорію, но отложилъ ее въ сторону, чтобы предпринять дальнѣйшія изслѣдованія. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ онъ началъ окончательную редакцію своего труда, который и вышелъ въ 1859 г. подъ заглавіемъ *Origin of Species*. За этимъ трудомъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ сочиненій, изъ числа которыхъ наиболѣе значительныя въ философскомъ и психологическомъ отношеніяхъ суть слѣдующія: *Variation of Animals and Plants under Domestication* (1868), *Descent of Man* (1871) и *Expression of the Emotions in Men and in Animals* (1872). Только смерть, постигшая Дарвина въ 1882 г. 19 апрѣля, положила коонецъ его продолжительной и неизмѣнной работѣ на пользу науки. Три года передъ тѣмъ онъ писалъ въ своей автобиографіи: «Я поступилъ правильно, думается мнѣ, посвятивъ свою жизнь наукѣ. Въ содѣянныхъ грѣхахъ мнѣ не приходится раскаиваться, но я всегда сожалѣлъ, что не оказалъ своимъ собратьямъ больше непосредственнаго добра».

б. Теорія и методъ.†

Результатомъ изслѣдованій Дарвина было торжество принципа естественныхъ причинъ и утвержденіе, что природа не дѣлаетъ скачковъ. Онъ указалъ непрерывность въ такой области, гдѣ до сихъ поръ или предполагали сверхъестественное вмѣшательство и перерывы, или останавливались передъ изначальными, необъяснимыми различіями или, самое большее, апеллировали къ внутреннему эволюціонному стремленію, ведущему якобы съ одной ступени на другую. Своимъ объясненіемъ происхожденія видовъ изъ борьбы за существованіе Дарвинъ пролилъ, кромѣ того, свѣтъ на условія не только физической, но и духовной жизни, что было, конечно, не менѣе цѣнно, чѣмъ рѣшеніе той специальной задачи, которую онъ себѣ поставилъ. Самъ того не сознавая, онъ вновь высказалъ старую англійскую мысль. Вѣдь его борьба за существованіе напоминаетъ «войну всѣхъ противъ всѣхъ» Гоббса.

Англичане уже издавна обнаруживают понимание условий жизни и необходимость прибѣгать къ силѣ, чтобы овладѣть ею. Этимъ вызывается своеобразное смѣшеніе идеализма и эмпиризма, въ которомъ видятъ сплошь да рядомъ противорѣчіе. Ихъ чутье въ области разъ сложившихся практическихъ отношеній не притупляетъ тѣмъ не менѣе у нихъ убѣжденія въ важности внутреннихъ силъ, хотя они и не высказываютъ его въ той спекулятивной формѣ и съ тѣмъ мистицизмомъ, въ который впадаютъ часто мыслители материка.

Объясненіе происхожденія видовъ, данное Дарвиномъ, совершенно въ духѣ позитивизма, и поэтому со стороны учениковъ Конта было непослѣдовательно, если они относились къ новой гипотезѣ отрицательно. Причина, къ которой апеллируетъ Дарвинъ, есть фактическая, дѣйствительная, *положительная* причина. Въ одномъ письмѣ онъ замѣчаетъ: говорить, что виды созданы такъ или иначе, не значитъ давать научное объясненіе; это есть только благочестивый способъ говорить, что каково дѣло есть, таково оно и есть. Изъ другихъ словъ его видно, что если онъ въ концѣ своего труда «Происхожденіе видовъ» говорилъ, что первыя формы живыхъ существъ созданы, то этимъ хотѣлъ только сказать, что намъ ничего неизвѣстно о томъ, какъ возникаетъ жизнь.

Выраженіе «*борьба за существованіе*» слѣдуетъ понимать образно. Оно должно значить, что одно существо зависитъ отъ другого и отъ условий жизни, причѣмъ принимается въ соображеніе не только отдѣльный индивидуумъ, но и его потомство. Растеніе, растущее на рубежѣ пустыни, должно бороться за свою жизнь, т. е. его сохраненіе зависитъ отъ того, какимъ минимумомъ влаги оно можетъ обходиться. Еще больше значенія, чѣмъ отношеніе къ физическимъ условіямъ, имѣетъ въ органическомъ мірѣ отношеніе къ другимъ живымъ существамъ. Омелы на одной и той же вѣткѣ «борются» другъ съ другомъ за мѣсто и пищу, но онѣ борются также съ другими плодовыми растеніями, такъ какъ размноженіе ихъ зависитъ отъ того, предпочитаютъ ли птицы сѣмена омелы сѣменамъ другихъ растеній, такъ чтобы они могли разсѣяться въ большемъ количествѣ. Выраженіе «борьба за существованіе» означаетъ приспособленіе организма къ живой и мертвой средѣ; терминомъ же «*естественный отборъ*» Дарвинъ отмѣчаетъ другую сторону отношенія, именно тотъ способъ, путемъ котораго условия жизни благоприятствуютъ существованію извѣстныхъ свойствъ—«принципъ, согласно которому всякое измѣненіе, полезное индивидууму, сохраняется какъ бы оно ни было незначительно». Повсюду въ природѣ происходитъ борьба. Всегда стоитъ вопросъ, быть или не быть. Всякое существо живетъ благодаря побѣдѣ, одержанной имъ когда-нибудь въ своей жизни. Борьба же за существованіе составляетъ въ свою очередь слѣдствіе сильнаго размноженія органическихъ существъ. Все хозяйство природы станетъ для насъ непонятно, если мы хотя бы на одну минуту забудемъ, что каждый отдѣльный видъ стремится крайне сильно размножаться, и что всегда существуетъ какое

нибудь препятствіе, задерживающее его расширеніе, хотя мы и не всегда въ состояніи замѣтить это препятствіе. Благодаря этому столкновенію расширенія и препятствія становится необходимымъ отборъ. Индивидуумы, надѣленные цѣлесообразными измѣненіями, сохраняются, другіе вымираютъ; это благопріятствуетъ возникновенію различій, и въ концѣ концовъ образуются тѣ виды, которые въ глазахъ столь многихъ различны по существу. Это даетъ намъ ключъ къ пониманію того, какъ формы, относящіяся къ различнымъ видамъ, могутъ быть родственны другъ другу, такъ какъ онѣ развиваются изъ одной общей основной формы при возрастающемъ расхожденіи характерныхъ признаковъ. То, что К. Ф. Вольфъ установилъ относительно различныхъ органовъ одного и того же индивидуума, — а, именно, что не смотря на свое различіе они развиваются изъ извѣстныхъ простыхъ задатковъ, — то Дарвинъ установилъ относительно различныхъ видовъ органическаго міра вообще.

Методъ Дарвина представляетъ интересный образецъ индуктивнаго изслѣдованія. Въ ходѣ развитія его, какъ изслѣдователя, видны съ необычайной ясностью три главныхъ стадій, проводимыя истиной, основанной на опытѣ. Первой основой его теоріи послужили, какъ мы видѣли, сдѣланныя во время путешествія наблюденія. Последнія вызвали идею, предварительную гипотезу, — а послѣ изученія сочиненія Мальтуса, — объясненіе путемъ дедукціи изъ сильнаго стремленія къ размноженію въ его отношеніи къ условіямъ жизни. Третьимъ членомъ въ ряду работъ была провѣрка, эмпирическое подтвержденіе. Оно состояло въ сущности изъ четырехъ группъ фактовъ. Англійскіе скотоводы давно уже производили новыя породы посредствомъ «искусственнаго подбора». Они подмѣчали незначительныя, годныя для ихъ цѣлей измѣненія у различныхъ индивидуумовъ и разводили затѣмъ новыя формы, наблюдая, чтобы продолжателями вида были только тѣ индивидуумы, которые надѣлены такими измѣненіями. То, что здѣсь дѣлается сознательно и методически, происходитъ при «естественномъ отборѣ» бессознательно и менѣе правильно. Второй фактъ, подтверждающій теорію, есть родство вымершихъ видовъ съ нынѣ живущими. Обыкновенно ихъ можно включать въ существующія группы, какъ члены послѣднихъ, и разсматривать ихъ, какъ низшія формы этихъ группъ. Третій фактъ состоитъ въ географическомъ распредѣленіи видовъ; оно объясняется всего легче предположеніемъ, что различныя формы и свойства родственныхъ существъ произошли благодаря распространенію рода въ мѣстностяхъ, различныхъ по своей природѣ. Фактъ наибольшаго распространенія низшихъ существъ объясняется тѣмъ, что ихъ сѣмена и яйца имѣютъ малые размѣры и могутъ свободно далеко уноситься теченіемъ воды. Наконецъ, сильное сходство, которое могутъ имѣть другъ съ другомъ животныя формы, крайне различныя по достиженіи полнаго развитія, въ зародышевомъ состояніи, свидѣтельствуетъ объ отдаленномъ родствѣ; только при предположеніи подоб-

наго родства становятся понятны также и рудиментарные органы (замѣтные въ зародышевомъ состояніи).

Характеръ Дарвина замѣчательно отразился на направленіи и методѣ его изслѣдованія. Отличительной чертой его, какъ изслѣдователя, была открытая и дѣтская душа, для которой не было ничего ничтожнаго и незначительнаго. Онъ предполагаетъ вездѣ непрерывность. Природа была для него не мертвымъ скопленіемъ предметовъ, которые естествоиспытатели должны занумеровать и снабдить названіями, но живой дѣйствительностью, въ которой сохраненіе и ростъ одного существа зависятъ отъ другого. Насѣкомое и цвѣтокъ, птица и растение, пашня и дождевой червь, жизнь, строеніе и украшеніе животныхъ, ихъ любовь и борьба — все это, представлялось ему, стоитъ въ интимной связи и можетъ быть разьединяемо только вопреки природѣ. Онъ придалъ истинное значеніе слову «естественная исторія». Но съ дѣтской восприимчивостью къ природѣ онъ соединялъ мужественное пониманіе того, что въ природѣ господствуютъ неизмѣнные, опредѣленные законы и что даже самое высокое въ природѣ не изъято изъ подчиненія этимъ законамъ, но именно тѣмъ и проявляетъ свою высоту, что развивается въ силу этихъ законовъ. Онъ часто говорилъ, что нельзя быть хорошимъ наблюдателемъ, не имѣя дара умозрительнаго мышленія. Видя что-нибудь новое въ природѣ, онъ не могъ не создать сейчасъ же гипотезы, какъ оно могло произойти. Но съ другой стороны онъ отличался замѣчательной способностью схватить и фиксировать возраженіе. Онъ соблюдалъ правило, названное имъ самимъ золотымъ, записывать всякій фактъ и всякую мысль, которые приходили ему въ голову и, казалось, противорѣчили полученнымъ имъ результатамъ. Поэтому его воззрѣнія встрѣтили очень мало возраженій, которыхъ бы самъ онъ не замѣтилъ и не старался бы отвѣтить на нихъ. Въ этомъ отношеніи онъ обнаружилъ больше критики, чѣмъ многіе изъ его сторонниковъ; эти послѣдніе были иногда того мнѣнія, что онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе возраженіямъ, которыя вызывало противъ себя его ученіе. Онъ вполне сознавалъ, что его гипотеза не допускаетъ, собственно говоря, прямого доказательства. Объ одномъ изъ своихъ критиковъ онъ пишетъ въ письмѣ: «онъ одинъ изъ немногихъ, замѣчающихъ, что измѣненіе видовъ не можетъ быть доказано прямо, и что мое ученіе погибнетъ или сохранится смотря по тому, будетъ-ли оно въ состояніи группировать и объяснять явленія. Замѣчательно, что такъ мало тѣхъ, кто обсуждаетъ его такимъ—единственно правильнымъ—образомъ». Доказательство своего ученія онъ видѣлъ въ томъ, что оно связываетъ другъ съ другомъ цѣлый рядъ фактовъ «нитью, удовлетворяющею разумъ» (*Verstandesfaden—the intelligible thread*). Свое ученіе онъ не считалъ догмой; оно было для него рабочимъ средствомъ, свѣтильникомъ, способнымъ пролить на природу больше свѣта. Важность научныхъ гипотезъ зависитъ въ значительной степени отъ того, что онѣ побуждаютъ постоянно продолжать изслѣдованіе: мы дѣлаемъ попытку, нельзя-ли соединить другъ съ другомъ

есть наши опыты такъ, какъ намъ удалось поставить въ связь *нѣкоторыя* изъ нихъ; мы узнаемъ, какіе вопросы слѣдуетъ поставить природѣ. Въ этомъ отношеніи ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго отбора было крайне богато послѣдствіями. Оно учитъ насъ, что мы должны вездѣ въ естествознаніи доискиваться того значенія, которое имѣетъ въ борьбѣ за существованіе свойство, способность или форма. Оно исходитъ изъ того, что существовать и развиваться можетъ только то, что имѣетъ определенное значеніе для жизни во всѣхъ ея связяхъ.

в. Границы теоріи.

Границей своего изслѣдованія Дарвинъ признаетъ вопросъ о первомъ возникновеніи индивидуальных различій, на почвѣ которыхъ происходитъ какъ естественный, такъ и искусственный отборъ. Выборъ предполагаетъ что-нибудь, изъ чего можно сдѣлать выборъ, различія и видоизмѣненія. Возникновеніе подобныхъ измѣненій Дарвинъ считаетъ фактомъ, имѣющимъ мѣсто тѣмъ чаще, чѣмъ благоприятнѣе условія жизни и чѣмъ больше было предыдущее развитіе вида. Онъ признается, что «относительно причинъ измѣчивости намъ очень мало извѣстно по всѣмъ пунктамъ», а происхожденіе первичныхъ измѣненій казалось ему нѣкоторое время тѣмъ болѣе загадочнымъ, что онъ былъ склоненъ признавать за вышними отношеніями очень мало непосредственнаго вліянія. Вскорѣ послѣ появленія «Происхожденія видовъ» онъ пишетъ въ одномъ письмѣ къ Гексли (25 ноября 1859): «Вы съ большимъ остроуміемъ указали пунктъ, который приводилъ меня въ большое смущеніе: если вышнія отношенія производить—какъ мнѣ думается—только незначительное *непосредственное* дѣйствіе, то что же опредѣляетъ въ такомъ случаѣ, чертъ возьми, каждое отдѣльное измѣненіе?» (См. ранѣе этого письмо отъ 23 ноября 1856 къ Гукеру).

Впослѣдствіи онъ былъ вынужденъ приписывать условіямъ жизни больше непосредственнаго вліянія на измѣненія (см. его письма отъ 4 мая 1869 г. къ Карусу, отъ 13 окт. 1876 г. къ Вагнеру, отъ 9 марта 1877 г. къ Неймайеру). Въ сочиненіи объ «Измѣчивости прирученныхъ животныхъ и растений» (гл. 22—26) Дарвинъ входитъ въ болѣе близкое разсмотрѣніе вопроса и говоритъ не только о непосредственномъ вліяніи условій жизни, но и о томъ дѣйствіи, которое имѣетъ употребленіе или неупотребленіе органовъ и способностей. (См. также «Происхожденіе человѣка». гл. 4) При изученіи Дарвина никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду этотъ пунктъ тѣмъ болѣе, что его критики смѣшивали сплошь да рядомъ первоначальное возникновеніе измѣненій съ естественнымъ отборомъ свойствъ, порожденныхъ подобнымъ измѣненіемъ. «Естественный отборъ», возражаетъ Дарвинъ (*Variation of Animals and Plants*. London 1868. II. стр. 272), «зависитъ отъ того, что лучше другихъ одаренные индивидуумы остаются въ живыхъ среди различныхъ и сложныхъ отношеній, но не имѣетъ ничего общаго съ пер-

вичной причиной какого бы то ни было измѣненія строенія». Гипотеза Дарвина касается главнымъ образомъ дѣйствія отбора среди измѣненій, но не возникновенія измѣненій. Онъ былъ, разумѣется, того мнѣнія, что и эти послѣднія имѣютъ свои причины, однако, открытiе ихъ не составляло для него главной задачи. Всякая гипотеза должна опираться на извѣстныя основы, доказательство которыхъ не можетъ быть возложено на нее же. Поэтому имѣтъ противорѣчiя въ томъ, что Дарвинъ беретъ въ сущности измѣненія какъ фактически данныя, и странно выставленное противъ него между прочими возраженiе, что онъ опирается на «случай». Дарвинъ употребляетъ иногда, правда, выраженiе «chance variations», напр. въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Гукеру, но разумѣетъ подъ этимъ измѣненiя, причины которыхъ неизвѣстны, и самъ считаетъ свое выраженiе неточнымъ. Считаая первое возникновенiе измѣненiй во многихъ отношенiяхъ загадочнымъ, Дарвинъ признаетъ точно также нерѣшенной загадкой и происхожденiе жизни вообще.

Дарвинъ не видѣлъ, однако, основанiя предполагать, что при происхожденiи человѣческаго рода изъ низшихъ формъ дѣйствовали совершенно особыя силы. Какъ скоро у него сложилось твердое убѣжденiе въ томъ, что виды произошли путемъ естественнаго развитiя, ему стало ясно, что человѣческiй родъ не можетъ составлять исключенiя. Въ «Происхожденiи видовъ» онъ ограничился, однако, только намекомъ, что новое ученiе могло бы пролить свѣтъ также на человѣка и его исторiю; здѣсь было не мѣсто входить въ особое разсмотрѣнiе отдѣльнаго рода живыхъ существъ. Если Дарвинъ въ послѣдствiи снова поднялъ и подробно разсмотрѣлъ этотъ вопросъ (въ сочиненiи о «Происхожденiи человѣка»), то произошло это отчасти потому, — какъ онъ говоритъ въ одномъ письмѣ, — что его обвиняли, будто бы у него не хватаетъ мужества обнародовать сви возрѣнiя на этотъ счетъ. Здѣсь онъ стоялъ еще болѣе одинокимъ, чѣмъ въ общемъ вопросѣ о происхожденiи видовъ. Даже такіе люди, какъ Лайелль и Уоллэсъ, которые въ общемъ сочувствовали ему, колебались въ этомъ вопросѣ. У самого Дарвина чувство не протестовало противъ стремленiя изслѣдователя. Истинное достоинство человѣка и дѣйствительная высота его нисколько не умаляются, по его мнѣнiю, тѣмъ, что человѣкъ могъ развиться изъ низшихъ формъ. Противъ романтическаго и теологическаго представленiя о человѣкѣ, какъ о падшемъ ангелѣ, онъ выставилъ реалистическiй взглядъ на человѣка, какъ на животное, развившееся до степени духовнаго существа. Другихъ различiй между человѣкомъ и животнымъ, кромѣ количественныхъ, онъ не хотѣлъ допустить ни въ психическомъ, ни въ физическомъ отношенiи. Онъ утверждаетъ, что между духовными способностями какого-нибудь низшаго позвоночнаго (какой-нибудь миноги) и одной изъ высшихъ обезьянъ пропасть гораздо больше, чѣмъ между духовными способностями обезьянъ и людей. Онъ показываетъ далѣе, какъ трудно провести границу между простымъ инстинктомъ и подлиннымъ

разумомъ. Уже тотъ фактъ, что разъ испытанный вредъ можетъ служить животнымъ урокомъ, показываетъ, что имъ нельзя отказывать въ разумѣ. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно памяти, чувства красоты и симпатическихъ инстинктовъ.

Изъ учения Дарвина дѣлали иногда тотъ выводъ, что собственно говоря всѣ живыя существа должны непрерывно совершенствоваться, и сообразно съ этимъ считали важнымъ возраженіемъ противъ ученія, что низшія органическія формы всегда остаются. Но и это возраженіе нашло себѣ отвѣтъ уже у самого Дарвина. Естественной отборъ не влечетъ за собой непременно совершенствованія. Что пользы было бы для глисты или дождевого червя въ болѣе совершенныхъ органахъ, чѣмъ тѣ, которые они имѣютъ въ настоящее время? Органъ, не облегчающій борьбы за существованіе, требуетъ только мѣста и силы, не принося пользы. Тамъ, гдѣ отношенія исключаютъ почему-либо необходимость усиленнаго соревнованія, нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что извѣстная форма жизни остается неизмѣнной безгранично долго. (Происхожденіе видовъ. Гл. IV. Ср. гл. X). Естественный отборъ можетъ довести всякое органическое существо до такого совершенства, которое необходимо, чтобы соперничать съ другими органическими существами или чтобы «бороться за существованіе», и странность состоитъ, по мнѣнію Дарвина, въ томъ, что въ опытѣ встрѣчается такъ мало случаевъ, гдѣ нѣтъ подобнаго совершенства. Но совершенство слѣдуетъ измѣрять всегда по отношенію къ условіямъ жизни (*The natural selection of each species implies improvement in that species in relation to its conditions of life.* Письмо къ Лайелю. 25 окт. 1859). Этимъ-то и объясняется, что естественный отборъ можетъ вызывать иногда обратное отступленіе къ болѣе простымъ и элементарнымъ формамъ жизни, если именно жизненные отношенія упростятся почему либо, такъ, что различные органы становятся если не вредными, то во всякомъ случаѣ излишними. Внутренняго, присущаго самимъ органическимъ существамъ, или необходимаго стремленія подниматься по лѣстницѣ организаціи не существуетъ. (*Variation* и т. д. I, стр. 8).

г. Этико-религіозные выводы.

Помимо тѣхъ возраженій, которыя указываютъ на мнимое противорѣчіе или несогласіе съ опытомъ, ученіе Дарвина вызвало противъ себя также возраженіе этического и религіознаго характера, и притомъ не только со стороны богослововъ, потому что даже такой радикальный мыслитель, какъ Евгенийъ Дюрингъ, нашелъ въ этомъ ученіи соблазнъ по нравственнымъ соображеніямъ и крайне рѣзко высказался противъ теоріи. Именно идея борьбы за существованіе кажется нѣкоторымъ несомнѣстимой съ этическимъ пониманіемъ жизни; какъ примирить съ этой идеей челоуѣколюбіе и совѣсть?

Что касается этического возраженія, Дарвинъ былъ очень да-

лекъ отъ того, чтобы упускать его изъ виду; онъ вполне сознательно выяснилъ этическую проблему въ связи съ своей теоріей. Какъ моралистъ, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія, подобной той, начало которой положили Шефтсбери и Гучисонъ, и которая своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ обязана въ нашемъ столѣтіи Конту и Спенсеру; естественно-историческія воззрѣнія Дарвина и его ученіе объ естественномъ отборѣ даютъ только всей точкѣ зрѣнія болѣе широкое основаніе.

Въ томъ фактѣ, что человѣкъ есть единственное существо, которое можетъ по праву называться нравственнымъ, Дарвинъ видитъ самое значительное различіе между человѣкомъ и животнымъ. Но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы нравственное чувство не могло развиваться естественнымъ путемъ; въ этомъ нѣтъ также ничего, что противорѣчило бы борьбѣ за существованіе или естественному отбору. Слѣдуетъ только всегда помнить, что естественный отборъ благоприятствуетъ не только тѣмъ свойствамъ и способностямъ, которыя полезны для отдѣльнаго индивидуума, но и тѣмъ, которыя полезны всей группѣ или виду. Изъ всѣхъ животныхъ, для которыхъ болѣе другихъ необходимо жить въ тѣсномъ общеніи, будутъ легче избѣгать опасностей тѣ индивидуумы, для которыхъ общество другихъ было особенно приятно. Такъ какъ далѣе продолжительность существованія рода зависитъ отъ сохраненія болѣею часть очень безпомощныхъ дѣтенышей, то не трудно понять, какъ любовь родителей къ дѣтямъ можетъ развиваться путемъ естественнаго отбора. Опытъ показываетъ, что животныя подвергаютъ иногда себя опасностямъ, чтобы спасти другихъ животныхъ. Племя или группа животныхъ или людей, въ которой господствуютъ обоюдное сочувствіе и потребность взаимопомощи, будетъ поставлена въ особенно благоприятныя условія въ борьбѣ за существованіе, болѣе благоприятныя, чѣмъ другія группы, гдѣ каждый заботится только о самомъ себѣ, и гдѣ силы не соединяются для достиженія общихъ цѣлей. Такимъ образомъ въ силу закона естественнаго отбора у отдѣльнаго индивидуума могутъ образоваться и развиваться свойства, нужныя для сохраненія общества, а не отдѣльнаго индивидуума въ частности. Не только корыстныя, но и безкорыстныя чувства имѣютъ свою естественную исторію. Какъ бы ни было велико разстояніе между тѣмъ, что чувствуютъ животныя, когда они выказываютъ взаимную любовь и самопожертвованіе, и вышей человѣческой нравственностью, все-таки между тѣмъ и другими существуютъ безчисленныя степени, не позволяющія думать, чтобы естественное развитіе прерывалось гдѣ-нибудь. Въдѣ и въ человѣческомъ мірѣ существуютъ очень значительныя различія въ нравственномъ отношеніи. Жизнь людей приходитъ иногда въ такое состояніе и облекается въ такія формы, которыя стоятъ даже ниже того, что можно найти въ жизни животныхъ. Дарвинъ заявляетъ, что онъ предпочелъ бы происходить отъ обезьяны, рискнувшей жизнью для спасенія своего сторожа, чѣмъ отъ дикаря, который убиваетъ безъ зазвѣстной совѣсти своихъ

дѣтей, обращается съ своими женами, какъ съ рабынями, да и самъ—рабъ ужасныхъ суевѣрій *).

Кромѣ склонности къ жизни сообща (sociability) и способности питать сочувствіе къ другимъ (sympathy), нравственное чувство предполагаетъ еще по Дарвину способность припоминанія и сравненія. Если эти условія будутъ налицо, то совершенные поступки будутъ припоминаться и обсуждаться сообразно требованіямъ сильнѣйшаго (если и не всегда, то по крайней мѣрѣ въ моментъ припоминанія) чувства. Если способность рѣчи развилась, то на отдѣльныхъ индивидуумовъ можетъ дѣйствовать взаимное одобреніе и порицаніе; сложится общественное мнѣніе. Постоянная привычка и упражненіе въ рабствѣ на пользу общихъ интересовъ будетъ, даѣе, укрѣплять и усиливать социальныя мотивы и инстинкты. Способности подобнаго рода будутъ, можетъ быть, передаваться также по наслѣдству. Эмпирическое подтвержденіе своей моральной теоріи Дарвинъ находитъ въ изслѣдованіи тѣхъ качествъ, которыя признавались въ различныхъ времена и у различныхъ народовъ за добродѣтели, а также въ томъ, какъ различны радіусы круговъ тѣхъ индивидуумовъ, съ радостями и печальми которыхъ считалось въ разныя времена нравственное чувство.

Слѣдовательно, сама теорія естественнаго отбора показываетъ намъ, что не всякое приспособленіе, не всякій отборъ, не всякая форма борьбы за существованіе могутъ быть признаны справедливыми. Отъ низшихъ формъ этой борьбы мы поднимаемся къ высшимъ и прежде всего къ той стадіи, въ которой можетъ происходить опѣнка формъ борьбы **).

Высказывалось однако мнѣніе, что дарвинизмъ есть не только безнравственное, но даже матеріалистическое и атеистическое ученіе. Дарвинъ нигдѣ не высказывался объ отношеніи между духовнымъ и матеріальнымъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что душевная жизнь человѣка и животныхъ связана какъ бы то ни было съ дѣятельностью матеріальныхъ органовъ и постольку можетъ быть изучаема естественно-исторически, подобно другимъ органическимъ явленіямъ. Онъ изслѣдуетъ поэтому развитіе душевной жизни путемъ борьбы за существованіе изъ низшихъ формъ въ высшія, а также опредѣленные законы этого развитія. Въ этомъ нѣтъ ничего матеріалистическаго! Онъ призналъ бы вѣроятно происхожденіе душевной жизни непостижимымъ, подобно тому, какъ онъ объявлялъ нерѣшенной проблемой происхожденіе жизни вообще; можетъ быть,

*) Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что на это заявленіе Дарвинъ былъ наведенъ воспоминаніемъ объ извѣстной сценѣ, происшедшей въ 1860 г. во время съѣзда естествоиспытателей въ Оксфордѣ между Гексли и епископомъ оксфордскимъ (см. *Life and Letters* II стр. 320—22)—только Гексли отдалъ предпочтеніе обезьянѣ, какъ своему родоначальнику, не передъ дикаремъ, а передъ епископомъ оксфордскимъ.

**) Ср. мои замѣчанія объ отношеніи дарвинизма къ этикѣ въ «*Основанія челоѣческой этики*» (нѣмецк. перев. стр. 18—20), и въ *Etiske Undersøgelser* (København 1891), стр. 17—23.

объ эти проблемы составляли для него одну. Дарвину принадлежат интересныя спеціальныя психологическія изслѣдованія, именно, кромѣ изслѣдованій о нравственномъ чувствѣ, изслѣдованія о половыхъ чувствахъ и инстинктахъ, объ инстинктахъ вообще, о выраженіи душевныхъ волненій, о развитіи ребенка въ первый годъ. Повсюду въ его сочиненіяхъ находишь интересныя психологическія замѣчанія, сплошь да рядомъ тамъ, гдѣ этого и не ожидаешь (напр. въ небольшомъ сочиненіи объ образованіи пашни, благодаря работѣ червей). Изученіе началъ психологіи лежало однако же внѣ его задачи.

Если разумѣть подъ матеріализмомъ только сведеніе явленій къ опредѣленнымъ, естественнымъ законамъ, исключаяющимъ всякое сверхъестественное вмѣшательство, то Дарвинъ конечно матеріалистъ. По его мнѣнію органическія формы предстояли воображенію творца не какъ вполне сложившіеся идеалы, которые оставалось только перенести въ матеріальную дѣйствительность, но представляютъ собою результатъ продолжительнаго процесса развитія изъ крайне незначительныхъ зачатковъ подъ неослабнымъ дѣйствіемъ жизненныхъ отношеній. Дарвинъ расширилъ область естественной связи: онъ содѣйствовалъ тому, что привычка мыслить *положительно* и обходиться безъ теологическихъ причинъ сдѣлалась болѣе распространенной среди естествоиспытателей, а затѣмъ и въ болѣе широкихъ кругахъ. Принципіально этимъ не прибавлено въ извѣстномъ смыслѣ ничего новаго, потому что принципъ естественныхъ причинъ былъ уже давно установленъ, но въ исторіи естествознанія не часты случаи столь блестящаго подтвержденія его. Если въ послѣднее время нѣкоторые англійскіе богословы стали примыкать къ ученію Дарвина, то выручали себя тѣмъ, что отодвигали актъ творенія къ началу жизни, когда возникли первичная форма или первичныя формы, а естественный отборъ рассматривали, какъ установленный Богомъ способъ возникновенія отдѣльныхъ видовъ. Для самого Дарвина однако этотъ выходъ былъ закрытъ. Какъ и Стюартъ Милль, онъ считалъ невозможнымъ примирить страданія и дисгармоніи въ мірѣ съ заботливымъ провидѣніемъ всемогущаго существа. Пессимистомъ онъ не былъ и питалъ убѣжденіе, доказательство котораго считалъ правда очень труднымъ, что счастье въ мірѣ значительно перевѣшиваетъ несчастье. Тѣмъ не менѣе онъ не считалъ возможнымъ смотрѣть на естественный отборъ, влекущій за собой страданія и бѣдствія и поражающій ненависть и жестокость не меньше, чѣмъ любовь и кротость, какъ на средство въ рукахъ Провидѣнія. Неужели муха-великанъ создана намѣренно съ той цѣлью, чтобы пожирать живыя личинки, а кошка, чтобы играть съ мышью? Онъ высказывался въ этомъ духѣ уже въ своихъ сочиненіяхъ (именно въ сочиненіи «Variation» II стр. 342), но еще энергичнѣе въ письмахъ и автобіографіи. Всякій разъ, когда ему приходилось высказываться по религіознымъ вопросамъ, онъ возвращался къ реальности зла. Однако, постепенно, безъ болѣзненнаго пере-

лома, его воззрѣнія измѣнились, и подѣ конецъ (въ отрывкѣ автобіографіи, написанномъ въ 1876 г.) онъ называетъ себя *агностикомъ*, т. е. человѣкомъ, сознающимъ, что наше познаніе не въ силахъ рѣшить проблему. Это выраженіе было впервые употреблено (1859) Гексли, другомъ и ученикомъ Дарвина. Не будучи въ состояніи примириться съ мыслью, что міръ въ своемъ настоящемъ видѣ есть результатъ сознательнаго намѣренія (*design*), онъ не могъ точно также допустить, чтобы онъ былъ результатомъ случайности (*chance* или *brute force*). «Самое надежное рѣшеніе», писалъ онъ одному молодому человѣку, желавшему узнать его мнѣніе, «состоитъ, кажется мнѣ, въ томъ, что весь вопросъ лежитъ за предѣлами человѣческаго разума. Но это не мѣшаетъ человѣку исполнять свой долгъ».

Агностицизмъ значитъ собственно, что то, что представляется намъ дилеммой, не обязано быть дилеммой само по себѣ, такъ какъ кромѣ единственныхъ для насъ возможностей: *design-chance*, могутъ существовать еще другія. Дарвинъ приходитъ въ концѣ концовъ къ тому же самому результату, какъ и Кантъ въ «Критикѣ силы сужденія». Послѣдній говорилъ, что различіе между механизмомъ и телеологіей принадлежитъ, можетъ быть, къ числу такихъ антитезъ, которыя мы вынуждены ставить въ силу природы нашего познанія, но не имѣемъ права предполагать ихъ обязательности для самого бытія.

(Продолженіе слѣдуетъ):

Перев. Д. Викторовъ.

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

Нѣмецкіе драматурги.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1889 года въ мирныхъ стѣнахъ берлинскаго «Театра Лессинга» царилъ такой невообразимый шумъ, что можно было подумать, что этотъ храмъ искусства вдругъ превратился въ арену возбужденнаго народнаго собранія. На сценѣ передъ глазами зрителей проходили ряды тяжелыхъ жизненныхъ картинъ, а въ зрительной залѣ стоялъ гулъ аплодисментовъ, топаній ногами, шиканій и свиста. Между тѣмъ это было даже не такъ называемое «публичное представленіе», а утренній спектакль одного изъ «вольныхъ театровъ» 80-хъ годовъ и въ присутствіи непосредственно заинтересованныхъ берлинскихъ литературныхъ слоевъ. Теперь, спустя 10 лѣтъ, трудно себѣ представить мотивы такого энтузіазма за и противъ, но въ тѣ времена нѣмецкая литература и спеціально нѣмецкая драматургія переживали періодъ увлеченія всякаго рода измами и направленіями. Однимъ изъ бурныхъ столкновеній новыхъ и старыхъ направленій былъ и упомянутый только-что утренній спектакль вольнаго театра. Группа горячихъ сторонниковъ молодого натуралистическаго направленія пришла на представленіе, чтобы всѣми силами поднять на пьедесталъ славы одного изъ своихъ крупныхъ представителей, тогда какъ другая еще болѣе многочисленная группа явилась туда съ не менѣе энергичнымъ намѣреніемъ выразить протестъ противъ «Новаго Фараона», какъ окрестилъ Шпильгагенъ нѣмецкую натуралистическую школу. Одна группа хлопала безъ всякой мѣры и подстрекала другую къ оппозиціи; публики въ своемъ крайнемъ возбужденіи громко выражала свои восторги и возмущеніе, не стѣсняясь открытой сценой и присутствіемъ дѣйствующихъ артистовъ. Шумъ возросталъ съ каждымъ актомъ. А когда ходъ пьесы достигъ своего апогея, то такого же апогея достигло возбужденіе зрителей. Пьеса кое-какъ была доиграна до конца; надъ ея героями смѣялись, надъ ея авторомъ издѣвались и ликовали. Въ это же время началась въ печати страстная полемика объ эстетическихъ и литературныхъ переворотахъ, и во всей Германіи стало извѣстно имя молодого

№ 10. Отд. II.

автора сенсационной пьесы, который то провозглашался «безопасным натуралистом», «драматургом безобразий», «художественным анархистом», или безнравственнейшим драматическим писателем 19 века, то возводился на пьедестал «реформатора искусства» и «освободителя поэзии»... Этим автором был Гергарт Гауптманъ, а вызвавшей такую бурю пьесой была первая его драма: «Передъ восходомъ солнца» (*Vor Sonnenaufgang*).

Рѣдко кому изъ драматическихъ писателей пришлось пройти къ славѣ черезъ такой перекрещивающійся огонь дружественной и враждебной критики, какъ это было съ Гауптманомъ при постановкѣ его первой драмы. Въ настоящее время его слава упрочена, его хорошо знаютъ и у насъ въ Россіи, и это обстоятельство избавляетъ меня отъ необходимости подробно излагать его произведенія. Ограничусь поэтому краткой и общей характеристикой.

Значеніе Гауптмана какъ драматурга, или что то же самое,—его литературное значеніе вообще,—опредѣляется девятью драмами, написанными имъ въ теченіе семи лѣтъ, свидѣтельствующими о большой творческой продуктивности и необыкновенно широкомъ полетѣ творческой фантазіи. Имъ написаны отъ 1889 по 1896 годъ двѣ бытовые народныя драмы («Передъ восходомъ солнца» и «Тячи»), двѣ семейныя трагедіи («Праздникъ мира» и «Одинокіе люди»), двѣ комедіи «Коллега Браммонъ» и «Бобровая шуба»), одна историческая драма («Флоріанъ Гейеръ»), одна фантастическая драма («Гавеле») и одна драматическая сказка («Потоувшій колоколъ»).

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе драматическаго первенца, принесшаго Гауптману столько тревогъ и столько отраднхъ упований. Мы видимъ въ «*Vor Sonnenaufgang*» разбогатѣвшую крестьянскую семью. Отецъ совершеннѣйшій человѣкъ-звѣрь, оскотинившееся, вѣчно-пьяное и на собственную свою дочь покушающееся чудовище. Мать — грубая женщина, поддерживающая преступную связь съ идиотски-глупымъ и жестокимъ парнемъ изъ близкихъ сосѣдей. Изъ двухъ дочерей старшая также предана спиртнымъ напиткамъ, родитъ дѣтей, прежде времени становящихся жертвами алкоголизма. Ея мужъ — завѣдомый негодяй, зарящійся на младшую сестру своей жены. Эта дѣвушка, Елена — единственное чистое существо во всемъ семейномъ болотѣ. Въ это темное царство является политическій агитаторъ Лотъ. Сохранившаяся въ своей чистотѣ Елена, долгое время жившая и воспитывавшаяся внѣ семьи, лишь смутно догадывалась о всемъ ужасѣ окружающей ее обстановки и только теперь, столкнувшись съ Лотомъ, начала сознательно разбираться въ возмутительныхъ условіяхъ своей жизни. Влеченіе къ свободѣ, чистотѣ, счастью связывается для нея съ этого момента съ личностью Лота. Но это не только влеченіе дѣвушки, влюбившейся и желающей выйти замужъ за любимаго молодого человѣка: въ Лотѣ Елена прежде всего увидѣла своего избавителя. Благодаря ему, она впервые почувствовала, что безповоротно

погрузится въ разстилающуюся передъ нею тину, если мощныя руки, которыми она съ довѣріемъ можетъ отдаться, не вытащатъ ее немедленно отсюда. Лотъ любить ее,—быть можетъ какъ совершенный контрастъ къ окружающей ее деморализованной средѣ. Но когда онъ узнаетъ, что она происходитъ изъ наслѣдственно болѣзненного рода алкоголиковъ, онъ покидаетъ Елену. Онъ не хочетъ брать на себя отвѣтственности передъ людьми, такъ какъ считаетъ своимъ долгомъ оставить будущему человѣчеству крѣпкихъ дѣтей, здоровое невыродившееся потомство. Покинутая Елена кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Было вполне понятно, что литературная и театральная критика прежде всего обрушилась на самого героя социальной драмы — на Лота, не сдѣлавшаго даже ни малѣйшей попытки вытащить бѣдную дѣвушку изъ зараженной атмосферы. Такой безсердечный образъ дѣйствій не только стоялъ въ противорѣчій съ сердечнымъ отношеніемъ Лота къ Еленѣ въ предшествующихъ актахъ, но отнюдь не вытекалъ изъ теоріи наслѣдственности въ томъ видѣ, какъ она воплощена въ драмѣ Гауптмана. Многіе отождествляли Лота съ самимъ Гауптманомъ, хотя общаго между ними развѣ одно отвращеніе къ алкоголю. Экстравагантности Лота, вродѣ умаленія «Страданій Вертера» Гете до степени глупой книги, или превознесенія дѣйствительно далеко не умной книги Феликса Дана «Борьба за Римъ» надъ сочиненіями Зола и Ибсена — все это и многое другое никогда не было взглядами Гауптмана, а въ его первой драмѣ является вѣроятно отраженіемъ его студенческихъ споровъ съ его друзьями, не отличавшимися тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Точно также и то жестокое слѣдованіе принципу, которому Лотъ приноситъ въ жертву свою возлюбленную, есть очевидно не совсѣмъ зрѣлый продуктъ занятій Гауптмана въ теченіе короткаго времени у цюрихскаго психіатра Фореля. Къ этому примѣшались еще вліянія героевъ ибсеновской «Дикой утки». Самъ Гауптманъ впоследствии какъ-то замѣтилъ, что не вѣритъ больше въ своего Лота. Въ немъ и въ самомъ дѣлѣ очень мало жизненной правды; все въ этомъ характерѣ было подогнано къ тенденціи, знаменовавшей переходъ автора отъ прежняго туманнаго идеализма къ реализму и натурализму.

Но художественныя достоинства первой драмы Гауптмана заключались не въ характерѣ Лота. Они были разсыяны какъ перлы по всей пьесѣ, и обнаруживали въ авторѣ рѣдкій даръ наблюдательности и индивидуализированія. Не только главные члены крестьянской семьи, но и прислуга, работники представлены съ поразительной рельефностью. Сценическая обстановка обозначена до мельчайшихъ деталей, мѣсто дѣйствій очевидно знакомо автору съ дѣтскихъ лѣтъ, языкъ дѣйствующихъ лицъ взятъ прямо изъ жизни и, вопреки традиціонной рѣчи нѣмецкой драмы, отличался статостью и рѣдкой пластичностью. Разговоры «въ сторону» и монологи, за ничтожными исключеніями, были устранены изъ оборота.

Возбужденіе, вызванное первой драмой Гауптмана еще не улеглось, когда изъ подъ пера нашего автора вышла слѣдующая пьеса «Friedensfest»
1*

съ подзаглавіемъ «семейной трагедіи». Эта трагедія есть своего рода вариация на предшествующую ей драму и должна была служить какъ бы комментариемъ и обоснованіемъ поступка Лота. Здѣсь мы не видимъ уже агитаторовъ, пекущихся объ общемъ благѣ, и характерная для всего творчества Гауптмана черта—чувство глубокаго общаго состраданія—сосредоточивается на одинокихъ характерахъ, борющихся или съ самимъ собою, или съ унаслѣдованными недугами. Въ «Праздникѣ мира» мы опять видимъ семью, изнывающую подъ тяжестью наследственной болѣзни. Въ этой семьѣ всеобщій разладъ. Мужъ и жена уже вскорѣ послѣ свадьбы живутъ врозь. Оба сына, съ дѣтскихъ лѣтъ страшно истязуемые отцомъ, не могутъ ужиться ни съ матерью, ни съ сестрою. Младшій сынъ Вильгельмъ доходитъ даже разъ до того, что наноситъ ударъ отцу, когда послѣдній, не стѣняясь присутствіемъ сына, рассказываетъ дворнику разныя гнусности про свою жену. Въ этотъ роковой день отецъ и сынъ покидаютъ домъ. Отецъ (по профессіи врачъ) ведетъ безпокойную жизнь, а сынъ на чужбинѣ знакомится съ дѣвушкой Идой, которая, какъ и ея мать, является совершенной противоположностью семьѣ Вильгельма. Имъ удается побудить Вильгельма сдѣлать попытку примиренія съ его родными. Подъ Рождество Христово долженъ состояться этотъ «Праздникъ мира». Какъ разъ въ этотъ день встаетъ возвращается домой и отецъ. Вильгельмъ дѣлаетъ надъ собою усиліе и примиряется съ отцомъ. Но едва это случилось, какъ передъ нами Гауптманомъ въ рѣдкой по мастерству сценѣ рисуется картина новой семейной ссоры между родителями и дѣтьми, въ результатъ которой уже безъ того надорванный отецъ умираетъ отъ страшнаго возбужденія, а Вильгельмъ бѣжитъ изъ родительскаго дома вмѣстѣ съ Идой и ея матерью.

Трудно себѣ представить на основаніи этой сжатой передачи содержанія всѣ тонкія детали этой необыкновенной драмы загубленнаго здоровья и разстроенныхъ нервовъ. Это поистинѣ классическая драматизация нашего «нервнаго вѣка»,—драматизация тѣмъ болѣе блестящая, что по сравненію съ первой пьесой Гауптмана «Праздникъ мира», это болѣе цѣльное произведеніе и потому въ большей степени удовлетворяетъ требованіямъ драматической техники.

Если въ первыхъ его пьесахъ Гауптмана по преимуществу занимала проблема любви, то въ послѣдующей—«Одинокихъ людяхъ»—передъ нами возникаетъ проблема брака, семейнаго существованія. Иогансъ Фокератъ—вотъ тотъ непонятый окружающими геній, котораго судьба связала съ очень непретенціознымъ существомъ, но, какъ многія нѣмки, милой, любящей Хаусгау, матерью и женой. Въ этотъ кружокъ семьи Фокерата и его родныхъ является «новый человекъ», цюрихская студентка Анна Марь. Какъ Лотъ для Елены въ «Передъ восходомъ солнца», такъ студентка Марь для Иоганеса въ «Одинокихъ людяхъ» принесла съ собою свѣтъ и радость жизни. Иогансъ привязывается къ Марь, которая приносить ему спасеніе и избавленіе отъ всей давящей его пустоты, не смотря

на всю окружающую его любовь и заботливость жены и родныхъ. Но какъ Лотъ Елену, такъ точно и Марь въ самый рѣшительный моментъ оставляетъ Иоганеса, не потому, что она его не любила, а потому что не хотѣла идти противъ наличныхъ условій. Иоганесь былъ женатъ, связь съ нимъ не повела бы ни къ чему хорошему. И вотъ, какъ одинокій, но вѣрный себѣ человекъ, Марь, какъ и Лотъ, преодолеваетъ попавшееся на пути затрудненіе и идетъ далѣе созидать то будущее, которое не потребуетъ отъ людей ни грѣховныхъ желаній, ни ненужнаго самопожертвованія. Но Иоганесь не выдерживаетъ разлуки съ Анной Марь; съ ея уходомъ онъ только еще рѣзче замѣчаетъ всю окружающую его тину и мракъ и въ отчаяніи бросается въ воду.

Герой драмы безъ сомнѣнія слабая натура и вѣроятно такимъ и долженъ быть по замыслу автора. Въ своей научной дѣятельности онъ очевидно представляетъ извѣстный интересъ, но эта дѣятельность не утилизирована драмой: мы знаемъ изъ пьесы о существованіи манускрипта, но остаемся въ невѣдѣніи на счетъ его содержанія. На самомъ же дѣлѣ Иоганесь является однимъ изъ тѣхъ писакъ, которые своими писаніями тиранизируютъ всѣхъ окружающихъ. Но не случилось ли это потому, что возлѣ него не было человека, способнаго его понять? Но крупныя природы, располагая значительнымъ запасомъ собственныхъ внутреннихъ ресурсовъ, не приходятъ въ отчаяніе, какъ бы одиноки они ни были. Поэтому идемъ, волновавшія Фокерата, надо думать, не имѣли особенно выдающагося, всеобъемлющаго характера...

Гораздо интереснѣе женскіе типы этой драмы. Студентка Марь и простенькая жена Иоганеса Кетхенъ, не смотря на свое различіе, тѣмъ не менѣе обѣ очень выгодно отличаются отъ ученаго невращенника, втянушаго ихъ въ водоворотъ своихъ страстей и сомнѣній. Сильная, независимая Марь лишь на мгновеніе способна была увлечься своимъ ученымъ коллегой, вообще же она была слишкомъ разсудительна, чтобы не видѣть неумѣстности болѣе серьезнаго романа съ Фокератомъ, чтобы не уважать преимущества женскихъ правъ добросердечной Кетхенъ. Эта послѣдняя въ своей безконечной сердечности и добротѣ, хотя и замѣчаетъ увлеченіе своего мужа цюрихской студенткой, тѣмъ не менѣе открыто признаетъ громадные преимущества умной и все же столь женственной Марь, къ которой она проникнута прямо благоговѣйнымъ чувствомъ.

«Одинокіе люди» по своей технической композиціи были очень хорошо приспособлены къ сценѣ и на первыхъ порахъ эта пьеса дѣйствительно скорѣе другихъ произведеній Гауптмана со сцены вольнаго театра перешла на публичную сцену. Но эти первыя произведенія Гауптмана не долго продержались въ репертуарѣ нѣмецкихъ театровъ, будучи вытѣснены послѣдующими его пьесами. Среди такихъ «Ткачи» занимаютъ первое мѣсто.

Тотчасъ по окончаніи «Одинокихъ людей» Гауптманъ отправился въ свои родныя швейцарскія горы, чтобы на мѣстѣ собрать матеріалъ о происходившемъ въ 40-хъ годахъ движеніи среди тамошнихъ ткачей. Въ появив-

шейся затѣмъ драмѣ мы читаемъ слѣдующее посвященіе: «Если я, дорогой отецъ, посвящаю тебѣ эту драму, то руковожусь при этомъ чувствами, которыя тебѣ знакомы и которыя нѣтъ надобности здѣсь излагать. Твои рассказы о моемъ дѣдѣ, бывшемъ бѣднымъ ткачомъ, сидѣвшимъ, какъ и изображенные въ моей драмѣ, за простымъ станкомъ,—эти рассказы послужили зародышемъ моего настоящаго произведенія, которое — не знаю, отличается ли жизненностью или мертворождено,—но есть лучшее, что я былъ въ силахъ дать». Это посвященіе лучшимъ образомъ свидѣтельствуєтъ о сродствѣ Гауптмана съ сюжетомъ его замѣчательной драмы.

Весьма вѣроятно, что въ своихъ предыдущихъ драмахъ Гауптманъ изображалъ собственныя внутреннія настроенія своей чувствительной нервной природы; въ «Ткачахъ» сказалось его общественное міросозерцаніе. Фигуры его предыдущихъ душевныхъ драмъ были ступенями его собственного душевнаго развитія, тогда какъ «Ткачи» являются объективной, изъ наблюдений добытой, картиной, которая, правда, была ему сродни съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Первые драмы Гауптмана лежатъ какъ бы далеко въ сторонѣ отъ большой дороги жизни, тогда какъ драма ткачей разыгрывается въ такихъ сферахъ жизни, гдѣ вѣетъ духомъ новаго историческаго момента.

Чрезвычайное впечатлѣніе, производимое «Ткачами», общеизвѣстно. Первоначально они были воспрещены къ публичной постановкѣ. Судебнымъ порядкомъ удалось добиться отмены этого воспрещенія по крайней мѣрѣ для «Нѣмецкаго Театра» въ Берлинѣ. Драма возбуждала необыкновенный интересъ въ публикѣ. При участіи лучшихъ артистическихъ силъ устраивались чтенія драмы, представленія на «вольныхъ сценахъ», избалованныхъ отъ театральнаго цензуры, привлекали массы зрителей специально изъ рабочей среды. Послѣдовавшая затѣмъ постановка «Ткачей» на сценѣ «Нѣмецкаго Театра» съ его образцовой труппой выдержала болѣе 200 представленій подрядъ. Нападки охранителей въ парламентѣ и въ прессѣ содѣйствовали еще большому возбужденію интереса къ гауптмановской драмѣ. Ея популярность сдѣлалась такъ велика, что каждый житель Берлина и каждый проѣзжающій считали своимъ долгомъ сходить въ «Нѣмецкій Театръ».

Среди всѣхъ драмъ народнаго горя и возмущенія, написанныхъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, «Ткачи» безъ сомнѣнія занимаютъ первое мѣсто. Громаднѣйшія трудности драматизаціи такого сюжета впервые преодолены въ произведеніи Гауптмана. Его ткачи являются передъ нами во всей ихъ подлинности. Ихъ блѣдныя изможденные лица, ихъ жилищныя берлоги отдають атмосферой крайней нищеты, а отдѣльные эпизоды производять потрясающее впечатлѣніе. Прекрасно задуманъ первый актъ драмы, сразу охватывающій весь театръ настроеніемъ всеобщаго голода ткацкаго населенія; и какъ удачно построенъ постепенно усиливающийся драматическій эффектъ ткацкой пѣсни, о которой сначала идетъ лишь разговоръ, которая затѣмъ декламируется, а впоследствии поется все большей массой, покуда

не дѣлается рѣшительнымъ боевымъ гимномъ. Эта трагедія жестокой нужды производитъ со сцены импонирующее впечатлѣніе. Правда, передъ вами разыгрывается рядъ отдѣльныхъ сценъ, для ихъ тѣсной связи недостаетъ подлиннаго «героя», пожалуй даже, объединяющей идеи, — среда, стихійныя условія, какъ въ прежнихъ произведеніяхъ Гауптмана, играютъ главную роль. Но въ то время какъ въ прежнихъ произведеніяхъ эта среда безапелляціонно все давила, сокрушала, она въ «Ткачахъ» впервые наталкивается на противодѣйствіе. Этимъ путемъ возникаетъ драматическое дѣйствіе, изъ столкновенія различныхъ факторовъ возникаетъ борьба. И эта борьба не совсемъ безысходна, потому что она здѣсь направлена противъ людей, а не противъ стихійныхъ силъ, какъ въ пьесахъ «Передъ восходомъ солнца» и «Праздникъ мира».

Нѣкоторымъ образомъ въ pendant къ «Ткачамъ» былъ задуманъ впоследствии «Флоріанъ Гейеръ» — драма изъ исторіи крестьянской войны. Эта работа явилась продуктомъ какъ долгихъ и напряженныхъ изслѣдованій Гауптмана печатныхъ источниковъ, такъ равно и живыхъ его наблюдений на мѣстѣ дѣйствій въ франконской землѣ. Но всѣ эти детали, пришедшія такъ кстати въ «Ткачахъ», въ крестьянской драмѣ послужили лишь къ загроможденію фигуры «героя», какимъ долженъ былъ явиться Флоріанъ. Расчитанная для сцены — эта драма обречена покориться въ бібліотекахъ, но какъ книга она безусловно представляетъ громаднѣйшій интересъ. Просвѣщенный другъ Гауптмана и директоръ «Нѣмецкаго Театра» д-ръ Отто Брамъ пытался сокращать «Флоріана Гейера» для своей сцены и втиснуть его въ рамки одного театральнаго вечера. Но это была мучительная работа, производившая и на зрителя тяжелое впечатлѣніе бесплодныхъ усилій сдвинуть съ мѣста гору. Самъ авторъ не теряетъ надежды возвратитъ своему Флоріану капризную сцену и неуспынно занятъ дальнойшей «драматизаціей» своего сверхъ всякой мѣры объемистаго драматическаго произведенія.

О двухъ другихъ произведеніяхъ Гауптмана: «Коллега Брамptonъ» и «Бобровая шуба» мы можемъ упомянуть лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Первое было написано почти одновременно съ «Ткачами» и характеризуетъ талантъ Гауптмана съ юмористической стороны. По своему сюжету «Коллега Брамptonъ» напоминаетъ «Одинокихъ людей» по столько, по сколько исторія непрізнаннаго гения разыгрывается въ обѣихъ пьесахъ, но въ послѣдней на трагической канвѣ, тогда какъ первая окружена атмосферой чрезвычайно забавнаго юмора. Такимъ же юморомъ, съ примѣсью большой дозы соціальной сатиры, пронизана «воровская» комедія Гауптмана «Бобровая шуба». Въ рамкахъ маленькаго бранденбургскаго мѣстечка Гауптманъ даетъ намъ картину современнаго нѣмецкаго бюрократизма съ его узостью, ограниченностью и карьеризмомъ. Главная фигура комедіи — молодой земскій начальникъ (Amtsvorsteher) Верганъ представляетъ собою типъ чиновника, озабоченнаго тѣмъ, чтобы обратитъ на себя вниманіе высшихъ сферъ, и для этой цѣли занятаго «подглядываніемъ и непуща-

ніемъ» всякаго рода неблагонадежныхъ лицъ. Это милое занятіе молодой судья припутываетъ и тогда, когда рѣчь собственно идетъ о совершенной крашѣ бобровой шубы. Убийственный комизмъ такого усердія и составляетъ содержаніе оригинальной воровской комедіи.

Въ этой комедіи мы видимъ опять новую сторону въ творчествѣ и драматическомъ талантѣ Гауптмана. О тѣхъ новыхъ сторонахъ рѣдкаго дарованія нашего молодого драматурга, которыя раскрыты его «Ганеле» и «Потонувшимъ колоколомъ», мнѣ не приходится говорить въ виду большой популярности этихъ фантастическихъ сказокъ въ Россіи.

Рядомъ съ Гауптманомъ слѣдуетъ назвать еще двухъ авторовъ, характеризующихъ главнѣйшіе моменты въ развитіи новѣйшей нѣмецкой драматургіи: Эрнста фонъ-Вильденбруха и Германа Зудермана. Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ — непосредственный продуктъ новой германской имперіи. Онъ лично пережилъ время 1870—71 годовъ и всѣ недавнія ликованія, связанные съ осуществленіемъ старыхъ національныхъ вождельній. Будущи не только пламеннымъ патриотомъ, но и родственникомъ дома Гогенцоллерновъ, онъ тѣмъ больше радовался новому блеску этой династіи. Послѣ наступившей непосредственно за 1870 годомъ реакціи, послѣ побѣднаго шума, хищеній эпохи грюндерства, раздоровъ времени культурной борьбы, словомъ — послѣ перваго десятилѣтія, протекшаго со времени войны, можно было только оглянуться и подвести итоги сдѣланнымъ завоеваніямъ. Только теперь нѣмцы начали чувствовать себя объединенной націей, нуждающейся сверхъ этого внѣшняго объединенія и во внутреннемъ подъемѣ. И вотъ этотъ то процессъ національнаго подъема Вильденбрухъ старался по своему воплотить въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ. Его «Каролинги», его «Христофъ Марловъ», его прусскія драмы, бранденбургскія исторіи и новѣйшая драма «Король Гейнрихъ» — всѣ проникнуты одной и той же идеей національнаго и династическаго энтузіазма и возвеличенія, распитанной на канвѣ то современной дѣйствительности, то такъ или иначе истолкованнаго историческаго прошлаго. Несомнѣнно присущая Вильденбруху драматическая жилка и умѣніе пользоваться театральными эффектами стяжали автору довольно громкую репутацію не только въ патриотическихъ слояхъ.

Но изъ вѣдръ этого внутренняго національнаго возрожденія все явственнѣй стали раздаваться отзвуки соціальнаго броженія и соціальной борьбы. И эти отзвуки постепенно становились настолько могучими, что заглушали всѣ прочіе тона. На эти новыя тенденціи Вильденбрухъ былъ не въ силахъ откликнуться. Здѣсь на арену выступили Зудерманъ и Гауптманъ, изъ которыхъ первый занялъ среднюю между ними позицію. Но всѣ они втроемъ какъ бы представляютъ собою все современное поколѣніе, и это представительство нельзя лучше иллюстрировать, какъ той публичкой, которая по преимуществу внимаетъ каждому изъ нихъ. Правда, въ настоя-

тчее время это дѣленіе театральнѣй публики не обнаруживается въ такой рельефной формѣ, но все же сильно даетъ себя чувствовать.

И вотъ если на очереди «первое представленіе» пьесы Вильденбруха, то къ подъѣзду театра то и дѣло подъѣзжаютъ экипажи, ливрейные лакеи отворяютъ дверцы, старые почтенные превосходительства и молодые блестящіе офицеры наполняютъ ложи и кресла. Если же объявлена «премьера» Зудермана, то изъ элегантныхъ экипажей выползаютъ сытыя фигуры финансовыхъ бароновъ, биржевыхъ тузовъ, совѣтниковъ коммерціи, съ пестро разодѣтыми дамами; повсюду видны брилліанты и дорогіе туалеты и лишь изрѣдка попадаетъ военный мундиръ. Если наконецъ очередь за Гауптманомъ, то къ улицѣ Шумана, гдѣ ютится берлинскій «Нѣмецкій Театръ», по образу пѣшаго хожденія спѣшатъ толпы простого люда, среди котораго неизбѣжно видѣется тотъ или иной «рабочій вождь». Такимъ образомъ, аристократія, буржуазія и демократія какъ бы подѣлили между собою главныхъ представителей драматургіи. Сообразно съ этимъ и самые авторы, по крайней мѣрѣ въ первый бурный періодъ своего творчества, приспособляли къ своей публикѣ и свои творенія. Аристократъ Вильденбрухъ не только вдается въ глубь отечественной исторіи, извлекая изъ нея своихъ аристократическихъ героевъ, но и самая драматическая его композиція носитъ на себѣ своего рода аристократическій отпечатокъ: онъ расправляется со своимъ матеріаломъ совершенно по своему произволу и усмотрѣнію, не стѣсняясь нисколько требованіями исторической правды. Зудерманъ беретъ свои сюжеты изъ современной, по преимуществу буржуазной дѣйствительности, изображая передъ нами ту буржуазію, которая тщетно старается найти точку примиренія между двумя крайними лагерями, но бессильная сдается на разные компромиссы и растягивается между жернововъ двухъ крайнихъ борющихся сторонъ и міросозерцаній. Героями Зудермана являются также отдѣльные индивидуумы, но уже не короли, а типичные бюргеры. Если такимъ образомъ Вильденбрухъ воплощаетъ собою трагизмъ невозвратнаго прошлаго, то Зудерманъ даетъ намъ трагизмъ переходной эпохи, а Гауптманъ—занимающуюся зарю новой жизни. Вильденбрухъ обращаетъ свои взоры къ величію прошлаго, Зудерманъ нѣсколько смущенно, но все же съ сильнымъ яркимъ талантомъ старается разобраться въ настоящемъ, а Гауптманъ намѣчаетъ этапы будущаго.

Германъ Зудерманъ на нѣсколько лѣтъ старше Гауптмана: онъ родился въ 1857 году, въ небольшомъ мѣстечкѣ Восточной Пруссіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ съ цѣлой связкой манускриптовъ пробрался въ Берлинъ, чтобы искать здѣсь литературнаго счастья. Его первоначальные литературные опыты исчерпывались романами и повѣстями, и тѣ литературные корифеи, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ и содѣйствіемъ, разводили лишь руками, не умѣя приложить ума. Такъ шли годы, Зудерманъ началъ, правда, печататься, но оставался извѣстенъ только въ интимныхъ литературныхъ кружкахъ. И вотъ, за одну ночь, какъ выражаются пѣмцы, неизвѣстный до того авторъ сдѣлался знаменитостью. Это случилось въ

ночь съ 27 на 28-ое Ноября 1889 года, такъ какъ 27 Ноября этого года была поставлена его драма «Die Ehre» (Честъ) на сценѣ Лессингъ-Театра въ Берлинѣ *).

Необыкновенный, бурный успѣхъ, выпавшій на долю драмы Зудермана «Честъ», впервые сдѣлалъ его извѣстнымъ и какъ романиста. Его полузабытые литературные первенцы были возрождены къ новой жизни и принадлежатъ теперь къ наиболѣе читаемымъ беллетристическимъ произведеніямъ. Самъ Зудерманъ, какъ драматургъ, послѣ Гауптмана является безусловно наиболѣе популярнымъ авторомъ. Съ 1889 года—своего перваго крупнаго успѣха Зудерманъ почти каждый годъ дарилъ нѣмецкому театру по новой пьесѣ. Если три одноактныхъ его пьесы: «Ieja», «Das Ewig-Männliche» и «Fritzchen», изданныя подъ общимъ названіемъ «Morituri» и подъ этимъ же общимъ заглавіемъ идущія на сценѣ, считать за одно произведеніе, то по настоящее время Зудерманомъ всего написано семь драмъ, изъ которыхъ большинству суждено было стать прочнымъ достояніемъ репертуара нѣмецкихъ театровъ, а нѣкоторыя проложили себѣ не безславный путь и далеко за предѣлы Германіи. На долю драматическихъ произведеній Зудермана выпалъ небывалый и для произведеній живущаго еще драматурга прямо таки неслыханный успѣхъ на книжномъ рынкѣ. Его драма «Die Heimat» (на русскомъ языкѣ существуетъ, кажется, два перевода: «Родина» и «Отчий домъ») выдержала 18 изданій; «Die Ehre» и «Sodoms Ende»—выдержали по 16 изданій; «Das Glück im Winkel» (Счастье въ уголку) вышла въ 9 изданіяхъ, «Schmetterlingsschlacht» (Бой бабочекъ) въ пяти изданіяхъ, наконецъ «Morituri» и послѣдняя драма Зудермана «Johannes» (Юаннъ Креститель) разошлись въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Сообразно съ этимъ опредѣлялся и сценическій успѣхъ Зудермановскихъ драмъ, за исключеніемъ одной «Schmetterlingsschlacht», которая, по всѣмъ видимостямъ, окончательно потеряна для театра. Что же касается драмъ «Sodoms Ende» и «Johannes», то ихъ сенсационному успѣху въ значительной степени содѣйствовали первоначально наложенныя, а впоследствии отмѣненныя (относительно «Johannes» по распоряженію самого Вильгельма II) полицейскія запрещенія.

Своей первой драмой «Честъ» Зудерманъ въ весьма значительной степени содѣйствовалъ возникновенію того литературнаго движенія, которое

*) Литература о Зудерманѣ не такъ обширна, какъ о Гауптманѣ, но все же среди нея имѣются и отдѣльныя монографіи, изъ которыхъ назову извѣстныя мнѣ двѣ:

1) Konrad v. Bavern: «Sudermann». Halle 1892.

2) Waldemar Kawerau: «Hermann Sudermann». Magdeburg und Leipzig 1897. Книга Kawerau въ первой части посвящена разбору эпическихъ, во 2-ой части—драматическихъ произведеній и можетъ быть рекомендована какъ лучшее, что написано о Зудерманѣ.—Сверхъ того имѣется, конечно, масса журнальныхъ статей и цѣлый рядъ отдѣльныхъ главъ о Зудерманѣ въ новѣйшихъ исторіяхъ литературы.

придало театру уже давно невиданное положеніе въ умственной жизни нѣмецкаго общества. Это движеніе снова возродило живую связь между сценой и литературой и наполнило современный театръ духовнымъ содержаніемъ. Этимъ путемъ оно снова вернуло театру симпатію и интересъ публики, которой пріѣлись слащавыя исторіи изъ скучнаго мѣщанскаго и философскаго быта. Театръ снова сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія, предметомъ горячихъ споровъ; каждое первое представленіе новой пьесы было крупнымъ событіемъ, волновавшимъ умы и страсти. Въ этомъ возбужденіи литературнаго интереса къ театру заслуга Зудермана заключается спеціально еще въ томъ, что онъ болѣе другихъ сумѣлъ популяризировать во всей Германіи идеи новаго литературнаго движенія, сосредоточивавшагося по преимуществу въ центрѣ германской литературной жизни—въ Берлинѣ.

Со времени горячихъ литературныхъ споровъ конца 80-хъ годовъ утекло много воды. О Зудерманѣ, какъ и о другихъ спорныхъ авторахъ, можно теперь судить съ большей объективностью и меньшей страстностью. Съ этой точки зрѣнія для каждаго должно быть ясно, что въ Зудерманѣ заключено богатое дарованіе: выдающійся даръ наблюдательности, искусство хорошихъ замысловъ, сильная рука для возбужденія театральнаго эффекта, остроуміе, юморъ,—словомъ, все то, что способно захватывать и увлекать зрителя. Рядомъ съ этимъ привходитъ, правда, значительная доля сентиментализма и не всегда высокопробнаго условнаго морализированія. Но въ общемъ это блестящій сильный талантъ, способный всякую вещь обставить наибольшимъ интересомъ.

Данное время всего лучше характеризуется путемъ противопоставленія его противорѣчій и противоположностей. Успѣхъ драмы «Честь» и объяснялся такимъ противопоставленіемъ пролетаріата буржуазіи, или вѣрнѣе, понятій о чести у этихъ двухъ классовъ. Эти понятія безпрестанно даютъ себя чувствовать въ нашей жизни. Кастовый духъ съ надменнымъ упрямствомъ противорѣчитъ духу времени. Талантъ Зудермана оказался, однако, недостаточнымъ, чтобы расчистить этотъ путь, чтобы въ своей драмѣ намѣтить способъ разрѣшенія проблемы противорѣчій. Это вообще характерно для Зудермана, что онъ, такъ сказать, сидитъ между двухъ стульевъ, какъ и тотъ общественный классъ, къ которому онъ, какъ художникъ, всего ближе примыкаетъ. Въ частности онъ обнаруживаетъ большую впечатлительность къ явленіямъ современной жизни, но остается всегда на полдорогѣ. Почти во всѣхъ своихъ произведеніяхъ—драматическихъ какъ повѣствовательныхъ—онъ въ значительной степени является ученикомъ французской школы Дюма и Б°. Заимствованные у этихъ послѣднихъ приемы построенія антитезы, которыми полны драмы Зудермана, очень ловкое смѣшеніе элементовъ прошлаго съ современнымъ дѣлаютъ всегда драматическое дѣйствіе въ пьесахъ Зудермана интереснымъ. Этотъ постоянный интересъ его пьесъ есть источникъ и ихъ сравнительно очень широкой популярности. Большинство драмъ Зудермана

переведено и на русский язык и ставится на русских сценах. Всесвітныя знаменитости, какъ Дузе, Сара Бернаръ, Цакконн сдѣлали персонажи зудермановскихъ драмъ своими коронными ролями.

Даже такой реалистически настроенный драматургъ, какъ Зудерманъ, не удержался, однако, отъ увлечения той литературной модой, которая въ послѣднее время стала искать драматическіе и литературные сюжеты въ области фантазій и библейскихъ преданій. Своей послѣдней драмой «*Ioannes*» онъ вдругъ оставилъ облюбованную имъ среду прежнихъ своихъ произведеній. Въ его «Чести» и «Концѣ Содома» чувствовалась растлѣвающая атмосфера деморализованнаго берлинскаго общества; въ его драмахъ «Родина» и «Счастье въ уголку» воспроизведенъ бытъ его восточно-прусской родины. «*Ioannis* Креститель» насъ отрываетъ вдругъ отъ этой близкой дѣйствительности и обдаетъ шелестомъ пальмъ Святой Земли.

Въ прошлую зиму эта библейская трагедія была главной сенсационной новинкой сезона, новинкой, тѣмъ болѣе сенсационной, что постановка трагедіи на публичныхъ сценахъ была, какъ я упомянулъ выше, разрѣшена самимъ императоромъ вопреки полицейскому запрещенію, основывавшемуся на какомъ то старомъ параграфѣ, въ силу котораго публичное представленіе пьесъ съ библейскими сюжетами не допускается.

Главными лицами построенной на библейскомъ сказаніи зудермановской трагедіи являются *Ioannis* Креститель, предтеча Спасителя и соблазнительная падчерница іудейскаго царя Ирода—Саломея, которая въ награду за свой скабресный танецъ требуетъ головы Крестителя, отвергнувшаго ея любовныя притязанія. Высоконравственный пророкъ—пустынникъ, возвѣщающій скорбющему и забитому іудейскому народу вождѣннующую новую эру пришествія Мессіи, публично объявляетъ Иродіадѣ, жену Ирода, блудницей. Отсюда страшная ненависть іудейскаго властелина противъ новаго пророка. Послѣдній заключается въ тюрьму при дворѣ Ирода, гдѣ, по изображенію Зудермана, воплнѣ царятъ порядки, какъ въ Содомѣ *à la fin de siècle*. Иродъ зарится на прелести своей собственной падчерницы, мать которой Иродіада старается эту слабость своего, вообще говоря, довольно добродушнаго супруга утилизировать въ интересахъ своей личной мести къ пророку. Такъ какъ всѣ чары и заклинанія страстной Саломеи встрѣчаютъ со стороны *Ioanna* одно презрительное равнодушіе, то Иродіада пользуется своей дочерью, какъ орудіемъ для выполненія своего преступнаго плана. На торжествѣ, устроенномъ Иродомъ въ честь своего гостя римскаго полководца Виталія, Саломея пляшетъ бѣшеный танецъ и вынуждаетъ у своего одурманеннаго вотьчма повелѣніе казнить Крестителя. Объятые ужасомъ гости Ирода видятъ, какъ жестокая Саломея (за сценой) опяненная пляшетъ, держа въ рукахъ золотое блюдо съ окровавленной головой Крестителя. Въ этотъ ужасный моментъ врываются съ улицы крики: «*оссанна, оссанна! оссанна царю іудейскому!..*» Среди ликованій народа, машущаго пальмовыми вѣтвями, шествуетъ къ городу

Спаситель, а Иродъ въ глубокомъ смущеніи спрашиваетъ про себя: «Что, опять новый пророкъ?..» Пришествіемъ Христа, скрытаго отъ зрителей, кончается трагедія Зудермана.

Само собою понятно, что если видимымъ носителемъ драматическихъ коллизій на фонѣ указанной романтической фэбулы и является Креститель, то дѣйствительнымъ героемъ трагедіи все же служить самъ Христось. Нѣтъ сомнѣнія, что воспроизведеніе эпохи и быта, изъ которыхъ заимствованъ сюжетъ трагедіи, характеристика переходнаго состоянія двухъ міровъ—все это сдѣлано съ большою старательностью, хотя и не всегда съ достаточной убѣдительностью. Одно только поражаетъ въ этой проникнутой серьезной идеей пьесѣ: присущая Зудерману склонность къ театральнымъ эффектамъ оказала ему въ этомъ случаѣ не совсѣмъ хорошую услугу, и когда я смотрю «Іоанна Крестителя» на сценѣ берлинскаго «Нѣмецкаго Театра», съ его декоративнымъ блескомъ, то не могу отрѣшиться отъ впечатлѣнія блестящей фееріи.

Какъ бы то ни было, но Гауптманъ и Зудерманъ—вотъ баловни и властелины современнаго Нѣмецкаго театра. Первый даритъ ему отъ времени до времени перлы глубокихъ социальныхъ мотивовъ и чарующей поэзіи, а второй, хоть и опускается порой до роли театральнаго декоратора, за то не рѣдко обогащаетъ сцену пластичными фигурами, взятыми изъ подлинной современной дѣйствительности.

Къ этимъ двумъ,—а если присоединить еще Вильденбруха,—то тремъ вершителямъ театральнаго судебъ многіе стараются приобщить двухъ-трехъ другихъ авторовъ, которые, однако, до сихъ поръ остаются, къ сожалѣнію, въ рядахъ «общающихся». Несомнѣнно даровитый Людвигъ Фульда послѣ своего «Талисмана» написалъ рядъ пьесъ (Сынъ Калифа, Друзья Юности—«Sohn des Khalifen», «Jugendfreunde» и др.), отнюдь не превосходящихъ его драматическаго первенца, а впадающихъ въ какой то ужъ совсѣмъ водевильный тонъ... Большія надежды подавалъ молодой Максъ Гальба (род. въ 1865 году), написавшій «Jugend» и точно исполнившійся въ концѣ въ этой дѣйствительно граціозной и талантливой пьесѣ. Его другія пьесы: «Eisgang», «Americafahrt» и послѣдняя «Mutter Erde» были въ состояніи выдержать лишь немного представленій... Наконецъ самый молодой изъ общающихся 25-лѣтній Георгъ Гиршфельдъ, зарекомендовавшій себя еще четыре года тому назадъ драмой «Die Mutter», въ послѣдней своей драмѣ «Agnes Jordan», хотя и обнаружилъ снова большую наблюдательность и знакомство спеціально съ бытомъ берлинскаго еврейства, но покуда не оправдалъ еще восторженныхъ надеждъ, вызванныхъ драмой «Die Mütter».

Какъ разъ теперь, послѣ непродолжительной лѣтней паузы, дѣлаются приготовления къ новому театральному сезону. Берлинскіе и главные провинціальныя театры охвачены лихорадочнымъ волненіемъ по поводу предстоящихъ новинокъ, которыя или наполняютъ кассы директоровъ, или увы! принесутъ одни разочарованія антрепренерамъ, публикѣ и самимъ

авторамъ. Но эти авторы, начиная отъ Гауптмана и кончая Гиршфельдомъ, также въ лихорадочномъ волненіи: они дописываютъ послѣднія сцены къ своимъ новымъ драматическимъ произведеніямъ. Поживемъ—увидимъ: если новый сезонъ принесетъ намъ что-нибудь примѣчательное, то у насъ еще будетъ случай подробнѣе остановиться на авторахъ, относительно которыхъ мы ограничились теперь лишь однимъ краткимъ упоминаніемъ.

Г. Гроссманъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Классическое образованіе съ точки зрѣнія опытной психологіи.

Въ послѣднее время во Франціи велись оживленные споры по вопросу о значеніи классицизма для современнаго образованія: представители публицистики и университетской науки старались приводить возможно болѣе убѣдительныя доказательства въ пользу сохраненія за древними языками той роли, какую они играютъ въ настоящее время въ учебныхъ программахъ, или наоборотъ,—въ пользу расширенія занятій новыми языками и предметами, болѣе соответствующими требованіямъ современной жизни.

Недавно по этому важному вопросу высказался въ *Revue des Revues* компетентный представитель опытной психологіи, директоръ психологической лабораторіи Сорбонны, *Бинэ*. По его мнѣнію, вопросъ этотъ всего ближе касается психологовъ, и тѣ неопредѣленные, очень растяжимые аргументы, какіе приводятся защитниками и противниками классицизма, должны быть замѣнены внимательнымъ изученіемъ природы учащихся. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто-нибудь рѣшится совершенно отрицать изученіе «гуманныхъ» наукъ, ихъ образовательное значеніе и представляемый ими интересъ. Но изученіе этихъ предметовъ, по мнѣнію Бинэ, вполне доступно только извѣстной категоріи умовъ, и придумывать общія правила, обязательныя для всѣхъ, безъ различія способностей, значить — только напрасно губить время и силы молодыхъ поколѣній. Точно также и реальное образованіе, болѣе подходящее къ требованіямъ современной жизни, можетъ принести — и уже принесло — большую пользу, но и здѣсь, опять-таки, слѣдуетъ считаться съ различіями въ натурѣ умственныхъ способностей; давать же такое образованіе всѣмъ безъ различія значить — придавать ложное направленіе такимъ умамъ, которые, по своему складу, непригодны для этого рода образованія.

Такимъ образомъ, Бинэ полагаетъ, что вмѣсто того, чтобы обсуждать

вопросъ о классическомъ или реальномъ образованіи отвѣчено, т. е. въ пустомъ пространствѣ, что не можетъ привести ни къ чему, кромѣ ребяческихъ ораторскихъ упражненій, необходимо прежде всего обратить вниманіе на тотъ основной, первостепенно-важный фактъ, что умъ не у всѣхъ людей построенъ по одному и тому же общему типу и что существуетъ нѣсколько разновидностей умственного склада, весьма различныхъ одна отъ другой, а слѣдовательно, то, что пригодно для однихъ, не годится другимъ, и наоборотъ. «Эта истина почти не требуетъ доказательствъ: она вытекаетъ просто изъ здраваго смысла».

Но Бинэ идетъ еще далѣе этого общаго различенія умственныхъ способностей: онъ полагаетъ, что вполне возможно точно опредѣлить тѣ «естественныя группы» умовъ, изъ которыхъ однѣ способны къ образованію классическому, а другія, напротивъ, — къ реальному. Въ этому опредѣленію, говоритъ онъ, необходимо идти путемъ опыта, — единственнымъ путемъ, который, не смотря на возможность ошибокъ, все-таки, скорѣе всякихъ разсужденій можетъ дать положительные результаты.

Каковы же эти «естественныя группы» умовъ, о которыхъ говоритъ психологъ?

Многочисленныя наблюденія и изслѣдованія въ школахъ привели Бинэ къ заключенію, что всѣ учащіеся могутъ быть сведены къ тремъ, рѣзко различающимся между собою, главнымъ типамъ умственныхъ способностей. Само собою разумѣется, что между этими типами существуютъ переходныя стадіи, точно такъ же, какъ встрѣчаются, — хотя и рѣдко, — такіе счастливые умы, въ которыхъ соединяются всѣ способности; но это, конечно, исключенія. Вообще же умственные способности бываютъ трехъ родовъ: умъ научный, умъ литературный и умъ художественный.

«Дайте цѣлому классу», говоритъ Бинэ, «одну и ту же, самую простую, тему для сочиненія, — и вы увидите, что при совершенно равной силѣ умственного развитія два ученика напишутъ сочиненія, существенно отличающіяся одно отъ другого: одинъ дастъ живую страницу, яркую, сочную, полную чувства; другой съ великимъ трудомъ произведетъ на свѣтъ нѣсколько сухихъ, короткихъ фразъ. У меня есть довольно много этого рода документовъ, очень любопытныхъ въ психологическомъ отношеніи. Кто не встрѣчалъ подобныхъ же примѣровъ и въ самой жизни? Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я внимательно изучаю одного молодого человѣка, бывшаго моего ученика, котораго я часто бралъ къ себѣ въ сотрудники и къ умственной дѣятельности котораго я имѣлъ возможность близко присмотрѣться. Природа одарила этого юношу зрѣлымъ здравымъ смысломъ, пронизательнымъ критическимъ умомъ; прибавьте къ этому еще удивительную способность къ языкамъ, которыхъ онъ изучилъ множество, твердую и обширную память, выдающуюся наблюдательность и ловкость, благодаря которой онъ въ нѣсколько минутъ овладѣваетъ самыми трудными техническими приемами. Но у него совсѣмъ нѣтъ воображенія и нивагого литературнаго дарованія. Этотъ недостатокъ показался мнѣ до

такой степени удивительнымъ, что я не могъ о немъ умолчать; молодой человекъ и самъ съ полною откровенностью сознался, что онъ совсѣмъ не умѣетъ писать; его словарь крайне ограниченъ; онъ отдѣляется небольшими, короткими, рубленными фразами, едва связывая ихъ между собою самыми простыми союзами, такъ что, читая имъ написанное, мы видимъ курьезную борьбу тонкой и сложной мысли съ самымъ элементарнымъ способомъ выраженія, почти лишеннымъ всякихъ оттѣнковъ»...

Умъ «научный» выражается, по опредѣленію Бинэ, живымъ чувствомъ истины, развитіемъ наблюдательности, стремленіемъ все классифицировать, судить, рассуждать, связывать между собою отдѣльные факты и выводить изъ нихъ слѣдствія. Впрочемъ, это опредѣленіе слишкомъ общаго характера: преподаватель, самая важная обязанность котораго именно въ томъ и состоитъ, чтобы какъ можно ближе познакомиться съ умственными способностями своихъ учениковъ, всегда сумѣетъ отличить между ними тѣхъ, которые одарены умомъ научнымъ, по рѣзкой противоположности ихъ съ тѣми, кто обладаетъ умомъ литературнымъ. Въ школѣ научный умъ узнается чаще всего по особенной склонности къ изученію наукъ математическихъ и естественныхъ. Къ сожалѣнію, замѣчаетъ Бинэ, въ нашихъ нынѣшнихъ школахъ преподаваніе этихъ наукъ обращается почти исключительно къ памяти, такъ что въ дѣлѣ развитія наблюдательности и способности къ логическому рассужденію учащіеся предоставлены почти исключительно самимъ себѣ...

Умъ «художественный», о которомъ Бинэ не считаетъ нужнымъ говорить подробно, такъ какъ искусство вовсе не касается нынѣшней нашей системы образованія, имѣетъ основой развитое чувство красоты и постоянное стремленіе къ прекрасному.

«Мы видимъ, продолжаетъ Бинэ, что каждый выбираетъ себѣ тотъ или иной жизненный путь, на свой рискъ и страхъ, и въ этомъ выборѣ, отъ котораго зависитъ цѣлая жизнь, руководится самыми разнообразными мотивами, иногда даже очень странными; нерѣдко этотъ шагъ,—одинъ изъ самыхъ важныхъ въ жизни,—совершается крайне необдуманно, и ошибка замѣчается только тогда, когда уже слишкомъ поздно поворачивать на другую дорогу... Опытъ показываетъ, что совѣты психолога могутъ принести въ этомъ случаѣ большую пользу. Дѣйствительно, въ продолженіе моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій я пришелъ къ убѣжденію въ существованіи извѣстныхъ, опредѣленныхъ признаковъ, по которымъ можно различить несходныя между собою умственные способности, о которыхъ только что шла рѣчь; само собою разумѣется, однако, что такое различіе возможно въ томъ только случаѣ, когда эти способности уже достаточно развиты и проявляются болѣе или менѣе рѣзко. Оно составляетъ задачу личной, индивидуальной психологіи, т. е. той совокупности приѣмовъ, которая даетъ намъ возможность составить характеристику отдѣльной личности, опредѣлить особенную, свойственную ей манеру мыслить, рассуждать и чувствовать. Приемы эти весьма многочисленны, что и понятно,

такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ничего болѣе сложнаго, чѣмъ человѣческій умъ; а потому и способы его изученія необходимо должны быть чрезвычайно разнообразны...»

Бинэ ограничивается указаніемъ только двухъ изъ этихъ приѣмовъ, — не потому, чтобы они казались ему наиболѣе дѣлесообразными или безошибочными, а только потому, что они проще и удобопонятнѣе другихъ. Первый приѣмъ—чисто-литературный: это—описаніе. «Положите передъ испытываемымъ лицомъ какой-нибудь предметъ,—чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Я пользовался для этой дѣли фотографіями съ картинъ, сложными сценами, но опытъ убѣдилъ меня, что гораздо предпочтительнѣе выбирать какой-нибудь небольшой матеріальный предметъ, напр. часы, или—еще лучше—монету, папирску, перо, цвѣтокъ. Положивъ этотъ предметъ передъ глазами лица, которое заранѣе согласилось на опытъ, вы просите это лицо взять перо и ключекъ бумаги и говорите: «Потрудитесь описать мнѣ этотъ предметъ». Когда опытъ производится въ классѣ, этихъ словъ вполне достаточно: ученики сейчасъ же принимаются за работу, и очень рѣдко случается, чтобы кто-нибудь изъ нихъ попросилъ дополнительныхъ объясненій. Когда же предметомъ опыта является уже взрослый юноша и въ особенности, когда опытъ производится въ одиночку, — тогда роль экспериментатора становится гораздо болѣе трудной. Нашъ субъектъ не слушается приказаній; его первое движеніе—возражать; прежде всего, онъ желаетъ объясненій: что значить—описать? какого описанія вы желаете? А если онъ, при этомъ, болтливъ,—что случается нерѣдко,—то онъ постарается перечислить вамъ всѣ роды описаній, какіе онъ въ состояніи сдѣлать, и попроситъ указать вашъ выборъ. Наконецъ, если онъ одержимъ духомъ противорѣчія, онъ станетъ говорить, что такой опытъ ничего не значить или не имѣетъ смысла, а не то и прямо откажется писать и броситъ перо, говоря, что онъ не понимаетъ, чего отъ него хотятъ. Я продѣлываю эти опыты вотъ уже скоро двадцать лѣтъ и перевидалъ всевозможныхъ субъектовъ. Со всѣми ими слѣдуетъ обращаться, какъ съ маленькими школьниками: вы не даете имъ ни малѣйшаго объясненія, а велите только писать, повторяя это приказаніе на разные лады до тѣхъ поръ, пока экзаменующійся рѣшится, наконецъ, взяться за работу; тогда вы оставляете его наединѣ съ его перомъ и бумагой».

Этотъ простой опытъ, множество разъ повторенный Бинэ, всегда приводилъ его къ одному и тому же результату: всегда изъ авторовъ описаній можно было отнести, по характеру его умственныхъ способностей, къ одному изъ названныхъ выше типовъ ума,—къ научному, литературному или художественному. Умъ научный или наблюдательный привязывается исключительно къ предмету описанія и описываетъ его во всѣхъ подробностяхъ, объясняя эти подробности или дѣлая изъ нихъ выводы, но такіе, которые исключительно къ данному предмету относятся. Если, напр., ему дана для описанія монета,—онъ укажетъ ея внѣшній видъ, цвѣтъ, большую или меньшую степень потертости, опишетъ выбитыя

на ней изображенія, отмѣтитъ ея годъ. Въ описаніи пера онъ подробно остановится на каждой отдѣльной его части, уважаетъ различія въ ихъ окраскѣ, опредѣлитъ геометрическими терминами форму острия и остальныхъ частей пера. При описаніи цвѣтка онъ опять-таки остановится на каждой части въ отдѣльности, или припоминая ботаническія опредѣленія, или руководясь только внѣшнимъ видомъ предмета, и т. д.

Совсѣмъ иначе поступаетъ умъ литературный: онъ говоритъ не о самомъ предметѣ описанія, а *по поводу* этого предмета; внѣшній видъ предмета не останавливаетъ на себѣ его вниманія, а вызываетъ у него только воспоминанія, общія размышленія или различныя чувства, которыми авторъ и выражаетъ болѣе или менѣе удачно, забывая, такимъ образомъ, что отъ него требовали совсѣмъ иного, именно—описанія предмета. Видя передъ собою монету, онъ вспомнитъ обо всѣхъ тѣхъ услугахъ, какія можетъ оказать эта монета тому, кто ее получилъ, или распространится о томъ лицѣ, которое изображено на монетѣ; цвѣтокъ, который у представителя научной мысли описывается лепестокъ за лепесткомъ, въ литераторѣ вызываетъ мысль объ ароматѣ полей и разныя болѣе или менѣе поэтическія мечтанія; перо наводитъ его на мысль о копѣй или о томъ добрѣ и злѣ, какое можетъ причинить писатель, и т. д.

Бинэ замѣчаетъ, что въ его обширной коллекціи описанія этого рода занимаютъ лишь весьма скромное мѣсто по сравненію съ описаніями первой категоріи. Однако, это вовсе не значитъ, что умы литературные составляютъ лишь небольшое меньшинство въ сравненіи съ научными: надо считаться также и съ самымъ характеромъ опыта, который естественно направляетъ автора описанія въ сторону наблюденія внѣшнихъ особенностей предмета; нужно имѣть уже слишкомъ сильно развитую «литературную» наклонность, чтобы бросить непосредственный предметъ описанія ради литературныхъ разсужденій. Поэтому, кажется, опытъ вышелъ бы удачнѣе, если бы Бинэ предлагалъ испытуемымъ не только дать описаніе предмета, но также и изложить свои мысли по поводу этого предмета: сравненіе той и другой части работы показало бы, къ чему болѣе способенъ авторъ—къ «научному» наблюденію или къ «литературному» изложенію.

Бинэ и самъ сознается въ недостаточной опредѣлительности такого опыта, отмѣчая его односторонность, такъ какъ въ немъ умъ проявляется далеко не вполне. Другого рода опытъ, придуманный имъ вмѣстѣ съ его сотрудниками на психологической лабораторіи, имѣеть цѣлью опредѣлить силу воображенія испытуемаго субъекта въ примененіи къ пространству и зрѣнію. Известно, что каждый изъ насъ обладаетъ, въ известной мѣрѣ, способностью наглядно представлять себѣ предметы въ пространствѣ; эта способность у однихъ проявляется въ очень рѣзкой формѣ, у другихъ—въ очень смутной. Такъ, напр., нѣкоторые люди очень легко могутъ представить себѣ геометрическій чертежъ или даже сложный рисунокъ машины. По наблюденіямъ Бинэ, умы «литературнаго» склада

не способны къ этому виду умственной гимнастики. Опытъ же, о которомъ идетъ рѣчь, состоитъ въ слѣдующемъ:

Возьмите листъ бумаги и сложите его, на виду у испытуемаго лица, вдвое, потомъ втрое, потомъ вчетверо, предлагая внимательно замѣчать каждую складку; потомъ возьмите ножницы и по послѣдней складкѣ сдѣлайте вырѣзку, какой угодно формы; эта вырѣзка, конечно, прорѣжетъ листъ въ столькихъ мѣстахъ, сколько разъ онъ былъ сложенъ. Предложите затѣмъ испытуемому лицу нарисовать этотъ листъ, какимъ онъ долженъ быть въ развернутомъ видѣ, обозначивъ фигуру и положеніе каждаго прорѣза. Эту задачу можно, по желанію, сдѣлать и очень простою, и очень трудною: она очень проста, если листъ сложенъ въ небольшое число складокъ,—напр. вдвое или вчетверо—и если эти складки сдѣланы подъ прямымъ угломъ; но она очень трудна, если складокъ много и онѣ сдѣланы вкось. Бинэ замѣтилъ, что людямъ литературнаго склада чрезвычайно трудно точно воспроизвести на рисунокѣ складыванія и вырѣзыванія; ихъ воображенію недостаетъ наглядности; съ другой стороны, умы научнаго склада справляются съ этой задачей сравнительно легко.

Вотъ два примѣра тѣхъ психологическихъ приѣмовъ, которые могутъ служить для опредѣленія характера умственныхъ способностей даннаго лица. Остается теперь разрѣшить вопросъ о томъ, какую систему образованія слѣдуетъ примѣнять къ той или другой натурѣ ума?

Въ этомъ отношеніи, говоритъ Бинэ, педагогика должна слѣдовать двумъ правиламъ, которыя находятся между собою лишь въ кажущейся противорѣчій: а именно, съ одной стороны, воспитатель долженъ стараться выработать умы возможно полные, развивая зачатки всѣхъ способностей; а съ другой стороны, когда одна какая-либо способность оказывается уже отъ природы очень сильно развитою и преобладающею—благопріятствовать ея дальнѣйшимъ проявленіямъ. Эти два правила могутъ показаться противорѣчащими другъ другу, потому что одно требуетъ развитія всѣхъ способностей, а другое проповѣдуетъ спеціальную культуру какой-либо одной стороны ума; но на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ: слѣдуетъ стараться развивать *все* способности только до известнаго минимальнаго предѣла, а нѣкоторые изъ нихъ доводить до возможнаго максимума развитія. Примѣняя эти общія разсужденія непосредственно къ занимающему насъ вопросу о классическомъ и реальномъ образованіи, Бинэ, какъ и слѣдовало ожидать по предыдущему ходу его мыслей, высказывается въ томъ смыслѣ, что всѣмъ учащимся, безъ различія ихъ умственнаго склада, слѣдуетъ давать только «начатки» какъ литературнаго, такъ и научнаго образованія; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ уже объ интенсивной культурѣ ума, классическое образованіе должно быть удѣломъ людей съ литературнымъ складомъ ума, между тѣмъ какъ для людей, одаренныхъ умомъ научнымъ, должно отдать предпочтеніе образованію реальному.

Изъ жизни одного англійскаго педагога.

Память о дняхъ дѣтства и ранней юности почти у всѣхъ людей занимаетъ первое мѣсто въ ряду воспоминаній, какъ бы ни сложились дальнѣйшія обстоятельства жизни. «Счастливъ тотъ», говоритъ писатель, «кто, оглядываясь на прожитую жизнь, можетъ сказать, что мудрая благость и любящее вниманіе освѣтили ему тѣ запутанныя тропинки, которыя исходя изъ дѣтства, грозили затеряться во мракѣ бурной ночи». Съ другой стороны, такія выраженія, какъ «безрадостное дѣтство», «печальная юность» указываютъ едва ли не на самое тяжкое изъ всѣхъ человѣческихъ несчастій. Слова Шатобриана: «Мой отецъ былъ страшилищемъ своего дома, а мать моя—бичемъ семьи»; наивное изумленіе Гиббона, когда онъ отъ посторонняго человѣка узналъ, что его отецъ—его другъ; циническое замѣчаніе студента Шопенгауера, обращенное къ нелюбимой и не любившей его матери,—что когда онъ станетъ знаменитостью, ея сочиненія давно уже будутъ валяться въ мелочной лавкѣ; грустное признаніе Талейрана, что онъ только уже будучи взрослымъ мальчикомъ познакомился съ своей матерью и никогда не зналъ родительскаго дома,—всѣ подобныя примѣры, которыхъ можно было бы привести еще много, получаютъ особенный смыслъ, если вспомнить, что ни одинъ изъ названныхъ нами людей не былъ отцомъ и не основалъ собственной семьи.

Къ счастью для общества—и для дѣтей,—такіе примѣры, всетаки, составляютъ исключеніе. Мы живемъ въ такое время, когда скорѣе родители упрекаютъ въ слишкомъ большой уступчивости дѣтямъ: «Путешествія, предпріятія, обширные замыслы», насмѣшливо восклицаетъ одинъ французскій писатель,—«все, чѣмъ красна и дорога жизнь, должно отодвинуться на задній планъ, какъ только въ домѣ появится ребенокъ. Для многихъ изъ насъ родительство равносильно отставкѣ отъ жизни, а «папа»—смѣшное слово, открывающее въ перспективѣ пару туфель. Французъ, за очень немногими исключеніями, женится поздно. Эгоизмъ, исканіе крупнаго приданаго, опека, въ которой держитъ мушину наша воспитательная система съ ея всевозможными экзаменами,—все это расширяетъ границы холостой жизни почти до безконечности... «Съ этимъ положеніемъ дѣлъ во Франціи интересно сравнить воспитаніе англійскаго ребенка въ домѣ родителей, которые еще настолько молоды, что не могутъ не опуститься до уровня растительнаго прозябанія или праздности. Отецъ слишкомъ занятъ своими дѣлами и проектами и, разумѣется, не имѣетъ времени заниматься пеленаніемъ и купаніемъ своего потомства. Его дѣти въ дѣтской являются полными хозяевами и съ дѣтства приучаются къ самостоятельности. Независимость, индивидуализмъ, просторъ для развитія личности составляютъ выдающуюся черту англійской педагогической системы. Отецъ и мать вовсе не желаютъ стѣснять своихъ

дѣтей тѣми бесполезными ласками и безпрестанными наставленіями, той трусливой и развращающей системой постояннаго наблюденія, которую французы убиваютъ въ своихъ дѣтяхъ всякую личную инициативу и сознаніе собственной отвѣтственности...

Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что англійская жена, являясь вѣрной подругой мужа во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни и во всѣхъ его развѣздахъ,—иногда чуть не на край свѣта, нерѣдко ради обязанностей супруги забываетъ обязанности матери. Съ другой стороны, даже самымъ любящимъ родителямъ часто поневолѣ приходится на цѣлые годы разлучаться съ своими дѣтьми. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ и по самымъ разнообразнымъ причинамъ англійское юношество воспитывается внѣ родительскаго дома, и школа, какъ средняя, такъ и высшая, даетъ ему не только образованіе, но и воспитаніе.

Эти оригинальныя, старинныя, исторически сложившіяся учебныя заведенія, гдѣ англійская молодежь воспитывается въ тѣни столѣтнихъ деревьевъ, среди цвѣтущихъ садовъ и лужаекъ, на холмахъ или на берегу широкихъ рѣкъ, и гдѣ, по мнѣнію однихъ, слишкомъ много забавляются, а по мнѣнію другихъ,—слишкомъ много работаютъ, уже много разъ были предметомъ похвалы и порицанія. На критику своихъ противниковъ они отвѣчаютъ тѣмъ, что продолжаютъ существовать: они вполне соответствуютъ англійскому національному духу и взглядамъ общества, которое прежде всего требуетъ отъ своихъ членовъ личной энергіи и инициативы, крѣпкихъ нервовъ и хладнокровія, предоставляя на волю каждому дополнять какъ угодно свое образованіе, когда выработается и укрѣпится характеръ.

Этимъ объясняется своеобразное смѣшеніе самостоятельности и строгой дисциплины въ воспитаніи мальчика. Въ Итонѣ или въ Гарроу онъ является уже полнымъ хозяиномъ своей маленькой комнатки, распоряжается своимъ имуществомъ и—до известной степени—временемъ, если только онъ исполняетъ всѣ свои работы въ назначенному сроку, аккуратно является на перекичку и какъ въ классѣ, такъ и за игрой или за столомъ ни на минуту не забываетъ, что онъ—джентльменъ. Если же онъ это забудетъ, то кулаки товарищей вполне замѣнятъ ему отсутствіе школьной дрессировки. Во всемъ остальномъ онъ совершенно свободенъ, можетъ, если пожелаетъ, совѣтоваться съ учителями безъ всякихъ формальностей, и школьное начальство такъ мало вмѣшивается въ его существованіе и такъ мало его стѣсняетъ, что онъ вполне охотно подчиняется его распоряженіямъ и въ высшей школѣ, въ университетскомъ колледжѣ до самаго окончанія курса.

Эти колледжи,—большею частью старинныя учрежденія, основанныя много столѣтій тому назадъ англійскими королями и частными лицами, между которыми были также и женщины, придаютъ англійскимъ университетамъ особый, своеобразный отпечатокъ.

Баварскій король Максимилианъ, государь высоко образованный и серьезно озабоченный реформою народнаго просвѣщенія въ своемъ государствѣ, задумывалъ устройство колледжей для университетской молодежи и совѣтовался объ этомъ предметѣ съ пасторомъ Деллингеромъ, большимъ знаткомъ и поклонникомъ англійскихъ университетскихъ порядковъ. Но его мысль не получила практическаго осуществленія,— конечно, потому, что вѣками укоренившіеся порядки и обычаи невозможно вдругъ пересадить на совсѣмъ иную національную почву, и къ такому проекту отнеслись бы отрицательно не только германскіе университеты, ревниво оберегающіе свое самоуправленіе, но и нѣмецкіе студенты, которые, выйдя изъ подъ тяжелой фѣрулы средняго образованія, выше всего цѣнятъ свою «академическую свободу» и для которыхъ совсѣмъ непривлекательнымъ показалось бы совмѣстное житіе въ колледжахъ.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся оксфордскихъ профессоровъ, впоследствии—кардиналъ Ньюманъ, возражая противъ тѣхъ нападокъ, которыя иногда слышатся въ самой Англій на нынѣшнюю систему университетскаго образованія, говоритъ, что колледжъ не есть только собраніе отдѣльныхъ людей, живущихъ подъ одною кровлей. Это слово вызываетъ идею объ особой авторитетности и прочности учрежденія, которое пользуется общимъ уваженіемъ, опредѣленными доходами и различными преимуществами. Ньюманъ сравниваетъ ограниченное число членовъ такого колледжа съ семейнымъ домомъ, въ которомъ предполагается такая же отеческая и нравственная дисциплина, какая существуетъ въ хорошей семьѣ. Солидныя зданія, дающія пріютъ цѣлому ряду смѣняющихся другъ друга поколѣній, доходы, настолько значительные, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ совмѣстной жизни,— вотъ что представляетъ собою колледжъ, временно замѣняющій для юноши родительскій домъ, дающій ему защиту и попеченіе вмѣстѣ съ удовольствіями товарищеской жизни. Въ университетѣ главная роль принадлежитъ профессору, въ колледжѣ— «тутору», соединяющему обязанности преподавателя съ обязанностями воспитателя. «Университетъ назначается для всего міра, колледжъ— для націи». Въ университетѣ читается богословіе, правовѣдѣніе, медицина, естествознаніе,— изучаются науки, колледжъ имѣетъ цѣлью не только умственное развитіе, но и образованіе характера, облагороженіе личности, возбужденіе интереса къ изученію литературы, классиковъ и другихъ предметовъ, расширяющихъ и укрѣпляющихъ умъ. Никакая политическая сила въ Англій не можетъ идти въ сравненіе съ могуществомъ университетскихъ колледжей. Будущій государственный дѣятель, землевладелецъ, юристъ, богословъ вступаетъ въ колледжъ въ такую пору жизни, когда умъ отличается наибольшею впечатлительностью, чувства— наибольшею теплотой, дружескія связи завязываются тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, характеръ всего легче поддается постороннимъ влияніямъ. Тамъ онъ приобретаетъ друзей, тамъ проводитъ свои лучшіе дни, память о

которыхъ навсегда остается въ его сердцѣ. Колледжъ былъ для него второй родиной; онъ связанъ съ нимъ и лично, и черезъ своихъ братьевъ, друзей, дѣтей,—всякое нападеніе на него задѣваетъ и его, и всякая попытка уничтожить его вызвала бы самое рѣшительное противоѣдѣствіе во всей Англїи.

При такихъ обстоятельствахъ становится понятнымъ то огромное вліяніе, какое имѣетъ на англійскую университетскую молодежь лицо, стоящее во главѣ колледжа, въ особенности, если оно при этомъ обладаетъ достаточнымъ безпристрастіемъ, терпѣніемъ и внушительною ученостію и въ своихъ дѣйствіяхъ руководится стремленіемъ къ добру.

Однимъ изъ такихъ вліятельныхъ педагоговъ, человѣкомъ, который многими чертами напоминаетъ идеальный типъ гуманиста эпохи Возрожденія, былъ Бенджаменъ Джоунтъ (род. 15 апр. 1817 въ Кэмберуэллѣ, въ графствѣ Серрей), сначала—тutorъ, потомъ въ теченіе 23-хъ лѣтъ, до самой своей смерти 1 октября 1893 г., глава (master) Балліольскаго колледжа въ Оксфордѣ. Жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка посвящена составленная его учениками Абботтомъ и Кэмблемъ и недавно изданная въ двухъ томахъ его біографія, съ содержаніемъ которой знакомитъ насъ леди Бленнергассетъ—въ «Космополисѣ».

Частная жизнь Джоунтта очень небогата событіями. Его родители принадлежали къ среднему классу и вели довольно перемѣнчивую жизнь; между прочимъ, они прожили нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ одна изъ сестеръ Джоунтта перешла въ католичество. Отецъ его былъ большой оригиналь. Потерявъ все свое имущество, онъ не нашелъ лучшаго занятія, какъ начать стихотворный переводъ псалмовъ, такъ что троемъ его сыновьямъ пришлось уже въ раннемъ возрастѣ принять на себя заботы о содержаніи всей семьи. Двое изъ нихъ поступили на службу въ Индію и умерли незадолго до смерти отца, послѣ чего оставшіяся въ живыхъ старшій сынъ, Бенджаменъ, долженъ былъ взять на свое попеченіе мать и сестру. Въ іюлѣ 1829 г. онъ поступилъ въ школу Св. Павла, гдѣ и учился до 1836 г. Въ концѣ этого года ему удалось получить университетскую стипендію въ Балліольскомъ колледжѣ въ Оксфордѣ, и съ этихъ поръ неразрывно связалъ свое имя съ именемъ этого колледжа.

Школа Св. Павла дала ему денежное пособіе, какъ лучшему латинисту и автору греческаго стихотворенія въ ямбахъ; такимъ образомъ онъ получилъ возможность существовать въ Оксфордѣ. Здѣсь 19-лѣтній юноша производилъ сначала нѣсколько странное впечатлѣніе: о немъ говорили, что онъ—«нѣчто вродѣ Мельхиседека,—безъ отца, безъ матери, безъ потомства», потому, что онъ всегда хранилъ молчаніе о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Въ позднѣйшіе годы онъ вспоминалъ о своемъ отцѣ, какъ о «невиннѣйшемъ и безкорыстнѣйшемъ изъ людей», и съ любовью говорилъ о матери и сестрахъ. Трогательнымъ выраженіемъ благодарности было его письмо къ первому его доброжелателю въ Оксфордѣ, который сначала анонимно прислалъ ему 20 фунтовъ, а по-

томъ былъ узнанъ и на всю жизнь сдѣлался другомъ Джоуитта: «До полученія вашего письма», говоритъ онъ, «я не особенно много размышлялъ о религіи; но это письмо произвело на меня такое впечатаніе, котораго я никогда не забуду».

Въ это же время онъ вступилъ въ болѣе или менѣе тѣсныя дружескія отношенія съ многими своими сверстниками, которые впоследствии приобрѣли почетную извѣстность, какъ напр. Стэнли, впоследствии—деканъ Вестминстерскаго аббатства, Стаффордъ Норткотъ—консервативный министръ, извѣстный эстетикъ Джонъ Раскинъ, историкъ Фрудъ и др. Застѣнчивый, замкнутый въ себѣ и проводившій время больше съ книгами, чѣмъ съ людьми, балліольскій студентъ удивлялъ своихъ университетскихъ товарищей. Названный колледжъ имѣлъ право допускать своихъ учениковъ, вмѣстѣ съ кандидатами изъ другихъ колледжей, уже приобрѣвшими степень бакалавра, къ состязательнымъ испытаніямъ на званіе fellows, т. е. членовъ тѣхъ корпорацій, которыя управляютъ колледжами Оксфорда; эти лица имѣютъ право пользоваться въ колледжѣ даровымъ помѣщеніемъ и извѣстною долею общихъ доходовъ, которую они получаютъ до женитьбы. Въ 1838 г. въ различныхъ колледжахъ Оксфорда, въ томъ числѣ и въ Балліолѣ, освободилось сразу четыре вакансіи fellows; Джоуиттъ рѣшился попытать счастья въ состязательномъ испытаніи—и выдержалъ его съ полнымъ успѣхомъ; это былъ случай, почти безпримѣрный въ лѣтописяхъ колледжа, такъ какъ до тѣхъ поръ, за исключеніемъ Джоуитта, всего только одному студенту, не имѣвшему никакой ученой степени, удалось когда-то выдержать такой экзаменъ. «Вотъ каково наше дитя!» сказалъ глава колледжа одному изъ 29-ти кандидатовъ, провалившихся на конкурсѣ; товарищи съ торжествомъ отвесли юнаго побѣдителя домой на рукахъ. Онъ сталъ теперь получать 200 фунтовъ годового дохода и могъ жить спокойно, отдавая все свое время научнымъ занятіямъ.

Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ онъ, вмѣстѣ съ Стэнли, посѣтилъ Германію, гдѣ, между прочимъ, участвовалъ въ съѣздѣ филологовъ въ Дрезденѣ, изучалъ Канта и Гегеля, видѣлъ Шеллинга, котораго онъ считалъ «болѣе поэтомъ, чѣмъ философомъ, болѣе гениемъ, чѣмъ характеромъ», и Неандера, и ревностно занимался еврейскимъ языкомъ. Въ 1847 г. онъ началъ читать лекціи о «Республикѣ» Платона. Это было началомъ его почти полувѣковой ученой дѣятельности, въ продолженіе которой ему удалось оживить въ Оксфордѣ изученіе греческой литературы и философіи и напечатать цѣлый рядъ образцовыхъ переводовъ Платона, Аристотеля и Фукидида, съ подробными объясненіями и примѣчаніями. Этотъ обширный трудъ, въ которомъ Джоуиттъ особенно заботился о возможно большемъ литературномъ совершенствѣ, былъ исполненъ имъ почти исключительно во время университетскихъ вакацій: въ учебное время онъ всецѣло отдавалъ всѣ свои часы занятіямъ съ молодыми людьми, ввѣренными его тьюторскимъ попеченіямъ. Его педаго-

тическая дѣятельность началась въ 1848 г., и уже первые ученики молодого тьютора испытали на себѣ всю его энергію: онъ составлялъ для нихъ учебные планы, поправлялъ и критиковалъ ихъ работы, обращая особенное вниманіе на правильность и изящество стила, придумывалъ для нихъ оригинальныя задачи и т. д. При этомъ онъ не щадилъ ихъ рабочей силы. Онъ говорилъ, что одна только ученость, стѣсняющая свободу и эластичность мысли, безъ всякаго участія фантазіи, приноситъ только вредъ; но отъ тѣхъ учениковъ, въ которыхъ онъ видѣлъ задатки даровитости, онъ требовалъ очень многого. Занятія въ его классѣ продолжались не болѣе пяти часовъ въ сутки, но въ продолженіе этого времени ученики должны были работать съ напряженнымъ, ни на минуту не ослабѣвающимъ, вниманіемъ.

Но этотъ же самый человѣкъ, который вовсе не казался мягкосердечнымъ и всегда сохранялъ саркастическій тонъ, не жалѣлъ своихъ силъ на доброе участіе къ нуждамъ молодежи и на помощь своимъ ученикамъ въ разныхъ житейскихъ затрудненіяхъ. Его двери до глубокой ночи были открыты для студентовъ; онъ положительно не зналъ другой заботы, кромѣ заботы объ ихъ благополучіи, и въ случаѣ надобности умѣлъ ихъ отстаивать. Они скоро сознали, какъ много значить для нихъ этотъ скромный, неразговорчивый, строгій тьюторъ, и въ Балліолѣ установился своего рода «культъ Джоуитта». Однимъ изъ его особенныхъ любимцевъ и почитателей былъ сэръ Б. Моріеръ, умершій въ 1893 г. англійскимъ посломъ въ Петербургѣ и пользовавшійся общими симпатіями за свои выдающіяся дарованія и остроуміе. Учитель и ученикъ въ продолженіе цѣлыхъ 45 лѣтъ находились въ постоянной перепискѣ, и Моріеръ любилъ рассказывать, какъ Джоуиттъ заставлялъ его работать и какъ много онъ ему обязанъ. Другой его ученикъ, Бродерикъ, стоящій теперь во главѣ Мертонскаго колледжа, въ Оксфордѣ, послѣ смерти учителя высказалъ, что его героическое самоотверженіе никѣмъ еще не было оцѣнено по достоинству и что его рабочей кабинетъ былъ вышею школою для лучшихъ людей Англій въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Во время каникулъ, на дачѣ, онъ почти такъ же регулярно работалъ съ постоянно окружавшими его студентами, какъ и въ Оксфордѣ; если между этими студентами бывали люди нуждающіеся,—они смѣло могли рассчитывать на его матеріальную поддержку. Впослѣдствіи, когда его доходы увеличились, онъ пожертвовалъ колледжу довольно крупныя суммы на расширеніе ея зданій и на устройство площадей для игръ.

Собственной дѣятельностью онъ никогда не былъ вполне доволенъ. «Когда я встрѣчаю въ колледжѣ или въ университетѣ людей, которымъ я, при умѣломъ пользованіи своимъ временемъ и силами, могъ бы принести пользу, направивъ ихъ къ чему-нибудь доброму, мною овладѣваетъ тягостное чувство ответственности за этихъ людей», писалъ онъ въ 1864 г. Бывали минуты, когда этотъ полный энергіи человѣкъ начиналъ сомнѣваться въ своей способности довести до конца вѣренное

ему педагогическое дѣло, которому онъ отдавалъ всѣ свои силы. Когда его лучший другъ, вестминстерскій деканъ Стэнли, женился на одной изъ придворныхъ дамъ и сталъ уговаривать Джоуитта послѣдовать его примѣру, послѣдній категорически заявилъ, что разлука съ колледжемъ для него—дѣло совершенно невысказанное. «Никогда не покину я Балліола», со слезами говорилъ онъ, когда его друзья предложили ему 2000 фунтовъ вознагражденія за то, что его противники лишили его на дѣлный годъ содержанія профессора греческаго языка, обвинивъ его въ религіозномъ вольнодумствѣ...

Джоуиттъ уже 28 лѣтъ учительствовалъ въ своемъ колледжѣ, когда его избрали на должность ея «мастера» или начальника, въ 1870 г. Съ этого времени онъ началъ убѣждаться, что «жизнь внѣ общества есть жизнь только наполовину», и что «мы только тогда можемъ служить человечеству, когда станемъ вращаться среди него». Онъ сдѣлался близкимъ другомъ поэта Теннисона и сталъ болѣе или менѣе часто посѣщать своихъ бывшихъ учениковъ и ихъ семейства, какъ напр. герцога Бедфорда, г-жу Кроссъ (извѣстную подъ псевдонимомъ Джорджа Эллиота), лорда Розберри, Лекки и многихъ другихъ, имена которыхъ въ Англіи пользуются почетною извѣстностью. «Намъ слѣдуетъ быть гостепріимными», говаривалъ онъ своему старому слугѣ, сынъ котораго, подъ его руководствомъ, сдѣлался отличнымъ эллинистомъ. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе подъ его гостепріимнымъ кровомъ доставляло его друзьямъ большое удовольствіе. Онъ умѣлъ также хорошо рассказывать анекдоты и не прочь былъ иногда пошутить. Онъ писалъ одной дамѣ, что поэтъ Роджерсъ сказалъ однажды Фоксу: «Какъ пріятно въ лѣтній день лежать въ травѣ съ книгой!—«Отчего же съ книгой?» спросилъ Фоксъ. Онъ подшучивалъ надъ американской дамой, у которой хватить мужества разстаться съ чѣмъ угодно, только не съ своимъ багажемъ и надъ старой шотландской помѣщицей, которая ждала къ себѣ въ гости ученаго профессора изъ Кембриджа и выискивала въ словарѣ самыя длинныя слова, чтобы въ разговорѣ съ нимъ показать свою образованность. Джоржъ Эллиотъ, которую онъ хорошо зналъ, производила на него грустное впечатлѣніе: «Вѣдная женщина!» говорилъ онъ: «она признавалась мнѣ, что ей очень бы хотѣлось написать что-нибудь въ пользу женщинъ, но этому помѣшали событія ея собственной жизни. Она часто говорила мнѣ, что безъ Льюиса она никогда ничего не написала бы». Въ своихъ сужденіяхъ о политическихъ дѣятеляхъ и выдающихся представителяхъ науки онъ отличался полною независимостью. Онъ собиравался писать противъ Дарвина, не признавая за его теоріей того значенія, какое придавалось ей большинствомъ ученыхъ. О Рескинѣ онъ говорилъ, что этотъ писатель на мѣсто великаго ставитъ малое, и что въ этомъ заключается большое зло для искусства. О Теннисонѣ онъ отзывался съ большой любовью «это—такой человекъ», говорилъ онъ, «послѣ бесѣды съ которымъ всякій разъ чувствуешь себя лучшимъ, чѣмъ былъ». Его переписка съ

разными выдающимися современниками о религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ и литературныхъ вопросахъ, собранная біографами, представляетъ большой интересъ.

Какъ глава Балліольскаго колледжа и вполѣдствіи, временно, вице-канцлеръ Оксфордскаго университета, Джоунтъ не переставалъ жертвовать всѣмъ своимъ временемъ и всѣми своими силами и знаніями на пользу горячо любимой имъ молодежи, и только тяжелая болѣзнь, постигшая его въ 1891 г., заставила его прекратить на время свои усердныя научныя и педагогическія занятія. Онъ всегда считалъ себя хранителемъ сокровищъ античной мудрости, въ которой онъ видѣлъ необходимое условіе правильнаго христіанскаго самопознанія. «Платонъ есть основной источникъ высокихъ мыслей», пишетъ онъ, — «и его вліяніе никогда не должно исчезать изъ исторіи человѣчества... Я вовсе не алармистъ, но склоняюсь къ тому мнѣнію, что если мы не соединимся для того, чтобы противо-дѣйствовать исключительному господству естествознанія, то отъ этого равнодушія пострадаетъ характеръ самой науки, ибо всѣ высшія духовныя идеи и потребности будутъ заглушены вліяніемъ непосредственныхъ чувственныхъ впечатлѣній». Это міросозерцаніе онъ горячо защищалъ въ своихъ лекціяхъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ и старался всегда проводить его въ жизнь. Онъ не былъ ни философомъ, ни метафизикомъ; его богословскія изслѣдованія не возвышались надъ уровнемъ посредственности; даже главный его трудъ, — ученые комментаріи и изданія сочиненій двухъ величайшихъ мыслителей классической древности, — не наполнялъ собою всей его жизни. Онъ былъ прежде всего учителемъ, совѣтникомъ и помощникомъ учащейся молодежи; онъ говорилъ: «Тотъ, кто дѣйствуетъ и трудится среди молодыхъ людей, пріобрѣтаетъ любовь, значительно превышающую его заслуги». Подобно Меланхтону, съ которымъ онъ имѣлъ много общаго въ характерѣ, онъ могъ бы сказать о себѣ и о себѣ подобныхъ: «Мы всю жизнь провели въ школѣ и на своемъ мѣстѣ сдѣлали все, что могли. Нѣкоторымъ людямъ наши труды были полезны, и, смѣю надѣяться, никому не принесли вреда». А одинъ изъ представителей воспитанныхъ имъ поколѣній выражается о немъ, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей: «Онъ былъ Сократомъ нашей юности».

Письма изъ провинціи.

(Изъ Тамбова).

Публичныя народныя чтенія въ г. Тамбовѣ и отношеніе къ нимъ населенія.

Съ 1890 г. начались въ г. Тамбовѣ публичныя чтенія. Инициаторомъ ихъ явился, какъ видно изъ отчета объ этихъ чтеніяхъ за 1890—1893 г., преподаватель гимназіи М. Т. Поповъ, обратившійся въ декабрѣ 1889 г. къ мѣстному сановному «меценату» Э. Д. Нарышкину «съ просьбой пожертвовать 300 р. на устройство народныхъ чтеній». Э. Д. Нарышкинъ немедленно пожертвовалъ на это симпатичное дѣло сначала 1000 р., затѣмъ еще 300 р. Составилась комиссія народныхъ чтеній изъ лицъ официального педагогическаго персонала. На первое время, однако «большинство посѣтителей составляли ученики гимназіи и реального училища, которыхъ привлекало участіе въ чтеніяхъ ихъ преподавателей», какъ гласилъ отчетъ. «Отсутствіе на первыхъ чтеніяхъ простого народа объясняется тѣмъ, что, не смотря на афиши, многіе еще не успѣли узнать о нихъ, а другіе на первыхъ порахъ относились къ нимъ недовѣрчиво, не допускали даже мысли, чтобы для простого народа стали устраивать бесплатныя «развлеченія»... Фактъ довольно характерный для провинціи.

Что отсутствіе умственныхъ запросовъ не имѣло мѣста, доказывается дальнѣйшей исторіею чтеній. «Чтобы распространить извѣстіе о нар. чтеніяхъ въ средѣ простого народа, распорядитель послалъ 100 билетовъ на 3-е чтеніе въ городскія школы для раздачи ученикамъ; эта мѣра подѣйствовала, и, начиная съ 4-го чтенія, число посѣтителей уже превышало количество мѣстъ въ залѣ *) и приходилось даже отказывать желающимъ попасть на чтенія; дошло даже до того, что администрація нар. чт. сочла нужнымъ запретить ученикамъ гимназій и реального училища посѣщать чтенія, чтобы не лишать возможности слушать чтенія простой народъ, для котораго чтенія спеціально были устроены».

Посѣтивши чтенія, Э. Д. Нарышкинъ убѣдился, что потребность въ

*) Гимнастическая зала мужской гимназіи, гдѣ первоначально происходили чтенія.

нихъ среди народа дѣйствительно очень велика, что жизнь требуетъ расширенія дѣла. «Лично я могъ убѣдиться—писаль Э. Д. Нарышкинъ мѣстному городскому головѣ,—съ какимъ интересомъ относится «сѣрая публика» къ содержанію читаемыхъ ею брошюръ, такъ что благодаря публичнымъ чтеніямъ съ туманными картинами народъ приобрѣтаетъ полезныя знанія, и въ немъ развивается охота къ чтенію».

Въ виду этого Э. Д. Нарышкинъ предпринялъ грандіозное дѣло: на собственныя средства, какъ я уже писалъ прошлый разъ, построилъ огромное зданіе народной аудиторіи, обошедшееся въ 100—150 тыс. руб. и пожертвовалъ сумму въ 200 т. р. для обезпеченія дальнѣйшихъ судьбъ хорошаго дѣла.

Какъ стало развиваться послѣ постройки новой аудиторіи дѣло народныхъ чтеній, показываетъ слѣд. таблица:

	Число чтеній.	Общее число слушателей.	Въ среднемъ на 1 чтеніе.
1890 г. 1-е полуг.	12	4,880	406
» 2-е »	10	4,520	452
1891 г. 1-е »	12	5,400	450
» 2-е »	11	4,988	453
1892 г. 1-е »	12	4,667	389
» 2-е »	14	9,210	658
1893 1-е »	21	12,303	586

Со второго полугодія 1892 чтенія стали происходить въ новой аудиторіи.

Въ дальнѣйшемъ, казалось, дѣло должно было еще болѣе развиваться, стать на болѣе твердую почву. Съ 1893—4 года вмѣсто прежней малолюдной «комиссіи» начинаетъ завѣдывать дѣломъ цѣлое «Общество народныхъ чтеній» съ правильной организаціей, съ выработаннымъ и утвержденнымъ уставомъ. Однако, картина посѣщаемости чтеній становится все менѣе и менѣе благопріятной. Вотъ соответственныя цифровыя данныя:

	Число чтеній.	Посѣтителей.	Въ средн. на 1 чт.
189 ³ / ₄ г.	71	45,558	642
189 ⁴ / ₅ г.	84	52,385	635
189 ⁵ / ₆ г.	89	51,170	575
189 ⁶ / ₇ г.	91	52,335	575

Все время замѣчается уменьшеніе средняго числа посѣтителей на 1 чтеніе; особенно замѣтно паденіе цифры за 189⁵/₆ и 189⁶/₇ г. сравнительно съ предыдущими. Но даже высшая цифра этого четырехлѣтія—642 (въ первомъ изъ разсматриваемыхъ годовъ) меньше, чѣмъ среднее

число посѣтителей въ первое полугодіе послѣ отстройки зданія—658 человекъ (во второй половинѣ 1892 г.). Чѣмъ же объяснить это обстоятельство?

Дѣло, думается намъ, въ томъ, что организаторы дѣла, увлекшись вѣдшею стороною, эффектною обстановкою чтеній, перестали заботиться объ улучшеніи ихъ внутренней, качественной стороны, забывши мудрую русскую пословицу, которая гласитъ, что «не красна изба углами, красна пирогами». Эволюція произошла очень быстро. Еще въ 1893 г. въ отчетѣ, уже цитированномъ нами, можно было прочесть тономъ сожалѣнія написанныя слова: «До сихъ поръ коммиссія не имѣла возможности руководиться какой либо системою при выборѣ брошюръ для чтеній, потому что брошюры и картины къ нимъ выписывались изъ Москвы отъ Моск. коммиссіи нар. чтеній, а такъ какъ она отпускаетъ брошюры и картины не только въ Тамбовъ, но и во многіе другіе города, то понятно, что приходилось брать не то, что было нужно, а то, что въ данную минуту было свободно». Далѣе отчетъ подавалъ надежду на измѣненіе этого порядка, на систематизацію чтеній. «Въ настоящее время — читаемъ мы на стр. 12 отчета — коммиссія имѣетъ возможность внести въ чтенія большій порядокъ»...

Однако, этой «возможностью организаторы чтеній не воспользовались. Въ теченіе 189¼ г. чтенія велись по прежнему безъ всякой системы. За чтеніемъ объ Ал—дрѣ Невскомъ слѣдовали «Наши завоеванія въ средней Азіи», затѣмъ «Взрывъ турецкаго броненосца», а послѣ него «Нашествіе татаръ», смѣнявшееся «Милостью Божіей надъ царемъ, явленной 17 окт. 1888 г.» и т. п. Кромѣ того, бросалась въ глаза чрезмѣрная односторонность въ подборѣ брошюръ: такъ, напр., изъ 71 нар. чтенія (въ томъ числѣ 27 повторныхъ) только два было по естествознанію: «О теплѣ и воздухѣ» и «О томъ, какого вида земля и какъ она велика».

Правленіе об—ва нар. чтеній на этотъ разъ уже не оправдывалось никакими посторонними обстоятельствами и не обѣщало систематизированья чтеній въ будущемъ. На этотъ разъ оно уже отрицало «системы» въ принципѣ. Оно въ отчетѣ за 189¼ г. само сознается, что «въ назначеніи чтеній не руководилось строгой системою» (не только строгой, а никакой—прибавимъ отъ себя мы). Но, — «по мнѣнію правленія, народныя чтенія при ихъ перемѣнной аудиторіи имѣютъ цѣлью только заинтересовать народъ книгой, воспитать въ немъ охоту къ чтенію, а не сообщать ему систематическій курсъ какихъ либо наукъ». Увлекаясь своей аргументаціей, правленіе даже утверждало, что системы «въ смыслѣ строгой внутренней связи» между принадлежащими разнымъ авторамъ брошюрами «нѣтъ и быть не можетъ» (стр. 20).

Такъ какъ, однако, не всѣ члены общества соглашались съ такимъ взглядомъ, то вопросъ о систематизаціи чтеній пришлось сдать для работы въ особую коммиссію, такъ наз. «редакціонную».

Въ редакціонной коммиссіи обѣ точки зрѣнія опредѣлились съ доста-

точною полнотою. «Одни находили, что система необходима, народныя чтенія имѣютъ свою цѣлью развитіе народа, его образованіе. Всякое образованіе возможно только въ системѣ. Какое представленіе могутъ составить себѣ слушатели о значеніи Іоанна Ш, не зная ни о дробленіи на уѣблы, ни о собираніи земли, какое впечатлѣніе могутъ они вынести о преемникахъ Петра, не слыхавъ ничего о самомъ Петрѣ? Поэтому необходимо дать послѣдовательный рядъ чтеній, которыя бы ясно обрисовали передъ слушателями ту или другую эпоху, ту или другую область науки. Видя для себя главное возраженіе въ томъ, что слушатели на чтеніяхъ постоянно мѣняются, они высказывали ту мысль, что извѣстная часть слушателей постоянна и что эти-то слушатели заслуживаютъ внимательнаго отношенія къ нимъ, которое можетъ выразиться только въ приведеніи въ порядокъ чтеній» *).

То же мнѣніе защищала и мѣстная газета, взывая къ самолюбію заправиль общества и указывая, что только предъявляя болѣе серьезныя требованія къ народнымъ чтеніямъ, «нарышкинскія учрежденія до нѣкоторой степени оправдаютъ названіе *народнаго университета*, какъ окрестила ихъ въ настоящее время народная молва» **).

Однако большинство коммисіи осталось вѣрнымъ правленію и однажды высказанному послѣднимъ мнѣнію. Оно утверждало, что «задача народныхъ чтеній состоитъ *не въ образованіи* ***) слушателей, это имъ (слушателямъ?) не подѣ силу;—главная цѣль ихъ—дать разумное, здоровое *развлеченіе* отдыхающему народу, и въ лучшемъ своемъ стремленіи приохотить къ чтенію, показать ему, что такое говорится въ книгахъ, которыя онъ можетъ найти хоть бы во вновь открытой народной читальнѣ. Народныя чтенія—это первая ступень къ пробужденію у народа любознательности и по тому уже самому они должны отнюдь не специализироваться въ отдѣльные циклы, а, напротивъ, быть какъ можно разнообразнѣе: одного слушателя можетъ заинтересовать одна часть знаній, другого — совершенно другая. Да и самый матеріалъ для народныхъ чтеній приспособленъ для такого рода чтеній. Каждая брошюра представляетъ собою цѣльный, связанный рассказъ. Всѣ предъидущія событія, которыя нужны для пониманія того или другого факта, непременно упомянуты въ началѣ брошюры. Притомъ брошюры принадлежатъ самымъ разнообразнымъ авторамъ, онѣ подѣ часъ трактуютъ одинъ и тотъ же сюжетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, приводя такимъ образомъ въ систему эти чтенія, мы рискуемъ систематизировать только названія. Переходя же къ имѣющемуся на лицо матеріалу, мы должны сказать, что только чтенія историческія и отчасти географическія можно подвести хотя бы подѣ такую вышнюю систему, и систематизаторамъ придется

*) Отчетъ за 189¼ г. стр. 44

**) Передовица отъ 10 янв. 1895 г.

***) Курсивъ здѣсь, какъ и далѣе, нашъ.

изъ году въ годъ повторять одни и тѣ же чтенія, или волей-неволей отказаться отъ системы. Поэтому коммиссія полагаетъ, что системы въ чтеніяхъ установить невозможно» *). Конечно, сдѣлать такое постановленіе было гораздо легче, чѣмъ поработать надъ приведеніемъ въ порядокъ чтеній...

Вопросъ этотъ имѣетъ столь важное и принципиальное значеніе для дальнѣйшаго развитія дѣла, что мы позволимъ себѣ остановиться на немъ подробнѣе. Это тѣмъ болѣе кажется намъ необходимымъ, что въ цитированномъ нами отчетѣ одна точка зрѣнія изложена чрезвычайно подробно, тщательно и детально, тогда какъ другая лишь намѣчена въ общихъ чертахъ, такъ что ея изложеніе даже мѣста занимаетъ ровно вдвое менѣе. Симпатіи составителя отчета, лежація на сторонѣ защитниковъ безсистемности, проглядываютъ слишкомъ ясно, въ ущербъ безпристрастію изложенія...

Разсужденія на ту тему, что народныя чтенія можно разсматривать лишь какъ преддверіе народной читальни, а не какъ что-то самостоятельное, нельзя считать достаточно убѣдительными въ силу многихъ причинъ. Во первыхъ, въ предѣлахъ губерніи, вѣроятно, найдутся даже такіе пункты, гдѣ народныхъ читаленъ не существуетъ. Во вторыхъ, есть цѣлый разрядъ слушателей — именно, слушатели безграмотные и малограмотные—для которыхъ народныя чтенія являются единственнымъ средствомъ расширить умственный кругозоръ **). Особенно много тѣхъ и другихъ должно быть въ сельскихъ пунктахъ народныхъ чтеній, затѣмъ въ уѣздныхъ городахъ ***) да полагаю, что найдутся такіе и въ Тамбовѣ. Въ третьихъ, у многихъ представителей рабочаго люда нѣтъ времени на систематическое посѣщеніе народной читальни, гдѣ, къ тому же, они остаются безъ руководства, какъ читать «въ системѣ», если имъ не показать наглядно необходимой системы на народныхъ чтеніяхъ. Наконецъ, въ четвертыхъ, тамбовское общество устраиваетъ чтенія для нѣкоторыхъ специальныхъ разрядовъ слушателей, напр., для учащихъ въ городскихъ школахъ и для нижнихъ чиновъ мѣстнаго гарнизона. Здѣсь ужъ, несомнѣнно, всѣ аргументы, прицѣпленные къ положенію о «непостоянствѣ состава» отпадаютъ. Вотъ нѣсколько основаній, вполне

*) Отчетъ за 189⁴/₅ г., стр. 44—45.

**) Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ правильной статистики посѣтителей чтеній, и потому мы не можемъ даже приблизительно опредѣлить, какой % общаго числа составляютъ безграмотные и какой—малограмотные.

***) Кстати, приведемъ фактъ, показывающій, что потребность въ систематизаціи чтеній въ уѣздахъ назрѣла. Въ 1894—5 г. комитетъ народныхъ чтеній при Лебедянскомъ об—вѣ любителей музыкальнаго и драматическаго искусства обратился къ тамбовскому об—ву съ просьбой при высылкѣ иллюстрированныхъ чтеній придерживаться какой либо системы: или своей или выработанной комитетомъ. Отчетъ съ сожалѣніемъ констатируетъ безуспѣшность этой просьбы.

достаточныхъ для того, чтобы придать народнымъ чтеніямъ характеръ полной самостоятельности, связности, цѣльности и законченности.

Обратимся къ остальнымъ аргументамъ защитниковъ «живописнаго безпорядка» въ расположеніи народныхъ чтеній.

Второй аргументъ гласить: что каждая отдѣльная брошюра для чтеній составлена такъ, что сама по себѣ производитъ вполне законченное впечатлѣніе. Мыслимо-ли однако себѣ представить, чтобы брошюрка, составляющая отрывокъ изъ цѣлой области знанія, и рассчитанная на два-три часа чтенія, могла бы «въ началѣ» содержать все болѣе элементарныя свѣдѣнія, необходимыя для уясненія существеннаго своего содержанія? Это не достижимо даже при самомъ идеальномъ выполненіи брошюръ, а качества брошюръ, разрѣшенныхъ для нар. чтеній въ то время, отстояли отъ идеала очень далеко.

Третій аргументъ: намъ указываютъ, что не можетъ быть внутренней связи между брошюрами, написанными разными авторами и съ разныхъ точекъ зрѣнія. Что это значить? Да развѣ рѣчь идетъ о систематизаціи публицистическихъ этюдовъ и политическихъ памфлетовъ, вся суть которыхъ въ различныхъ, другъ друга исключающихъ, «точкахъ зрѣнія»? Или о какихъ нибудь отвлеченныхъ философскихъ теоріяхъ? Трудно повѣрить, что говорится о передачѣ народу элементарнѣйшихъ научныхъ свѣдѣній и фактовъ по исторіи, естествознанію и географіи, изложенныхъ въ самой простой и популярной формѣ.

Четвертый аргументъ: «только чтенія историческія и отчасти географическія можно подвести хотя бы подъ внѣшнюю систему». Конечно, всякій баронъ имѣетъ право на свою особую фантазію. Нельзя и педагогамъ просвѣтительнаго общества запретить думать, что передъ чтеніемъ о теплѣ и воздухѣ хорошо почитать о жизни растенія, а передъ чтеніемъ о шаровидности земли повѣдать исторію открытія Америки. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, спорить съ людьми, отрицающими ту аксіому, что система есть душа всякой науки и всякой популяризаціи, что безъ системы можно читать лишь по беллетристикѣ, да и то не совсѣмъ?

Наконецъ, все завершается пятымъ и послѣднимъ аргументомъ, вѣнцомъ всей аргументаціи: «систематизаторамъ придется или изъ года въ годъ повторять одни и тѣ же чтенія, или волей-неволей отказаться отъ системы». Безъ всякихъ доказательствъ декретируется, что при системѣ почему то скорѣе будетъ исчерпанъ весь матеріалъ разрѣшенныхъ чтеній и потому придется повторяться преимущественно передъ безсистемнымъ веденіемъ дѣла. Простой здравый смыслъ говорить, что выборъ между разнообразіемъ и повтореніями зависитъ отъ количества разрѣшенныхъ чтеній, а не отъ способа ихъ расположенія,—по внутренней связи или по наитію Святого Духа. Но комиссія рѣшила иначе. Замѣтимъ также, что нельзя принимать число разрѣшенныхъ чтеній за неподвижную величину. Хоть и медленно, оно постепенно возрастаетъ. Напр. недавно еще были разрѣшены для публичныхъ чтеній всѣ книги, допущен-

ныя въ школьныя бібліотеки низшихъ народныхъ училищъ. И—кстати сказать—общество народныхъ чтеній до сихъ поръ почти не воспользовалось этимъ разрѣшеніемъ.

Втеченіи послѣдующихъ годовъ, когда въ составѣ общества народныхъ чтеній произошло раздѣленіе на двѣ группы—на большинство противниковъ дальнѣйшаго расширенія и качественного измѣненія дѣятельности общества и меньшинство сторонниковъ дальнѣйшихъ шаговъ на этомъ пути—вопросъ о систематизаціи чтеній или прибавленіи къ прежнимъ, несистематическимъ, какихъ нибудь новыхъ, представляющихъ связныя циклы—поднимался неоднократно и до настоящаго времени вѣчно проваливался *). По всей вѣроятности, ему суждено опять выплыть на поверхность послѣ недавняго опыта съ опросомъ посѣтителей народныхъ чтеній.

Опросъ этотъ состоялся по инициативѣ одного изъ членовъ общества, П. П. Смирнова, исходившаго въ своемъ докладѣ правленію изъ тѣхъ соображеній, что «составъ слушателей въ народной аудиторіи, при видимой подвижности, несомнѣнно заключаетъ постоянные элементы, и они то особенно цѣнны. Сохранить постоянныхъ посѣтителей, сдѣлать болѣе плодотворнымъ посѣщеніе ими чтеній очень важно. А для этого необходимо прислушаться къ голосу аудиторіи и принять въ расчетъ ея запросы».

Это еретическое мнѣніе, хотя и не безъ борьбы, одержало побѣду. Но было сдѣлано, кажется, все, чтобы свести на нѣтъ реальное значеніе опроса. Принятое въ принципѣ общимъ собраніемъ предложеніе было передано въ редакціонную комиссію лишь для разработки, но вмѣсто этого встрѣтило и тамъ цѣлый рядъ чисто-принципальныхъ возраженій. Наконецъ, было рѣшено произвести опросъ, но за то программа, предложенная П. П. Смирновымъ, была до крайности урѣзана. Кромѣ обычныхъ вопросовъ о занятіи, сословіи и лѣтахъ, оставлено было лишь два вопроса: «понравилось ли нынѣшнее чтеніе» и «все ли понятно». Между тѣмъ планъ П. П. Смирнова былъ гораздо болѣе широкій. Ему хотѣлось задать посѣтителямъ цѣлый рядъ вопросовъ—понравилось ли чтеніе, и если да, то чѣмъ именно; все ли въ немъ понятно и если нѣтъ, то что именно понятно, какія изъ ранѣ слышанныхъ чтеній понравились, какія не понравились, и чѣмъ именно, о чемъ еще хотѣлось бы слышать на чтеніяхъ и часто ли вообще отвѣчающій бываетъ на чтеніяхъ (чтобы отличить постоянные элементы отъ случайныхъ).

Особенно вопросъ о томъ, какія именно чтенія *не понравились*, прежде всего *не понравился* правленію и комиссіи. Урѣзавши до minimum'a программу опроса, комиссія рѣшила произвести опросъ не на *типичныхъ*, т. е. среднихъ чтеніяхъ, или на противоположныхъ—луч-

) Исторія долгой и упорной борьбы на этой почвѣ я описываю въ «Русскомъ Богатствѣ».

эпихъ и худшихъ, какъ предлагалъ П. Смирновъ, а на трехъ *лучшихъ* по содержанію и, къ тому же, обставленныхъ лучшими силами читальни. Врядъ ли не слѣдуетъ отсюда заключить, что со стороны большинства комиссіи имѣло мѣсто стремленіе зажать уши отъ всякой критики, искусственно добиться благопріятнаго результата.

Обратимся теперь къ результатамъ трехъ опросовъ: первый изъ нихъ произведенъ былъ на чтеніи историческаго характера («Іоанъ III» А. Н. Майкова), второй—религіознаго («Іуда Маккавей» и «Товить» Пуцковича) и третій—литературнаго («Бѣдность не порокъ» Островскаго).

Сначала возьмемъ цифровыя данныя. Всего роздано было въ три раза 3470 листовъ, вернулось 366, т. е. нѣсколько болѣе 10%. Изъ этого числа мужчинамъ было роздано 2098, а вернулось отъ нихъ 265 или свыше 12%, женщинамъ роздано 1372, вернулось 101, или свыше 7%.

Громадное большинство отвѣтившихъ оказалось принадлежащими къ мѣщанскому и крестьянскому сословіямъ: изъ 324 указавшихъ свое словіе первыхъ 137, нѣсколько болѣе 42%, послѣднихъ 128 или свыше 39%, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, слѣдовательно, приблизительно 82%. Далѣе слѣдуютъ дворяне—29 (9%), купцы и почетные граждане—16 (почти 5%) и совершенно незначительныя кучки духовныхъ и нижнихъ чиновъ. Это распредѣленіе почти одинаково среди мужчинъ и женщинъ.

Что касается распредѣленія по занятіямъ, то среди мужчинъ первое мѣсто занимаетъ группа ремесленниковъ, мастеровыхъ, рабочихъ: изъ 231 давшихъ объ этомъ свѣдѣнія—139, или 60%; затѣмъ слѣдуютъ учащіяся—35 (болѣе 15%), купцы, торговцы и приказчики 26 (11%). Далѣе идутъ мелкія группы чиновниковъ (10), лицъ свободныхъ профессій (6), «домашнихъ занятій» или «безъ опредѣленныхъ занятій», прислуга и даже 1 живущій благотворительностью. Среди женщинъ, напротивъ, первыя два мѣста заняты учащимися—33 (39%) и занимающимися «домашнимъ хозяйствомъ»—30 (36%), затѣмъ уже мастерицы—15 (18%), а далѣе прислуга (4) и торговка—(1).

Раздѣленіе отвѣчавшихъ по возрастному составу проще всего будетъ представить въ таблицѣ:

	Мужч.	Женщ.	Всѣхъ.
Моложе 15 лѣтъ . . .	51	32	83
Отъ 15 до 30 лѣтъ .	136	36	172
Старше 30 лѣтъ . . .	53	25	78
Итого	240	93	333

Теперь перейдемъ собственно къ отзывамъ, сначала благопріятнымъ, которыхъ оказалось, разумѣется, большинство. Прежде всего оказывается, что слишкомъ лаконически выраженный комиссіей вопросъ оказался для многихъ непонятнымъ. «Понравилось ли *чтеніе*»—дѣйствительно, вопросъ двусмысленный: его можно понять не въ смыслѣ вопроса о *содержаніи* читаемаго, а вопроса о самомъ чтеніи, какъ процессѣ—дикціи

чтеца. Что многие такъ и понимали, видно изъ нѣсколькихъ болѣе мотивированныхъ отвѣтовъ. Такъ, одному мастеровому чтеніе брошюры объ Іоаннѣ III «понравилось правильностью его и прозрачностью голоса», другому тоже «понравилось, потому что читалъ хорошій читатель». «Очень хорошо—писать третій—все было слышно до слова». За прачку пишетъ кто-то интеллигентнымъ почеркомъ: «рѣчь лектора чрезвычайно красива, плавна и вполне понятна; впечатлѣніе отъ чтенія очень хорошее». «Очень понравилось, и вечернее лучше читалъ; а днемъ г. чтецъ спѣшили...» Въ виду этого трудно оцѣнить массу короткихъ отзывовъ: «понравилось», «очень понравилось», «благодаримъ», «хорошо и прилично» и т. п.

Обратимся къ мотивированнымъ отвѣтамъ. Ихъ не очень много, потому что коротенькіе вопросы комиссіи не требуютъ мотивировки; немудрено, что мотивировали свои отвѣты очень немногіе, сами особенно жаждавшіе излить свои впечатлѣнія письменно.

Пятеро слушателей изъ простонародья пишутъ, что чтеніе понравилось, какъ всякое историческое. «Подобнаго рода чтенія есть правоучительныя вещи», пишетъ молодой торговецъ; «понравилось вслѣдствіе того, что преподаетъ знаніе жизни русскаго народа и царей прежнихъ временъ»; «историческій разсказъ всѣхъ интересуетъ», ручается рыбный торговецъ. Серьезностью и искренностью проникнуты слѣдующія слова 35-лѣтней горничной: «Я очень люблю, когда читаютъ о государяхъ по землѣ. Я хожу не изъ удовольствія, но мнѣ хочется знать все больше и больше». «Читаемое понравилось»—заявляетъ военный писарь: а также читающій хорошо прочелъ, со всѣми выраженіями, чѣмъ далъ понятіе о читаемомъ. Не мѣшало бы читать и объяснять изъ историческаго и современнаго матеріала, а также желательно было бы слышать: объ освобожденіи крестьянъ, о тѣхъ лишеніяхъ, которыя были пережиты въ крѣпостничествѣ, о томъ достопамятномъ и великомъ днѣ освобожденія и кому этимъ обязаны и проч.». Такимъ образомъ, выражая, вмѣстѣ съ многими другими, свое удовлетвореніе отъ даннаго чтенія и вообще отъ «историческаго матеріала», этотъ слушатель представляетъ переходное звено отъ довольныхъ къ недовольнымъ: хотя его и не спрашивали, онъ самъ высказываетъ свои пожеланія лучшаго. «Хотѣлось бы послушать—продолжаегъ онъ—изъ произведеній Некрасова «Кому живется хорошо на Руси» или «Савраска» Полежаева, «Смерть Сократа» и др. подобныхъ имъ же». «Если можно, приписываетъ онъ сбоку—то прошу прочесть изъ сочиненій Толстого. Дай Богъ улучшенія, ожидаемъ желаемого».

«Понравилось, если бы читали въ первый разъ... Хорошо было бы, если бы чтеніе перемежалось почаще», замѣчаетъ 16-ти лѣтняя мѣщанка. «Чтенія Тамбовской народной читальни нисколько не интересуютъ народъ а именно потому, что читается всѣмъ все извѣстное, читанное, а если и ходитъ народъ, то это единственно только для развлеченія, лишь бы убить время. Тогда только будутъ посѣщать съ любовью народное чте-

ніе, когда будутъ читаться книги, которыя бы образовали человѣка, развили бы его умственные понятія, однимъ словомъ, приносили бы пользу человѣчеству»—это мнѣніе молодого желѣзнодорожнаго служащаго. И онъ не одинъ въ своемъ рѣзкомъ отзывѣ. Въ томъ же родѣ замѣчанія молодого слесаря и одного мѣщанина. «Еще на школьной скамьѣ, говоритъ первый, мы узнали гдѣ Царьградъ лежитъ, и какъ Иванъ III басму топталъ и не сталъ данъ татарамъ платить. А интересно было бы знать, какъ люди сейчасъ живутъ, чему учатся и что предпринимаютъ, чтобы еще лучше жить. Какъ они въ праздники время проводятъ, гдѣ бывають есть ли у нихъ народныя чтенія... Вотъ что интересуегъ нашего брата мастерового».

Еще болѣе рѣзкій отзывъ даетъ молодой крестьянинъ, занимающійся сапожнымъ ремесломъ. «По моему мнѣнію на чтеніяхъ нужно читать что нибудь получше, а не то, что въ настоящее время читается. Что это за чтенія, которыя ничему не учатъ, ничего не разъясняютъ, ни съ чѣмъ не знакомятъ. За рѣдкимъ исключеніемъ во всемъ безмыслица и безсодержательность. Эти чтенія нисколько не способствуютъ отрѣшенію отъ предрасудковъ, суевѣрій и проч., а напротивъ укрѣпляютъ въ этомъ. Однимъ словомъ, идешь на чтеніе, думаешь тебѣ хлѣба дадутъ, а вмѣсто этого камень получаешь, ждешь, что чтенія улучшатся, а они все хуже дѣлаются» (орфографія подлинника исправлена).

«Другое дѣло—продолжаетъ этотъ слушатель, очевидно, читающій газеты,—если бы читали что нибудь научное и въ то же время интересное, какъ вотъ, напримѣръ въ Одессѣ и Харьковѣ, гдѣ книжки читаются очень хорошія, т. е. научныя. Вотъ напримѣръ въ Одессѣ я знаю какія книжки читали: доктора Бурды, Рабочая сила или заразные болѣзни, а у насъ въ этомъ родѣ ничего не читается, но между прочимъ желательно послушать въ указанномъ смыслѣ».

Такъ какъ, даже совершенно независимо отъ вопросовъ, поставленныхъ комиссіей на листкахъ, многіе посѣтители высказывались относительно собственныхъ пожеланій, то П. П. Смирнову удалось добиться на слѣдующіе опросы прибавить новый пунктъ: о чемъ еще хотѣлось бы слышать. Вотъ результаты опроса въ цифрахъ.

Ж е л а ю т ъ:	1-е чт. (случайн. отзывы).	2-е чт.	3-е чт.	Итого.
Литературнаго чтенія . . .	10	26	41	77
Историческаго *).	12	26	27	65
Духовно-нравственнаго. . .	4	37	2	43
Геогр., этногр., путеш. . .	3	3	4	10
Естествовѣдѣніе	4	4	2	10

*) Сюда включены и требованія на описанія различныхъ войнъ или на жизнеописанія полководцевъ и т. п. Впрочемъ, такихъ меньшинство.

Ж е л а ю т ь :	1-е чт. (случайн. отзывы).	2-е чт.	3-е чт.	Итого.
Медицина и гигиена . . .	1	2	—	3
По обществ. вопросам . . .	3	5	4	12
«О чемъ лучше»	1	3	3	7
Довольны читаемымъ . . .	—	10	1	11
Не знаютъ, о чемъ.	—	3	—	3

Итакъ, больше всего спросъ на чтенія литературнаго содержанія, затѣмъ—историческаго, и только далѣе, на третьемъ мѣстѣ, стоитъ спросъ на духовно-нравственное чтеніе. Затѣмъ идетъ спросъ на темы современной жизни, естествовѣдніе и географію; послѣднее мѣсто занимаетъ медицина и гигиена. При этомъ бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Въ то время, какъ на историческомъ чтеніи пожелали духовно-нравственнаго содержанія чтенія всего 4, а на беллетристическомъ—даже 2 (столяръ 52 лѣтъ и мѣщанка 59 л.)—на второмъ чтеніи, такихъ требованій оказалось большинство. Дѣло разъясняется, если мы припомнимъ, что второе чтеніе было «Товитъ» и «Иуда Маккавей». Очевидно, что контингентъ любителей духовно-нравственнаго чтенія—совершенно особый, отдѣльный, не смѣшивающійся съ другими.

Послушаемъ любителей духовно-нравственнаго чтенія. «Чтеніе Иуда Маккавей—божественное чтеніе, своимъ чудеснымъ происшествіемъ можетъ понравиться не только мнѣ, но и другому какому нибудь», пишетъ молодой столяръ. Рѣшительнѣе выражается печникъ 39 лѣтъ, который полагаетъ, что «хорошее чтеніе; подходящее этому, иль про святыхъ мучениковъ, иль про прежнюю жизнь людей, иль подвигъ героевъ и всѣмъ понравится». Школьникъ 11 лѣтъ желаетъ соединять душеполезное съ приятнымъ: «намъ нравится, пишетъ онъ, изъ нравоченій, изъ священнаго писанія и были, только съ картинками, и музыка, чтобъ хорошо играла». «Милостивые государи, чтенцы—обращается молодой столяръ—если возможно, то прочтите, по моему желанію: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя»—«Душевные и сердечные вопли кающагося грѣшника». Одинъ молодой мѣщанинъ, вдохновившись чтеніемъ, даже выражаетъ свое настроеніе стихами:

«Когда бы всякъ, душею ясной,
Понялъ бы вѣру прежнихъ дней,
Онъ плакалъ бы тогда несчастный,
Рыдалъ бы о душѣ своей».

Любители «божественнаго» съ пренебреженіемъ смотрятъ на литературныя чтенія. «Это потѣха молодымъ, замѣчаетъ одинъ недовольный «Вѣдностью не порокъ»: хотя и понятно, но это театральное». Театральное, слѣдовательно грѣховное, суетное, свѣтское—полагаетъ этотъ поклонникъ «духовныхъ и поучительныхъ примѣровъ». Со своей стороны, молодежь выражаетъ недовольство тѣмъ, что нравится ея порицателямъ.

«Отчасти поврвилось, пишетъ 23-хъ-лѣтній мѣщанинъ,—но все это я уже училъ и знаю». «Я всю священную исторію и допрежъ зналъ на память» прибавляетъ въ этому плотникъ 27 л. «Ужь это старое, нельзя ли что нибудь поновѣе»; пишетъ молодой сапожникъ. «Подобныя вещи надѣли мнѣ въ семинаріи...» сообщаетъ слушатель не изъ народа, и его мнѣніе—пишетъ докладчикъ—также является не единственнымъ. Такіе слушатели, повидимому, невнимательны, и вотъ что по этому поводу строчить одинъ изъ любителей «божественнаго»: «Все понятно, если такіе чтецы будутъ всегда читать такъ хорошо, и такое душеполезное чтеніе замреть у всѣхъ на сердцѣ... Сіе чтеніе на всю жизнь останется въ сердцѣ человѣка, который здѣсь слушалъ и благодарность чтецу. Но не нравится одно: масса посѣтителей такихъ, которые подъ столъ пѣшкомъ еще ходятъ. Да еще молодые стрикулисты нашли здѣсь аллею для гулянья». Подробнѣе указывающіе, что именно изъ «божественнаго» хотятъ услышать, называютъ обыкновенно житія популярнѣйшихъ святыхъ; другіе просто просятъ «вообще поинтереснѣе о Божествѣ»; есть и болѣе сознательныя, желающіе систематическаго чтенія по Св. исторіи: «отъ сотворенія міра до потопа жизнь людей, и затѣмъ отъ Ноя и до Рождества Христова и отъ І. Х. до 18-го вѣка хорошо бы слышать» (земледѣлецъ 57 лѣтъ).

Переходимъ къ любителямъ беллетристики. На первый взглядъ здѣсь полная пестрота мнѣній, разныя стадіи литературныхъ вкусовъ, начиная съ рассказовъ «почуднѣе», сказокъ, далѣе соч. Майнъ-Рида и кончая сочиненіями новѣйшихъ беллетристовъ. Одинъ молодой столяръ рекомендуетъ «Бурю въ стоячихъ водахъ», картузникъ—повѣсть Дмитріевой изъ «Вѣстника Европы». Молодой слесарь желалъ бы слышать «объ романахъ съ интересной любовью»; наконецъ, мѣщанинъ съ «неопредѣленными» занятіями ждетъ «рассказовъ юмористическихъ, которые, надѣюсь, и публика одобритъ». Но стоитъ взглянуть поближе, подсчитать цифры, у насъ получится болѣе ясная картина.

I. Классиковъ: Тургенева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Островскаго и т. называютъ	33 л.
II. Писателей народниковъ: Некрасова *), Успенскаго, Златовратскаго, Каролина, Дмитріеву **).	. . . 12 »
III. Сказки былины и т. п.	9 »
IV. Театральное вообще	9 »
V. «Романы» съ захватывающей фабулой ***).	. . . 9 »

*) «Кому на Руси жить хорошо».

**) «О бытѣ крестьянъ Успенскаго» желаетъ молодой мѣщанинъ. Дмитріевой дважды рекомендуется «Учитель Митюха» разными лицами.

***) Видное мѣсто занимаетъ Майнъ-Ридъ; называются еще «романы съ любовью», «романы» просто etc.

VI. Лубочныхъ изданій *)	3 »
VII. «Юмористическаго» чтенія	1 »

Такимъ образомъ, и здѣсь большинство требованій очень разумны и сознательны. Посѣтителъ нарышкинской читальни, поскольку можно судить о немъ изъ опросовъ, умственно выросъ. Неоднократно попадаются заявленія такого рода: «Чтеніе понравилось (это пишетъ ученица 17 лѣтъ), но, если бы читали всегда такъ, а то читаютъ «Коть въ сапогахъ»... Другой съ какою то даже обидой отвѣчаетъ на вопросъ, о чемъ желалъ бы еще слышать. «Не знаю; читайте, что хотите, только не «Кота въ сапогахъ». Третьему не нравится какое то чтеніе «О Римѣ и другихъ подобныхъ ему же сказкахъ вродѣ какихъ то дивныхъ нравовъ народа». Четвертый то же съ презрѣніемъ замѣчаетъ: «Сказки не нравятся». «Не нужно, пишетъ столяръ 17-ти лѣтъ, разныя сказки, басни»... Значительная часть посѣтителей, такимъ образомъ, недовольна тѣмъ, что на нихъ смотрять, какъ на дѣтей, и предлагаютъ слишкомъ ужъ дѣтскую умственную пищу.

Изъ желающихъ слушать на современныя темы отмѣтимъ одного, который останавливается на публицистическихъ статьяхъ Далина. Другой—сапожникъ 24 лѣтъ—желаетъ знать «о жизни рабочаго человѣка и о пользѣ грамотности и неграмотности». Плотникъ 27 лѣтъ хочетъ слышать, «какъ идетъ наше плотничье мастерство въ другихъ странахъ, насколько мы отстали отъ нихъ». Сапожникъ 35 лѣтъ хочетъ знать «о жизни заграничныхъ рабочихъ, какъ они живутъ, сколько часовъ работаютъ и сколько зарабатываютъ». Пѣвчій 21 года интересуется заграницей и выставкой въ Чикаго; пожилой крестьянинъ 46 лѣтъ жаждетъ услышать «о царской милости». Трое даже «предлагаютъ широкую программу чтеній, указывая ихъ цѣль—служить въ улучшенію жизни матеріальной и духовной». Къ сожалѣнію, докладчикъ не цитируетъ этихъ отзывовъ, особенно интересныхъ въ виду нежеланія правленія общества народныхъ чтеній вести чтенія въ системѣ, по строго обдуманной программѣ.

По географіи, этнографіи и путешествіямъ у трехъ возбуждаетъ интересъ Нансенъ; четвертый проситъ вообще «о путешествіяхъ ученыхъ людей». Дальше идутъ просьбы почитать «о жизни краснокожихъ дикарей Америки», «о Сибири, Кавказѣ, о народахъ, ихъ заселяющихъ, о Финляндіи», и т. п. По міровѣднію—«о царствѣ животныхъ или пернатыхъ», «о составѣ земли»... Есть и желающіе слышать «объ медицинѣ, а то не знаешь, какъ предохранить свое здоровье отъ нѣкоторыхъ очень простыхъ болѣзней». Все желанія очень резонныя, въ нихъ сказывается и стремленіе примѣнить знанія къ жизни, и безкорыстный, теоретическій интересъ...

*) Желаютъ «Громобоя», «Таинственнаго Монаха», какого-то «Алешу Бубеньщика»

Что же выясняется изъ опроса? Да то, что къ мнѣнію публики стоитъ прислушаться. Вкусы ея развиваются, она очевидно перерастаетъ умственно значительную часть того матеріала, который ей теперь предлагаютъ. Видимо, необходимо обновить содержаніе чтеній и привести ихъ въ болѣе строгую систему. Иначе, дѣйствительно, какъ бы не оказалось пророческимъ замѣчаніе того читателя изъ простонародья, который, сѣтуя, что нынѣшнія чтенія «не образуютъ ума людей», сулитъ имъ лишь такихъ посѣтителей, которые идутъ больше отъ скуки, поразвлечься, чтобы убить время. Отъ нихъ отхлынуть наиболѣе сознательные элементы, всего сильнѣе жаждущіе знанія,—или же, что еще хуже, не отхлынуть, примирятся и съ малымъ, понизятъ свои запросы и требованія, иными словами—регрессируютъ. Это вопросъ, надъ которымъ приходится задуматься серьезно. Уже и теперь иные посѣтители жалуются что получаютъ вмѣсто хлѣба—камень...

Пожелаемъ, чтобы въ тамбовскомъ просвѣтительномъ обществѣ послѣ этого болѣе внимательно, чѣмъ прежде, отнеслись къ словамъ людей, настаивающихъ на скорѣйшемъ расширеніи программы чтеній, введенія въ нее болѣе систематичности и даже устройства какихъ нибудь вспомогательныхъ, по доступной цѣнѣ, популярныхъ лекцій, вродѣ хотя бы тѣхъ «общедоступныхъ систематическихъ лекцій», которыя ведутся въ Одесской городской аудиторіи.

Викторъ Черновъ.

Изъ области знаній.

Происхожденіе пола у животныхъ.

При томъ громадномъ практическомъ значеніи этого вопроса, который онъ имѣетъ въ скотоводствѣ и въ человѣческомъ обществѣ, естественно, что съ давнихъ поръ умъ человѣческій старался разгадать эту загадку. Я оставляю въ сторонѣ болѣе или менѣе наивныя гипотезы древности и буду говорить лишь о томъ, что имѣетъ нѣкоторое научное значеніе. Мы можемъ отмѣтить два направленія въ рѣшеніи этого вопроса: одно, строящее гипотезы на основаніи наблюденій главнымъ образомъ надъ домашними животными и людьми, другое—ищущее рѣшеніе вопроса въ опытахъ. Заранѣе надо сказать, что наиболѣе плодотворнымъ было-бы опытное рѣшеніе, провѣренное потомъ наблюденіемъ. Среди многочисленныхъ гипотезъ перваго направленія наиболѣе видное мѣсто занимаетъ гипотеза Тюри. Гипотеза эта сводится къ тому, что полъ животнаго зависитъ отъ степени зрѣлости яйца въ моментъ его оплодотворенія. Перезрѣлыя яйца даютъ самцовъ, а яйца въ началѣ зрѣлаго періода—самокъ.

Если оплодотвореніе совершается въ началѣ течки, т. е. того періода, когда происходитъ выходненіе яйца изъ яичника и прохожденіе его по яйцеводу въ матку, то получается будто-бы самка, а при оплодотвореніи въ концѣ течки—самецъ. Если у животнаго выходитъ во время течки нѣсколько яичекъ и рождается, слѣдовательно, за разъ нѣсколько дѣтенышей, то первыя яички, менѣе зрѣлыя, даютъ самокъ, а послѣдующія болѣе зрѣлыя—самцовъ.

Однако факты оказались не согласными съ этой гипотезой. Еще Аристотелю было извѣстно, а потомъ подтверждено Флурансомъ, что изъ яицъ, откладываемыхъ голубкой, первое даетъ по большей части самца. Также при провѣркѣ этой гипотезы Костомъ и Жербомъ на курахъ, не было получено фактовъ, ее подтверждающихъ. Костъ изслѣдовалъ беременныхъ кроликовъ и пришелъ къ заключенію, что соображенія, развитыя Тюри по отношенію къ многоплоднымъ животнымъ, тоже не согласны съ фактами. Теперь, когда мы знаемъ, что яйцо и живчикъ, хотя и разнятся чрезвычайно по величинѣ, но въ сущности являются

вполнѣ равносильными и однозначными элементами, такое исключительное предпочтеніе, которое давалъ Тюри яйцу въ дѣлѣ опредѣленія пола будущаго зародыша, намъ кажется страннымъ и непонятнымъ. Если такъ важна степень зрѣлости женскаго элемента, то почему же не важна степень зрѣлости мужскаго элемента?

Нѣкоторымъ успѣхомъ пользовалась еще гипотеза Бока. По его мнѣнію, главнымъ факторомъ, обуславливающимъ полъ будущаго поколѣнія, является свойство оплодотворяющихъ элементовъ отца. Воздержанный отецъ долженъ имѣть, по этой гипотезѣ, болѣе мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Но скотоводы-практики утверждаютъ какъ разъ обратное, а именно, что производители, на долю коихъ приходится наибольшее число самокъ, даютъ въ потомствѣ преимущественно самцовъ.

Впрочемъ, практики скотоводы дали также матерьялъ для другой гипотезы, а именно гипотезы Фике и Янке. Гипотеза эта исходитъ изъ сопоставленія фیزیологическихъ свойствъ обоихъ родителей. Когда сильный, пылкій, сангвиническій самецъ спаривается съ флегматической и равнодушной самкой, то преобладаютъ въ потомствѣ самки. Когда спаривается флегматическій самецъ и энергическая самка, то больше появляется самцовъ. Но эта гипотеза, равно какъ и попытка поставить полъ потомства въ зависимости отъ возрастнаго отношенія отца и матери, не привели къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ. Въ погонѣ за различными гипотезами Зелигзонъ въ 1895 году воскресилъ даже Гипократовскую гипотезу. Гипократъ думалъ, что на полъ вліяетъ то обстоятельство, изъ какого органа отца выходятъ оплодотворяющіе элементы: праваго или лѣваго, а Зелигзонъ ту же самую гипотезу перенесъ на мать.

Зародыши мужскіе должны происходить изъ праваго яичника, а женскіе—изъ лѣваго. Онъ производилъ оваріотомію, т. е. удаленіе яичниковъ той или другой стороны, кроликамъ и будто-бы получилъ подтверждающіе результаты. Затѣмъ, онъ собралъ данныя относительно такихъ аномальныхъ случаевъ, когда при беременности у женщины зародышъ развивается не въ маткѣ, а въ одномъ изъ яйцеводовъ, и когда можно такимъ образомъ опредѣлить принадлежность развивающагося яйца яичнику той или другой стороны. Оказалось, что 19 случаевъ были въ полномъ согласіи съ его гипотезой, т. е. мужскіе зародыши были въ правомъ яйцеводѣ, а женскіе—въ лѣвомъ, и только три случая обратнаго положенія—ей противорѣчили. Но и эту гипотезу при дальнѣйшей повѣркѣ постигла та же участь, какъ и многія другія.

Гесснеръ показалъ, что въ двухъ случаяхъ, когда былъ у женщины вырѣзанъ лѣвый яичникъ, родились дочери, а въ одномъ случаѣ, когда былъ удаленъ правый яичникъ—родился мальчикъ. Затѣмъ, послѣ несчастныхъ родовъ, въ случаѣ смерти родильницы, всегда можно опредѣлить, изъ какого яичника вышло яйцо. Гесснеръ воспользовался этимъ и его наблюденія не были въ пользу гипотезы Зелигзона. Не говоря уже о томъ, что и въ случаѣ помѣщенія плода въ яйцеводъ, вовсе

нельзя съ полной достовѣрностью утверждать, что онъ произошелъ изъ яичника именно той же самой стороны. Возможно, что яйцо вышло изъ яичника одной стороны, попало въ матку, а оттуда было загнано въ яйцеводъ противоположной стороны. Такимъ образомъ, все это подрываетъ гипотезу Зелигзона. Всѣ эти гипотезы, а равно и другія, которыхъ мы касаться не будемъ, имѣютъ одинъ общій недостатокъ: ихъ авторы опираются на слишкомъ малое число наблюдений. Гипотеза Фике и Янке построена на 30 наблюденияхъ, а гипотеза Бауста, которую я не излагалъ въ виду ея второстепеннаго значенія, опирается лишь на 14 рождений.

Естественно, что при такомъ узкомъ кругѣ наблюдений, не могло выработаться прочной гипотезы и что едва гипотеза дѣлалась достояніемъ критики, какъ обнаруживались факты, ей противорѣчащіе. Въ новѣйшее время надѣлала много шума, особенно среди не специалистовъ, гипотеза Шенка. По его наблюдениямъ, женщины, въ выдѣленіяхъ коихъ замѣчено присутствіе винограднаго сахара, и слѣдовательно у коихъ обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ совершается не съ достаточной полнотой, наклонны рождать дѣвочекъ. Отсюда предположеніе, что измѣнивъ условія питанія и поднявъ энергію вещественнаго обмѣна въ тѣлѣ матери, мы можемъ вызвать наклонность къ роженію мужского потомства. Въ одномъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, Шенкъ стоитъ на безусловно вѣрномъ пути, а именно, онъ правъ, утверждая, что условія питанія и обмѣна материнскаго организма, а слѣдовательно и плода, должны играть едва ли не главную роль въ опредѣленіи пола будущаго потомства.

Но таковы-ли эти условія, какъ утверждаетъ Шенкъ—этого на основаніи приведенныхъ имъ немногочисленныхъ данныхъ сказать съ полной достовѣрностью нельзя. Многіе наблюдатели утверждаютъ, какъ разъ наоборотъ, а именно, что усиленное питаніе у домашнихъ животныхъ ведетъ къ преобладанію самокъ въ потомствѣ. Сентъ-Илеръ еще наблюдалъ, что въ зоологическихъ садахъ, гдѣ условія питанія вообще не завидны, преобладаетъ роженіе самцовъ. Эти наблюдения, а равно и многія другія, на первый взглядъ не стоятъ въ согласіи съ гипотезой Шенка, но за то имѣютъ за себя нѣкоторыя опытные данныя, съ которыми мы познакоимся ниже.

Нашъ русскій ученый проф. Оршанскій въ своемъ изслѣдованіи относительно наследственности пола, приходитъ къ тому выводу, что есть семьи, предрасположенныя къ роженію мальчиковъ, какъ есть семьи, предрасположенныя къ роженію дѣвочекъ. По мнѣнію Оршанскаго, есть нѣкоторая связь между поломъ первенца и поломъ послѣдующихъ дѣтей, а именно полъ первенца оказывается преобладающимъ вообще. Надо думать, что означенная связь вовсе не причиннаго характера, а такъ сказать статистическаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ семьяхъ съ наклонностью къ произведенію мальчиковъ, естественно, что и первый младенецъ въ большинствѣ случаевъ

будетъ мальчикъ, а въ семьяхъ съ наклонностью къ произведенію дѣвочекъ и первый младенецъ въ большинствѣ случаевъ будетъ дѣвочка. Фактъ предрасположенія семей къ рожденію дѣтей того или другого пола показываетъ только, что условія, опредѣляющія полъ, напр. питанія зародыша, если принимать это воззрѣніе, являются вообще довольно стойкими въ теченіи жизни семьи. Но надо отмѣтить и то, что до появленія гипотезы Шенка никто и не пытался измѣнять эти условія. А что произойдетъ, если мы будемъ ихъ измѣнять, покуда неизвѣстно.

И такъ наблюденія надъ домашними животными и человѣкомъ привели лишь къ ряду гипотезъ, но ни одной изъ нихъ не доказали.

Чтобы сколько нибудь разъяснить вопросъ, надо было обратиться къ опыту и естественно къ опыту надъ животными. Прежде всего, посмотримъ, когда опредѣляется полъ? Предрѣшенъ ли, напр., полъ въ оплодотворенномъ или вообще въ снесенномъ яйцѣ или нѣтъ? Доказать предопредѣленность пола мы можемъ только для нѣкоторыхъ, можно сказать, исключительныхъ случаевъ. Такъ у пчелъ, если яйцо неоплодотворено, то изъ него при всякихъ условіяхъ выйдетъ трутень, т. е. самецъ, а изъ оплодотвореннаго при хорошемъ кормѣ—самка, при плохомъ—рабочая, т. е. та же самка но съ недоразвитыми половыми органами. У другихъ насѣкомыхъ встрѣчаются обратные случаи развитія самокъ изъ неоплодотворенныхъ яицъ. Здѣсь полъ снесеннаго яйца уже опредѣленъ, и условія питанія личинки не могутъ измѣнить этого предопредѣленія. Точно также у нѣкоторыхъ колероватокъ—маленькихъ червей, весьма обыкновенныхъ въ нашихъ водахъ, есть самки, которыя исключительно откладываютъ яйца на самцовъ, и есть самки, откладывающія яйца исключительно на самокъ. Но кромѣ этихъ совершенно особыхъ случаевъ, мы скорѣе должны принять, что полъ яйца у большинства животныхъ отнюдь не предопредѣленъ, и что одно и то же яйцо или даже иногда одна и та же личинка могутъ развиваться то въ самку, то въ самца, въ зависимости отъ условій развитія. Въ пользу этого говорятъ многія опытные данныя.

Такъ надъ личинками амфибій и насѣкомыхъ, животныхъ, проходящихъ при развитіи довольно сложныя превращенія, были сдѣланы опыты въ этомъ направленіи. Опыты показали, что усиленное питаніе увеличиваетъ число самокъ, вышедшихъ изъ этихъ личинокъ, и уменьшаетъ слѣдовательно число самцовъ.

Опыты съ кормленіемъ головастиковъ исключительно растительной пищей не привели къ опредѣленнымъ результатамъ, но при хорошемъ питаніи личинокъ смѣшанной пищей число самокъ возрастало въ опытахъ Борна до 95%, а въ опытахъ Юнга до 70—76%. Хотя этимъ опытамъ и были противопоставлены возраженія, но сходные результаты получены и при опытахъ съ насѣкомыми. Интересно отмѣтить, что еще Ландуа въ 70-хъ годахъ показалъ, что усиленное кормленіе опредѣляетъ полъ (и именно женскій) въ началѣ личиничной жизни, а послѣдующее голоданіе уже не въ состояніи его измѣнить, хотя и можетъ вызвать

недоразвитіе половыхъ органовъ. Мало того въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ измѣнить полъ взрослога животнаго. Существуетъ одинъ морской червь—*Orphryotrocha puerilis*, который, подобно многимъ низшимъ животнымъ, обладаетъ способностью возобновлять отрѣзанную часть тѣла. Коршельтъ, который производилъ подобные опыты надъ этимъ червемъ, замѣтилъ, что одна самка, которой былъ отрѣзанъ задній конецъ, начала его возобновлять, но при этомъ находившіяся яйца всосались и исчезли, и послѣ возобновленія самка развила уже не яйца, а живчики, т. е. стала самцомъ. Съ точки зрѣнія вліянія питанія на полъ, этотъ фактъ вполне понятенъ. Когда самка начала возобновлять отрѣзанный конецъ тѣла, то понадобилась масса матерьяла. Даже уже почти зрѣлыя яйца пошли на это. Но слѣдовательно и условія питанія всѣхъ клѣтокъ тѣла значительно ухудшились, а разъ произошло ухудшеніе—произошла и перемѣна пола.

Недавно Уилеръ примѣнилъ эте же разсужденіе къ объясненію одного факта, казавшагося весьма загадочнымъ. Извѣстно, что существуетъ много животныхъ, для коихъ гермофрадитизмъ является нормой. Но въ большинствѣ случаевъ мужскіе и женскіе элементы у нихъ созрѣваютъ одновременно, а сначала мужскіе, позже-же женскіе. Такой гермафродитизмъ называется протерандрическимъ. По мнѣнію Уилера, развитіе мужскихъ элементовъ потому предшествуетъ развитію женскихъ, что въ молодости, когда животное растетъ, клѣтки тѣла, а слѣдовательно и половыя голодаютъ, и въ извѣстномъ возрастѣ наступаетъ избытокъ питательнаго матерьяла, что и вызываетъ развитіе женскихъ элементовъ.

Извѣстны многія насѣкомыя, какъ травяныя тли, филоксера, а также нѣкоторые мелкіе рачки, которыя при хорошихъ условіяхъ питанія на-примѣръ лѣтомъ размножаются дѣвственно, безъ самцовъ, и при этомъ слѣдовательно производятъ только однѣхъ самокъ. Но съ наступленіемъ условій ухудшеннаго питанія, напр. съ приближеніемъ зимы, они начинаютъ производить самцовъ. Уже давно было доказано, что если искусственно поддерживать условія хорошаго питанія такихъ животныхъ, то самцы не появляются и размноженіе въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній идетъ попрежнему дѣвственнымъ путемъ. Эти опыты дѣлались надъ насѣкомыми, а недавно Керерве показалъ, что у рачковъ, которые въ изобиліи встрѣчаются въ нашихъ прудахъ и озерахъ и называются водяными блохами или дафніями, что и у нихъ мы можемъ также усиленнымъ питаніемъ вызвать продолжительное появленіе только однѣхъ самокъ, а голоданіемъ — появленіе самцовъ.

И такъ, не только опытыя данныя, но и цѣлый рядъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ природѣ, говорятъ за то, что полъ яйца сталъ въ зависимости отъ условій развитія и что однимъ изъ такихъ условій является питаніе. Большинство опытовъ и наблюденій говоритъ, что

голоданіе является факторомъ наиболѣе благопріятнымъ для появленія самцовъ, а хорошее питаніе—для появленія самокъ.

Есть, однако наблюденія, которыя косвенно по крайней мѣрѣ противорѣчатъ этому правилу. Такъ напр. Прейссенеръ утверждаетъ, что дѣтское мѣсто или органъ, служащій у млекопитающихъ для питанія зародыша насчетъ тѣла матери, представляетъ у овецъ болѣе сильное развитіе у мужскихъ зародышей, чѣмъ у женскихъ, а отсюда онъ выводитъ заключеніе, что мужскіе зародыши нуждаются въ болѣе усиленномъ питаніи, чѣмъ женскіе. Степень развитія дѣтскаго мѣста онъ опредѣлялъ по числу такъ называемыхъ котиледоновъ, т. е. пучковъ ворсинокъ, служащихъ для связи зародыша съ стѣнками матки и воспріятія питательныхъ веществъ зародышемъ отъ матери. Чѣмъ болѣе такихъ котиледоновъ, по мнѣнію Прейсснера, тѣмъ болѣе органовъ для воспріятія питательныхъ веществъ, тѣмъ питаніе лучше.

Однако, въ среднихъ цифрахъ это преимущество самцовъ надъ самками не особенно велико. Иногда самцы имѣютъ всего лишь на три котиледона больше, а общее число ихъ достигаетъ 60—70, и въ другомъ случаѣ самцы были богаче на 6 котиледоновъ, въ третьемъ на 8. Не трудно видѣть, что при такой незначительной разницѣ убыль числа котиледоновъ легко могла быть сглажена увеличеніемъ размѣровъ самихъ ворсинокъ и притомъ увеличеніемъ настолько незначительнымъ что оно врядъ-ли поддалось бы поверхностному наблюденію.

Наконецъ, уменьшеніе числа котиледоновъ могло быть вознаграждено болѣе сильнымъ развитіемъ сѣти кровеносныхъ сосудовъ въ ворсинкахъ, благодаря чему также увеличилась бы всасывающая поверхность дѣтскаго мѣста безъ увеличенія его самого. Вообще же наблюденіе Прейсснера ровно ничего не доказываетъ, кромѣ факта меньшаго числа котиледоновъ у зародышей женскаго пола и отнюдь не даетъ права заключать о худшемъ питаніи ихъ сравнительно съ мужскими.

Другое противорѣчіе, на которомъ надо остановиться, станетъ между указаннымъ правиломъ и гипотезой Шенка. Шенкъ говоритъ, что полный обмѣнъ веществъ содѣйствуетъ появленію мужского потомства, а неполный—женскаго. Повидимому, обмѣнъ лучше всего долженъ идти у хорошо питаемой особи, а подвергаться нѣкоторымъ нарушеніямъ у голодающей. А между тѣмъ и въ опытахъ, и въ природѣ голодающія особи наклонны производить самцовъ. Но на самомъ дѣлѣ и это противорѣчіе не такъ велико, какъ на первый взглядъ кажется. Прежде всего мы знаемъ покуда эмпирической фактъ—что голоданіе у многихъ животныхъ вызываетъ появленіе самцовъ, но самое голоданіе есть сложное явленіе. Оно сопровождается измѣненіемъ весьма многихъ сторонъ вещественнаго обмѣна: уменьшеніемъ выдѣленія мочи, уменьшеніемъ количества выдыхаемой угольной кислоты, моча пріобрѣтаетъ кислую реакцію и совершенно не содержитъ хлоридовъ, свойственныхъ нормальной мочѣ и т. д. Однимъ

словомъ, голоданіе явленіе сложное, и мы до сихъ поръ не знаемъ, какой своей стороной она вліяетъ на развитіе половыхъ клѣтокъ.

Точно также и гипотеза Шенка, если только число его наблюденій признать достаточнымъ, построена на чисто эмпирическомъ наблюденіи, что исчезновеніе винограднаго сахара въ мочѣ сопровождается наклономъ къ рожденію мальчиковъ. Режимъ, которому подвергалъ Шенкъ своихъ пациентовъ, былъ весьма различенъ. Но въ общемъ это было кормленіе жирами и бѣлковыми веществами съ устраниемъ крахмала, сахара и вообще углеводовъ. Голодающее животное также живетъ на счетъ своего тѣла и слѣдовательно также питается жиромъ и бѣлковыми веществами и тоже лишено углеводовъ.

Однимъ словомъ, если вѣрно наблюденіе Шенка, то это только показываетъ, что въ томъ режимѣ, которому онъ подвергалъ своихъ пациентовъ, есть какія-то особенности, тождественныя съ особенностями режима голодающаго животнаго. И эти-то особенности и являются главнымъ факторомъ, вліяющимъ на полъ потомства. Каковы эти особенности — должны показать будущіе опыты надъ кормленіемъ животныхъ той или другой исключительной пищей.

Остановимся еще на вопросѣ, является-ли питаніе единственнымъ факторомъ, вліяющимъ на полъ потомства или же существуютъ еще иные факторы, вліяющіе въ томъ же направленіи? Между прочимъ, французскимъ зоологомъ Мона, извѣстнымъ своими весьма обстоятельными наблюденіями надъ простѣйшими, были произведены опыты и надъ одной изъ коловратокъ (*Hydatina senta*), имѣющей самокъ двоякаго рода. изъ коихъ одніе откладываютъ яйца на самцовъ, а другія — на самокъ. По утверженію Мона, при холодной температурѣ у этихъ коловратокъ появляются самки, откладывающія яйца только на самокъ а при болѣ теплой — самки, откладывающія яйца только на самцовъ.

Последнее время этотъ вопросъ былъ подвергнутъ переислѣдованію со стороны Нусбаума. Онъ показалъ, что и здѣсь главнымъ факторомъ является не температура, а условія питанія. Болѣе высокая температура потому только и вызываетъ появленіе самцовъ, что при этомъ условіи въ акваріумѣ развитіе идетъ быстрѣе, а равно и яйца откладываются чаще, что въ общемъ вызываетъ увеличеніе числа коловратокъ въ акваріумѣ, а слѣдовательно уменьшеніе приходящейся на долю каждой особи пищи. Опытами Нусбаума устанавливается тотъ фактъ, что если самка такой коловратки была съ молоду хорошо кормлена, то она откладываетъ яйца исключительно на самокъ, а если плохо — то исключительно на самцовъ. Но послѣ первой кладки яйца уже судьба самки предрѣшена, и измѣненіе условій питанія не можетъ вліять въ ту или другую сторону. Самка, откладывающая яйца на самокъ, не станетъ откладывать на самцовъ, хотя бы ее плохо кормили.

Такимъ образомъ по отношенію къ животнымъ нельзя считать доказаннымъ вліяніе другихъ факторовъ, кромѣ питанія.

Да если бы такое вліяніе было доказано, то опять возникаетъ вопросъ, будетъ-ли оно прямымъ или косвеннымъ, т. е. вліяетъ-ли на примѣръ температура сама по себѣ или ухудшая и улучшая условія питанія яйцевой клѣтки?

Вопросъ относительно происхожденія пола у растеній не менѣе запутанъ, чѣмъ о происхожденіи пола у животныхъ. Недавно вопросъ этотъ возбужденъ былъ Гекелемъ (Haeckel, ботаникъ, котораго не надо смѣшивать съ извѣстнымъ зоологомъ Наескелемъ). Вопросъ касался именно дынныхъ сѣмянъ, которыя, по словамъ практиковъ, будучи посажены въ свѣжемъ состояніи, даютъ растенія главнымъ образомъ съ мужскими цвѣтами, а сѣмена сухія и старыя—даютъ растенія съ женскими цвѣтами и потому являюся болѣе плодородными.

Нѣсколько отвѣтовъ на вопросъ Гекеля было опубликовано, и существованіе такого практическаго правила подтверждено, но научнаго доказательства его вѣрности покуда не дано. Съ другой стороны имѣются указанія на возникновеніе мужскихъ цвѣтовъ у другихъ растеній подъ вліяніемъ пересадки въ болѣе питательную и болѣе влажную почву. Недавно Клебсъ произвелъ рядъ опытовъ надъ одной водорослью (*Vaucheria*) и пришелъ къ тому выводу, что мужскіе органы (антеридіи) появляются въ большемъ числѣ подъ вліяніемъ болѣе высокой температуры (24—26° С.) или при уменьшеніи атмосфернаго давленія (при 100—130 километровъ ртутнаго столба). Интересно, при этомъ, что, если исчезали совершенно женскіе органы (оогоніи), то и мужскіе не доходили до надлежащей зрѣлости. Гораздо труднѣе было вызвать усиленное появленіе женскихъ органовъ. Однако при усиленномъ освѣщеніи и при культурѣ нитей этой водоросли въ 2% растворѣ тростниковаго сахара, преобладаетъ появленіе женскихъ органовъ, а именно на одинъ мужской приходится 4—5 женскихъ. Освѣщеніе, какъ извѣстно, вліяетъ главнымъ образомъ на питаніе растеній, такъ что этотъ послѣдній опытъ долженъ быть истолкованъ именно въ томъ смыслѣ, что нѣкоторое улучшеніе пищевого обмѣна (въ зависимости отъ присутствія сахара въ водѣ и усиленнаго освѣщенія) вліяетъ на появленіе женскихъ органовъ. Нельзя не видѣть нѣкоторой аналогіи въ данномъ случаѣ съ указаніями Шенка о роли сахара въ организмѣ женщины. Все сказанное приводитъ къ выводу, что у растеній вопросъ о происхожденіи пола еще болѣе запутанъ, и что нѣкоторыя данныя говорятъ о многочисленности и разнообразіи факторовъ, вліяющихъ въ этомъ направленіи. Но и здѣсь возникаетъ вопросъ, вліяютъ-ли эти факторы не сами по себѣ, или косвенно, вліяя лишь на обмѣнъ веществъ въ растеніи?

Можетъ быть различіе между животными и растеніями въ этомъ отношеніи окажется не такъ велико, какъ можно предполагать на основаніи опытовъ Клебса.

Во всякомъ случаѣ выраженія: хорошее и плохое питаніе—слишкомъ и слишкомъ широки для научной формулировки вопроса. Послѣдующія

опытныя изслѣдованія должны рѣшить, какія стороны вещественнаго обмѣна вліяють на пользѣ потомства. Покуда мы можемъ сказать, что эти стороны стоятъ въ зависимости отъ голоданія и насыщенія и вообще извѣстнаго режима, но каковы онѣ, мы не знаемъ.

Проф. В. Шимкевичъ.

Критика и библиографія.

А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб. 1898 г.

Въ прошломъ году вышелъ вторымъ изданіемъ первый курсъ лекцій Шахова: «Гете и его время». По поводу его появленія намъ уже приходилось указывать («Образованіе», Декабрь 1897) на особенности историческаго метода Шахова. Сущность его состоитъ въ томъ, что при помощи художественныхъ произведеній изслѣдователь выясняетъ общія возрѣвія современной имъ эпохи. Время Гете представляетъ въ этомъ смыслѣ болѣе благодарный матерьялъ, чѣмъ та эпоха, которой посвященъ второй курсъ. Умственную жизнь нѣмецкаго общества во второй половинѣ прошлаго столѣтія легко сосредоточить вокругъ произведеній автора «Фауста». Гете переживалъ всѣ идеи вѣка, выросталъ и развивался вмѣстѣ съ нимъ. Это обстоятельство придало необыкновенную стройность и единство первому труду Шахова, которому удалось нарисовать художественную картину умственной жизни Германии и отчасти всей Европы въ прошломъ столѣтіи.

Первая половина нынѣшняго столѣтія была эпохой броженія и борьбы самыхъ разнородныхъ интересовъ и понятій. Общество очутилось лицомъ къ лицу съ трудной задачей—съ необходимостью привести въ порядокъ богатое и сложное наслѣдство, завѣщанное французской революціей, съ необходимостью рѣшить массу вопросовъ, выдвинутыхъ, но не получившихъ разрѣшенія въ предыдущемъ вѣкѣ, съ необходимостью урегулировать новыя стношенія различныхъ общественныхъ группъ, въ положеніи которыхъ революція произвела такую коренную перемѣну, наконецъ съ необходимостью примирить старыя традиціи, отъ которыхъ не могла сразу отрѣшиться человѣческая мысль, съ новыми понятіями, которыя распространили французскіе философы. Другая особенность этой эпохи—то обстоятельство, что часть ея умственной работы не закончена и въ настоящее время: многіе вопросы, волновавшіе общество въ началѣ нынѣшняго вѣка, не успѣли еще отойти въ область исторіи и до сихъ поръ вызываютъ ожесточенную борьбу. Таковъ вопросъ національный, женскій, таковъ—антагонизмъ между буржуазіей и пролетариатомъ; нахо-

нецъ,—въ литературѣ,—споръ о сравнительной важности формы и содержания и т. д. Исслѣдователю гораздо труднѣе сохранить единство и цѣльность при характеристикѣ общихъ воззрѣній этого времени, чѣмъ при изученіи эпохи Гете; ему труднѣе сохранить и историческую объективность въ виду того, что онъ занятъ вопросами, жгучими и для его времени. Наконецъ ему трудно удѣлить слишкомъ много вниманія каждому отдѣльному писателю, такъ какъ разнородность общественныхъ интересовъ и понятій должна была породить многочисленныхъ представителей ихъ въ литературѣ и помѣшала появленію одного гениальнаго писателя, который сумѣлъ бы въ своихъ произведеніяхъ дать полное освѣщеніе всей современной умственной жизни. Поэтому волей-неволей Шахову не приходилось останавливаться долго на литературной характеристикѣ писателей; они не интересуютъ его, какъ отдѣльныя индивидуальности; онъ пользуется ими по столбу, по скольку онѣ необходимы для освѣщенія того или другого умственнаго движенія. Поэтому книга лишена стройности: напр. Шатобрианъ удостоился такого всесторонняго изученія, что главы, посвященныя ему, могли бы составить блестящую отдѣльную монографію. Характеристика литературной дѣятельности знаменитаго пѣвца реакціи принадлежитъ къ числу лучшихъ мѣстъ въ книгѣ Шахова. Авторъ сумѣлъ проникнуть въ самую глубину этой больной, но богато одаренной, натуры, яркими красками нарисовать картину ея столкновенія съ сложными и противорѣчивыми явленіями современной дѣйствительности и выяснилъ причины трагическаго конфликта, возникшаго изъ тщетныхъ попытокъ новаго человѣка вернуть утраченную вѣру. Такъ же талантливо обрисована личность Бональда, Жоржъ-Занда и другихъ писателей. Но на ряду съ этимъ цѣлый рядъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей очерченъ бѣгло и даже поверхностно; напр. личность Ламартина и особенно Виктора Гюго совершенно ускользаютъ отъ вниманія читателя.

Но особенно неблагоприятно выше указанныя условія отразились на характеристикѣ Гейне, личность и поэзія котораго до сихъ поръ является предметомъ горячихъ споровъ. Шаховъ не только не признаетъ за нимъ никакого соціальнаго и политическаго значенія, на даже въ оставленномъ имъ поэтическомъ наслѣдствѣ не находитъ ничего, кромѣ отрывковъ, фрагментовъ, путевыхъ замѣтокъ и т. д. При этомъ Шаховъ совершенно не упоминаетъ о «Buch der Lieder», благодаря которой имя Гейне безсмертными буквами вписано въ исторію міровой поэзіи. Шаховъ, характеризуя автора «Reisebilder», совершенно отрѣшился отъ исторической объективности и приложилъ къ нимъ строгій современный критерій, по которому отъ поэта требуется цѣльное соціальное и политическое міровоззрѣніе.

Какъ мы уже замѣтили, это несправедливое отношеніе къ отдѣльнымъ писателямъ объясняется отчасти сложностью и многочисленностью выдвинутыхъ эпохой идей, отчасти ея близостью къ нашему времени, благодаря чему исчезаетъ историческая перспектива. Но за то нельзя не подивиться искусству, съ которымъ Шаховъ изображаетъ общую картину умственной жизни въ началѣ XIX в. Введеніе представляетъ блестящую и сжатую характеристику міровоззрѣнія этой эпохи и предшествовавшаго столѣтія. Неумолимая критика и свободный анализъ въ прошломъ вѣкѣ

смѣнили покорное безсмысліе и рабское подчиненіе традиціи. Эта смѣна привела къ догматизму и излишней самоувѣренности мысли, которая рѣшала всѣ вопросы не менѣ категорично, чѣмъ нѣкогда вѣра. Словомъ, новыя струи умственного движенія не покинули еще окончательно исконаго русла, идеи прогрессивныя продолжали еще жить въ ветхой схоластической скорлупѣ, философы пользовались въ своихъ изслѣдованіяхъ приемами отцовъ и дѣдовъ. Въ эпоху реакціи началась борьба противъ новыхъ теченій. Въ эту эпоху мы застаемъ съ одной стороны ожесточенную борьбу съ началами критическими,—борьбу, которая опирается на старія понятія міра католическаго и феодальнаго. Хотятъ вернуть угасшую старину, «доброе старое время», сообщить новую жизнь опочившимъ представленіямъ. Но въ эпоху реакціи существовало и другое направленіе, которое было подсказано исторіей: оно также относилось отрицательно къ XVIII в., но имѣло въ виду другую сторону его міровоззрѣнія, именно догматическую. Оно вскрывало противорѣчія въ отвлеченныхъ теоріяхъ просвѣтителей, обнаруживало несостоятельность метафизическихъ построеній, указывало на шаткость произвольныхъ абстрактныхъ системъ XVIII в., и, мало по малу подготавливало общество къ положительной наукѣ, развивало въ немъ *историческій* смыслъ. (стр. 11.).

Далѣе Шаховъ показываетъ, какъ 'подъ вліяніемъ этой общей пере-мѣны произошелъ коренной переворотъ въ понятіяхъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Правительства, раньше заигрывавшія съ философами и даже опиравшіяся на нихъ въ своей борьбѣ съ церковью, поняли теперь связь между философіей и революціей и сдѣлались оплотомъ реакціи. Духовенство, лишившееся своихъ привилегій, тоже возненавидѣло революцію и идеи энциклопедистовъ. Модный аббатъ XVIII в.—l'abbé mondaine желанный гость въ салонахъ, остроумный собесѣдникъ, авторъ философскихъ книгъ, смѣняется хмурымъ, злобнымъ прелатомъ, иногда мечтательнымъ и восторженнымъ, но всегда серьезнымъ, молчаливымъ и недоступнымъ шуткѣ. Это—дѣятельный и пламенный реакціонеръ. Аристократія, много перестрадавшая, поняла духъ новаго времени; она почувствовала необходимость бороться съ либераломъ и лавочникомъ его же оружіемъ. Потомокъ крестоносца мѣняетъ свой мечъ на перо буржуаза и записывается въ фалангу журналистовъ. Дворянство выставляетъ величайшаго поэта реакціи—Шатобриана. Буржуазія, подъ именемъ которой разумѣлось раньше все населеніе, кромѣ привилегированныхъ сословій, разбилась на двѣ группы: буржуа—людей образованія и капитала—съ одной стороны и пролетаріатъ—съ другой. Первые при помощи второго устроили революцію и сокрушили враждебныя касты, но послѣ революціи пролетарій увидѣлъ, что всѣ выгоды ея достались не ему и [начинаетъ домогаться своей доли. Буржуазія становится лицомъ къ лицу съ новымъ врагомъ.

Уже отсюда видно, какъ искусно умѣетъ Шаховъ группировать сложныя идеи и интересы изучаемой эпохи. Его книга является превосходнымъ руководствомъ для пониманія умственной жизни французскаго и европейскаго общества первой половины XIX вѣка, и трудно указать другое сочиненіе, которое бы въ общемъ такъ полно охватывало цѣлый періодъ изъ исторіи человѣческой культуры.

П. С. Коганъ.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ П. П. Вейнберга. Спб.

Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1898 г. Ц. 75 коп.

Бернардъ-Тенъ-Бринкъ. Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣм. перев.

И. Д. Городецкаго. Изд. журн. «Дѣтское чтеніе» М. 1898 г. Ц. 40 к.

Недавно умершій нѣмецкій ученый Тенъ-Бринкъ извѣстенъ своими изслѣдованіями по средневѣковой литературѣ (поэма о Беовульфѣ); работою о Чосерѣ и незаконченной исторіею англійской литературы. Последнюю онъ довелъ до Елизаветинскаго вѣка, такъ что коснуться Шекспира, любимѣйшаго поэта Тенъ-Бринка, ему не пришлось. Плодомъ занятій Тенъ-Бринка надъ Шекспиромъ осталась Марбургская лекція о «Снѣ въ лѣтнюю ночь», напечатанная въ 14 томѣ Шекспировскаго Ежегодника, и предлагаемая въ вышеозначенныхъ переводахъ русской публикѣ лекціи. Это пять публичныхъ лекцій, прочитанныхъ Тенъ-Бринкомъ въ февралѣ и мартѣ 1888 года въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, по приглашенію дирекціи Свободнаго Нѣмецкаго Соборнаго Капитула. Онѣ приготовлены къ печати по запискамъ покойнаго его ученикомъ Эдвардомъ Шредеромъ, который во вступленіи къ нимъ совершенно справедливо говоритъ: «Эти лекціи вовсе не составляютъ введенія въ шекспировскую литературу, но введеніе въ самого поэта. И онѣ, по крайней мѣрѣ, каждая въ отдельности, претендуютъ на то, чтобы ими наслаждались, какъ цѣлымъ и были приняты именно, какъ лекціи: онѣ такъ превосходно и живо передаютъ выразительный, глубокий и въ то же время спокойный, по наружности, характеръ оратора».

Трудно сказать больше о Шекспирѣ и его произведеніяхъ при столь ограниченномъ размѣрѣ лекцій, чѣмъ это сдѣлано у Тенъ-Бринка. Объясняется это крайней сжатостью изложенія, что не мѣшаетъ, однако, вводить въ него еще и отступленія въ цѣляхъ установленія основныхъ взглядовъ критика на искусство, его задачи, значеніе идеи произведенія, его фабулы и проч. Что касается самого Шекспира, то критикъ даетъ намъ въ первой лекціи характеристику его, какъ человѣка и поэта, и сообщаетъ главныя черты его біографіи, этой удивительной біографіи, которая, что бы ни писали объ этомъ критики и историки литературы, никакъ не можетъ объяснить тайну поразительнаго знакомства Шекспира съ міромъ и человѣческимъ сердцемъ. Въ послѣдующихъ лекціяхъ Тенъ-Бринкъ касается главныхъ эпохъ въ развитіи творчества Шекспира (глава вторая «Хронологія произведеній Шекспира») и даетъ характеристику его, какъ драматическаго писателя, комическаго и трагическаго поэта. Дѣленіе всего содержанія лекцій по послѣднимъ тремъ рубрикамъ, нѣсколько искусственно: къ Шекспиру всего менѣе примѣнимо строгое разграниченіе литературныхъ родовъ. Да и у самого Тенъ-Бринка, вопреки установленному имъ дѣленію лекцій, содержаніе ихъ тѣсно между собою слито. Особенно цѣнными представляются намъ разбросанныя по всѣмъ лекціямъ (кроме первой) сжатая характеристика отдѣльныхъ произведеній Шекспира: въ ясныхъ и краткихъ словахъ онъ опредѣляетъ идею каждой его драмы, комедіи или трагедіи. Достаточно указать на прекрасную характеристику драмы «Король Лиръ» въ концѣ книги (стр. 146—147 пер. П. Вейнберга) или драмы «Ромео и Юлія» въ концѣ третьей лекціи. Къ достоинствамъ изданія лекцій Тенъ-Бринка въ бібліотекѣ «Дѣтскаго чтенія»

слѣдуетъ отнести то, что въ немъ въ концѣ книжки приведенъ списокъ всѣхъ произведеній Шекспира съ указаніемъ страницы, на которой упоминается каждое изъ нихъ у Тень-Бринка. Въ московскомъ изданіи лекцій имѣется также небольшое вступленіе, написанное Эдвардомъ Шредеромъ, посвященное Тень-Бринку. За то изданіе Л. Пантелѣева отличается достоинствами перевода, за которыя ручается уже самое имя переводчика. Редакція бібліотеки «Дѣтскаго Чтенія», предназначая изданіе лекцій Тень-Бринка для цѣлей самообразованія, должна бы была озаботиться болѣе выдержаннымъ и изящнымъ переводомъ.

М. Плотниковъ.

Финляндія.—Изданіе О. Н. Поповой, подъ редакцію Д. Протопопова.—
Цѣна 3 р. 50 к.

Въ нашей литературѣ существуетъ очень немного сочиненій, имѣющихъ цѣлью познакомить русскую читающую публику съ природой и жизнью во многихъ отношеніяхъ своеобразной и интересной окраины русскаго государства,—Финляндіей. Можно смѣло сказать, что гораздо больше написано книгъ и статей по вопросу о такъ называемомъ финляндскомъ «сепаратизмѣ»,—книгъ и статей, преувеличенно тенденціозныхъ въ ту или другую сторону, и потому ровно ничего не выясняющихъ и едва ли на что-нибудь годныхъ,—тѣмъ книгъ и статей описательныхъ, изъ которыхъ мы могли бы узнать, какова на самомъ дѣлѣ эта Финляндія, которая, не смотря на свою географическую близость къ намъ, до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается для насъ совершенно невѣдомымъ краемъ. Мѣткія слова Пушкина: «Мы лѣнливы и не любопытны» сохраняютъ всю свою силу и до сихъ поръ, а въ отношеніи къ Финляндіи подтверждаются чуть не каждый день: намъ случалось встрѣчать людей, исколесившихъ чуть не всю Европу и не имѣющихъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ живутъ люди въ какихъ-нибудь полутораста верстахъ отъ Петербурга, какіе у нихъ нравы и обычаи, языкъ и литература; газеты, считающія себя въ правѣ авторитетнымъ тономъ поучать своихъ читателей насчетъ финляндскихъ дѣлъ, зачастую отливаютъ по этой части такія пули, что вчужѣ стыдно становится; петербургскіе дачники, изъ году въ годъ живущіе въ Выборгской губерніи, постоянно жалуются на таможенные стѣсненія при обратномъ ввозѣ своихъ вещей изъ Финляндіи въ Имперію и винятъ въ этомъ финляндцевъ и финляндскую таможену, упорно отказываясь понимать, что послѣдняя къ провозу товаровъ въ Имперію никакого отношенія не имѣетъ и имѣть не можетъ. Подобныхъ примѣровъ невѣдѣнія нашей публики относительно сосѣдняго края, который многими сторонами своей жизни заслуживаетъ, казалось бы, серьезнаго и внимательнаго изученія, можно было бы подобрать цѣлую коллекцію, такъ какъ они довольно часто самымъ наивнымъ образомъ «припечатываются въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ», на потѣху людей, сколько-нибудь знакомыхъ съ настоящими, а не вымышленными, условіями финляндской жизни..

Русскіе путешественники точно намѣренно избѣгаютъ Финляндіи дальше Иматы (на которую, собственно говоря, послѣ Рейнскаго водопада и смотрѣть не стоитъ) почти никто изъ нихъ не бываетъ, между тѣмъ какъ Финляндія изобилуетъ живописными и оригинальными мѣстно-

стями, а въ отношеніи удобства путешествія едва ли во всей Россіи найдется другой край, который могъ бы съ нею поспорить. Оттого въ нашей литературѣ путешествій совсѣмъ нѣтъ ничего сколько-нибудь дѣльнаго и крупнаго о Финляндіи. О финской словестности у насъ существуетъ также очень скудное представленіе: только въ послѣдніе годы переведено нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся произведеній финскихъ писателей,—да и то, сказать правду, съ грѣхомъ пополамъ: пишущему эти строки пришлось однажды встрѣтиться съ переводчицей, печатавшей въ журналахъ свои переводы разсказовъ Юхани Ахо «съ финскаго», которая, услышавъ нѣсколько обращенныхъ къ ней самыхъ простыхъ финскихъ фразъ, сдѣлала большіе глаза и потомъ пренаивно сознавалась, что по ея мнѣнію финскій языкъ и шведскій—одно и то же... Очевидно, съ такими знаніями далеко не уйдешь, или, по финской пословицѣ, «на парѣ марокъ далеко не дойдешь».

Съ своей стороны, финляндцы дѣлаютъ очень многое, стараясь распространять среди европейской и русской публики возможно болѣе полныя свѣдѣнія о своей родинѣ. „Финляндское общество туристов“ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издаетъ прекрасные путеводители,— между прочимъ, и на французскомъ языкѣ, какъ доступномъ для болѣе широкаго круга публики; года четыре тому назадъ въ Гельсингфорсѣ и Петербургѣ, при близкомъ участіи сенатора Мехелина и покойнаго поэта Топелиуса, изданъ былъ превосходный альбомъ подъ заглавіемъ «Финляндіа въ XIX столѣтіи», на русскомъ и шведскомъ языкахъ, со множествомъ рисунковъ. Фототипій съ картинъ финскихъ художниковъ и пр., заключавшій въ себѣ всестороннее описаніе Финляндіи, ея природы, жителей, всѣхъ порядковъ жизни, литературы, искусства и пр. Единственнымъ недостаткомъ этого прекраснаго изданія была его высокая цѣна,—кажется, 25 р.,—не смотря на которую оно, однако же, разошлось безъ остатка. Этотъ альбомъ во многихъ отношеніяхъ послужилъ образцомъ для вышедшаго теперь изданія г-жи Поповой.

«Финляндіа», изданная подъ редакціей г. Протопопова, представляетъ собою сборникъ статей, написанныхъ спеціально для этого изданія 15-ю русскими и финскими авторами и посвященныхъ различнымъ сторонамъ финляндской жизни. Книга открывается географическимъ очеркомъ Финляндіи, г. Протопопова; за нимъ слѣдуютъ статьи В. Ю. Скалона о политическомъ положеніи Финляндіи и о такъ называемомъ «финляндскомъ вопросѣ», о финляндскомъ законодательствѣ, администраціи и судѣ, и рядъ обстоятельныхъ этюдовъ другихъ авторовъ о церковномъ устройствѣ и религіозной жизни, о финансахъ, промышленности, торговлѣ, сельскомъ хозяйствѣ, сельскомъ населеніи, рабочихъ, объ общественной жизни, національномъ движеніи и партіяхъ, о печати, народномъ образованіи начальномъ, среднемъ и высшемъ, о наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Книга заканчивается очеркомъ борьбы противъ спиртныхъ напитковъ и исторіей призрѣнія бѣдныхъ. Всѣ эти этюды написаны очень содержательно, живо, интересно и заключаютъ въ себѣ для ру сскаго читателя много новыхъ и поучительныхъ подробностей; къ числу особенно удачныхъ статей слѣдуетъ отнести очерки народнаго образованія, литературы и общественной жизни, въ которыхъ найдется немало

данныхъ для любопытныхъ сопоставленій... Вообще, свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой книгѣ о различныхъ сторонахъ финляндской жизни, отличаются строгой фактичностью и вполне достаточной полнотой; ошибокъ и промаховъ мы не замѣтили *). Но именно ради этой фактичности большинства главъ книги, благодаря которой она получаетъ серьезный, объективный характеръ, нельзя не пожалѣть, что составитель очерковъ, посвященныхъ политическому положенію Великаго Княжества и «финляндскому вопросу», увлекся полемикой съ «Московскими Вѣдомостями» и прочими обличителями такъ называемаго финляндскаго «сепаратизма». Эти полемическіе споры, доходящіе порой до страстности, были бы, можетъ быть, совершенно уместны въ журнальной статьѣ или въ сочиненіи, специально посвященномъ выясненію особенностей политическаго строя Великаго Княжества; но они совсѣмъ не на мѣстѣ въ книгѣ, имѣющей цѣлью дать только описаніе Финляндіи людямъ, мало съ нею знакомымъ: здѣсь они рѣзко расходятся съ общимъ тономъ остальной части сочиненія и оставляютъ впечатлѣніе чего-то насильно, за волосы притянутого и кричащаго. Несравненно лучше было бы, если бы авторъ этихъ очерковъ ограничился, по примѣру прочихъ сотрудниковъ, вполне объективнымъ изложеніемъ того, что есть, т. е. политическаго устройства и управленія края въ томъ видѣ, въ какомъ они въ настоящее время существуютъ и дѣйствуютъ, не входя въ препирательства о теоретическихъ вопросахъ и цѣнности тѣхъ принциповъ, на которыхъ противники Финляндіи основываютъ свои нападки на политическую самостоятельность и самоуправленіе края. Теперь же читатель чуть не съ первыхъ страницъ книги сразу запутывается въ безконечныхъ «контроверзахъ», отгадывая ихъ мотивы, часто не имѣющіе ничего общаго ни съ наукой, ни съ правомъ, и въ концѣ концовъ, при маломъ знакомствѣ съ Финляндіей вообще, можетъ просто на просто потерять охоту къ дальнѣйшему чтенію сборника Финляндскіе составители упомянутого выше альбома «Финляндія въ XIX столѣтіи», очевидно, лучше русскихъ сотрудниковъ изданія г-жи Поповой поняли свою задачу и строго воздержались отъ какихъ бы то ни было полемическихъ намековъ. Отъ этого ихъ трудъ только выигралъ, а книга г-жи Поповой, въ сравненіи съ нимъ, много проигрываетъ.

Проигрываетъ она, въ сравненіи съ этимъ альбомомъ, и въ выборѣ рисунковъ. Говорю: въ выборѣ; а не въ исполненіи, потому что отъ книги, стоящей 3 р. 50 к., нельзя требовать такихъ роскошныхъ фототипій и гравюръ, какія помѣщены въ книгѣ 25-рублевой, и по цѣнѣ изданія г-жи Поповой лучшаго исполненія рисунковъ нельзя и желать; но выборъ лучшихъ рисунковъ едва ли могъ бы увеличить расходы по изданію. Многіе изъ помѣщенныхъ въ книгѣ финляндскихъ пейзажей совершенно безцвѣтны и не характерны; между тѣмъ, въ Финляндіи найдется не мало мѣстностей очень интересныхъ, съ которыхъ, притомъ, имѣются уже готовые фотографіи, напр. Пунка-Харью, Нейшлотъ, многія мѣста Саймскаго канала и плеса, Куопіо, окрестности Тавастгуса и Таммерфорса,

*) Кромѣ, впрочемъ, одного, бросающагося въ глаза на первой же страницѣ: по мнѣнію г. Протопопова, финское названіе Финляндіи есть Сумми; слѣдуетъ читать: «Сумми».

Пяяне, Улеоборгъ пороги рѣки Улео и множество другихъ живописныхъ и оригинальныхъ пейзажей, о которыхъ у насъ никто и понятія не имѣеть; несомнѣнно, что подобные рисунки были бы гораздо умѣстѣе въ книгѣ, посвященной описанію Финляндіи, чѣмъ какія-то самыя заурядныя тавастляндскія избушки или болотистые берега сѣренскихъ озеръ. То же можно сказать и о картинкахъ жанровыхъ: такія вещи, какъ «Крестьянская семья за обѣдомъ», «Состоятельная рабочая семья за обѣдомъ», ровно ничего не говорятъ ни уму, ни сердцу, кромѣ того, что и въ Финляндіи люди обѣдаютъ, какъ и вездѣ. Неужели не было возможности дать что-нибудь болѣе характерное, болѣе финляндское? Автору этихъ сродъ, во время странствованій по разнымъ уголкамъ Финляндіи, приходилось видѣть любопытнѣйшія сцены, которыхъ не встрѣтишь у насъ и которыя такъ и просились на фотографію; сцены этого рода повторяются довольно часто, и стоило только ихъ поискать, чтобы дать нѣсколько дѣйствительно интересныхъ жанровыхъ рисунковъ.

Впрочемъ, не смотря на эти, сравнительно неважные, недочеты изданія г-жи Поповой, въ общемъ оно производитъ все-таки пріятное впечатлѣніе и является трудомъ весьма полезнымъ, которому слѣдуетъ пожелать возможно болѣе широкаго распространенія среди нашей публики, вообще такъ мало знакомой съ жизнью окраинъ обширнаго нашего отечества. Слѣдуетъ также пожелать, чтобы при второмъ изданіи книги отмѣченные нами недочеты были, по возможности, устранены. Отъ этого «Финляндія» только выиграетъ...

П. Морозовъ.

Норденъ. Итоги XIX вѣка. Перев. съ нѣм. Эл. Зауэръ Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1898 г. Ц. 40 коп.

Авторъ смотритъ на свою книжку, какъ на попытку «представить краткій обзоръ составныхъ общественныхъ элементовъ, т. е. изложить въ сжатой формѣ процессъ ихъ образованія, выяснить ихъ суть и пролить свѣтъ на дальнѣйшія судьбы человечества». Самая скромность его оговорокъ, въ родѣ предупрежденія, что «предлагаемая книга не можетъ служить цѣлебнымъ серумомъ для социальныхъ недуговъ (интересно, кто бы это могъ подумать?), еще менѣе—бальзамомъ для общественныхъ ранъ», говорить о высокихъ претензіяхъ автора. На самомъ дѣлѣ мысли автора отзываются банальностью, изложеніе отрывочно и не систематично и, вопреки обѣщанію излагать «въ сжатой формѣ», страдаетъ совершенно неумѣстнымъ многословіемъ. Задавшись цѣлью на пространствѣ всего какихъ нибудь 130 страницъ подвести «итоги XIX вѣка», авторъ врядъ-ли нуждался для успѣшнаго выполненія своей задачи въ томъ, чтобы разсыпать цвѣты краснорѣчія, проводить сомнительныя аналогіи и злоупотреблять метафорическими сравненіями. Вотъ напримѣръ конецъ главы, трактующей о раздѣленіи труда.

«Міровое и національное хозяйство, которое расширилось на нашихъ глазахъ, и специализація труда, проведенная нами съ строгою послѣдовательностью, достигли изумительныхъ успѣховъ. Современныя суда уже не держатся береговъ, а флотъ устремляется въ открытый океанъ, причемъ онъ подвергается опасностямъ, угрожающимъ ему со всѣхъ сторонъ. Мы

видимъ, какъ безчисленныя лодки полагаются на одинъ лишь якорь, не зная даже свойствъ морского дна, въ который онъ упрется. Парусъ и весла давно потеряны. Каждый сильный порывъ вѣтра срываетъ ихъ съ мѣста и безпощадно гонитъ во всѣ стороны» (стр. 55). Витѣвато, но не вразумительно!

Обращаясь по существу къ разсматриваемой книгѣ, мы не можемъ отрицать у автора правильнаго взгляда на нѣкоторыя стороны современной общественности. Но рядомъ съ тѣмъ встрѣчаются сужденія, которыя давно пора бы сдать въ архивъ. Это результатъ все той же общей непродуманности предпринятой работы.

«Народное самосознаніе составляетъ основу нашей общественной жизни». Этими словами авторъ открываетъ свое произведеніе и посвящаетъ затѣмъ первую главу краткому обзору историческаго развитія этого самосознанія. Затѣмъ онъ переходитъ къ обзору современнаго общества и его составныхъ элементовъ. Уже самый порядокъ, въ которомъ идутъ подзаголовки второй главы, посвященной этому предмету, показываетъ бессистемность и неровный ходъ мысли автора: государственныя строй, дворянство, военное сословіе, религіозный вопросъ, народное образованіе, трудовые классы. Авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи такъ много говоритъ объ экономическихъ основахъ современнаго общества, что можно было бы ожидать въ числѣ упомянутыхъ главъ главу, посвященную имущимъ классамъ, буржуазіи, но этого нѣтъ. Разсужденія автора о народномъ образованіи даютъ образчикъ его умѣнія садиться между двухъ стульевъ. «Знаменательнымъ признакомъ времени, говоритъ онъ, являются школы». «Просвѣщеніе массъ» сдѣлалось съ самаго начала новой эпохи могучимъ лозунгомъ нашего времени». Открытіе всеобщаго свободнаго доступа къ образованію авторъ объясняетъ «сознаніемъ угрожающей опасности, скрываеюю тьмою, въ которой бродятъ низшіе классы». Онъ признаетъ современное образованіе «значительнымъ завоеваніемъ нашего столѣтія». Но рядомъ съ тѣмъ онъ распространяется о «темныхъ сторонахъ полубразованія, скрывающихъ новую опасность».

Вообще автору всюду чудятся разные страхи, угрожающія опасности, катастрофы. Въ послѣдней главѣ онъ патетически задается вопросомъ: «Куда мы идемъ?» и отвѣчаетъ на это рядомъ фразъ и разсужденій, въ которыхъ вопросъ его тонетъ безъ всякаго опредѣленнаго отвѣта, если не считать за отвѣтъ слѣдующее мѣсто: «Вопросъ о томъ, предстоитъ ли переворотъ, есть вопросъ преходящаго интереса, хотя для даннаго момента, онъ и можетъ имѣть огромныя послѣдствія». Въ началѣ же главы онъ пишетъ: «Мы говоримъ безъ трепета объ угрожающемъ общественномъ переворотѣ. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ встрѣтить это несчастіе, мы обсуждаемъ благодушно, подобно тому какъ въ дни здоровья говорятъ о смерти, въ наступленіе которой не вѣрятъ. А между тѣмъ, какія серьезныя предупрежденія мы уже получали, какимъ страннымъ экспериментамъ уже подвергались. Развѣ въ теченіе этого столѣтія Европа не подвергалась неоднократно такимъ потрясеніямъ, что не знали, не смететь ли слѣдующій день все, что до сихъ поръ казалось твердымъ и нерушимымъ» (124 стр.). Но именно опытъ XIX вѣка и долженъ былъ бы, повидимому, убѣдить Нордена, что боязнь какаго то общественнаго ката-

клизма, соціального потопа, которая была такъ распространена въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, не имѣетъ за собою никакихъ реальныхъ основаній.

Основы будущаго общественнаго строя неуклонно развиваются въ самыхъ нѣдрахъ современной цивилизаціи по мѣрѣ измѣненія экономическихъ и соціальныхъ формъ, и ростъ культуры и образованія среди массъ дѣлаетъ излишнимъ всякіе катаклизмы въ процесѣ преобразованія общества.

Нѣкоторыя разсужденія автора положительно отзываются наивностью и сентиментализмомъ, которыя не простительны для писателя, живущаго въ концѣ XIX столѣтія и даже претендующаго подводить ему итоги. Такъ, въ главѣ «сельскіе рабочіе» авторъ противопоставляетъ здоровую и нормальную жизнь ихъ ненормальнымъ условіямъ жизни промышленныхъ рабочихъ.

«Кто не признаетъ, пишетъ онъ, громадной разницы между франтоватой блѣднлицей фабричной работницей и скромной деревенской дѣвушкой? И кто, глядя на возвращающуюся съ работы вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ вереницу сельскихъ батраковъ и батрачекъ, коней и воловъ, не вспомнить невольно о потокахъ сумрачныхъ рабочихъ, повидающихъ ворота фабрики, чтобы попасть въ душныя казармы непривѣтливыхъ улицъ? Сельскій рабочій есть человѣкъ, находящійся въ постоянномъ соприсосновеніи съ природою. Пусть полукультурный городской рабочій издѣвается надъ нимъ и пробуетъ хвастаться своей высокой заработной платой и городскими удовольствіями,—онъ остается полевой мышью, здоровый естественный образъ жизни которой, какъ училъ насъ Лафонтенъ, заслуживаетъ предпочтенія сравнительно съ невѣрнымъ, искусственнымъ существованіемъ городской мыши» (121 стр.).

Все это идиллическое описаніе прелестей сельской жизни, если было понятно въ устахъ современниковъ Лафонтена или Руссо, то странно встрѣтить подъ перомъ автора, передъ глазами котораго раскрыта жизнь земледѣльческаго населенія Ирландіи, Италіи, а тѣмъ болѣе условія батрацкаго труда едва ли не во всѣхъ странахъ Европы.

П. Ганзенъ. Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Авторъ предлагаемыхъ очерковъ справедливо упрекаетъ насъ, русскихъ, въ томъ, что мы такъ неохотно посвѣщаемъ нашихъ ближайшихъ сѣверныхъ сосѣдей, не смотря на ихъ близость къ намъ и географическую и историческую, упорно придерживаясь разъ установившагося маршрута заграничныхъ путешествій черезъ Германію во Францію, Италію и Швейцарію. Современная культурность скандинавскихъ народовъ настолько высока и развита, что признана за границею другими народами. Разсматривая соціальный строй, учрежденія и бытъ этихъ сѣверныхъ народностей, убѣждаешься въ изумительномъ богатствѣ ихъ общественныхъ и моральныхъ силъ, дѣлающихъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ болѣе сознательной, возвышенной и плодотворной. Кажется, что могучая натура древнихъ скандинавовъ, закалившись въ бурномъ періодѣ ихъ прежняго историческаго существованія и войдя въ русло спокойнаго и мирнаго

процвѣтанія, щедро тратитъ избытокъ силъ, остающихся отъ повседневнаго труда, на то, чтобы облегчать положеніе несчастныхъ, больныхъ и бѣдныхъ, бороться съ вредными силами какъ стихійными, такъ и общественными, вродѣ невѣжества и пьянства.

Сущность культуры сѣвера составляютъ многоразличныя проявленія личной и общественной инициативы, которой правительство предоставляетъ широкій просторъ, но на помощь которой приходится тогда лишь, когда за ея дѣло выскажется опытъ. И инициатива эта дѣлаетъ по истинѣ чудеса. Вотъ на примѣръ результаты борьбы съ песками въ безплодныхъ равнинахъ западной Ютландіи, этомъ нѣкогда царствѣ вереска и западнаго вѣтра. Въ 1850 г. въ Ютландіи было около 160 кв. миль безплодныхъ вересковыхъ равнинъ, дюнь и болотъ. Пути сообщенія были такъ плохи, что населеніе Ютландіи было какъ бы отрѣзано отъ внѣшняго міра. Немногимъ лучше было и черезъ 15 лѣтъ, когда въ 1866 году инженеръ Энрико Дальгасъ основалъ «Общество культивированія безплодныхъ ютландскихъ равнинъ». Приступивъ къ дѣятельности при весьма скромныхъ матеріальныхъ средствахъ и небольшомъ составѣ членовъ, общество столь удачно практиковало культивированіе песковъ путемъ посадки горной ели, что скоро привлекло къ себѣ вниманіе мѣстнаго населенія. У общества постепенно явилось нѣсколько отдѣленій. Съ меньшимъ успѣхомъ примѣняло оно мѣры орошенія, разработки болотъ, добычи мергеля. Частью безвозмездно, частью на извѣстныхъ весьма льготныхъ условіяхъ возмѣщенія расходовъ принимало оно на себя всякаго рода содѣйствіе частнымъ лицамъ въ подобнаго рода улучшеніяхъ. Позднѣе обществу стало оказывать помощь регулярными субсидіями правительство, убѣдившееся въ высокой полезности дѣятельности общества. И вотъ въ результатѣ черезъ 25 лѣтъ дѣятельности общества вмѣсто прежнихъ 160 кв. мил. безплодныхъ равнинъ, дюнь и болотъ, осталось всего 80 миль, и то разбросанныхъ отдѣльными небольшими участками, какъ бы ожидающихъ своей очереди также быть культивированными. Каналы, которые общество успѣло провести за 25 лѣтъ, занимаютъ протяженіе въ 48 миль (336 верстъ), и орошаютъ около 10,000 десятинъ земли, создавая, такимъ образомъ, дуга, цѣнность которыхъ достигаетъ 5 милліоновъ кронъ (2¹/₂ мил. руб.). Неудивительно послѣ этого, что когда инициаторъ общества Энрико Дальгасъ умеръ 16 апрѣля 1894 г., благодарное населеніе воздвигло ему памятникъ на мѣстѣ его дѣятельности, въ равнинѣ Тирслунгъ, между городами Кольдингомъ и Эсберггомъ.

Очерки г. Ганзена, являющіеся результатомъ его поѣздокъ по тремъ сѣвернымъ государствамъ въ 1892 и 1895 гг., ранѣе были напечатаны въ фельетонахъ «Правительственнаго Вѣстника» въ «С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ журналѣ «Русская Мысль». Несмотря на отсутствіе внѣшней связи и разнородность затрогиваемыхъ предметовъ, очерки связаны одною общею идеею—дать представленіе на рядѣ примѣровъ различныхъ обществъ и учреждений, что можетъ сдѣлать личная и общественная инициатива въ дѣлѣ культурнаго развитія страны и въ области благотворенія. Большинство очерковъ посвящено Дави, какъ наиболѣе полно и ярко отразившей всѣ основныя черты обще-сѣверной культуры. Здѣсь краткія біографіи датскихъ меценатовъ и дѣятелей просвѣщенія Людвига

Гольдберга и Якобсена, очеркъ высшихъ народныхъ школъ въ Даніи, очерки о примѣненіи гимнастики и ручного труда въ датскихъ учебныхъ заведеніяхъ, общества дешевыхъ квартиръ, призрѣнія слабоумныхъ, слѣпыхъ, призрѣнія и поощренія прислуги въ Копенгагенѣ и проч. Далѣе идутъ очерки организаціи помощи бѣднымъ и образцовыхъ домовъ въ Христіаніи, и описаніе мѣръ борьбы съ пьянствомъ въ Швеціи и Норвегіи. Приведенный перечень содержанія очерковъ П. Ганзена, написанныхъ безпритязательнымъ и легкимъ языкомъ, даетъ возможность судить объ интересѣ и разнообразіи затрогиваемыхъ имъ сюжетовъ.

М. Плотниковъ.

Ф. Регельсбергеръ. Общее ученіе о правѣ. Переводъ И. А. Базанова подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова. Изданіе Комиссіи по организаціи домашняго чтенія М. 1897 г. XIV+295 стр. Цѣна (въ переплетѣ) 1 р. 40 к.

Книга эта представляетъ переводъ первой трети перваго тома объемистаго и еще незаконченнаго курса римскаго права въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ въ современной Германіи. Хотя вообще переводъ незначительной части какого либо труда весьма рѣдко можетъ представлять научный интересъ, но въ настоящемъ случаѣ переведенная часть книги проф. Регельсбергера, служащая введеніемъ къ самому его курсу, представляетъ вполне законченное и самостоятельное цѣлое.

Издатели предпослали этой книгѣ небольшое предисловіе, въ которомъ указываютъ, что книга эта «отличается очень важными достоинствами. Въ ней читатель найдетъ не сухой элементарный учебникъ, а изложеніе современнаго состоянія разработки общихъ вопросовъ о правѣ. Въ простой и ясной формѣ, свободной отъ риторическихъ украшеній, авторъ вполне объективно излагаетъ и разбираетъ самые сложные и запутанные вопросы юриспруденціи... Онъ не навязываетъ читателю личныхъ субъективныхъ взглядовъ, но ограничивая, по возможности, свою задачу подведеніемъ итоговъ ученой работы, подвергаетъ глубокому анализу и безпристрастной, спокойной и всесторонней оцѣнкѣ результаты изслѣдованій своихъ предшественниковъ». (XI—XII). Книга Регельсбергера вполне заслуживаетъ такого отзыва, хотя слѣдовало бы сдѣлать нѣкоторую оговорку относительно «простой и ясной формы». У автора не рѣдко можно встрѣтить разсужденія въ родѣ слѣдующаго: «Абстрактныя правоотношенія въ общемъ порядкѣ явленій представляютъ собою точки покоя. Они входятъ въ общій правовой порядокъ, и подобно тому какъ этотъ послѣдній въ цѣломъ есть учрежденіе (eine anstaltliche Erscheinung), тоже самое нужно сказать и объ отдѣльныхъ его членахъ. Разсматриваемые съ этой стороны члены праваго порядка называются правовыми институтами» (27).

Но за немногими подобными исключеніями, языкъ—а еще болѣе того мысли автора—вполнѣ ясны и опредѣленны.

Многіе изъ затронутыхъ авторомъ вопросовъ разработаны имъ такъ содержательно, что чтеніе этой книги не можетъ не заинтересовать и людей, специально занимавшихся общими вопросами права; къ тому же въ русскомъ переводѣ сохранены всѣ ссылки подлинника на германскую литературу (въ нѣмецкихъ ученыхъ трактатахъ обыкновенно ссылаются на

иностранныя литературы не бывает), такъ что для научныхъ работъ эта книга можетъ служить прекраснымъ руководствомъ, чтобы разобратъся въ нѣмецкой литературѣ затронутыхъ Регельсбергеромъ вопросовъ общей теоріи права. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ напр. о толкованіи законовъ, объ отношеніи закона и обычая, объ отношеніи права къ нравственности и къ справедливости, постоянно возникаютъ у каждаго думающаго юриста; факты, разъясняющіе эти вопросы, постоянно привлекаютъ его вниманіе; подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ, часто случайныхъ впечатлѣній развиваются и иногда почти незамѣтно для насъ видоизмѣняются наши мнѣнія по многимъ вопросамъ. Поэтому у каждаго сознательно относящагося къ своему дѣлу юриста постоянно возникаетъ потребность—провѣрить на новыхъ фактахъ свои мысли по крайней мѣрѣ по основнымъ общимъ вопросамъ права, согласовать свои мысли, привести ихъ въ систему. И мало можно назвать книгъ, въ которыхъ мыслящій юристъ можетъ найти такое же, какъ у Регельсбергера, количество фактовъ и сопоставленій, будащихъ мысль, такое количество наукою установленныхъ положеній, на которыхъ каждый можетъ провѣрить свои собственныя мысли. Для нашей юридической литературы переводъ этой книги является крупнымъ приобрѣтеніемъ.

Самый переводъ, не смотря на серьезныя трудности, представляемыя подлинникомъ, сдѣланъ въ общемъ довольно удовлетворительно, хотя имѣются и трудно оправдываемые промахи: «конкретное отношеніе гражданскаго права», вмѣсто «конкретнаго гр. правоотношенія». (172 стр. также 72, 82).

Но, къ сожалѣнію, для настоящаго изданія книги Регельсбергера, къ нему надо приступать съ совершенно спеціальными требованіями—съ требованіями, предъявляемыми популярнымъ книгамъ, книгамъ для самообразованія.

Судя по изданнымъ московскою комиссіею по организаціи домашняго чтенія «Программамъ Дом. Чтенія на второй годъ» (Москва 1896 г.), стр. 125—129, «Общее ученіе о правѣ» Регельсбергера предназначено для лицъ, юридическое образованіе которыхъ ограничивается 4 брошюрами. По словамъ Комиссіи эти 4 брошюры «покажутъ читателю, что право—одинъ изъ существенныхъ элементовъ культуры народа; оно постоянно отражаетъ на себѣ всѣ особенности послѣдней и потому, въ основѣ своей, есть явленіе историческое и національное. Оно зарождается и развивается въ зависимости отъ развитія частнаго и общественнаго быта. Какъ результатъ борьбы разнообразныхъ, иногда противоположныхъ интересовъ отдѣльныхъ членовъ и классовъ общества, право послѣдовательно измѣняется вмѣстѣ съ ходомъ этой борьбы. Право представляется, такимъ образомъ, сложнымъ общественнымъ явленіемъ». (126). Кромѣ этихъ 4-хъ брошюръ Комиссія рекомендуетъ (126) ознакомиться съ тѣми главами «Лекцій по общей исторіи права» Коркунова, въ которыхъ разбираются различныя гипотезы происхожденія права и дается общее опредѣленіе самого понятія права.» Затѣмъ слѣдуетъ обратиться къ изученію книги Регельсбергера.

Таковъ багажъ юридическихъ свѣдѣній, съ которыми будутъ приступать къ Регельсбергеру. Однако уже одно то обстоятельство, что книга

эта составляет часть не учебника—*Lehrbuch*,—хотя бы и для студентовъ, а трактата—*Handbuch*—предназначеннаго для людей, уже специально изучивших данную отрасль правовѣдѣнія, заставляеть усумниться въ пригодности книги для тѣхъ читателей, для которыхъ предназначаетъ ее комиссія. По нашему мнѣнію, книга эта должна крайне затруднить этихъ читателей: авторъ все время предполагаетъ, что въ его книгѣ приступаютъ съ твердыми и ясными познаніями по гражданскому и римскому праву: онъ весьма часто лишь намекаетъ на ту или другую мысль и затѣмъ развиваетъ и поясняетъ ее исключительно на примѣрахъ, опять таки имъ слегка только указываемыхъ. Напр. по поводу «видовъ гражданско-правовыхъ притязаній» Регельсбергеръ говоритъ, что притязанія эти классифицируются съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія: 1) Противоположеніе *actiones*, по ихъ происхожденію (*actio civilis, honoraria, praetoria, aedilicia*) (270). И это все, что сказано о различіи по происхожденію, и эти латинскіе термины нигдѣ въ книгѣ не пояснены. Что же узнаеть изъ этой фразы читатель съ описанной выше подготовкою? Или еще: «Творецъ нормы не сознаеть полноты заложеннаго въ ней юридическаго матерьяла. Требуется работа повогнѣній... для того, чтобы норма перешла въ общее сознаніе во всей своей широтѣ. Право эвнѣціи, интеррессіи, коллаціи, *damnum injuria datum* и многіе другіе примѣры служатъ этому доказательствомъ» (169). Самообразовающіеся читатели убѣдятся ли этимъ доказательствомъ?

Издатели ясно сознавали, что для начинающихъ предлагаемая книга, быть можетъ, представитъ нѣкоторыя трудности въ виду того, что предметъ ея освѣщается примѣрами, заимствованными, главнымъ образомъ, изъ системы римскаго права» (Предисл. XII). «Эти трудности по мнѣнію издателей—неизбѣжны и легко преодолимы» (тамъ-же). Но если бы издатели справились съ любовью «Общею теоріею права», написанною для начинающихъ, то легко бы убѣдились, что такого рода непонятныя примѣры вовсе не неизбѣжное зло.

Но какимъ образомъ, по мнѣнію Комиссіи, читатель долженъ легко преодолѣть эти трудности? Къ тому же надо замѣтить, что издатели не сдѣлали ничего, чтобы сколько нибудь облегчить положеніе читателя. Не только отдѣльными латинскія выраженія остались напечатанными по-латыни—отъ русской транскрипціи терминовъ читателей мало выиграла бы,—издатели оставили непереуведенными значительное количество латинскихъ фразъ подъ часъ совершенно необходимыхъ, чтобы понять смыслъ того или иного періода (ср. 88, 89, 119, 189, 231, 264, 268, 272, 289 и мн. друг.) Но этотъ недостатокъ дѣлаеть непонятными лишь одни отдѣльныя мѣста, тогда какъ неразъясненность техническихъ юридическихъ терминовъ, десятками встрѣчающихся на каждой страницѣ, дѣлаеть всю книгу непригодною для той цѣли, для которой она предназначалась. Нельзя не замѣтить, что нѣкоторые термины, обстоятельно разъясненные въ нѣмецкомъ подлинникѣ, предназначеномъ для специалистовъ, предполагаются вполне понятными для читателей «Библиотеки для самообразования». Таково напр. понятіе постоянно упоминаемаго «общаго права» (приблизительно «римское право» въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствуетъ въ современной Германіи), оставленное переводчикомъ безъ поясненія и

обстоятельно разъясненное въ подлинникѣ Regelsberger, Pandekten. I стр. 17).

Если сопоставить книгу Регельсбергера напр. съ «Лекціями» Коркунова, то нетрудно придти къ заключенію, что наиболѣе интересныя вопросы общей исторіи права (происхожденіе права, опредѣленіе права, общественныя условія развитія права) разработаны у Коркунова съ полнотою, не допускающею никакого сравненія съ Регельсбергеромъ, книга котораго представляетъ собственно не общую исторію права, а нѣсколько главъ изъ общей части-гражданскаго права. Тѣ же отдѣлы, которые у Регельсбергера разработаны полнѣе,—толкованіе закона, частное международное право,—представляютъ для начинающаго значительно меньшій интересъ; относительно нѣкоторыхъ §§ этихъ отдѣловъ сами издатели признають, что они могутъ быть пропущены читателемъ безъ вреда для пониманія дальнѣйшаго. (Программы, 128).

Книга Регельсбергера несомнѣнно обогатитъ русскую переводную ученую литературу, но зачѣмъ понадобилось ея изданіе въ настоящемъ его видѣ Комиссія по организаціи домашняго чтенія, мы, признаться, не понимаемъ.

Н. Лазаревскій.

П. Г. Мижуевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 1898 г. Стр. 170. Ц. 80 к.

Такъ ужъ у насъ повелось чуть ли не испоконъ вѣку, что мы за всѣмъ по педагогической части обращаемся къ нѣмцамъ. Нѣмцы прослыли у насъ отличными педагогами, могущими поучить всѣхъ, а Германія—отличной педагогіи. Мы усвоили это мнѣніе о нѣмецкой педагогіи главнымъ образомъ со словъ нѣмцевъ же, которые нисколько не стѣсняются превозносить себя и свою педагогію. Въ исторіи педагогики Карла Шмидта (русс. пер. изд. 1877 г.), авторъ ея довольно скромно заявляетъ, что „Германія, эта страна мысли, занимаетъ вершинную точку теоретическаго и практическаго развитія въ воспитаніи“, а призваніе германскаго народа опредѣляетъ такъ: быть ни больше, ни меньше, какъ „свѣтиломъ и животворною силою міра“ (т. 1, стр. 45, 54). Дальше такихъ глухихъ самопревознесеній идти по этой части некуда. А мы спроси и повѣрили нѣмцамъ: чуть поднимается у насъ какой либо педагогическій вопросъ, намѣчается какая либо реформа въ учебномъ дѣлѣ—сейчасъ мы шлемъ пословъ къ нѣмцамъ, какъ они разрѣшаютъ эти вопросы. Какъ извѣстно, наши классическія гимназіи списаны съ нѣмецкихъ, и все дѣло средняго образованія развивается въ полной зависимости отъ нѣмцаго. Безъ нѣмцевъ мы шагу не смѣемъ ступить, а сами боимся сдѣлать что либо свое; только тѣмъ и живемъ, что нѣмцы скажутъ. А между тѣмъ постановка у насъ средняго образованія едва ли кого удовлетворяетъ, необходимость реформъ сознава, жажется, всѣми, а когда захотятъ къ нимъ приступить, тогда, вѣроятно, обратятся къ нѣмцамъ же за наукой.

Два коренныя недостатка безраздѣльны съ нашей средней школой: убійственное, мертвящее единообразіе и полное отсутствіе связи съ общественными мѣстными потребностями. У насъ и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Архангельскѣ, и въ Тифлисѣ школы организованы совершенно одина-

ково, они не имѣютъ никакого отношенія ни къ мѣсту, ни къ людямъ онѣ взяты изъ Германіи и насаждены въ Россіи. Попеченіе о такихъ школахъ имѣютъ исключительно чиновники, общество не имѣетъ никакого вліянія на школы.

Между тѣмъ, не только вполне возможенъ, но и давнымъ давно существуетъ совершенно другой строй средняго образованія, при которомъ единообразіе въ организаціи школы считается не благомъ, а зломъ, а самая живая и тѣсная связь школы съ мѣстной жизнью и мѣстнымъ обществомъ признается *conditio sine qua non* школы. Эта благословенная страна—Англія, въ ней два сейчасъ изложенныя положенія признаются азбучными истинами, противъ которыхъ невозможно спорить, о которыхъ нечего распространяться, потому что онѣ понятны и безъ объясненій.

«Мы глубоко убѣждены», заявляетъ одна изъ королевскихъ комиссій по изслѣдованію народнаго образованія въ Англіи, «что въ дѣлѣ народнаго образованія слѣдуетъ всегда опираться на самодѣятельность гражданъ. Глубокомысленные педагоги могутъ дать намъ много прекрасныхъ совѣтовъ; парламентъ, согласно съ этими совѣтами, можетъ издать мудрые законодательные акты, однако же истинная сила, которая одна можетъ одухотворить все движеніе, можетъ исходить только отъ народа. Всякая мѣра, возбуждающая интересъ народа къ школѣ, все, что только можетъ поселить въ народѣ убѣжденіе, что школьное дѣло есть дѣло всѣхъ и что для каждаго долженъ быть дорогъ всякій видъ участія въ такомъ важномъ и живомъ дѣлѣ, все это не менѣе важно, тѣмъ самыя рациональныя программы и самая искусная администрація». Вотъ какъ думаютъ въ Англіи о постановкѣ народнаго образованія.»

Другая королевская комиссія собственно о среднемъ образованіи говоритъ: «мы не только далеки отъ мысли предоставить организацію средняго образованія какому нибудь министерству, напротивъ, мы предлагаемъ предоставить инициативу въ дѣлѣ организаціи средняго образованія мѣстнымъ властямъ. Мы не желаемъ, однако, чтобы мѣстнымъ властямъ была предоставлена монополія заботы о среднемъ образованіи въ ущербъ инициативѣ отдѣльныхъ личностей. Намъ совершенно чуждо стремленіе къ установленію единообразія. Свобода, разнообразіе, эластичность есть и были тѣ достоинства англійскаго воспитанія, которыми искупаются многіе его недостатки, и эти достоинства во всякомъ случаѣ должны быть сохранены». Одинъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ дѣятелей по народному образованію въ Англіи Акландъ высказалъ слѣдующее убѣжденіе: «во всякомъ учебномъ дѣлѣ должна быть извѣстная эластичность, отношеніе каждой средней школы къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ и учебнымъ заведеніямъ высшимъ должно быть предметомъ серьезнаго обсужденія со стороны педагогическихъ властей графства, при постоянномъ участіи представителей мѣстнаго самоуправленія».

Можетъ быть, это только теорія, только идеалы, а дѣйствительность совсѣмъ иная? Нѣтъ, въ Англіи и на дѣлѣ существуетъ крайнее разнообразіе въ строѣ среднихъ школъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, и широкое участіе мѣстнаго самоуправленія въ школьномъ дѣлѣ.

Въ Англіи среднимъ учебнымъ заведеніемъ законъ считаетъ всякую школу, гдѣ дается образованіе выше элементарнаго, гдѣ учатъ, напри-

мѣръ языкамъ, латинскому, греческому, английскому языку и литературѣ, новымъ языкамъ, математикѣ, естествознанію, прикладнымъ наукамъ, или нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ, какъ и всякимъ другимъ не входящимъ въ составъ элементарныхъ знаній». Вслѣдствіе этого разнообразіе среднихъ школъ въ Англии необычайно. Въ уставахъ школъ учебныя программы указываются обыкновенно лишь въ общихъ чертахъ, обыкновенно указывается лишь минимальный уровень того, что должно быть преподаваемо въ школахъ. Расширеніе преподаванія и болѣе обстоятельная регламентація предоставляются усмотрѣнію самого школьнаго начальства. Въ Англии держатся убѣжденія, что если тотъ или другой типъ школы уже установился и принялъ опредѣленный характеръ, то все же не слѣдуетъ опредѣлять всѣ тѣ предметы, каковымъ въ такихъ школахъ слѣдуетъ учить.

Въ указанныхъ направленіяхъ читатель найдетъ много свѣдѣній объ английской средней школѣ въ брошюрѣ П. Г. Мижужева. Она составлена авторомъ на основаніи множества документальныхъ данныхъ и наблюдений надъ английской школой американца (Шарплесса), француза (Леклерка) и итальянца (Моссо). Въ брошюрѣ довольно выписокъ изъ отчетовъ этихъ трехъ наблюдателей. При слѣдующемъ изданіи брошюры желательно видѣть: болѣе стройное изложеніе фактовъ, съ устраненіемъ повтореній и восклицаній къ русскому читателю, напр. въ родѣ того, что ему трудно представить положеніе дѣлъ (если дѣла описаны отчетливо, то представить очень легко), побольше подробныхъ и, по возможности, яркихъ характеристикъ разнообразныхъ типовъ среднихъ школъ въ Англии и присоединеніе къ брошюрѣ оглавленія содержанія, что представляется элементарнымъ требованіемъ отъ книжки въ 170 убогихъ и большихъ страницъ.

П. Каптеревъ.

Элементарная гигиена и основы анатоміи и физиологій.

Руководство для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Врачъ Л. Л. Рябининъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно. Для первоначальныхъ школъ и для бесѣдъ въ семьѣ. Москва. 98 г. Ц. 20 к. Переводъ съ английскаго. Съ предисловіемъ И. Горбунова-Посадова.

Распространеніе гигиеническихъ свѣдѣній среди населенія при посредствѣ школы, хотя до сихъ поръ является вопросомъ спорнымъ, но намъ все чаще и чаще приходится встрѣчать сообщенія о введеніи преподаванія гигиены въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и число руководствъ, пособій и т. п. для учащихся. Къ числу таковыхъ руководствъ относятся и вышеуказанныя два—одно изъ нихъ специально назначается для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній (первое), второе—для начальныхъ школъ и для бесѣдъ въ семьѣ.

Не смотря на одинаковую цѣль и, до нѣкоторой степени, среду, для которой назначаются эти руководства, между ними большая разница какъ по содержанію, такъ и по плану изложенія. Послѣдній, нужно замѣтить, играетъ существенную роль во всякомъ руководствѣ.

Если составленіе руководства по гигиенѣ вообще вещь нелегкая, то составленіе такового для лицъ, совсѣмъ не знакомыхъ ни съ анатоміей, ни съ физиологіей и естественными науками, еще болѣе затруднительно; отъ автора требуется не только знаніе своего предмета, но опытность и умѣнье изложить. Д-ръ Рябининъ излагаетъ предметъ *по уроку* и въ концѣ каждаго урока предлагается повтореніе пройденнаго въ формѣ вопросовъ. Насколько такая система въ руководствахъ практична и полезна, мнѣнія педагоговъ расходятся, хотя, по нашему мнѣнію, она въ данномъ случаѣ полезна.

Всѣхъ уроковъ въ книгѣ 37, и нѣкоторые изъ нихъ посвящены описанію болѣзней перваго дѣтскаго возраста, говорится о заразныхъ болѣзняхъ, о простудѣ (одинъ изъ первыхъ уроковъ), наслѣдственности и т. д. Всѣ болѣзни авторъ производитъ отъ десяти причинъ: 1) простуды, 2) плохого воздуха, 3) плохого жилья, 4) несоблюденія чистоты и опрятности, 5) нецѣлесообразности питанія, 6) нецѣлесообразной одежды, 7) нервнаго вліянія, 8) заразы, 9) поврежденій, отравленій и другихъ несчастныхъ случаевъ, 10) наслѣдственности. «Изученіе всѣхъ этихъ причинъ, съ указаніемъ, какъ ихъ беречься, и служить предметомъ гигиены» (5). Такое дѣленіе слишкомъ искусственно; въ происхожденіи болѣзней играютъ не однѣ только указанныя причины, а и другія или совмѣстно нѣсколько.

О строеніи человѣческаго тѣла и его отправленіи говорится только въ третьемъ урокѣ—между тѣмъ какъ подобныя свѣдѣнія должны быть сообщаемы съ самаго начала, а не начинать съ простуды, какъ дѣлаетъ авторъ. Анатоміи и физиологіи посвящены всего около семи уроковъ. Въ урокѣ (8) о свѣтѣ и освѣщеніи почему-то включено и соблюденіе чистоты и опрятности (26), хотя послѣднее относится къ кожѣ или лучше еще должно составлять самостоятельную главу. О нѣкоторыхъ отдѣлахъ гигиены авторъ даетъ слишкомъ уже краткія свѣдѣнія (стр. 50, 54, 78 и 88), а потому и получается нѣкоторая нелѣпость (28), нерациональность совѣтовъ чистить, напр., зубы зубочисткой изъ гусиного пера (79), пить пиво до 2 бут. въ день для укрѣпленія здоровья (58), почему эти двѣ, а не три, не одну? Точно также не вѣрно, что водка согрѣваетъ (37). По поводу алкоголя нужно было бы сказать болѣе, въ виду того, что вопросъ этотъ играетъ большую роль въ гигиенѣ не только личной, но и общественной. Наиболѣе слабы главы о заразныхъ болѣзняхъ, какъ по описанію признаковъ этихъ болѣзней, такъ и по принятію мѣръ, напр., на стр. 87 говорится, будто оспа начинается «гноной высыпью, отъ когорой остаются безобразные рубцы»; отсюда читатель ничего не узнаетъ. Не умѣстно совѣтовать обязательное оспoprививаніе при существующей у насъ организаціи медицинской помощи.

Приложенные въ книгѣ рисунки, хорошо исполненные, значительно облегчаютъ учащемуся чтеніе книжки. Замѣченные недостатки не мѣшаютъ признать за означеннымъ руководствомъ извѣстнаго значенія. Но при этомъ не можемъ не высказать, что авторъ затронулъ много вопросовъ въ ущербъ главнымъ, и по необходимости долженъ былъ сокращать свое изложеніе. Поэтому лучше было бы или взять нѣкоторые изъ отдѣловъ гигиены и ихъ основательнѣе изложить, или объ однихъ изъ этихъ отдѣловъ болѣе подробно сказать, и о другихъ—кратко.

Что касается *второй брошюры*, предназначенной для начальныхъ школъ, то въ ней главнымъ образомъ даются свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла, его отправленияхъ и между прочимъ только сообщаются краткія гигиеническія свѣдѣнія. Но что особеннаго въ этой книгѣ, это энергичное наставленіе на вредѣ спиртныхъ напитковъ, о которыхъ, кромѣ предисловія Горбунова-Посадова (1—12), упоминается очень часто и даже заканчивается призывомъ «никогда не пить ни водки, ни вина, ни пива» (72). Вполнѣ соглашаясь, что алкоголь и всѣ алкогольные напитки вредны для человѣка, мы тѣмъ не менѣе должны признать, что многое въ этомъ вопросѣ и не выясненнаго и потому категоричность выраженія и выводовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неумѣстна. А между тѣмъ въ названной книгѣ можно встрѣтить не мало такихъ заключеній, которыя едва ли желательны въ такомъ руководствѣ, какъ разбираемое нами.

Книжка состоитъ изъ 12 главъ, кромѣ предисловія, снабженныхъ 28 рисунками изъ анатоміи. И здѣсь начинается изложеніе не съ анатомической стороны, а съ описанія, съ главы подъ названіемъ «для чего мы ѣдимъ, что мы ѣдимъ и что необходимо тѣлу». Далѣе цѣлая глава посвящена спиртнымъ напиткамъ. Съ пятой по седьмой говорится о крови, съ восьмой излагается строеніе тѣла, причеиъ въ связи съ анатомическими свѣдѣніями излагаются физиологическія, что вполнѣ удобно да и для учащихся понятнѣе. Говоря о кожѣ, слѣдовало бы подробнѣе остановиться на одеждѣ. Въ общемъ книжка удовлетворяетъ своей цѣли и можетъ служить руководствомъ для учащихся, особенно хорошо исполнены рисунки, но тѣмъ не менѣе встрѣчается не мало мѣстъ, выражений и притомъ еще въ категорической формѣ, — которыя недостаточно ясны или спорны, а потому должны быть избѣгаемы или исправлены. Напр., «почему почти всякая зажаренная пища менѣе здорова, чѣмъ приготовленная какъ нибудь иначе (16). На основаніи чего такъ категорически высказывается авторъ, что «вообще люди ѣдятъ сладкаго больше, чѣмъ слѣдуетъ» (16). Слѣдовало бы указать, какую ребенку давать пищу, когда у него зубы (17). Еще болѣе осторожнѣе слѣдовало выразиться относительно качества питательности пищи, приготовляемой изъ различныхъ зерновыхъ хлѣбовъ (18), напр., нельзя отождествлять по питательности съ мясомъ горохъ и бобы. Говоря о пивѣ, которое отнесено къ спиртнымъ напиткамъ, нельзя такъ сказать, что пиво потому вредно, что оно отравлено алкоголемъ (25). Далѣе непонятно, да и не доказано, что алкоголь способствуетъ тому, что мозгъ *сжимается* и *твердеетъ* (62), или, что спиртные напитки и куреніе табакъу останавливаютъ ростъ (51). Не останавливаясь на другихъ неточностяхъ, которыя должны быть исправлены при послѣдующемъ изданіи и совсѣмъ опущены такія мѣста, какъ «мозгомъ управляетъ душа», или «душа передаетъ черезъ мозгъ свои приказанія» (63), или пояснить такія мѣста— «у дѣтей, прилежно занимающихся въ школѣ, мозгъ впоследствии становится на болѣе трудную работу» (61).

Если мы болѣе подробно остановились на послѣдней брошюрѣ, то потому, что она является первой среди общедоступной литературы о вредѣ спиртныхъ напитковъ для дѣтскаго возраста и школы. Вотъ почему на такія изданія должно быть обращено особенное вниманіе, тѣмъ болѣе,

что предполагаются къ изданію подобныя руководства и для старшаго возраста, и для самихъ учителей и воспитателей.

«Спутникъ здоровья.» Популярная гигиеническая и медицинская бібліотека. Изд. И. Богельмана, подъ редакціей Академика И. Р. Тарханова. 1897 г.

Въ предисловіи къ названному изданію заявляется, что «всѣ эти изданія имѣютъ цѣлью познакомить постепенно публику въ общедоступной формѣ съ различными наиболѣе распространенными формами заболѣваній, съ домашними мѣрами борьбы съ ними и способами предохраненія отъ нихъ.»—Судя по вышедшимъ книжкамъ, изданіе обѣщаетъ быть интереснымъ и не бесполезнымъ для читателя, если редакторъ обратитъ особенное вниманіе на гигиеническую сторону, а не на лѣчебную.

Въ первомъ выпускѣ помѣщенъ очеркъ объ *англійской болѣзни-рахитѣ* соч. д-ра Р. Кальперина. Въ названной книжкѣ читатель находитъ довольно подробное описаніе этой болѣзни, являющейся одной изъ наиболѣе распространенныхъ болѣзней среди недостаточнаго фабричнаго, городского населенія, не только у насъ, но и за границею. Авторъ выясняетъ причины происхожденія рахита (54 стр.), начало болѣзни, пораженія ею костей головы, грудныхъ, спины, конечностей, таза и зубовъ, говоритъ о различныхъ осложненіяхъ, происходящихъ отъ рахита и тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, какія бываютъ, какъ распознать его (очень кратко—всего страничка). Послѣднія двѣ главы (XII—XIII) посвящены мѣрамъ противъ англійской болѣзни; изъ нихъ наиболѣе видное мѣсто отводится санаторіямъ и лѣчебнымъ колоніямъ. Что касается общественныхъ мѣропріятій противъ развитія рахита, то рекомендуются: улучшенія жилищъ въ санитарно-гигиеническомъ отношеніи, устройство въ населенныхъ мѣстностяхъ дѣтскихъ яслей, пріютовъ, садовъ и т. д. Такія мѣропріятія особенно необходимы въ фабричныхъ мѣстностяхъ, гдѣ помимо всего этого, по нашему мнѣнію, должно быть обращено особенное вниманіе на питаніе дѣтей, о чемъ авторъ вышеуказанной книги упоминаетъ какъ то мимоходомъ.

Издана книжка хорошо, хотя рисунки оставляютъ желать многого; цѣна ея высока, что можетъ послужить препятствіемъ къ распространенію книжки.

II. «Необходимыя мѣры при заразныхъ болѣзняхъ», составлено д-мъ В. Зибольдомъ. ц. 30 к. стр. 32.

Рационально принятія мѣры при заболѣваніи какой либо заразной болѣзней—даютъ половину шансовъ на успѣхъ въ прекращеніи распространенія болѣзни. Къ сожалѣнію, такихъ то свѣдѣній—какія мѣры принимать для борьбы съ ними и не знаетъ наше общество. Цѣль вышеуказанной книжки дать возможность ознакомиться публикѣ съ такими мѣрами. Здѣсь говорится о дезинфекціи вообще, о мѣрахъ при уходѣ за больными съ тою или другою заразною болѣзней и даются краткія свѣдѣнія о 16 заразныхъ болѣзняхъ. Первые двѣ главы достаточно полно изложены и могутъ быть поняты среднимъ читателемъ, остальные о болѣзняхъ изложены отрывочно, кратко—такъ, нѣкоторымъ изъ этихъ болѣзней отведено

по 2—3 строчки, такъ что читатель изъ такого описанія ничего не выноситъ.

III. Наибольше интересно и по содержанію и по полнотѣ изложенія является книжка (подъ № 5) о простудѣ профессора *Тарханова*. Вопросъ весьма существенный и хотя всѣмъ извѣстный въ обыденной жизни, но непонятный съ научной стороны. Въ названной брошюрѣ выясняется, въ чемъ собственно состоитъ простуда, какія дѣйствительныя измѣненія вызываетъ она въ сложныхъ отправленияхъ человѣческаго тѣла, къ какому рода заболѣваніямъ можетъ она вести и какъ лучше всего предохранить себя отъ простуды. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію того, что такое простуда, авторъ въ трехъ главахъ говоритъ о такъ называемой животной теплотѣ и о томъ, «какими путями организмъ отстаиваетъ постоянно своей внутренней температуры въ борьбѣ съ наружнымъ холодомъ и тепломъ». Затѣмъ уже идетъ изложеніе о томъ, какимъ образомъ простуда выражаетъ заболѣванія (глава IV) и между прочимъ указывается на то, что простуда является распространяющей причиной заболѣваній инфекціонными болѣзнями (71—75). Послѣдняя VI глава; она посвящена къ выясненію того, какъ бороться съ простудой (92—114)—наибольше существенная въ практическомъ отношеніи. Здѣсь указываются, какъ частныя мѣры, такъ и общія, служащія къ укрѣпленію организма. Не можемъ только согласиться съ мнѣніемъ автора о безусловной полезности фуфаякъ, (103) которыя онъ рекомендуетъ и одобряетъ для ношенія.

Изложеніе хорошее, книжка читается легко, благодаря умѣнью автора популяризовать научные вопросы. Читатель выноситъ опредѣленное представленіе о простудѣ и найдетъ возможнымъ принять тѣ или другія мѣры противъ нея.

Совѣты о томъ, какъ лѣчить наружныя болѣзни и ухаживать за больными. Врача В. Рахманова. Дополнено привать доцентомъ Московс. универс. д—мъ С. Березовскимъ 1898 г. изд. «Посредника» ц. 15 к.

Названная книжка (92 стр.) убористой печати, съ нѣскольکو страннымъ посвященіемъ «всѣмъ, кто помнитъ Христа и Его святаго заповѣди», (16) какъ будто другіе не заслуживаютъ такого обращенія, заключаетъ въ себѣ наставленіе о томъ, какъ лѣчить раны, язвы, опухоли, нарывы, чесотку, ломоту и разныя поврежденія, болѣзни кожи, костей, суставовъ и т. д. Захватывая такой обширный отдѣлъ изъ медицины, съ цѣлью сдѣлать общедоступнымъ свѣдѣнія о различныхъ наружныхъ заболѣваніяхъ, авторъ волея-волея долженъ быть кратокъ, что и замѣтно въ нѣкоторыхъ главахъ. Въ введеніи изложено описаніе устройства человѣческаго тѣла, иллюстрируемое рисунками. Довольно подробно говорится о наружныхъ частяхъ тѣла (кожа, мышцы, кости) и затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію пораненій, признаковъ ихъ и подачѣ первой помощи при различнаго рода пораненіяхъ, кровотеченіяхъ, переломахъ и т. д. Изложеніе простое и довольно наглядно иллюстрируется рисунками. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ говорится о болѣзняхъ кожи и лѣченіе ихъ. Нѣкоторыя главы въ этомъ отдѣлѣ совершенно лишнія, а о терапевтическомъ лѣченіи и совѣтъ

бы не слѣдовало упоминать (46 и сл.). Сюда авторъ вводитъ главу о воспаленіяхъ подкожныхъ слизистыхъ сумокъ, сухожилій, объ опухоляхъ (77) и нервныхъ боляхъ (80). Въ заключеніе дѣлается общій обзоръ наружныхъ болѣзней, главными признаками которыхъ авторъ считаетъ: боль, припухлости, красноту и зудъ. Что касается ухода за больнымъ наружными болѣзнями, то здѣсь отводится главное мѣсто строгому обеззараживанію (чистотѣ) и покою. Авторъ вполне правъ, когда говоритъ, что при сказанныхъ наружныхъ болѣзняхъ нужно не дѣкарство, а чистота и уходъ (87), и этотъ принципъ необходимо было провести самому автору.

За исключеніемъ вышеуказанныхъ недостатковъ, книжка имѣетъ много и достоинствъ—написана понятнымъ языкомъ (хотя безъ ущерба нѣкоторыя мѣста можно было бы сократить) съ знаніемъ той среды, для которой назначена, безъ поддѣлки подъ народную рѣчь: брошюрой могутъ воспользоваться не одни только интеллигентныя лица, но и болѣе или менѣе грамотныя, тѣмъ болѣе, что рекомендуемые совѣты болѣею частью легко выполнимы. Поэтому книжка можетъ быть рекомендована для народныхъ библиотекъ и читаленъ. Изданіе хорошее и по цѣнѣ доступное.

Ц. Никольскій.

Ц. Вл. Засодимскій. Дѣдушкины рассказы и сказки. Библиотека «Дѣтскаго чтенія» М. 1898 г.

Нельзя не признать приятнымъ «знаменіемъ времени», что въ послѣднее время все чаще авторами произведеній «для дѣтей» являются тѣ же знакомые взрослой публикѣ беллетристы и литераторы. Видимо, отмираютъ взгляды, по которымъ для творчества въ «дѣтской» словесности словно требовалось *поменьше* и таланта, и всякой интеллигентности, и даже смысла, кажется. А между тѣмъ, ясное дѣло, какъ на взрослыхъ, такъ и на дѣтей сильнѣе долженъ дѣйствовать писатель, у котораго отсутствіе крупнаго дарованія выкупается, въ той или другой степени, умомъ, стройностью міросозерцанія, терпимостью и искренностью темперамента, выработанностью языка. Беллетристъ-народникъ съ оттѣнкомъ не экономическаго, а политическаго характера, идейный бытописатель — г. Засодимскій разумѣется, не первостепенная художественная величина. Но цѣльность его убѣжденій, гуманность направленія, литературная оытность и просвѣщенность и особливо правдивость и горячность общаго тона рассказовъ—ставятъ его и какъ «дѣтскаго» писателя—несравненно выше иныхъ патентованныхъ ремесленниковъ-беллетристовъ, у которыхъ ярче всего выражена какъ будто только одна бездарность, соединенная съ полной безпринципностью. Въ выше названномъ изящномъ томикѣ семь очерковъ. Въ повѣсти «Милочка» изображена 10-лѣтняя дѣвочка — весьма настойчивая, даже упрямая, виѣсть съ тѣмъ и очень ласковая, умная и честная. Ей удается чуть не перевоспитать на свой ладъ старую бабушку помѣщицу. Очевидно, маловероятная тема, но передана она какъ-то задушевно—не безъ граціи и юмору. Въ рассказѣ «Въ майскій день» дружба дѣтей примиряетъ разсорившихся-было отцовъ, едва не разыгравшихъ Гоголевскую исторію Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. «Ужасное происшествіе» («Изъ воспоминаній рабочаго муравья») — Это,

пожалуй, наиболее слабый рассказ из всего сборника. Надо думать, что популяризация природовѣдѣнія не ампула г. Засодимскаго. „Безпріютный» (Изъ сказокъ жизни)—лишний разъ взываетъ къ уничтоженію нетерпимости и человѣко-ненавистничества. «Бело (изъ старинныхъ преданій): Мы согласны съ тѣмъ, что и для дѣтей ненужна чрезмѣрно-розовая и радужная окраска жизни. Но маленькій мальчикъ, томящійся «міровою скорбью»—это немножко черезъ чуръ, что называется. Въ сказкѣ «Ринальдово счастье» герой ея убѣждается, что «человѣкъ можетъ быть счастливъ лишь тогда, когда всѣ счастливы вокругъ него, но человѣкъ одинъ не можетъ быть счастливъ никогда». О чемъ повѣствуется въ рассказѣ: «Въ подвалѣ», догадаться нетрудно. И въ мрачныхъ и свѣтлыхъ картинахъ автора выручаетъ, повторяемъ, выдержанность и одушевленность настроенія.

А. Налимовъ.

Библиотека нашихъ дѣтей. Волшебныя сказки *Перро* (Красная шапочка.—Волшебница.—Синяя борода.—Спящая красавица. Котъ въ сапогахъ. Золушка. Рикъ-хохолокъ. Мальчикъ съ пальчикъ) съ 23 иллюстр., перев. съ франц. Е. В. Лавровой ц. 60 коп.—Приключеніе маленькаго Вигга въ ночь подъ Рождество. *В. Рюдберга*, съ 6 рис. пер. со шведскаго Е. В. Лавровой ц. 15 к.—Пушокъ и пушинка или самъ себя выручай *Ж. Массона*, вольный перев. съ франц. Е. Лавровой, съ 5 рис. ц. 10 к.—Козочка господина Сегена. *А. Додэ* съ портр. и рис. пер. Е. Лавровой съ 5 рис. ц. 5 коп.—Изданія Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 1898 г.

Всѣ названныя нами книжки составляютъ начало серіи, издаваемой съ недавняго времени подъ общимъ названіемъ «Библиотека нашихъ дѣтей» новой фирмой Е. В. Лаврова и Н. А. Поповой. Первое впечатлѣніе, производимое этими книжками, весьма благопріятное: отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ, съ весьма отчетливыми въ большинствѣ случаевъ рисунками, въ изящной обложкѣ, отпечатанной двумя красками, при доступной цѣнѣ, онѣ сразу располагаютъ къ себѣ и заставляютъ думать, что наши дѣти приобретаютъ въ новыхъ издателяхъ людей ихъ любящихъ и желающихъ своимъ трудомъ и знаніемъ содѣйствовать воспитанію ихъ ума и сердца.

Обратимся къ содержанію книжекъ, составившихъ начало выпущенной серіи. Начнемъ со сказокъ *Перро*, онѣ пользуются большою извѣстностью и не разъ, правда не всегда удачно, переводились на русскій языкъ. Поэтому понятно стремленіе новыхъ издателей дать хорошій переводъ извѣстныхъ сказокъ въ изящномъ и дешевомъ изданіи. И дѣйствительно, всѣмъ этимъ качествамъ вполне отвѣчаютъ разбираемыя книжки; но тѣмъ не менѣе мы не можемъ воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній, прежде всего принципиальнаго свойства. У насъ издавна сказки считаются специально дѣтскимъ чтеніемъ, онѣ пользуются большою любовью дѣтей, и родители и воспитатели придають имъ серьезное значеніе. Какъ извѣстно, всегда на первый планъ выдвигается значеніе сказокъ для развитія дѣтскаго воображенія и фантазіи. Конечно, эта способность человѣческаго ума имѣетъ немаловажную цѣнность. Умѣніе представить себѣ чужое горе и

радость, стать на мѣсто другого, понять его несчастье, почувствовать къ нему состраданіе и желаніе помочь—имѣютъ громадное нравственное значеніе, и развитію этихъ чувствъ, дѣйствительно, могутъ содѣйствовать хорошія нравственные сказки. Но бѣда въ томъ, что очень мало сказокъ, дѣйствительно хорошихъ, дѣйствительно полезныхъ для дѣтей.

Большинство дѣтскихъ сказокъ грѣшитъ двумя недостатками: во первыхъ, чрезвычайнымъ морализированіемъ и во вторыхъ, изображеніемъ торжества человѣческихъ пороковъ. Чтобы моральный элементъ сказки возымѣлъ свое дѣйствіе, необходимо предоставить ребенку самому сдѣлать заключеніе о томъ, что хорошо и дурно, чтобы выводъ не былъ ему навязанъ, а являлся бы вытекающимъ изъ *всей* сказки. И для цѣлей воздѣйствія на ребенка часто одна фраза можетъ быть цѣннѣе длинныхъ разглагольствованій. Въ сказкахъ часто изображаются дурные люди и описываются ихъ дурные поступки, весьма нерѣдко приводящіе тѣмъ не менѣе къ благополучію. Хитрость и обманъ—это обычные приемы дѣйствій героевъ сказокъ. Злость, зависть, кровожадность и т. п. встрѣчающіяся въ сказкахъ людскія свойства едва ли могутъ воздѣйствовать нравственно на дѣтей. Какую мораль можетъ вынести ребенокъ изъ чтенія напр. сказки «Мальчикъ съ пальчикъ». Главныя дѣйствующія лица: родители мальчика—рѣшающіеся на гибель своихъ дѣтей, безсердечные люди, которыхъ авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 110) называетъ тѣмъ не менѣе «добрые люди», и мальчикъ съ пальчикъ, который путемъ подслушванія, хитрости и обмана спасаетъ себя и своихъ братьевъ отъ смерти. Къ чему говорить дѣтямъ о совершенно неестественныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, какая польза можетъ быть отъ разсказа о томъ, какъ мальчикъ съ пальчикъ обманнымъ образомъ овладѣваетъ богатствами людоеда, укравъ ихъ у его жены, которая, незадолго передъ тѣмъ пріютивъ мальчика съ пальчика и его братьевъ, спасла ихъ отъ смерти. Какой моральный выводъ могутъ сдѣлать маленькіе читатели такой сказки, въ которой находимъ слѣдующую фразу: «Мальчикъ съ пальчикъ, нагруженный всѣми богатствами людоеда, вернулся въ отцовскій домъ, гдѣ его приняли съ большой радостью». Точно также весьма сомнительно нравственное вліяніе сказки «Синяя борода» о страшномъ и некрасивомъ человѣкѣ, убивавшемъ своихъ женъ. Къ числу отрицательныхъ сторонъ этой сказки, не говоря уже о самомъ сюжетѣ, нельзя не отнести и того, что младшей сестрѣ, подѣ вліяніемъ богатства въ домѣ «Синей бороды» и удовольствій, доставляемыхъ имъ для ея увеселенія, «борода хозяина начала казаться не такой уже синей, а онъ самъ очень любезнымъ господиномъ» (стр. 19), и она вышла за него замужъ. Это подчеркиваніе вліянія на людей богатства, повторяющееся снова на стр. 30, («оказалось, что у синей бороды не было наслѣдниковъ, тѣмъ что жена его стала владѣтельница всѣхъ его богатствъ») не желательно. Къ чему знакомить дѣтей съ тѣми человѣческими пороками, которые находятся внѣ сферы ихъ дѣтскихъ наблюденій? Вотъ почему мы исключили бы изъ разбираемаго сборника двѣ сказки: «Синяя борода» и «Мальчикъ съ пальчикъ».

Въ заключеніе укажемъ еще на нѣкоторыя мелкія погрѣшности: въ сказкахъ попадаются фразы, которыя дѣтямъ могутъ быть совсѣмъ не понятны или въ дѣтской книгѣ неумѣстны. Напр.: «ихъ (родителей) огорчало еще и то, что самый младшій былъ очень слабенькій и не

говорил ни слова, они глупостью считали то, что было признакомъ большаго ума». Конечъ не вполне соотвѣтствуетъ началу. (Мальчикъ съ пальчикъ стр. 102), или на стр. 110: «онъ (отецъ) былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ женъ, говорящихъ всегда правду, но находятъ несносными тѣхъ, которые считаютъ себя всегда правыми».—Принцесса проснулась и, посмотрѣвъ на принца болѣе нѣжно, чѣмъ это слѣдовало для перваго знакомства, сказала ему (Спящая красавица, стр. 46). Въ другомъ мѣстѣ: «хотя красота большое преимущество для молодой особы.» (Ризъ-хохолъ, 90)—«Красота, продолжалъ Ризъ-хохолъ,—такое большое преимущество, что оно можетъ замѣнить собой все остальное, и я не понимаю, какъ можетъ грустить тотъ, кто ею обладаетъ» (стр. 92). Намъ думается, что такія фразы въ дѣтской книгѣ совершенно нежелательны.

Сказки: «Пушокъ и пушinka» и «Козочка господина Сегена» должны быть признаны весьма удачными, онѣ вполне пригодны для дѣтей младшаго возраста, притомъ переведены и изданы прекрасно. Что же касается до сказки Рюдберга о маленькомъ Виггѣ и приключеніяхъ его во свѣ, то и ее можно было бы сопроводить такой же характеристикой, если-бы не одинъ недостатокъ, портящій эту въ общемъ хорошую сказку. Авторъ ей иногда забываетъ, что онъ предназначаетъ свою сказку для дѣтей и свой рассказъ пересыпаетъ намеками и иносказательными замѣчаніями, которыя опять таки или совершенно будутъ непонятны дѣтямъ или, что хуже, совершенно неумѣстны въ дѣтской сказкѣ. Приведемъ примѣры: Виггъ въ одномъ мѣстѣ среди рождественскихъ украшеній, увидалъ фальшивые локоны и фальшивыя косы, и имъ онъ удивился больше всего.—«Это что такое?»—спросилъ онъ.—«Это для рыбной ловли,—сказалъ дѣдъ и подмигнуть (!) однимъ глазомъ.—Этимъ снарядомъ *барышни ловятъ рыбу*» (?) (стр. 19). Затѣмъ въ рассказѣ имѣются еще нѣкоторые сатирическіе намеки, которые для дѣтей совершенно пропадутъ (см. стр. 20, 21 и 22). Укажемъ еще на отдѣльныя неудачныя выраженія (стр. 5): «Виггъ подошелъ къ камину, гдѣ еще лежало въ золѣ немного потухающаго жару», «она радовалась на его веселый характеръ» (стр. 29).—Но, повторяемъ, за этими малыми исключеніями, содержаніе, переводъ, рисунки и внѣшній видъ книжекъ гг. Лавровой и Попова весьма привлекательны и заслуживаютъ рекомендаціи.

Въ слѣдующій разъ мы познакомимъ читателей съ остальными вышедшими книжками симпатичной «Библиотеки нашихъ дѣтей».

А. Острогорскій.

Книги, поступившія въ редакцію.

П. Житецкій. Очерки изъ исторіи поэзіи (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). Кіевъ 1898 г. Ц. 1 р.

Его же. Теорія поэзіи. Кіевъ 1898 г. Ц. 1 р.

М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII вв.). Изд. Археологической комиссіи. Спб. 1898.

Списокъ книгъ, разрѣшенныхъ къ употребл. въ низшихъ училищахъ Ученымъ Комит. М. Н. Пр. Январь 91 г.—Августъ 95 г. (Изданіе неофициальн.) Тверь 1895 г. Ц. 15.

П. И. Кедровъ. Современная постановка, вопросовъ по постройкѣ дешевыхъ жилищъ въ Зап. Европѣ, Америкѣ и Россіи. 1898 г. Москва.

Его же. Вліяніе жилищъ на заботливость, продолжит. жизни и нравственность рабочаго населенія. Москва Ц. 40 к.

Александръ Смѣловъ. Аскетъ и др. рассказы. Ц. 60 к. Спб.

Отчетъ о воскресныхъ и вечернихъ классахъ, устр. при училищахъ М. Н. П. Аккерманскаго уѣзда, Бесар. губ. за 1897—8 уч. г. Аккерманъ 1898 г.

В. Яромкинъ. Письма идеалиста. Письмо 1.

М. Павловичъ. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1899.

Вересаевъ. Очерки и рассказы. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Собр. сочиненій **Марко Вовчка** 1—5 том. Саратовъ. Изд. книжн. магаз. Саратовск. Дневн.

Р. Ределинъ. Руководство къ развед. шампиньоновъ, сост. по нов. научн. и практ. даннымъ съ 25 рис. въ текстѣ. Ц. 50 коп., съ пер. 60 к. Спб. Изд. А. Ф. Маркса.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ химіи и астрономіи сост. кружкомъ преподавателей. Вып. III. (Съ 7 портретами и 57 черт.). М. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.

Е. Швидченко. (В. Быстровъ). Рождественская елка. Ея происхожденіе, смыслъ, значеніе и программа. (Съ нотнымъ приложеніемъ) Спб. 1898. Ц. 25 к.

Отчетъ Совѣта Общества попеченія о нач. образованіи въ г. Красноярсѣ за 1896—7 годъ. Красноярскъ. 1898 г.

П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ. Біогр. очеркъ. Изд. ж. «Жизнь». Спб. 1898.

25-ти лѣтіе Зарайскаго реальнаго училища (1873—1898) Историч. записка сост. П. Никульцевъ, директ. означ. училища. Зарайскъ. 1898.

Краткое руководство къ изготовленію картинъ для волшебнаго фонаря. Сост. Комиссіей при учебн. отдѣлѣ Моск. Музея прикл. знаній подъ ред. А. Гартвига. Ц. 25. М. 1898.

Соч. **К. К. Случевского**, въ 6 т. in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполн. гелиографурой. Спб. Изд. А. Ф. Маркса 1898.

П. А. Гасселькусъ. Очерки промысловъ Россіи. Спб. 1899.

Адамъ Мицкевичъ и его соврем. обличители. Спб. 1897.

Взгляды **Н. А. Милютина** на учебное дѣло въ Ц. Польскомъ. Очерки Людовика Страшевича. (Перев. съ польскаго) Спб. 1897.

А. Е. Алекторовъ. Уроки русской грамматики. Синтаксисъ. Посobie для родителей и препода. элементарныхъ школъ. 3 изд. Оренбургъ. 1898

Его же. Киргизская хрестоматія. Оренбургъ 1098 г. часть I Ц. 25 к.

П. К. Энгельмейеръ. Техническій итогъ XIX-го вѣка. М. 1898 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

«Библиотека Дѣтскаго Чтенія». Два таланта. Повѣсть **И. Н. Потапенко**. Съ рисунками **В. М. Андреева** и **Θ. Θ. Бондаренко**. М. 1898. Путь. Изъ исторіи малень. мальчика, Поля Виктора Маргерить. Переск. съ фр. **Е. Н. Тихомировой**. Ц. 35 к.—Исторія цивилизаціи отъ древнѣйшаго до нашего времени. **Г. Дюкурэ**. т. I. Перев. съ фр. **А. А. Позенъ** подъ ред. **Д. А. Коропчевскаго**. Со многими рисунками въ текстѣ М. 1898 г. Ц. 1 р.—Подъ открытымъ небомъ. Стих. **Ив. А. Бунина**. М. 1898.—Золотые дни, рассказы и сказки **Е. С. Баранцевича** Ц. 75 к.

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ нов. времени. Ч. II. Культурное состояние общества въ концѣ среднихъ вѣвовъ. Вып. II. Изд. 2 Спб. 1898.

Собрание сочиненій **Каронина** (**Н. Е. Петропавловскаго**), съ портр. факсимиле и биогр. очеркомъ. Рассказы **А. А. Попова**. Изд. **К. Солдатенкова**. 2 т. Ц. 3 р. М. 1898

Л. Конъ д-ръ. Произвольное вліяніе на полъ потомства пер. съ нѣм. Одесса. Ц. 25 к. 1899.

Б. Б. Сборникъ образцовъ диктанта, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей. Ц. 80 коп. Рига 1898.

Д. Тиндаль. Устройство Вселенной, пер. съ англ. **П. А. Федорова** Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

А. Ваккаро. Эволюція любви, пер. съ итальянск. **Н. Федоровой** Спб. 1898. Ц. 25 к.

Жорво. Женское образованіе въ Америкѣ пер. съ франц. Ц. 20 к. Спб. 1898.

И. Шерръ. Переселеніе народовъ, пер. съ нѣмецк. **М. А—вой**. Спб. 1898. Ц. 20 к.

А. Д. Коровкинъ. Описаніе Череповецкаго уѣзда Новгородъ 1898. Ц. 20 к.

— Отчетъ общества взаимнаго вспомошествованія учителямъ и учительницамъ Нижегородской губ. съ 1 Мая 1896 г. по 1 Января 1898 г.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Самарской губерніи за 1897—8 годъ. Вып. II. Изд. Самарской губернской Земской Управы. 1898. Самара.

Журнальное обозрѣніе.

(Разсказы Чехова: «Человѣкъ въ футлярѣ», «Крыжовникъ» и «О любви»).

Чеховъ не принадлежитъ къ числу писателей, выдумывающихъ хитро-сплетенныя фабулы и обращающихся съ своими дѣйствующими лицами, какъ шахматисты съ своими фигурами при составленіи сложныхъ шахматныхъ задачъ, онъ не принадлежитъ также къ числу писателей, рисующихъ людей, какъ добавленіе къ той или другой обстановкѣ, будь то берегъ неаполитанскаго залива или отдѣльный кабинетъ ресторана, къ числу писателей, напоминающихъ «художниковъ» модныхъ журналовъ, которые сперва рисуютъ скюртку или кофту, а затѣмъ уже приставляютъ къ нимъ мужскую или женскую голову. Чеховъ относится къ числу писателей *одумчивыхъ*, писателей, углубляющихся въ обыкновенныя явленія жизни. Взоръ Чехова проникаетъ въ глубь явленія, въ глубь души каждаго самаго обыкновеннаго человѣка. Чеховъ улавливаетъ внутреннюю связь явленій, ускользящую отъ обычнаго поверхностнаго взгляда; онъ постигаетъ самый страшный трагизмъ, трагизмъ обыденной жизни; Чеховъ, однимъ словомъ, принадлежитъ къ той школѣ писателей, родоначальникомъ которой въ Россіи является великій Гоголь.

Сродство съ Гоголемъ замѣтно и въ трехъ послѣднихъ, какъ всегда маленькихъ, разсказахъ Чехова, помѣщенныхъ въ июльской и августовской книжкахъ журнала *Русская Мысль*.

«Человѣкъ въ футлярѣ» прямо напрашивается на сопоставленіе съ гоголевской «Шинелью». Акакій Акакіевичъ не менѣе, чѣмъ чеховскій Бѣликовъ можетъ быть названъ «человѣкомъ въ футлярѣ». У обоихъ душа закутана въ оболочку, почти непроницаемую для вліяній окружающей дѣйствительности, у обоихъ нѣтъ въ сущности почти никакой внутренней жизни, невысказанной безъ внѣшнихъ раздраженій. Оба живутъ до тѣхъ поръ, пока отъ какого-нибудь неожиданнаго потрясенія не прорвутся ихъ футляры, и на ихъ заморенныя души не пахнутъ тепломъ или холодомъ окружающей дѣйствительности. Слабый огонекъ жизни гаснетъ, и «человѣки въ футлярахъ» умираютъ.

Принадлежа къ одному и тому же виду, Акакій Акакіевичъ и Бѣликовъ въ предѣлахъ его являются однако двумя наиболѣе другъ отъ друга отдаленными разновидностями. Разновидность Акакіевъ Акакіевичей сравнительно безобидна, разновидность Бѣликовыхъ чрезвычайно зловредна. Акакіи Акакіевичи до того безжизненны, до того автоматичны, что въ нихъ отсутствуетъ даже чувство самосохраненія, они не могутъ вредить обществу активно, они, конечно, все же вредны, но вредны лишь какъ ненужные привѣски, затрудняющія общественное движеніе впередъ. У Бѣликовыхъ же мертво все, кромѣ чувства самосохраненія, проявляющагося въ уродливомъ, въ бессмысленномъ видѣ. Акакіи Акакіевичи наводятъ на живыхъ людей уныніе, Бѣликовы кромѣ

того гнетутъ ихъ и даже какъ бы властвуютъ надъ ними, принуждая наиболѣе слабыхъ запасаться футилярами. «Человѣки въ футилярахъ» чаще всего встрѣчаются среди чиновниковъ, для чиновничьей среды они болѣе всего типичны. Акакій Акакіевичъ и Бѣликовъ оба—чиновники, первый чиновникъ совсѣмъ безобидный, чиновникъ департаментскій, всю жизнь скрипящій перомъ надъ ненужными бумагами, второй—чиновникъ вредный, чиновникъ-учитель, превращающій живое дѣло обученія въ сухой, мертвящій душу формализмъ.

Бѣликовы умерщвляютъ юныя души учениковъ не только непосредственно, но и черезъ другихъ учителей, обладающихъ, повидимому, живой душой. Бѣликовыхъ слушаютъ, Бѣликовыхъ боятся...

«Мы учителя боялись его», говоритъ про Бѣликова его сотоварищ Буркинъ. «И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣкъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ»...

Откуда же этотъ страхъ передъ подобными полу-мертвецами, полу-автоматами? Неужто въ нихъ скрыта какая-нибудь особенная сила? Конечно, нѣтъ. Дѣло не въ силѣ Бѣликовыхъ, а въ условіяхъ жизни, въ условіяхъ, къ которымъ легче всѣхъ остальныхъ приспособляются мертвецы и автоматы, дѣло въ томъ общемъ футилярѣ, куда запрятана жизнь всей той среды, въ которой вращаются Бѣликовы и Акакій Акакіевичи.

«А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣсотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футиляръ?» говоритъ ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ. «А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ и глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футиляръ?»

Этотъ общественный футиляръ поддерживается не одними только Бѣликовыми и Акакіями Акакіевичами, человѣками, хотя и мелко, но все же въ концѣ концовъ несчастными, онъ еще болѣе поддерживается людьми мелко довольными и счастливыми, вродѣ героя «Крыжовника»: Николая Ивановича Чимшы-Гималайскаго. Николай Ивановичъ—сынъ офицера, выслужившагося изъ кантонистовъ. Дѣтство онъ провелъ въ имѣніи отца, проданномъ впослѣдствіи за долги. Съ 19 лѣтъ онъ вынужденъ былъ служить въ казенной палатѣ. Переписывая ненужныя бумаги, онъ постоянно мечталъ о приобрѣтеніи имѣнія, о деревенской жизни со всѣми ея удобствами. Ему рисовались пруды съ уточками, чай съ густыми сливками и въ особенности кусты, покрытые спѣлымъ крыжовникомъ. Мечта засѣла ему въ голову крѣпко. Онъ сталъ копить и ради сбереженія лишней копѣйки не доѣдалъ, не допивалъ, одѣвался, какъ нищій. Женился онъ на старой, некрасивой вдовѣ только потому, что у ней

былъ небольшой капиталецъ. Жену онъ держалъ вѣроголодь и сначала заморилъ, а потомъ и уморилъ. Явилась возможность осуществить давнишнюю мечту. Имѣніе, наконецъ, куплено, желанный кружовникъ посаженъ. Помѣщичья жизнь не обманула ожиданій Николая Ивановича. Она пришлось ему вполне по вкусу. Изъ «робкаго бѣдняка-чиновника» онъ превращается въ настоящаго «добраго барина». Много кушаетъ, моется въ банѣ и «благодѣтельствуеетъ» окружающимъ мужикамъ. Потравъ онъ имъ, разумѣется, не прощаетъ, но за то лѣзится отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, а въ день своихъ именинъ послѣ благодарственнаго молебна выставляетъ имъ полведра водки. Выѣстѣ съ тѣмъ онъ приобретаетъ собственные взгляды, взгляды добраго барина: «образование необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнимы». Благополучію Николая Ивановича не мало способствуетъ и умѣнье вѣрно оцѣнить свою связь съ народомъ.

«Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться»—говоритъ онъ съ знаніемъ своего достоинства.—«Меня народъ любитъ. Стоитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу».

Кульминаціоннымъ пунктомъ помѣщичьяго благополучія Николая Ивановича былъ торжественный моментъ, когда ему принесли тарелку его собственнаго крыжовника, собраннаго впервые послѣ посадки кустовъ.

«Николай Ивановичъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами,—онъ не могъ говорить отъ волненія, потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который, наконецъ, получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

— Какъ вкусно!

И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, тѣмъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ».

Видъ этого довольнаго человѣка вызываетъ брата его Ивана Ивановича на размышленія, замѣчательныя по своей простотѣ и глубинѣ.

...«Какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмущенъ. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо,

чтобы за дверью каждаго довольнаго счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, страстется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину—и все обстоитъ благополучно».

Такихъ смѣло можно сказать проникновенныхъ строкъ немного не только въ произведеніяхъ Чехова, но и вообще въ русской литературѣ.

Вообще всѣ три послѣдніе разсказа Чехова вылились у него, видимо, въ хорошую минуту нравственнаго вдохновенія. Оно чувствуется и въ наименѣ интересномъ изъ нихъ, въ разсказѣ «О любви», оно чувствуется въ тѣхъ нѣсколькихъ словахъ, которыми авторъ отъ лица своего героя-рассказчика резюмируетъ свой взглядъ на любовь.

«Я понялъ, что, когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Эти слова въ сущности также высоко нравственны, какъ и основное положеніе Нитше: «Дѣлай все, что желаешь, но *сперва научись желать!*»

Мерзость обыденной жизни происходитъ не отъ того, что люди предоставляютъ свободу своимъ чувствамъ и желаніямъ, а оттого, что эти чувства и желанія ничтожны и дряблы. Безнравственны не тѣ, которые явно и сильно жаждутъ, чувствуютъ и любятъ, а тѣ, которые живутъ въ футлярахъ или довольствуются удобствами помѣщицкой жизни.

В. Поссе.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра постановлено:

— Книги: 1) «Учебникъ латинской этимологіи съ хрестоматіей, вокабуляріемъ и словаремъ. Курсъ II класса гимназій. Составилъ, сообразно съ программой 1890 года, М. Быстровъ, преподаватель Вологодской гимназій. С.-Пб. 1897. VIII+258+131. 1 р. 10 коп. — 2) Учебникъ латинской этимологіи. Приложенія (хрестоматія и вокабулярій для третьяго класса гимназій и указатель мѣстъ, заимствованныхъ въ хрестоматіи изъ клас-

сическихъ авторовъ). Составилъ, сообразно съ программю 1890 года, М. Быстровъ. С.-Пб. 1897. 78+32. 35 коп.» — одобрить первую какъ учебное руководство для мужскихъ гимназій и прогимназій, а вторую какъ учебное пособие для тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Пособія къ чтенію греческихъ и латинскихъ авторовъ, издаваемыхъ по Крафту и Ранке, подъ редакцію Г. Данненберга и В. Срътенскаго. Выпускъ 2-й. С. Iulii Caesaris de bello Gallico liber III. Обработалъ В. Феттерлейнъ, преподаватель Рижской городской гимназіи. Рига. Изданіе Н. Киммеля. 1898. 48. 30 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособия для мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книжку: «Треворъ Бетти. Во льдахъ и снѣгахъ. (Путешествіе на островъ Колгуевъ). Переводъ съ англійскаго А. Филиппова. (Съ 13 рисунками и картою), С.-Пб. 1897. (Полезная бібліотека. Ежемѣсячное приложение къ журналу «Природа и люди». Книга 10-я, за августъ 1897 г.). Стр. 212. Цѣна не обозначена»,—одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, а также для городскихъ бесплатныхъ народныхъ читаленъ и бібліотекъ.

— Книгу: «Краткій учебникъ зоологій для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ по новой программѣ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ А. Мялицынъ. Преподаватель С.-Пб. учительскаго института, реальнаго училища Я. Г. Гуревича и женской гимназіи Э. П. Шаффе. Съ 180 рисунками. С.-Пб. 1898. 7+208. 90 коп.»—допустить къ употребленію въ качествѣ руководства въ реальныхъ училищахъ и учительскихъ институтахъ.

— Книжки, подъ общимъ заглавіемъ: «Жизнь замѣчательныхъ людей—Биографическая бібліотека Ф. Павленкова: 1) А. Д. Кантемиръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго. Съ портретомъ Кантемира, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1893. 96. 25 коп.—2) П. А. Ѳедотовъ. Его жизнь и художественная дѣятельность. Биографическій очеркъ Л. К. Дмитріева. Съ портретомъ Ѳедотова и 15-ю снимками съ его произведеній. С.-Пб. 1893. 78. 25 коп.»—допустить первую въ ученическія, средняго и старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни, а вторую—въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Периодическое изданіе: «Русская школа, Общепедagogическій журналъ для школы и семьи, издаваемый ежемѣсячно подъ редакціей Я. Г. Гуревича. С.-Пб. 7-й годъ изданія, 1896. Январь по декабрь. (№№ 1—12, въ десяти книжкахъ). 8-й годъ изданія, 1897. Январь по декабрь. (№№ 1—12, въ девяти книжкахъ),—одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ, а равно и для учительскихъ бібліотекъ городскихъ училищъ.

— Книгу: «С. Е. Медринъ. Русскій воинъ. М. 1898. Стр. VIII нумерованныхъ+336. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки, младшаго и средняго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній, а также городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

— Книгу: «Мои воспоминанія. Академика ѳ. И. Буслаева. Съ портретомъ автора. Изданіе В. Г. фонъ-Бооля. М. 1897, VIII+387. 1 руб. 50 к.»—
№ 10. Отд. II. 6

рекомендовать для фундаментальных и ученических, старшего возраста библиотек средних учебных заведений, для библиотек учительских институтов и семинарий, а также и для бесплатных народных читален и библиотек.

— Издание: «Родословная таблица домовъ Рюрика и нынѣ царствующаго Романовыхъ въ связи между собою и съ показаніемъ княжескихъ фамилій, ведущихъ родъ свой отъ Рюрика. Г. Мещериновъ. Казань. 1898. Цѣна 40 коп.» — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго народнаго просвѣщенія, утвержденными г. временно-исполняющимъ обязанности товарища министра, постановлено:

— Книжку: Д. Мартыновъ. Русскій грамотѣй. I. Азбука-скороучка, вмѣстѣ съ методикою обученія грамотѣ. Изданіе 5-е, тщательно исправленное. М. 1896. 41. 10 коп.—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книжку: «П. Ершовъ. Конекъ-горбунокъ. Русская связка. Изданіе 17-е, перепечатанное безъ перемѣнъ съ такового же 15-го изданія, одобреннаго особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1898. 128. 20 коп.—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку. «Подпасокъ. Разсказъ. М. Д. Смирнова. Изданіе 3-е, М. Кюкина. М. 1897. 31. 40 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)»—допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: «Н. М. Ершенико. Уроки класнаго и хороваго пѣнія. Учебникъ и музыкальная хрестоматія. Курсъ элементарной теоріи пѣнія по общедоступному способу обученія. Изданіе 3-е, Распопова въ Одессѣ. Одесса. Стр. 39. 35 коп.»—допустить къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ пособія при обученіи пѣнію.

— Брошюры, изданныя М. Кюкинымъ: 1) «И. Смирновъ. Деревенская школа. Разсказъ съ рисунками. М. 1898. 70. 20 коп. («Добрыя души». Чтеніе для дѣтей и для народа).—2) «М. Васильевъ. I. На шалыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. Два разсказа съ 6-ю рисунками. № 9. М. 1898. 30. 5 коп. («Добрыя души». Чтеніе для дѣтей и для народа)»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «На память дѣткамъ. Разсказы и стихотворенія Н. М. Познякова, съ 80-ю рисунками Т. И. Никитина и др. (2-е изданіе книги «Дѣтскій праздникъ», значительно измѣненное и дополненное). С.-Пб. 1894. Изданіе М. Ледерле. IV + 220. 2 р. (въ переплетѣ и съ золотымъ обрѣ-

зомъ)»—одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Брошюру: «Есть рабочему человеку. I. Бесѣда о трудѣ. Мисаи Л. Москва. 1898. 68 коп.» — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни:

— Брошюру: Маленькимъ друзьямъ. Сборникъ мелкихъ рассказовъ для начинающихъ читать. Составилъ Б. Н. Гицъ. Книжка 1-я. С.-Пб. 1898. 32. 10 коп.—допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: «В. Колокольниковъ. Церковно-славянскій словарь для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтири и Часослова. М. 897. 57. 10 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Журналь: Дѣятель. 897. №№ 88—92, январь по декабрь. Казань. Подписная цѣна за годъ 2 р.—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюры, изданныя Харьковскимъ издательскимъ комитетомъ при обществѣ грамотности: 1) № 45. Отецъ Наркиссоъ, рассказъ Биеласа и Дядя Иванъ. Харьковъ. 1897. 32. 5 коп.—2) № 10. О шелкѣ.—3) № 48. Народный дворецъ, передѣлано Ю. С. изъ романа: Тайна богатой наслѣдницы». Харьковъ. 1897. 94.—4) № 46. О томъ, какія сельскія повѣрья и обычаи въ особенности вредны. Профессора Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1897. 30. 1½ к.—5) № 41. Страшная смерть невиннаго человека. Быль. В. Вересаева. Харьковъ. 1896. 76. 4 коп.—6) «№ 44. Маленькіе странствующие итальянцы въ Англіи. Переводъ съ англійскаго. Харьковъ. 1896. 48».—7) № 24. Желѣзныя дороги 1/2.—8) № 34. Сестра Катерина 1/2.—9) № 20 Прекрасная Нивернеза».—10) № 37. Друзья.—11) № 38. Дѣвч. о Оссаясская—12) № 16. Очерки изъ американской жизни. Э. Н. Харьковъ. 1893—32—13) № 21. Добрые люди стараго времени на Руси. Историческій очеркъ. С. Р. Харьковъ. 1894. 28».—14) № 35. Карлъ Великій. (Посвящается Г. А. Р.). С. Р. Харьковъ. 1895. 45—первую и вторую одобрить для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, народныхъ библиотекъ и читаленъ и для народныхъ чтеній; третью и четвертую допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ, въ народныя библиотеки и читальни и для народныхъ чтеній; пятую—допустить въ учительскія библиотеки низшихъ училищъ и въ народныя библиотеки и читальни; шестую, седьмую и восьмую допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ въ народныя библиотеки и читальни и для народныхъ чтеній; девятую, десятую и одиннадцатую допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ народныя библиотеки и читальни; двѣнадцатую, тринадцатую и четырнадцатую въ тѣ же библиотеки, а равно и для народныхъ чтеній.

— Книгу: «А. Преображенскій. Букварь для обученія письму и чтенію Книга для чтенія. Церковно-славянская азбука. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное (иллюстрировано). М. 1898. 95. 20 к.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: Методика русской грамоты и начальныхъ упражненій въ

русскомъ языкѣ Н. Страхова. Харьковъ. 1893. 176. 1 руб.—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства, для употребленія въ дополнительныхъ педагогическихъ классахъ женскихъ гимназій, для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библиотекъ начальныхъ народныхъ школъ.

— Книгу: «Поднебесный аудъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ Кавказскихъ былей. Вас. Ив. Немировича-Данченко. Съ 27 рис. художника К. Чичагова. Изданіе редакціи журнала «Дѣтское чтеніе». М. 1898. 267 75 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Брошюру: «Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Изданіе редакціи журнала «Досугъ и Дѣло». Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. 64. Цѣна не обозначена.—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книжку: «Времена года. Географическія картинки Д. А. Королчевскаго. Съ 20 рис. (Библиотека «Дѣтскаго чтенія»). М. 1898. 136. 45 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Ө. В. Виноградовъ. Историческая записка о Курмышскомъ городскомъ училищѣ. Симбирскъ. 1897. 182. 1 руб.»—допустить въ учительскія библиотеки городскихъ училищъ Казанскаго учебнаго округа.

— Сочиненія А. Александрова, изданныя А. Я. Панафидинымъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и тѣмъ занимается?»—1) «Жители лѣсной полосы. Чтеніе для народа, избрано комиссіею къ напечатанію изъ числа чтеній для народа, произнесенныхъ въ Солянскомъ городѣ. Изданіе 4-е. М. 1896. 31.»—2) «Благодатный край (Малороссія). М. 1898. 32. 10 к.»—3) «Крымъ (Таврической полуостровъ). М. 1898. 48. 10 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненія Клавдіи Лукшевичъ: 1) «Ясное солнышко и другіе повѣсти и рассказы для дѣтей средняго возраста. М. 1898. 263. 1 р. 25 коп.»—2) «Дядюшка-флейтистъ. Повѣсть. М. 1898. 63. 50 к.»—3) «Аксютка-нянька. Рассказъ. С.-Пб. 1897. 55. 50 коп. (Удостоено преміи С.-Петербургскаго фребелевскаго общества)»—одобрить для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній (первое и второе для средняго, а третье—для младшаго возраста), въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читателей и библиотекъ.

— Книжку: «Реа Галелодимъ, то-есть, Другъ дѣтей. Сочиненіе учителя Израила Левнера. Изданіе 3-е, исправленное. Екатеринбургъ. 1895. 74. Цѣна не обозначена»—допустить къ употребленію въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ (4-мъ) ея изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжку: «Н. К. Кабардинъ. Пчеловодная азбука. Съ рисунками. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. IV+106. 20 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книги: «Собраніе сочиненій Генрика Сенкевича. Полный переводъ Ф. В. Домбровскаго. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Югансона. Томъ I. Безъ догмата. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1897. Стр.

428.—Томы II и III. Повѣсти и рассказы. Кіевъ. 1894. Стр. 417+358.—Томъ IX. Семья Полаецкихъ. Романъ. Кіевъ. 1895. Стр. 628.—Томъ X. Письма изъ путешествій. Кіевъ. 1894. Стр. 440.—допустить въ обращенію въ городскихъ бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.

— Брошюры: «П. Мамаевъ. Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомяковъ, ласка, ежъ и кротъ. Изданіе 2-е, К. И. Тихомирова М. 1897. 31. 7 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры, составленныя Н. Н. Шелонскимъ и изданныя А. Я. Павафинимъ: 1) «Русское царство. Привольныя мѣста русской земли, великая рѣка Амуръ и Амурскій край. М. 1897. 29. 10 коп.»—2) «Золотая Сибирь. Что такое золото, гдѣ и какъ его добываютъ. М. 1898. 31, 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Сочиненіе: «Сквозь мракъ въ свѣту, или на разсвѣтѣ христіанства. (Повѣсть изъ временъ Нероноваго гоненія на христіанъ). Ф. В. Фаррара, въ изложеніи, съ англійскаго подлинника, Ф. Волгина. С.-Пб. 1897. Часть I, стр. 120; часть II, стр. 106. («Книжки иллюстрированнаго журнала «Русскій Паломникъ» на 1897 годъ, VI и VII») — допустить въ ученическія старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Иллюстрированный выпускъ: «Въ память франко-русскаго союза. Стр. 20. (Приложеніе къ журналу «Русскій Паломникъ» 1897 года. Книжка X-я). Цѣна 1 р.»—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюры и книжки, изданныя редакціею журнала «Досугъ и Дѣло». 1) «Подвиги Кавказской арміи. С.-Пб. 1897. Стр. 35.»—2) «Жизнь за царя Историческій рассказъ. С.-Пб. 1898. Стр. 33.»—3) «Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. С.-Пб. 1895. Стр. 16.»—4) «Михаилъ Дмитриевичъ Скобелевъ. С.-Пб. 1882. Стр. 50.»—5) «На Балканахъ. Военный эпизодъ. (А. Катенкамъ). Изданіе 2-е. С.-Пб. 1898. Стр. 35.»—6) «Насѣкомыя-Бабочки или чешуекрылыя. Съ рисунками. С.-Пб. 1897. Стр. 72»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжки, составленныя С. И. Шохоръ-Троцкимъ: 1) «Методика ариметики. Часть I, для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изданіе 3-е, вновь переработанное и существенно дополненное. С.-Пб. 1898: VII+243. 80 коп.»—2) «Ариметическій задачникъ для учениковъ. Вып. I (для одноклассныхъ начальныхъ школъ). Изданіе 5-е, пересмотрѣнное. С.-Пб. 1898. II+113. 20 коп.»—3) «Ариметическій задачникъ для учителей начальныхъ школъ. Вып. I (для одноклассныхъ школъ). Изданіе 3-е, печатанное [безъ измѣненій со 2-го исправленнаго и дополненнаго. С.-Пб. 1898. XVIII+164. 40 коп.—первую одобрить, въ качествѣ учебнаго руководства, для учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ; вторую одобрить, въ каче-

ствѣ учебнаго пособия, для употребленія въ начальныхъ училищахъ, третью допустить въ учительскія библіотеки тѣхъ же училищъ.

— Брошюрку: «О заразныхъ болѣзняхъ. Общепонятное наставленіе преимущественно для сельскихъ жителей. Составилъ врачъ Ф. Лавр. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1897. 49. 6 коп.»—одобрить для библіотекъ сельскихъ школъ, для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальни для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжку: «Зимнія сумерки. Рассказы, сказки и стихотворенія А. А. Федорова-Давыдова. Съ рисунками художниковъ Аванасьева. Липченко. Румянцева, Рамазановой и Николаева. М. 1898. (Библіотека «Скаго Чтенія»). 89. 35 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюрку: «О землетрясеніяхъ и горахъ огнедышащихъ. Чтеніе народа, составленное С. Г. Лапченко. Изданіе 2-е. С.-Пб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1889. 34. 10 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: «А. В. Кругловъ. Разныя рассказы для дѣтей школьнаго возраста. (2-е изданіе книги «Подарокъ на елку»). Съ рисунками. Москва. Изданіе М. В. Вьюкина. 143. 1 р.»—одобрить для ученическихъ, младшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читальни.

— Книжку: «Кричій, подполк. Полная справочная книга для молодыхъ людей при отбываніи ими воинской повинности по жеребью и на выборахъ вольноопредѣляющихся, а также для отбывшихъ уже воинскую повинность и желающихъ поступить на службу охотниками»—допустить библіотеки среднихъ и низшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Новый Свѣтъ (Америка) Е. Радаковой. Харьковъ. 1898. Изданіе Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности № 43. 128. 5 коп.»—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюрку: «Святоточные рассказы Н. И. Познякова. X. На волосахъ. С.-Пб. 1898. 16. 5 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «В. Колокольникова. Кавказъ. Изданіе А. Я. Панафиды. М. 1898. 80. 15 к.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

ЧВЛНН
ДЗ.
НАСТ
Б Ф. М
Я ОНО
ЧТН

ПХЛОТ
ЕВА.
ЮТЕМ
ЮТЕМ
МН ОЕ

У. ЧТН
ВН П
БС П
ОНО

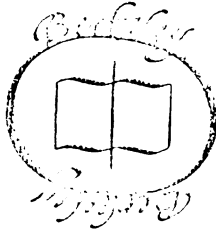
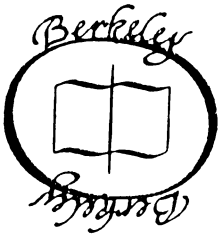
ОБРА
М. М
М. М
СЕН
УСБ

Д
П
М
П
В

О
О
О
О

О
О
О
О

О
О
О
О

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

1-month loans may be renewed by calling 842-3448
 1-year loans may be recharged by bringing the books to the Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

JAN 18 1985		
CIRCULATION DEPT.		
DEC 12 1989		
AUTO DISC NOV 02 1989		
OCT 01 2003		
AUG 20 2005		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY

FORM NO. DD6, 60m, 1/83

BERKELEY, CA 94720

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000334581

